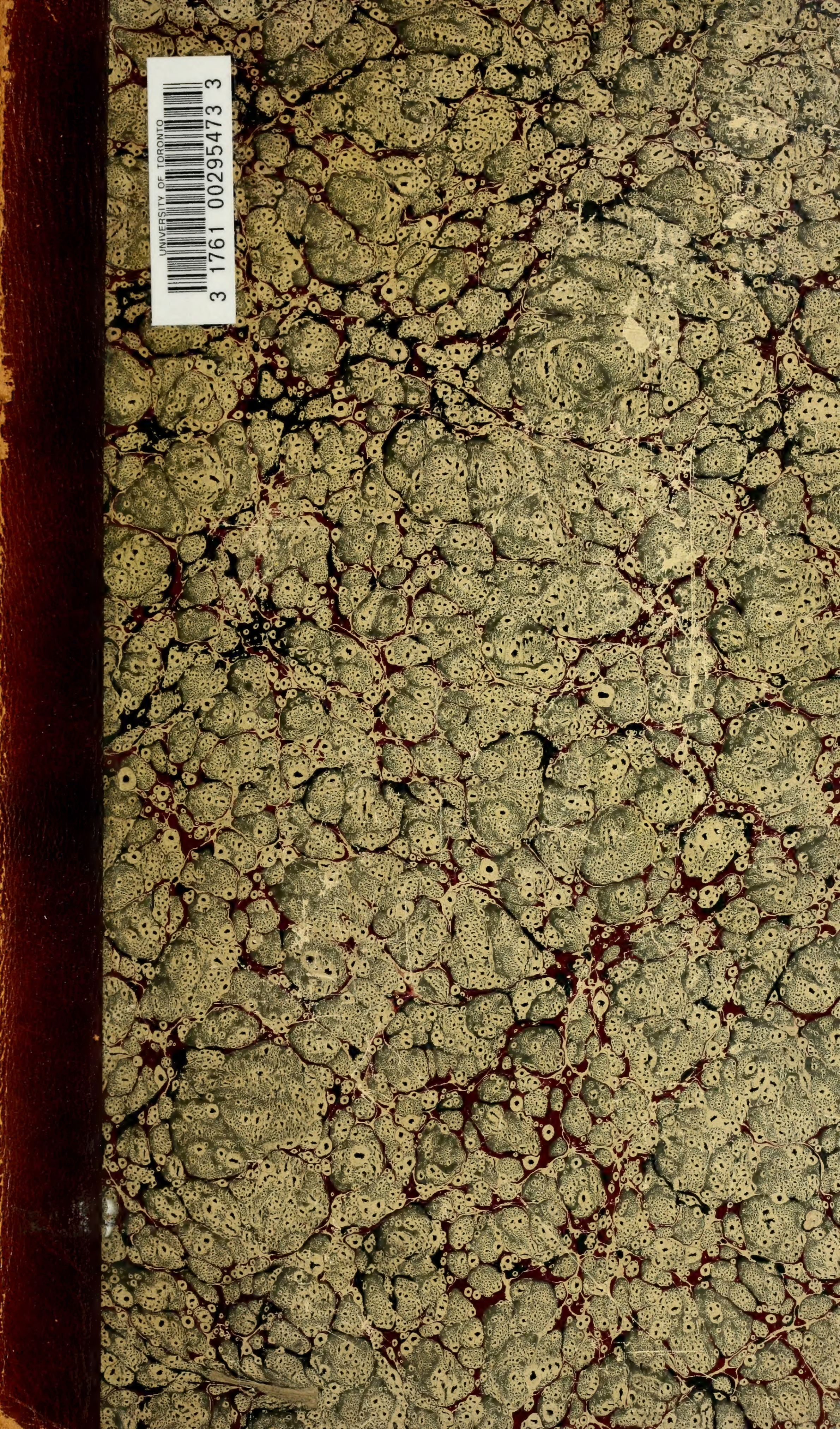

UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00295473 3

ЛОМОНОСОВЪ

СОЧИНЕНІЯ

М. В. ЛОМОНОСОВА

СЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМИ ПРИМѢЧАНІЯМИ

АКАДЕМИКА

М. И. СУХОМЛИНОВА.

ИЗДАНІЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1893.

LIBRARY
JUL 24 1963
UNIVERSITY OF TORONTO

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Во второмъ томѣ настоящаго изданія помѣщены стихотворенія Ломоносова съ 1752 до 1765 года, т. е. до послѣдняго года жизни автора. Какъ въ первомъ, такъ и во второмъ томѣ стихотворенія напечатаны въ томъ видѣ, въ какомъ явились они въ первомъ изданіи (editio princeps). Внимательное изученіе текста Ломоносова по рукописямъ и различнымъ изданіямъ убѣждаетъ въ необходимости строго держаться первоначальной редакціи. Первыя изданія стихотвореній Ломоносова представляютъ стройное цѣлое, обдуманное и провѣренное авторомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняющее свѣжесть перваго впечатлѣнія. Ломоносовъ слѣдилъ за изданіемъ своихъ стихотвореній, впервые появлявшихся въ печати; нерѣдко самъ держалъ корректуру; отпечатанные экземпляры раздавалъ по собственному выбору, и т. п. Многія изъ стихотвореній Ломоносова вышли вторымъ изданіемъ уже по смерти автора. Даже въ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, которыя вторично изданы при жизни автора, измѣненія ограничивались двумя-тремя варіантами. Такъ въ стихотвореніи, заключающемъ въ себѣ четыреста стиховъ, сдѣланы авторомъ, при второмъ изданіи, только въ двухъ стихахъ и то весьма незначительныя измѣненія. Всѣ варіанты, всѣ малѣйшія уклоненія отъ первоначальнаго текста, указаны нами при каждомъ стихотвореніи. Если же текстъ

подвергся болѣе существеннымъ перемѣнамъ, то стихотвореніе помѣщалось у насъ въ двухъ его видахъ — въ первой и во второй редакціи.

Вѣрность оригиналу мы соблюдаемъ и въ правописаніи — во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ печатаемъ или съ рукописи автора или съ печатнаго изданія, вышедшаго при его жизни. Ломоносовъ постепенно вырабатывалъ систему правописанія, и живые слѣды этой работы видны въ его стихотвореніяхъ, написанныхъ и напечатанныхъ имъ въ разное время. Разнообразіе, отсутствіе строгой послѣдовательности — явленіе, весьма естественное въ періодъ образованія литературнаго языка. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что и у Ломоносова встрѣчается: двоякое окончаніе одного и того же прилагательнаго — на *ый* и на *ой*; употребленіе то *г*, то *ъ* послѣ шипящихъ; колебаніе между *ѣ* и *е*, и т. п. Иногда это зависѣло и отъ требованій риѳмы: для соотвѣтствія съ предыдущимъ стихомъ, одинъ звукъ замѣнялся другимъ не только въ послѣднемъ, но и въ предпослѣднемъ слогѣ.

Объяснительныя примѣчанія, приложенныя къ стихотвореніямъ издаваемаго нами писателя, имѣютъ характеръ частію историческій, частію литературный.

Справедливо замѣчаютъ о Ломоносовѣ, что онъ — историкъ въ своихъ одахъ. Дѣйствительно, оды и другія стихотворенія Ломоносова находятся въ прямой связи съ историческою жизнію Россіи его времени, и многія черты въ нихъ подтверждаются вполнѣ достовѣрнымъ свидѣтельствомъ историческихъ памятниковъ.

Для оцѣнки произведеній Ломоносова въ литературномъ отношеніи необходимо имѣть въ виду особенности и пріемы творчества автора; матеріалы, бывшіе въ его распоряженіи; тѣ образцы, слѣдовать которымъ было въ тѣ времена обязательнымъ; тогдаш-

нее состояніе литературы вообще, и т. д. Руководствуясь этими соображеніями, мы старались, чтобы составляемыя нами примѣчанія могли служить нѣкоторымъ пособіемъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій о литературной дѣятельности Ломоносова.

Прилагаемый портретъ Ломоносова — фототипія съ гравированнаго портрета, описаннаго Д. А. Ровинскимъ въ его „Подробномъ словарѣ русскихъ гравированныхъ портретовъ“ (1889. Т. I. стр. 1014. № 12, III.)

При изданіи перваго тома мы назвали имена лицъ, оказавшихъ намъ свое просвѣщенное содѣйствіе. Считаемъ долгомъ выразить искреннюю признательность И. П. Хрущову, сообщившему намъ, для втораго тома, стихи Ломоносова, а также собственноручное его письмо. Приносимъ живѣйшую благодарность за содѣйствіе въ нашихъ разысканіяхъ сочленамъ нашимъ по Академіи наукъ: Н. Ѳ. Дубровину, А. П. Карпинскому и П. В. Никитину, и гг. библіотекарямъ Императорской Публичной Библіотеки: П. М. Болдакову, И. А. Бычкову, М. С. Куторгѣ и В. П. Ламбину.

Оглавленіе.

		стран.
	Предисловіе	III—V

1752.

I.	Надпись на иллюминацію въ день коронованія императрицы Елисаветы Петровны	1
	Примѣчанія, варіанты и приложенія	3—6
II.	Надпись на иллюминацію въ день тезоименитства императрицы Елисаветы Петровны	2
	Примѣчанія и варіанты	7—8
III.	Демофонтъ (трагедія)	3—77
	Примѣчанія	9—16
IV.	Надпись на иллюминацію въ день восшествія на престолъ императрицы Елисаветы Петровны	78
	Примѣчанія, варіанты и приложенія	17—20
V.	Ода на восшествіе на престолъ императрицы Елисаветы Петровны	79—87
	Примѣчанія и варіанты	21—26
VI.	Надпись на отъѣздъ императрицы Елисаветы Петровны изъ Санктпетербурга въ Москву	88

		СТРАН.
	Примѣчанія	27—28
VII.	Надпись на иллюминацію на новый 1753 годъ	89
	Примѣчанія, варіанты и приложенія	29—32
VIII.	Письмо о пользѣ стекла	90—103
	Примѣчанія, варіанты и приложенія	33—61

1753.

IX.	Надпись на иллюминацію въ день коронованія императрицы Елисаветы Петровны . .	104
	Примѣчанія, варіанты и приложенія	62—65
X.	Надпись на оказаніе высочайшей милости .	105
	Примѣчанія	66—68
XI.	Надпись на день тезоименитства императрицы Елисаветы Петровны	106—107
	Примѣчанія и варіанты	69—73
XII.	Надпись на день восшествія на престолъ императрицы Елисаветы Петровны	108—109
	Примѣчанія и варіанты	74—77
XIII.	Надпись на день рожденія императрицы Елисаветы Петровны	110—111
	Примѣчанія, варіанты и приложенія	78—83
XIV.	Надпись на новый 1754 годъ	112—113
	Примѣчанія	84—85
XV.	На изобрѣтеніе роговой музыки	114
	Примѣчанія, варіанты и приложенія	86—92

1754.

XVI.	Надпись на день коронованія императрицы Елисаветы Петровны	115
	Примѣчанія и варіанты	93—96

		СТРАН.
XVII.	Надпись на иллюминацію въ день тезоименитства императрицы Елисаветы Петровны	116
	Примѣчанія, варіанты и приложенія.	97—103
XVIII.	Ода на рожденіе великаго князя Павла Петровича	117—125
	Примѣчанія и варіанты	104—112
XIX.	Надпись на рожденіе великаго князя Павла Петровича	126
	Примѣчанія и варіанты	113—115
XX.	Надпись на маскарадъ въ домѣ Ив. Ив. Шувалова	127
	Примѣчанія	116
XXI.	Надпись на иллюминацію у графа Петра Ивановича Шувалова	128
	Примѣчанія и варіанты	117—120
XXII.	Надпись на празднество у графа М. Л. Воронцова по случаю рожденія великаго князя Павла Петровича	129
	Примѣчанія	121—123
XXIII.	Надпись на день восшествія на престолъ императрицы Елисаветы Петровны	130
	Примѣчанія и варіанты	124—126
XXIV.	Надпись на новый 1755 годъ	131
	Примѣчанія, варіанты и приложенія	127—135

1755.

XXV.	Стихотвореніе по поводу спора объ окончаніи именъ прилагательныхъ.	132
	Примѣчанія и приложенія.	136—139
XXVI.	Эпиграмма на Тредьяковскаго	133
	Примѣчанія	140—141

СТРАН.

XXVII. Эпиграмма на Елагина. 134
Примѣчанія. 142—144

1756.

XXVIII. На Фридриха, короля прусскаго, соч. Вольтера. 135—136
Примѣчанія, варіанты и приложенія . . . . 145—157

1757.

XXIX. Гимнъ Бородѣ . . . . 137—140
Примѣчанія, варіанты и приложенія . . . . 158—182
XXX. Стихотвореніе по поводу нападокъ на Гимнъ Бородѣ. 141
Примѣчанія и варіанты . . . . 183—186
XXXI. Зубницкому 142
Примѣчанія и варіанты . . . . 187—188
XXXII. Надпись къ ракѣ Св. Димитрія Ростовскаго. 143
Примѣчанія . . . . 189—191
XXXIII. Надпись на новое строеніе Сарскаго села. . 144
Примѣчанія . . . . 192—193
XXXIV. Ода на день рожденія императрицы Елисаветы Петровны и на рожденіе великой княжны Анны Петровны . . . . 145—151
Примѣчанія . . . . 194—203
XXXV. Надписи на конное изображеніе императрицы Елисаветы Петровны 152
Примѣчанія . . . . 204—208

1758.

XXXVI. Переводъ оды Бока на коронованіе императрицы Елисаветы Петровны . . . . 153—156
Примѣчанія, варіанты и приложенія . . . . 209—226

стран.

1759.

XXXVII. Стихи на Петровъ день. 157
Примѣчанія 227
XXXVIII. Злобное примиреніе 158
Примѣчанія, варіанты и приложенія . . . . 228—236
XXXIX. Ода на день тезоименитства императрицы Елисаветы Петровны и на побѣды надъ королемъ прусскимъ . . . . 159—167
Примѣчанія . . . . 237—245

1760.

XL. Переводъ оды Руссо . . . . 168—173
Примѣчанія и приложенія . . . . 246—259
XLI. Притча: „Свинья въ лисьей кожѣ“ . . . . . 174—176
Примѣчанія, варіанты и приложенія . . . . 260—266
XLII. На изобрѣтеніе графомъ Шуваловымъ новыхъ артиллерійскихъ орудій . . . . 177—178
Примѣчанія и варіанты. . . . . 267—273
XLIII. Посвященіе „Россійскаго Лѣтописца“ великому князю Павлу Петровичу . . . . 179—180
Примѣчанія . . . . 274—275

1760—1761.

XLIV. Поэма: „Петръ Великій“ . . . . 181—220
Примѣчанія и приложенія . . . . 276—312

1761.

XLV. Просительные стихи объ учрежденіи университета . . . . 221—222

		СТРАН.
	Примѣчанія и варіанты	313—319
XLVI.	Стихи, сочиненные по дорогѣ въ Петергофъ	223
	Примѣчанія и приложенія	320—324
XLVII.	Изъ Клавдіана	224
	Примѣчанія	325—326
XLVIII.	Эпиграмма на противниковъ системы Коперника	225
	Примѣчанія	327—328
XLIX.	Ода на восшествіе на престолъ императрицы Елисаветы Петровны	226—234
	Примѣчанія	329—332
L.	Ода на восшествіе на престолъ императора Петра III	235—244
	Примѣчанія	333—337

1762.

LI.	Ода на восшествіе на престолъ императрицы Екатерины II	245—254
	Примѣчанія	338—345

1763.

LII.	На учрежденіе Воспитательнаго Дома	255
	Примѣчанія и варіанты	346—349
LIII.	Изъ Лукреція	256
	Примѣчанія	350—351
LIV.	Ода на новый 1764 годъ	257—268
	Примѣчанія	352—355

СТРАН.

1764.

LV. На посѣщеніе Ломоносова императрицею Екатериною II 269
Примѣчанія . . . . 356—360
LVI. Послѣ бесѣды съ императрицею Екатериною II (?) 270
Примѣчанія 361
LVII. На возвращеніе графа Гр. Гр. Орлова изъ Лифляндіи. . . . . 271—275
Примѣчанія и варіанты . . . . 362—366
LVIII. На Сарское Село. 276
Примѣчанія . . . . 367—368

LIX. Разговоръ съ Анакреономъ. . . . . 277—283
Примѣчанія, варіанты и приложенія. . . . 369—382
LX. Стихи въ честь императрицы Елисаветы Петровны 284
Примѣчанія . . . . 383—384
LXI. Стихи въ честь графа Воронцова 285
Примѣчанія . . . . 385—386
LXII. О произношеніи буквы *Г* въ русскомъ языкѣ. 286
Примѣчанія и варіанты . . . . 387—388
LXIII. На сочетаніе стиховъ россійскихъ 287
Примѣчанія, варіанты и приложенія . . . . 389—399
LXIV. Эпиграмма, вызванная „Гамлетомъ“ Сумарокова 287
Примѣчанія и варіанты . . . . 400—403
LXV. Эпиграмма на плохихъ проповѣдниковъ. . . 288
Примѣчанія . . . . 404—407
LXVI. Шуточные стихи И. И. Шувалову 289
Примѣчанія . . . . 408—409

стран.

LXVII. Эпиграмма на Шишкина 289

Примѣчанія . . . . 410—414

LXVIII. Набросокъ стихотворенія 290

Примѣчанія . . . . 415—416

LXIX. Экспромптъ Жукову 290

Примѣчанія . . . . 417—418

Указатель стихотвореній Ломоносова, помѣщенныхъ въ первыхъ двухъ томахъ настоящаго изданія . . . . 419—426

I.

Монархиня, нося порфиру десять лѣтъ,
Гремящей славой Ты наполнила весь свѣтъ,
Геройской былъ восходъ, и слѣдствїе побѣды,
Тобой побѣждены и спасены сосѣды,
Тобою ускоренъ во всей Европѣ миръ,
Тобою дышетъ въ ней покойствїя Зефиръ,
Во успокоенномъ Ты свѣтѣ нынь сїяешь,
И славу дѣлъ твоихъ съ числомъ лѣтъ умножаешь.
Державства Твоего свѣтящїй Зодїакъ
По вся дни кажетъ намъ благополучный знакъ,
И нынѣ празднуя, какъ Ты вѣнчанна Богомъ,
Вѣнчанну зримъ Тебя спокойствїя залогомъ.
Намъ радуга Твое прїятїе вѣнца,
Поставлена весной въ созвѣздїе Тельца,
Довольство и покой и радость изъявляетъ,
И здравїе Тебѣ и крѣпость обѣщаетъ.
Ликуя, веселясь мы празднествомъ Твоимъ,
Усердно всѣ въ Тебѣ вѣнчанно солнце чтимъ.

II.

Желая нѣкогда преславный островъ Родъ
Пловущихъ по волнамъ спасать отъ непогодъ,
Себѣ хвалу имѣть другимъ давать отраду,
Воздвигнулъ на брегу пречудную громаду.
Великїй исполинъ седмидесять лактей
Свѣтильникъ чрезъ всю ночь держалъ поверьхъ зыбей
Далече блескъ пускалъ чрезъ море неустройно
И корабли вводилъ въ пристанище спокойно.
Ты именемъ и всѣмъ, Монархиня, покой;
Твой слухъ какъ исполинъ касаясь звѣздъ главой,
Лучемъ добротъ Твоихъ вселенну освѣщаетъ
И именемъ моря и земли наполняетъ:
Спасайтесь здѣсь отъ бурь; у насъ Елисаветъ
Отраду въ тишинѣ съ довольствомъ подаетъ.

III.

ДЕМОФО́НТЪ.

ТРАГЕДІЯ,

МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА.

Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ въ 1752 году̀.

КРАТКОЕ ИЗЪЯСНЕНІЕ.

Послѣ раззоренія Трои, Демофонтъ сынъ Тезея Царя Аѳинскаго, возвращаясь отъ Трои въ отечество, противною бурею занесенъ былъ къ берегамъ Ѳракійскимъ, и съ разбитаго флота принятъ Царевною Филлидою, дочерью Ликурга Царя, по́слѣ котораго смерти воспиталъ ее Полимнесторъ Князь и правитель Ѳракійскій. Въ то время былъ онъ на войнѣ противъ Скиѳовъ, оставивъ подъ охраненіемъ Мемноновымъ съ Филлидою невѣсту свою Иліону, дочь Пріама Царя Троянскаго, приведенную прежде конечнаго разрушенія Трои съ братомъ ея Царевичемъ Полидоромъ, чтобы сохранить ихъ отъ Грековъ, съ присланнымъ великимъ богатствомъ. Въ отсутствіе его Филлида съ Демофонтомъ возъимѣвъ великую взаимную любовь, положили, чтобы уговорясь съ Мемномомъ, сочетаться между собою бракомъ, и принять правленіе государства; а Полимнестора отрѣшить отъ онаго. Между тѣмъ Демофонтъ прежде жалостію, а послѣ и любовію къ Иліонѣ склонясь, сомнѣнною страстію толь долго колебался, пока Полимнесторъ нечаянно въ городъ пришелъ съ побѣдою; и отселѣ начинается сія Трагедія.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИ́ЦА.

Демофо́нтъ, сынъ Тезея Царя Аѳинскаго.
Полимне́сторъ, Князь и намѣстникъ царскій во Ѳракіи.
Филли́да, Царевна Ѳракійская, дочь умершаго Ликурга Царя.
Иліо́на, Царевна Троянская, дочь Пріамова, невѣста Полимнесторова.
Ме́мнонъ, Правитель го́рода Сеста.
Драме́тъ, Полководецъ Демофонтовъ.
Креу́за, мамка Филлидина.
Вѣстникъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Сестѣ приморскомъ городѣ Ѳракійскомъ, въ царскихъ палатахъ.

*

ДѢЙСТВІЕ ПЕРЬВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРЬВОЕ.

ФИЛЛИДА, ДЕМОФОНТЪ и КРЕУЗА.

Филлида.

Онъ въ сихъ ужè стѣнахъ! о лютая напасть!
Ты знаешъ, Демофонтъ, его велику власть.
Желанїе мое, какъ можетъ совершиться,
Гдѣ Полимнестора мой слабой духъ страшится?
На что ты отлагалъ, на что толь долго бракъ?

Демофонтъ.

Мнѣ строгая судьба повелѣвала такъ!
Но что великой страхъ?

Филлида.

Еще ли вопрошаешъ?
Давно ужè, давно ты все подробно знаешъ,
Что мнѣ съ тѣхъ поръ страшна понынѣ его гроза,
Когда родителю сомкнула смерть глазà.
Онъ жизни своея послѣднїй часъ кончая,
Прости, сказалъ въ слезахъ, Филлида дорогая.

Живи и возрастай щастливо подъ рукой,
Что въ возрастѣ тебя на тронъ возвыситъ мой.
Ты Князю будь какъ мнѣ до времени послушна;
Я вѣдаю, что мысль его великодушна.
Промолвилъ, и съ тѣмъ духъ послѣднїй испустилъ,
И Полимнесторъ власть надъ царствомъ получилъ.
Черезъ двенатцать лѣтъ коль сильно укрѣпился,
То видѣлъ ты теперь; но какъ ты не смутился?
И неподвижно какъ возмогъ смотрѣть на страхъ,
Которой былъ на всѣхъ и на моихъ очахъ
Смущенныхъ отъ его внезапнаго приходу?

Демофонтъ.

Сїе ли устрашитъ Геройскую породу?
Или забыла ты, что я Тезеевъ сынъ?
Чего желаю я, то получу одинъ.
И чаешъ ты, чтобъ тотъ симъ видомъ взволновался,
Кто Гектора видалъ и въ полѣ съ нимъ сражался?

Филлида.

О мужествѣ твоемъ не сомнѣваюсь я;
Иной напасти ждетъ печальна грудь моя.
По всѣмъ признакамъ я бесчастна примѣчаю,
Что къ пагубѣ своей любовїю пылаю.
Ты зналъ, что Князя весь Монархомъ чтитъ народъ,
И что владѣть ему остался цѣлой годъ;
Въ отсудствїе его уговорясь съ Мемнономъ,
Мы брачнымъ укрѣпить любовь могли закономъ.
И подданные всѣ увидѣвъ нашъ союзъ,
Отсталибъ отъ него, отвергнувъ тягость узъ.
На храбрость бы твою надежду положили,
Противъ его свой духъ и рýки обратили.
Но нынѣ съ воинствомъ въ сей городъ онъ вступилъ

Побѣдами свое правленье укрѣпилъ.
Онъ больше прежняго ужъ власть свою умножитъ,
По умысламъ своимъ и бракъ мой расположитъ.
Но ты спокойно могъ сея напасти ждать!
Какъ можешъ предо мной себя ты оправдать?

Демофонтъ.

Смущенїя твои, драгая, всѣ напрасны,
И тѣни кажутся однѣ тебѣ ужасны.
Хоть Полимнесторъ здѣсь; но онъ какъ твой отецъ,
Твоимъ сомнѣнїямъ желанный дастъ конецъ.
Когда въ младенчествѣ онъ былъ твой покровитель;
То будетъ ли въ твоемъ ужъ возрастѣ гонитель?
И медленность моя вредить не можетъ намъ;
Пока я долгъ отцу въ отечествѣ отдамъ;
То княжеско къ концу владѣнїе достигнетъ,
И твой народъ тебя и онъ на тронъ воздвигнетъ.
Въ Аѳинахъ укрѣпя престолъ свой возвращусь,
И будучи Царемъ съ Царицей сопрягусь.

Филлида.

Такъ можешъ цѣлой годъ пробыть и безъ Филлиды!
Такїе ли казалъ съ нача́ла ты мнѣ виды?
Когда свирѣпый вихрь разбилъ твои суда,
Когда еще текла съ одеждъ твоихъ вода,
Когда изъ челюстей несытыя пучины
На мой ты принятъ брегъ, спасенъ отъ злой кончины;
Ты такъ ли говорилъ? ты такъ ли припадалъ?
И такъ ли взоръ взводилъ, и такъ ли воздыхалъ?
Слезами и бѣдой твоей я умилилась;
На твой плачевный видъ, на жалку часть склонилась.
Почти безъ чувствъ тебя я въ домъ свой привела,
Спокойство отъ трудовъ и жизнь тебѣ дала.

И для меня Мемнонъ явилъ тебѣ прїятство,
Изъ нѣдръ морскихъ извлекъ Троянское богатство,
Которое тогдажъ тебѣ возвращено,
И съ нимъ сокровище мое сообщено.
Какъ можешъ, что досталъ убїйствомъ ты и кровью,
Сравнить съ тѣмъ, что тебѣ моей дано любовью?
Когда она двоихъ сердца̀ ужъ сопрягла;
Я общимъ все добромъ имѣнїе звала.
Съ сугубой хочешъ въ домъ корыстью возвратиться,
Троянскимъ и моимъ богатствомъ возгордиться?

Демофонтъ.

О какъ мнѣ рѣчь сїя въ печальну грудь разитъ!...
Подумай, что теперь отецъ мой говоритъ:
„Меня противникъ здѣсь отъ царства отлучаетъ;
„А сынъ о мнѣ забывъ, любовью нынѣ таетъ,
„И въ роскоши презрѣвъ естественный законъ,
„Въ ничто вмѣняетъ скорбь отеческу и стонъ“.
Представь, дражайшая, ты гордаго Мнестея,
Что хочетъ хищной снять рукой вѣнецъ съ Тезея,
И въ старости ему онъ казнїю грозитъ:
Представь себѣ, представь Тезеевъ скорбный видъ.
Возлюбленный отецъ, о какъ ты воздыхаешъ!
Ты взоры слезные чрезъ воды простираешъ,
И наблюдаешъ всѣхъ судовъ бѣгущихъ путь,
И на берегъ едва дерзаешъ ты взглянуть,
Гдѣ злой тиранъ тебя насильно утѣсняетъ,
Тогда, какъ Грецїю отрада оживляетъ.
Съ побѣдою пришли обратно тамъ Цари,
Восходитъ къ небу плескъ, дымятся олтари.
Троянскимъ златомъ всѣ блистаютъ тамъ чертоги,
Прїемлютъ злато въ даръ отеческїе боги.
Отцы и матери встрѣчаютъ тамъ сыновъ,

И радость изъяснить, не достаетъ имъ словъ.
Всѣ слушаютъ отъ нихъ Пріамову судьбину,
И Гекторову смерть, и славы ихъ кончину.
А ты, родитель мой, утѣхи той лишенъ!

Филлида.

Но мною ли онъ въ сей печали погруженъ?

Демофонтъ.

Такой мнѣ отъ боговъ ужè предѣлъ поставленъ,
Что я хоть на сей брегъ отъ ярыхъ волнъ избавленъ,
Однако чтобъ на немъ въ смущеньи утопать!

Филлида.

Но я ли строгостью могла тебя смущать?
И кто препятствовалъ намѣренью скончаться,
И прежде Князя намъ на царство увѣнчаться?
И силу бы твою услышавъ тамъ Мнестей
Державы досягать дерзнулъ ли бы твоей?
Подумалъ ли бы онъ, что Ѳраческая сила
И съ ней рука твоя ему бы не отмстила?

Демофонтъ.

Такъ хочешъ, чтобы я не видѣлъ нынь Аѳинъ,
И тамъ не защитилъ отеческихъ сѣди́нъ?

Филлида.

Ты вѣдая мою любовь, какъ можешъ мыслить,
Чтобъ стала я своимъ веселїемъ то числить,
Когда бы ты отца и скиптръ свой позабылъ?
Мнѣ толь же какъ тебѣ, повѣрь, отецъ твой милъ.
Я власть здѣсь укрѣпя, съ тобой бы въ Понтъ пустилась,

Ни острыхъ камней я бъ ни бурь не устрашилась
Какуюбъ радость твой почувствовалъ отецъ,
Увидѣвъ на тебѣ и свой и мой вѣнецъ!

Демофонтъ.

Не знаешъ зависти межъ Греками, не знаешъ!
И такъ ли два вѣнца совокупить ты чаешъ?
Лишъ только дойдетъ вѣсть къ сосѣдямъ черезъ Понтъ,
Что принялъ отъ тебя власть царску Демофонтъ;
То силою въ боязнь приведены моею,
Всѣ обще поспѣшатъ вѣнецъ отдать Мнестею.
Мнѣ прежде должно власть наслѣдну укрѣпить,
И послѣ съ оною твою совокупить.

Филлида.

Не мысли, государь, чтобы младыя лѣта,
И слѣпота любви меня лишила свѣта,
Чтобъ мыслей я твоихъ примѣтить не могла,
Которы страсть къ себѣ другая отвлекла!
И рѣчь твоя тебя и взгляды обличаютъ,
И се́рдца твоего всю тайну открываютъ.
Я вижу изъ твоихъ потупленныхъ очей,
Что больше нѣтъ ужѐ ко мнѣ любви твоей.

Демофонтъ.

Драгая, перестань терзать мой духъ смущенный!

Филлида.

Бѣжишъ отъ глазъ моихъ? ужъ мысли развращенны
Не могутъ утерпѣть моихъ правдивыхъ словъ.

Ужѐ ты къ своему отшествїю готовъ,
И долѣе меня не хочешъ удостоить. . . .

Демофонтъ.

Позволь, любезная, мнѣ сердце успокоить!

* * *

ЯВЛЕНЇЕ ВТОРОЕ.

ФИЛЛИДА и КРЕУЗА.

Филлида.

Не ясноль кажетъ мнѣ его сомнѣнна рѣчь,
Что я слезамъ своимъ даю безъ пользы течь!
Ты видишъ по всему, любезная Креуза,
Что онъ нарочно бѣгъ отъ брачнаго союза.

Креуза.

Я сердцемъ трепещу, смущенїя боясь!
Что будетъ, какъ твою любовь узнаетъ Князь?
О Демофонтѣ что, Царевна, онъ помыслитъ,
Котораго врагомъ со Греками онъ числитъ?

Филлида.

Могла ли я такой печали ожидать?
И что ужѐ теперь бесщастной мнѣ начать?

Ты рокъ готовишъ мнѣ, возлюбленный мой, въ тайнѣ?
Креуза, ахъ поди, спѣши, старайся крайне,
Вступи съ нимъ обо мнѣ въ пространной разговоръ,
И примѣчай слова̀, движенїя и взоръ:
Тебѣ покажутъ все вопросы и отвѣты,
Ты знаешъ мыслей въ немъ наружныя примѣты.

Креуза.

Дай, небо, чтобъ въ твоихъ намѣренїяхъ всѣхъ
Былъ равенъ моему старанїю успѣхъ!

* * *

ЯВЛЕНIЕ ТРЕТIЕ.

Филлида одна.

Чтобъ онъ любилъ меня, еще могу я вѣрить?
И страсти въ немъ другой я не могу измѣрить?
Не тщетноль жду того, что онъ мнѣ обѣщалъ?
И что мнѣ клятвою стократно подтверждалъ?
Однако такъ моей любовью одолженный
Гнушаться мерсскїя не будетъ ли измѣны?
Горячая его къ родителю любовь
Не возмутитъ ли въ немъ такой напастью кровь?
Но я ослѣплена причины вымышляю!
И видя явну лесть, его же извиняю!
Ахъ какъ мнѣ нынѣ быть? и Полимнесторъ самъ
Является моимъ, ахъ, полнымъ слезъ очамъ!

* * *

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ФИЛЛИДА и ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Полимнесторъ.

Уже мнѣ наконецъ пріятною судьбою,
Царевна, суждено увидѣться съ тобою.
Отъ взору твоего три лѣта отлученъ
Всегда противъ твоихъ враговъ былъ ополченъ.
Раздоры внутренни и внѣшни успокоилъ,
Противныхъ побѣдилъ и съ ними миръ устроилъ.
Не однократно я всю кровь хотѣлъ пролить,
Чтобъ царство для тебя не движно утвердить;
Но щедры небеса судьбину отвратили
И жизнь мою съ твоимъ наслѣдствомъ сохранили.

Филлида.

Что защищая ты во мнѣ Ликурговъ родъ,
На брани положить готовъ былъ свой животъ,
За то благодарятъ тебя народы многи,
И чтятъ завистніи, и любятъ сами боги.

Полимнесторъ.

Симъ щастіемъ хотя я много веселюсь;
Но больше радуюсь я нынѣ и дивлюсь,
Увидѣвъ, что въ мое отсутствіе Филлида
И возрастомъ своимъ и красотою вида
До тѣхъ достигла мѣръ, когда уже любовь
Ликургову тобой восставить можетъ кровь.

Едино совершить мнѣ дѣло ужъ осталось,
Чтобъ сердце чрезъ меня достойное сыскалось,
Достойное тебѣ быть въ вѣкъ поручено.

Филлида.

Усердїе твое извѣстно мнѣ давно:
Хотя рука твоя симъ царствомъ, Князь, владѣла,
Но я лишась отца, въ тебѣ его имѣла.

Полимнесторъ.

Превыше нынѣ мѣръ тобою я почтенъ,
Что именемъ я толь великимъ нареченъ.
Довольно естьлибъ я того былъ удостоенъ,
Что бы чрезъ меня народъ былъ успокоенъ,
Которой въ радости уже всечасно ждетъ,
Кого твой нѣжной взоръ и сердце изберетъ,
Чтобъ царствовать съ тобой на отческомъ престолѣ,
О щастливъ, щастливъ тотъ, и всѣхъ онъ смертныхъ болѣ!

Филлида.

Я вѣрю, что народъ Ликурга не забылъ,
Которой нравамъ онъ похвальнымъ научилъ.
Но сколько отъ твоей онъ ревности желаетъ,
Моя нещастна грудь того имѣть не чаетъ.
Я щастлива былабъ, когда твоя бы власть
Могла мнѣ укрѣпить мою желанну часть.

Полимнесторъ.

Хоть всею я еще Ѳракїею владѣю;
Но силы таковой и власти не имѣю,
Какая въ нѣжности и младости твоей
Блистаетъ изъ твоихъ плѣняющихъ очей.
Своею больше ты успѣешъ красотою:

Филлида.

Коль мало пользовать могу себя я тою!

Полимнесторъ.

Ты можешъ ею все. . . .

Филлида.

Узнаешъ скоро самъ.
Но время приносить тебѣ хвалу Богамъ.

* * *

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ПОЛИМНЕСТОРЪ и МЕМНОНЪ.

Мемнонъ.

Надѣясь твоего въ великій храмъ прихода,
Несчетно множество стекается народа.
Я войско по мѣстамъ расставилъ, Государь,
И жертву приносить Богамъ готовъ олтарь.

Полимнесторъ.

Какое принесу я имъ благодаренье,
Когда поверженъ я послѣ трудовъ въ мученье,
Когда меня любовь въ спокойны дни крушитъ,
И въ мирные часы въ груди сей брань чинитъ?

Мемнонъ.

Въ тебѣ ли можно быть какимъ мученьямъ мѣсту?
Въ спокойномъ торжествѣ ты видишъ здѣсь невѣсту;
Геройску видишъ дочь, Геройскую сестру
Пылающу къ тебѣ въ усерднѣйшемъ жару.
Всего лишась она тобой была спокойна:
Супружества съ тобой въ нещастїи достойна.
Желанїе свое ты можешъ совершить,
И съ бракомъ торжество сїе соединить.
Она послѣ тебя минуты всѣ считала;
По Троѣ, по отцѣ не столько воздыхала,
Какъ взору твоего, крушилася, лишась.
Коль часто слезъ рѣка изъ глазъ ея лилась?

Полимнесторъ.

Что часть ея жалка, Мемнонъ, я признаваю,
Съ любовью купно скорбь для ней претерпѣваю.
Сугубо чувствую я бремя на плечахъ!
И что, скажи, теперь я видѣлъ при брегахъ?
Чьѣ флаги на водахъ Борей Ѳракїйскїй вѣетъ?
И что въ намѣреньи Филлида здѣсь имѣетъ?
Скажи и не утай, что было безъ меня,
Что въ домѣ дѣлалось и въ сердцѣ у нея?

Мемнонъ.

Возможноль отъ тебя мнѣ, Государь, таиться?
И должность и любовь велитъ тебѣ открыться.
За полгода предъ симъ, когда здѣсь не былъ слухъ,
Гдѣ съ воинствомъ тебя водилъ Геройской духъ;
И послѣ какъ пришла во градъ сей вѣсть плачевна,
Что Трою рушила въ конецъ судьбина гнѣвна;
Внезапно солнца видъ на всходѣ сталъ багровъ
И тусклые лучи казалъ изъ облаковъ.

От берегу въ дали пучина почернѣла
И буря къ намъ съ дождемъ и съ градомъ налетѣла.
Напала мгла какъ ночь, ударилъ громный трескъ,
И мрачность пресѣкалъ лишь частыхъ молній блескъ.
Поднявъ сѣды верьхи, стремились вóлны яры,
И берегъ заревѣлъ, почувствовавъ удары.
Тогда сквозь мракъ едва увидѣть мы могли,
Что съ мóря бурный вихрь несетъ къ намъ корабли,
Которы лютость водъ то въ пропастяхъ скрываетъ,
То вздернувъ на бугры, порывисто бросаетъ;
Раздранны парусы пловцы отдавъ вѣтрамъ,
Ужъ рýки подняли къ закрытымъ небесамъ.
Мы чаяли тогда Енеева прихода
Съ остатками Троянъ, нещастнаго народа.
Объята жалостью, подвигнута бѣдой,
Царевна на берегъ безъ страху шла за мной.
Тутъ алчный Понтъ пожралъ три корабля предъ нами,
И въ части раздробивъ, извергъ на брегъ волнами.
Увидѣвъ, что съ водой тамъ бьется человѣкъ,
Съ рабами я спѣшилъ и на песокъ извлекъ.
Онъ очи смутныя со страхомъ обращая,
И томныя уста чрезъ силу отверзая,
Къ Филлидѣ, облившись слезами, говорилъ:
Когда небесный гнѣвъ меня такъ поразилъ,
То я уже взирать на небо не дерзаю;
Къ тебѣ, Богиня ты иль смертна, прибѣгаю,
Или, какъ чаю, сихъ владычица бреговъ,
Покрой насъ и превысь щедротою Боговъ.
Царевна таковымъ подвиглась жалкимъ слухомъ,
И нѣжнымъ, преклонясь, отвѣтствовала духомъ:
Спокоенъ будь теперь, и отложи весь страхъ:
Не вáрварски сердцà родятся въ сихъ мѣстахъ.
Хотя не знаемъ мы, какого ты народа,
Но бѣднымъ помогать велитъ сама природа!

Полимнесторъ.

Кто сей нещастный былъ?

Мемнонъ.

Царя Тезея сынъ.
Онъ сердца нашея Царевны господинъ!
Народъ его, что съ нимъ отъ пагубы избавленъ,
Спокойствомъ ободренъ, и флотъ его исправленъ.

Полимнесторъ.

О вѣсти странныя! о чудный судъ Боговъ!
Но пойдемъ ихъ спросить; я ко всему готовъ.

КОНЕЦЪ ПЕРЬВАГО ДѢЙСТВЇЯ.

* * *

ДѢЙСТВЇЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНЇЕ ПЕРЬВОЕ.

ДЕМОФОНТЪ, ПОЛИМНЕСТОРЪ и МЕМНОНЪ.

Демофонтъ.

Ты склонность кажешь мнѣ всея надежды болѣ!
И чѣмъ я заплачу твоей толь щедрой волѣ?
Я странствую, гони́мъ отъ волнъ и отъ небесъ;
Ты въ скорьби, Государь, отраду мнѣ принесъ.

Полимнесторъ.

И я тѣмъ веселюсь, что дивная судьбина
Тезеева мнѣ здѣсь дала увидѣть сына,
Которой мужествомъ ему себя сравнилъ,

И тѣмъ подъ Троею Героямъ общникъ былъ,
Которыхъ на нее послали гнѣвны Боги.
Не вы, не вы, они Прїяму были строги!

Демофонтъ.

Умѣренность твою чему могу сравнять?
Величествомъ души́ Прїяма больше зять!

Полимнесторъ.

То все еще теперь у промысла во власти;
Достигнетъ до своей и Илїона части!
Отъ ярости Боговъ убѣгнетъ ли она,
Котору чувствуетъ отца ея страна,
То день поставленный покажетъ намъ конечно!

Демофонтъ.

Иль ревнїе Боговъ на Трою будетъ вѣчно?
Когда ужѐ и въ насъ смягчилися сердцà;
То имъ ли злобиться на бѣдныхъ безъ конца?
Когда представлю я въ умѣ своемъ Прїама,
Терзаюсь мыслями отъ жалости и срама,
Что Греческой рукой Царева сѣдина,
О варварство! въ его крови обагрена!

Полимнесторъ.

Теряетъ славу всю свирѣпствомъ побѣдитель;
Но часто долженъ онъ невольно быть мучитель,
Какъ надобно своихъ предохранить отъ зла.
Тебѣ всегда за то пребудетъ похвала,
Что о нещастїи поверженныхъ жалѣешь:
Ты злобу тѣмъ своихъ враговъ преодолѣешь.
Когдабъ жалѣли такъ отшедъ всѣ Греки прочь,
Сїебъ Прїамову могло утѣшить дочь.

Демофонтъ.

Мнѣ знать другихъ сердецъ движенїя неможно;
Но объявить сїе могу тебѣ неложно,
Что въ жизни я себя великимъ бы почелъ,
Когдабъ ей доказать сердечну жалость смѣлъ,
Которую объ ней. . . . .

Полимнесторъ.

Я въ томъ не возбраняю;
Но силы ласковымъ словамъ твоимъ желаю,
Дабы чрезъ оныя увѣрилась она,
Что Троя отъ боговъ не вами сожжена.
И видя, что о томъ, кто воевалъ, крушится
Могла бы отъ тоски хоть мало свободиться.

Демофонтъ.

Всѣ силы положу, чтобъ Грековъ посрамить,
И Илїону въ той надеждѣ утвердить,
Что тѣже укротясь восставятъ Боги Трою.
О естьлибъ сею могъ воздвигнуть я рукою!

* * *

ЯВЛЕНЇЕ ВТОРОЕ.

ПОЛИМНЕСТОРЪ и МЕМНОНЪ.

Мемнонъ.

Я объявивъ его къ твоей невѣстѣ страсть,
Дивлюсь, что ты ему даешь ходить къ ней власть!
*

Полимнесторъ.

Я не далъ бы: но чтожъ? другое нынѣ время!
И Боги съ моего снимаютъ сéрдца бремя.
Покажутъ щедрой тѣ на Илїонѣ судъ,
Устроятъ все объ ней и щастье ей дадутъ.
Меня ихъ власть къ другой любови понуждаетъ:
Мой духъ противиться ихъ воли не дерзаетъ!

Мемнонъ.

Что слышу, Государь?

Полимнесторъ.

От Олтаря отвѣтъ!
Ты слышалъ въ храмѣ громъ, Мемнонъ, и видѣлъ свѣтъ,
Когда я приступивъ, предъ Марсомъ преклонился,
И какъ отъ жертвы дымъ предъ онымъ воскурился;
Тогда военный Богъ щитомъ своимъ потрясъ,
Блеснулъ очами вдругъ, и испустилъ сей гласъ:
„Для Трои на себя не привлекай ты гнѣву;
„Врученную тебѣ люби вѣкъ дочь Цареву.
Толь ясныя слова не смѣю толковать;
Я волю принужденъ безсмертныхъ исполнять;
Чтобъ быть Ликургова по власти оныхъ трона.....
Но нынѣ отступи: приходитъ Илїона.

* * *

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ПОЛИМНЕСТОРЪ и ИЛЇОНА.

Илїона.

Увидѣвъ, Государь, на единѣ тебя,
Я смѣюль рѣчь зачать, твой духъ не оскорбя.
Весь городъ веселясь въ очахъ твоихъ сїяетъ,
И можетъ быть мой взоръ тебѣ лишъ досаждаетъ.
Боюсь, что я сему торжественному дню
И радости твоей препятство учиню!
Ты видишь предъ собой не ту ужъ Илїону,
Что прежде славою отеческаго трону
Украшенна, тебѣ была обручена,
Со свѣтлымъ празднествомъ въ сей градъ приведена;
Но съ Троею всего величества лишенну,
И только лишъ къ тебѣ надеждой укрѣпленну.
Какъ сердце бы твое мнѣ не было дано,
Осталося бы мнѣ отчаянье одно.
Я въ Троѣ, въ Гекторѣ, въ Прїамѣ умираю,
И только лишъ къ тебѣ любовїю дыхаю:
Возставь и укрѣпи!

Полимнесторъ.

Я долженъ самъ упасть!
О строгая судьба! о горестная часть!

Илїона.

Я вижу государь, что раззоренна Троя
Лишаетъ и тебя веселья и покоя!

Но ежели тебѣ еще я такъ мила,
Какъ въ тѣ часы, когда изъ Трои я пришла;
То всю свою тоску въ сей день преодолѣю:
И ты спокоенъ будь спокойностью моею.
И Гекторъ и Троидъ, Геккуба и Прїамъ
Въ тебѣ одномъ моимъ являются очамъ.

Полимнесторъ.

Когдабъ я былъ тебѣ Парисомъ иль Прїамомъ,
То былъ бы щастливъ я ужѐ въ нещастьѣ самомъ.

Илїона.

Ты можешь, Государь, теперь мнѣ ими быть
И Трою на брегу Ѳракїйскомъ защитить,
Которую еще неукротимы Греки,
Наполнивъ кровїю поля при ней и рѣки,
Коварно утѣснять и здѣсь не престаютъ,
И мѣста оныя остаткамъ не даютъ.
Въ отсутствїе твое бурливая погода
Разбила корабли противнаго народа.
Тезеевъ сынъ отъ волнъ спасенъ остался живъ,
Здѣсь странствуя живетъ. Онъ время улучивъ,
(Того я знать не тщусь за правду иль притворомъ)
Мнѣ часто о любви досаднымъ разговоромъ
Терзалъ мой скорбный духъ, несносной сопостатъ,
Котораго одинъ мнѣ пуще смерти взглядъ.
Забывъ всѣ нѣжности Филлидины, дерзаетъ
Другой любви искать, чрезъ что онъ объявляетъ,
Что онъ на всякой часъ на злость свою готовъ.
На всѣхъ онъ, Государь, сплетаетъ хитрый ковъ.
Отмсти ты за меня; отмсти ты за Филлиду,
За Трою, за весь родъ, за собственну обиду.

Полимнесторъ.

Я сею бъ кровь его рукою пролилъ самъ,
Когда бы было то угодно небесамъ!
Но воля ихъ моѝ надежду пресѣкаетъ,
И мечь мой на него поднять не позволяетъ.

на сторону

Хотя одной постылъ, хотя другой онъ любъ;
Вездѣ соперникъ мнѣ и сопостатъ сугубъ.
Сугубаго въ рукахъ соперника имѣю!
Но мстить ему за то, о Боги, я не смѣю!

указывая на Илїону

За тѣмъ я вамъ ее на волю отдаю,
Вы дайте по́мочь ей, скрѣпите грудь моѝ
Исполнить вашъ отвѣтъ!

* * *

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Илїона одна.

Гдѣ мнѣ искать покрова?
Не слышала теперь ни одного я сло́ва,
Которымъ бы признакъ онъ нѣжности мнѣ далъ!
Что смутны отъ меня онъ очи отвращалъ?
Ахъ Троя, ты упавъ, любовь въ немъ разрушила!
Я вижу, что и здѣсь безсмертныхъ гнѣвна сила
Не престаетъ Троянъ остатки утѣснять.
И тотъ ужѐ меня не хочетъ защищать,

Къ которому меня во брачные чертоги
Поставила любовь, Прїамъ и сами Боги.
Что нынѣ предпрїять они велятъ ему?
Соперникъ Демофонтъ сугубо почему?
Или къ Филлидѣ онъ любовїю пылаетъ?
Но чтожъ сопернику отмстить онъ не дерзаетъ?
И что меня еще вручаетъ онъ Богамъ,
Когда покрыть отъ бѣдъ скоряе можетъ самъ,
Когда они свой взоръ отъ Трои отвратили?
Въ какой вы пагубѣ насъ, Боги, погрузили!
Мы равну съ Греками имѣемъ плоть и кровь:
И ваша быть должна ко всѣмъ равна любовь.
Но Грекамъ вы отцы, Троянамъ вы Тиранны:
Они вознесены, а мы лежимъ попранны!
Однако естьли такъ васъ огорчилъ Прїамъ,
Что кровїю воздать не могъ и Гекторъ вамъ;
Но въ гнѣвѣ вы своемъ хотѣли видѣть Трою
Зажженну въ жертву вамъ противною рукою,
И войско и народъ и стѣны истребить;
То что ужъ можетъ васъ на ярость побудить?
Представте прежнюю Прїамову державу,
Героевъ и полки, величество и славу,
Гдѣ нынѣ пепелъ, дымъ, развалины и прахъ
И кости на пустыхъ рассыпаны поляхъ.
Младенецъ лишь одинъ съ бесчастною сестрою
Не можетъ въ бѣдности сыскать себѣ покою,
Почти уже плѣненъ живетъ въ краю чужомъ!
Ещели можете бросать на насъ свой громъ?

* *
*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ИЛЇОНА и ДЕМОФОНТЪ.

Илїона.

Ещели умножать идешъ мои печали?

Демофонтъ.

Еще судьбы меня, еще къ тебѣ послали,
Которыя такой поставили предѣлъ,
Чтобъ нѣжно сердце я всегда къ тебѣ имѣлъ.
Коль часто оскорбленъ къ тебѣ быть зарекаюсь;
Толь часто преступивъ зарокъ свой возвращаюсь.
Суровой твой отвѣтъ скрѣпилъ вчера мнѣ грудь;
Но нынѣ съ жалостїю любовь открыла путь;
Сильнѣе прежняго, вошедъ въ меня, пылаетъ:
Что жалость о тебѣ сугубу представляетъ.
Оставленна отъ всѣхъ, лишенная всего,
Ужѐль послушаешъ совѣту моего?
Подвигнутъ ли тебя мои потоки слезны;
Когда стенанїя и вздохи безполезны,
Которы нынѣ ты пускала къ небесамъ,
Являя жалкой видъ бесчувственнымъ очамъ?
Другой ужѐ красой, повѣрь, онѣ плѣнились,
Отъ нѣжностей твоихъ во вѣки затворились.

Илїона.

Невѣрной!

ДЕМОФОНТЪ.

И кому!

Указывая на Илїону

ИЛЇОНА.

Подобенъ въ томъ тебѣ.
Филлидаль отъ тебя сего ждала себѣ?

ДЕМОФОНТЪ.

Онъ лакомству, а я любви поработился;
Онъ царствомъ, я тобой, дражайшая плѣнился.
Любви онъ и своей невѣстѣ измѣня,
Тебя освободилъ, и оправдалъ меня.
Филлидинъ будетъ духъ, повѣрь о семъ спокоенъ:
Что благодарность лишъ, не жаръ мой къ ней пристоенъ.
Сугубо я свой долгъ ей изъ Аѳинъ воздамъ:
Тебѣ, дражайшая, я отдаюся самъ.

ИЛЇОНА.

Какъ можешь требовать, чтобъ я тебя любила?
Судьба и страсть меня другому поручила.

ДЕМОФОНТЪ.

Преступнику!

ИЛЇОНА.

Пускай хотябъ таковъ онъ былъ,
Или пускай бы насъ Прїамъ не обручилъ;
Но сносноли бы мнѣ твое желанье было?
И мысль одна объ васъ мнѣ грозное страшило!
Когда представится въ моемъ мечтаньѣ Грекъ,
Кровавы вижу я потоки нашихъ рѣкъ.

Пылаетъ домъ отцевъ; сестру влекутъ изъ храма
Рыдающу среди ругательства и срама.
Дѣвицъ Троянскихъ въ плѣнъ окованныхъ ведутъ,
По дѣтяхъ матери, терзая грудь, ревутъ.
Раздранны вижу тамъ я Гекторовы члены,
И страшно въ слухъ мой бьютъ валящiяся стѣны.
Подъ каменнымъ бугромъ нещастна стонетъ мать!
Возможно ли тебѣ любви моей желать?

Демофонтъ.

Я общникъ, правда, былъ премѣны оной слезной,
Я стѣны раззорялъ отца своей любезной!
Но можетъ ли твой гнѣвъ, Царевна, и въ сей часъ
Пылать противъ меня? еще ли не погасъ?
Не мною Гекторъ палъ, не мною Поликсена
Въ незлобивой крови угасла обагренна.
Ахъ естьлибъ я тебя еще до брани зналъ,
Противу Грековъ я съ мечемъ бы симъ возсталъ.
Отецъ меня послалъ со воинствомъ подъ Трою:
То много ли я тѣмъ виновенъ предъ тобою?
Я дорого плачу́ потоки вашихъ слезъ,
И больше зла терплю, какъ Троѣ я нанесъ!
Я въ жертву далъ себя грызущей нутрь печали,
И больше самъ горю, какъ Пергамы *) пылали.
Ты мучишъ; хоть тебя всему я предпочолъ!
Бывалъ ли я когда таковъ Троянамъ золъ?
Но естьли не смягчитъ твой духъ мой мученья,
Когда ты требуешъ еще себѣ отмщенья;
Могуль хотя тогда тебѣ я угодить,
Какъ Грекамъ и себѣ за васъ я буду мстить?
Мой духъ къ тому готовъ и жизнь моя готова;

*) Старое имя го́рода Трои.

Я жду лишъ отъ тебя, драгая, только сло́ва.
Со мною станешъ ты, и съ нами Полидоръ
Съ богатствомъ на брегу въ тѣни Троянскихъ горъ.
На слухъ со всѣхъ сторонъ Фригїйцы соберутся,
И къ облакамъ верьхи Троянскїе прострутся.
Великость царствъ въ одной не состоитъ стѣнѣ,
Но въ полной жительми, обильной всѣмъ странѣ.
Воздвигли Трою тѣ сотренну Геркулесомъ,
И нынѣ обновятъ попранну Ахиллесомъ.
Отецъ твой возвратилъ ихъ силою весь вредъ,
Которой претерпѣлъ нещастливой твой дѣдъ.
По жребью получилъ я въ Троѣ ту корону,
Чѣмъ твой отецъ вѣнчанъ по древнему закону.
На Полидоровъ ту, на твой верьхъ возложу,
И сѣтующему народу покажу,
Что паки живъ Прїамъ и обновляетъ Трою.
Но какъ возведена на тронъ свой будешъ мною,
То можноль мнѣ себя такой надеждой льстить,
Что бы мнѣ у тебя и тамъ врагомъ не слыть?
Я больше для тебя, драгая, предпрїемлю,
Отеческу свою пренебрегая землю.
Тамъ ждетъ меня своя порфира и вѣнецъ,
Тамъ ждетъ меня, крушась, при старости отецъ.

Илїона.

Всѣ вымыслы твои и рѣчи бесполезны:
Оставь меня, не множь мой потоки слезны!
Кто можетъ съ нова намъ тѣ стѣны оградить,
Которыхъ не возмогъ и Гекторъ защитить?
Ни царство ужъ меня ни слава не прельщаетъ,
Которыя въ ничто судьбина превращаетъ.
Въ любви моей не толь велика есть цѣна,
Чтобъ честь твоя для ней была повреждена.

Демофонтъ.

Слыть братомъ Гектору всей чести имя равно,
И въ тотже впасть порокъ мнѣ съ Ахиллесомъ славно.
Оставилъ Грековъ онъ сестру твою любя:
Я тоже здѣлаю и больше для тебя.
Ты удостой меня хоть взглядомъ, дорогая,
И посмотри, лице и очи примѣчая,
Возможно ли въ моей груди таиться льсти?
И можноль больше мнѣ страданія снести?

* * *

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ДЕМОФОНТЪ, ИЛЇОНА и ФИЛЛИДА.

Илїона.

къ Филлидѣ

Любезная моя Царевна дай отраду.

Филлида.

отступая назадъ

Я вамъ лишь наношу препятствїемъ досаду!

Илїона.

удерживая Филлиду

Оставленну отъ всѣхъ одна ты не оставь.

Демофонтъ.

Къ чему злой рокъ привелъ. . . . . . .

Филлида.

къ нему

Теперь себя оправь. . . . .
Однако поспѣшай и обновляй ты Трою;
Забудь что вѣчной срамъ туда пойдетъ съ тобою.
Мои заслуги ты забудь и два вѣнца,
И вѣрность и любовь и совѣсть и отца.
Но мнѣ что бы о семъ и памяти лишиться,
Пойду бесчастная . . . но гдѣ мнѣ будетъ скрыться?

Илїона.

Я слѣдую тебѣ погибну иль спасусь.

Демофонтъ.

Дражайшая, пожди, позволь. . . . . .

* * *

ЯВЛЕНЇЕ СЕДЬМОЕ.

Демофонтъ одинъ.

Какъ я мятусь!
О коль свирѣпыя въ моемъ бьютъ сердцѣ вóлны!
Противными страстьми и грудь и мысли полны!

Я жалостью къ одной и нѣжностью плѣненъ,
Другой заслугами и должностью врученъ.
Смотря на первую, пронзенъ позабываюсь;
Но на другу взглянувъ я въ совѣсти терзаюсь.
Любовь, желанье, стыдъ, отчаянье, боязнь
Воюютъ внутрь меня: о коль велика казнь!
Гдѣ мужество мое? гдѣ крѣпость неизмѣнна?
Лежитъ отъ слабостей моихъ преодолѣнна!
О какъ ты развращенъ, бесчастной Демофонтъ!
Ахъ лучше бы тебя покрылъ волнами Понтъ!
Нещастье бы къ одной тебя не обязало,
И сердце бы къ другой безъ пользы не пылало.
Что дѣлать ужъ теперь? и кто мнѣ дастъ совѣтъ.

* * *

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

ДЕМОФОНТЪ и ДРАМЕТЪ.

Демофонтъ.

Скрѣпи, скрѣпи мой духъ, возлюбленный Драметъ!

Драметъ.

Доколѣ, Государь, ты будешь колебаться?
Доколѣ будешь въ плѣнъ страстямъ здѣсь отда(ва)ться,
Тогда какъ Грецїя того всечасно ждетъ,
Ужѐль Прїамова наслѣдства больше нѣтъ?

И вѣтры щастїю ея споспѣшствовали,
Когда къ симъ берегамъ твой флотъ они пригнали.
И случай повелѣлъ и Полимнесторъ самъ,
Что бы Прїамовъ сынъ былъ отданъ въ рýки намъ.
Хотя еще онъ малъ, но Грековъ устрашаетъ:
Что къ нашей пагубѣ въ немъ Гекторъ возрастаетъ.
Представь, когда на нашъ онъ устремлялся флотъ,
Съ мечемъ и съ пламенемъ шумящимъ поверхъ водъ.
Коль многїе онъ слезъ и крови пролилъ токи,
И раны наложилъ коль Грецїи глубоки!
Коль много славныхъ онъ опустошилъ домовъ!
Коль много тамъ сиротъ, коль много плачетъ вдовъ!
Всѣ Греческi Цари съ отцемъ твоимъ согласно,
Тобою отвратить желаютъ зло ужасно,
Чтобъ стѣнъ Прїамовъ сынъ, какъ онъ, не обновилъ,
Ихъ дѣтямъ и тебѣ потóмъ бы не отмстилъ.
Но страсть твоя гасить тѣ искры возбраняетъ,
Отъ коихъ съ протчими и твой градъ воспылаетъ.
Себѣ и обществу страсть вредну истребляй;
Коль долго случай есть, отечество спасай.

Демофонтъ.

Оставило оно при старости Тезея,
И защищать его не хочетъ отъ Мнестея,
То должно индѣ мнѣ прибѣжища искать,
И вмѣсто помощи за то ему отмщать.

Драметъ.

Послушай, Государь, рѣчей моихъ спокойно;
Природѣ ли твоей начать сїе пристойно?
Какъ можетъ отъ чужихъ того желать Тезей,
Чего напрасно ждетъ отъ крови онъ своей?

Тебѣ отца спасти всего достоитъ прежде,
И многихъ съ нимъ Царей не обмануть въ надеждѣ,
Которые тебя за вѣрность наградятъ;
Когдажъ преслушаешъ: подумай, какъ отмстятъ!
Толь много царствъ покрыть всѣ способы имѣешъ.
Филлида въ путь съ тобой спѣшитъ, что ты коснѣешъ?

Демофонтъ.

Я выше бы всего Филлиду почиталъ,
Какъ Илїоны бъ я на свѣтѣ не видалъ!

Драметъ.

Ты долженъ предпочесть благодѣянье страсти,
Послушать Грецїи, отца покрыть въ напасти,
И очи отвратить и запереть свой слухъ
Отъ всѣхъ мечтанїй тѣхъ, что твой смущая духъ,
Препятствуютъ скончать страхъ общїй съ Полидоромъ.
Дерзай и не мятись себѣ прїятнымъ взоромъ.
И промыслъ для того тебѣ сей случай далъ,
Чтобъ сердце мужеско теперь ты показалъ
Предъ всѣми Греками я буду въ томъ свидѣтель,
Коль сильну страсть въ тебѣ попрала добродѣтель.

Демофонтъ.

Я знаю, что вездѣ похвально то, Драметъ,
Когда кто слабости уму подъ власть даетъ.
Мнѣ совѣсть и отецъ, Филлида и всѣ Греки
Велятъ, что бы забылъ Троянку я во вѣки.
Но честь въ одну страну, въ другу любовь влечетъ!

Драметъ.

Тамъ правда къ торжеству, здѣсь прелесть въ ровъ ведетъ.

Демофонтъ.

Я вижу лутчее, и видя похваляю;
Но худшему во слѣдъ, о небо, поспѣшаю!
Возникни слабой духъ во мнѣ и ободрись,
Войди ты самъ въ себя, внимай, и осмотрись,
Гдѣ дочь Прїамова нещастну грудь пронзила. . . . .
О чудна слабостей надъ крѣпкимъ сердцемъ сила!
Какимъ путемъ, Драметъ, я въ сѣть сїю вошелъ!. .
Какъ Илїону я впервые усмотрѣлъ,
Представилъ во умѣ поверженную Трою!
И видя малые остатки предъ собою,
Подумалъ, какъ ее внутрь люта скорбь грызетъ,
Что нѣтъ ужѐ отца, ни храбрыхъ братей нѣтъ!
Печальна красота нещастьемъ умножалась,
И въ жалкомъ видѣ мнѣ прекраснѣе казалась.
Тутъ склонность жалости, и склонности любовь
Послѣдовали внутрь, и вкралася мнѣ въ кровь;
Обьемлетъ чувства всѣ. . . . .

Драметъ.

Искореняй мысль злую,
И первой тщись любви поработить другую.

Демофонтъ.

Я благодарность тамъ любовью называлъ,
Какъ здѣсь саму любовь за жалость почиталъ.
Со обоихъ сторонъ понятїемъ неяснымъ
Покрытъ, иду путемъ со мною несогласнымъ.
Я чувствуя въ себѣ ихъ силу обоихъ,
Обѣимъ слѣдую, и ни одной изъ нихъ!

Драметъ.

Какой нибудь къ тому ты приведенъ причиной;
Но сердце оставляй Филлидѣ ужъ единой,
И слово данное и вѣрность къ ней держи.

Демофонтъ.

Но какъ я то начну? любезной другъ, скажи?
Прогнѣванной ужѐ предъ очи какъ предстану,
Глубоку отъ другой имѣя въ сердцѣ рану?

Драметъ.

Лишъ только ты теперь себя преодолѣй,
Любовь ея къ тебѣ возобновится въ ней,
Сильнѣе прежняго отъ слезъ твоихъ вспылаетъ.

Демофонтъ.

Надежда чрезъ тебя ужъ духъ мой ободряетъ;
Я нынѣ овладѣлъ толь сильными страстьми.
Повѣрь мнѣ, и мое сомнѣнье отними;
Крѣпи въ намѣреньи, хвали мою̀ побѣду,
Не дай съ похвальнаго мнѣ совратиться слѣду.
О вѣрность искрення, ты слабость истребя,
Дай силу мнѣ склонить Филлиду и себя.

КОНЕЦЪ ВТОРОМУ ДѢЙСТВІЮ.

* * *

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРЬВОЕ.

ФИЛЛИДА и ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Полимнесторъ.

Царевна, совершивъ я должныхъ жертвъ обряды,
Искалъ послѣ трудовъ желанныя отрады.
Сраженья частыя, далекіе пути,
Труды, что для тебя одной я могъ снести,
Велятъ отдаться мнѣ любезному покою.
Но усмотрѣвъ тебя печальну предъ собою,
Къ спокойствію себя принудить не возмогъ,
И утѣшать тебя послѣдовалъ въ чертогъ.
Какѝ противности тебя поколебали?
Я смѣю ли пода́ть совѣтъ тебѣ въ печали?
Я смѣюль угадать, кто могъ твой духъ смутить,
И угадавъ, тебя отъ скорьби свободить?

Филлида.

Не наводи, ахъ Князь! на мысль мнѣ бо́льшей ночи?
И такъ ужѐ стыдомъ моѝ покрылись очи;
Оставь на единѣ бесщастную вздыхать.

Полимнесторъ.

Тебя ли я могу терзаніямъ отдать?
И долгъ меня къ тому и ревность понуждаетъ,

И младость и краса твоя повелѣваетъ,
Чтобы отъ тщетныхъ мукъ теперь тебя спасти,
Отъ страсти свободить и въ чувство привести.
Ахъ, что прельщаешься чужею ты страною?
Или отечество ужъ гнусно предъ тобою?
Или такого въ немъ ужѐ Героя нѣтъ,
Съ кѣмъ въ бракъ тебѣ вступить не предосудитъ свѣтъ,
Ктобъ равенъ Греку былъ достоинствъ всѣхъ хвалою:
Я сердце знаю здѣсь лишенное покою,
Въ которомъ вѣрная сугубо кровь кипитъ,
И въ очи и въ уста жаръ внутреннїй стремитъ;
Не зная, будетъ ли тобой оно щастливо,
Мученїя въ лицѣ изображаетъ живо.

Филлида.

Не вѣрь, ахъ Князь, словамъ, и взглядамъ ты не вѣрь,
По виду внѣшнему чувствъ внутреннихъ не мѣрь.
Чужаго се́рдца знать движенїй не возможно!

Полимнесторъ.

Оно въ груди моей, я знаю то не ложно!

Филлида.

Что слышу я еще! ты очи, Князь, открой,
И посмотри, что здѣсь Филлида предъ тобой.
Теперь ты вмѣсто мнѣ желанныя отрады,
Не умножай еще несносныя досады.
Меня, какъ дочь любить принадлежитъ тебѣ;
Иного пламени не воспаляй въ себѣ.
Не чувствуешъ въ своемъ ты сердцѣ Илїоны?
Гдѣ права естества, гдѣ божески законы?

Полимнесторъ.

Когда бессмертные повергли ужъ Троянъ,
Когда Прїамъ, Парисъ, и Гекторъ ихъ попранъ,
И острый мечь пресѣкъ младый вѣкъ Поликсены;
Въ крови и въ пепелѣ дымятся падши стѣ́ны;
Когда они весь родъ искоренить хотятъ:
Боюсь, что и меня съ нимъ купно поразятъ.
Безумно грудь свою поставить противъ грому,
И на Боговъ восстать.

Филлида.

О какъ ты дѣлу злому
Дать хочешь видъ добра, и страсть свою̀ закрыть!
Престань передо мной и мыслїю грѣшить.

Полимнесторъ.

Или ужъ грѣхъ любить лице мнѣ толь прекрасно?
Или, дражайшая, трудился я напрасно,
Когда я собственны забавы презиралъ,
И день и ночь о томъ лишъ только помышлялъ,
Дабы распространить еще твою державу,
И царски воспитавъ, твою умножить славу?
Прїятностьми, что мной покрыты расцвѣли,
Кромѣ меня владѣть кто долженъ на землѝ?
Я нѣжилъ ихъ восходъ, и зрѣлости ждалъ жадно;
То плодъ ихъ потерять мученье безотрадно!
Кто лучше моего здѣсь знаетъ силу правъ,
Обычай подданныхъ, и твой, Царевна, правъ?
И кто какъ я въ уздѣ удержитъ ихъ свободу,
И склонностямъ твоимъ отдастъ себя въ угоду?
Ахъ вспомни, что Ликургъ при смерти говорилъ!

Филлида.

Хотя владѣнїе тебѣ онъ поручилъ;
Однако сердце онъ въ моей оставилъ власти.
Не могутъ повелѣть Цари любовной страсти.

Полимнесторъ.

Такъ буду я крушась въ чужихъ рукахъ смотрѣть
На тую, что велятъ и Боги мнѣ имѣть?
Я щастливъ былъ бы здѣсь, когда бы я волнами
Предъ сими изъ моря поверженъ былъ ногами:
Я сердцемъ бы твоимъ, Царевна, ужъ владѣлъ;
И что притомъ? другой любви искать бы смѣлъ!
Ахъ сжалься, погляди на отческїе бреги
Исполнены вездѣ прїятности и нѣги!
Или они тебя не могутъ побудить,
Чтобы ты пришлеца старалась позабыть?
И рѣки, и поля, и горы воздыхаютъ,
И видомъ жалостнымъ тебя увѣщаваютъ:
Филлида не лиши твоей насъ красоты?
Тоголь не чувствуешъ? тоголь не слышишъ ты?

Филлида.

Престань такими, Князь, терзать меня словами,
И дай мнѣ умягчить тоску свою слезами.

Полимнесторъ.

Я жалостью твоей смущаясь, отхожу;
Но ты сама себя суди одна, прошу.
Невѣрности отмстить ты полну власть имѣя,
Какъ можешь предпочесть защитнику злодѣя

Пришельца своему, и Демофонта мнѣ,
Кроваву Грецію любезной той странѣ,
Гдѣ тронъ твой, гдѣ на свѣтъ вперьвые ты воззрѣла?

* * *

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Филлида одна.

Нигдѣ не слыхано толь злобственнаго дѣла!
Невѣрность кругъ меня, тая̀ свой лютой ядъ,
Являетъ ласковой и полной желчи взглядъ.
Присягу преступивъ одинъ подлогъ скрываетъ,
Другой не такъ меня какъ скипетра желаетъ.
Что нынѣ я начну, куда я обращусь?
Или отъ лстиваго къ невѣрному склонюсь?
Филлида укрѣпись, и бурямъ стань противу,
Закрой отъ нихъ глаза̀, оставь надежду лживу.
Предписаннаго жди мученіямъ конца,
Неблагода́рнаго забудь, забудь льстеца.
Но позабыть его чѣмъ больше я желаю,
Тѣмъ больше въ мысль беру, и тверже вкореняю!
Никакъ любовь тебѣ, никакъ не измѣню.
Но что мнѣ въ томъ, когда его не преклоню?
Такъ стану преклонять преступника мольбою?
Такъ буду, Демофонтъ, я плакать предъ тобою?
Какъ слезны станешь ты потоки презирать?
Но я, лишь обратись, готова все начать!

* * *

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ФИЛЛИДА и КРЕУЗА.

Креуза.

Царевна по твоей исполнила я волѣ.
Теперь ужъ ничего не остается болѣ,
Какъ только что бы твой послѣдней былъ приказъ,
По коему сгоритъ флотъ Греческой тотъ часъ.
Закрыты на судахъ лѣсистыми горами
Стоятъ рабы твои съ готовыми стрѣлами,
Чтобъ пламень оными на корабли пустить,
И Демофонтовъ путь въ Аѳины прекратить.

Филлида.

Пускай и самъ огнемъ скончается невѣрной!

Креуза.

Ты злобой на него вооружась безмѣрной,
Царевна, мѣрности при мщеніи держись,
И безотраднаго раскаянья блюдись!

Филлида.

Ты зная отъ него меня теперь презрѣнну,
Что мстить препятствуешъ за мерсскую измѣну?
Мой плѣнной духъ и такъ склоняется къ нему,
Противится себѣ, противится уму,
И злобу нѣжная любовь одолѣваетъ,
То что ей твой совѣтъ, Креуза, помогаетъ?

Что гнѣвъ мой прекратить твой хочетъ разговоръ?
Незлобія во мнѣ не кажетъ ли мой взоръ?

Креуза.

Ахъ вспомни, какъ моимъ совѣтомъ ты гнушалась:
Но нынѣ я твоей печалью оправдалась;
Тогда было тебѣ не слушать льстивыхъ словъ.

Филлида.

И здравой умъ на все не можетъ быть готовъ.
А поступать въ любви, Креуза, осторожно,
И мысль знать по рѣчамъ, повѣрь, что невозможно.
Тамъ кажется ни въ чемъ худыхъ не будетъ слѣдствъ
Ни въ чемъ невидно тамъ необходимыхъ бѣдствъ:
Опасность кажется сама въ ней безопасна,
И очевидная ужасность не ужасна.
За страстью я своей не видѣла умомъ
Что Демофонтовъ домъ на берегу чужомъ.
И сладость, что текла прелестными устами,
Не жаромъ рождена, но хладными волнами!
Я думалаль тогда, что мнѣ онъ только льститъ?

Креуза.

Минута жаръ зажгла, минута погаситъ.
Любовь съ надеждою живетъ, и умираетъ,
Отъѣздъ его любовь и скорбь твою скончаетъ.

Филлида.

Такъ отпущу его, Креуза, не отмстивъ?
Такъ насмѣявся онъ, отсель уѣдетъ живъ?
Но мнѣ ли требовать отъ Демофонта мести?
Пусть жизни я лишусь! но жаль лишиться чести!

Казнить его спѣшу; но имъ еще полна:
Хотя отчаялась, еще ему вѣрна!

Креуза.

Исполненной тебѣ пріятнаго толь яда
Противны способы, противна вся отрада.
Когда болящему сама болѣзнь люба,
То сила всѣхъ лѣкарствъ бездѣльна и слаба.

Филлида.

Филлида умирай, но возвративши славу,
Отмсти, и презирай любовь, животъ, державу.

* * *

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ДЕМОФОНТЪ, ФИЛЛИДА, КРЕУЗА и ДРАМЕТЪ.

Демофонтъ.

Исполни праведно отмщеніе на мнѣ,
Я оправдать себя не тщусь въ своей винѣ.

Филлида.

Креуза, что теперь? куда себя укрою?
Продерзостной предсталъ еще передо мною!

Демофонтъ.

Вздыханїямъ моимъ, ахъ небо, помоги!

Филлида.

Преступникъ, удались, отъ глазъ моихъ бѣги.

Демофонтъ.

Позволь, позволь сказать хотя едино слово:
Я ка́зни лишь прошу, и ничего другово.

Филлида.

Ещели чаешь ты въ коварности успѣть?
Еще ли хочешь скрыть своихъ обмановъ сѣть?
Довольно ужъ, что ты за всѣ мои прїязни,
Свидѣтелей Боговъ не убоявшись казни,
Шесть мѣсяцовъ ко мнѣ горячность притворялъ,
Которой въ сердцѣ ты отнюдь не ощущалъ.
Ты клялся бурями, войною, глубиною,
Что можешь лишь воздать мнѣ за прїязнь собою.
На толь старалась я о корабляхъ твоихъ,
Что бы похитить честь и жизнь мою̀ чрезъ нихъ?
Богъ мо́ря, Богъ войны, Богъ вѣтра, Богъ любови,
Какъ станутъ мстить, на месть твоей не станетъ крови.

Демофонтъ.

Когда ужѐ въ моихъ словахъ нѣтъ столько силъ,
Дабы увѣрить въ томъ, что я тебя любилъ,
Что я не вольно впалъ въ такое преступленье,
Что лютое терплю, раскаявшись мученье,
Что дѣломъ я своимъ гнушаюсь и собой;
То будетъ въ томъ мнѣ смерть свидѣтель предъ тобой.

Когда я не могу увѣрить въ томъ слезами
Увѣрься же теперь кровавыми струями.

хочетъ заколотся

Филлида.

хватая за руку и съ нею прочїя держатъ

Ахъ дерзской!

Драметъ.

Для Боговъ!

Демофонтъ.

къ Филлидѣ

Ты хочешь чтобъ я жилъ,
Когда ужъ я тебѣ, и самъ себѣ постылъ?

Филлида.

Ты хочешъ смертїю меня увѣрить злою,
Что предъ тобой гнусна и жизнь твоя со мною?
Ты хочешъ для того со свѣта убѣжать,
Чтобъ въ жизнь несносныя Филлиды не видать?

Демофонтъ.

Чтобъ жизни дать конецъ безславной толь и слезной,
Чтобъ тягостну не быть и небу и любезной.

Драметъ.

вкладываетъ Демофонту шпагу

Не будь, ахъ Государь, себѣ и намъ жестокъ:
Живи и вѣрностью загладить тщись порокъ.

Креуза.

Вы вспомните залогъ любовнаго союза!

Филлида.

Ахъ то ли, то ли въ немъ любовь ко мнѣ, Креуза,
Чтобы въ глазахъ моихъ другу къ себѣ склонять?

Демофонтъ.

Затѣмъ ли не даешь животъ свой мнѣ скончать,
Чтобъ слышалъ я свой срамъ, которой горше смерти?
Дай мнѣ безславїе невѣрной кровью стерти!

опять хватается за шпагу, но они не допускаютъ вынять

Филлида.

Свирѣпой, чаешъ ты, я мало слезъ лила?
И мало для тебя я претерпѣла зла?

Демофонтъ.

Причину золъ твоихъ искоренить желаю:
Чтожъ воли отъ тебя на то не получаю?
Позволь мнѣ умереть; или прости вину,
Съ которой жизнь свою раскаявшись клену!
Когдабъ я могъ сказать, твой гнѣвъ не умножая,
Какъ въ мрачной ровъ ввела меня судьбина злая,
Какая внутрь меня была тогда борьба,
Тобъ ты увѣрилась, ахъ! коль ты мнѣ люба!

Филлида.

Ты любишъ! и бѣжать готовъ отсель всечасно!
Любить и прочь бѣжать какъ можетъ быть согласно?
Что толь несносное примѣтилъ ты во мнѣ?

Въ какой я, покажи, обличена винѣ?
Я тѣмъ ли предъ тобой, я тѣмъ ли погрѣшила,
Что не крушивъ тебя, любовь свою̀ открыла?

Демофонтъ.

Чѣмъ ты безвиннѣе, драгая, предо мной,
Тѣмъ больше множится порокъ мой предъ тобой;
Но ты мнѣ отпусти толь тяжко погрѣшенье,
И щедрой прослыви на свѣтѣ чрезъ прощенье.
на колѣни становится

Филлида.

Ахъ, что желаешъ ты еще меня крушить,
Съ надеждою во мнѣ и му́ку обновить?
Непостоянствомъ какъ, о какъ твоимъ терзаюсь!
Прошедшимъ мучусь я и будущимъ смущаюсь!
Иль волею въ другой обманъ себя отдамъ?
насторону
Но смерть мнѣ не проститъ, проститъ мнѣ вѣчной срамъ.

Демофонтъ.

Прости!

Драметъ.

Дражайшія сердца̀ соединитесь,
И нѣжныя любви законамъ покоритесь.

Креуза.

къ Филлидѣ
На жалость преклонись.

Филлида.

О какъ мой духъ смущенъ!

Демофонтъ.

Увѣрь, дражайшая, увѣрь что я прощенъ.

Филлида.

На что меня твои вопросы принуждаютъ?
Не яснoль слабости мои тебѣ являютъ,
Отчаянье и скорбь, и слабая гроза
Смущенныя словà и полны слезъ глазà!

поднимаетъ

Свирѣпой, торжествуй: ужѐ я признаваюсь
Что тщетно въ страсти я передъ тобой скрываюсь.
Еще тебя люблю, хотя ты измѣнилъ.
Ахъ чтобъ я здѣлала, когдабъ ты вѣренъ былъ!
Хоть вѣрности твоей едва я ожидаю;
Но радость всю въ тебѣ и щастье полагаю.
Въ державѣ я своей прїемлю твой законъ,
Вручаю сердце, жизнь, отечество, и тронъ!

Демофонтъ.

Хотя о таковомъ прощеньѣ сомнѣваюсь,
Что въ несказанномъ я порокѣ признаваюсь;
Но страхъ отъемлетъ мнѣ возлюбленный твой видъ,
Залога склонности твоей просить велитъ.
Позволь дражайшая принять своѝ мнѣ руку,
И во все истреби моѝ сердечну мỳку.

принявъ руку цѣлуетъ

Коль долго я сея держуся на землѝ,
Толь долго, небо, мнѣ быть щастливу вели!
Я принялъ чрезъ нее спасенье отъ пучины,
Ее я лобызалъ избавясь отъ кончины.
Я сю первой знакъ любови получилъ,
Кому нещастной, ахъ! кому я измѣнилъ!
Ты всѣ противности мои позабывая,

Преступнику даешь прощенїе, драгая!
Бессмертные, когда оставлю я ее,
Мое исторгните отъ свѣта бытїе.
Пусть Понтъ пожретъ меня свирѣпыми волнами,
Когда желанный брегъ ужъ будетъ предъ глазами;
Пусть буду на пустомъ песку не погребенъ,
Отъ птицъ и отъ звѣрей на части расхищенъ!

Д р а м е т ъ.

Любови обновивъ союзъ неоцѣненный,
Ужъ время поспѣшать вамъ въ путь опредѣленный.

Ф и л л и д а.

Отъ Полимнестора какъ можемъ утаить?

Д е м о ф о н т ъ.

Любовь моя, любовь все можетъ побѣдить!

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕМУ ДѢЙСТВЇЮ.

* * *

ДѢЙСТВЇЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНЇЕ ПЕРЬВОЕ.

ПОЛИМНЕСТОРЪ и ИЛЇОНА.

И л ї о н а.

Какое щастїе тебя ко мнѣ ведетъ,
Отъ коего мой духъ еще отрады ждетъ?

Полимнесторъ.

Я здѣсь искалъ тебя.

Илїона.

Ужель стенанїй сила
Тебя къ несчастливой на жалость преклонила?

Полимнесторъ.

Я видя, что тебя сомнѣнїя мятутъ,
Что мысли разныя себѣ предѣла ждутъ:
Пресѣчь и рушить ихъ, Царевна, поспѣшаю!
Тебѣ то будетъ все прїятно, уповаю.

Илїона.

О небо, воссїяй въ мою затмѣнну грудь,
И сердцу томному дай нынѣ отдохнуть!

Полимнесторъ.

Я не пришолъ къ тебѣ, чтобъ льстивые обманы
И сладкой ядъ влагать для большей скорби въ раны.
Но искренность моя не можетъ утаить
Того, что Боги мнѣ велѣли совершить;
Я вѣрность обѣщалъ хранить тебѣ неложно,
И сохранялъ всегда, коль долго было можно.
Когдабы я къ тебѣ любови не имѣлъ,
Когдабъ сердечной жаръ и нынѣ не кипѣлъ,
То могъ бы я сказать, что клялся я заочно,
И клятву преступить мнѣ можно безпорочно;
Сказалъ бы, что не знавъ я твоего лица,
Не красоту твою, но представлялъ отца,
Богатство представлялъ и въ славной силѣ Трою,

И все что было въ ней я называлъ тобою.
Но я довольствуясь достоинствомъ твоимъ,
Гнушаюсь, помня честь, подлогомъ таковымъ.
И жалость и любовь къ тебѣ меня терзаетъ,
И гнѣвной мнѣ отвѣтъ отъ олтаря смущаетъ!
Ахъ естьлибы и то подобной былъ подлогъ,
Ахъ естьлибъ я и то почéсть въ неправду могъ,
О естьлибъ преступить возмогъ я безъ боязни,
Ни мнѣ нижè тебѣ неожидая казни,
Что далъ отъ олтаря мнѣ строгой Марсъ въ отвѣтъ!

Илïона.

Къ надеждѣ ли меня иль къ пагубѣ влечетъ?

Полимнесторъ.

Съ одной страны тебѣ надежду обѣщаетъ,
Съ другой страны мое желанье пресѣкаетъ.
Чрезъ Грековъ небеса повергнули Троянъ,
Чрезъ Грековъ же хотятъ и исцѣлить отъ ранъ;
Ихъ стѣны обновить Героя посылаютъ,
И красоты твоей меня они лишаютъ;
Велятъ, которую я воспиталъ, любить;
Тебя, дражайшая, ихъ волѣ поручить,
Ихъ волѣ и тому, кто воспаленъ тобою,
Лежащу обѣщалъ тебѣ восставить Трою.

Илïона.

Возможноль, чтобы тѣжъ насъ Боги сочетать
Хотѣли, и тотъ часъ невинно разлучать?
И можешь волѣ ихъ немедля согласиться,
Какъ ежели она противъ твоей стремится?
Не смѣешъ противъ ней ты слóва испустить?

Ахъ тѣмъ ли хочешъ ты невѣрность утаить?
Вотще ко храму ложъ прибѣжище имѣетъ;
Сквозь святости покровъ коварства ядъ чернѣетъ.
Ты видомъ лишъ однимъ послѣдуешъ Богамъ,
Но дѣломъ восстаешъ противу оныхъ самъ.
Ты хочешъ скиптръ чужой отнять, не устрашаясь;
Но съ трономъ упадешъ, не право возвышаясь.
Пускай что можешь ты въ продерзости успѣть,
И младость нѣжную тиранствомъ одолѣть;
Какую чаешь въ томъ себѣ имѣть забаву?
Какую можешь тѣмъ снискать на свѣтѣ славу?
Ты ненавистїю отвсюду окруженъ,
И лютыми смертьми по всякъ часъ устрашенъ,
Отъ той самой страшась, душею возмутишся,
Для коей преступить присягу не боишся.
Но правда чистая всегда предъ тѣмъ скверна,
Въ комъ злость проклятая живетъ вкоренена.
Когда бы ты еще имѣлъ любви хоть мало,
И сердце бы ко мнѣ хотя легко пылало;
То могъ ли бъ ты снести, что бы кровавой Грекъ
Отъ взору твоего въ полонъ меня повлекъ;
Дабы тамъ въ торжествѣ онъ могъ меня представить,
И сопостатъ себя въ отечествѣ прославить;
Дабы съ презрѣнїемъ народъ увидѣлъ тамъ,
Котору поручилъ тебѣ въ чертогъ Прїамъ.
Не лучшели сказать, что нынѣ Илїона
Не блещетъ славою отеческаго трона,
Что нынѣ не льститъ вѣнецъ и не смущаетъ страхъ,
Что въ Греческихъ гремѣлъ отъ Гектора полкáхъ!
Ты чаешь, что онъ мертвъ? онъ живъ, ужѐ вставаетъ:
Земля предъ нимъ врата, тряхнувшись, отверзаетъ!
О Гекторъ поспѣшай, и за сестру отмсти,
И брата своего въ младенствѣ защити!
Оружїемъ звучитъ, огнемъ вооруженъ!

А ты, предатель мой, еще не устрашенъ?
Мечемъ ужъ надъ твоей онъ головой сверкаетъ.
Коль темна ночь глазà и духъ мой помрачаетъ!

Полимнесторъ.

Ахъ истиненъ твой гнѣвъ! я лютой твой тиранъ!
Но волей ли моей союзъ любви попранъ?
Столь много рѣчь твоя меня не укоряетъ,
Какъ совѣсть внутрь грызетъ меня и обличаетъ!
Я строгой бы готовъ противиться судьбѣ,
И въ жертву принести себя одной тебѣ;
Но вижу, что тебя спасать лишь начинаю,
Я больше тѣмъ тебя бесщастну погубляю.

Илїона.

О жалость звѣрская, жалѣть и убивать!
Незлобїе мое ты можешь презирать?
Я въ самой часъ, когда ты лютыми устами
Священный рвешь союзъ положенный межъ нами,
На ненависть себя принудить не могу,
И нудясь, на свое тебѣ я сердце лгу.
Но больше не хочу стараться быть любезна.
Ужѐ моя къ тебѣ надежда безполезна!
Блистаетъ съ красотой Филлидиной вѣнецъ,
Мнѣ слéзы лишь однѣ оставилъ мой отецъ!
Бесчеловѣчной, что ты очи отвращаешь?
Ты тщетными со мной минуты всѣ считаешь.
Ужѐ ты не меня но и себя забылъ:
Твои всѣ мысли съ той, которой ты постылъ.
Съ ней сердцемъ говоришь, ей слѣдуешь глазами:
Я больше скучными не удержу словами.
Поди, и ей кленись, какъ прежде клялся мнѣ,
Свидѣтели всему на небесахъ однѣ.

Я знаю, что они того не позабыли,
Каковъ они союзъ межъ нами утвердили.
Ты чистой жаръ ко мнѣ безстуднымъ погаси,
И сердце предъ олтарь преступно понеси.

Полимнесторъ.

Я съ онымъ приступить къ Богамъ не обинуюсь,
Когда отвѣту ихъ и волѣ повинуюсь.

* * *

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Илїона одна.

Чего не можетъ злость проклята предпріять?
Велитъ, забывъ вражду, за Грека посягать!
Велитъ мнѣ позабыть отечества паденье,
И братей и сестры несносное мученье.
Какъ Гекторъ былъ попранъ, лишенъ по смерти гроба
Какъ матери моей растерзанна утроба,
Пронзенный какъ Прїамъ предъ олтаремъ лежалъ,
Въ сыновней и въ своей крови животъ скончалъ!
Какъ мнѣ не представлять ту ночь бесчеловѣчну,
Что день Троянскїй въ ночь перемѣнила вѣчну?
И лютыхъ хищниковъ торжествовавшихъ крикъ,
Которой мнѣ и здѣсь наноситъ страхъ великъ.
Какъ Греки нашихъ стѣнъ освѣщены пожаромъ
На пагубу Троянъ спѣшили въ буйствѣ яромъ;
Чрезъ сродниковъ моихъ стремился тѣлà,

Изъ коихъ по землѝ густая кровь текла.
Въ такой ли отпустилъ чертогъ меня родитель!
Такой готовишь бракъ, о лютый, мнѣ, мучитель!
Однако тѣмъ своихъ очей не насладишъ;
Ты въ ровъ влечешь меня, но самъ надъ нимъ стоишъ.
Пронжу мечемъ, когда любовь не уязвила?
Но мести слабыя мнѣ недовольна сила.
Онъ долженъ пагубу увидѣвъ возстенать,
Вотще раскаяться, безъ пользы духъ отдать.
И месть моя ничто, когда онъ не узнаетъ,
Что му́ку отъ моей руки претерпѣваетъ.
Ужъ время, что стою̀? но что хочу начать?
Я быть гнушаюсь здѣсь, и прочь не тщусь бѣжать.
Еще смущеннымъ я умомъ того не вижу,
Люблю ли я его или я ненавижу!
Съ какимъ презрѣнїемъ оставилъ онъ меня!
Пустилъ ли каплю слезъ, вздохнулъ ли отходя?
Но въ слабомъ сердцѣ семъ еще онъ пребываетъ,
Въ отчаяньѣ еще надежда мнѣ сїяетъ.
Но въ чемъ надежду я еще имѣть могу:
Онъ въ сердце вкоренилъ во вѣкъ ужѐ другу̀!
Одна надежда мнѣ, надежды всей лишиться
И съ братомъ въ тѣжъ мѣста̀ нещастливымъ укрыться.
Укроюсь? и своихъ не насладу очей,
Какъ будетъ жизнїю гнушаться онъ своей?
Когда безвиннаго онъ вмѣсто Полидора
Сыновняго прельщенъ во вѣкъ лишится взора,
Какъ въ Греческихъ рукахъ заплачетъ Деифилъ,
Котораго отецъ на му́ку имъ вручилъ?

* * *

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ИЛЇОНА и МЕМНОНЪ.

Мемнонъ.

Ты жалобы оставь, Царевна, бесполезны:
Помогутъ ли тебѣ теперь потоки слезны?
Троянскїе спасать остатки поспѣшай,
И брата отъ рукѝ противничей скрывай.

Илїона.

Когда ужѐ и здѣсь мы не нашли защиты,
То кѣмъ нещастные мы можемъ быть покрыты?

* * *

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Мемнонъ одинъ.

Какъ въ свѣтѣ всѣ дѣлà преобращаетъ рокъ!
Сего дня свер̆женъ внизъ, кто былъ вчера высокъ.
Сей часъ намъ радостенъ, но слѣдующей слезенъ;
Тотъ вечеромъ постылъ, кто утромъ былъ любезенъ.
Давно ли Трои верьхъ касался облаковъ,

Гдѣ нынѣ смрадными костьми наполненъ ровъ?
Давноль со славой дочь Пріамову встрѣчали,
Что нынь отверженна терзается въ печали?
О ты величества и бѣдности примѣръ
Подобіе небесъ, подобіе пещеръ!
О Троя, ты сердца̀ Геройскія родила,
И въ пепелѣ своемъ упадши ихъ покрыла!
На что оставленъ здѣсь съ сестрою Полидоръ?
На что не погребенъ среди Идейскихъ горъ?
Ахъ лучшебъ со стѣны низринуту разбиться,
И ей въ крови своей невинной обагриться!
Со братними костьми соединясь лежать,
И купно пепелъ свой съ отеческимъ смѣшать;
Какъ нынѣ приклонить куда главу не зная,
Не видѣть горести неслыханныя края!

* * *

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ДЕМОФОНТЪ и МЕМНОНЪ.

Демофонтъ.

Что медлишъ здѣсь одинъ, любезный мой Мемнонъ?
И что изъ глубины ты испускаешъ стонъ?
Никакъ препятствія въ намѣреньи случились,
И наши тайные совѣты ужъ открылись?

Мемнонъ.

Опасности ни въ чемъ невидно никакой,
И флотъ къ отшествїю со всѣмъ исправленъ твой;
Филлида на него по всякой часъ взираетъ,
И по стопамъ твоимъ во слѣдъ итти желаетъ.
Лишъ только тьмой твои суда покроетъ ночь,
Отъ нашихъ береговъ пустись щастливо прочь.
Въ отсутствїе твое, въ отсутствїе Филлиды
Правленїе землѝ другїе приметъ виды.
Дотолѣ Князю я отъ ревности служилъ,
Пока онъ правду самъ и искренность хранилъ.
Но нынѣ онъ свои законы преступаетъ,
И тѣмъ отъ нихъ меня и протчихъ свобождаетъ.
Ты ревность искренню къ Царевнѣ сохрани,
И утвердивъ престолъ въ Аѳинахъ не косни,
Воспоминай всегда мое послѣдне слово:
Здѣсь сердце подданныхъ принять тебя готово.

Демофонтъ.

Ты въ пользу способы намъ всѣ употреби,
Прости, и обоихъ въ отсутствїи люби.

* * *

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ДЕМОФОНТЪ и ФИЛЛИДА.

Филлида.

Ты видишь, что тебя я ради предпрїемлю?
Дерзаю чрезъ валы итти въ чужую землю!

Не Полимнестора я устрашась бѣгу,
Но взору твоего лишиться не могу.
Хотя пучины я бурливой устрашаюсь;
Но и въ опасности съ тобой не опасаюсь.
Когда ты мнѣ не льстишъ, когда ты вѣренъ мнѣ,
То вѣренъ будетъ намъ и путь во глубинѣ.

Демофонтъ.

Хоть тягостны труды, но наградитъ отрада,
Когда постигнемъ мы отеческаго града.
Коль радостно тебя увидитъ тамъ Тезей!
Какое множество сберется тамъ людей!
Признаки по путямъ побѣдъ моихъ поставятъ,
И пѣсни брачныя къ торжественнымъ прибавятъ.
Прекрасно солнце, ты зайди за глубину,
На горизонтъ пусти скорѣе тьму ночну:
И прежде не блистай пресвѣтлыми лучами,
Пока сей брегъ отъ насъ не скроется валами.
Сей брегъ, отъ коего мы нынѣ прочь бѣжимъ,
Но неотступно внутрь сердецъ его держимъ.
Межъ тѣмъ съ Мемнономъ скрыть я долженъ намъ дорогу,
Чтобъ, ежель Княжескъ полкъ ударитъ вдругъ тревогу,
Успѣли въ городѣ намъ вѣрные полки
Спасти насъ отъ его коварныя руки.
Пожди дражайшая, пожди меня минуту.

* * *

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

ФИЛЛИДА и КРЕУЗА.

Филлида.

Оставшись, чувствую тоску на сердцѣ люту.
Любезная ко мнѣ, Креуза, ахъ поди,
И въ ожиданїи мнѣ время проводи.
Что смутной въ землю взоръ, унывши, потупляешъ?
Ты стонешъ! ахъ о чемъ? ты слéзы проливаешъ!
Далекаго пути, драгая, не страшись,
Забудь все, и моимъ примѣромъ укрѣпись.

Креуза.

Не путь меня, не путь далекой устрашаетъ,
Но блиская бѣда всѣ чувства отягчаетъ.
Коль много терпишъ зла отъ нѣжной простоты!
О коль коваренъ онъ! о коль злощастна ты!
Нигдѣ надежды нѣтъ, нигдѣ намъ нѣтъ успѣху!
Намъ отнялъ въ скорби рокъ послѣднюю утѣху!

Филлида.

Престань смущать меня, безвременно таясь.
О какъ я извинюсь, когда увѣдалъ Князь?
Но Демофонтъ ко мнѣ поспѣшно возвратится.

Креуза.

Ты больше на него не можешъ положиться!

Филлида.

Ахъ се́рдца не пронзай. . . . . . .

Креуза.

Хоть поздо, будешь знать,
И время не велитъ нещастья умолчать.

Филлида.

Коль долго, небеса, вы будете мнѣ строги!

Креуза.

Я мимо проходя Троянскіе чертоги
Увидѣла, спѣшитъ изъ нихъ къ судамъ Драметъ,
Младенца на рукахъ закрытаго несетъ,
И озирается страшливыми глазами.
Я видя тутъ рабу обмытую слезами,
Спросила, для чего она стоитъ смутна?
Отвѣтствовала мнѣ: Царевна предана!
И Князь не убоясь ни Бога ни закону,
Въ супружество даетъ другому Иліону,
И придетъ, говорятъ, поспѣшно Демофонтъ,
Бесщастну тайно взять и увести чрезъ Понтъ!

Филлида.

Ахъ лютой мой злодѣй, какъ могъ ты притвориться!
И какъ посмѣла я на лживомъ утвердиться?
Но помощи ужъ нѣтъ! Креуза ахъ спѣши,

И въ зломъ отчаяньи нещастной послужи;
Вели пуститься въ Понтъ стоящимъ подъ горами,
И воздухъ огустить горящими стрѣлами,
Чтобъ тучей огненной покрылись корабли.
Не медли.

* * *

ЯВЛЕНЇЕ ВОСЬМОЕ.

Филлида одна.

Есть ли кто лукавѣй на землѝ!
Меня оставивъ здѣсь въ прїятной толь надеждѣ!
И больше нѣжности мнѣ показавъ какъ прежде,
Въ послѣдни изъ моихъ пошолъ прельщенныхъ глазъ!
О лютая судьба! о коль свирѣпой часъ!
Я твоего стою̀ прихода ожидая,
Когда въ путь за тобой послѣдуетъ другая!
Но ты продерской самъ почувствуешъ тоску:
Огнемъ въ срединѣ водъ я путь твой пресѣку.
Когдажъ не возмогу, то кровь моя струями,
Тебя изобличитъ, кипя во слѣдъ съ волнами.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОМУ ДѢЙСТВЇЮ.

* * *

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ФИЛЛИДА, МЕМНОНЪ и КРЕУЗА.

Мемнонъ.

Багряные лучи закрыла ужъ зоря,
Изъ глазъ отъемлетъ ночь и землю и моря̀.
Я съ мракомъ вдругъ имѣлъ и мысли помраченны,
И представлялъ въ умѣ полкѝ вооруженны,
Дабы тогда, какъ ты плывешь между валовъ,
Присудствовала мной у здѣшнихъ береговъ,
Что бы Ѳракїяне тебя здѣсь ощущали,
Хотя бъ отшествїе твое отсюду знали.
Но нынѣ я тебя увидѣлъ здѣсь еще!

Филлида.

Намѣренья мои погибли все вотще.
Я вѣрила словамъ, Мемнонъ, ахъ полнымъ яду!
Теперь мнѣ кто подастъ отчаянной отраду?

Мемнонъ.

Какая нынѣ скорбь мрачитъ твой снова духъ?

Филлида.

Такою наглостью не оскорбленъ твой слухъ?

Мемнонъ.

Какою?

Филлида.

Демофонтъ съ Троянкой прочь отходитъ,
И въ пагубу меня конечную приводитъ!

Мемнонъ.

Не представляй себѣ нещастія сего. . . . . .
Но къ намъ Драметъ спѣшитъ; увѣрься отъ него.

* * *

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ФИЛЛИДА, МЕМНОНЪ и ДРАМЕТЪ.

Драметъ.

Царевна, корабли стоятъ готовы къ бѣгу,
И только ждутъ они тебя одной со брегу.
Способной Аквилонъ, покрытой горизонтъ,
Къ отшествію съ тобой имѣетъ Демофонтъ.

Филлида.

Троянкѣ буду я послѣдовать рабою?
Я Волею пойду какъ плѣнница съ нимъ въ Трою?
Оставя свой престолъ, я буду тамъ взирать,
Какъ будетъ онъ себя на царство съ ней вѣнчать?

Мемнонъ.

Я вижу, мнѣнїе тебя терзаетъ ложно.

Драметъ.

Прїамова дочь здѣсь.

Филлида.

Какъ быть тому возможно?
Когда ты брата взялъ ужѐ на корабли,
Сестра ли отъ него осталась на землѝ?

Драметъ.

Ужѐ теперь таить не дозволяетъ время.
Тебѣ извѣстно, что Троянско Грекамъ племя
Противно на сердцахъ, ужасно на поляхъ:
Остатки онаго еще наводятъ страхъ!
За тѣмъ я тщился здѣсь младаго Полидора
Отъ Илїонина во вѣкъ отторгнуть взора;
И нынѣ я могу ужъ Грекамъ показать,
Что Троя больше ихъ не можетъ устрашать.
Троянскїя восстать не могутъ больше стѣны:
Не можетъ впредь Парисъ похитить въ нихъ Елены.

Филлида.

Ахъ коль ужасна вѣсть! какъ бѣдство отвратить?

Мемнонъ.

Ахъ небо, какъ могло сїе ты попустить?
Нещастная сестра какую скорбь терпѣла!

Браметъ.

И кровь во мнѣ самомъ отъ жалости кипѣла,
Какъ въ Илїонинъ я посмѣлъ вступить чертогъ;
Но воли преступить отечества не могъ.
Она едва въ слезахъ промолвила, рыдая:
Когда насъ истребить судьбина хочетъ злая,
Когда насъ предаетъ, кто долженъ защищать;
Осталось отъ самихъ враговъ отрады ждать.
Отъ рукъ неправедныхъ покройте бѣдныхъ, Греки;
Хотя свирѣпы вы, однако человѣки.
Отъ васъ я избѣжавъ, вселилась межъ звѣрей,
Что носятъ на себѣ лишъ видъ одинъ людей.
Промолвила, и мнѣ сама вручила брата.

Мемнонъ.

О скверная алчба могущества и злата.

Филлида.

Но гдѣ мой Демофонтъ?

Браметъ.

Чтобъ ты могла притти
Безбѣдно на суда: отъ брегу по пути
Онъ ставитъ стражей самъ: за тѣмъ что вѣтръ способной
Прибавилъ много силъ въ часъ къ плаванью удобной.

Филлида.

Креуза, отвратить нещастье поспѣши,
И руки злобныя отъ гнѣва удержи!

Креуза.

Раскаянье твое едваль ужѐ не позно.
О небо, проводи безъ казни время грозно!

* * *

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ФИЛЛИДА, ИЛЇОНА, МЕМНОНЪ и ДРАМЕТЪ.

Филлида.

увидѣвъ Илїону

Коль нерассудно злюсь, любезной, на тебя!

Илїона.

Царевна, отъ меня что хочешь скрыть себя?
Не скучнымъ досаждать къ тебѣ иду я споромъ,
И независтливымъ о щастьѣ разговоромъ;
Но слёзы горькїя передъ тобой пролить,
И бѣднымъ помощи въ гоненїи просить.
Невинной Полидоръ на пагубу отъ мýки,
И изъ тиранскихъ взятъ въ противнически рýки.
Одинъ вашъ будетъ путь, но разной тамъ конецъ.
Его свирѣпа смерть, тебя тамъ ждетъ вѣнецъ!
Ты вѣдая меня и мысльми въ томъ невинну,
Чтобъ я къ смущенїямъ твоимъ дала причину,
Драгая, не имѣй ко мнѣ на сердцѣ зла;

Но помня, какова любовь межъ насъ была,
Ты будь поверженнымъ защита и подпора,
Предстательствомъ спаси отъ смерти Полидора.
Достигни щастливо тебѣ желанныхъ странъ,
Чтобъ мучился, лишась надежды, нашъ тиранъ.

Филлида.

Я чувствовать могу болѣзнь твою сердечну,
Коль тягостно нести злость толь бесчеловѣчну!
Но тотъ, кто долженъ самъ спасенїя искать,
Какъ можетъ оное другому обѣщать?

Мемнонъ.

оборотясь на сторону

Что ночи темноту надъ моремъ прогоняетъ?

Филлида.

Ахъ люта злость мою надежду пресѣкаетъ!

Драметъ.

Чѣмъ небо намъ грозитъ!

Филлида.

Гдѣ помощи искать?
Спѣши со мной, Драметъ, спасать и умирать.

* * *

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ИЛЇОНА и МЕМНОНЪ.

Мемнонъ.

Нещастье наши всѣ совѣты разрушаетъ,
И предпріятой путь Филлидѣ запираетъ.
Горитъ нещастнаго ахъ, Демофонта флотъ,
И помощи лишенъ среди глубокихъ водъ!
О сжальтесь вы хотя, морскїя, сжальтесь, во́лны,
Восстаньте на пожаръ, восстаньте гнѣва полны.
Дождевны облаки, о небо, раствори,
И вихри пламенны потопомъ усмири!
Но крикъ при берегахъ и бо́льшій страхъ отъ треску
И умноженіе сїянія и блеску
Погибелїю намъ отчаяннымъ грозятъ.

Илїона.

Теперь противникамъ за Трою Боги мстятъ.
Когда они Троянъ державу разрушили,
Свирѣпствомъ и Боговъ ко гнѣву побудили.
Они ихъ отпустивъ отъ нашихъ береговъ,
Хотятъ всѣхъ погубить среди крутыхъ валовъ.
А ты объ нихъ, Мемнонъ, печалясь, воздыхаешь;
Ты Трою раззорять тираннамъ помогаешь.

Мемнонъ.

Когда бы вѣдала намѣренья мои,
Оставила бы ты роптанія свои.

Кто можетъ ближе всѣхъ къ Прïамову быть трону
Какъ тотъ, кому онъ самъ въ чертогъ далъ Илïону?
И кто Ликурговъ здѣсь наслѣдникъ долженъ быть,
Какъ тотъ, кого могла Филлида полюбить?
Я обое къ концу привесть желалъ, Царевна;
Но вижу, рушитъ все въ конецъ судьбина гнѣвна.
Въ коварныхъ умыслахъ успѣхъ имѣетъ Князь!
Какъ можетъ дать отвѣтъ Филлида возвратясь?
Флотъ нынѣ Греческой ему ужъ не ужасенъ:
Въ желанïи своемъ онъ будетъ безопасенъ.
Неизбѣжимая тебѣ грозитъ бѣда.
И мнѣ, бессмертные, достойна та ли мзда?
Кто нынѣ насъ спасетъ?

Илïона.

Тотъ бѣдство презираетъ,
Кто больше ужъ себѣ спасенïя не чаетъ.
Ни молнïя меня, нижѐ Зевесовъ гнѣвъ,
Не можетъ устрашить: ударь не укоснѣвъ!

* * *

ЯВЛЕНÏЕ ПЯТОЕ.

ИЛÏОНА, ПОЛИМНЕСТОРЪ и МЕМНОНЪ.

Полимнесторъ.

Аѳинской флотъ горитъ!

къ Илïонѣ

Ты здѣсь? и гдѣ Филлида?

Иліона.

Гнушаясь твоего несноснаго ей вида,
Ни пламени ни водъ бѣжитъ не устрашась,
Я здѣсь, и чтобъ тебя тоской терзать, спаслась.

Полимнесторъ.

Нечаянная мнѣ и строга перемѣна,
Которою скорбитъ душа моя смущенна!

Мемнонъ.

Теперь услышимъ мы, къ чему насъ рокъ влечетъ!

* * *

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ПОЛИМНЕСТОРЪ, ИЛІОНА, МЕМНОНЪ и ВѢСТНИКЪ.

Мемнонъ.

Какой судьба конецъ смятеніямъ даетъ?
Чѣмъ пламень намъ грозитъ, свирѣпствуя надъ Понтомъ?

Вѣстникъ.

Филлиды больше нѣтъ съ любезнымъ Демофонтомъ!
Лишились жизни!

Мемнонъ.

Ахъ!

Полимнесторъ.

Несносной мнѣ ударъ!

Илїона.

Ахъ! какъ плачевныя погасъ любови жаръ?

Вѣстникъ.

Толь много бѣдствъ сказать лишь только начинаю,
Откуду мнѣ начать, я въ ужасѣ не знаю!
Когда покрыла ночь со флотомъ глубину,
Мы ждали на него Филлиду лишь одну.
Поставивъ Демофонтъ суда ко брегу строемъ,
Чтобы любезную привесть на нихъ съ покоемъ,
На встрѣчу къ пристани лишь ѣхать поспѣшалъ,
Куда ее привесть Драмета онъ послалъ.
Внезапно изъ за горъ тамъ вéсла зашумѣли,
И стрѣлы огненны до облаковъ взлѣтѣли.
Упали съ высоты на насъ какъ сильной градъ.
Ужè на корабляхъ снаряды всѣ горятъ!
Пылаютъ парусы, валятся райны въ море,
Въ дыму и въ шумѣ тамъ лишь только слышно, горе!

Илїона.

О коль великой страхъ!

Мемнонъ.

О лютая гроза!

Полимнесторъ.

Объемлетъ сердце хладъ и мракъ мои глаза̀!

Вѣстникъ.

Тамъ вихри по водѣ свирѣпы закрутились,
Противны двѣ на насъ стихїи согласились.
И каждой тамъ ударъ огонь въ валахъ раждалъ,
И влажностїю жаръ и пламень умножалъ.
Иныхъ пожгла огня неукротима сила,
Иныхъ несытая пучина поглотила.
И какъ я съ корабля старался въ ботъ сойти,
Я Демофонта вдругъ увидѣлъ на пути.
Пронзенъ, окровавленъ едва ужѐ дыхаетъ:
Стрѣла еще въ груди зажженная пылаетъ.
Я въ страхѣ восстенавъ, другихъ на помощь звалъ;
Отъ двухъ смертей исторгъ, и къ брегу съ нимъ присталъ;
Но въ сердцѣ третїя трепещущемъ осталась:
Любезная душа отъ тѣла разлучалась.
Еще онъ ахъ! тогда изъ глубины вздохнулъ,
И слабымъ голосомъ Филлиду помянулъ.
На берегъ пламенемъ шумящимъ освѣщенный,
Филлида къ намъ спѣшитъ, Драметъ съ ней устрашенный.
Увидѣла его безгласна предъ собой,
Старалась во слезахъ поднять его рукой,
И рѣчью возбудить хотѣла бесполезной:
Промолви, Демофонтъ, промолви, мой любезной.
Онъ мрачные еще глаза̀ свои открылъ,
И на нее взглянувъ впослѣдни затворилъ.
Промолвить силился еще между стенаньемъ,
Но рѣчь свою пресѣкъ послѣднимъ воздыханьемъ!

Илїона.

Нещастливой любви нещастливой конецъ!

Мемнонъ.

Какъ будетъ возрыдать оставленной отецъ!

Вѣстникъ.

Филлида съ горестнымъ стенаньемъ возгласила:
На толь, чтобы убить, тебя я полюбила?
И такъ ли путь пресѣчь тебѣ хотѣла я?
Не ты невѣренъ, я измѣнница твоя.
Ахъ пусть бы ты ушолъ, ты могъ бы возвратиться,
И я ещебъ могла хотя надеждой льститься.
Теперь тебя ко мнѣ никто не возвратитъ,
И только смерть одна съ тобой совокупитъ.
Промолвила, и вдругъ кинжалъ во грудь вонзила,
И путь себѣ за нимъ со свѣта отворила.
Креуза рветъ власы; отчаянной Драметъ
Вотще надъ хладными тѣлами слéзы льетъ.

Иліона.

Мнѣ поздо смерть ея надежду возвращаетъ.

Мемнонъ.

Ахъ въ ней теперь Ликургъ вторично умираетъ!

Полимнесторъ.

Теперь мнѣ отнята надежда до конца!
Презрѣла ты меня, послушала льстеца!
И съ нимъ въ отчаяньи, о дерска, умираешь!
Однако тѣмъ моихъ желаній не скончаешь.
Я столько на земли тебѣ противенъ былъ,
Что свѣтъ тебѣ со мной, Филлида, сталъ не милъ.
И чтобы мною ты очей не раздражила.

Прекрасны очи ты во вѣки затворила.
Ты отъ меня бѣжишъ за Демофонтомъ въ слѣдъ,
И чаешъ, что ужъ тамъ меня твой взоръ минетъ?
Гнушаешься еще ты послѣ смерти мною?
Или не смѣю стать я тамъ передъ тобою?
Я слѣдовать тебѣ не устрашусь во адъ,
И стану тамъ казать тебѣ противной взглядъ.
Я буду тамъ стенать, трястись въ несносной казни,
И къ жалости тебя подвигну и къ боязни.
Ты тамъ, чтобъ отъ меня могла себя укрыть,
Не можешъ ужъ себя вдругой разъ умертвить.
Что долго смерти ждать?

хочетъ заколоться

Илїона.

схвативъ за руку

Пожди еще минуту:
Не всю ты претерпѣлъ на свѣтѣ му́ку люту.

къ вѣстнику

Младенецъ, что Драметъ похитилъ на суда;
Спасенъ ли?

Вѣстникъ.

Погубилъ огонь или вода.

Полимнесторъ.

Бесчастной Полидоръ!

Илїона.

Дейфилъ неповинной!
Ты лютости моей, тираннъ, былъ самъ причиной.
Раченїемъ моимъ закрытъ мой Полидоръ
Отъ злобы твоея Ѳракїйскихъ далѣ горъ.

*

За наглости твои, за зло непостоянство,
За гордой мнѣ отказъ, за мерское тиранство,
Мнѣ промыслъ пособилъ въ сей часъ тебѣ отмстить,
И сына твоего противникамъ вручить.
Но месть сїя легка явилась предъ Богами,
Дейфила сожгли они между валами.
Мнѣ должно бы его на части растерзать,
И растерзавъ отцу на пищу сына дать:
Дабы къ тому твоя несытая утроба
Рожденному тобой служила вмѣсто гроба.

Полимнесторъ.

Ахъ что еще въ мои глаза̀ блистаетъ свѣтъ?
Филлиды больше здѣсь и Дейфила нѣтъ!
Я нынѣ скипетръ, власть и славу презираю,
И только громнаго удара лишъ желаю.
Еще я не могу Боговъ къ тому склонить,
Прошенїемъ на казнь и злобой побудить?
Но смерти что ищу на казнь себѣ напрасно?
Я чувствую въ себѣ мученїе ужасно!
Филлида, Демофонтъ и ты ахъ Дейфилъ!
Въ срединѣ се́рдца мнѣ геенну воспалилъ.
Какая кругъ меня бунтуетъ непогода?
То мерзостью моей гнушается природа!
Свѣтила идутъ всѣ обратно на востокъ:
Законы естества преобращаетъ рокъ.
Всѣ Боги на меня, что Трою защищали,
За дочь Прїамову противъ меня восстали.
Нептунъ стремитъ на брегъ морскую глубину:
Пожрать меня бѣжатъ чудовища по дну;
И вѣчные Плутонъ заклепы отверзаетъ,
Рыгаетъ въ воздухъ ядъ и звѣ́зды помрачаетъ.
Зїяетъ челюстьми несытой Флегетонъ:

Тиранновъ слышу тамъ бесчеловѣчныхъ стонъ.
Но что еще? между ревущихъ вѣтровъ споромъ
Является Зевесъ пламенновиднымъ взоромъ.
Межъ мрачныхъ и грозой отягощенныхъ тучь,
Изъ рукъ его гремитъ быстротекущїй лучь.
Суровая змїя мнѣ сердце ахъ! снѣдаетъ;
И внутръ и внѣ болѣзнь и страхъ меня терзаетъ.
Разверстая земля, кровавы небеса,
Кипящїя морѧ̀, горящїе лѣсà
На пагубу моѭ себя приготовляютъ.
Но въ бездну долго что меня не погружаютъ?
Когда меня терпѣть не можетъ естество:
Скончай меня, скончай, о сильно божество!

КОНЕЦЪ ТРАГЕДЇИ.

IV.

Когда ночная тьма скрываетъ Горизонтъ,
Скрываются поля, лѣса, брега и понтъ;
Чувствительны цвѣты во тьмѣ себя сжимаютъ
Отъ хладу кроются и солнца ожидаютъ.
Но только лишь оно въ луга свой лучь прольетъ,
Открывшись въ теплотѣ сїяетъ каждой цвѣтъ,
Богатства красоты предъ онымъ отверзаетъ,
И свой прїятной духъ какъ жертву изливаетъ.
Подобенъ солнцу Твой, Монархиня, восходъ,
Который освѣтилъ во тмѣ Россїйскїй родъ;
Усердны предъ Тобой сердца мы отверзаемъ,
И жертву вѣрности нелестной изливаемъ.

V.

ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШЕЙ ДЕРЖАВНѢЙШЕЙ
ВЕЛИКОЙ ГОСУДАРЫНѢ
ИМПЕРАТРИЦѢ
ЕЛИСАВЕТѢ ПЕТРОВНѢ
САМОДЕРЖИЦѢ ВСЕРОССІЙСКОЙ
НА ПРЕСВѢТЛЫЙ И ВСЕРАДОСТНЫЙ ПРАЗДНИКЪ
ВОСШЕСТВІЯ НА ВСЕРОССІЙСКІЙ ПРЕСТОЛЪ
ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА,
НОЯБРЯ 25 ДНЯ
1752 ГОДА,
ВО ИЗЪЯВЛЕНІЕ ИСТИННАГО УСЕРДІЯ И РАДОСТИ
ВСЕПОДДАННѢЙШЕЕ ПОЗДРАВЛЕНІЕ
ЛИРИЧЕСКИМЪ СТИХОМЪ ИЗОБРАЖЕННОЕ
ВСЕНИЖАЙШЕ ПРИНОСИТЪ
ВСЕПОДДАННѢЙШІЙ РАБЪ
МИХАЙЛО ЛОМОНОСОВЪ.

ПЕЧАТАНО ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
НОЯБРЯ 23 ДНЯ 1752 ГОДА.

ОДА

1.

Россійско Солнце на восходѣ,
Въ сей общє вожделѣнный день,
Прогнало въ радостномъ народѣ
И ночи и печали тѣнь.
Воспомянувъ часы веселы,
Красуйтесь, щастливы предѣлы,
Въ сердцахъ усугубляйте жаръ.
Поля̀ и го́ры восклицайте,
И совокупно возвышайте
Усердіемъ небесный Даръ.

2.

Что часто солнечнымъ сравняемъ
Тебя, Монархиня, лучамъ;
Отъ нужды дѣлъ не прибѣгаемъ
Къ однѣмъ толь много кратъ рѣчамъ:
Когда ни начинаемъ слово,
Сіяніе въ Тебѣ зримъ ново,
И нову красоту добротъ.
Лишь только умъ къ Тебѣ возводимъ,
Мы ясность солнечну находимъ,
И многихъ теплоту щедротъ.

3.

Когда премудростью своею
Всевышній солнце сотворилъ,
Пути различны надъ землею
Въ теченіи опредѣлилъ.
Согрѣвъ полночну часть Европы,
Сіяетъ въ южны Еѳіопы,
И паки къ намъ приходитъ вспять;
Полсвѣта дневной теплотою,
Полсвѣта тучной въ ночь росою
Премѣнно тщится оживлять.

4.

Такъ Ты, Монархиня, сіяешь
Въ концы державы Твоея,
Когда по онымъ протекаешь,
Отраду, радость, жизнь дая.
Отъ славныхъ водъ Балтійскихъ кра́я
Къ востоку путь Свой простирая,
Являешь полдень надъ Москвой.
Ты многимъ какъ заря восходишь,
Инымъ прохладну тѣнь наводишь,
И обще всѣмъ даешь покой.

5.

Въ пути, которымъ пролѣтаешь,
Какъ быстрой въ высотѣ орелъ,
Куда Свой зракъ ни обращаешь,
По множеству градовъ и селъ;
Отъ всѣхъ къ Тебѣ простерты взоры,
Тобой всѣхъ полны разговоры,
Къ Тебѣ всѣхъ мысль, къ Тебѣ всѣхъ трудъ.
Дитя родившихъ вопрошаетъ:
Не Та́я ли на насъ взираетъ,
Что Ма́терїю всѣ зовутъ?

6.

Иной отъ Старости нагбенный
Простерть старается хребетъ,
Главу и очи утомленны
Возводитъ, гдѣ Твой блещетъ свѣтъ.
Тамъ видя возрастъ бессловесный,
Монархиня, Твой зракъ небесный,
Любезну оставляетъ грудь;
Чего языкъ не изъясняетъ,
Усмѣшкой то изображаетъ,
Послѣдуя очами въ путь.

7.

Среди наслѣдныя державы,
На древней Предковъ высотѣ,
Во громкомъ звукѣ вѣчной славы,
Въ любезной мира красотѣ,
Надѣясь Твоего прихода,
Колико множество народа,
Тебѣ во срѣтенье течетъ!
Встаютъ верьхи Рифейски выше,
Течетъ Двина, Днѣпръ, Волга тише,
Желая Твой увидѣть свѣтъ.

8.

Но вы, о коль благополучны,
Москву поящія струи!
Вы ударяючи во бреги тучны
И проходя поля̀ свои̇,
Ликуйте свѣтло, веселитесь:
Вы скоро, скоро насладитесь
Богини щедрыя очей.
Здѣсь Нимфы Невской Ипокрены
Видѣнія Ея лишенны,
Сердцами пойдутъ въ слѣдъ за Ней.

9.

Сердцами пойдутъ, и устами
Въ восторгѣ сладкомъ возгласятъ,
Коль славными Она дѣлами
Петровъ распространила градъ;
И какъ о свѣтломъ Оной взорѣ
Возвеселясь, подвиглось море,
И къ звуку приложило шумъ.
Какимъ необычайнымъ трескомъ,
Какимъ молнїевиднымъ блескомъ,
Восхитился внезапно умъ?

10.

Кто въ громѣ радостные клики
И огнь отъ многихъ водъ даетъ?
И кто ведетъ въ перунахъ лики?
Великая Елисаветъ
Дѣла̀ Петровы совершаетъ
И глубинѣ повелѣваетъ
Въ средину нѣдръ земныхъ вступить!
Отъ гласа Россія Палла́ды
Подвиглись сильныя громады
Врата пучинѣ отворить!

11.

О полны чудесами вѣки!
О новость непонятныхъ дѣлъ!
Текутъ изъ мо́ря въ зе́млю рѣ́ки,
Натуры нарушивъ предѣлъ!
Ужѐ въ нихъ корабли вступаютъ,
Отъ коихъ во́лны отбѣгаютъ,
И стонетъ страшный Океанъ.
Помысли, земнородныхъ племя,
Бывалъ ли гдѣ въ минувше время
Примѣръ сего чуднѣе данъ?

12.

Помысли, зря дѣла̀ толики
И трудъ, что можемъ понести,
Что можетъ нынѣ Петръ Великїй
Чрезъ Дщерь Свою произвести!
Напрасно строгая природа
Отъ насъ скрываетъ мѣсто входа
Съ бреговъ вечернихъ на востокъ.
Я вижу умными очами:
Колумбъ Россїйскїй между льдами
Спѣшитъ, и презираетъ рокъ.

13.

Тамъ щастїе Елисаветы
Предходитъ кораблямъ въ пути,
Терзаетъ всѣхъ стихїй навѣты,
И въ слѣдъ себѣ велитъ итти.
Ни бури мразомъ изощренны,
Ни во́лны льдомъ отягощенны
Противъ его не могутъ стать!
Божественны Ея щедроты
Къ чему не могутъ намъ охоты
И силъ непобѣдимыхъ дать?

14.

О вы Россійски Героини,
Что въ вѣчности превыше звѣздъ
Сіяете ужѐ богини,
Земныхъ оставя нискость мѣстъ!
Вы по́ла превышая сво́йство,
Явили мужеско геройство,
Чрезъ славныя свои дѣлà.
Воззрите съ высоты святыя,
Коль свѣтло въ наши дни Россія
Петровой Дщерью процвѣла!

15.

Супружню, Ольга, смерть отмщая,
Казнитъ искусствомъ Искоре́стъ,
И тьмы невѣрства избѣгая,
Спѣшишь до просвѣщенныхъ мѣстъ.
Премудрость, храбрость и святыня
Тобой, блаженная Княгиня,
Изъ древности сіяетъ къ намъ.
Твои въ дѣлахъ святыя вѣры
Дастъ Петрова Дщерь примѣры;
Но мститъ умѣренно врагамъ.

16.

Елена *), грознаго Героя
Великая дѣлами мать,
Среди враговъ ты грады строя,
Россію тщилась защищать.
Напрасно дерски сопостаты,

---

*) Великая Княгиня Московская Елена Васильевна, супруга Великаго Князя Василія Іоанновича, рожденіемъ Княжна Глинская, мать великаго Государя Царя Іоанна Васильевича, правила съ нимъ въ Его младенчество Россійское государство по завѣщанію супруга своего четыре года съ половиною.

Свирѣпы орды и Сарматы,
Стремились на твое вдовство:
Сыновняя тобою младость
Была странамъ Россїйскимъ радость,
Врагамъ ужасно сиротство.

17.

Ты многой силой защищаясь,
Здержала злость враговъ твоихъ;
Елисавета возвышаясь
На тронъ, низвергнула своихъ;
И нынѣ посредѣ покоя
Прекрасны храмы, грады строя,
Россїю тщится украшать.
Однѣ Россїйскихъ воинствъ слѣды
И чудныя Ея побѣды
Противныхъ могутъ устрашать.

18.

И Ты въ женахъ благословенна,
Чрезъ кою храбрый Алексей
Намъ далъ Монарха несравненна,
Что свѣтъ открылъ Россїи всей.
Велика тѣмъ, что ты родила;
Но больше, что намъ сохранила
Петра отъ внутреннихъ враговъ!
Мы нынѣ въ страхѣ обмираемъ,
Когда злодѣевъ представляемъ
Рыкающихъ, какъ лютыхъ львовъ!

19.

Возри на вѣнценосну Внуку,
Что злыхъ совѣты раззоря,
Прїемлетъ скиптръ въ Геройску руку,
Другую движетъ чрезъ моря̀,
Противныхъ силы устрашаетъ,

Петра въ Россїю возвращаетъ,
Коварства ихъ разсыпавъ мракъ;
Путемъ приводитъ безопаснымъ;
Съ плесканїемъ вездѣ согласнымъ
Крѣпитъ наслѣдїе и бракъ.

20.

О ты, котораго Россїя
Давно отъ чреслъ Петровыхъ ждетъ,
Для коего мольбы святыя
Елисавета къ Богу льетъ,
Гряди, гряди, гряди поспѣшно:
О семъ единомъ безутѣшно
Вздыхаютъ Россы всякой часъ!
О Небо, предвари судьбину
Снабди плодомъ Екатерину!
Внуши народовъ многихъ гласъ!

21.

Великихъ, славныхъ, несравненныхъ
Участница Петровыхъ дѣлъ,
Екатерина погруженныхъ
Насъ въ горести, какъ Онъ отшелъ,
Утѣшила Ты въ слезно время,
Нося толь тягостное бремя,
Что самъ Онъ на Тебя взложилъ.
Возвеселися нынѣ Тою,
Котору Онъ для насъ Тобою
Подобну Обоимъ родилъ.

22.

Что должно Оной по наслѣдству
Геройствомъ возмогла дотти.
Какому Ты подверглась бѣдству
Монархиня, чтобъ насъ спасти.
Мы часъ тотъ нынѣ представляемъ;

Представивъ, внѣ себя бываемъ.
Надежда, радость, страхъ, любовь,
Живитъ, крѣпитъ, печалитъ, клонитъ
Противна страсть противну гонитъ,
Густѣетъ и кипитъ въ насъ кровь!

23.

Однако въ силахъ Богъ Великїй
Тебѣ вѣнецъ, намъ радость далъ;
Въ Тебѣ одной хвалы толики
Россїйскихъ Героинь послалъ.
Въ Тебѣ одной всѣхъ почитаемъ;
И къ Вышнему всегда взываемъ:
Подай Елисаветѣ вѣкъ
Обиленъ, радостенъ, спокоенъ;
Таковъ, коль долго жить достоенъ
Тебѣ подобный человѣкъ.

VI.

НАДПИСЬ

На отъѣздъ изъ Санктпетербурга въ Москву Ея Величества 1752 года Декабря дня.

Что воздухъ тихъ стоитъ по толь бурливыхъ дняхъ?
Простерся мягкїй снѣгъ въ спокойствѣ на поляхъ?
Елисавета въ путь прещедра поспѣшаетъ,
Монархиня, Твой взоръ къ Тебѣ все привлекаетъ.
Не токмо на земли Твоя любезна власть;
Но небо шлетъ свою Тебѣ подъ ноги часть.

VII.

Въ любезной тишинѣ наставшїй новый годъ,
И Твой, Монархиня, всерадостный приходъ.
Сугубымъ торжествомъ сей городъ оживляетъ,
Сугубо счастїе Россїи обѣщаетъ.
Военной укротивъ во всей Европѣ шумъ,
Къ однѣмъ вперяешь намъ Божественный Твой умъ.
Подобїемъ орла на высоту восходишь,
По всюду отъ среды Свой быстрый взоръ возводишь
На сѣверъ и на югъ на западъ и востокъ,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, Двина, гдѣ чистый Невскїй токъ,
Между Петровыхъ стѣнъ ликуя протекаетъ,
Въ отсудствїи Тебя, Богиня, ощущаетъ.
Россїя вся Твоей щедротой такова,
Какъ нынѣ, зря Тебя, красуется Москва,
Гласитъ: о Боже дай, чтобы Елисавета
Съ усердьемъ нашимъ къ Ней Свои сравнила лѣта.

VIII.

ПИСЬМО

О ПОЛЬЗѢ СТЕКЛА

КЪ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОМУ

ЕЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

КАММЕРГЕРУ

И ОРДЕНОВЪ СВЯТАГО АЛЕКСАНДРА

И СВЯТЫЯ АННЫ КАВАЛЕРУ

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

ИВАНУ ИВАНОВИЧУ ШУВАЛОВУ

ОТЪ

КОЛЛЕЖСКАГО СОВѢТНИКА И ПРОФЕССОРА

МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА.

ПЕЧАТАНО ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

1752 ГОДА.

Неправо о вещахъ тѣ думаютъ, Шуваловъ,
Которые Стекло чтутъ ниже Минераловъ
Приманчивымъ лучемъ блистающихъ въ глаза̀:
Не меньше польза въ немъ, не меньше въ немъ краса.
Не рѣдко я для той съ Парнасскихъ горъ спускаюсь;
И нынѣ отъ нея на верьхъ ихъ возвращаюсь,

Пою передъ Тобой въ восторгѣ похвалу,
Не камнямъ дорогимъ, ни злату, но Стеклу.
И какъ я оное хваля воспоминаю,
Не ломкость лживаго я щастья представляю.
Не должно тлѣнности примѣромъ тое быть,
Чего и сильный огнь не можетъ разрушить,
Другихъ вещей земныхъ конечный раздѣлитель:
Стекло имъ рождено; огонь его родитель.
Съ натурой нѣкогда онъ произвесть хотя
Достойное себя и оныя дитя,
Во мрачной глубинѣ, подъ тягостью земною,
Гдѣ вѣчно онъ живетъ и борется съ водою,
Всѣ силы собралъ вдругъ, и хляби затворилъ,
Въ которы Океанъ на брань къ нему входилъ.
Напрягся мышцами и рамена подвинулъ,
И тяготу землѝ превыше облакъ вскинулъ.
Внезапно черный дымъ навелъ густую тѣнь,
И въ ночь ужасную перемѣнился день.
Не баснотворнаго здѣсь ради Геркулеса
Двѣ ночи сложены въ едину отъ Зевеса;
Но Етна правдѣ сей свидѣтель вѣчный намъ,
Которая дала путь чуднымъ симъ родамъ.
Изъ ней разжженная рѣка текла въ пучину,
И свѣтъ отчаясь, мнилъ, что зритъ своѝ судбину!
Но ужасу тому послѣдовалъ конецъ:
Довольна чадомъ мать, доволенъ имъ отецъ.
Прогнали долгу ночь и жаръ свой погасили,
И солнцу ясному рожденїе открыли.
Но чтожъ отъ нѣдръ земныхъ родясь произошло?
Любезное дитя, прекрасное Стекло.
Увидѣвъ смертные, о какъ ему дивились!
Подобное тому сыскать искусствомъ тщились.
И было въ дѣлѣ семъ удачно мастерство:
Превысило своимъ раченьемъ естество.

Тѣмъ стало житїе на свѣтѣ намъ щастливо:
Изъ чистаго Стеклà мы пьемъ вино и пиво,
И видимъ въ немъ примѣръ бесхитростныхъ сердецъ:
Кого льзя видѣть сквозь, тотъ подлинно не льстецъ.
Стекло въ напиткахъ намъ не можетъ скрыть примѣсу;
И чиста совѣсть рветъ притворствъ гнилу завѣсу.
Но столько ли ужè, Стекло, твоихъ похвалъ,
Что намъ въ тебѣ вино и медъ самъ слаще сталъ?
Никакъ! сїе твоихъ достоинствъ лишь начáло,
Которы мастерство тебѣ съ природой дало.
Исполненъ слабостьми нашъ краткїй въ мирѣ вѣкъ:
Нерѣдко впадаетъ въ болѣзни человѣкъ!
Онъ ищетъ помощи, хотя спастись отъ мýки,
И жизнь свою продлить, врачамъ дается въ рýки.
Нерѣдко намъ они отраду могутъ дать,
Умѣвъ приличныя лѣкарства предписать;
Лѣкарства, что въ Стеклѣ хранятъ и составляютъ;
Въ Стеклѣ одномъ онѣ безвредны пребываютъ.
Мы должны здравїя и жизни часть Стеклу:
Какую надлежитъ ему принесть хвалу!
Хоть вмѣсто онаго замысловаты Хины
Сосуды составлять нашли изъ чистой глины;
Огромность тяжкую плода лишенныхъ горъ
Художествомъ своимъ преобративъ въ Фарфоръ,
Красой его къ себѣ народы привлекаютъ,
Что плавая, морей свирѣпость презираютъ.
Однако былъ бы онъ почти простой горшокъ,
Когда бы блескъ Стеклà дать помощи не могъ.
Оно входъ жидкихъ тѣлъ отъ скважинъ отвращаетъ,
Вещей прекрасныхъ видъ на немъ изображаетъ.
Имѣетъ отъ Стеклà часть крѣпости Фарфоръ;
Но тое, что на немъ увеселяетъ взоръ,
Сады, гульбы, пиры, и все что есть прекрасно,
Стекло являетъ намъ прїятно, чисто, ясно.

Искусство, коимъ былъ прославленъ Апеллесъ,
И коимъ нынѣ Римъ главу свою вознесъ,
Коль пользы отъ Стекла̀ прїобрѣло велики,
Доказываютъ то Финифти, Мозаики,
Которы въ вѣкъ хранятъ Геройскихъ бодрость лицъ,
Прїятность нѣжную и красоту дѣвицъ;
Чрезъ множество вѣковъ себѣ подобны зрятся,
И ветхой древности грызенья не боятся.
Когда неистовой свирѣпствуя Борей,
Стисняетъ мразомъ насъ въ упругости своей;
Великой не терпя и строгой перемѣны,
Скрываетъ человѣкъ себя въ толстыя стѣны.
Онъ былъ бы принужденъ безъ свѣту въ нихъ сидѣть;
Или съ дрожанїемъ несносной хладъ терпѣть.
Но солнечны лучи онъ сквозь Стекло впускаетъ,
И лютость холода чрезъ тоже отвращаетъ.
Отворенному вдругъ и запертому быть,
Не то ли мы зовемъ, что чудеса творить?
Потóмъ какъ человѣкъ зимой сталъ безопасенъ;
Еще притомъ желалъ, чтобъ цвѣлъ всегда прекрасенъ
И въ сѣверныхъ странахъ въ снѣгу зеленой садъ;
Цейлонъ бы посрамилъ, пренебрегая хладъ.
И удовольствовалъ онъ мысли прихотливы:
Зимою за Стекломъ цвѣты хранятся живы;
Даютъ прїятной духъ, увеселяютъ взоръ,
И вамъ, Красавицы, хранятъ себя въ уборъ.
Позволь, Любитель Музъ, я рѣчь свою склоняю,
И къ нѣжнымъ симъ сердцамъ на время обращаю.
И Музы съ оными единаго сродства;
Подобна въ нихъ краса и нѣжныя слова̀.
Щастливой младостью Твои цвѣтущи годы
И склонной похвала и ласковой природы
Мой стихъ отъ оныхъ къ симъ принесть не возбранятъ.
Прекрасной полъ, о коль любезенъ вамъ нарядъ!

Дабы прельстить лицомъ любовныхъ суевѣровъ,
Какое множество вы знаете манѣровъ;
И коль искусны вы уборъ перемѣнять,
Чтобъ въ каждой день себѣ прїятность нову дать.
Но былобъ ваше все старанье безъ успѣху,
Наряды ваши бы достойны были смѣху;
Когдабъ вы въ зеркалѣ не видѣли себя.
Вы вдвое пригожи, Стекло употребя.
Когда блестятъ на васъ горящїе алмазы,
Двойной кипитъ въ насъ жаръ сугубыя заразы!
Но больше красоты и больше въ нихъ цѣны,
Когда кругъ нихъ Стекломъ цвѣтки наведены.
Вы кажетесь намъ въ нихъ, прїятною весною,
Въ цвѣтахъ наряженной усыпанныхъ росою.
Во свѣтлыхъ зданїяхъ убранства таковы.
Но въ чемъ красуетесь, о сельски Нимфы, вы?
Природа въ васъ любовь подобную вложила,
Желанья нѣжны въ васъ подобна движетъ сила;
Вы также украшать желаете себя.
За тѣмъ прохладные поля̀ свои̇ любя,
Вы рвете розы въ нихъ, вы рвете въ нихъ лилеи,
Кладете ихъ на грудь, и вяжете кругъ шеи.
Таковъ уборъ даетъ вамъ нѣжная весна!
Но чѣмъ вы краситесь въ другїя времена,
Когда лишась цвѣтовъ, поля̀ у васъ блѣднѣютъ,
Или снѣгами вкругъ глубокими бѣлѣютъ,
Безъ оныхъ что бы вамъ въ нарядахъ помогло,
Когда бы бисеру вамъ не́ дало Стекло?
Любовниковъ онъ къ вамъ не меньше привлекаетъ,
Какъ блещущїй алмазъ богатыхъ уязвляетъ.
Или еще на васъ въ немъ больше красота,
Когда любезная въ васъ свѣтитъ простота!
Такъ въ бисерѣ Стекло подобяся жемчугу,
Любимо по всему земному ходитъ кругу.

Имъ красится народъ въ полунощныхъ степяхъ,
Имъ красится Арапъ на южныхъ берегахъ.
Въ Америкѣ живутъ, мы чаемъ, простаки,
Что тамъ драгой металлъ изъ сребреной рѣкѝ
Даютъ Европскому купечеству охотно,
И бисеру берутъ количество несчотно,
Но тѣмъ я думаю они разумнѣ насъ,
Что гонятъ отъ своихъ бѣдамъ причину глазъ.
Имъ оны времена не будутъ въ вѣкъ забвенны,
Какъ пали ихъ отцы для злата побїенны.
О коль ужасно зло! на то ли человѣкъ
Въ незнаемыхъ моряхъ имѣлъ опасный бѣгъ,
На толи разрушивъ естественны предѣлы,
На утломъ деревѣ обшолъ кругомъ свѣтъ цѣлый,
За тѣмъ ли онъ сошелъ на красны берегà,
Чтобъ тамъ себя явить свирѣпаго врага?
По тягостномъ трудѣ снесенномъ на пучинѣ,
Гдѣ предалъ онъ себя на произволъ судьбинѣ,
Едва на твердый путь отъ бурь избыть успѣлъ,
Военной бурей онъ внезапно зашумѣлъ.
Ужè горятъ Царей тамъ древнїя жилища;
Вѣнцы врагамъ корысть, и плоть ихъ вранамъ пища!
И кости предковъ ихъ изъ золотыхъ гробовъ
Чрезъ стѣны подаютъ къ смердящимъ трупамъ въ ровъ!
Съ перстнями рýки прочь и головы̀ съ убранствомъ
Сѣкутъ несытые и златомъ и тиранствомъ.
Иныхъ свирѣпствуя въ средину гонятъ горъ,
Драгой металлъ изрыть изъ преглубокихъ норъ.
Смятенїе и страхъ, оковы, гладъ и раны,
Что наложили имъ въ работѣ ихъ тиранны,
Препятствовали имъ подземну хлябь крѣпить,
Чтобъ тягота надъ ней могла недвижна быть.
Обрушилась гора: лежатъ въ ней погребенны
Бесчастные! или по истиннѣ блаженны,

Что вдругъ избѣгли всѣ бесчеловѣчныхъ рукъ,
Работы тяжкія, ругательства и мукъ!
Оставивъ Кастилланъ невинность такъ попранну
Съ богатствомъ въ отчество спѣшитъ по Океану,
Надѣясь онымъ всю Европу вдругъ купить.
Но златомъ волнъ морскихъ не можно утолить.
Подобный ихъ сердцамъ Борей поднявъ пучину,
Навелъ ихъ животу и варварству кончину,
Погрязли въ глубинѣ, съ сокровищемъ своимъ,
На пищу преданы чудовищамъ морскимъ.
То бури, то враги толь часто ихъ терзали,
Что рѣдко до бреговъ желанныхъ достигали.
О коль великой вредъ! отъ зла раждалось зло!
Виной толикихъ бѣдъ бывало ли Стекло?
Никакъ! оно вездѣ нашъ духъ увеселяетъ:
Полезно молодымъ и старымъ помогаетъ.
По долговременномъ теченьи нашихъ дней,
Тупѣетъ зрѣніе ослабленныхъ очей.
Померкшее того не представляетъ чувство,
Что кажетъ въ тонкостяхъ натура и искусство.
Велика сердцу скорбь лишиться чтенья книгъ;
Скучнѣе вѣчной тьмы, тяжелѣе веригъ!
Тогда противенъ день, веселіе досада!
Одно лишь намъ Стекло въ сей бѣдности отрада.
Оно способствіемъ искусныя рукѝ
Пода́ть намъ зрѣніе умѣетъ чрезъ очки!
Не даръ ли мы въ Стеклѣ божественный имѣемъ?
Что честь достойную воздать ему коснѣемъ?
Взирая въ древности народы изумленны,
Что грѣетъ, топитъ, льетъ и свѣтитъ огнь возжженный,
Иные Божеску ему давали честь;
Иные знать хотя, кто съ неба могъ принесть,
Представили въ своемъ мечтаньѣ Прометея.
Что многи на землѝ художества умѣя,

Различныя казалъ искусствомъ чудеса:
За то Минервою былъ взятъ на небеса;
Похитилъ съ солнца огнь и смертнымъ отдалъ въ ру́ки.
Зевесъ воздвигъ свой гнѣвъ, воздвигъ ужасны звуки.
Продерсскаго къ горѣ великой приковалъ,
И сильному орлу на растерзанье далъ.
Онъ сердце завсегда коварное терзаетъ,
На коемъ снова плоть на му́ку выростаетъ.
Тамъ слышенъ страшный стонъ, тамъ тяжка цѣпь звучитъ;
И кровь чрезъ камни въ низъ текущая шумитъ.
О коль несносна жизнь! позорище ужасно!
Но въ просвѣщенны дни сей вымыслъ видимъ ясно.
Пїиты украшать хотя свои стихи,
Описывали казнь за мнимые грѣхи.
Мы пламень солнечный Стекломъ здѣсь получаемъ,
И Прометея тѣмъ безбѣдно подражаемъ.
Ругаясь подлости нескладныхъ оныхъ вракъ,
Небеснымъ безъ грѣха огнемъ куримъ табакъ;
И только лишь о томъ мы думаемъ, жалѣя,
Не сверглаль въ пагубу наука Прометея?
Не злясь ли на него невѣждъ свирѣпыхъ полкъ,
На знатны вымыслы сложилъ неправой толкъ?
Не наблюдалъ ли звѣздъ тогда сквозь Телескопы,
Что нынѣ воскресилъ трудъ щастливой Европы?
Не огнь ли онъ Стекломъ умѣлъ сводить съ небесъ,
И пагубу себѣ отъ Варваровъ нанесъ,
Что предали на казнь, обнесши чародѣемъ?
Коль много таковыхъ примѣровъ мы имѣемъ,
Что зависть скрывъ себя подъ святости покровъ,
И груба ревность съ ней на правду строя ковъ,
Отъ самой древности воюютъ многократно,
Чѣмъ много знанїя погибло невозвратно!
Коль точно зналибъ мы небесныя страны,
Движенїе планетъ, теченїе луны,

Когдабы Аристархъ завистливымъ Клеантомъ
Не названъ былъ въ судѣ неистовымъ Гигантомъ,
Дерзнувшимъ землю всю отъ тверди потрясти,
Кругъ центра своего, кругъ солнца обнести;
Дерзнувшимъ научать, что всѣ домашни Боги
Терпятъ великой трудъ всегдашнїя доро́ги;
Вертится въ кругъ Нептунъ, Дїана и Плутонъ:
И страждутъ туже казнь какъ дерской Иксїонъ;
И неподвижная землѝ Богиня Веста
Къ упокоенїю сыскать не можетъ мѣста.
Подъ видомъ ложнымъ сихъ почтенїя Боговъ
Закрытъ былъ звѣздный миръ чрезъ множество вѣковъ.
Боясь паденїя неправой оной вѣры,
Вели всегдашню брань съ наукой лицемѣры:
Дабы она, открывъ величество небесъ,
И разность дивную невѣдомыхъ чудесъ,
Не показала всѣмъ, что непостижна сила
Единаго Творца весь миръ сей сотворила.
Что Марсъ, Нептунъ, Зевесъ, все сонмище Боговъ
Не сто́ятъ тучныхъ жертвъ, нижѐ подъ жертву дровъ;
Что агньцовъ и воловъ жрецы ѣдятъ напрасно;
Сїе одно, сїе казалось быть опасно.
Оттолѣ землю всѣ считали посредѣ.
Астрономъ весь свой вѣкъ въ бесплодномъ былъ трудѣ,
Запутанъ циклами; пока возсталъ Коперникъ,
Презритель зависти, и варварству соперникъ.
Въ срединѣ всѣхъ Планетъ онъ солнце положилъ,
Сугубое землѝ движенїе открылъ.
Однѣмъ кругъ центра путь вседневный совершаетъ,
Другимъ кругъ солнца годъ теченьемъ составляетъ,
Онъ циклы истинной Системой разтерзалъ,
И правду точностью явленїй доказалъ.
Пото́мъ Гугенїи, Кеплеры и Невтоны
Преломленныхъ лучей въ Стеклѣ познавъ законы,

Разумной подлинно увѣрили весь свѣтъ,
Коперникъ что училъ, сомнѣнїя въ томъ нѣтъ.
Клеантовъ не боясь мы пишемъ всѣ согласно,
Что истиннѣ они противятся напрасно.
Въ безмѣрномъ углубя пространствѣ разумъ свой,
Изъ мысли ходимъ въ мысль изъ свѣта въ свѣтъ иной.
Вездѣ Божественну премудрость почитаемъ,
Въ благоговѣнїи весь духъ свой погружаемъ.
Чудимся быстринѣ, чудимся тишинѣ,
Что Богъ устроилъ намъ въ безмѣрной глубинѣ.
Въ ужасной скорости и купно быть въ покоѣ,
Кто чудо сотворитъ кромѣ Его такое?
Насъ бо́льше таковы идеи веселятъ;
Какъ Божїй нѣкогда описывая градъ
Вечернїй Августинъ *) душею веселился.
О коль великимъ онъ восторгомъ бы плѣнился,
Когдабъ разумну тварь толь тѣсно не включалъ,
Подъ намибъ жителей какъ здѣсь не отрицалъ,
Безъ Математики вселенной бы не мѣрилъ!
Что есть Америка, напрасно онъ не вѣрилъ:
Доказываетъ то подзе́мной Католикъ,
Кадя златой его въ костелахъ новыхъ ликъ.
Ужѐ Колумбу въ слѣдъ, ужѐ за Магелланомъ
Кругъ свѣта ходимъ мы великимъ Океаномъ;
И видимъ множество Божественныхъ тамъ дѣлъ,
Земель и островов, людей, градовъ и селъ,
Незнаемыхъ предъ тѣмъ и странныхъ намъ животныхъ,
Звѣрей и птицъ и рыбъ, плодовъ и травъ несчотныхъ.
Возмите сей примѣръ, Клеанты, ясно внявъ,
Коль много Августинъ въ семъ мнѣнїи неправъ;
Онъ слово Божїе употреблялъ **) напрасно.

---

*) О градѣ Божїи кн. 16, гл. 9.
**) Тамже.

Въ Системѣ свѣта вы тожъ дѣлаете власно.
Во зрительныхъ трубахъ Стекло являетъ намъ,
Колико далъ Творецъ пространство небесамъ.
Толь много солнцевъ въ нихъ пылающихъ сїяетъ,
Недвижныхъ сколько звѣздъ намъ ясна ночь являетъ.
Кругъ солнца нашего, среди другихъ планетъ,
Земля съ ходящею кругъ ней луной течетъ.
Которую хотя весьма пространну знаемъ,
Но къ свѣту примѣнивъ какъ точку представляемъ.
Коль созданныхъ вещей пространно естество!
О коль велико ихъ создавше Божество!
О коль велика къ намъ щедротъ его пучина,
Что на землю послалъ возлюбленнаго Сына!
Не погнушался Онъ на малой шаръ сотти,
Чтобы погибшаго страданїемъ спасти.
Чѣмъ меньше мы Его щедротъ достойны зримся:
Тѣмъ больше благости и милости чудимся?
Стекло приводитъ насъ чрезъ Оптику къ сему,
Прогнавъ глубокую невѣденїя тму!
Преломленныхъ лучей предѣлы въ немъ неложны,
Поставлены Творцемъ; другїе невозможны.
Въ благословенной нашъ и просвѣщенной вѣкъ
Чего не могъ дотти по онымъ человѣкъ?
    Хоть острымъ взоромъ насъ природа одарила;
Но близокъ онаго конецъ имѣетъ сила.
Кромѣ, что въ далекѣ не кажетъ намъ вещей,
И собранныхъ трубой онъ требуетъ лучей,
Коль многихъ тварей онъ еще не досягаетъ,
Которыхъ малой ростъ предъ нами сокрываетъ!
Но въ нынѣшнихъ вѣкахъ намъ Микроскопъ открылъ,
Что Богъ въ невидимыхъ животныхъ сотворилъ!
Коль тонки члены ихъ, составы, сердце, жилы,
И нервы, что хранятъ въ себѣ животны силы!
Не меньше нежели въ пучинѣ тяжкїй Китъ

Насъ малый червь частей сложенїемъ дивитъ.
Великъ Создатель нашъ въ огромности небесной!
Великъ въ строенїи червей, скудели тѣсной!
Стекломъ познали мы толики чудеса,
Чѣмъ Онъ наполнилъ понтъ, и воздухъ и лѣса̀.
Прибавивъ ростъ вещей оно коль намъ потребно,
Являетъ травъ разборъ, и знанїе врачебно.
Коль много Микроскопъ намъ тайностей открылъ
Невидимыхъ частицъ и тонкихъ въ тѣлѣ жилъ!
Но что еще? ужѐ въ Стеклѣ намъ Барометры
Хотятъ предвозвѣщать, коль скоро будутъ вѣтры,
Коль скоро дождь густой на нивахъ зашумитъ,
Иль облаки прогнавъ ихъ солнце осушитъ.
Надежда наша въ томъ обманами не льстится:
Стекло поможетъ намъ, и дѣло совершится.
Открылись точно имъ движенїя свѣтилъ:
Чрезъ тожъ откроется въ погодахъ разность силъ.
Коль могутъ щастливы селяне быть оттолѣ,
Когда не будетъ зной ни дождь опасенъ въ полѣ?
Какой способности ждать должно кораблямъ
Узнавъ когда шумѣть или молчать волнамъ,
И плавать по морю безбѣдно и спокойно!
Велико дѣло въ семъ и горъ златыхъ достойно!
Далече до конца Стеклу достойныхъ хвалъ,
На кои цѣлой годъ едва бы мнѣ досталъ.
За тѣмъ ужѐ слова̀ похвальны оставляю,
И что объ немъ писалъ, то дѣломъ начинаю.
Однако при концѣ не можно преминуть,
Чтобъ новыхъ мнѣ его чудесъ не помянуть.
Что можетъ смертнымъ быть ужаснѣе удара,
Съ которымъ молнїя изъ облакъ блещетъ яра?
Услышавъ въ темнотѣ внезапной трескъ и шумъ,
И видя быстрый блескъ, мятется слабый умъ;
Отъ гнѣвнаго часа желаетъ гдѣбъ укрыться;

Причины онаго изслѣдовать страшится.
Дабы истолковать что молнія и громъ,
Такія мысли всѣ считаетъ онъ грѣхомъ.
На бичь, онъ говоритъ, я посмотрѣть не смѣю,
Когда грозитъ Отецъ намъ яростью своею.
Но какъ Онъ насъ казнитъ, поднявъ въ пучинѣ валъ,
То грѣхъ ли то сказать, что вѣтромъ Онъ нагналъ?
Когда въ Египтѣ хлѣбъ довольный не родился,
То грѣхъ ли то сказать, что Нилъ тамъ не розлился?
Подобно надлежитъ о громѣ разсуждать.
Но блескъ и звукъ его не давъ главы поднять,
Держалъ ученыхъ смыслъ въ смущеніи толикомъ,
Что въ заблужденіи теряли путь великомъ,
И истинныхъ причинъ достигнуть не могли,
Покол̀ѣ дѣйствъ въ Стеклѣ подобныхъ не нашли.
Вертясь Стеклянный шаръ, даетъ удары съ блескомъ,
Съ громовымъ сходственны сверканіемъ и трескомъ.
Дивился сходству умъ; но видя малость силъ;
До лѣта прошлаго сомнителенъ въ томъ былъ;
Довольствуя однѣ чрезъ любопытство очи,
Искалъ въ томъ перемѣнъ пріятныхъ дни и ночи;
И больше въ томъ одномъ раченія имѣлъ
Чтобъ силою Стекла̀ болѣзни одолѣлъ;
И видѣлъ часто въ томъ успѣхи вожделѣнны.
О коль со древними дни наши несравненны!
Внезапно чудный слухъ по всѣмъ странамъ течетъ,
Что отъ громовыхъ стрѣлъ опасности ужъ нѣтъ!
Что таже сила тучь гремящихъ мракъ наводитъ,
Котора отъ Стекла̀ движеніемъ исходитъ,
Что зная пра̀вила изъисканны Стекломъ,
Мы можемъ отвратить отъ храминъ нашихъ громъ.
Единство оныхъ силъ доказано стократно:
Мы лѣта нынѣ ждемъ пріятнаго обратно.
Тогда о истиннѣ Стекло увѣритъ насъ,

Ужасный будетъ ли безбѣденъ грома гласъ?
Европа нынѣ въ то всю мысль свою̀ вперила,
И махины ужѐ пристойны учредила.
Я слѣдуя за ней, съ Парнасскихъ горъ схожу,
На время ко Стеклу весь трудъ свой приложу.
Ходя за тайнами въ искусствѣ и природѣ,
Я слышу восхищенъ веселый гласъ въ народѣ.
Елисаветина повсюду похвала
Гласитъ премудрости и щедрости дѣла̀.
Златыя времена! о кроткїе законы!
Народу Своему прощаетъ милїоны;
И пользу общую отечества прозря,
Ученїю велитъ расшириться въ моря̀,
Умноживъ бодрость въ немъ щедротою Своею!
А Ты, мой Меценатъ, присудствуя предъ Нею
Какой наукамъ путь стараешся открыть,
Предъ свѣтомъ въ томъ могу свидѣтель вѣрной быть.
Тебѣ похвальны всѣ прїятны и любезны,
Что тщатся постигать ученїя полезны.
Мои посильные и малые труды
Коль часто передъ Ней воспоминаешь ты!
Услышанному быть Ея кротчайшимъ слухомъ,
Есть новымъ бытїя животвориться духомъ!
Кто кажетъ старыхъ смыслъ во дняхъ еще младыхъ,
Тотъ будетъ всѣмъ примѣръ, доживъ власовъ сѣдыхъ.
Кто склонность въ щастїи и доброту́ являетъ,
Тотъ щастїе себѣ недвижно утверждаетъ.
Всякъ чувствуетъ въ Тебѣ и хвалитъ обое,
И небо чаемыхъ покажетъ збытїе.

IX.

Побѣдѣ слѣдуетъ пресвѣтло торжество,
Герой пріемлетъ честь и жертву Божество.
Звучатъ въ полкахъ трубы, на плѣнникахъ оковы,
Въ противничей крови несутъ щиты багровы.
Побѣда Твой восходъ, тріумфъ Твой праздникъ сей,
Монархиня, мы что явимъ къ хвалѣ Твоей?
Не городъ Ты одинъ, нижѐ едино войско,
Въ свою пріяло власть чрезъ мужество Геройско;
Но царство многихъ царствъ, порфиру и вѣнецъ,
И многи тмы къ Тебѣ пылающихъ сердецъ;
Не кровїю земля кипящей обагрилась,
Но въ радости струяхъ Россїя насладилась,
Не ярый насъ страшилъ пожаръ горящихъ стѣнъ,
Но ревностью пылалъ народъ къ Тебѣ вожженъ.
Не тяжкїя на насъ въ плѣну звучали узы,
Но съ плескомъ ставили мы вѣрности союзы;
Когда толь радостно Тобой плѣненнымъ быть,
Коль громка похвала побѣду получить!
Богиня, торжествуй тѣмъ долѣе надъ нами,
Чемъ выше смертныхъ Ты безсмертными дѣлами.
Торжественны врата, трофеи, колесница,
Въ насъ вѣрныя сердцѝ и радостныя лица.

X.

НАДПИСЬ

На оказанїе высочайшей милости Ея Величества въ Москвѣ 1753 года.

Монархиня, Твоя прещедрая рука
Обилїе намъ льетъ и радость, какъ рѣка;
Сильнѣе, нежели ключей Кастальскихъ токи,
Стремленїе къ стихамъ и духъ даетъ высокїй.
О радостной восторгъ; куда я полечу?
Но большее языкъ богатство словъ являетъ,
Когда умѣренно веселїе бываетъ;
Веселїе мое безмѣрно, я молчу.

XI.

Хотя счастливыя военныя дѣла
Монархамъ громкая на свѣтѣ похвала,
Но въ ясной тишинѣ возлюбленнаго мира
Прекраснѣе ко всѣмъ сіяетъ ихъ порфира.
Велико дѣло въ томъ чтобъ часто побѣждать;
Но болѣе того всегдашней миръ держать.
Въ побѣдахъ надлежитъ полкамъ большая доля,
Въ побѣдахъ счастїю почти дана вся воля.
Спокойной миръ хранитъ одна премудра власть,
Не можетъ войску быть ни счастїю въ томъ часть.
Производитъ плоды природно только лѣту,
И кроткїй миръ единъ даетъ богатство свѣту,
То правда надлежитъ и зиму тѣмъ хвалить,
Что можетъ суровство повѣтрїй отвратить,
И вредны умертвить въ лѣсахъ и нивахъ гады;
Подобныя даетъ счастлива брань отрады.
Но какъ между стихїй съ зимой минетъ война,
И намъ является прекрасная весна,
Отъ ней неистовы Бореи убѣгаютъ
Отъ ней прїятные Зефиры вылѣтаютъ;
Дыхая по земли, дыхая по водамъ,
Велятъ всходить цвѣтамъ, велятъ упасть волнамъ,
Ведутъ суда въ моря и земледѣльца въ нивы,
Готовятъ сладкой плодъ и въ пристань путь счастливый.
Льютъ радость въ понтъ, въ луга и въ воздухъ и въ ефиръ:

Толь счастливы мѣста, гдѣ домъ имѣетъ миръ,
Но гдѣ прекраснѣе селенїе покою,
Какъ то, Монархиня, что далъ намъ Богъ Тобою?
Поставлена чужимъ Тобою тишина;
То коль спокойна быть должна Твоя страна!
Ты твердость общему покою положила:
Не можетъ онаго подвигнуть вредна сила.
Подобенъ крѣпости великихъ пирамидъ,
Среди счастливыхъ мѣстъ недвижимо стоитъ.
Возлегши на него блаженная Россїя,
Подъ скипетромъ Твоимъ считаетъ дни златыя.
Въ довольствѣ спѣетъ трудъ, довольствїе въ трудѣ,
Взаимно другъ другу способствуя вездѣ,
Какъ вьется виноградъ на илимѣ высокомъ,
Держась имъ, и его питая сладкимъ сокомъ.
Толикимъ множествомъ божественныхъ даровъ
Довольствуемся мы имѣя всѣмъ покровъ
Въ Тебѣ Монархинѣ отъ Бога просвѣщенной
Къ нему и къ отчеству любовїю вожженной.
Въ сей праздникъ веселясь веселїемъ Твоимъ,
Съ торжественнымъ огнемъ мы къ Вышнему горимъ,
Да продолжитъ Тобой дни мирны и прекрасны,
Со кротостью Твоей и съ именемъ согласны.

XII.

О древность славная пречудными дѣлами,
Что Пиндаръ до небесъ трубящими устами
Чрезъ множество вѣковъ въ концы земны гремитъ,
Геройскихъ подвиговъ изображая видъ.
И вы великаго амфитеатры града,
Народа по войнахъ Латинскаго отрада,
Въ сей день скончайте вашъ донынѣ слышный плескъ:
Яснѣе возсїялъ Елисаветинъ блескъ,
Не зубы стеръ боецъ предъ Римлянами львицѣ,
Нижѐ кто облѣтѣлъ всѣхъ протчихъ въ колесницѣ;
Но мужествомъ прешла мужей Елисаветъ,
И подвига Ея смотритель цѣлой свѣтъ!
Седмь главъ зїяли къ ней на тѣлѣ въ другъ единомъ,
Гдѣ зависть въ жалѣ ядъ носящая змеиномъ,
И злобы мерзскїя свирѣпый крокодилъ,
И вепрь неистовства неодолимыхъ силъ,
Съ языкомъ лисїимъ пронырливое льщенье,
Зѣвъ волчїя алчбы, тигръ ярый похищенье,
И львины челюсти рыкающей войны
Въ одномъ чудовище на дерзость рождены.
Взирая на сего Елисаветъ Дракона
Лежащаго кругомъ отеческаго трона
Рекла; что сей мнѣ врагъ препятствуетъ восходъ,
Котораго давно желаетъ мой народъ.
Не мой ли сей вѣнецъ? не я ли дщерь Петрова?

И Россы моего всѣ требуютъ покрова;
Ни что не можетъ мнѣ путь къ славѣ пересѣчь.
Сїю Геройскую окончевая рѣчь,
Сїянїемъ въ округъ небеснымъ просвѣтилась
И выше смертныя величествомъ явилась.
Минервы чудный въ ней изображался видъ;
Петровъ духъ былъ Ей шлемъ, любовь Россїанъ щитъ.
Безъ грому молнїя изъ ясности блистая,
Въ Драконовы главы и въ сердце ударяя
Смутила горду кровь, пронзила грозный взоръ.
Сраженъ, прогнанъ, убѣгъ Рифейскихъ далѣ горъ.
Угасла молнїя, одни лучи сїяли,
Вселенныя концы руками восплескали.
Тогда красуясь Россъ главу свою вознесъ,
Петрополь мнилъ себя превыше быть небесъ.
Мы нынѣ празднуя той часъ благословенный
Огнями кажемъ огнь во всѣхъ сердцахъ вожженный.
О естлибъ съ внутреннимъ огнь внѣшнїй равенъ былъ,
Онъ выше бы восшелъ въ ночь блещущихъ свѣтилъ.
Монархиня, Тобой любовь есть въ насъ рожденна,
Какаяжъ въ свѣтѣ вещь съ ней можетъ быть сравненна?

XIII.

НАДПИСЬ

На день рожденія Ея Величества, гдѣ оное восходящей зарѣ уподобляется, во время торжественнаго въѣзду Петра Великаго отъ Полтавы.

О вы, которы все по рассужденью злому
Обыкли случаю приписывать слѣпому,
Увѣрьтесь нынѣшнимъ превожделѣннымъ днемъ,
Что промыслъ Вышняго господствуетъ во всемъ.
Когда готовилъ онъ блаженство нашихъ лѣтъ,
Отъ чреслъ Петровыхъ намъ послалъ Елисаветъ.
И знаки предъявилъ, которы отъ Полтавы
Тогда наполнили весь свѣтъ Петровой славы.
Съ рожденіемъ Ея торжественный былъ въѣздъ.
Тогда вознесла свой гласъ и духъ Москва до звѣздъ.
Младенца въ пеленахъ Трофеи окружали,
И воплю первому войскъ плески отвѣщали.
Подвиглись радостью земля, моря̀, ѳѳиръ.
Петръ шествовалъ во градъ, Елисавета въ миръ:
Низвергнувъ Петръ враговъ; Она въ Петровы слѣды
Ко одержанію подобныя побѣды.
Коль явственно тогда самъ промыслъ предъявилъ,
Что пóслѣ къ радости всеобщей совершилъ!
Родясь, какъ ясная заря намъ возсіяла

И царства своего день свѣтлый предвѣщала.
Монархиня, мы тѣмъ освѣщены всегда
Избавились во тьмѣ сокрытаго вреда;
И радостнымъ въ ночи огнемъ Тебѣ являемъ,
Что ночи мы въ сердцахъ и темноты не знаемъ.

XIV.

НАДПИСЬ

На новый 1754 годъ, гдѣ время уподобляется великому зданію.

Взирая вѣчности на зданіе обширно,
На множество вѣкóвъ, на житіе всемирно;
Мы видимъ разность дѣлъ со разностію лѣтъ:
Тамъ брань горитъ, тамъ миръ возлюбленный цвѣтетъ:
Тамъ вѣки ясностью ученій просвѣщенны:
То въ мракѣ вáрварства глубоко погруженны:
Терзаетъ смертныхъ тамъ гоненіе и гладъ:
Тамъ всѣ довольствія бесчисленныхъ отрадъ.
Сіи неравности прилѣжно рассуждая,
Зримъ ясно, отъ чего премѣна таковая.
Монарховъ милости, премудрость, бодрый духъ
О счастьѣ многихъ странъ простерли вѣчный слухъ.
Благополучны ихъ державы были лѣта;
Но лучше нынѣ намъ даетъ Елисавета.
Подобясь время Ей въ божественныхъ дѣлахъ,
Являетъ образъ намъ во всѣхъ своихъ частяхъ.
Весна красясь всегда пріятными цвѣтами,
Равнится съ льющими отраду всѣмъ устами;
И лѣто съ осенью обильные плоды
Намъ сыплетъ, какъ Она, съ избыткомъ за труды.
Зима въ спокойствіи довольствомъ услаждаетъ,

Какъ миромъ всѣмъ Она богатымъ украшаетъ:
И тщится ускорить щедротой всходъ наукъ,
И хитрость разную художественныхъ рукъ.
Россія, ликовствуй и числи лѣта новы
Счастли́вы счастіемъ Наслѣдницы Петровы.
Проси, какъ просишъ ты, отъ Вышняго проси,
И громкій къ небу гласъ и сердце вознеси:
Да здравіемъ Ея всегда пребудемъ здравы,
И громкихъ дѣлъ Ея да насладимся славы.

XV.

На изобрѣтеніе роговой музыки.

Ловцовъ и пастуховъ межъ селами отрада,
Однѣ ловятъ звѣрей, другіе смотрятъ ста́да.
Охотникъ въ рогъ реветъ, пастухъ свиститъ въ свирѣ́ль.
Тревожитъ оной Нимфъ; пріятна тиха трѣль.
Тамъ шумной песей ревъ; а здѣсь у тихой рѣчки
Молоденьки блеютъ по матери овечки.
Здѣсь нѣжность и покой, здѣсь царствуетъ любовь,
Охотническої шумъ, какъ Марсовъ, движетъ кровь.
Но нынѣ къ обоимъ, вы Нимфы, собирайтесь,
И равно обоей музыкой услаждайтесь:
Что было грубости въ охотничьихъ трубахъ,
Нарышкинъ умягчилъ при нашихъ берегахъ;
Чего и дикія животны убѣгали,
Въ томъ слухи нѣжные пріятности сыскали.

XVI.

Кто знатныя дѣла въ натурѣ рассуждаетъ,
Петровой Дщери въ нихъ примѣры обрѣтаетъ.
Посмотримъ въ понтъ, въ поля, во весь посмотримъ свѣтъ,
Что славно найдемъ въ нихъ, въ чемъ къ Ней примѣра нѣтъ?
Коль всѣхъ красотъ число въ натурѣ есть пространно,
Толь множество добротъ въ Ней видимъ несказанно!
Нельзя представить всѣхъ предъ мысленный нашъ взоръ:
И такъ представимъ съ Ней едину славу горъ.
Онѣ за облака, онѣ къ звѣздамъ восходятъ,
Онѣ намъ щитъ, когда войну враги наводятъ;
Пловущимъ въ глубинѣ онѣ являютъ ходъ;
Изъ нихъ шумятъ ключи и токи многихъ водъ,
Поятъ лице землѝ, плодомъ обогащаютъ,
Прïятные сады и долы орошаютъ.
Не въ сихъ ли образъ всѣхъ Елисаветы зримъ?
Она взошла къ звѣздамъ Величествомъ Своимъ,
Мы крѣпостью Ея отъ сопостатъ покрыты
И въ бѣдствïя волнахъ бѣжимъ къ Ней для защиты;
Отъ Ней на подданныхъ течетъ щедротъ потокъ,
И разливается на западъ и востокъ.
Прекрасная гора отъ Бога утвержденна,
Елисаветъ вѣнцемъ и славой увязенна,
Среди Россïйскаго рая недвижно стой!
Сïе гласитъ любовь и вѣрность предъ Тобой,
И удовольствïе съ надеждой несомнѣнной
Подъ тѣнïю Твоей щедроты несравненной!
Покровъ Твой смежныя пребудутъ небеса;
Къ намъ снидетъ отъ Тебя всегда отрадъ роса.
Коль чудныя дѣла Елисаветъ являетъ!
Чрезъ прохлажденïе въ насъ пламень умножаетъ.

---

*

XVII.

Россїя вознося главу на высоту,
Взираетъ на своихъ предѣловъ красоту;
Чудится въ радости обильному покою,
Что въ оной утвержденъ, Монархиня, Тобою.
Считая многїя довольства, говоритъ;
Коль сладкое меня блаженство веселитъ!
Противники къ моимъ предѣламъ не дерзаютъ
И алчны мытари внутрь то́ргу не смущаютъ.
Сталъ тѣсенъ къ злобѣ путь коварникамъ въ судахъ.
Свобода съ тишиной и въ селахъ и въ градахъ;
Пристаницъ, крѣпостей и храмовъ всходятъ стѣ́ны,
И знанїя цвѣтутъ щедротою снабдѣнны.
Что я Монархинѣ своей могу воздать?
И въ славу имени Ея мнѣ что создать?
Какїя радости въ сей день представлю виды?
Мнѣ тѣсны храмы всѣ, и низки пирамиды.
Ахъ естьлибъ ревности сравнилась крѣпость силъ,
Тобъ Кавказъ на хребтѣ Рифейскомъ нынѣ былъ.
Поставилабъ Ей въ честь пречудны обелиски
Превыше облаковъ, къ предѣламъ звѣзднымъ блиски.

XVIII.

ОДА

ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШЕЙ ДЕРЖАВНѢЙШЕЙ

ВЕЛИКОЙ ГОСУДАРЫНѢ

ИМПЕРАТРИЦѢ

ЕЛИСАВЕТѢ ПЕТРОВНѢ

САМОДЕРЖИЦѢ ВСЕРОССІЙСКОЙ

И НАСЛѢДНИКУ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА

ВНУКУ ПЕТРА ВЕЛИКАГО

ПРЕСВѢТЛѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ

ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ

ПЕТРУ ѲЕОДОРОВИЧУ

И

СУПРУГѢ ЕГО ПРЕСВѢТЛѢЙШЕЙ ГОСУДАРЫНѢ

ВЕЛИКОЙ КНЯГИНѢ

ЕКАТЕРИНѢ АЛЕКСѢЕВНѢ

НА ВСЕВОЖДЕЛѢННОЕ РОЖДЕНІЕ

ПРЕСВѢТЛѢЙШАГО ГОСУДАРЯ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ

ПАВЛА ПЕТРОВИЧА

СЕНТЯБРЯ 20 ДНЯ 1754 ГОДА

СЪ ИСКРЕННИМЪ УСЕРДІЕМЪ И РЕВНОСТІЮ ПРИНЕСЕННАЯ

ОТЪ ВСЕПОДДАННѢЙШАГО РАБА

МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА.

ПЕЧАТАНА ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ
АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ОДА

1.

Надежда наша совершилась,
И слава въ путь свой устремилась:
Спѣши, спѣши, о Муза, въ слѣдъ,
И лиру согласивъ съ трубою,
Греми, что Вышняго рукою
Обрадованъ Россїйскїй свѣтъ!
На гласъ себя онъ нашъ склоняетъ,
На жаръ, что въ искреннихъ сердцахъ:
Петрова Первенца лобзаетъ
Елисавета на рукахъ.

2.

Се радость возвѣщаютъ звуки!
Воздвигъ Петрополь къ небу рýки,
Веселыми устами рекъ:
„О Боже, буди препрославленъ:
„Сугубо нынѣ я восставленъ,
„Златой мнѣ усугубленъ вѣкъ!
Безмѣрна радость прерывала
Его усерднѣйшую рѣчь,
И нѣжны слéзы испускала,
Въ восторгѣ принуждая течь.

3.

Когда на холмѣ кто высокомъ
Сѣдя, въ округъ объемлетъ окомъ
Поля̀ въ прекрасной лѣтней день,
Сады, долины, рощи злачны,
Шумящихъ водъ ключи прозрачны

И древъ густыхъ прохладну тѣнь,
Стада̀ ходящи межъ цвѣтами,
Обильность сельскаго труда,
И желты класы межъ браздами;
Что чувствуетъ въ себѣ тогда?

4.

Такъ нынѣ градъ Петровъ священный
Толикимъ счастьемъ восхищенный
Возшедъ отрадъ на высоту,
Вокругъ веселія считаетъ,
И кра́я имъ не обрѣтаетъ;
Какую зритъ онъ красоту!
Тамъ многіе народа лики
На стогнахъ ходятъ и брегахъ;
Шумятъ тамъ праздничные клики,
И раздаются въ облакахъ.

5.

Тамъ слышны разны разговоры.
Иной взводя на небо взоры:
Великъ Господь мой, говоритъ!
Мнѣ видѣть въ старости судилось,
И прежде смерти приключилось,
Что въ радости Россія зритъ!
Иной, я стану жить дотолѣ,
(Гласитъ, младой свой зная вѣкъ)
Чтобы служить подъ нимъ мнѣ въ полѣ,
Огонь пройти и быстрость рѣкъ!

6.

Ужѐ великими крилами
Парящая надъ облаками
Въ предѣлы слава странъ звучитъ.
Труды народы оставляютъ,
И гласу новому внимаютъ,

Что Промыслъ имъ чрезъ то велитъ?
Пучина преклонила вóлны,
И на брегахъ умолкнулъ шумъ;
Безмолвїя всѣ зéмли полны;
Внимаетъ славѣ смертныхъ умъ.

7.

Но грады Росскїе въ надеждѣ,
Котора ихъ питала прежде,
Подвиглись слухомъ паче тѣхъ,
Верхами къ высотѣ несутся,
И тщатся облакамъ коснуться.
Москва стоя̀ въ срединѣ всѣхъ,
Главу великими стѣнами
Вѣнчанну взводитъ къ высотѣ,
Какъ кедръ межъ нискими древами,
Пречудна въ древней красотѣ.

8.

Едва желанную отраду
Великому внушилъ слухъ граду;
Отверстїемъ священныхъ устъ
Трясущи сѣдиной, вѣщаетъ:
„Теперь мнѣ небо утверждаетъ,
„Что домъ Петровъ не будетъ пустъ!
„Онъ въ немъ во вѣки водворится;
„Премудрость, мужество, покой
„И судъ и правда воцарится;
„Онъ рогъ до звѣздъ возвыситъ мой.

9.

Сїе всѣ грады велегласно,
Что время при Тебѣ прекрасно,
Монархиня, живутъ и чтятъ;
Сїе всѣ грады повторяютъ,
И рѣчи купно сообщаютъ

И съ ними се́ла всѣ гласятъ!
Какъ громъ отъ тучей удаленныхъ
Въ горахъ раздавшись, множитъ слухъ;
Какъ брегъ шумитъ отъ волнъ надменныхъ
По бурѣ укротѣвшей вдругъ.

10.

Ты, слава, далѣ простираясь,
На западъ солнца устремляясь,
Гдѣ Висла, Ренъ, Секвана, Тагъ,
Гдѣ славны войскъ Россійскихъ слѣды,
Гдѣ ихъ еще гремятъ побѣды,
Гдѣ вѣрный другъ, гдѣ скрытый врагъ,
Вездѣ рассыплешь слухи громки,
Коль много насъ ущедрилъ Богъ!
Петра Великаго потомки
Даются въ милости залогъ;

11.

Что Россовъ мужество крѣпится;
И нынѣ кто лишь возгордится,
Сугубу ревность ощутитъ!
Не будетъ никому измѣны:
Падутъ въ дыму противныхъ стѣ́ны,
Погибнетъ въ прахѣ древней видъ.
Ты скажешь, слава справедлива,
Во весь сїе вострубишь свѣтъ;
Меня любовь нетерпѣлива
Обратно въ градъ Петровъ зоветъ.

12.

Богиня власти несравненной,
Хвала и красота вселенной,
Отрада Россовъ и Любовь!
Въ восторгѣ нынѣ мы безмѣрномъ,
Что въ сердцѣ ревностномъ и вѣрномъ

И въ жилахъ обновилась кровь.
Велика радость намъ родилась!
Но больше съ радостью Твоей
О какъ Ты симъ возвеселилась!
Коль ясенъ былъ Твой свѣтъ очей!

13.

Когда Ты на престолъ достигла,
Петра Великаго воздвигла
И жизнь дала Ему Собой.
Онъ паки нынѣ воскресаетъ,
Что въ Правнукѣ Своемъ дыхаетъ,
И родъ въ немъ восставляетъ Свой.
Мы долго обоихъ желали!
Лишались долго обоихъ!
Но къ общей радости пріяли,
О небо, отъ щедротъ Твоихъ!

14.

А Вамъ, Дражайшіе Супруги,
Вамъ плещутъ нынѣ лѣсъ и луги,
Вамъ плещутъ рѣки и моря̀.
Представьте радость внѣ и въ градѣ,
Взаимно на Себя въ отрадѣ
И на младаго Павла зря.
Зачни Дитя, зачни любезно
Усмѣшкой Рождшихъ познавать:
Боговъ Породѣ безполезно
Не должно сроку ожидать.

15.

Расти, расти, расти, крѣпися,
Съ Великимъ Прадѣдомъ сравнися,
Съ желаньемъ нашимъ восходи.
Велики суть дѣла̀ Петровы,
Но многіе еще готовы

Тебѣ остались напреди.
Когда взираемъ мы къ востоку
Когда посмотримъ мы на югъ,
О коль пространность зримъ широку,
Гдѣ можетъ загремѣть Твой слухъ!

16.

Тамъ вкругъ облегъ Драконъ ужасный,
Мѣста̀ святы, мѣста̀ прекрасны,
И къ облакамъ сто главъ вознесъ!
Весь свѣтъ чудовища страшится,
Единъ лишь смѣло устремиться
Россїйскїй можетъ Геркулесъ.
Единъ сто острыхъ жалъ притупитъ
И множествомъ низвержетъ ранъ,
Единъ на сто головъ наступитъ
Восставитъ вольность многихъ странъ.

17.

Пространными Китай стѣнами
Закрытъ быть мнится передъ нами,
И что пустой земли̇ хребетъ,
Отъ странъ Россїйскихъ отдѣляетъ,
Онъ гордымъ окомъ къ намъ взираетъ:
Но въ нихъ ему надежды нѣтъ.
Внезапно ярость возгорится
И огнь и месть между стѣной.
Сїе все можетъ совершиться
Петрова Племени рукой.

18.

Въ своихъ увидишь предкахъ явны
Дѣла̀ велики и преславны,
Что могутъ духъ природѣ дать.
Ужѐ младаго Михаила
Была къ тому довольна сила

Упадшую Москву поднять,
И по́слѣ страшной перемѣны
Въ предѣлахъ удержать враговъ,
Собрать рассыпанные члены
Такого множества градовъ.

19.

Сарматъ съ свирѣпостью своею
Трофеи отдалъ Алексѣю.
Онъ судъ и правду положилъ,
Онъ войско правильное вскорѣ,
Онъ новой флотъ готовилъ въ море;
Но все то Богъ Петру судилъ.
Сего къ Отечеству заслуги
У всей подсолнечной въ устахъ;
Его и кроткїя Супруги
Примѣръ зримъ въ нашихъ временахъ.

20.

Примѣръ въ Его великой Дщери.
Широки Та отверзла двери
Наукамъ, счастью, тишинѣ.
Склоняясь къ общему покою,
Щедротой больше какъ грозою
Въ Россїйской царствуетъ странѣ.
Но ты, о гордость вознесенна!
Блюдися съ хитростью своей.
Она Героями рожденна;
Геройской духъ извѣстенъ въ ней.

21.

Но нынѣ мы не зная брани,
Простремъ сердца̀ и мысль и длани
Съ усерднымъ гласомъ къ Небесамъ.
О Боже крѣпкїй Вседержитель,
Предѣловъ Росскихъ расширитель,

Коль милостивъ бывалъ ты намъ!
Чрезъ семь сотъ лѣтъ едино племя
Ты съ Росскимъ скиптромъ сохранилъ:
Продли сему по мѣрѣ время
Какъ нынь Россїю расширилъ.

22.

Воззри къ намъ съ высоты святыя,
Воззри коль широка Россїя,
Которой далъ Ты власть и цвѣтъ.
Отъ всѣхъ полей и рѣкъ широкихъ,
Отъ всѣхъ морей и горъ высокихъ
Къ Тебѣ взывали девять лѣтъ.
Ты подалъ отрасль намъ едину;
Умножа благодать посли,
И впредь съ Петромъ Екатерину
Рожденїемъ возвесели.

23.

Предъ мужемъ нѣкогда избраннымъ
Ты свѣтомъ клялся несозданнымъ
Хранить во вѣкъ престолъ и родъ.
Исполни то надъ позднымъ свѣтомъ,
И таковымъ святымъ обѣтомъ
Благослови Россїйскїй родъ.
Для толь великихъ странъ покою,
Для счастья множества вѣковъ,
Поставь какъ солнце предъ Тобою
И какъ луну престолъ Петровъ.

XIX.

Мы радость отъ небесъ, щедроты, благодать
Прїемлемъ чрезъ Тебя, Россїянъ вѣрныхъ Мать.
Въ тринатцать лѣтъ Твоей божественной державы
Мы наслаждались всѣ довольствъ, покоя, славы:
Но нынѣ Промыслъ намъ сугубо доказалъ,
Что бодрствуетъ объ насъ, какъ Павла намъ послалъ,
Что для Твоихъ добротъ, Богиня, несравненныхъ
Умножитъ радость намъ во дняхъ благословенныхъ.
О счастливой народъ! блаженная страна!
Которой такова̀ Монархиня дана!

XX.

НАДПИСЬ

На маскарадъ 24 числа Октября 1754 года въ домѣ Его Превосходительства, дѣйствительнаго Каммергера и Кавалера Ивана Ивановича Шувалова.

Европа что родитъ, что протчи части свѣта,
Что осень, что зима, весна и кротость лѣ́та,
Что воздухъ и земля, что море и лѣса̀
Все было у тебя, довольство и краса.
Вчера я видѣлъ все, и нынѣ вижу духомъ,
Музыку, громъ и трескъ еще внимаю слухомъ.
Я вижу скачущи различны красоты,
Которыхъ, Меценатъ, подвиглъ къ веселью Ты.
Отраду общую своею умножаешь,
И радость внутренню со всѣми сообщаешь.
Красуемся среди обильныхъ Райскихъ рѣкъ.
Коль щастливъ, коль красенъ Елисаветинъ вѣкъ!

XXI.

Россія нѣкогда чрезъ грозную судьбину
Поверженна свою близъ видѣла кончину!
Что Рурикъ съ скипетромъ Монаршескимъ пріялъ,
Что Ольга, Святославъ, Владимиръ Россамъ далъ.
Что Ярославомъ Мы и храбрымъ Мономахомъ
Достигли, какъ враги взирали къ намъ со страхомъ.
Потóмъ что Александръ отъ бѣдъ геройствомъ спасъ,
Что отъ враговъ покрылъ Димитрій въ страшный часъ.
И чѣмъ насъ вознесли два строги Іоанны,
Всѣ славны ихъ труды оплакала попранны.
Едва главу свою изъ пепла подняла,
И въ Прадѣдѣ Твоемъ Помощника нашла.
Монархиня, онъ стѣнъ развалины восставилъ,
Нестройства прекратилъ, и отъ враговъ избавилъ.
Твой Дѣдъ на вышшую степень Россію взвелъ,
И свѣту показалъ хвалу преславныхъ дѣлъ.
Великій Твой Отецъ широкими стопами
Всходя, возвысилъ насъ надъ прочими странами;
Но не дошедъ верьха, по общей всѣхъ судьбѣ
Весь трудъ свой совершить препоручилъ Тебѣ.
И бодрости Твоей Всевышній споспѣшаетъ,
На верхній насъ степень Тобою поставляетъ.
Что вѣчно въ насъ Его пребудетъ благодать,
Младый въ томъ Павелъ данъ залогъ намъ и печать.
О Предковъ красота, Петрова Дщерь и слава
Пріята мужествомъ Твоимъ Его держава.
Чрезъ снисхожденіе Твое къ намъ восстаетъ;
И жертва искреннихъ желаній вопіетъ.
Да милости свои Всевидящее Око
Поставитъ надъ Тобой, какъ верьхъ небесъ высоко.

XXII.

НАДПИСЬ

На рожденіе Государя Великаго Князя Павла Петровича.

Подъ славнымъ Скипетромъ Твоимъ, Елисавета,
Къ блаженству Росскаго недоставало свѣта,
Въ потомкахъ одного наслѣдія Петру.
Сего всѣ подданны въ усерднѣйшемъ жару,
Сего единаго чрезъ девять лѣтъ желали,
И гласы къ вышнему и очи возвышали.
„Когда ты чрезъ Петра и чрезъ Петрову Дщерь
„Благоволилъ отверсть къ довольствамъ нашимъ дверь:
„О Боже! призри къ намъ единаго лишеннымъ,
„И успокой нашъ духъ довольствомъ совершеннымъ:
„Великіе труды Петровы помяни,
„Со славою его наслѣдіе сравни.
Сей гласъ, Монархиня, съ Твоимъ соединенный
Достигнулъ къ небесамъ, и Богъ имъ преклоненный
Возвеселилъ Петровъ благословенный домъ,
И съ нимъ Россію всю желаемымъ плодомъ.
Къ его же щедрости съ усердною мольбою
Зовемъ, да подъ Твоей щастливою рукою,
Младаго Павла вѣкъ до зрѣлости взраститъ,
Тебя, родителей и насъ возвеселитъ;
Да племенемъ его какъ нынѣ мы сердечно,
Возрадуются всѣ потомки безконечно.

XXIII.

Отца отечества Великаго Петра
Положенны труды для общаго добра:
Ужасные врагамъ полки вооруженны
И флотами моря широки покровенны,
Полезные вездѣ обряды и суды
Художествъ и наукъ всходящїе плоды
Отъяты отъ ево наслѣдства колебались
И темной зависти во мракѣ покрывались.
Но Богъ ихъ осїялъ неизреченнымъ чудомъ
Стоять свѣтилнику не попустивъ подъ спудомъ.
Елисаветины доброты какъ свѣщи
Открылъ, и намъ блеснулъ пресвѣтлый день въ нощи.
На тронѣ возвышенна, Монархиня, сїяешь,
И просвѣщенїе Петрово умножаешь.
Всевышнїй утвердилъ чрезъ Павла намъ завѣтъ,
Что племени подастъ неугасимый свѣтъ.

XXIV.

По правдѣ вѣчность есть пространный Океанъ,
Что вихрямъ завсегда на колебанье данъ;
Въ ней лѣта корабли, что скоро пробѣгаютъ,
И въ дальности себя безвѣстной закрываютъ.
Кто рока злобнаго въ пучинѣ погруженъ,
Или волненїемъ боязней утомленъ,
Тотъ черезъ стремнины и жéрла бѣдъ глубоки
Не можетъ видѣть ихъ сквозь горкихъ слезъ потоки.
Но какъ пристанища чрезъ ихъ въ себя приходъ
Богатствомъ веселятъ и зрѣнїемъ народъ;
Подобно кроткая и намъ Елисавета
Въ пристанищѣ щедротъ являетъ долги лѣта.
Сїи наполнены довольствомъ корабли
Мы видимъ веселясь со счастливой земли.
По многимъ радостямъ мы долгость лѣтъ считаемъ,
И милости Ея ихъ мѣрой признаваемъ.
Пускай мимо другихъ среди валовъ летятъ;
Отъ нашей тишины отъѣздомъ не спѣшатъ.
Въ прекрасномъ островѣ державы вожделѣнной
Препровождаемъ вѣкъ спокойной несравненной.
Изшедшимъ насладясь обильнымъ кораблемъ,
Что насъ увеселилъ въ пристанищѣ Твоемъ,
И новаго дождавъ, Монархиня, прихода
Прими желанїя отъ вѣрнаго народа:
Дабы среди Твоихъ спокойныхъ царства водъ
Великъ былъ счастїемъ корабль сей новый годъ,
Да многїе потóмъ довольствъ увидимъ полны,
Не вѣдая, что вихрь, не вѣдая, что волны.

XXV.

Искусные пѣвцы всегда въ напѣвахъ тщатся,
Дабы на буквѣ *А* всѣхъ долѣ остояться;
На *Е* на *О* притомъ умѣренность имѣть;
Чрезъ *У* и черезъ *И* съ поспѣшностью летѣть:
Чтобъ онымъ нѣжному была прїятность слуху,
А сими не принесть несносной скуки уху.
Великая Москва въ языкѣ толь нѣжна,
Что *А* произносить за *О* велитъ она.
Въ музыкѣ что распѣвъ, то надъ словами сила;
Природа насъ блюсти законъ сей научила.
Безъ силы *бéреги,* но съ силой *берегá*
И *снѣги* безъ нея мы говоримъ *снѣгá*
Довольно кажутъ намъ толь ясныя доводы,
Что ищетъ нашъ языкъ вездѣ отъ *И* свободы.
Или ужъ стало *иль; коли* ужъ стало *коль;*
Изволи нынѣ всѣ вездѣ твердятъ *изволь.*
За *спишн спишь,* и *спать* мы говоримъ за *спати.*
На что же, Трисотинъ, къ намъ тянешь *И* не к'стати?
Напрасно злобной сей ты предпрїялъ совѣтъ,
Чтобъ л'стя тебѣ когда Россїйской принялъ свѣтъ
Свиныи визги всп и дикїи и злыи
И истинныи ти, и лживы и кривыи.
Языка нашего небесна красота
Не будетъ никогда попранна отъ скота.
Отъ яду твоего онъ самъ себя избавитъ,
И вредъ сей выплюнувъ, повѣрь, тебя заставитъ
Скончать твой скверной визгъ стонанїемъ совы,
Негоднымъ въ руской стихъ и пропастнымъ *увы!*

XXVI.

Отмщать завистнику меня вооружаютъ,
Хотя мнѣ отъ него вреда отнюдь не чаютъ.
Когда Зойлова хула мнѣ не вредитъ;
Могу ли на него за то я быть сердитъ?
Однакожъ осержусь! я всталъ, ищу обуха;
Ужъ поднялъ, я махну! а кто сидитъ тутъ? муха!
Коль жаль мнѣ для нея напраснаго труда.
Бѣдняшка, ты лѣтай, ты пой: мнѣ нѣтъ вреда.

XXVII.

Златой младыхъ людей и беспечальной вѣкъ,
Кто хочетъ огорчить, тотъ самъ не человѣкъ.
Такого въ наши дни мы видимъ Балабана
Бессильнаго младыхъ и глупаго тиранна.
Которой полюбить все право потерялъ;
И для ради того противъ любви воссталъ.
Но вы, красавицы, того не опасайтесь:
Вы вѣкомъ пользуйтесь, и грубостью ругайтесь.
И знайте что чего теперь не смѣетъ самъ,
То хочетъ запретить ругательствами вамъ.
Обиду вы свою напрасную отмстите
И глупому въ глаза насмѣшнику скажите:
Не смѣйся, Балабанъ, смотря на нашъ нарядъ,
И къ намъ не подходи; ты, Балабанъ, женатъ.
Мы помнимъ какъ ты самъ хоть вѣдалъ передъ бракомъ,
Что будешь подлинно на перву ночь своякомъ;
Что будешь вотчимъ слыть на дѣвушкѣ женясь,
Или отецъ Княжнѣ, самъ будучи не Князь.
Ты все то вѣдая, старался дни и ночи
Наряды прибирать сверхъ бѣдности и мочи.
Но естьлибъ чистой былъ Дїянѣ милъ твой взглядъ,
И былъ бы, Балабанъ, ты сверхъ того женатъ;
То бъ ты на пудрѣ спалъ и ѣлъ всегда помаду,
На бѣса бъ былъ похожъ и съ переду и съ заду.
Тогда бъ передъ тобой и самой вертопрахъ
Какъ важной былъ Катонъ у всякаго в' глазахъ.
Вы все то, не стыдясь, скажите Балабану:
Чтобъ васъ язвить забылъ, свою лѣчилъ бы рану.

XXVIII.

Монархъ и философъ, полночный Соломонъ,
Весь свѣтъ твою имѣлъ премудрость предъ очами;
Разумныхъ множество тѣснясь подъ твой законъ,
Познали Грецїю надъ Шпремскими струями.
Вселенная чудясь молчала предъ тобой;
Берлинъ на голосъ твой главу свою воздвигнулъ,
Съ Парижемъ въ равенствѣ до звѣздъ хвалой достигнулъ.
И лавровъ Молвицкихъ въ тѣни узрѣвъ покой,
Къ странамъ твоимъ пришли отъ береговъ Секваны
Вспахать твои поля художества избранны:
Пресаждены тобой черезъ твои труды,
Парнасса и Аѳинъ произвели плоды,
Предъ зрѣнїемъ твоимъ возрасши восхищеннымъ.
Коварство. . . . правдивости святой
Стенало подъ твоей низверженно пятой,
Не наводило слезъ невинно осужденнымъ.
Десницей Марсову ты лютость укротилъ,
Заперши дверь войны предѣлъ распространилъ.
Число друговъ твоихъ умножилъ ты Бурбономъ;
Но съ Англїей сдружась, извѣрившись ему,
Какого ждешь плода раченью своему?
Европа вся полна твоихъ перуновъ стономъ,
Раздоръ рукой своей ужъ пламень воспалилъ.
Ты Лейпцигски врата внезапно разрушилъ,
Стопами роешь ты безчувственны могилы,

Трепещутъ всѣ, смотря твои надменны силы.
Ты двухъ соперниковъ сильнѣйшихъ раздражилъ,
Ужъ мечь ихъ изощренъ и ярый огнь пылаетъ,
И надъ главой твоей ихъ молнія сверкаетъ,
Несчастливый монархъ! ты лишне въ свѣтѣ жилъ,
Въ минуту сталъ лишенъ премудрости и славы.
Необузданнаго гиганта зрю въ тебѣ,
Что хочетъ отворить путь пламенемъ себѣ,
Что грабитъ городы и пустошитъ державы,
Священный топчетъ судъ народовъ и царей,
Ничтожитъ силу правъ, грубитъ натурѣ всей.

XXIX.

ГИМНЪ БОРОДѢ.

1.

Не роскошной я Венерѣ,
Не уродливой Химерѣ
Въ имнахъ жертву воздаю:
Я похвальну пѣснь пою
Волосамъ, отъ всѣхъ почтеннымъ,
По груди распространеннымъ,
Что подъ старость нашихъ лѣтъ
Уважаютъ нашъ совѣтъ.

Борода предорогая!
Жаль, что ты не крещена,
И что тѣла часть срамная
Тѣмъ тебѣ предпочтена.

2.

Попечительна природа
О блаженствѣ смертныхъ рода
Несравненной красотой
Окружаетъ — бородой
Путь, которымъ въ миръ приходимъ
И нашъ первый взоръ возводимъ.

Не явится борода,
Не открыты ворота.

Борода предорогая etc.

3.

Борода въ казнѣ доходы
Умножаетъ по вся годы:
Керженцамъ любезный братъ
Съ радостью двойной окладъ
Въ зборъ за оную приноситъ,
И съ поклономъ нискимъ проситъ
Въ вѣчный пропустить покой
Безголовымъ съ бородой.

Борода предорогая etc.

4.

Не напрасно онъ дерзаетъ,
Вѣрно свой прибытокъ знаетъ:
Лишь разгладитъ онъ усы,
Смертной не боясь грозы,
Скачутъ въ пламень суевѣры;
Сколько съ Оби и Печеры
Послѣ нихъ богатствъ домой
Достаетъ онъ бородой.

Борода предорогая etc.

5.

О коль въ свѣтѣ ты блаженна,
Борода — глазамъ замѣна!
Люди обще говорятъ
И по правдѣ то твердятъ:
Дураки, врали, проказы

Были бы безъ ней безглазы,
Имъ въ глаза плевалъ бы всякъ;
Ею цѣлъ и здравъ ихъ зракъ.

Борода предорогая etc.

6.

Естьли правда, что планеты —
Нашему подобны свѣты,
Конче въ оныхъ мудрецы
И всѣхъ пуще тамъ жрецы
Увѣряютъ бородою,
Что насъ нѣтъ здѣсь головою.
Скажетъ кто: мы вправду тутъ —
Въ струбѣ тамъ того сожгутъ.

Борода предорогая etc.

7.

Естьли кто не взраченъ тѣломъ
Или въ разумѣ незрѣломъ;
Естьли въ скудости рожденъ,
Либо чиномъ не почтенъ, —
Будетъ взраченъ и разсуденъ,
Знатенъ чиномъ и не скуденъ
Для великой бороды:
Таковы ея плоды!

Борода предорогая etc.

8.

О прикраса золотая,
О прикраса дорогая,
Мать дородства и умовъ,
Мать достатковъ и чиновъ,

*

Корень дѣйствїй невозможныхъ,
О завѣса мнѣнїй ложныхъ!
Чѣмъ могу тебя почтить,
Чѣмъ заслуги заплатить?

Борода предорогая etc.

9.

Черезъ многїе расчосы
Заплету тебя я въ косы,
И всю хитрость покажу,
По всѣмъ модамъ наряжу.
Черезъ разныя затѣи
Завивать хочу тупеи:
Дайте ленты, кошельки
И крупичатой муки.

Борода предорогая etc.

10.

Ахъ, куда съ добромъ дѣваться?
Всѣ уборы не вмѣстятся:
Для ихъ многаго числа
Борода не доросла.
Я крестьянамъ подражаю
И какъ пашню удобряю.
Борода, теперь прости,
Въ жирной влажности расти!

Борода предорогая!
Жаль, что ты не крещена,
И что тѣла часть срамная
Тѣмъ тебѣ предпочтена.

XXX.

О страхъ! о ужасъ! громъ! ты дернулъ за штаны,
Которы подо ртомъ висятъ у сатаны.
Ты видишь, онъ за то свирѣпствуетъ и злится,
Дыравый красный носъ — халдейска пещь дымится.
Огнемъ и жупеломъ наполнены усы,
О какъ бы хорошо коптить въ нихъ колбасы!
Козлята малые родятся съ бородами —
Коль много почтены они передъ попами!
О польза! я одной изъ сихъ пустыхъ бородъ
Недавно удобрялъ безплодный огородъ.
Уже и прочїя того жъ себѣ желаютъ
И принести плоды обильны обѣщаютъ.
Чего не можно ждать отъ тѣхъ мохнатыхъ лицъ,
Гдѣ въ тучной бородѣ премножество площицъ
Сидятъ и межъ собой какъ люди разсуждаютъ,
Другихъ съ площицами бородъ не признаваютъ,
И проклинаютъ всѣхъ, кто молвитъ про козловъ:
Возможно ль быть у нихъ толь много волосовъ!

XXXI.

ЗУБНИЦКОМУ.

Безбожникъ и ханжа, подметныхъ писемъ враль!
Твой мерскій складъ давно и смѣхъ намъ и печаль:
Печаль, что ты языкъ россійскій развращаешь,
А смѣхъ, что ты тѣмъ зломъ затмить достойныхъ чаешь.
Но плюемъ мы на страмъ твоихъ поганыхъ вракъ:
Уже за тридцать лѣтъ ты записной дуракъ;
Давно изгага всѣмъ читать твои синички,
Дорогу некошну, вонючія лисички;
Никто не поминай намъ подлости ходуль
И къ пьянству твоему потребныхъ красоуль.
Хоть ложной святостью ты бородой скрывался,
Пробинъ на злость твою взирая улыбался:
Ученія его и чести и труда
Не можешь повредить ни ты, ни борода.

XXXII.

О вы, что Божество въ предѣлахъ чтите тѣсныхъ,
Подобіе его мня быть въ частяхъ тѣлесныхъ!
Вперите въ мысль, чему святитель сей училъ,
Что нынѣ вамъ гласитъ отъ лика горьнихъ силъ:
На милость Вышняго, на истину склонитесь,
И къ матери своей вы церькви примиритесь.

XXXIII.

НАДПИСЬ

На новое строенїе Сарскаго села.

Хотя по царствамъ Римъ поверженнымъ ступалъ,
Однако семь вѣковъ и больше восставалъ;
Скорѣе кроткой Ты, Монархиня, рукою
Россїю безъ войны̀ возводишь за Собою,
И щедролюбїемъ возносишь насъ Своимъ,
Не разрушая царствъ въ Россїи строишь Римъ.
Примѣръ въ томъ Сарской домъ; кто видитъ, всякъ чудится,
Сказавъ: что скоро Римъ предъ нами постыдится.
Ни время, ни труды, ни подданной весь свѣтъ
Тамъ такъ не успѣвалъ, какъ здѣсь Елисаветъ.

XXXIV.

ОДА

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ
ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШЕЙ ДЕРЖАВНѢЙШЕЙ
ВЕЛИКОЙ ГОСУДАРЫНѢ
ИМПЕРАТРИЦѢ
ЕЛИСАВЕТѢ ПЕТРОВНѢ
САМОДЕРЖИЦѢ ВСЕРОССІЙСКОЙ
НА
ПРЕСВѢТЛЫЙ И ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ПРАЗДНИКЪ
РОЖДЕНІЯ
ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА
И ДЛЯ ВСЕРАДОСТНАГО
РОЖДЕНІЯ
ГОСУДАРЫНИ ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ
АННЫ ПЕТРОВНЫ
ПОДНЕСЕННАЯ
ОТЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
ДЕКАБРЯ 18 ДНЯ
1757 ГОДА
ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
ПЕЧАТАНА ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

1.

Красуйтесь многіе народы:
Господь умножилъ Домъ Петровъ.
Поля́, лѣса́, брега́ и во́ды!
Онъ живъ, надежда и покровъ;
Онъ живъ, во всѣ страны взираетъ,

Свою Россїю обновляетъ,
Полки́, законы, корабли
Самъ строитъ, правитъ и предводитъ,
Натуру духомъ превосходитъ
Герой въ моряхъ и на земли́.

2.

О божеской залогъ! о племя!
Чѣмъ наша жизнь обновлена,
Возвращено Петрово время
О вы любезны имена!
О твердь небеснаго завѣта
Великая Елисавета,
Екатерина, Павелъ, Петръ,
О новая намъ радость Анна,
Россїи свыше дарованна,
Божественныхъ порода нѣдръ!

3.

Смотрите въ солнцевы предѣлы
На ранней и вечерней домъ;
Смотрите на сердца́ веселы.
Внемлите общихъ плесковъ громъ.
Устами цѣлая Россїя
Гласитъ: о времены златыя!
О мой всевожделѣнной вѣкъ!
Прекрасна Анна возвратилась,
Я съ нею разлучась крушилась,
И слезъ моихъ источникъ текъ!

4.

Здѣсь Нимфы съ воплемъ провожали
Богиню, родомъ, красотой.
Но нынѣ громко восплескали,
Младая Анна, предъ тобой;
Тебѣ пѣснь звучну воспѣваютъ,

Героя въ Мужа предвѣщаютъ,
Геройскихъ всѣхъ Потомковъ плодъ.
Произошлибъ земны владыки,
Родились бы Петры велики,
Чтобъ просвѣтить весь смертныхъ родъ.

5.

Умолкни нынѣ брань кровава,
Намъ всѣхъ прїятнѣе побѣдъ;
Намъ больше радость, больше слава,
Что Петръ въ наслѣдїи живетъ,
Что Дщерь на тронѣ зритъ Россїя.
На что державы Ей чужїя.
Ей жалобъ былъ наполненъ слухъ.
Послушайте концы вселенной,
Что нынѣ въ брани воспаленной
Вѣщалъ Ея на небо духъ:

6.

Великїй Боже вседержитель,
Святый Твой промыслъ и совѣтъ,
Имѣя въ сердцѣ Мой Родитель
Вознесъ подъ солнцемъ Россїй свѣтъ.
Меня оставлену судьбою
Ты крѣпкою возвелъ рукою,
И на престолѣ посадилъ.
Шестнатцать лѣтъ нося порфиру
Европу Я склоняла къ миру
Союзами и страхомъ силъ.

7.

Какъ славны далъ Ты намъ побѣды,
Всего превыше было Мнѣ,
Чтобъ родъ Россїйской и сосѣды
Въ глубокой были тишинѣ.
О безмятежной жизни свѣта

*

Я всѣ усердствовала лѣта:
Но нынѣ Я скорблю душей,
Зря бури царствамъ толь опасны;
И вижу, что тѣ несогласны
Съ святой правдивостью Твоей.

8.

Присяжны преступивъ союзы
Поправши нагло святость правъ,
Царямъ навергнуть тщится узы
Желанїе чужихъ державъ.
Творецъ, воззри въ концы вселенны,
Воззри на зе́мли утѣсненны,
На помощь страждущимъ восстань,
Позволь для общаго покою,
Подъ сильною Твоей рукою
Воздвигнуть противъ брани брань.

9.

Сїе рекла Елисавета
Геройской Свой являя видъ,
Небеснаго очами свѣта
На сродное имъ небо зритъ.
Надежда къ Богу въ нихъ сїяетъ,
И гнѣвъ со кротостью блистаетъ,
Какъ видится зарница намъ.
Что громко въ слухъ мой ударяетъ?
Земля и море отвѣщаетъ
Елисаветинымъ словамъ!

10.

Противныя страны трепещутъ,
Вопль, шумъ вездѣ и кровь и звукъ.
Ужасные Перуны мещутъ
Розмахи сильныхъ Росскихъ рукъ.
О Ты союзна Героиня

И сродна съ нашею Богиня!
По Васъ поборникъ Вышнїй Богъ.
Онъ правду Вашу защищаетъ,
Обиды наглыя отмщаетъ;
Надъ злобою возвысилъ рогъ.

11.

Когда въ Немъ милость представляемъ,
Ему подобныхъ видимъ Васъ;
Какъ гнѣвъ Его изображаемъ,
Оружїй Вашихъ слышимъ гласъ;
Когда неправды Онъ караетъ:
То силы Ваши ополчаетъ:
Его земля и небеса,
Законъ и воля повсемѣстна.
Поколь намъ будетъ неизвѣстна
Его щедрота и гроза.

12.

Правители, судьи внушите,
Услыши вся словесна плоть,
Народы съ трепетомъ внемлите:
Сїе глаголетъ вамъ Господь
Святымъ Своимъ въ Пророкахъ духомъ;
Впери всякъ умъ и вникни слухомъ:
Божественный пѣвецъ Давидъ
Священными шумитъ струнами,
И Бога полными устами
Исайя восхищенъ гремитъ.

13.

Храните праведны заслуги,
И милуйте сиротъ и вдовъ;
Сердцамъ нелживымъ будьте други
И бѣднымъ истинный покровъ;
Присягу сохраняйте вѣрно

*

Прїязнь къ другамъ нелицемѣрно;
Отверзите просящимъ дверь;
Давайте страждущимъ отраду
Трудамъ законную награду,
Взирайте на Петрову Дщерь.

14.

Въ сей день для общаго примѣра
Ее на землю Я послалъ.
Въ Ней бодрость, кротость, правда, вѣра,
Я самъ въ лицѣ Ея предсталъ.
Содѣлалъ знаменїе ново
Украсивъ торжество Петрово
Наслѣдницей великихъ дѣлъ,
Мои́ къ себѣ щедроты знайте;
Но твердо все то наблюдайте,
Что Петръ Она и Я велѣлъ.

15.

Въ моря́, въ лѣса́, въ земное нѣдро
Прострите вашъ усердной трудъ,
Повсюду награжду васъ щедро
Плодами, пасствой, блескомъ рудъ.
Пути всѣ отворю къ блаженству
Къ желанїй нашихъ совершенству.
Я кроткимъ окомъ къ вамъ воззрю,
Женихъ какъ идетъ изъ чертога,
Такъ взойдетъ съ солнцемъ радость многа,
Враговъ совѣты раззорю.

16.

Ликуй страна благословенна,
Всевышняго обѣтамъ вѣрь;
Пребудешь онымъ покровенна,
Его щедротой счастье мѣрь;
Взирай на нивы изобильны,

Взирай въ полки́ велики, сильны
И на размноженной народъ:
Подобно какъ въ Ливанѣ кедры,
Къ трудамъ ихъ крѣпки мышцы, бедры
Среди жаровъ, морозовъ, водъ.

17.

Свирѣпой Марсъ въ минувши годы
Въ Россїи по снѣгамъ ступалъ,
Мечемъ и пламенемъ народы
Въ срединѣ самой устрашалъ:
Но нынѣ и во время зноя
Не можетъ нарушить покоя;
Какъ сверженной Гигантъ реветъ:
Попранъ Россїйскою ногою,
Стисненъ какъ страшною горою,
Напрасно тяжки узы рветъ.

18.

Тамъ мракъ божественнаго гнѣву
Подвергнулъ грады и полки́
На жертву алчной смерти зѣву,
Терзанью хладныя руки́:
Тамъ слышенъ вой въ оружномъ трѣскѣ;
Изъ тучь при смертоносномъ блескѣ
Кровавы трупы множатъ страхъ.
А ты Отечество драгое
Ликуй при внутреннемъ покоѣ
Въ Елисаветиныхъ лучахъ.

XXXV.

А.

НАДПИСЬ

На конное литое изъ мѣди изображенїе Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны въ Амазонскомъ уборѣ.

Увидѣвъ Аполлонъ въ мѣди изображенный
Богини Россїя великолѣпный видъ,
И бодростью того металлъ одушевленный,
Со тщанїемъ спѣшилъ къ нему съ Парнасскихъ горъ:
Промолвилъ восхищенъ къ строителю перуновъ:
Стоялъ бы и по днесь мой городъ и Нептуновъ,
Когда бы защищать Прїямовъ скиптръ и тронъ
Пришла подобна сей Царица Амазонъ.
И тщетнабъ вся была коварныхъ Грековъ сила,
Елисавета бъ ихъ въ одинъ часъ низложила.

Б.

НАДПИСЬ

На тоже изображенїе.

Великаго Отца и Матери прекрасной,
Обѣимъ подобну Дщерь металлъ изобразивъ,
Геройской бодростью и кроткимъ взоромъ живъ.
Вѣщаетъ, кажется, отъ вещи къ намъ безгласной
Надежду, мужество, щедроты, милость, миръ,
Прїятна какъ весна, лѣтаетъ какъ зефиръ.
Свѣтлѣе злата мѣдь въ семъ образѣ сїяетъ,
Что толь великую Богиню представляетъ.

XXXVI.

ДЕНЬ ВО ВѢКИ ПРЕСЛАВНЫЙ

КОРОНОВАНІЯ

ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШІЯ ДЕРЖАВНѢЙШІЯ

ВЕЛИКІЯ ГОСУДАРЫНИ

ИМПЕРАТРИЦЫ

ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ

САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССІЙСКІЯ,

ИМЕНЕМЪ КЕНИГСБЕРГСКОЙ АКАДЕМІИ

СЪ ГЛУБОЧАЙШИМЪ БЛАГОГОВѢНІЕМЪ

ТОРЖЕСТВЕННО ПОЧТЕННЫЙ

ОТЪ ІОГАННА ГЕОРГА БОКА,

ПРОФЕССОРА КЕНИГСБЕРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА И АКАДЕМІИ НАУКЪ ЧЛЕНА

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО ЯЗЫКА.

ПЕЧАТАНО ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

1758 ГОДА.

1.

Натуры хитрыя возможныхъ опытъ силъ,
Къ которому свой взоръ весь смертныхъ родъ вперилъ.
Россїи счастливой богиня просвѣщенна,
Ты восхищаешь умъ какъ солнце вознесенна;
Корона съ Твоея главы лїюща свѣтъ
Златыхъ округъ въ Твоемъ наслѣдствѣ значитъ лѣтъ.
И тѣмъ побуждены подсолнечной всѣ части
Усердность жертвуютъ Твоей кротчайшей власти.

2.

Кто странъ Твоихъ предѣлъ и множество позналъ,
Твою великость тотъ по власти измѣрялъ;
Я мѣру праведну не въ силахъ полагаю,
Душѝ величество за ону признаваю.
Ему принадлежатъ обширныя страны,
Что вышнимъ промысломъ Тебѣ подарены,
Открыть къ щедротамъ путь Ты на престолъ вступила.
Высокъ онъ; но Твоихъ даровъ превыше сила.

3.

Съ державою равно любленье щедрыхъ дѣлъ,
И кротость изъ нея преходитъ за предѣлъ.
Ты больше тщишься быть прямымъ добромъ вселенной,
Какъ слыть Монархиней надъ всѣми вознесенной;
И злато надъ Тобой не знаетъ власти взять:
Величествомъ Твоимъ что можетъ обладать?
Твое богатство всѣмъ на счастье и отраду,
Къ почтенїю наукъ, художествамъ въ награду.

4.

Отеческїй Твой градъ премудрости есть храмъ,
Сокровище Твоимъ нескрытое странамъ:
Тамъ лира бодрая веселы водитъ лики,
И стру́ны оныя суть радостей языки.
Парнассъ въ очахъ Твоихъ не холмъ лишенъ красы,
Что можетъ расцвѣсти безъ солнца и росы.
Какъ на главѣ Твоей Минервинъ шлемъ сїяетъ,
Ея щитомъ рука Науки покрываетъ.

5.

Хотя душѣ Твоей несносны злы дѣлà;
Но казней строгая жестокость тяжела;
Прискорбнымъ сердцемъ Ты повинныхъ осуждаешь,

И вмѣсто крови ихъ щедроты проливаешь.
Правдивой судъ Тебѣ прїятенъ въ тѣ часы,
Когда уставлены наградами вѣсы,
Драгими камнями иныхъ вѣнцы сїяютъ;
Тебя лучи добротъ отвсюду окружаютъ.

6.

Монархи, что добро, не рѣдко признаю́тъ;
Но медлѣнно къ тому употребляютъ трудъ.
Твой просвѣщенный умъ соединенъ съ радѣньемъ,
Какъ скипетръ сопряженъ съ Монаршескимъ владѣньемъ.
Ты путь открыла тѣмъ къ прїятнымъ должностямъ
Оружїемъ Твоимъ подверженнымъ рабамъ;
И власть, чѣмъ по вѣнцу, по крови Ты сїяешь,
Растетъ, что оную дѣлами укрѣпляешь.

7.

Въ владѣтельствѣ Твоемъ умѣренность должитъ,
Что должность новую исполнить всякъ спѣшитъ;
И сердце матерне себя тѣмъ утѣшаетъ,
Довольствуясь, что долгъ всякъ вѣрно признаваетъ.
Живемъ не чувствуя, что къ страху нудитъ духъ,
Но именемъ Твоимъ свой услаждаемъ слухъ.
Младенцы слышатъ то, и нѣжно повторяютъ,
И дѣтскїя уста съ улыбкой обращаютъ.

8.

Пускай чрезъ хитрости представятся лучи,
И радость общую изобразятъ въ ночи,
Пусть мрачность пламеннымъ размахомъ раздѣлится;
Усердїе въ сердцахъ ярчае воспалится.
Цвѣтами разными возженныя свѣщи
Являютъ каждыя веселїе душѝ.
Когда блистанїя составы въ верьхъ возводятъ,
То значатъ, что къ звѣздамъ желанїя восходятъ.

9.

Богиня. Коей блескъ вседневно восстаетъ,
Достойный плодъ Петровъ вѣнца отъ нѣжныхъ лѣтъ,
Отъ жизни Онъ отшелъ; геройскихъ мыслей сила
Пренесена въ Тебѣ Петра возстановила.
Всевышнїй дай Тебѣ святую благодать
Достоинствамъ Твоимъ вѣкъ равный обладать;
Да въ сей толькратно день на тронѣ воссїяешь,
Какъ веселишь народъ, щедротой побѣждаешь.

XXXVII.

Взойди веселый духъ на ону высоту,
Гдѣ видѣть можно лѣтъ Петровыхъ красоту;
Парящїя простри на нынѣшней день мысли,
Желанїя къ нему и плески всѣ исчисли.
Между болотъ, валовъ и страшныхъ всѣмъ враговъ,
Торги, суды, полки, и флотъ и градъ готовъ!
Какъ съ солнцемъ восстаютъ къ брегамъ Индѣйскимъ воды,
Такъ въ устья Невскїя лились къ Петру народы.
Представь движенїе и вѣтьвей и зыбей,
Представить можешь шумъ отъ множества людей.
Бѣгутъ во слѣдъ его, другъ друга утѣсняютъ,
На чудныя дѣла и на него взираютъ.
Несчетны тщатся тьмы вмѣститься въ малый храмъ,
Равняютъ вѣку часъ, и тѣсность небесамъ.
У всѣхъ въ устахъ сей день и подвиги Петровы,
Трудиться купно съ нимъ и умереть готовы.
Всевышнїй благодать и нынѣ къ намъ простеръ:
Мы видимъ въ наши дни сихъ радостей примѣръ.
Елисаветъ въ лицѣ Петровѣ почитаемъ,
На Внука съ Правнукомъ какъ на него взираемъ.

XXXVIII.

Съ Сотиномъ — что за вздоръ? — Аколастъ примирился!
Конечно, третїй членъ къ нимъ лѣшїй прилѣпился,
Дабы три фурїи, втѣснившись на Парнасъ,
Закрыли крикомъ музъ россїйскихъ чистый гласъ.
Коль много разъ театръ казалъ на смѣхъ Сотина
И у Аколаста онъ слылъ всегда скотина.
Аколастъ, злобствуя, всѣмъ уши раскричалъ,
Картавилъ и сипѣлъ, качался и мигалъ,
Сотиновыхъ стиховъ разсказывая скверность,
А нынѣ объявилъ любовь ему и вѣрность,
Дабы Пробиновыхъ хвалу унизить одъ,
Которы, вознося, россїйскїй чтитъ народъ.
Чего не можешь ты начать, о зависть злая!
Но истина стоитъ недвижима святая.
Коль золъ, коль лживъ, коль подлъ Аколастъ и Сотинъ,
Того не знаетъ лишь ихъ гордый нравъ одинъ.
Аколастъ написалъ: „Сотинъ лишь врать способенъ,“
А нынѣ доказалъ, что самъ ему подобенъ.
Кто быть желаетъ нѣмъ и слушать наглыхъ вракъ,
Межъ самохвалами съ умомъ прослыть дуракъ,
Сдружись съ сей парочкой: кто хочетъ съ ними знаться,
Тотъ думай, каково въ крапиву испражняться.

XXXIX.

ОДА

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШЕЙ ДЕРЖАВНѢЙШЕЙ

ВЕЛИКОЙ ГОСУДАРЫНѢ

ИМПЕРАТРИЦѢ

ЕЛИСАВЕТѢ ПЕТРОВНѢ

САМОДЕРЖИЦѢ ВСЕРОССІЙСКОЙ

НА ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ПРАЗДНИКЪ

ТЕЗОИМЕНИТСТВА ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА

СЕНТЯБРЯ 5 ДНЯ 1759 ГОДА,

И НА ПРЕСЛАВНЫЯ ЕЯ ПОБѢДЫ ОДЕРЖАННЫЯ

НАДЪ КОРОЛЕМЪ ПРУССКИМЪ

НЫНѢШНЯГО 1759 ГОДА,

КОТОРОЮ ПРИНОСИТСЯ

ВСЕНИЖАЙШЕЕ И ВСЕУСЕРДНѢЙШЕЕ ПОЗДРАВЛЕНІЕ

ОТЪ ВСЕПОДДАННѢЙШАГО РАБА

МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

ПЕЧАТАНА ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ОДА

1.

Щедротъ источникъ, Ангелъ мира,
Богиня радостныхъ сердецъ,
На Коей какъ заря порфира,
Какъ солнце тихихъ дней вѣнецъ;
О мыслей нашихъ Рай прекрасный,

Небесъ безмрачныхъ образъ ясный,
Гдѣ видимъ кроткую весну,
Въ лицѣ, въ устахъ, въ очахъ и нравѣ!
Возможноль при Твоей державѣ
Въ Европѣ страшну зрѣть войну?

2.

Позволь, мнѣ жаръ велитъ сердечный,
Монархиня, въ сей свѣтлый день,
Какъ въ имени Твоемъ Предвѣчный
Поставилъ намъ покоя сѣнь,
Безмолвно предвѣщая царство,
Чтобъ миромъ свергла Ты коварство;
Позволь мнѣ духа взоръ простерть
На брань и сродство милосердо,
Гдѣ кротости жилище твердо,
Жалка и сопостатовъ смерть.

3.

О коль мечтанія противны
Объемлютъ совокупно умъ!
Доброты вижу здѣсь предивны!
Тамъ пламень, звукъ и вопль и шумъ!
Здѣсь полдень милости и лѣто,
Щедротой общество нагрѣто;
Тамъ смертну хлябь разинулъ адъ!
Но промыслъ міракъ сей разгоняетъ;
И вóлны въ мысляхъ укрочаетъ:
Отверзся въ славѣ Божій градъ.

4.

Ефиръ, земля и преисподня
Зиждителя со страхомъ ждутъ!
Я вижу отрока Господня
Пріемлюща небесный судъ.
Всесильный властію своею

Вѣщаетъ свыше къ Моисею:
„Я въ ярости ожесточу
„Египту сердце вознесенно;
„Израиля неодолѣнно
„Пресвѣтлой силой ополчу.

5.

Сїежъ явилъ Богъ въ наши лѣ́та,
Неистову воздвигнувъ рать,
Дабы Тебѣ, Елисавета,
Вѣнцы побѣдъ преславныхъ дать.
Позволилъ вознестись гордынѣ,
Чтобъ нашей кроткой Героинѣ
Былъ жребїй вышша въ славѣ часть;
Чтобъ врагъ дѣламъ Россїйскимъ вѣрилъ,
И опытомъ своимъ измѣрилъ,
Каковъ нашъ родъ, мочь, вѣрность, власть.

6.

Парящей слыша шумъ орлицы,
Гдѣ пыщный духъ твой, Фридерикъ?
Прогнанный за свои́ границы,
Ещели мнишь, что ты великъ?
Ещель смотря на рокъ Саксоновъ,
Всеобщимъ дателемъ законовъ
Слывешь въ желанїи своемъ!
Лишенный собственныя власти,
Ещель стремишься въ буйной страсти
Вселенной наложить яремъ?

7.

Взирая на пожаръ Кистрина,
На протчи грады оглянись:
Что имъ не равная судбина;
Не храбростью своей гордись.
Что зе́мли, гдѣ твоя корона

Не слышатъ гибельнаго стона,
Не видятъ пламенной зари,
Дивятся и въ войнѣ покою:
Побѣдоносной надъ тобою
Монархинѣ благодари.

8.

Велика божествомъ природнымъ
Восходитъ выше тишиной;
Чтобъ жить союзникамъ свободнымъ,
Жалѣя, двигнулась войной;
Узрѣвъ растерзанны союзы,
Наверженныя скиптрамъ узы,
Рекла: какъ злыхъ не укрочу;
Алчбѣ ихъ свѣта не достанетъ:
Пускай на гордыхъ гнѣвъ мой грянетъ,
Соблещетъ молнія мечу.

9.

Отъ странъ родящихъ градъ и снѣги,
Съ Атлантской буря высоты
Стремится чрезъ бугристы брéги,
Являя страшные слѣды.
Съ дубами камни похищаетъ,
И гóры двигнувъ раздираетъ.
Налегши на морской хребетъ
Волнамъ встрѣчается волнами,
Песокъ валитъ со дна съ китами;
Тамъ въ пѣнѣ стонетъ новой свѣтъ.

10.

Такъ Россовъ мужество въ походы
Течетъ противниковъ терзать;
И роетъ чрезъ поля́ и вóды,
Услышавъ щедру въ гнѣвѣ Мать!
Гдѣ нынѣ Королевско слово,

Что страшно воинство готово
На За́падъ путь нашъ прекратить?
Уже́ окровавленна Пре́гла
Крутясь въ твоей земли́ пробѣгла
Россїйску силу возвѣстить.

11.

Тамъ Мемель въ видѣ Фаетонта
Стремглавъ летя, Нимфъ прослезилъ,
Въ янтарнаго заливахъ понта
Мечтанье въ правду претворилъ.
За Вислой и за Вартой грады
Паденїя или отрады
Отъ воли Росской власти ждутъ;
И сердце гордаго Берлина,
Неистоваго исполина,
Перуны, близъ гремя, трясутъ.

12.

Еще не допустя до року
Съ отвагой сопрягшись таланъ
Гиганту приложили сроку,
Дабы ему умножить ранъ.
Цорндорфскїе пески глубоки,
Его и нашей крови токи
Соединясь, кипѣли въ васъ!
Намъ правда отдаетъ побѣду;
Но врагъ такого послѣ вреду,
Еще дерзаетъ противъ насъ.

13.

Богини нашей важность слова
Къ бессмертной славѣ совершить,
Стремится сердце Салтыкова,
Дабы коварну мочь сломить.
Ни Польскїе лѣса̀ глубоки,

*

Ни го́ры Шлонскїя высоки,
Въ защиту не стоя́тъ врагамъ;
Напрасно путь намъ возбраняютъ:
Россїйски сто́пы досягаютъ
Чрезъ трупы къ Франкфуртскимъ стѣнамъ.

14.

Съ трофея на трофей ступая,
Геройство Россское спѣшитъ.
О Муза, къ облакамъ взлетая,
Представь ихъ раздраженный видъ!
Съ желѣзомъ сердце раскаленнымъ,
Съ Перуномъ ру́ки устремленнымъ,
Съ Зарницей очи равно зрю!
Противникъ слѣдуя Борею,
Сказалъ: я буйностью своею;
Ударъ ударомъ предварю.

15.

Подобно граду онъ густому
Летяще воинство стѣснилъ,
Искалъ со стороны́ пролому,
И рвался въ сердце нашихъ силъ.
Но вихря крутость прежестока,
Въ стремленьи вѣчнаго востока,
Коль долго простираетъ ходъ?
Обрушась тягостнымъ урономъ,
Внезапно съ шумомъ, ревомъ, стономъ,
Преобратился въ сонмы водъ.

16.

Бѣгущихъ горды Пруссовъ плечи
И обращенные хребты
Подвержены кровавой сѣчи.
Главы валятся какъ листы,
Теперь съ готовыми трубами

Передъ Берлинскими вратами
Побѣды нашей дайте звукъ.
Что вашъ Король, полки́, снаряды,
Не могутъ вамъ пода́ть отрады
Рассыпаны отъ нашихъ рукъ.

17.

О честь Россїйскаго народа
Въ дни наши воиновъ примѣръ,
Что силой перваго похода
Двукратно сопостатовъ стеръ!
Тебѣ тотъ лавры уступаетъ,
Кто протчимъ храбро исторгаетъ;
Кто внѣ привыкнулъ побѣждать,
При дверяхъ домъ свой защищая
И крайни силы напрягая
Не могъ противъ тебя стоять.

18.

Такїе у Тебя Герои
Монархиня въ златой Твой вѣкъ,
Такїе Богъ полковъ далъ строи,
Какъ царствовать Тебя нарекъ.
Во всемъ послалъ Тебѣ успѣхи,
И въ мирѣ и въ войнѣ утѣхи:
О коль блаженны мы Тобой!
Искусства, нивы, торгъ, науки
Побѣдоносны слыша звуки,
Блажатъ свой внутренный покой.

19.

Какого свѣтлость зрю собора?
Подвижники межъ звѣздъ стоятъ,
Петрова наслаждаясь взора,
Красуйтесь, къ сродникамъ гласятъ:
Мы стерли мужествомъ гордыню,

Мы смерть пріяли за Богиню,
Что мертвымъ отдаетъ животъ,
Отъ ка́зни винныхъ свобождая,
Щедротой бѣдныхъ воскрешая,
И духъ вливая тѣмъ въ народъ.

20.

Ревнуйте нашему примѣру:
Поможетъ Богъ, какъ намъ помогъ;
Ее, Отечество и вѣру
Представивъ, презирайте рокъ.
Не ускорятъ вамъ дни спокойны?
Явитесь въ бра́ни насъ достойны,
И дѣтямъ сей внушите гласъ.
Герои сѣмени Петрова
На зависть устремляясь снова;
Въ потомкахъ нашихъ спросятъ насъ.

21.

Воздвигнися въ сей день Россія,
И очи окрестъ возведи;
Къ Тебѣ гласятъ концы земныя:
„Межь нами распри ты суди
„Елисаветиной державой:
„Ея великолѣпной славой
„Вселенной преисполненъ слухъ.
„Мы равно нынѣ восклицаемъ
„Желаній жертву воссылаемъ,
„Какъ вѣрныхъ Ей Россіянъ духъ.

22.

„Ея неодолимо войско
„По правдѣ ходитъ поборать;
„И сердце съ кротостью геройско
„Съ пощадой знаетъ побѣждать.
„Коль тщетно пышное упорство

„Надѣясь на свое проворство
„Збираетъ бѣглые полки;
„Въ предѣлы кроткаго зефира
„Златаго не прїемлетъ мира:
„Еще кровавой ждетъ рѣки.

23.

Съ верховъ цвѣтущаго Парнасса,
Смотря на ревнїе сердецъ,
Мы ждемъ желаемаго гласа:
„Еще побѣда и конецъ,
„Конецъ губителныя брани.
О Боже! мира Богъ, возстани,
Всеобщу къ намъ любовь пролей,
По имени Петровой Дщери
Военны запечатай двери,
Питай насъ тишиной Твоей.

24.

Иль мало смертны мы родились,
И должны удвоять свой тлѣнъ?
Ещель мы мало утомились
Житейскихъ тягостью бременъ?
Воззри на плачь осиротѣвшихъ,
Воззри на слёзы престарѣвшихъ
Воззри на кровь рабовъ Твоихъ.
Къ Тебѣ любовь и радость свѣта
Въ сей день зоветъ Елисавета:
Низвергни брань съ концевъ земныхъ.

XL.

1.

Доколѣ щастье ты вѣнцами
Злодѣевъ будешъ украшать?
Доколѣ ложными лучами
Нашъ разумъ хочешъ ослѣплять?
Доколѣ, истуканъ прелестной,
Мы станемъ жертвой намъ безчестной
Твой тщетной почитать олтарь?
Доколѣ будемъ строить храмы,
Твои чтить замыслы упрямы,
Прельщенная словесна тварь?

2.

Народъ порабощенъ обману
Малѣйшїя твои дѣлà
За умъ, за храбрость чтитъ избранну.
Ты власть, ты честь, ты силъ хвала;
Въ угоду твоему пороку,
И добродѣтель превысоку,
Лишаетъ собственныхъ красотъ.
Его неправедны уставы
На верьхъ возводятъ пышной славы
Твоихъ любимцовъ злобной родъ.

3.

Но пусть великостїю сею,
О титлахъ хвалятся своихъ;
Поставимъ разумъ въ томъ судьею,
И добрыхъ дѣлъ поищемъ въ нихъ.
Я вижу лишь одну безмѣрность,
Надменность, слабость, и невѣрность,
Свирѣпство, бѣшенство, и лесть.
Доброта странная! откуду
Изъ злости сложенному чуду
Дается оной должна честь?

4.

Ты знай: герои совершенны
Премудростїю въ свѣтъ даны;
Она лишь видитъ коль презрѣнны
Что чрезъ тебя возведены;
Она ту славу презираетъ,
Что рокъ неправедной раждаетъ
Въ побѣдахъ слѣпотой своей;
Предъ строгими ея очами,
Герой съ суровыми дѣлами
Ни что какъ щастливой злодѣй.

5.

Почтить ли токи тѣ кровавы,
Что въ Римѣ Сулла проливалъ?
Достойноль въ Александрѣ славы,
Что въ Аттилѣ всякъ зломъ признаиъ?
За добродѣтель и геройство
Хвалить ли звѣрско неспокойство
И власть окровавленныхъ рукъ?
И принужденными устами
Могу ли возносить хвалами
Начальника толикихъ мукъ?

6.

Издревле что объ васъ извѣстно,
О хищники чюжихъ державъ!
Желанье въ мирѣ всемъ не вмѣстно,
Попранїе вѣнчанныхъ главъ,
Огня и труповъ полны стѣны,
И вы въ пару̑ кровавой пѣны,
Народъ пожранный отъ меча,
И въ шумѣ блѣдна мать великомъ,
Свою дочь тщится съ плачемъ, съ крикомъ,
Отнять съ насильнаго плеча̀.

7.

Слѣпые мы судьи, слѣпые,
Чудимся таковымъ дѣламъ.
Однѣ ли приключенья злые
Даютъ достоинство Царямъ!
Ихъ славѣ бѣдствами обильной,
Безъ брани хищной и насильной
Не можно развѣ устоять?
Не можно божеству земному
Безъ ударяющаго грому
Своимъ величествомъ блистать?

8.

Но быть должна во время бою
На первенствѣ прямая честь,
И кто поправъ врага собою,
Побѣду могъ себѣ причесть?
Издревле воины извѣстны,
Похвальны, знатны, славны, честны,
Оплошностью противныхъ силъ.
Худымъ Варроновымъ призоромъ,
Упрямымъ и неправымъ споромъ,
Ганнибалъ славу получилъ.

9.

Кого же намъ почтить Героемъ
Великимъ собственной хвалой?
Царя, что правдой и покоемъ,
Себя, народъ содержитъ свой;
Послѣдуя Веспазїану,
Едину радость несказанну,
Имѣетъ въ щастїи людей,
Отецъ отечества безъ лести;
И ставитъ выше всякой чести
Числомъ своихъ щедроты дней.

10.

О вы, что въ добродѣтель чтите
Единъ въ войнахъ геройской шумъ,
Себѣ Сократа вобразите,
За Клитова убивца въ умъ;
Вамъ будетъ Царь въ немъ несравненный,
Правдивой, кротостью почтенный,
Достойный олтаря во вѣкъ,
Тогда страшилище Эвфрата,
Противъ вѣнчаннаго Сократа,
Послѣдней будетъ человѣкъ.

11.

Герои люты и кровавы!
Поставьте гордости конецъ,
Рожденной отъ воинской славы
Забудте лавровой вѣнецъ.
Напрасно Рима повелитель
Октавїй, свѣта побѣдитель,
Навелъ въ его предѣлы страхъ;
Онъ Августомъ бы не нарекся,
Когда бы въ кротость не облекся,
И страха не скончалъ въ сердцахъ.

*

12.

О воины великосерды!
Явите вашихъ лучь добротъ;
Посмотримъ коль тогда вы тверды,
Какъ щастье возметъ поворотъ.
Когда то къ вамъ великодушно,
Земля и море вамъ послушно,
И блескъ вашъ очи всѣхъ слѣпитъ;
Но только лишь оно отстанетъ,
Геройска похвала увянетъ,
И смертный будетъ всѣмъ открытъ.

13.

Способность средственна довлѣетъ
Завоевателями быть.
Кто щастïе преодолѣетъ,
Одинъ великимъ можетъ слыть.
Хоть по́мощь отъ него теряетъ,
Но съ постоянствомъ пребываетъ,
Для коего отъ всѣхъ почтенъ;
Всегда не низокъ и не пышенъ,
Съ Тиверïемъ ли онъ возвышенъ,
Или какъ Варусъ пораженъ.

14.

Излишню радость не внушаетъ
Въ недвижности своей предѣлъ,
И осторожно умѣряетъ
Неистовство успѣшныхъ дѣлъ.
Пусть щастïе преобратится;
Недвижна добродѣтель тщится
Презрѣнной разрушать упоръ.
Конецъ имѣетъ благоденство,
Сто́итъ въ премудрости блаженство,
Не постояненъ рока взоръ.

15.

Вотще готовитъ гнѣвъ Юноны
Энею смерть среди валовъ,
Премудрость! чрезъ твои законы
Онъ выше рока и боговъ;
Тобою Римъ, по злой напасти,
Въ срединѣ Карфагенской власти,
Своихъ героевъ смерть отмстилъ;
Ходя въ твои небесны слѣды,
Во время слезныя побѣды,
Въ трофеи гробы превратилъ.

XLI.

ПРИТЧА.

СВИНЬЯ ВЪ ЛИСЬЕЙ КОЖѢ.

Надѣла на себя
Свинья
Лисицы кожу,
Кривляла рожу,
Моргала,
Тащила длинный хвостъ, и какъ лиса ступала;
И такъ во всемъ она съ лисицей сходна стала.
Догадки лишь одной свиньѣ недостаетъ:
Натура смысла всѣмъ свиньямъ не подаетъ.
Но гдѣ могла свинья лисицы кожу взять,
Не трудно то сказать.
Лисица всѣмъ звѣрямъ подобно умираетъ,
Когда она себѣ найтить, гдѣ ѣсть, не знаетъ.
Отъ глада и людей на свѣтѣ много мрутъ,
А паче тѣ, кто врутъ.
Такимъ отъ рока судъ бываетъ:
Онъ хлѣбъ ихъ отъимаетъ,
И путь ихъ ко вранью тѣмъ вѣчно пресѣкаетъ.

Въ нарядѣ семъ вездѣ пошла свинья бродить,
И стала всѣхъ бранить.
Лисицамъ всѣмъ прямымъ ругаясь говорила:
Натура де меня одну лисой родила,
А вы де всѣ ноги не стоите моей,
Затѣмъ что родились отъ подлыхъ вы свиней.
Теперя въ гости я сидѣть ко льву сбираюсь,
Лишь съ нимъ я повидаюсь,
Ему я буду другъ,
Не дѣлая услугъ.
Онъ будетъ самъ стоять, а я у него лягу.
Неужто онъ меня такъ приметъ какъ бродягу?
Дорогою свинья вела съ собою рѣчь:
„Не думаю, чтобъ левъ позволилъ мнѣ тамъ лечь,
Гдѣ всѣ предъ нимъ стоятъ знатнѣйши свѣта звѣри;
Однако въ тѣ же двери
И я къ нему войду.
Я стану передъ нимъ, какъ знатный звѣрь, въ виду“.
Пришла предъ льва свинья, и милости просила,
Хоть тварь была подла, но много говорила,
Однако все врала,
И съ глупости она осломъ льва назвала.
Не вшелъ тѣмъ левъ
Во гнѣвъ.
Съ презрѣньемъ на нее онъ глядя, разсмѣялся,
И такъ ей говорилъ:
„Я мало бы тужилъ,
Когда бъ съ тобой, свинья, вовѣкъ я не видался;
Тотчасъ узналъ то я,
Что ты — свинья,
Такъ тщетно тщилась ты лисою подбѣгать,
Чтобъ врать.
Родился я во свѣтъ не для свиныхъ поклоновъ;
Я не страшуся громовъ,

Нѣтъ въ свѣтѣ семъ того, чтобъ мой смутило духъ.
Была бъ ты не свинья,
Такъ знала бы, кто я,
И знала бъ, обо мнѣ какой свѣтъ носитъ слухъ".
Свиньѣ не удалось: предъ львомъ не полежала,
Пошла домой съ стыдомъ, но идучи роптала,
Ворчала,
Мычала,
Кричала,
Визжала,
И въ ярости себя стократно проклинала;
Потомъ сказала:
„Зачѣмъ меня несло со львами спознаваться,
Когда мнѣ рокъ велѣлъ въ грязи всегда валяться".

XLII.

Для пользы общества коль радостно трудиться!
Отъ зависти притомъ коль скучно борониться!
Ты въ исправленїи гранадъ, доходовъ, правъ,
Самъ дѣломъ испыталъ, трудолюбивый Графъ!
Тожъ чувствуютъ въ себѣ рачители и други,
Которы чтутъ въ тебѣ къ отечеству заслуги.
Стараться о добрѣ, коль дозволяетъ мочь,
День въ пользѣ провождать и безъ покоя ночь,
И слышать о себѣ недоброхотны рѣчи —
Не легче, какъ стоять противъ кровавой сѣчи.
Кто оны побѣдитъ, тотъ подлинно герой.
Всѣмъ должно поставлять въ примѣръ поступокъ твой.
Раченїямъ твоимъ споспѣшникъ самъ Содѣтель,
И правдѣ въ свѣтѣ ихъ Монархиня свидѣтель.
Намъ слава, страхъ врагамъ — въ полкахъ твои огни;
Какъ прежде, такъ и впредь, пали, рази, гони!
Велико дѣло есть повелѣвать полками,
Торжественно стоять противныхъ надъ тѣлами,
И слышать радостный побѣдоносцевъ кликъ,
Презрѣвъ съ нимъ смѣшанный и стонъ и плачъ великъ;
Стремиться къ будущей и брани и побѣдѣ,
И тѣмъ упорство все искоренить въ сосѣдѣ;
Покой отечеству со славой принести,
Дабы могло потóмъ въ безмолвїи цвѣсти.
Великой похвалы и тотъ въ войнѣ достоенъ,

Кто мыслью со врагомъ сражается спокоенъ;
Спокоенъ брань ведетъ искусствомъ хитрыхъ рукъ,
Готовя страхъ врагамъ и смертоносный звукъ.
Не можетъ безъ того ни мужество геройско,
Ни твердостїю силъ безчисленное войско
Противъ упорнаго противника стоять.
Тутъ нужда требуетъ громъ громомъ отражать,
Чтобъ прежде мы, не насъ противны досягали,
И мы бы ихъ полкѝ на части раздробляли;
И пламень бы враговъ въ скоропостижный часъ
Отъ Росской армїи не разрядясь погасъ.
И такъ что вымысломъ одинъ изобрѣтаетъ,
Съ разумной храбростью другой употребляетъ;
Похвальны обоихъ въ семъ подвигѣ труды
Намъ мира принесутъ желанные плоды.
Ужѐ весну ведетъ къ намъ свѣтлый предводитель,
И ждетъ вселенная, кто будетъ побѣдитель.
Тамъ Варта съ Одрою струи свои крутитъ,
И кажетъ влажности огней ужасный видъ,
Что яростно при нихъ изъ Рускихъ рукъ звучали,
И такъ ихъ кровїю противниковъ сгущали.
Секвана и Дунай подъемлютъ въ верьхъ главы,
Чтобъ слышать громъ и стукъ изшедшїй отъ Невы.
Тамъ Одра, Темза, Ренъ кровавы движутъ волны;
Мутятся во брегахъ съ надеждой страха полны.
Всѣ ждутъ, въ который край надежда полетитъ.
Мнѣ весь Парнассъ сказалъ: туда полкомъ стои́тъ
Съ Елисаветой Богъ и храбрость Генераловъ,
Россїйска грудь, твои орудїя, Шуваловъ.

XLIII.

Его Императорскому Высочеству Пресвѣтлѣйшему Государю Великому Князю Павлу Петровичу Герцогу Голштейншлезвигскому, Стормарнскому и Дитмарсенскому, Графу Олденбургскому и Делменгорстскому и протчая. Милостивѣйшему Государю.

Россїю предпрїявъ ущедрить небеса,
Являютъ Твоея породы чудеса.
Младый Великїй Князь, Ты восходя сїяешь,
И вѣку Своего свѣтъ полный обѣщаешь.
Чудимся радуясь природной остротѣ
Пристойной Праотцевъ пресвѣтлыхъ высотѣ.
Предвидимъ, разсудивъ мы дѣтски разговоры,
Отрадою ко всѣмъ сїяющїе взоры,
Что будешь подданныхъ веселїе, покровъ,
Въ правленїи примѣръ, во брани страхъ враговъ.
Изобразивъ Твоихъ Россїйскихъ Предковъ славныхъ
Геройски подвиги, и вкратцѣ видъ дѣлъ главныхъ,
Я обращаю взоръ къ вечернимъ сторонамъ,
Въ наукахъ и въ войнахъ Героевъ вижу тамъ.
Для малости сихъ строкъ я ихъ не исчисляю,
И вмѣсто всѣхъ Петра со Карломъ представляю.
Сей шелъ какъ Александръ вселенной потрясти,
Но онъ побѣдами пресѣкъ его пути.
Одинъ насъ просвѣтить ученїями тщился,
Другой въ сраженїяхъ взять первенство стремился.
*

Хотя соперники, но Прадѣды Твои;
Вели въ сей жизни брань: но въ вѣчности Свои.
Въ Тебѣ ихъ обоихъ предвидимъ духъ военный,
Какъ знаемъ Твоему Родителю врожденный.
Съ восторгомъ радостнымъ Нева внимаетъ звукъ,
Что на противниковъ Петровъ готовитъ Внукъ.
Елисаветины побѣды представляетъ,
И сердцемъ и умомъ враговъ Ея терзаетъ.
Раченье, ревность, жаръ являетъ внѣшней видъ.
Коль тяжкая вамъ казнь, завистники, грозитъ!
Сіи дары ему въ добротну грудь даны;
Примѣры, Государь, смотри съ другой страны.
Екатеринины, и щедрыхъ Дщерей свойства,
Источники ко всѣмъ отрады и спокойства
Представь, и вмѣсто всѣхъ почти Елисаветъ,
Которую воздвигъ Всевышняго совѣтъ,
Воздвигъ и укрѣпилъ, возвысилъ и прославилъ
И съ нею домъ Петровъ залогъ намъ вновь поставилъ.
Родившія Тебя; о свѣтлый ликъ добротъ!
Въ младенчествѣ Твоемъ достойный видимъ плодъ.
Расти, и восходи, крѣпись къ трудамъ преславнымъ,
Со Прадѣдовыми великостїю равнымъ.
Достигни поздныхъ лѣтъ, какъ можетъ человѣкъ;
Дополни Богъ Тебѣ неполный предковъ вѣкъ.
Гряди по ихъ стопамъ, во слѣдъ Елисаветѣ:
Ты будешь, какъ они великъ, возлюбленъ въ свѣтѣ.
Доброты вкорениш, исторгнувъ смертныхъ зло,
Умножишь истинныхъ Россїйскихъ хвалъ число,
Достигнешь чрезъ моря богатаго Офира;
Откроешь Россамъ путь кругомъ земнаго мира,
Поставишь всѣмъ странамъ недвижимый законъ;
Науки лишь пройди, и будь нашъ Соломонъ.

XLIV.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ,

ГЕРОИЧЕСКАЯ ПОЭМА,

МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА.

ЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ
МИЛОСТИВОМУ ГОСУДАРЮ
ИВАНУ ИВАНОВИЧУ
ШУВАЛОВУ
ГЕНЕРАЛУ ПОРУТЧИКУ,
ГЕНЕРАЛУ АДЪЮТАНТУ,
ДѢЙСТВИТЕЛЬНОМУ КАММЕРГЕРУ,
МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА КУРАТОРУ,
И ОРДЕНОВЪ
БѢЛАГО ОРЛА, СВЯТАГО АЛЕКСАНДРА,
СВЯТЫЯ АННЫ
КАВАЛЕРУ.

Нача́ло моего великаго труда
Прими, Предстатель Музъ, какъ принималъ всегда
Сложенїя мои́, любя Россїйско слово,
И тѣмъ стремленїе къ стихамъ давалъ мнѣ ново.
Тобою поощренъ въ сей путь пустился я:
Ты будешь онаго споспѣшникъ и судья.
И многи и сїя дана Тебѣ доброта,
Къ словеснымъ знанїямъ прехвальная охота.
Природный видитъ Твой и просвѣщенный умъ

Гдѣ мысли важныя и гдѣ пустыхъ словъ шумъ.
Мнѣ нуженъ твоего рассудокъ тонкой слуха,
Чтобъ слабость своего возмогъ признать я духа.
Когда подъ бременемъ поникну утомленъ,
Вниманїемъ Твоимъ восстану ободренъ.
Хотя во слѣдъ иду Виргилїю, Гомеру;
Не нахожу и въ нихъ довольнаго примѣру.
Не вымышленныхъ пѣть намѣренъ я Боговъ,
Но истинны дѣлá, великїй трудъ Петровъ.
Достойную хвалу воздать сему Герою
Труднѣе нежели какъ въ десять лѣтъ взять Трою.
О естьлибъ было то въ возможности моей;
Бѣглецъ Виргилїевъ изъ отчества Еней
Едвабъ съ Мазепою въ стихахъ моихъ сравнился,
И басней бы своихъ Виргилїй устыдился.
Уликсовыхъ Сиренъ и Ахиллесовъ гнѣвъ
Во вѣкъ бы заглушилъ попранный ревомъ Левъ.
За кѣмъ же я пойду? въ слѣдъ подвигамъ Петровымъ,
И возвышенїемъ стиховъ Геройскихъ новымъ
Увѣрю цѣлые вселенныя концы,
Что тѣмъ я заслужу Парнасскїе вѣнцы:
Что первый пѣлъ дѣлá такого Человѣка,
Каковъ во всѣхъ странахъ не слыханъ былъ отъ вѣка.
Хотя за знанїе служилъ мнѣ въ томъ таланъ;
Однако скажутъ всѣ; я былъ судьбой избранъ.
Желая въ умъ вперить дѣлá Петровы громки
Описаны въ моихъ стихахъ прочтутъ потомки.
Обильные луга, прекрасны бреги рѣкъ,
И только гдѣ живетъ Россїйской человѣкъ,
И почитающи Россїю всѣ языки,
У коихъ по трудамъ прославленъ Петръ Великїй,
Достойну для него дадутъ симъ честь стихамъ,
И станутъ ихъ гласить по рощамъ и лѣсамъ.
О какъ я возношусь своимъ успѣхомъ мнимымъ,

Трудомъ желаемымъ, но непреодолимымъ.
Однакожъ я отнюдъ надежды не лишенъ:
Начатой будетъ трудъ прилѣжно совершенъ.
Твоими, Меценатъ, бодрясь въ трудѣ словами
Стремлюся на Парнасъ какъ легкими крилами.
Въ разборѣ убѣжденъ о правотѣ Твоей
Пренебрегаю злыхъ роптанїе людей.
И естьли въ полѣ семъ прекрасномъ и широкомъ
Преторжется мой вѣкъ недоброхотнымъ рокомъ;
Цвѣтущимъ младостью останется умамъ,
Что мной проложеннымъ послѣдуютъ стопамъ.
Довольно таковыхъ родитъ сыновъ Россїя,
Лишь былибъ завсегда защитники такїя,
Каковъ Ты промысломъ въ сей день произведенъ,
Для счастїя наукъ въ отечествѣ рожденъ.
Благополучная сїяла къ нимъ планета,
Предвозвѣщая плодъ въ Твои прекрасны лѣта.
Въ благодѣянїяхъ Твои проходятъ дни,
О коль красно цвѣтетъ Парнассъ въ Твоей тѣни!
Для Музы моея Твой вѣкъ всего дороже:
Для многихъ счастїя продли, продли, о Боже.

Ноября 1 дня 1760 года.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

СОКРАЩЕНІЕ.

Петръ Великій увѣдавъ, что Шведскіе корабли идутъ къ городу Архангельскому, дабы тамъ учинить раззореніе и отвратить Государевъ походъ къ Шлиссельбургу, отпустилъ войско приступать къ оному. Самъ съ гвардіею предпріемлетъ путь въ Сѣверъ, и слухомъ своего приходу на Двинскія устья обращаетъ въ бѣгство флотъ Шведской. Оттуда простирая походъ къ осадѣ помянутой крѣпости, по Бѣлому морю, претерпѣваетъ опасную бурю, и отъ ней для отдохновенія уклоняется въ Унскую губу. Потомъ приставъ къ Соловецкому острову для молитвы, при случаѣ разговора о расколѣ, сказываетъ Государь настоятелю тамошнія обители о стрѣлецкихъ бунтахъ, изъ которыхъ второй былъ раскольничей.

Пою премудраго Россійскаго Героя,
Что грады новые, полкѝ и флоты строя,
Отъ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ со злобой велъ войну,
Сквозь страхи проходя, вознесъ свою́ страну;
Смирилъ злодѣевъ внутрь, и внѣ попралъ противныхъ,
Рукой и разумомъ свергъ дерзостныхъ и льстивныхъ;
Среди военныхъ бурь науки намъ открылъ,
И миръ дѣлами весь и зависть удивилъ.
Къ тебѣ я вопію, Премудрость безконечна,
Пролей свой лучь ко мнѣ, гдѣ искренность сердечна,
И полонъ ревности спѣшитъ въ восторгѣ духъ
Петра Великаго гласить вселенной въ слухъ,
И показать, какъ Онъ превыше человѣка
Понесъ труды для насъ неслыханны отъ вѣка;

Съ какимъ усердіемъ Отечество любя,
Ужаснымъ подвергалъ опасностямъ себя.
Да на Его примѣръ и на дѣла́ велики
Смотря весь смертныхъ родъ, смотря земны Владыки,
Позна́ютъ, что Монархъ, и что отецъ прямой,
Строитель, плаватель, въ поляхъ, въ моряхъ Герой.
Дабы Россійскій родъ во вѣки по́мнилъ твердо,
Коль, небо! ты ему явилось милосердо.
Ты мысль мнѣ просвѣти; дѣлами Петръ снабдитъ,
Велика Дщерь Его щедротой оживитъ.

Богиня, коей власть владычествъ всѣхъ превыше,
Державство кроткое весны прекрасной тише,
И къ подданнымъ любовь всѣхъ вышшій есть законъ,
Ты внемлешь съ кротостью мой слабой лирной звонъ:
Склони, склони свой слухъ, когда я предъ Тобою
Дерзаю возгласить военною трубою
Тебя родившее велико божество!
О море! о земля! о тварей естество!
Монархини моей вы нраву подражайте,
И гласу моему со кротостью внимайте.

Ужѐ освобожденъ отъ ва́рваръ былъ Азовъ;
До Меотискихъ Донъ свободно текъ валовъ,
Нося ужасной флотъ въ струяхъ къ пучинѣ Черной,
Что созданъ въ скорости Петромъ неимовѣрной.
Ужѐ Великая покоилась Москва,
Избывъ отъ лютаго злодѣевъ суровства:
Бунтующихъ стрѣльцовъ достойной послѣ ка́зни,
Простерла внѣ свой мечь безъ внутренней боязни.
Отъ дерской наглости разгнѣваннымъ Петромъ,
Воздвигся въ западѣ войны ужасной громъ.
Отъ Нарвской обуявъ сомнительной побѣды,
Шатались мыслями и войскъ походомъ Шведы.
Монархъ нашъ отъ Москвы простеръ свой быстрый ходъ,
Къ любезнымъ берегамъ полночныхъ бѣлыхъ водъ,

Гдѣ прежде межъ валовъ душа въ немъ веселилась,
И больше къ плаванью въ немъ жажда воспалилась.
О коль ты счастлива, великая Двина,
Что славнымъ шествїемъ его освящена:
Ты тѣмъ всѣхъ выше рѣкъ, что устьями своими
Сливаясь въ сонмъ единъ со безднами морскими,
Открыла посредѣ играющихъ валовъ
Другихъ всѣхъ прежде струй пучинѣ зракъ Петровъ.
О холмы красные и островы зелены,
Какъ радовались вы симъ счастьемъ восхищенны!
Что поздно я на васъ, что поздно я рожденъ,
И тѣмъ толикаго веселїя лишенъ?
Не зрѣхъ, какъ онъ сїялъ Величествомъ надъ вами,
И шествовалъ по вамъ предъ новыми полка́ми;
Какъ новы крѣпости, и новы корабли,
Ужасные врагамъ въ волнахъ и на земли́,
Смотрѣлъ и утверждалъ, противу ихъ набѣгу,
Грозящему бѣдой Архангельскому брегу:
Дабы Россїйскую тѣмъ силу раздѣлить,
Отъ Ингерскихъ градовъ осады отвратить.
Но вдругъ пришествїя Петрова въ сѣверъ слухомъ
Смутясь, пустились вспять унылы, томны духомъ.
Ужѐ бѣлѣя понтъ передъ Петромъ кипитъ,
И влага уступить, шумя, ему спѣшитъ.
Тамъ вмѣсто чаянныхъ бореи флаговъ Шведскихъ
Россїйскїе въ зыбяхъ взвѣвали Соловецкихъ.
Закрылись крайнїе пучиною лѣса̀;
Лишь съ моремъ видны вкругъ слїянны небеса.
Тутъ вѣтры сильные имѣя флотъ во власти,
Со всѣхъ сторонъ сложась къ погибельной напасти,
На Западъ и на Югъ, на Сѣверъ и Востокъ
Стремятся, и вертятъ мглу, влагу и песокъ:
Перуны мракъ густой сверкая раздѣляютъ,
И громы съ шумомъ водъ свой трескъ соединяютъ:

Межъ моремъ рушился и воздухомъ предѣлъ;
Дождю на встрѣчу дождь съ кипящихъ волнъ летѣлъ;
Въ серцахъ великой страхъ сугубятъ скрыпомъ снасти.
Герой нашъ посредѣ великія напасти,
И взоромъ и рѣчьми смутившихся крѣпитъ,
Сквозь грозный стонъ стихій къ блѣднѣющимъ гласитъ:
„Мужайтесь: Промыслъ насъ небесный искушаетъ;
„Къ трудамъ и къ крѣпости на предки ободряетъ;
„Всякъ дѣлу своему со тщаніемъ внимай:
„Опасности сея Богъ скоро пошлетъ край.
Отъ гласа въ грудь пловцамъ кровь теплая вліялась,
И буря въ ярости кротчае показалась.
Я мышлю, что тогда сокрыта въ морѣ мочь
Желая отвратить набѣгъ противныхъ прочь,
Толь страшну бурю имъ на пагубу воздвигла,
Что въ плаваньи Петра нечаянно постигла.
О вы рачители и слушатели словъ,
Въ которыхъ подвигъ вамъ пріятенъ есть Петровъ,
Едина истинна возлюбленна и сродна,
Отъ вымысловъ краса Парнасскихъ неугодна,
Позвольте между тѣмъ, чтобъ слаба мысль моя
И голосъ опочилъ, труды Его поя,
Въ Кастальски рощи я не съ тѣмъ себя склоняю,
Что онымъ тамъ сыскать красу и силу чаю:
Ключи, источники, долины и цвѣты
Не могутъ дѣлъ Его умножить красоты;
Собой они красны, собой они велики.
Отважась въ долгій путь, гдѣ трудности толики,
Ищу, чтобъ иногда имѣть себѣ покой;
Въ убѣжища сіи склонитесь вы со мной:
Дабы яснѣе зрѣть съ высокихъ мѣстъ и красныхъ
Петра въ волнахъ, во льдахъ, въ огнѣ, въ бѣдахъ ужасныхъ,
И славы истинной въ блистающихъ лучахъ.
Какое зрѣніе мечтается въ очахъ?

Я на земли́ стою́, но страхомъ колебаюсь,
И чаю, что въ водахъ свирѣпыхъ погружаюсь!
Мнѣ всякая волна быть кажется гора,
Что съ ревомъ падаетъ обрушась на Петра.
Но Промыслъ въ глубину десницу простираетъ;
Оковы тяжкїя вдругъ буря ощущаетъ.
Какъ въ равныхъ разбѣжась свирѣпый конь поляхъ,
Ржетъ, пышетъ, отъ копытъ восходитъ вихремъ прахъ;
Однако доскакавъ до высоты крутыя,
Вздохнувъ кончаетъ бѣгъ, льетъ токи потовые.
Такъ сѣверъ укротясь впослѣдни восстеналъ.
По усталы́мъ валамъ понтъ пѣну расстилалъ;
Изчезли облака́; сквозь воздухъ въ югѣ чистый,
Открылись два холма и береги лѣсисты.
Межъ ними кораблямъ въ заливъ отверзся входъ,
Убѣжище пловцамъ отъ беспокойныхъ водъ;
Гдѣ въ мокрыхъ берегахъ крутясь печальна Уна,
Медлительно течетъ въ объятїя Нептуна.
Въ числѣ Россїйскихъ рѣкъ безвѣстна и мала;
Но Предковъ рокомъ злымъ Петровыхъ прослыла:
Когда коварнаго свирѣпствомъ Годунова
Кипѣла пролита невинныхъ кровь багрова;
Какъ Праотцевъ Его онъ въ сѣверъ заточилъ,
Во влажномъ мѣстѣ семъ, о злоба! уморилъ.
Сошелъ на бе́регъ Петръ, и ободрилъ стопами
Мѣста̀ обмоченны Романовыхъ слезами.
Подвиглись бе́реги, зря въ славѣ оныхъ Родъ.
Межъ тѣмъ способной вѣтръ въ свой путь ззываетъ флотъ.
Онъ легкимъ къ за́паду дыханьемъ поспѣшаетъ
И мѣлкихъ волнъ вокругъ себя не ощущаетъ.
Тогда пловущимъ Петръ на полночь указалъ,
Въ спокойномъ плаваньѣ сїи слова́ вѣщалъ:
„Какая похвала Россїйскому народу
„Судьбой дана, протти покрыту льдами воду.

„Хотя тамъ кажется поставленъ плыть предѣлъ;
„Но бодрость подаютъ примѣры славныхъ дѣлъ.
„Полденный свѣта край обшелъ отважный Га́ма,
„И солнцева достигъ, что мнила древность, храма.
„Герои на моряхъ Колумбъ и Магелланъ
„Коль много обрѣли безвѣстныхъ прежде странъ;
„Подвигнуты хвалой, исполненны надежды,
„Которой лишены пугливые невѣжды,
„Презрѣли робость ихъ, роптанье и упоръ,
„Что въ нихъ произвели болѣзни, голодъ, моръ.
„Иное небо тамъ и новыя свѣтила,
„Тамъ полдень въ сѣверѣ, ина въ магнитѣ сила.
„Бездонный Океанъ травой какъ лугъ покрытъ;
„Погибель въ ночь и въ день со всѣхъ сторонъ грозитъ.
„Опасенъ вихрей бѣгъ, но тишина страшнѣе,
„Что портитъ въ жилахъ кровь свирѣпыхъ ядовъ злѣе.
„Лишаетъ долгой зной здоровья и ума;
„А стужа въ сѣверѣ ничтожитъ вредъ сама.
„Самъ ледъ, что кажется толь грозенъ и ужасенъ,
„Отъ оныхъ лютыхъ бѣдъ дастъ ходъ намъ безопасенъ.
„Колумбы Росскïе презрѣвъ угрюмый рокъ,
„Межъ льдами новый путь отворятъ на востокъ,
„И наша досягнетъ въ Америку держава;
„Но нынѣ настоитъ въ войнахъ иная слава.
Надежды полный взглядъ слова́ его скончалъ,
И бодрый духъ къ трудамъ на всемъ лицѣ сïялъ.
Достигло дневное до полночи свѣтило,
Но въ глубинѣ лица́ горящаго не скрыло,
Какъ пламенна гора́ казалось межъ валовъ,
И простирало блескъ багровой изъ за льдовъ.
Среди пречудныя при ясномъ солнцѣ ночи
Верьхи златыхъ зыбей пловцамъ сверкаютъ въ очи.
Отъ сѣвера стада́ морскихъ приходятъ чудъ
И воду вихрями крутятъ, и къ верьху бьютъ,

Предшествуя Царю пространныя пучины,
Что двинулся къ Петру, ошибкою повинный,
Изъ глубины своей, гдѣ царствуетъ на днѣ.
Въ недосягаемой отъ смертныхъ сторонѣ,
Между высокими камнистыми горами,
Что мы по зрѣнїю обыкли звать мѣлями,
Покрытый золотымъ пескомъ простерся долъ;
На томъ сего Царя палаты и престолъ.
Столпы округъ его огромные кристаллы,
По коимъ обвились прекрасные кораллы:
Главы́ ихъ сложены изъ раковинъ витыхъ,
Превосходящихъ цвѣтъ дуги межъ тучь густыхъ,
Что кажетъ укротясь намъ громовая буря;
Помо́стъ изъ аспида и чистаго лазуря.
Палаты изъ одной иссѣчены горы́;
Верьхи подъ чешуей великихъ рыбъ бугры;
Уборы внутренни покровъ черепокожныхъ,
Безчисленныхъ звѣрей, во глубинѣ возможныхъ.
Тамъ тронъ жемчугами усыпанный янтарь;
На немъ сидитъ волнамъ сѣдымъ подобенъ Царь.
Въ заливы, въ океанъ десницу простираетъ,
Сафирнымъ скипетромъ водамъ повелѣваетъ.
Одежда Царская Порфира и виссонъ,
Что сильныя моря́ несутъ ему предъ тронъ.
Ни мразы, ни Борей туда не досягаютъ,
Лишь солнечны лучи сквозь влагу проницаютъ.
Отъ хлябей сихъ и безднъ владѣтель водъ возникъ;
Воздвигли радостной морскїя птицы кликъ.
Онъ въ слѣдъ къ пловущему Герою обратился,
И новости судовъ Петровыхъ удивился:
„Твои, сказалъ, моря́, надъ ними Царствуй вѣкъ;
„Тебѣ теченїе пространныхъ тѣсно рѣкъ:
„Построй великой флотъ; поставь въ пучинѣ стѣны.
Скончали пѣнїемъ сей гласъ его сирены.

То было, либо такъ быть надобнобъ сему,
Что долженъ Океанъ Монарху своему.
Ужѐ на западѣ восточными лучами
Открылся освѣщенъ съ высокими верьхами
Пречудныхъ стѣнъ округъ, изъ дикихъ камней градъ,
Гдѣ вольны плѣнники спасаяся сидятъ.
Отъ мира отдѣлясь и моремъ и святыней,
Примѣръ отеческихъ отъ древнихъ лѣтъ пустыней,
Лишь только лишены прїятнѣйшихъ плодовъ
Отъ древъ, что подаютъ и пи́щу и покровъ:
Не можетъ произвесть короткое ихъ лѣто;
Снѣгами въ протчи дни лице земли́ одѣто.
Сквозь мракъ и сквозь туманъ, сквозь буйныхъ вѣтровъ шумъ
Восходитъ къ небесамъ поющихъ гласъ и умъ.
Къ симъ строгимъ берегамъ великїй Петръ приходитъ,
Внимательный свой взоръ на зданїя возводитъ.
Изъ каменныхъ бугровъ воздвигнута стѣна
Водами ото всѣхъ сторонъ окружена
Его и воиновъ съ веселїемъ прїемлетъ;
Стрѣльбѣ и пѣнїю пустыня купно внемлетъ.
На встрѣчу съ ликомъ Фирсъ усердствуя спѣшитъ,
И Гостя осѣнивъ, въ восторгѣ говоритъ:
„Благословенъ Твой путь Всевышняго рукою:
„Могущество Его предходитъ предъ Тобою.
„Онъ къ сей съ высотъ своихъ обители смотря,
„О имени своемъ возвеселитъ Царя.
„Живущїя Его въ семъ мѣстѣ благодати
„Причастны новыя Твои да будутъ рати.
Монархъ отъ Промысла избранный человѣкъ
Вмѣнилъ, что передъ нимъ стои́тъ Мельхиседекъ,
Побѣды прежнїя Его благословляетъ,
И къ новымъ торжествамъ духовно ободряетъ.
Монархъ почтивъ труды и знаки чудныхъ дѣлъ,
Строенїе вокругъ и мѣсто осмотрѣлъ:

Спросилъ Наставника „кто сими васъ горами
„Толь крѣпко оградилъ, поставя ихъ руками?
„Великїй Іоаннъ, Твой сродникъ и примѣръ,
„Что Россовъ превознесъ и злыхъ Агарянъ стеръ.
„Онъ жертву принося за помощь въ браняхъ Богу,
„Межъ протчими и здѣсь далъ милостыню многу:
„Пятьсотъ измѣнниковъ поиманныхъ Татаръ,
„Имъ въ казнь, обители прислалъ до смерти въ даръ.
„Работою ихъ рукъ сїи воздвиглись стѣны,
„И Праотцевъ твоихъ усердїемъ снабдѣнны
„Въ холодной сей странѣ отъ бурь покровъ даютъ,
„Безмолвно бдѣнїе и безнавѣтенъ трудъ.
Сїе въ отвѣтъ далъ Фирсъ; и указавъ на слѣды,
Гдѣ церьковь надъ врагомъ семь лѣтъ ждала побѣды;
„Сказалъ, здѣсь каменны передъ стѣной валы
„Насыпаны противъ раскола и хулы.
„Желая ереси исторгнуть Твой Родитель,
„Исправить церькви чинъ послалъ въ сїю обитель:
„Но грубыхъ тѣхъ невѣждъ въ надежныхъ толь стѣнахъ
„Не преклонилъ ни гладъ, ни должной казни страхъ.
„Крѣпились мнимыми прельщенны чудесами,
„Не двигнулись своихъ кровавыми струями;
„Пока упрямство ихъ унизилъ Божїй судъ,
„Ужѐ въ церьковной всѣ послушности живутъ.
　　Монархъ воспомянулъ, коль много отъ раскола
Простерлось наглостей и къ высотѣ престола,
Вздохнувъ повѣствовалъ ужасную напасть,
И властолюбную Софїи хитрой страсть.
　　Ахъ, Музы, какъ мнѣ пѣть? Я тѣхъ лишу покою,
Которыхъ сродники развращены мечтою
Не тщились за Петромъ въ благословенной путь,
Но тщетно мыслили противъ Его дерзнуть.
Представивъ злобу ихъ гнушаюсь и жалѣю,
Что родъ ихъ огорчу невинностью своею!

Какой бодритъ меня и лучь и жаръ и шумъ,
И гонитъ въ скорости смущенныхъ тучу думъ?
Съ прекрасной высоты съ великаго Парнасса
Наполнился мой слухъ пронзающаго гласа.
Минерва, Аполлонъ и девять сестръ зовутъ,
И нудятъ совершить священный спѣшно трудъ.
„Ты хочешь въ землю скрыть врученно смысла злато?
„Мы пѣть тебѣ велимъ; и что велимъ, то свято.
Ужѐ съ горы́ глашу Богинь великихъ власть:
Въ спокойствѣ чтите вы предписанную часть.
Когда похвальныхъ дѣлъ вы ходите по слѣду,
Не подражая въ злѣ ни сроднику ни дѣду,
Когда противна вамъ неправда, злоба, лесть,
И въ сердцѣ царствуетъ правдивость, совѣсть, честь;
Премѣна зла въ добро явится дѣло чудно,
И за попрекъ хвалу вамъ заслужить не трудно.
А вы, что хвалитесь заслугами отцевъ,
Отнюдь отеческихъ достоинствъ не имѣвъ,
Не мните о себѣ, когда ихъ похваляю:
Не васъ, заслуги ихъ по правдѣ прославляю,
Ни злости не страшусь, ни требую добра:
Не ради васъ пою, для правды, для Петра.

Пять кратъ противъ меня, Онъ сказывалъ, восстала,
И царствовать сестра чрезъ кровь мою́ искала.
Измѣна съ злобою на жизнь мою́ сложась,
Въ завѣсу святости притворной обвилась,
Противниковъ добру крѣпила злы совѣты,
На сродниковъ моихъ и на меня навѣты.
Передъ кончиною мой старшїй братъ признавъ,
Что среднїй въ силахъ слабъ и внутренне не здравъ,
Способность предпочелъ естественному праву,
И мнѣ препоручилъ Россїйскую державу.
Сестра подъ образомъ, чтобъ братъ былъ защищенъ,
И купно на престолъ со мною посажденъ,

Въ немъ слабость, а во мнѣ дни дѣтски презирала,
И руку хищную къ державѣ простирала.
Но прежде притворясь, составила совѣтъ,
Къ которому бояръ и всѣ чины зоветъ,
И церькви твердаго столпа Іоакима;
Душа его была отъ ней непобѣдима.
Коварную начавъ съ притворной скорбью рѣчь,
Свои́ принудила и протчихъ сле́зы течь.
„Когда любезнаго Феодора лишились,
„Въ какой печали мы, о небо, погрузились!
„Но сверхъ той вопіетъ естественный законъ,
„Что меньшій старшему отъемлетъ брату тронъ.
„Стрѣльцы и весь народъ себя вооружаютъ,
„И общей пагубой Россіи угрожаютъ.
„Всѣ ропщутъ: для чего обойденъ Іоаннъ:
„Возложатъ на него убійствомъ Царской санъ!
Познавъ такую злость, отвѣтствовалъ Святитель:
„Отъ жизни отходя и Братъ твой и Родитель,
„Избраніе Петра препоручили намъ:
„Мы слѣдовали ихъ Монаршескимъ словамъ.
Несклоннаго сего отвѣта ради гнѣвна,
„Съ народомъ выбирать, сказала имъ Царевна;
„Съ народомъ выбирать, не запершись въ чертогъ,
„Повелѣваетъ вамъ и общество и Богъ.
Толсто́й къ Софіину и Милославской слову,
По особливому сошедшіеся зову,
Согласно, дерзостно поборствовали ей,
Что нѣтъ правдивѣе премудрыхъ сихъ рѣчей.
Іоакимъ со всѣмъ представилъ купно ликомъ:
„Мы избрали Петра и сердцемъ и языкомъ.
„Ему здѣсь вручена державы вышней часть:
„Съ престола низвести ужѐ не наша власть.
Софія видя ихъ противъ себя упорство,
Склонила замысловъ къ иной стезѣ проворство.

Въ надеждѣ досягнуть своихъ желанїй злыхъ.
Совѣтъ дала вѣнчать на Царство обоихъ.
Однако Патрїархъ отнюдъ не колебался,
И сими отъ того словами отказался:
„Опасно въ обществѣ многоначальству быть,
„И Богъ мнѣ не велѣлъ того благословить.
И такъ восставъ отъ Ней съ Святительми отходитъ.
Софїю страсть владѣтъ въ безчувственность приводитъ.
Дѣлятъ на скопищахъ Москву бунтовщики,
Готовясь токъ пролить кровавыя рѣки́.
Предходитъ бѣшенство и наглость и буянство,
И ѣдка ненависть, и вождъ раздоровъ пьянство:
Обсѣли улицы, торги и ворота́;
На расхищенїе расписаны мѣста́.
Безъ сна былъ злобной скопъ, не затворяя ока,
Лишь спитъ незлобїе, не зная близко рока.
Открылся тайный ковъ, когда исчезла тѣнь;
Багровая заря кровавый вводитъ день.
Наружъ выходитъ, что умыслила Софїя,
И что Совѣтники ея велѣли злыя.
Ужѐ измѣнники стрѣльцы збѣжались въ строй;
И Милославскаго орудїе Толстой;
Толстой въ бунтующихъ шеренгахъ разъѣжжаетъ,
И дерсскихъ ложными словами поощряетъ.
Кричитъ: что Іоаннъ младый Царь удушенъ,
Нарышкиными, ахъ! толь горько умерщвленъ.
Тогда свирѣпствуя жестокїе тиранны,
Ударили вездѣ въ набатъ и въ барабаны.
Свѣтило вешнихъ дней оставя высоту,
Девятаго часа скрывало красоту.
Внезапно въ ужасѣ Москва зритъ изумленна
Оружїе на Кремль спѣшаще и знамена.
Коле́са тяжкїе подъ пушками скрыпятъ,
Глаза́ отчаянныхъ кровавые горятъ.

*

Лишь дому Царскаго, что должны чтить, достигли
Какъ звѣри дикіе рыканіе воздвигли.
На месть спѣшите намъ Нарышкиныхъ отдать,
Или мы станемъ всѣхъ бить, грабить и терзать.
Бояре старшіе Матвѣевъ, Долгорукой,
Представъ давали въ томъ стрѣльцамъ себя порукой,
Что всѣ волнуются напрасно обуявъ;
Что Іоаннъ съ Петромъ безъ поврежденья здравъ,
И только лишь о семъ смущеніи печаленъ.
Симъ словомъ дерсскій бунтъ былъ нѣсколько умаленъ:
Всѣ ждали, чтобы имъ младыхъ Царей узрѣть,
И въ домы возвратясь, спокойствіе имѣть.
Увидѣвъ изъ своихъ чертоговъ то Софія,
Что пресѣкаются ея коварства злыя,
Подгнѣту буйности велѣла дать вина́;
Чтобъ снова воспылавъ горѣла внутрь война.
Тутъ вскорѣ разъярясь стрѣльцы, какъ звѣри дики,
Возобновили шумъ убійственной музыки:
Подобно какъ бы всю Москву съѣдалъ пожаръ.
Царица, Мать моя, прошеніемъ Бояръ
Для утоленія всеобщія напасти
Презрѣвъ толь блиской рокъ, презрѣвъ горящи страсти,
Выводитъ насъ съ собой на красное крыльцо.
Опасность, сле́зы, гнѣвъ покрылъ ея лицо;
И Брата и Меня злодѣямъ показала,
И чтобъ спокоились, со властью увѣщала.
Толпами наглые на верьхъ взбѣгали къ Намъ,
И мы ль то? кликали обѣихъ по именамъ.
Обличены въ конецъ и правдой и присутствомъ,
Хотятъ оставить злость неправедну съ безстудствомъ,
И часть бунтующихъ въ обратной бьютъ походъ.
Царевна усмотрѣвъ, что тихнетъ злобный родъ,
Коварство новое въ погибель составляетъ,
И искры яркія въ сердца́ стрѣльцамъ всыпаетъ,

Сказавъ имъ собственну опасность и боязнь;
Что завтре лютая самихъ постигнетъ казнь,
И тѣ имъ отомстятъ, что нынѣ въ оныхъ волѣ:
Пропущены часы не возвратятся болѣ.
Какъ на поляхъ пожаръ въ началѣ утушенъ,
Но вдругъ дыханїемъ изъ пепла оживленъ,
Сухой тростникъ траву въ дни лѣтни поядаетъ,
И пламень слабыя препятства превышаетъ;
Подобно такъ стрѣльцы страхъ съ лютостью смѣшавъ,
И поощренїемъ злодѣйскимъ воспылавъ,
Въ чертоги Царскїе насильно устремились,
Убїйствомъ, наглостью неистово вломились.
Царица мать моя́ среди такого зла,
Среди отчаянья едва спастись могла,
Гдѣ праотцевъ престолъ въ палату грановиту,
Ко святости его и къ Вышнему въ защиту.
Въ чертогахъ жалкой стонъ, терзанье и грабежъ
И раздается крикъ: коли, руби и рѣжь.
Одни Софїины покои лишь свободны
И двери Ва́рварамъ бунтующимъ невходны.
Для убїенїя ненуженъ былъ въ нихъ искъ:
На сродниковъ Моихъ направленъ былъ ихъ рыскъ.
Внезапно бо́льшей шумъ сердца́ въ насъ утѣсняетъ:
Въ злодѣйственныхъ рукахъ Нарышкинъ возрыдаетъ.
Не могъ его закрыть и жертвенникъ святый.
Лѣтитъ на копїя поверженъ съ высоты.
Текущу видя кровь рыкаютъ; любо, любо!
Пронзеннаго поднявъ сїе гласятъ сугубо.
Сего невинный духъ предтеча къ небесамъ
Оставилъ тлѣнну часть неистовымъ врагамъ.
Немедленно мечи сверкаютъ обнаженны
И раздробляются трепещущїе члены!
Царицей посланныхъ къ стрѣльцамъ увѣщевать,
Чтобъ кровь сїю проливъ престали бунтовать,

Подобной лютостью злодѣи похищаютъ,
На копїя съ крыльца низвергнувъ прободаютъ.
Старѣйшихъ стольниковъ и знатнѣйшихъ бояръ
Подобный умертвилъ судьбины злой ударъ.
Тамъ Ромодановской, о горькая кончина!
Въ послѣдней разъ взглянулъ на страждущаго сына.
Тамъ Долгорукаго почтенный санъ и видъ
Межъ членами другихъ окровавленъ лежитъ.
И краснорѣчїемъ несчастливой Матвѣевъ,
Котораго рѣчьми пронзалась грудь злодѣевъ,
Убитъ; но въ смерти живъ: что блѣдная глава
Движеньемъ кажетъ устъ не скончаны слова́.
Коль много по́слѣ нихъ невинно пострадали:
Съ Царицыныхъ очей злодѣи дерсско брали,
На беззаконную влекли бесчестно казнь!
Скончался лютый день, осталася боязнь.
　　О скорбный лютый день и варварствомъ ужасный,
День Мнѣ и сродникамъ для пагубы опасный!
Не помрачился онъ какъ дерзостный Борисъ,
Сей смертоносной змей Димитрїя угрызъ,
Когда убивецъ злой вертѣлъ въ гортани жало
И сердце матерне отчаясь обмирало.
Мнѣ чувства изострилъ мой собственной примѣръ,
Лишь вспомню, вижу я, какъ злится изувѣръ.
Въ младенческомъ умѣ взоръ лютый вкоренился,
И нынѣ вспомянувъ я духомъ возмутился:
Волнуется во Мнѣ о томъ со гнѣвомъ страхъ,
Какъ Рождьшая Меня держа въ своихъ рукахъ
Мой верьхъ и грудь Свою́ слезами обмывала,
Послѣдняго часа, блѣднѣя, ожидала;
Когда бесчувственной въ продерзости злодѣй
Гортани копїемъ касаяся Моей
Ревѣлъ: скажи, гдѣ братъ; или Тебя и Сына
Постигнетъ въ мигъ одинъ послѣдняя година.

О Промыслъ! въ оной часъ ты чудо сотворилъ;
Злодѣйску руку прочь злодѣйской отвратилъ,
Изъ жаждущихъ Моей погибели сыскался
Ктобъ о Моемъ тогдажъ спасенїи старался.
Въ то время съ Федоромъ и Мартемьяномъ Левъ
По селамъ странствуя скрывались межъ деревъ,
Вообразивъ своихъ невинну страсть рыдали,
И собственную смерть всечасно представляли.
Тогда почтенный мужъ при старости Кирилъ
Послѣдни Дѣдъ Мой дни въ затворахъ тѣсныхъ крылъ,
Другихъ не своего терзанїя боялся,
Чтобъ крови токъ сыновъ предъ нимъ не проливался.
Въ отчаяньи, въ тоскѣ, въ стенанїи безъ сна,
Подобна смерти ночь тогда провождена.
Стрегущихъ звѣрской взоръ и осажденныхъ блѣдность
Изображали вдругъ насилїе и бѣдность.
Злодѣйской вольностью плѣненная Москва
Казалась въ про́пасти погребена жива.
Какъ неусыпной червь тоска всѣмъ грызла груди,
Но съ свѣтомъ больше скорбь почувствовали люди.
Вездѣ тревогу бьютъ. Мятежнической крикъ
Наполнивъ слезный градъ, до облаковъ достигъ.
Рыканья звѣрскїя неистово возносятъ,
Нарышкина на смерть ярясь Ивана просятъ.
Грозятъ, что скоро всѣхъ постигнетъ строгой рокъ
Прольется по Москвѣ и слезъ и крови токъ.
Но не дошла еще несчастнаго година,
Еще на день тоску оставила судьбина.
По граду изъ Кремля разсыпался мятежъ:
Въ рядахъ, въ домахъ, въ церьквахъ насильство и грабежъ.
Тамъ жадность съ наглостью на зло соединилась
И къ расхищенїю богатства устремилась.
Презрѣнїе святынь, позоръ почтенныхъ лицъ,
Укоры знатныхъ женъ, ругательства дѣвицъ,

Лишенїе всего богатства превышали:
Въ сердцахъ правдивыхъ стыдъ превсходитъ всѣ печали.
Коль вечера сего благословенъ былъ мракъ,
Что буйство прекратилъ и скрылъ злодѣевъ зракъ.
Ужѐ отяготясь весь день питьемъ излишнимъ
И изъ несчастливыхъ домовъ богатствомъ хищнымъ,
Шатаются, спѣшатъ своихъ достигнуть норъ.
Градски врата блюдетъ ихъ стража и запоръ.
Царевна усмотрѣвъ, что время протекаетъ,
А умыселъ ея конца не достигаетъ,
Стрѣльцамъ назавтрѣе велѣла приступать,
И наглость съ ковомъ злымъ начавъ соединять,
Къ Царицѣ шлетъ большихъ Бояръ для уговору.
Чтобъ брата и отца стрѣльцамъ дала безъ спору:
„Ужѐ чинятъ приступъ ко красному крыльцу:
„Безъ выдачи не быть смятенїя концу.
Для уваженїя въ совѣтѣ словъ Боярскихъ
Представила особъ опасность Государскихъ.
Нарочно яко бы для утоленья зла
Сама въ Родившїя Меня чертогъ пришла.
„Для собственной Твоей и для Дѣтей избавы
„Свирѣпы укроти Стрѣльцовъ, сказала, нравы,
„Спаси Себя и ихъ, опасность отложи,
„И брата и отца для миру покажи.
„Здѣсь домъ Спасителевъ, защита есть велика.
„Кто смѣетъ ихъ отнять отъ Божескаго лика?
Послѣдуя судьбѣ и льстивымъ толь словамъ
Изъ потаенныхъ мѣстъ Нарышкинъ входитъ въ храмъ,
Въ слезахъ святый олтарь цѣлуетъ и объемлетъ,
И службѣ Божїей усерднымъ духомъ внемлетъ,
Готовится принять страдалческїй конецъ.
„Невинность, говоритъ, рассудитъ самъ Творецъ.
Тутъ ру́ки Мать Моя Царевнины лобзая,
Для братней пагубы всечасно обмирая,

Рыданїемъ Свою̀ перерывала рѣчь.
Изсякнувъ не могли ужъ слѐзы бо̀льше течь:
„Для отческой къ тебѣ супружней Мнѣ любови
„Не проливай еще Моей невинной крови.
„Представь, что сей по мнѣ и Алексѣю братъ
„И дядя и отецъ его оставшихъ чадъ.
Софїя слѣдовать велѣла за собою
Нарышкину къ Стрѣльцамъ, поднявъ его рукою,
Съ притворной жалостью. Царица отъ тоски
Держалася другой Ивановой рукѝ.
Какъ волки хищные на Агньца наскочили,
Стрѣльцы невиннаго внезапно ухватили,
Презрѣвъ Царицыныхъ и власть и святость рукъ.
Бесчестно за власы влекутъ на горесть мукъ.
Межъ тѣмъ сестра себя предъ черныю извиняла;
Что братей кровью сей отъ смерти избавляла.
Царица внѣ Себя не зная, что отецъ
Въ отсутствїе ея неволей сталъ чернецъ,
Полуумершимъ въ слѣдъ на брата смотритъ взоромъ
Терпящаго толь зло мученїе съ позоромъ.
Несчастнаго на торгъ злодѣи привлекли,
И ложны клеветы, оставя стыдъ, взвели,
Что будто по своей онъ безразсудной страсти
Монаршеской искалъ продерзостїю власти.
Безъ доказателей пото̀мъ его терзавъ,
На ко̀пья подняли, и кинули стремглавъ;
Отсѣкли ва̀рварски и ру̀ки и главу.
По злости слышатъ всѣ въ народѣ ужъ молву.
Тамъ вѣрные рабы преступникамъ грозили:
„Вы горьку казнь себѣ измѣной заслужили.
„Васъ мстительный пожретъ не укосненно мечь,
„И крови какъ водѣ достойно вашей течь.
„Нача̀ла только ждемъ: велика вся Россїя,
„Исторгнетъ корень вашъ за возмущенья злыя.

Стрѣльцы хотя рабамъ сулили дать свободу,
И крѣпости подравъ, сказали то народу;
Однако никакой не слѣдовалъ успѣхъ.
Ужѐ уразумѣвъ, что трудно встать на всѣхъ
Свирѣпость праздникомъ всеобщимъ окончали.
На царство брата вдругъ со Мною увѣнчали.
Софїя воздала преступнымъ мзду и честь,
И граматы Москвой на злыхъ главахъ пронесть
Велѣла въ торжествѣ, чтобъ скрыть свой затѣи:
Безвинные звались по смерти ихъ злодѣи.
Побитыхъ имена читались на столпахъ
И вѣрнымъ Отчеству въ сердцá вливали страхъ.
    Едва сей бурный вихрь несчастьемъ укротился
И Я въ спокойствїи къ наукамъ обратился,
Искалъ, гдѣ знанїя сїяетъ ясной лучь,
Другая мнѣ гроза и мракъ сгущенныхъ тучь
Отъ суевѣрїя и грубости восходитъ,
И видомъ святости сугубой страхъ наводитъ.
Ты вѣдаешь расколъ, что нáчалъ Аввакумъ
И пустосвятъ злодѣй, его сообщникъ думъ.
Невѣжество почетъ за святость старой вѣры
Пристали ко стрѣльцамъ ханжи и лицемѣры:
Хованской съ сыновми и Мой и церкви врагъ
Не устыдился быть въ совѣтѣ побродягъ.
Здѣсь камни сношены къ стѣнамъ на Капитоновъ;
Тамъ камни бросаны противъ святыхъ законовъ.
О церковь! о святынь исполненный олтарь!
О какъ дерзнула къ вамъ коснуться злобна тварь!
Не можно ихъ почéсть въ сообществѣ словесныхъ,
Что смыслъ и совѣсть ихъ и честь въ предѣлахъ тѣсныхъ.
    Приноситъ службы долгъ мужъ святъ Іоакимъ;
Мятежники вошли въ храмъ сонмищемъ своимъ
Къ лицу Святителя для вреднаго раздора,
Скрывая крамолу подъ именемъ собора.

Когда отъ дерзости ихъ кротко отвращалъ
И мирной разговоръ о вѣрѣ обѣщалъ,
Ты волкъ, ты хищникъ злой, бесстыдно съ шумомъ лаютъ,
И каменьемъ въ него и въ клиръ его бросаютъ.
Отъ наглыхъ Патрїархъ тогда ерешиковъ
Къ Монархамъ принужденъ склониться былъ въ покровъ.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

СОКРАЩЕНІЕ.

Отъ Бѣлаго моря путешествуя Петръ Великій къ Шлиссельбургу черезъ Олонецъ, осматриваетъ горы; и примѣтивъ признаки рудъ и цѣлительныхъ водъ, намѣряется основать заводы, чтобы въ близости производить металлы для новыхъ войскъ и для флота. Нестройность Ладожскаго озера, пожирающаго волнами снаряды и припасы, нужные къ предпрїемлемому строенїю новаго великаго города и корабельной пристани на Балтїйскомъ морѣ, подаетъ Ему мысль соединить Волховъ съ Невою впредь великимъ каналомъ. Между тѣмъ Шлиссельбургская крѣпость уже въ осадѣ окружена новыми Его войсками, и огнестрѣльными орудїями приведена въ крайнее утѣсненїе. Женской полъ присылаютъ изъ города просить о выпускѣ; на что отказано: Россїйское де войско не за тѣмъ городъ обступило, что бы женъ разлучить съ мужьями. Между тѣмъ по учиненному приготовленїю данъ знакъ къ приступу. Мужественному и сильному нападенїю непрїятель противится весьма упорно. Государь увидѣвъ, что у приступающихъ къ городу лѣствицы коротки, и Шведы обороняясь храбро, причиняютъ немалой вредъ Россїянамъ, послалъ съ указомъ отступить назадъ, чтобы послѣ съ новыми лѣствицами наступленїе учинить благополучнѣе. Посланному главной предводитель на приступѣ Князь Голицынъ отвѣтствовалъ: что уже большая трудность преодолѣна; а естьли снова приступъ начинать, то больше людей потерять должно. Послѣ того вскорѣ чиненымъ разорванымъ бревномъ зброшенъ съ приступной лѣствицы упалъ замертво на землю. Между тѣмъ почти безъ предводительства Россїяне на городъ стали всходить; и Шведы спасенїя отчаясь, подаютъ знакъ къ здачѣ. По вступленїи оныхъ, выпущены изъ города по договору тремя учиненными во время приступа проломами.

О войско славное, потомки тѣхъ Героевъ,
Что слѣдуя Петру по жатвѣ многихъ боевъ,
Торжественные въ вѣкъ прїобрѣли вѣнцы,
Отечество въ земны прославили концы,

*

Я вашимъ мужествомъ въ трудѣ семъ ободряюсь.
И сердцемъ и умомъ межъ вами обращаюсь:
Воюйте счастливо, сравните честь свою
Со предковъ похвалой, которую пою.
Военны подвиги Петровы начинаю,
Въ отцахъ и въ дѣдахъ вамъ примѣры представляю.
Неустрашимость ихъ изобразитъ мой гласъ,
Что чувствуете вы наслѣдственную въ васъ.
Ступая мужески въ похвальные ихъ слѣды,
Монархинѣ своей приносите побѣды,
Гдѣ вашъ оружный звукъ восходитъ до небесъ
И по путямъ вездѣ растетъ лавровой лѣсъ.
Тамъ Нѣмень съ Преглою, тамъ Висла, Одра, Шпрея,
Живое вашихъ дѣлъ мечтанїе имѣя,
Текутъ съ почтенїемъ, какъ при Петрѣ текли,
Гдѣ съ трепетомъ Его встрѣчали Короли.
И рѣки и поля́ вамъ къ вѣчной славѣ двери
Отверзли, чувствуя Его въ Великой Дщери.
Противныя страны геройствомъ и трудомъ
Вы въ собственной себѣ преобратили домъ.
И солнце къ намъ спѣша въ обратной колесницѣ
Готовитъ новой блескъ Россїйской багряницѣ:
Чтобъ нашей радостью украсить новый годъ,
Вторично угобзить успѣхами походъ.
Дыханья нѣжныя рожденныя весною
Повѣютъ, бодрому способствуя строю;
Прохладная роса отъ благовонныхъ травъ
Къ отрадѣ вамъ прольетъ обилїе забавъ.
Богатые плоды въ дни лѣтнїе пожните,
Монархинѣ своей сторичный принесите.
Завистникамъ своимъ не оставляйте зернъ;
Оставьте плевы имъ, сухой тростникъ и тернъ:
Чтобъ чувствуя въ груди язвленїе ихъ злоба
Несноснѣе почла затворовъ мрачныхъ гроба;

Чтобъ гордостью своей наказанный Берлинъ
Для беспокойства царствъ не умышлялъ причинъ,
И помнилъ бы, что Петръ ему былъ оборона:
Его десницею удержана Корона,
Чѣмъ нынѣ красится среди земныхъ Владыкъ:
Великимъ онъ Петромъ на свѣтѣ сталъ великъ.
Всѣхъ нынѣ дѣлъ Его имѣетъ Дщерь наслѣдство:
Пусть Карловыхъ онъ дней себѣ представитъ бѣдство.
О коль бы въ жизни я благополученъ былъ,
Когда бы дѣйствïе усердыхъ вашихъ силъ
Изобразивъ въ водахъ прохладной Ипокрены,
Воспѣлъ съ подвижники Петровыми сравненны,
Елисаветиныхъ пѣвцемъ бы сталъ побѣдъ;
Но нынѣ трудъ Петровъ къ себѣ мой духъ влечетъ.
    Гдѣ Ладога въ Неву вливаетъ быстры вóды,
Стѣною огражденъ тутъ островъ въ древни годы.
Россïйска сей оплотъ поставила рука.
Съ негодованïемъ шумѣла вкругъ рѣка:
Что проливалася въ чужую власть насильно;
Спасенна нынѣ къ намъ несетъ дары обильно.
Во влагѣ начертавъ Петрова града видъ,
Что краситъ Дщерь Его, покоитъ и живитъ.
Блаженныя струи брегъ тукомъ напаяютъ,
Прохладной влагой всю окрестность ободряютъ,
Защитникамъ своимъ похвальной внемлютъ стихъ,
Всю тягость позабывъ отверженныхъ веригъ.
    Въ нещастьѣ нѣкогда Россïя утомленна
Вечернихъ сихъ бреговъ крушилася лишенна,
Какъ Готскïе полки́ для помощи пришедъ,
Въ противность нанесли странамъ Россïйскимъ вредъ;
Какъ тягость силъ своихъ Москву повергла къ низу;
Дряхлѣя, сѣтуя, одѣлась въ мрачну ризу.
Лишенна красоты Монаршаго вѣнца,
Злощастью своему не видѣла конца.

Измѣна, зависть, злость, раздоръ, братоубивство,
Преобратили все въ погибель, въ кровопивство.
Изчезло истинныхъ раченїе похвалъ,
Вездѣ свирѣпый рокъ отечество терзалъ;
Пока Пожарскаго и Трубецкаго ревность,
Смотря на праотцевъ, на славну Россовъ древность,
Пресѣкла наконецъ побѣдою напасть,
И обществомъ дана Петрову Дѣду власть.
Младый Монархъ во градъ поверженный приходитъ
И на развалины плачевный взоръ возводитъ.
Отрада Россовъ всѣхъ по скорби Михаилъ,
О какъ крушился Ты, рыдалъ, и сле́зы лилъ!
Что мыслилъ Ты ступивъ на высоту престола
Стоящаго среди плачевнаго всѣмъ дола?
Тамъ храмовъ Божїихъ старинный трудъ верхи
По стогнамъ и по рвамъ повергнули враги.
Еще восходитъ дымъ отъ хищнаго пожара,
И воздухъ огустѣлъ отъ побїенныхъ па́ра.
На торжищахъ пустыхъ поросъ колючей тернъ,
Печальной Кремль стои́тъ окровавленъ и чернъ.
Чертоги Царскїе, церковныя святыни
Подобно сѣтуютъ какъ скучныя пустыни.
О горесть! но Твоя великая душа
Въ геройской младости утѣшить насъ спѣша,
Присутствомъ и трудомъ печальныхъ ободряетъ,
Отечество изъ безднъ глубокихъ воздвигаетъ.
Къ прїумноженїю благословенныхъ дней
Наслѣдовалъ Тебѣ подобный Алексѣй.
Онъ Россамъ возвратилъ старинное наслѣдство,
Злодѣевъ истребилъ, и усмирилъ сосѣдство.
Обратно прїобрѣсть вечернїя страны,
Петру Великому судьбой поручены.
  Ужѐ Орѣховецъ стѣсняется въ осадѣ,
И въ каменной крѣпясь противится громадѣ;

Россїйскимъ воинствомъ отвсюду окруженъ;
Но Готской гордостью въ надеждѣ вознесенъ.
На бре́ги, на валы, на множество взираетъ
И видя новые полки́ пренебрегаетъ.
Къ пособству призывать старается съ границъ
Поставивъ знамена на высотѣ стрѣльницъ.
Тогда Кексгольмская уразумѣвъ Корѣла
Къ осаднымъ на судахъ притти не укоснѣла.
Прибывшимъ воинствомъ противникъ подкрѣпленъ
И пищей и ружьемъ избыточно снабдѣнъ
Всѣ мысли устремилъ къ жестокому отпору,
Надѣясь получить отъ Карла по́мочь скору.
Монархъ нашъ преходя Онѣжскихъ крутость горъ.
Свой проницательной кругомъ возводитъ взоръ,
И видя, что изъ нихъ исшедшїе потоки
Несутъ изъ крутизны металлически соки,
Богатства, здравїя, являются ключи,
Блестятъ изъ мрачныхъ мѣстъ сокровищей лучи,
Сказалъ: „Ты можешь мнѣ произвести, Россїя,
„Цѣлебны влажности и жилы золотыя.
„Но нынѣ для твоей бессмертной похвалы
„Спѣшу противъ враговъ чрезъ го́ры и валы:
„Желѣзо мнѣ пролей, раженной токи мѣди:
„Пусть мочь твою и жаръ почувствуютъ сосѣди,
„И вспомнятъ, сколько намъ произвели обидъ.
Надеждой, ревностью блисталъ Геройской видъ.
Принесши плодъ земля, лишилась лѣтней нѣги;
Разносятъ блѣдной листъ бурливыхъ вѣтровъ бѣ́ги;
Лѣтитъ съ крутыхъ верховъ на Ладогу Борей,
Дожди и снѣгъ и градъ трясетъ съ сѣдыхъ кудрей.
Наводитъ на́ воду глубокїя морщины:
Сквозь мглу ужасенъ видъ нахмуренной пучины.
Смутившись тягостью его замерзлыхъ крылъ,
Крутится и кипитъ съ водой на бе́регъ илъ.

Волнами свержены встрѣчаютъ гору во́лны
И скачутъ кругъ нея печальныхъ знаковъ полны:
Между запасами колеблется тамъ дубъ,
Между снарядами пловцевъ Россїйскихъ трупъ.
Тамъ кормы, дна судовъ, рассыпаны, разбиты.
Монархъ узрѣвъ въ пути, коль злобенъ рокъ несытый,
Вздохнулъ изъ глубины и бурѣ запрещалъ,
И въ сердцѣ положилъ великїй трудъ Каналъ,
Дабы Россїйскою могущею рукою
Потоки Волхова соединить съ Невою.
    О рѣки блискїя, но прежде раздѣленны.
Ликуйте тщанїемъ Петровымъ сопряженны;
Струями по томужъ играючи песку,
Забудьте древнюю другъ о другѣ тоску.
Вливайте вы себѣ взаимную отраду,
Благодаря, плоды къ Его носите граду.
    На свой, ты Волховъ, рокъ негодовалъ въ пути,
Что не въ Неву тебѣ но въ Ладогу итти
Судьбой поставлено, и бурями терзаться,
И силы потерявъ едва въ нее вливаться.
Коль часто ты вздыхалъ, чтобъ вкупѣ завивать
Струи и въ морѣ вдругъ теченїе скончать.
Ты выше береговъ смущаясь поднимался,
То подъ землей сыскать ходъ тайной покушался.
Вездѣ противъ любви поставленъ былъ оплотъ:
Не могъ ты одолѣть ни хлябей ни высотъ,
Пока Великїй Петръ презрѣвъ упругость рока,
Тебѣ далъ путь, и намъ довольство отъ востока.
    Онъ окомъ и умомъ въ округъ мѣста́ обшедъ
Избранные полки́ къ Орѣховцу ведетъ.
Животворящему Его прихода слуху
Отъ Ладоги въ Неву флотъ слѣдуетъ по суху.
Могущихъ Росскихъ рукъ не воспящаетъ лѣсъ;
Примѣръ изображенъ тутъ Ольговыхъ чудесъ.

Предъ Цареградскими высокими стѣнами
Онъ по́ полю въ ладьяхъ стремился парусами.
Здѣсь вмѣсто вѣтра былъ усердый нашихъ духъ,
И вмѣсто парусовъ спряженны силы вдругъ.
Ужѐ суда ходя по собственной Стихїи,
На Шведской брегъ везутъ защитниковъ Россїи:
Тамъ тысяща мужей преправясь чрезъ Неву,
Надежду подаютъ къ побѣдамъ, къ торжеству.
На ровъ, на валъ бѣгутъ врагами укрѣпленный,
Даются Шведы въ бѣгъ отъ Россовъ устрашенны.
И Шереметевъ ставъ на ономъ берегу,
Отвсюду заперъ путь къ спасенїю врагу.
Ужѐ къ начальнику подъ крѣпость посылаетъ,
Свободной выходъ всѣмъ безъ бою обѣщаетъ:
Что имъ противъ Петра не можно будетъ стать,
Напрасно кровь хотятъ отвсюду проливать,
И здача го́рода не будетъ имъ зазорна.
Но Готы помощи надѣяся отъ Горна,
Сказали, отъ него приказу къ здачѣ ждутъ.
На лживой ихъ отвѣтъ громады вдругъ ревутъ,
Пылаютъ всѣхъ сердца́ присутствїемъ разжженны,
Отъ силъ ихъ потряслись упорства полны стѣны.
Обширность воздуха куренїю тѣсна,
И влажная огнемъ покрыта быстрина.
Гортани мѣдныя рыгаютъ жаръ свирѣпый;
Пылая зелїе желѣзны рветъ заклепы.
Представь себѣ въ примѣръ стихїй ужасный споръ,
Какъ внутренность кипитъ воспламененныхъ горъ.
Дымъ, пепелъ и смола полдневну ясность кроютъ
И выше облаковъ ражженны холмы воютъ,
Трещатъ рассѣдавшись во облачной водѣ,
Сугубятъ громъ и страхъ сражаясь въ высотѣ.
Грознѣе какъ въ земномъ ярились прежде чревѣ.
Въ такомъ трясенїи, во пламени и ревѣ

Стои́тъ отчаявшись противу Росса Шведъ,
Въ ничто вмѣняетъ кровь, и презираетъ вредъ.
Однако въ пагубѣ, въ смятенїи великомъ,
Подвигнутъ женскимъ былъ рыданїемъ и крикомъ:
Растрепанны власы и мертвость блѣдныхъ лицъ,
И со младенцами повергшїяся ницъ
Мужей къ смягченїю Россїянъ преклоняютъ.
Ужѐ изъ крѣпости съ мольбою присылаютъ:
„Избавьте отъ страстей отъ бѣдства слабыхъ женъ,
„И духъ вашъ на мужщинъ пусть будетъ изощренъ.
„Изъ нужной тѣсноты дозвольте имъ свободу;
„Являйте мужество крѣпчайшему ихъ роду.
Отъ предводителя осады данъ отвѣтъ,
Что толь свирѣпаго у Россовъ нраву нѣтъ:
Между супругами не учинятъ разлуки;
Вы вмѣстѣ выступивъ изъ стѣнъ, избавьтесь му́ки.
Съ отказомъ зашумѣлъ изъ жаркихъ тучей градъ,
Перуны Росскїе и блещутъ и разятъ.
Напрасно издали противны подъѣжжаютъ
Осадныхъ выручать: ни въ чемъ не успѣваютъ.
Готовится вездѣ кровопролитной бой
И островъ близъ враговъ подъ нашей сталъ пятой.
Прїемлетъ лѣствицы охотная дружина;
Передъ очами ихъ побѣда и кончина.
Инымъ летучей мостъ къ теченїю готовъ;
Иные знака ждутъ межъ Ладожскихъ валовъ.
Дивятся издали въ стѣнахъ градскихъ пожару,
Призывнаго на брань не слышавши удару.
Какъ туча грозная вися надъ головой,
Надута пламенемъ сокрывшимся водой,
Напрягшуюся внутрь едва содержитъ силу,
Отъемлетъ почернѣвъ путь дневному свѣтилу,
Внезапно разрадясь стѣсняетъ громомъ слухъ,
И воздухъ двигаясь, въ груди стѣсняетъ духъ;

Сугубятъ долы звукъ и пропасти глубоки,
И дождь и градъ шумитъ, и съ горъ ревутъ потоки.
Земля, вода, лѣса поколебались такъ,
Когда изъ многихъ вдругъ жерлъ мѣдныхъ поданъ знакъ,
И Ладога на днѣ во глубинахъ завыла.
Стоящая на ней самоизвольна сила
Удара и часа урочнаго дождавъ,
Спѣшитъ на подвигъ свой, на положенье главъ;
Имъ къ разнымъ путь смертямъ теченїе прекрасно.
Представь себѣ, мой духъ, позорище ужасно!
Отъ веселъ шумъ и скрыпъ, свистъ ядръ, и махинъ ревъ
Гласятъ противникамъ Петровъ и Божїй гнѣвъ.
Они упрямствомъ злымъ еще ожесточены
Покрывъ смертельными орудїями стѣны,
Судьбину силятся на время отвратить
И смертью Росскою свою́ смерть облегчить.
Какъ вихри сильные стѣсненные грозою,
Полки́ Россїйскїе сперлися предъ стѣною.
Къ приступу Карповъ вождь Преображенскихъ силъ
Всѣхъ прежде началъ бой, всѣхъ прежде смерть вкусилъ,
Свинцомъ лежитъ пронзенъ сквозь чрево и сквозь руку,
Бьючись далъ знать съ душей и съ храбростью разлуку.
Сквозь дымъ, сквозь кровавыхъ сверканїе мечей
Вперяетъ бодрыхъ Петръ вниманїе очей,
И лѣствицъ краткость зритъ поставленныхъ къ восходу,
Въ приступѣ Своему губительну народу:
Не могутъ храбрые стѣнъ верьху досягнуть,
И тщетно вѣрную противнымъ ставятъ грудь,
Стремяся отвратить раженїе ихъ встрѣчно.
О коль велико въ Немъ движенїе сердечно!
Геройско ревнїе, досада, гнѣвъ и жаль
И для погибели удалыхъ главъ печаль!
Смотря на воинства упадокъ безполезный,
Къ стоящимъ близъ Себя возвелъ зѣницы слезны:

„Что всуе добрыхъ Мнѣ, сказалъ, сыновъ губить?
„Голицыну спѣша, велите отступить.
Примѣромъ показалъ Монархъ нашъ, что Герои
Не радостїю чтутъ кровопролитны бо́и;
И славныхъ надъ врагомъ прибыточныхъ побѣдъ
Покрытый трупами всегда прискорбенъ слѣдъ.
Межъ тѣмъ подвижники другъ друга поощряютъ,
И лѣствицъ мужествомъ короткость дополняютъ.
Голицынъ пламенемъ отвсюду окруженъ,
Сказалъ, мы скоро трудъ увидимъ совершенъ;
„Чрезъ отступленїе отъ крѣпости обратно
„Въ другой еще приступъ погибнетъ войскъ двукратно.
„И естьли Государь желаетъ городъ взять;
„Позволилъ бы намъ бой начатый окончать.
Съ отвѣтомъ на стѣну предъ всѣми поспѣшаетъ,
Солдатамъ слѣдовать себѣ повелѣваетъ:
„Бесчестенъ въ свѣтѣ вамъ и смертенъ здѣсь возвратъ;
„Преславно торжество, конецъ вашъ будетъ святъ:
„Дерзайте мужествомъ отечество прославить,
„Монарха своего побѣдою поздравить.
На копья, на мечи, на ярость сопостатъ,
На очевидну смерть Россїяне лѣтятъ.
Противники огнемъ разятъ и влажнымъ варомъ,
Желѣзомъ, камнями, всѣхъ тягостей ударомъ.
На предводителя поверженно бревно
Свирѣпымъ зелїемъ упало разжжено.
Онъ сринутъ поблѣднѣлъ межъ трупами бездушныхъ,
И томнымъ окомъ зритъ оружниковъ послушныхъ;
Еще старается дать къ твердости приказъ,
Еще пресѣченной болѣзнью нудитъ гласъ.
Ревнители его и слову и примѣру,
Держа въ умѣ Царя, отечество и вѣру,
Какъ во́лны на крутой тѣснятся дружно брегъ;
Вспященный крутизной возобновляютъ бѣгъ,

До прежней вышины отъ низу вставъ ярятся,
И скачущихъ верьхи кудрявые крутятся,
Старинныхъ корни древъ и тяжки камни рвутъ.
Со обоихъ сторонъ стоялъ сомнѣнный рока судъ.
Межъ тѣмъ ревнительны сердца́ къ звѣздамъ восходятъ,
Святаго съ горнихъ мѣстъ Героя въ мысль приводятъ.
Поборникъ Александръ издревле сихъ бреговъ
Зритъ грозно ополченъ надъ ними на враговъ.
Ужѐ высокїй всходъ съ землей быть мнится равенъ,
И Ярославовъ сынъ среди зарей преславенъ.
Являя сродный зракъ Великаго Петра,
Оружїемъ звучитъ чистѣйшимъ серебра,
Святою силою противныхъ устрашаетъ,
Россїянъ важностью десницы укрѣпляетъ.
Защиту древнюю отъ сильнаго плечà,
Броней, копья́, щита и шлема и меча
Воспомянувъ мѣста веселый плескъ воздвигли,
Что избавленїя желаннаго достигли,
Достигли наконецъ желанныхъ тѣхъ временъ,
Что паки Александръ для нихъ вооруженъ.
Въ священной дерзости то представляетъ воинъ,
По мыслямъ, по дѣламъ бессмертїя достоинъ,
Высокъ усердїемъ, надеждою легокъ,
Чрезъ мертвыя тѣла́ на свой ступаетъ рокъ.
По крѣпкихъ подвигахъ къ успѣху неудобныхъ
И по волненїяхъ противныхъ и способныхъ
Взливается на стѣнъ кровавыхъ высоту,
Наводитъ на враговъ боязнь и тѣсноту.
Наполнился весь градъ рыданїя и плача.
Ужѐ не Нарвская, о Готы, вамъ удача:
Не мѣстничество здѣсь и не оплошной Крой,
Не старой брани видъ, не безъ порядка строй;
Великїй правитъ Петръ рожденное имъ войско,
И Шереметева раченїе Геройско

Отмщеньемъ дышущихъ бодритъ напоръ сердецъ.
Увидѣвъ крѣпости въ сраженіи конецъ,
Вы неизбѣжну смерть покорствомъ предварили,
И бѣлой къ здачѣ знакъ по вѣтру распустили.
Умолкнулъ грозный звукъ со обоихъ сторонъ;
Лишь слышенъ раненыхъ плачевный вой и стонъ.
Вандалы выпуску съ военной честью просятъ,
И городскихъ воро́тъ ключи Петру приносятъ,
На Побѣдителя въ восторгѣ взводятъ взоръ,
И укрѣпляютъ свой о здачѣ договоръ.
Коль радостная тамъ, коль красная премѣна!
Ужь вѣютъ на стѣнахъ Россійскія знамена,
Изображаются, Нева, въ твоихъ струяхъ.
Тимпановъ мирный шумъ при радостныхъ трубахъ
Забыть велитъ сердцамъ минувшихъ тучей громы;
И Шведы тщатся въ путь въ свой достигнуть домы.
Обычай во́ины изъ древнихъ лѣтъ хранятъ,
Чтобъ храбрыхъ почитать по здачѣ сопостатъ:
Признаки мужества въ рукахъ ихъ оставляютъ.
И славу тѣмъ своей побѣды уважаютъ.
Побѣдоносецъ нашъ жаръ се́рдца отложилъ
И первый кротостью успѣхъ свой посвятилъ:
Снабдилъ противниковъ къ отшествію судами.
Оставивъ стѣну зрятъ прискорбными очами.
Распущенны на вѣтръ знамена, трубный шумъ
Печальной радостью тѣснятъ ихъ вольной умъ.
На волю имъ пути прискорбны, стѣнъ проломы,
Что отворили имъ изъ рукъ Россійскихъ громы.
По грознымъ толь страстямъ и по такомъ трудѣ
Нача́ло чувствуютъ предбудущей бѣдѣ.
Въ Отечествѣ сказать сей случай поспѣшайте.
И побѣжденны быть отъ Россовъ привыкайте.
Скажите вашъ домой почтительный возвратъ,
Что выпущены вы пространствомъ новыхъ вратъ.

И Карлу вашему побѣду возвѣстите,
Что Петръ Отечеству и къ славѣ и къ защитѣ
Надъ вами получивъ, наслѣдство возвратилъ,
И ближе къ Швецїи простеръ шумъ орлихъ крилъ.
Пускай въ Германїи Герой вашъ успѣваетъ,
Отверсты городы свободно протекаетъ,
Въ рожденной счастїемъ кичливости своей
Низводитъ съ высоты и взводитъ Королей;
Пусть дерзостно спѣшитъ какъ буйный вѣтръ къ востоку
И приближается къ предписанному року.
Не найдетъ Дарїя, чтобъ Александромъ стать:
Не споритъ межъ собой, развратна прежде, рать;
Петрову новому ученїю послушны
Россїяне стоятъ въ полкахъ единодушны.
Движенїемъ Своихъ величественныхъ силъ
Народу новый духъ и мужество вложилъ.
Востокъ и Океанъ Его послушенъ слову:
Карлъ пышностью своей возвыситъ честь Петрову.
Разливы Невскїе на устїяхъ шумятъ
И течь Россїянамъ во срѣтенье хотятъ.
Тамъ Нимфы по брегамъ въ веселїи ликуютъ,
И въ осень Зефиры между древами дуютъ;
Вмѣняя, что лице земное разцвѣло.
Тогда возвелъ Монархъ веселое чело
Къ начальникамъ своихъ побѣдоносныхъ ратныхъ,
Что видитъ въ цѣлости друговъ своихъ обратныхъ.
Отрада всѣхъ живитъ, стократно выше бѣдствъ.
Отвсюду слышенъ гласъ желанїй и привѣтствъ:
„Ужѐ намъ, Государь, Твоими въ западъ персты
„Врата для подвиговъ торжественныхъ отверсты;
„И промыслъ далъ Тебѣ землѝ и мо́ря ключь:
„По ихъ обширности распростирай Свой лучь.
„Намъ сносны всѣ труды и не ужасны смерти;
„Лишь только бы Твоихъ враговъ гордыню стерти,

„Отечеству подать довольство, честь, покой,
„И просвѣтить народъ, какъ духъ желаетъ Твой.
Усерднымъ толь рѣчамъ Петръ радостно внимаетъ;
Но къ городскимъ стѣнамъ приближась воздыхаетъ:
Смотря на разныя поверженїя тѣлъ,
Кому какъ умереть предписанъ былъ предѣлъ;
Прощается у нихъ печальными устами:
„О други вѣрные, Я вашими кровями
„И общихъ и Своихъ преодолѣлъ враговъ:
„Небесныхъ радуйтесь сподобившись вѣнцовъ.
„Примѣромъ съ высоты другимъ по васъ сїяйте,
„И мужество въ сердца́ полка́мъ Моимъ вливайте.
Рыданїе конецъ былъ жалкой рѣчи сей,
И манїемъ далъ знакъ къ сокрытїю костей.

Чрезъ стѣны проходя отъ древности наслѣдны,
Что были долго намъ отъ межусобства вредны,
Онъ окомъ облетѣлъ преодолѣнный градъ;
Рассматриваетъ Самъ все множество громадъ.
Между различными едина изваянна
Великимъ именемъ являетъ Іоанна.
Сей бодрый Государь въ Россїю первый ввелъ
На браняхъ новый страхъ земныхъ громовыхъ стрѣлъ.
Неслыханны предъ тѣмъ и сильные удары
Почувствовавъ отъ насъ противъ себя Татары,
Во вѣкъ отчаялись надъ Россами побѣдъ:
Скончался съ гордостью Ордынскою Ахметъ.
Сїе старинное орудїе военно
Въ смущенны времена осталося плѣненно.
На выгоды свои́, на знаки нашихъ бѣдъ
Смотря съ веселїемъ тогда гордился Шведъ.
Теперь противъ него обратно пусть пылаютъ
И вмѣсто радости во брани устрашаютъ.
Коль многи тягости оружїй роковыхъ,
Что въ приступленїи вредили насъ и ихъ,

Лежатъ по улицамъ и бомбъ и ядеръ кучи,
Наметанные тамъ изъ грозной Россовъ тучи.
Межъ цѣлыми число рассѣдшихся громадъ,
Что выше силъ своихъ на насъ пускали градъ.
Тамъ потрясенный домъ на домъ другой склонился,
Иной на улицу поверженъ разрушился.
По всходамъ, по стѣнамъ, по кровлямъ, угли, прахъ
Показываютъ видъ, каковъ былъ самой страхъ.
О смертные на что вы смертїю спѣшите?
Что прежде времени вы другъ друга губите?
Или ко гробу нѣтъ кромѣ войны путей?
Вездѣ насъ тянетъ рокъ насильствомъ злыхъ когтей!
Коль многи вышедши изъ матерней темницы,
Отходятъ въ тотъже часъ въ мракъ черныя гробницы!
Иной усмѣшкою отца повеселилъ,
И очи вдругъ предъ нимъ во вѣки затворилъ.
Готовому вступить во брачные чертоги
Пронзаетъ сердце смерть и подсѣкаетъ нóги.
Въ срединѣ лутчихъ лѣтъ иной устроивъ домъ,
Спокойнымъ говоритъ, льстясь здравъ пребыть, умомъ:
Отнынѣ поживу, и наслаждусь трудами;
Но часъ послѣдней былъ, скончался со словами.
Коль многи обстоятъ болѣзни и бѣды,
Которымъ, человѣкъ, всегда подверженъ ты!
Кромѣ что немощи, печали внутрь терзаютъ;
Извнѣ коль многїя напасти окружаютъ.
Потопы, бури, моръ, отравы, вредный гадъ,
Трясенїе земли́, свирѣпы звѣри, гладъ,
Паденїе домовъ, и жрущїе пожары,
И градъ, и молнїи гремящїе удары.
Болота, ледъ, пески, земля, вода и лѣсъ
Войну съ тобой ведутъ, и высота небесъ.
Еще ли ты войной, ещель не утомился,
И самъ противъ себя во вѣкъ вооружился?

Но оправдалъ тебя военнымъ дѣломъ Петръ.
Усердъ къ наукамъ былъ, миролюбивъ и щедръ,
Притомъ и мечь простеръ и на морѣ и въ полѣ.
Сомнительно чѣмъ Онъ войной иль миромъ болѣ.
Другїе въ чести храмъ рвались чрезъ ту вступить;
Но ею онъ желалъ Россїю просвѣтить.
Когда безъ оныя не ввелъ къ намъ просвѣщенїй;
Не можетъ свѣтъ стоять безъ сильныхъ вооруженїй.
На устїяхъ Невы его военный звукъ
Сооружалъ сей градъ, воздвигнулъ Храмъ наукъ!
И зданїй красота, что нынѣ возрастаетъ,
Въ оружїи свое начáло признаваетъ.
Посмотримъ мысленно на прежни времена;
Народамъ первенство даетъ вездѣ война.
Науки съ вольностью отъ звѣрства защищаетъ
И храбрыхъ мышцею роститъ и украшаетъ.
Оружїе дано природою звѣрямъ;
Готовить хитростью судьба велѣла намъ.
Народы дикїе не знаючи науки
Воюютъ пращами и напрягаютъ луки.
Открой мнѣ бывшїя, о древность, времена;
Ты разности вещей и чудныхъ дѣлъ полна.
Тебѣ ихъ бытїе извѣстно все единой:
Что приращенїю оружїя причиной?
Съ натурой сродна ты, а мнѣ натура мать:
Въ тебѣ я знанїя и въ оной тщусь искать.
Ужè далече зрю въ куренїи и мракѣ
Нагово тѣ́ла видъ неявственный въ призракѣ.
Простерлась въ облакá великая глава
И ударяютъ въ слухъ прерывныя словá:
Такъ должно древности простой быть и неясной,
Съ народовъ наготой, съ нетщанїемъ согласной!
Велитъ „ты зрѣнїе по свѣту обведи,
„По мѣстъ различности и вѣки рассуди,

„И мысльми обратись на новые народы:
„(Простерла руку вдаль изъ облаковъ чрезъ во́ды)
„Тамъ вмѣсто знанїя военныхъ всѣхъ наукъ,
„Довольна мнится быть едина твердость рукъ;
„Тамъ знаютъ напрячись колѣномъ и бедрою,
„Нагая грудь и лобъ, броня и шлемъ есть къ бою:
„Иные камни взявъ съ земли́ другъ друга бьютъ:
„Сломивъ уразину нагїе члены рвутъ.
„Дреколїя концы огнемъ тамъ прижигаютъ,
„И заостривши ихъ противниковъ пронзаютъ.
„Тамъ тучи страшныя на воздуха предѣлъ
„Терновыхъ, костяныхъ, желѣзныхъ воютъ стрѣлъ.
„При накрахъ движутъ духъ свирѣли, барабаны;
„И новость стѣнъ трясутъ пороки и тараны.
„Но индѣ съ ужасомъ трудолюбивой умъ
„Услышалъ для войны́ огня приличной шумъ;
Европа тѣмъ гремитъ сама въ себѣ пылая,
Коль часто фурїя свирѣпствуетъ въ ней злая!
Кровавая война отъ вѣка такъ течетъ,
Такъ хитрость бранная отъ первыхъ дней растетъ.
Рокъ кровью присудилъ лице земли́ багровить;
Монархамъ надлежитъ оружїе готовить.
Вашъ Петръ за широту предѣловъ мечь простеръ;
Блаженству Росскому завиствующихъ стеръ.
И нынѣ Дщерь торжествъ бессмертность утверждаетъ,
Огней раженїе искусствомъ умножаетъ.
Елисаветины военныя дѣла́
Какъ мирныя во вѣкъ вѣнчаетъ похвала.
Ужѐ Россїяне мѣстъ дряхлость очищаютъ,
И рухлость стѣнъ, стрѣлницъ, прилѣжно укрѣпляютъ:
Дабы лежащїй градъ воссталъ и былъ готовъ
Оружїе поднять и отвратить враговъ.
Преславный въ путь вступилъ Вандаловъ Побѣдитель
Во градъ, гдѣ Праотцы, и храбрый гдѣ Родитель

*

Оставили своихъ заслугъ великихъ знакъ.
Коль радостенъ тамъ былъ Москвы священный зракъ!
Но муза помолчи, помедли до трофеевъ,
Что взяты отъ враговъ и внутреннихъ злодѣевъ:
Безмѣрно больше трудъ напредки настоитъ;
Тогда представь сея Богини свѣтлый видъ.

XLV.

Богиня, дщерь божествъ, науки основавшихъ,
И приращенье ихъ Тебѣ въ наслѣдство давшихъ,
Ты шествуешь по ихъ божественнымъ стопамъ,
Распростираючи щедроты свѣтлость намъ.
Мы признаваясь, что едва того достойны,
Остались бы всегда въ трудахъ своихъ спокойны;
Но только къ славѣ сей того недостаетъ,
Чтобъ милость къ намъ Твою увидѣлъ ясно свѣтъ,
Дабы признали всѣ народы и языки,
Коль мирныя Твои дѣла въ войну велики;
Дабы украшенный Твоей рукой Парнасъ
Любителей наукъ призвать возвысилъ гласъ,
И славнымъ именемъ гремя Елисаветы,
При ликѣ ихъ расторгъ завистниковъ навѣты.
Теперь Германїя войной возмущена,
Рыданїя и слезъ и ужаса полна;
За собственныхъ сыновъ съ парнаскими цвѣтами
Питаетъ сопостатъ съ кровавыми мечами.
Любитель тишины, соборъ драгихъ наукъ,
Защиты крѣпкїя отъ бранныхъ ищетъ рукъ.
О коль велики имъ отрады и утѣхи:
Возслѣдуютъ и намъ въ ученїяхъ успѣхи,
И славной слухъ, когда Твой Университетъ
О имени Твоемъ подъ солнцемъ процвѣтетъ,
Тобою данными красуясь вѣчно правы
Для истинной красы Россїйскїя державы.

*

И юношество къ намъ отвсюду притекутъ
Къ наукамъ прилагать въ Петровѣ градѣ трудъ.
Петрова ревность къ нимъ, любовь Екатерины,
И щедрости Твои воздвигнутъ здѣсь Аѳины.
Прїемлемые въ нихъ учены пришлецы
Разширятъ о Тебѣ въ подсолнечной концы,
Коль милосерда Ты, коль счастлива Россїя,
Что царствуютъ съ тобой въ ней времена златыя!
Рушитель знанїя, свирѣпой брани звукъ
Подъ скипетромъ Твоимъ защитникъ сталъ наукъ,
Что выше мнѣнїя сквозь дымъ, сквозь прахъ восходятъ,
Ихъ къ удивленїю, насъ къ радости приводятъ.
Мы соружимъ похвалъ Тебѣ, Минервѣ, храмъ,
Въ приличность по Твоимъ божественнымъ дѣламъ;
Въ Россїйски древности, въ натуры тайны вникнемъ,
И тьмами устъ Твои достоинства воскликнемъ.
Коль счастливъ оной день, коль счастливъ буду я,
Когда я середи Россїйскихъ музъ стоя,
Благодѣянїе Твое представлю ново,
Великостью его о какъ возвышу слово!
Тогда мой средственной въ Россїйской рѣчи даръ
Въ благодаренїи сугубой приметъ жаръ.
Когда вниманїя сей гласъ мой удостоишь,
И искреннихъ сердецъ желанья успокоишь,
Ты новы силы намъ, Богиня, подаришь,
Драгое отчество сугубо просвѣтишь.
Сїе исполнится немногими чертами,
Когда рука Твоя ущедрится надъ нами:
Для славы Твоея, для общаго плода,
Не могутъ милости быть рано никогда.

XLVI.

Кузнечикъ дорогой, коль много ты блаженъ,
Коль больше предъ людьми ты щастьемъ одаренъ!
Препровождаешь жизнь межъ мягкою травою
И наслаждаешься медвяною росою.
Хотя у многихъ ты въ глазахъ презрѣнна тварь,
Но въ самой истиннѣ ты передъ нами царь;
Ты Ангелъ во плоти, иль лутче ты бесплотенъ!
Ты скачешь и поешь, свободенъ, беззаботенъ;
Что видишь, все твое; вездѣ въ своемъ дому;
Не просишь ни о чемъ, не долженъ никому.

XLVII.

(Изъ Клавдіана).

Я долго размышлялъ и долго былъ въ сомнѣньѣ,
Что есть ли на землю отъ высоты смотрѣнье;
Или по слѣпотѣ безъ ряду все течетъ,
И промыслу съ небесъ во всей вселенной нѣтъ.
Однако посмотрѣвъ свѣтилъ небесныхъ стройность,
Земли́, морей и рѣкъ доброту и пристойность,
Премѣну дней, ночей, явленія луны,
Призналъ, что божеской мы силой созданы.

XLVIII.

Случились вмѣстѣ два Астронома въ пиру
И спорили весьма между собой въ жару.
Одинъ твердилъ: земля вертясь кругъ Солнца ходитъ;
Другой, что Солнце всѣ съ собой планеты водитъ:
Одинъ Коперникъ былъ, другой слылъ Птоломей.
Тутъ поваръ споръ рѣшилъ усмѣшкою своей.
Хозяинъ спрашивалъ: ты звѣздъ теченье знаешъ?
Скажи, какъ ты о семъ сомнѣньѣ разсуждаешъ?
Онъ далъ такой отвѣтъ: что въ томъ Коперникъ правъ;
Я правду докажу, на Солнцѣ не бывавъ.
Кто видѣлъ простака изъ поваровъ такова,
Которой бы вертѣлъ очагъ кругомъ жаркова?

XLIX.

ОДА

всепресвѣтлѣйшей державнѣйшей

ВЕЛИКОЙ ГОСУДАРЫНѢ

ИМПЕРАТРИЦѢ

ЕЛИСАВЕТѢ ПЕТРОВНѢ

САМОДЕРЖИЦѢ ВСЕРОССІЙСКОЙ

НА ПРЕСВѢТЛЫЙ ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ПРАЗДНИКЪ

ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА

ВОСШЕСТВІЯ НА ВСЕРОССІЙСКІЙ ПРЕСТОЛЪ

ноября 25 дня 1761 года

въ оказаніе истинной радости и ревностнаго усердія

всенижайше поднесенная

отъ всеподданнѣйшаго раба

МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА.

печатана въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ.

1.

Владѣешь нами двадцать лѣтъ;
Иль лутче, льешь на насъ щедроты,
Монархиня, коль благъ совѣтъ
Для Россовъ вышнія доброты!
О коль къ намъ склонны небеса!
О коль преславны чудеса!
Геройскаго восхода слѣды
Пріосѣняетъ благодать;
Война и миръ даютъ побѣды:
О Боже, чѣмъ тебѣ воздать?

2.

Еще, еще бодрись, воспой
Златая Лира Дщерь Петрову,
Гласи и брани и покой;
И силу воспріявши нову,
Въ преклонной вѣкъ мой возлѣтай,
Младыя лѣта превышай.
Она щедроты умножаетъ,
Ты возноситься не престань:
Ей свѣтъ довольства посвящаетъ:
И ты сугубь желанїй дань.

3.

Красуйся въ сей блаженный часъ,
Какъ вдругъ трїумфы воссїяли;
Тѣмъ вящше озарили насъ,
Чѣмъ были мрачнѣе печали.
О радость, дай воспомянуть!
О радость, дай на нихъ взглянуть!
Мы больше чувствуемъ отрады,
Какъ скорби видимъ за тобой:
Злочастья ненавистны взгляды
Любезный красятъ о́бразъ твой.

4.

Безгласна видя на одрѣ
Защитника, Отца, Геро́я,
Рыдали Россы о Петрѣ;
Вездѣ наполненъ воздухъ воя,
И сѣтовали всѣ мѣста́:
Земля казалася пуста:
Взглянуть на небо, не сїяетъ;
Взглянуть на рѣки, не текутъ,
И горъ высокость осѣдаетъ;
Натуры всей пресѣкся трудъ.

5.

Екатеринѣ скиптръ врученъ
Отечествомъ и домомъ править:
Народъ нашъ тщился ободренъ
Трудовъ *Петровыхъ* не оставить.
Но ахъ свирѣпа наша часть!
Любезная намъ Жизнь и Власть
И мужескъ полъ за Ней пресѣкся;
И унывающїй народъ
Въ печали вретище облекся,
Что отлученъ *Петровъ* былъ Плодъ.

6.

Ужасны хляби, стремнины́
Стоятъ противъ *Петровой Дщери*,
И твердость тяжкїя стѣны́,
И въ вѣкъ заклепанныя двери,
И непроходныхъ страхъ морей
Лишаютъ насъ надежды всей;
Нѣтъ способа и нѣтъ совѣта!
Но Вышнїй нашъ услышалъ гласъ:
Великая *Елисавета*
Се царствуетъ и щедритъ насъ.

7.

Поставилъ Богъ и Россовъ духъ,
И не подвигнется во вѣки.
Какая рѣчь плѣняетъ слухъ:
Гласятъ моря́, лѣса́ и рѣки,
Тамъ Нимфы повторяютъ рѣчь,
Какъ въ стрѣчу ей спѣшили течь:
„Кто Ты? Минерва иль Дїана?
„Кто Мать *Тебѣ* и кто Отецъ?
„Богиней въ свѣтѣ быть избранна,
„Достойная носить вѣнецъ!

8.

Не Ты ли, коей долго ждемъ,
„Желаемъ, льемъ потоки слезны?
„Она и станомъ и лицемъ;
„Екатерининъ взоръ любезный,
„Подобїе и духъ Петровъ,
„Отрада наша и покровъ.
О Дщери Росскїя играйте:
Надежда ваша васъ не льститъ,
И съ удовольствїемъ внимайте,
Что вамъ Богиня говоритъ.

9.

На Отческой престолъ всхожу
„Спасти отъ злобы утѣсненныхъ,
„И щедрой властью покажу
„Свой Родъ, умножу просвѣщенныхъ.
„Моей державы кротка мочь
„Отвергнетъ смертной казни ночь;
„Владѣть хочу зефира тише;
„Мои всѣ мысли и залогъ
„И воля данная Мнѣ свыше
„Въ устахъ прощенье, въ сердцѣ Богъ.

10.

О дѣломъ совершенный гласъ!
Благодѣянїе Твоя держава,
Щедротъ исполненъ всякой часъ!
Едина токмо брань кровава
Принудила правдивой мечь
Противу гордости извлечь,
Какъ стѣну Росску грудь поставить
Въ защиту дружескихъ державъ,
И отъ насильныхъ рукъ избавить
Въ союзѣ вѣрность показавъ.

11.

Какъ вожделѣнный Солнца лучь
Хотя не престая сїяетъ;
Скрывается отъ мрачныхъ тучь,
И не повсюду согрѣваетъ.
Подобно милосерда Власть
Любя себѣ врученну часть,
Сїянїе даетъ всечасно,
Чтобъ грѣть и освѣщать народъ;
Но терпитъ дѣйствїе прекрасно
Уронъ отъ бранныхъ непогодъ.

12.

Необходимая судьба
Во всѣхъ народахъ положила,
Дабы военная труба
Унылыхъ къ бодрости будила,
Чтобъ въ нѣдрахъ мягкой тишины
Не зацвѣли водамъ равны,
Что вкругъ защищены горами,
Дубравой, неподвижны спятъ,
И подъ лѣнивыми листами
Презрѣнной производятъ гадъ.

13.

Война плоды своѝ раститъ,
Героевъ въ миръ раждаетъ славныхъ,
Обширныхъ областей есть щитъ
Могущество крѣпитъ Державныхъ.
Воззримъ на древни времена;
Россїйска повѣсть тѣмъ полна,
Ужé изъ тмы на свѣтъ выходитъ
За ней великихъ полкъ Мужей,
Что на театръ всесвѣтный взводитъ
Одѣтыхъ солнечной зарей.

14.

Се бодрый воинъ Святославъ
Славянъ и Скифовъ съ Печенеги
И Болгаръ съ Турками собравъ,
Дунайски наполняетъ бреги;
И побѣдитель всѣмъ гласитъ:
„Здѣсь сердце странъ моихъ лежитъ:
„Смарагды, шолкъ даютъ мнѣ Греки,
„Вино и злато Угровъ трудъ;
„Народъ и хлѣбъ велики рѣки
„Что въ Отчествѣ моемъ текутъ.

15.

Ему Геройствомъ равный сынъ
Владимиръ, превосходный вѣрой,
Войной и миромъ исполинъ,
Отмстивъ за брата равной мѣрой,
Съ Дунайскихъ и до Камскихъ водъ
Вливаетъ свѣтъ Христовъ въ народъ;
Счетавъ съ любовью постоянство
Густую разбиваетъ тѣнь;
На Перуна и на поганство
Ступивъ, восшедшїй кажетъ день.

16.

Не то ли храбрый Мономахъ?
Онъ мечь вознесъ на Византїю,
И Комнинъ облеченный въ страхъ
Вѣнецъ взлагаетъ на Россїю.
Тамъ плещутъ Невски берегá
Низвергнувъ дерскаго врага
Петрова Мужествомъ Предтечи:
Отъ Запада защитникъ онъ.
Се Дмитрїевы сильны плечи
Густятъ Татарской кровью Донъ.

17.

Тезоименны Дѣдъ и Внукъ*)
Разбитыя бросаютъ узы,
И кажутъ всей вселенной вкругъ
Державу, права, мечъ, союзы;
Тамъ равный сродникъ Алексѣй,
О Висла, до твоихъ зыбей
Границы дѣлъ своихъ поставилъ,
Прошелъ бы далѣй; мало жилъ!
Но плодъ Геройскихъ дѣлъ оставилъ,
Какого Сына Онъ родилъ!

18.

Бодрись мой духъ, смотри, внимай:
Сквозь дымъ небесный лучь блистаетъ!
Сквозь вóлны, пламень, вижу рай;
Тамъ Богъ десницу простираетъ,
И крѣпость неизмѣрныхъ силъ
Петру на свѣтѣ поручилъ.
„Низвергни храбростью коварство,
„Войнами укроти войны
„Одѣнь оружьемъ новымъ царство,
„Полночны оживи страны.

19.

Ведетъ Творецъ, Онъ идетъ въ слѣдъ;
Воздвигъ насъ. Россы ускоряйте
На óбразъ въ знакъ Его побѣдъ
Рифейски гóры истощайте:
Дабы Его бессмертный ликъ
Какъ Солнце свѣтелъ и великъ

---

*) Государи: Великій Князь Иванъ Васильевичь и Царь Иванъ Васильевичь.

Сïялъ во всѣ концы земныя,
Отъ неизвѣстныхъ зримъ былъ мѣстъ,
И небу равная Россïя
Казала дѣлъ коль много звѣздъ.

20.

Посмотримъ въ Западны страны
Отъ стрѣлъ Россïйскïя Дïаны,
Изъ превеликой вышины
Стремглавно падаютъ Титаны;
Ты Мемель, Франкфуртъ и Кистринъ,
Ты Швейдницъ, Кенигсбергъ, Берлинъ,
Ты звукъ лѣтающаго строя,
Ты Шпрея хитрая рѣка,
Спросите своего Героя:
Что можетъ Росская рука.

21.

Великая Елисаветъ
И силу кажетъ и державу;
Но въ сердцѣ держитъ сей совѣтъ:
Размножить миромъ нашу славу,
И выше какъ военной звукъ
Поставить красоту Наукъ.
По мнѣ, хотябъ руно златое
Я могъ какъ Язонъ получить;
Тобъ Музамъ, для житья въ покоѣ,
Не усумнѣлся подарить.

22.

Въ войну кипитъ съ землею кровь,
И суша съ моремъ негодуетъ;
Владѣетъ въ мирны дни любовь,
И вся натура торжествуетъ.
Тамъ заглушаютъ мысли шумъ;

Здѣсь краситъ всѣ довольства умъ.
Се милость истинну срѣтаетъ,
Воззрите, смертны, въ высоту!
И правда тишину лобзаетъ,
Я вижу вѣчну красоту.

23.

Среди разгнанныхъ мрачныхъ бурь,
Всего пресвѣтлѣе сїяетъ,
Вокругъ и злато и лазурь:
Всесильный Миръ себя являетъ:
Оливна вѣтвь, лавръ, слава, мечь!
Внимай подсолнечная рѣчь:
Петрова Дщерь вамъ въ вѣкъ залогомъ.
„Я живъ и обладаетъ Петръ,
„Пребуду вѣчно вашимъ Богомъ,
„И какъ Елисавета щедръ.

L.

ОДА

ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШЕМУ ДЕРЖАВНѢЙШЕМУ

ВЕЛИКОМУ ГОСУДАРЮ

ИМПЕРАТОРУ

ПЕТРУ ФЕОДОРОВИЧУ

САМОДЕРЖЦУ ВСЕРОССІЙСКОМУ,

ПРЕСВѢТЛѢЙШЕМУ ВЛАДѢТЕЛЬНОМУ ГЕРЦОГУ ГОЛСТИНСКОМУ

ВЫСОКОМУ НАСЛѢДНИКУ НОРВЕЖСКОМУ

И ПРОТЧАЯ И ПРОТЧАЯ И ПРОТЧАЯ.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ,

КОТОРУЮ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

НА ВСЕРАДОСТНОЕ ВОСШЕСТВІЕ

НА ВСЕРОССІЙСКІЙ НАСЛѢДНЫЙ

ИМПЕРАТОРСКІЙ ПРЕСТОЛЪ

И КУПНО

НА НОВЫЙ 1762 ГОДЪ

ВЪ ИЗЪЯВЛЕНІЕ ИСТИННЫЯ РАДОСТИ, УСЕРДІЯ И БЛАГОГОВѢНІЯ

ВСЕНИЖАЙШЕ ПРИНОСИТЪ

ВСЕПОДДАННѢЙШІЙ РАБЪ

МИХАЙЛО ЛОМОНОСОВЪ.

ПЕЧАТАНА ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

*

1.

Сїяй, о новый годъ, прекрасно,
Сквозь густоту печальныхъ тучь:
Прошло затмѣнїе ужасно,
Умножь, умножь отрады лучь.
Ужѐ плачевная утрата
Дражайшая сокровищъ злата
Сугубо намъ возвращена.
Благополучны мы стократно:
Петра Великаго обратно
Встрѣчаетъ Росская страна.

2.

Петра воздвигъ съ Екатериной
И съ Павломъ; о драгой залогъ!
Послалъ намъ радость за судбиной
Въ щедротахъ неизмѣрный Богъ.
Орелъ великїй обновился,
На высотѣ своей явился,
И надъ Европою пари́тъ.
Россїяне руками плещутъ,
Враги въ унынїи трепещутъ,
Познавъ, кто носитъ скиптръ, мечь, щитъ.

3.

Премудрая Елисавета
На Отческїй Престолъ восшедъ,
Движеньемъ Вышняго совѣта
Блюла Отечество отъ бѣдъ.
Достигнувъ мужескимъ Геройствомъ,
Отвсюду облекла спокойствомъ
Свое наслѣдство утвердивъ,
Чтобъ былъ для Россовъ счастья, славы,
Безъ пресѣченїя державы,
Великїй Петръ во вѣки живъ.

4.

Ея совѣты совершились:
На Тронъ наслѣдный Ты вступилъ,
Монархъ; Мы въ вѣкъ Ея лишились;
Но Ты восходомъ оживилъ.
Прїемлешь скиптръ, Она вручаетъ,
И въ вѣчность отходя вѣщаетъ:
„Владѣй, храни, возвысь народъ,
„Моей опасностью спасенный,
„Увѣрь всѣхъ, Мной благословенный,
„Что Ты Петровъ и Аннинъ плодъ.

5.

Когда Я съ Нею разлучалась
„И въ ложеснахъ Ея съ Тобой,
„Коль горестно тогда терзалась,
„Отчаянна въ судбинѣ злой.
„Но больше ощущала радость,
„Твою возлюбленную младость
„Въ объятїя Свои принявъ.
„И нынѣ отхожу съ покоемъ,
„Отечество Тобой Героемъ
„Превыше будетъ всѣхъ державъ.

6.

Ужѐ ко предстоящимъ слезнымъ
Отъ облакъ обратила видъ,
И умиленїемъ любезнымъ
Озрѣвшись, къ высотѣ спѣшитъ.
Освободясь отъ части тлѣнной,
Восходитъ къ жизни непремѣнной.
Молчите гόры и лѣсá,
Морá и вѣтры безпокойны,
Внимайте мнѣ и будьте стройны:
Мой умъ вперился въ небеса.

7.

Отворенный Елисаветѣ
Ея преславныхъ предковъ храмъ
Сїяетъ въ бесконечномъ свѣтѣ
По звѣзднымъ распростертъ полямъ.
Среди Геройскаго собора
Лучемъ божественнаго взора
Яснѣйшїй протчихъ духъ Петровъ
При входѣ свѣтозарной двери
Десницу простирая Дщери,
Къ себѣ въ небесный вводитъ кровъ.

8.

Гряди къ блаженному покою,
„Гряди къ намъ въ вѣчно торжество,
„Гряди и царствуй здѣсь со Мною,
„Такъ хочетъ вышне божество.
„Ты жить съ бессмертными достойна;
„Россїя по Тебѣ спокойна:
„Ты возвратила въ ней уронъ:
„Ты кровь Мою́ возобновила,
„Въ наслѣдствѣ Внука утвердила;
„Тобою Онъ восшелъ на Тронъ.

9.

Великодушїя, щедроты,
„И мужества дала примѣръ:
„Чтобъ руку Онъ къ своимъ для льготы,
„И мечь противъ враговъ простеръ.
„Тобой цвѣтетъ Мой градъ любезный,
„Петрополь славный и полезный.
„Но будетъ выше древнихъ дивъ.
„Предѣлы Ты распространила;
„Его благословенна сила
„Поставитъ, вѣчно утвердивъ.

10.

За истинную добродѣтель
„Земля Тебѣ давала плодъ;
„Всегда преклоненъ былъ Содѣтель,
„Въ довольствѣ множилъ Твой народъ.
„Наслѣдникъ тоюже стезею
„Ступая ревностью своею,
„Преклонитъ вышнее Добро.
„Была, какъ Ты, натура щедра,
„Открыла горъ съ богатствомъ нѣдра;
„Ему сторично дастъ сребро.

11.

Ты награждала всѣмъ науки;
„И Онъ щедротой оживитъ,
„Искусствомъ обученны ру́ки
„Снабдитъ, умножитъ, просвѣтитъ.
„Онъ постыдитъ, какъ Ты, злодѣевъ.
„Оставленъ посредѣ трофеевъ,
„До облакъ оны вознесетъ;
„И на пространной свѣта части
„Конецъ своей положитъ власти,
„Гдѣ знакъ стои́тъ Твоихъ побѣдъ.

12.

Но больше чту сїю заслугу,
„Что ты усердствуя къ Нему,
„Достойную дала Супругу,
„Любезну Отчеству всему.
„Ужѐ изъ общей ихъ любови
„Цвѣтетъ отъ Нашей Отрасль крови
„Дражайшїй Павелъ Правнукъ Мой.
„Продлитъ Господь Его Потомки,
„Дѣла́ Ихъ возвеличитъ громки,
„Прославитъ брани и покой.

13.

Богиня новыми лучами
Красуется окружена,
И звѣзды видитъ подъ ногами
Свѣтлѣе оныхъ какъ луна.
Ужѐ торжественные лики
И радостныхъ Героевъ клики
И бреннымъ нестерпимый свѣтъ
Всю силу ока притупляютъ,
Вниманье слуха заглушаютъ:
Видѣнїя закрылся слѣдъ.

14.

Оставивъ высоту прекрасну
Я небо вижу на земли́:
Народовъ ревность всѣхъ согласну,
Какъ въ вѣки всѣ свѣтила шли.
Отъ Юга, Запада, Востока
Поля́ми, славою широка
Россїя кажетъ вѣрной духъ.
И какъ Елисаветѣ твердо
Петру вдаетъ себя усердо,
Едва лишь гдѣ достигнулъ слухъ.

15.

Хребты полей прекрасныхъ, тучныхъ,
Гдѣ Волга, Донъ и Днѣпръ текутъ,
Дѣлъ по́слухи Петровыхъ звучныхъ
Съ весельемъ поминая трудъ,
Тебѣ обильны движутъ во́ды,
Тебѣ, Монархъ, плодятъ народы,
Несутъ довольство всѣхъ потребъ
Что воздухъ и вода раждаетъ,
Что мягкая земля́ питаетъ,
И жизни главну крѣпость хлѣбъ.

16.

Тамъ мерзлыми шумитъ крилами
Отецъ густыхъ снѣговъ борей,
И отворяетъ ходъ межъ льдами
Дать волѣ путь въ востокъ Твоей:
Чтобъ Хины, Инды и Яппоны
Подверглись подъ Твои законы.
Тебѣ отъ вѣрной глубины
Рука́ми плещутъ во́ды бѣлы;
Ликуютъ Западны предѣлы,
Предвидя счастїе войны.

17.

Европа нынѣ восхищенна
Внимая смотритъ на Востокъ,
И ожидаетъ изумленна,
Какой опредѣлитъ ей рокъ.
То видитъ зракъ Твой предъ полка́ми
Подобный Марсу межъ врагами;
То представляетъ общей пиръ,
Отрады ради утомленныхъ,
Избавы ради раззоренныхъ,
Тобою обновленный миръ.

18.

Когда по глубинѣ невѣрной
Къ невѣдомымъ брегамъ пловецъ
Спѣшитъ по дальности безмѣрной;
И не является конецъ;
Прилѣжно смотритъ птицъ полѣты,
Въ водѣ и въ воздухѣ примѣты.
И какъ ужъ томную главу
На брегъ желанный полагаетъ,
Въ слезахъ отъ радости лобзаетъ
Песокъ и мягкую траву.

19.

Германія сему подобно
По собственной крови плыветъ,
Во время смутно, неспособно,
Конца своихъ не видитъ бѣдъ;
На Фа́росъ силъ Твоихъ взираетъ,
Къ Тебѣ доро́гу направляетъ,
Тебѣ себя въ покровъ отдать.
Въ согласіи желаетъ стройномъ,
Въ Твоемъ пристанищѣ спокойномъ,
Оливны вѣтьви цѣловать.

20.

Тогда по славнѣйшихъ побѣдахъ,
Какъ общій ускоришь покой,
Пребудешь знатнѣйшій въ сосѣдахъ,
Прехваленъ миромъ и войной.
Тогда въ трудахъ Тебѣ любезныхъ,
Россійскимъ областямъ полезныхъ,
Все время будешь провождать;
И каждой день златаго вѣку,
Коль долго можно человѣку,
Благодѣяньями вѣнчать.

21.

Когда пучину не смущаетъ
Стремленіе насильныхъ бурь,
Въ зерцалѣ жидкомъ представляетъ
Небесной ясности лазурь,
И солнце съ высоты дивится,
Что само толь глубоко зрится.
Такъ Ты, о нашихъ дней Вѣнецъ,
Во внутреннихъ грудяхъ сіяешь,
И свѣтлый ликъ изображаешь
Въ спокойной радости сердецъ.

22.

Великолѣпно облекися
Россійскій радостный Сіонъ,
Главой до облакъ вознесися:
Сампсонъ, Давидъ и Соломонъ
Въ Петрѣ тобою обладаютъ,
И Голіяфовъ презираютъ.
Сильнѣе тигровъ Онъ и львовъ,
Геройска бодрость въ немъ избранна:
Иссохнетъ на земли́ попранна
Свирѣпость зміевыхъ головъ.

23.

Голстинія возвеселися,
Что отъ Тебя цвѣтетъ нашъ Кринъ.
Ты къ мо́рю въ празднествѣ стремися,
Цвѣтущій славою Цвейтинъ.
Хотя не силенъ ты водою;
Но радостью сравнись съ Невою;
До Зунда шумъ твой распростри.
Соединенныя Россійскимъ
Поставь по берегамъ Балтійскимъ
Желаній вѣрныхъ Олтари.

24.

Спѣши, спѣши, весна златая,
Умножь отраду теплотой;
И новы вѣки начиная
Стихіи здравіемъ напой;
Вели благоухать Зефиру;
Съ Петромъ поля́ одѣнь въ Порфиру,
И всѣмъ пріятностямъ твоимъ
Подобную Екатерину
Надежды нашея причину
Снабди, снабди Плодомъ драгимъ.

*

25.

Небесъ и всѣхъ вѣковъ Зиждитель,
Источникъ всякаго добра,
Царей и Царствъ земныхъ Правитель,
Ты оправдалъ владѣть Петра
Подсолнечной великой частью,
Утѣшь Его народы властью,
Преславный вѣкъ Ему подай,
Супругѣ, Вѣтьви вожделѣнной,
И больше какъ во всей вселенной
Въ Петровѣ домѣ обитай.

LI.

ОДА

торжественная

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

всепресвѣтлѣйшей державнѣйшей

ВЕЛИКОЙ ГОСУДАРЫНѢ

ИМПЕРАТРИЦѢ

ЕКАТЕРИНѢ АЛЕКСѢЕВНѢ

самодержицѣ всероссійской

на

преславное ЕЯ восшествіе

на

всероссійскій императорскій престолъ

іюня 28 дня 1762 года.

въ изъявленіе истинной радости

и вѣрноподданнаго усердія искренняго поздравленія

приносится

отъ

всеподданнѣйшаго раба

МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА.

печатана въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ.

1.

Внемлите всѣ предѣлы свѣта,
И вѣдайте, что можетъ Богъ!
Воскресла намъ Елисавета:
Ликуетъ церьковь и чертогъ.
Она! или Екатерина!

Она изъ обоихъ едина!
Ея и бодрость и восходъ
Златой наукамъ вѣкъ восставитъ,
И отъ презрѣнїя избавитъ
Возлюбленный Россїйскїй родъ.

2.

Россїйскїй родъ, коль ты ужасенъ
Въ поляхъ противъ своихъ враговъ;
Толь домъ твой въ нѣдрахъ безопасенъ.
Ты внѣ гроза, ты внутрь покровъ.
Полки́ сражая, внѣ воюешь;
Но внутрь безъ крови торжествуешь.
Ты буря тамъ, здѣсь тишина.
Умѣренность тебѣ въ кровь бранну
Въ главу побѣдами вѣнчанну
Отъ трехъ въ сей вѣкъ Богинь дана.

3.

Петра Великаго Супруга
Взведенная самимъ на Тронъ,
Краса и честь земнаго круга
И слава скиптровъ и коронъ,
Прехраброму сему Герою
Среди пылающаго строю
Даетъ спасительный совѣтъ,
Военно сердце умягчаетъ;
И миръ прїявъ облобызаетъ
Ражженный яростью Магметъ.

4.

Елисавета царствомъ мирнымъ
Россїйскїя мягчитъ сердца́,
И какъ дыханїемъ зефирнымъ
Взираньемъ кроткаго лица́,
Вливаетъ благосклонность въ нравы,

Въ войнахъ не умаляя славы.
Возложенной себѣ вѣнецъ
Побѣдой, миромъ украшаетъ,
Трофеями превозвышаетъ
Державы своея конецъ.

5.

Въ сїи прискорбны дни природнымъ
Россїйскимъ истиннымъ сынамъ
Ослабу духомъ благороднымъ
Даетъ Екатерина намъ.
Мы кротости Богинь навыкнувъ
И въ счастье ими данно вникнувъ,
Судбину тщимся отвратить.
Ужѐ для обществу покрова,
Согласно всѣхъ душа готова
Въ Ней Дщерь Петрову возвратить.

6.

Слыхалъ ли кто изъ въ свѣтъ рожденныхъ,
Чтобъ торжествующїй народъ
Предался въ рýки побѣжденныхъ?
О стыдъ, о странной оборотъ!
Чтобъ кровью купленны Трофеи
И побѣдителей злодѣи
Прїобрѣли въ напрасной даръ,
И данную залогомъ вѣру.
Въ тебѣ Россїя нѣтъ примѣру;
И нынѣ отвращенъ ударъ.

7.

Любовь Твоя къ Екатеринѣ,
Екатеринина къ Тебѣ
Побѣду даровала нынѣ;
И Небо вѣрной сей Рабѣ,
Безъ раздробляющаго звуку,

Крѣпитъ благословенну руку
На нашихъ буйныхъ сопостатъ.
О коль видѣнїе прекрасно!
О коль мечтанїе ужасно!
Что смо́тритъ сей, что слышитъ градъ?

8.

Не мракъ ли въ облакахъ развился?
Или открылся гробъ Петровъ?
Онъ взоромъ смутенъ пробудился
И произноситъ гласъ таковъ:
„Я мертвъ терплю несносну рану!
„На то ли вселюбезну Анну
„Въ супружество Я поручилъ,
„Дабы чрезъ то Моя Россїя
„Подъ игомъ области чужїя
„Лишилась власти, славы, силъ?

9.

На то ль, чтобъ всѣ труды несчетны
„И прїобрѣтенны плоды
„Разрушились и были тщетны
„И новы возрасли бѣды?
„На то ль воздвигъ Я градъ священный,
„Дабы врагами населенный
„Россїянамъ ужасенъ былъ,
„И вмѣсто радостной столицы
„Тревожилъ дальныя границы,
„Которы Я распространилъ?

10.

О Тѣнь великая, спокойся:
Мы помнимъ тьмы Твоихъ заслугъ;
Безмолвна въ вѣчности устройся:
Твой трудъ межъ нами живъ вокругъ.
Не предадимъ Твоей любови,

Не пощадимъ послѣдней крови:
Спѣшимъ Отечество покрыть
Во слѣдъ премудрой Героинѣ,
Любезной всѣмъ Екатеринѣ,
Любезны Ей и вѣрны быть.

11.

Что чаяли вы, Невски Музы,
Въ великїй оный громкїй часъ?
„Согласны мыслей всѣхъ союзы
„Веселый возвышали гласъ!
Какъ звали ревностну присягу?
„Благословенную отвагу!
Что зрѣли какъ закрылся день?
„Намъ здѣшнїе брегá и вóлны
„Величества, прїятства полны
„Сквозь тонкую казались тѣнь!

12.

Среди избраннѣйшихъ Героевъ
„Между блистающимъ ружьемъ,
„Среди непобѣдимыхъ строевъ
„Сверкаетъ Красота мечемъ,
„И нѣжность пóла уважаетъ,
„И тою храбрость украшаетъ,
„Обѣими сердцá влечетъ.
„Всякъ видя, слѣдуя за Нею,
„Гласитъ устами и душею:
„Такъ шла на Тронъ Елисаветъ!

13.

Гряди Россїйская отрада,
Гряди желанїе сердецъ,
И буди отъ враговъ ограда,
Поставь опасностямъ конецъ;
И оправдай Елисавету,

Всему доказывая свѣту,
Что полная Тріумфовъ брань
Постыждена поноснымъ миромъ,
И сопостатъ почтенъ Кумиромъ
Отъ насъ пріемлетъ въ жертву дань.

14.

Ужѐ намъ дневное свѣтило
Свое пресвѣтлое лице
Всерадостнымъ очамъ явило
Лучей прекрасныхъ во вѣнцѣ.
Туманы, мраки разгоняя,
И радость нашу предваряя,
Поля́, лѣса́, брега́ живитъ;
Въ росѣ, въ струяхъ себя являетъ.
Ему подобный къ намъ сіяетъ
Избавившей Богини видъ.

15.

Въ удвоенномъ Петрополь блескѣ
Торжественный подъемлетъ шумъ,
При громкомъ восхищаясь плескѣ
Отрадой возвышаетъ умъ.
Взирая на свою избаву,
На мысль приводитъ прежню славу.
Въ церьквахъ, по стогнамъ, по домамъ,
Несчетно множество народу
Гремящу представляетъ воду,
Что гласъ возноситъ къ небесамъ.

16.

Теперь злоумышленье въ я́мѣ
За гордость свержено лежитъ;
Екатерина въ Божьемъ храмѣ
Съ благоговѣніемъ стои́тъ.
Хвалу на Небо воссылаетъ

И купно сердце всѣхъ пылаетъ
О цѣлости Ея и насъ;
Что Вышнїй крѣпкою десницей
Богиню намъ подавъ Царицей
Отъ гибели невинныхъ спасъ.

17.

Услышьте Судїи земные
И всѣ державные главы:
Законы нарушать святые
Отъ буйности блюдитесь вы,
И подданныхъ не презирайте,
Но ихъ пороки исправляйте
Ученьемъ, милостью, трудомъ.
Вмѣстите съ правдою щедроту,
Народну наблюдайте льготу;
То Богъ благословитъ вашъ домъ.

18.

О коль велико, какъ прославятъ
Монарха вѣрные раби!
О коль опасно, какъ оставятъ,
Отъ тѣсноты своей, въ скорби!
Внимайте нашему примѣру,
Любите ихъ, любите вѣру.
Она свирѣпости узда,
Сердца́ народовъ сопрягаетъ
И вамъ ихъ вѣрно покоряетъ,
Твердѣе всякаго щита.

19.

А вы, которымъ здѣсь Россїя
Даетъ ужѐ отъ древнихъ лѣтъ
Довольство вольности златыя,
Какой въ другихъ державахъ нѣтъ,
Храня къ своимъ сосѣдамъ дружбу

*

Позволила по вѣрѣ службу
Беспреткновенно приносить;
На то ль склонились къ вамъ Монархи
И согласились Iерархи
Чтобъ древнїй нашъ законъ вредить?

20.

И вмѣсто чтобъ вамъ быть межъ нами
Въ предѣлахъ должности своей;
Считать насъ вашими рабами
Въ противность истины вещей.
Искусство нынѣшне доводомъ,
Что было надъ Россїйскимъ родомъ
Умышлено отъ вашихъ главъ.
Къ попранью нашего закона,
Россїйскаго къ паденью Трона,
Къ рушенїю народныхъ правъ.

21.

Обширность нашихъ странъ измѣрьте,
Прочтите книги славныхъ дѣлъ,
И чувствамъ собственнымъ повѣрьте,
Не вамъ подвергнуть нашъ предѣлъ.
Исчислите тьму сильныхъ боевъ,
Исчислите у насъ Героевъ
Отъ земледѣльца до Царя
Въ судѣ, въ полкахъ, въ моряхъ и въ селахъ,
Въ своихъ и на чужихъ предѣлахъ
И у святаго олтаря.

22.

О коль Монархъ благополученъ,
Кто знаетъ Россами владѣть!
Онъ будетъ въ свѣтѣ славой звученъ
И всѣхъ сердцá въ рукѣ имѣть.
Тебя толь счастливу считаемъ,

Богиня, въ коей признаваемъ
Въ единой всѣ доброты вдругъ,
Щедроты, вѣру, справедливость
И съ постоянствомъ прозорливость
И истинной Геройской духъ.

23.

Осмнатцать лѣтъ Ты украшала
Благословенный домъ Петровъ.
Елисаветѣ подражала
Въ Монаршихъ высотѣ даровъ.
Освобождая утѣсненныхъ,
И ободряя оскорбленныхъ,
Склонила высоту небесъ
Отъ злой судьбы Тебя избавить,
Надъ нами царствовать поставить
И отереть намъ токи слезъ.

24.

Науки нынѣ торжествуйте:
Взошла Минерва на Престолъ.
Пермесски воды ликовствуйте,
Шумя крутитесь въ злачный долъ.
Вы въ рѣки и въ моря́ спѣшите,
И нашу радость возвѣстите
Лугамъ, горамъ и островамъ:
Скажите, что для просвѣщенья
Повсюду утвердитъ ученья,
Создавъ прекрасны храмы вамъ.

25.

А Ты, о Отрасль вожделѣнна,
Спасенная отъ сильныхъ рукъ,
Будь жизнь Твоя благословенна,
Прекрасна посредѣ наукъ;
Дражайшїй Павелъ нашъ, мужайся

Въ объятьяхъ Рождшей утѣшайся
И бывши скорби забывай.
Она всѣ бури успокоитъ;
Щедротой, ревностью устроитъ
Тебѣ и намъ прекрасный рай.

26.

Герои храбры и усерды,
Которымъ промыслъ положилъ
Пріять намѣренія тверды
Противу беззаконныхъ силъ,
Въ защиту нашей Героинѣ,
Красуйтесь, веселитесь нынѣ:
На васъ лавровые вѣнцы
Въ несчетны вѣки не увянутъ,
Доколѣ Россы не престанутъ
Гремѣть въ подсолнечной концы.

LII.

Блаженство Общества всядневно возрастаетъ;
Монархиня труды къ трудамъ соединяетъ.
Стараясь о добрѣ великихъ намъ отрадъ,
О воспитанїи печется малыхъ чадъ;
Дабы, что въ отчествѣ оставлено презрѣнно,
Прїобрѣло ему сокровище безцѣнно;
И чтобъ изъ тяжкаго для Общества числа
Воздвигнуть съ нравами похвальны ремесла.
Рачители добра грядущему потомству!
Внемлите съ радостью полезному питомству:
Похвально дѣло есть убогихъ призирать,
Сугуба похвала для пользы воспитать:
Натура то гласитъ, повелѣваетъ вѣра.
Внемлите важности Монаршаго примѣра:
Екатерина васъ предводитъ къ чести сей,
Спѣшите щедростью, какъ вѣрностью за Ней.

LIII.

(Изъ Лукреція.)

Желѣзо, злато, мѣдь, свинцова крѣпка сила,
И тягость серебра тогда себя открыла,
Какъ сильной огнь въ горахъ сжигалъ великой лѣсъ;
Или на тѣ мѣста ударилъ громъ съ небесъ;
Или противъ враговъ народъ готовясь къ бою,
Чтобъ ихъ огнемъ прогнать, въ лѣсахъ далъ волю зною:
Или чтобъ тучность дать чрезъ пепелъ древъ полямъ,
И чистой лугъ открыть для пажити скотамъ:
Или причина въ томъ была еще иная,
Владѣла лѣсомъ тамъ пожара власть, пылая.
Съ великимъ шумомъ огнь коренья древъ палилъ;
Тогда въ глубокой долъ лились ручьи изъ жилъ,
Желѣзо и свинецъ и серебро топилось,
И съ мѣдью золото въ пристойны рвы катилось.

LIV.

ОДА

ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШЕЙ ДЕРЖАВНѢЙШЕЙ

ВЕЛИКОЙ ГОСУДАРЫНѢ

ИМПЕРАТРИЦѢ

ЕКАТЕРИНѢ АЛЕКСѢЕВНѢ

САМОДЕРЖИЦѢ ВСЕРОССІЙСКОЙ,

КОТОРОЮ

ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО

ВЪ НОВЫЙ 1764 ГОДЪ

ВСЕНИЖАЙШЕ ПОЗДРАВЛЯЕТЪ

ВСЕПОДДАННѢЙШІЙ РАБЪ

МИХАЙЛО ЛОМОНОСОВЪ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

ПЕЧАТАНА ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ОДА.

1.

Пою наставшій годъ: онъ славенъ,
Онъ будетъ красота вѣковъ,
Твоимъ намѣреніямъ равенъ,
Богиня, радость и покровъ!
Необинуясь предвѣщаю,
Что гласъ мой править поручаю
Послушницѣ Твоей судьбѣ;
И можноль чтобы наши лѣта
Россійскаго отрадѣ свѣта
Не уподобились Тебѣ?

2.

Геройскихъ подвиговъ хранитель
И проповѣдатель Парнассъ,
Временъ и рока побѣдитель,
Возвыси нынѣ свѣтлый гласъ,
Приближи къ небесамъ вершины;
И для похвалъ Екатерины,
Какъ наша радость расцвѣтай.
Шуми ручьями съ гласомъ Лиры,
Бореи преврати въ Зефиры,
Представь зимой въ полнощи рай.

3.

Среди торжественнаго звуку
О ревности моей увѣрь,
Что нынѣ чтя Петрову Внуку,
Пою, какъ пѣлъ Петрову Дщерь.
Ни моего преклонность вѣка
Что слабитъ духъ у человѣка,
Ниже гонящій въ гробъ недугъ,
Ниже завистьливы злодѣи,
Чрезъ вредны воспятятъ затѣи
Почтительный къ Монархамъ духъ.

4.

Усыновленна Добродѣтель
Россійскій украшаетъ свѣтъ,
Тому начало и свидѣтель
Избраніемъ Елисаветъ.
Усердіе всего народа
Крѣпитъ, какъ кровная природа.
О Скиптръ, Вѣнецъ, о Тронъ, Чертогъ,
Сужденны вновь Екатеринѣ,
Красуйтесь о второй Богинѣ!
Той Петръ вручилъ, Сей ввѣрилъ Богъ!

5.

Самъ Богъ ведетъ, и кто противу?
Кто ходъ его остановитъ?
Какъ Океанскихъ водъ разливу
На встрѣчу кто поставитъ щитъ?
Гдѣ звуки? гдѣ огни и страхи?
Гдѣ, гдѣ всегдашнїй дымъ и прахи?
Въ нихъ Вышнїй не благоволилъ!
Въ свою не принялъ благостыню;
Но щедря кротку Героиню,
Покрылъ, воздвигъ, вѣнцемъ почтилъ.

6.

Превыше облакъ восходящїй
Недвижно зритъ отъ звѣздъ Атлантъ
На вихръ въ подножїяхъ шумящїй;
Такъ блещущїй Ея талантъ,
Души и тѣла красотою
Надъ мрачною налоговъ мглою
Въ лучахъ небесныхъ вознесенъ,
Туманы, бури презираетъ,
И дни нестройны премѣняетъ
На ясность радостныхъ временъ.

7.

О Ты пресвѣтлый предводитель
Отъ вѣчности текущихъ лѣтъ,
Цвѣтущихъ, дышущихъ живитель,
Ты око и душа планетъ,
Позволь ко твоему мнѣ дому,
Ко храму твоему златому,
Позволь приближившись возрѣть.
Уже изъ свѣтлыхъ вратъ Сафирныхъ
Направилъ коней ты Ефирныхъ,
Ржутъ, топчутъ твердь, спѣшатъ летѣть.

*

8.

Ты съ новымъ торжествуя годомъ,
Между блистающихъ колесъ
Лазуревымъ пустился сводомъ,
Течешь на крутизну небесъ;
Стремясь къ прїятствамъ вешней нѣги,
Одолѣваешь зиму, снѣги.
Таковъ Екатерининъ нравъ,
Народну грубость умягчаетъ
И всѣхъ къ блаженству приближаетъ
Теченьемъ обновленныхъ правъ.

9.

Потóмъ сильнѣйшими лучами
Сїяя въ бóльшей высотѣ,
Прольешь источники полями
Въ цвѣтущихъ злаковъ красотѣ,
Листами увѣнчаешь лѣ́сы;
Въ кустахъ кругомъ младой Цересы
Возбудишь сладкогласныхъ птицъ.
Туда растущимъ селъ богатствомъ,
Туда ты привлечешь прїятствомъ
Поющихъ юношъ и дѣвицъ.

10.

Екатеринины доброты
Сїяли къ намъ изъ мрачныхъ тучь;
Но больше тѣмъ Ея щедроты
Чѣмъ выше и яснѣе лучь:
Державы своея весною
Къ довольству, славѣ и покою
Обильно сыплетъ сѣмена,
Печется, ограждаетъ, грѣетъ.
О коль богатый плодъ поспѣетъ
Въ тебѣ, Россїйская страна!

11.

Когда съ превыспреннихъ несносной
Приближится на землю жаръ;
То дождь прольетъ намъ плодоносной
Поднявъ, сгустивъ во облакъ паръ.
Умѣришь тѣмъ прекрасно лѣто,
Какъ сердце Росское нагрѣто
Екатерининымъ лучемъ.
Ты сладостной росой прохладу,
Она щедротою отраду
Подастъ и удовольство всѣмъ.

12.

Украсить тщась лице земное,
Ночную сокращаетъ тѣнь;
Она о подданныхъ покоѣ
Печется, ночь вмѣняя въ день.
Россїяне, народъ послушной
Монархинѣ великодушной,
Примѣромъ неусыпныхъ пчелъ
Въ трудахъ Царицѣ подражайте,
И сладость счастья умножайте
Успѣхами полезныхъ дѣлъ.

13.

Ужѐ по изобильномъ лѣтѣ
Достигнетъ Солнце, гдѣ Вѣсы
Равняютъ день и ночь на свѣтѣ
И слѣдомъ лѣтнїя красы
Приспѣетъ по трудахъ отрада,
Какъ сладостной изъ винограда
Потоками прольется сокъ.
Тогда дыханїя способны
Съ богатствомъ въ пристани удобны
Поставятъ корабли на срокъ.

14.

Я слышу Нимфъ поющихъ гласы
Носящихъ сладкїе плоды,
Тамъ въ гумнахъ чистятъ тучны класы:
Шумятъ огромныя скирды.
Среди охотничей тревоги
Лѣсами раздаются роги,
Въ покоѣ представляя брань.
Сїе Богинѣ несравненной
Въ избытокъ принесутъ осенной
Земля, вода, лѣсъ, воздухъ дань.

15.

Въ сїи часы благословенны,
Когда Всевышнїй оградилъ
Помазаньемъ Твой верхъ священный,
И славою вѣнца покрылъ,
Когда по ожиданьи многомъ
Снабдилъ дражайшимъ насъ залогомъ,
Младаго Павла даровавъ;
Какого мы добра представить
Не можемъ и Творца прославить
Толикїе дары прїявъ.

16.

На тронъ взошла Екатерина
Не токмо чтобъ Себя спасти
Отъ бѣдъ, что ближила судьбина,
Но чтобъ Россїянъ вознести.
Предвидя общїя напасти,
Чѣмъ угрожали вредны страсти,
Готова съ нами пострадать,
Чрезъ отмѣнитое Геройство
Себѣ и намъ дала спокойство,
Какъ истинная чадамъ Мать.

17.

Блаженны мы, что Ей послушны:
Покорность наша къ счастью путь!
О вы страны единодушны,
Согласїемъ едина грудь
Обыкши жить въ Монаршей волѣ,
Ликуйте: Правда на престолѣ
И Ей премудрость присѣдитъ,
Небесными блеснувъ очами,
Богини Нашея устами
Законы вѣчные гласитъ.

18.

Притчей, гл. 8.

Цвѣтутъ во славѣ мною Царства,
„И пишутъ правой судъ Цари;
„Гнушаясь мерзостью коварства,
„Рѣшу нелицемѣрно при.
„Могу дѣла исчислить задни,
„И что раждается повсядни;
„О будущемъ предвозвѣщу;
„Мои полезны всѣмъ совѣты;
„Отъ чтителей моихъ навѣты
„Предупреждая отвращу.

19.

Господь творенїя начало
„Премудростїю положилъ;
„При мнѣ впервые воссїяло
„На тверди множество свѣтилъ;
„И въ нѣдрахъ неизмѣрной бездны
„Назначилъ словомъ бѣги звѣздны.
„Со мною солнце онъ возжегъ,
„Въ стихїяхъ прекратилъ раздоры,
„Унизилъ долъ, возвысилъ гóры,
„И предписалъ пучинѣ брегъ.

20.

Премудрый гласъ сей Соломоновъ,
Монархиня, сей гласъ есть Твой,
Пребудетъ твердь Твоихъ законовъ
Ограда истины святой.
Онъ предварилъ Тебя вѣками,
Превзойдешь Ты его дѣлами,
Въ чемъ власть господствуетъ ума,
По ясныхъ знанїя восходахъ
Въ повѣренныхъ Тебѣ народахъ
Невѣжества исчезнетъ тьма.

21.

Твой трудъ для насъ обогащенье,
Мы чтимъ стѣною подвигъ Твой;
Твой разумъ наше просвѣщенье,
И неусыпность нашъ покой.
О Пиндаръ; естьлибъ въ оны вѣки
Подъ сею властью жили Греки,
То бъ пѣлъ ты о своихъ Богахъ,
Что могутъ завсегда въ забавѣ,
Не мысля о земной управѣ,
Свой Нектаръ пить на Небесахъ.

22.

Какїе представляетъ виды
Отрадой восхищенный умъ?
Не вы, угрюмые Друиды,
Не мрачной лѣсъ, не грозной шумъ;
Не изъ дымящейся пещеры
Звѣреобразны изувѣры
Даютъ глухимъ вытьемъ отвѣтъ;
Ко мнѣ пророчицы согласны
Кастальскїя сестры прекрасны
Съ Парнасса льютъ и гласъ и свѣтъ.

23.

Смотри, смотри, внимай, вѣщаютъ,
„Въ обширны Росскïе края,
„Гдѣ сильны рѣки протекаютъ,
„Народы многïе поя,
„Изъ нихъ чрезъ горъ хребты высоки
„Прольются новые потоки
„Екатерининой рукой,
„Дабы чрезъ сочетанны вóды
„Другъ другомъ пользуясь народы,
„Размножили избытокъ свой.

24.

Дабы сердецъ какъ струй союзы
„Удобный намъ отверзли ходъ,
„Дабы усердныя мы Музы
„Повсюду приносили плодъ.
„И се Богиня несравненна
„Возлюбленна и просвѣщенна
„Сïяетъ радостнымъ лицемъ,
„Обитель нашу посвящаетъ
„И дверь ученьямъ отверзаетъ
„Во всемъ владычествѣ Своемъ.

25.

На полночь кажетъ Уранïя:
„Се здѣсь сквозь холмы льдовъ, сквозь градъ
„Руно златое взять Россïя
„Денницы достигаетъ вратъ;
„Язоны, Тифсы и Алкиды,
„Въ Россïйской волю Амфитриды
„Отдавшись какъ въ способной вѣтръ,
„Препятства, страхи презираютъ
„И счастьемъ Павловымъ кончаютъ,
„Чево желалъ великïй Петръ.

26.

Озрися на страну десную,
„Гдѣ напыщенный исполинъ
„Сѣдитъ и чаетъ, что земную
„Рукою держитъ власть единъ;
„Толстыми окруженъ стѣнами
„И отдаленными морями
„Въ ничто вмѣняетъ протчей свѣтъ;
„Не зная что обширны силы
„Безъ храбраго искусства гнилы,
„Какимъ Европы край цвѣтетъ.

27.

Китай предупреждая бѣдство
„Не тратя времени блюдись
„Гордыней раздражить сосѣдство,
„И гнѣву Росскаго страшись.
„Бесплодны степи и пустыя
„И тучи стрѣлъ твоихъ густыя
„Послужатъ въ неизбѣжной стыдъ.
„И сей послушный нашъ любитель
„Каковъ твой бѣгъ и побѣдитель
„Съ Парнасса свѣту возвѣститъ.

28.

Сїи желанїя сердечны
Героевъ духъ и судъ небесъ
Исполнитъ и поставитъ вѣчны.
Въ надеждѣ таковыхъ чудесъ
Россїя окомъ умиленнымъ
И сердцемъ въ счастьѣ услажденнымъ
Какой въ восторгѣ кажетъ видъ!
Взирая какъ на нѣжны Крины
Въ объятїяхъ Екатерины
Младому Павлу говоритъ.

29.

О ты цвѣтущая отрада,
„О вѣрность чаянїй моихъ
„Тебя родила мнѣ Паллада
„Для продолженья дней златыхъ;
„О плодъ Божественныя крови
„Расти, крѣпись въ Ея любови,
„Во слѣдъ трудовъ Ея взирай,
„Какъ съ радостью носить державу
„Хранить свою съ моею славу
„Ея примѣрамъ подражай.

30.

О чада ревностны, усерды,
„Славеновъ въ свѣтѣ славный родъ,
„О корень вѣрностїю твердый,
„Владѣтель многихъ царствъ и водъ,
„Покрытый орлими крылами,
„Украшенный Ея дѣлами,
„Чѣмъ долгъ Богинѣ возвратить?
„Въ трудахъ полезныхъ обращайся,
„Въ сей годъ и завсегда старайся
„Достоинства Ея почтить.

31.

Таланъ высокое рожденье,
Дала натура красоту,
Елисавета присвоенье,
Какъ небо духа высоту,
Планета быть любезной миру,
Судьба Корону и Порфиру;
Чтожъ, Россы, посвятимъ Ей въ даръ?
За нашъ покровъ, за царство стройно
Что можемъ принести достойно?
Усердїя безсмертный жаръ!

*

32.

Катитесь щастливы свѣтила
Во весь Екатеринин вѣкъ;
Живительная ваша сила
Съ пріятностью Едемскихъ рѣкъ
Вливайся въ сердце Ей и въ члены
И въ очи духомъ ободренны
И на прекрасное чело:
Чтобъ здравіе Ея безцѣнно
Для нашей пользы безпремѣнно
Какъ вѣчная весна цвѣло!

LV.

Геройство съ кротостью, съ премудростью щедроты,
Соединенныя Монаршески доброты,
Въ благоговѣнїи, въ восторгѣ зритъ сей домъ,
Рожденнымъ отъ наукъ усердствуя плодомъ.
Блаженства новаго и дней златыхъ причина
Великому Петру во слѣдъ Екатерина
Величествомъ Своимъ снисходитъ до наукъ,
И славы праведной усугубляетъ звукъ.
Коль счастливъ, что могу быть въ вѣчности свидѣтель,
Богиня, коль Твоя велика добродѣтель!

LVI.

О небо не лишай меня очей и слуха,
Отдай мнѣ ихъ: я въ путь спѣшу стремленьемъ духа.
Блаженъ кто зритъ чудясь Монарши дива въ васъ
Блаженъ кто слышитъ вашъ, Екатерина, гласъ
Пріятной / Любимой) быть, владѣть судьба васъ одарила,
Но перваго во мнѣ чувствительнѣе сила
Въ восторгъ вашъ бодрой духъ премудраго ведетъ;
Онъ быть бы тѣмъ престалъ предъ вашъ поставленъ свѣтъ.

LVII.

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ

МИЛОСТИВОМУ ГОСУДАРЮ ГРАФУ

ГРИГОРЬЮ ГРИГОРЬЕВИЧУ

ОРЛОВУ

ОТЪ АРМІИ ГЕНЕРАЛУ ПОРУТЧИКУ

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

ГЕНЕРАЛУ АДЪЮТАНТУ, ДѢЙСТВИТЕЛЬНОМУ КАММЕР-
ГЕРУ, ЛЕЙБГВАРДІИ КОННАГО ПОЛКУ ПОДПОЛКОВНИКУ,
КАВАЛЕРГАРДСКАГО КОРПУСА ПОРУТЧИКУ, КАНЦЕ-
ЛЯРІИ ОПЕКУНСТВА ИНОСТРАННЫХЪ ПРЕЗИДЕНТУ,

ОРДЕНОВЪ

СВЯТАГО АПОСТОЛА АНДРЕЯ, СВЯТАГО АЛЕКСАНДРА
НЕВСКАГО И СВЯТЫЯ АННЫ КАВАЛЕРУ,

НА БЛАГОПОЛУЧНОЕ ВОЗВРАЩЕНІЕ

ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА

ИЗЪ ЛИФЛЯНДІИ

ПОЗДРАВИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО

ОТЪ СТАТСКАГО СОВѢТНИКА И ПРОФЕССОРА

МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА,

СЪ РУДИЦКИХЪ ЗАВОДОВЪ.

ІЮЛЯ 19 ДНЯ, 1764 ГОДА.

ПЕЧАТАНО ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Любитель чистыхъ Музъ, Защитникъ ихъ трудовъ,
О взоромъ, бодростью и мужествомъ Орловъ,
Позволь простерть имъ гласъ изъ мѣстъ уединенныхъ
На встрѣчу, гдѣ отъ странъ Богиня оживленныхъ

Всѣхъ щедря и любя, спѣшитъ къ Невы струямъ,
Отрады обновить, покой умножить намъ;
Гдѣ Ты усердїе и вѣрность къ Ней являешь,
И сродно съ именемъ, раченьемъ возлѣтаешь,
Предвидишь издали благоугодность Ей,
Минервѣ тысящи достойной олтарей.

Куда ни поспѣшатъ стопы Ея достигнуть,
Тамъ должно храмы въ честь для вѣчности воздвигнуть.
Лишь только начнется пребыстрыхъ мыслей бѣгъ,
Предводитъ польза ихъ и слѣдуетъ успѣхъ.
Стократно счастливы Ея подъ кровомъ нивы,
Гдѣ лавры собралъ Петръ, Она садитъ оливы.
Возносятъ грады тамъ въ веселїи главы;
О какъ красуетесь Балтиски бреги, вы!
Тритоны съ Нимфами тамъ громко восклицаютъ
И Амфитриты путь Россїйской прославляютъ.
Кронштатскихъ вобразивъ за лѣто шумъ валовъ,
Какъ радовались тѣ схожденїю Боговъ,
Екатеринину приходу въ длани плещутъ;
Торжественны огни среди нѣдръ влажныхъ блещутъ.
Сугубымъ ревомъ тамъ и пѣною порогъ
Стремится къ низу, чтя Монаршихъ святость ногъ.
Противны нѣкогда, но нынѣ Россамъ святы
Ликуютъ въ торжествѣ Ливонскїе раскаты.
Крутится веселясь въ струяхъ своихъ Двина,
Отрадой болѣе какъ влагою полна.
Не страшны тамъ отвнѣ грозящи исполины:
Крѣпитъ премудрыя рука Екатерины.
Для безопасности обильныхъ Росскихъ нѣдръ
Хранитъ Преемница, что тамъ устроилъ Петръ.

Крѣпитъ на западѣ, въ востокъ распространяетъ,

Судьба широ́ки гдѣ врата Ей отверзаетъ,
Народы многїе сыскавъ, отъ зла покрыть,
И знанїемъ добра и пользы просвѣтить.

Здѣсь тверды крѣпости, здѣсь пристани и флоты,
Прибѣжище своимъ, и отъ враговъ оплоты.
Снаряды значатъ всѣ противнымъ страхъ, не вредъ,
И въ безопасности чтобъ мирной былъ сосѣдъ.
Въ покоѣ богатить Монархиня насъ мыслитъ,
Что общее добро своимъ довольствомъ числитъ,
Во всемъ Отечествѣ поставить правый судъ
И щедро награждать усердныхъ вѣрный трудъ,
Блаженство подданныхъ возвысить чрезъ науки,
Наградой ободрять художественны руки;
Спасать несчастливыхъ, счастли́выхъ умножать,
И быть рабовъ своихъ возлюбленная Мать.

Подобно какъ весны благопрїятно время
Живитъ по всей земли и въ морѣ всяко племя,
Владычица красотъ, натуры щедра дщерь,
Когда богатствъ своихъ отверзетъ только дверь;
Зефиры нѣжные на воздухъ вылѣтаютъ,
Утѣху, здравїе, повсюду разливаютъ,
И пчелы пестрыя сосутъ въ лугахъ цвѣты́,
Збирая сладостны себѣ и намъ соты́;
Поля, стада, лѣса даютъ вездѣ надежду
Готовя намъ покровъ и пищу и одежду;
И все, что видимо въ богатомъ естествѣ,
Живетъ и движется въ трудѣ и въ торжествѣ:
Неиначе народъ въ блаженствѣ успѣваетъ,
Что просвѣщенная Богиня покрываетъ,
Въ числѣ Монаршескихъ считаетъ вящихъ дѣлъ
Внутрь области снабдить и укрѣпить предѣлъ.

Се слава по путямъ Ливонскимъ разглашаетъ:
Монархиня лицемъ къ Петрополю сїяетъ.
Въ восторгѣ онъ принявъ желаемый сей слухъ,
Отъ чистыхъ Невскихъ струй возводитъ взоръ и духъ,
И Солнца своего привѣтствуетъ восходу,
Откуду блещетъ свѣтъ Россїйскому народу.
Желанїя во всѣхъ, какъ тихихъ волнъ игра,
Прїемлющихъ лучи чистѣйшїе сребра,
Повсюду блещущихъ отъ одного свѣтила;
Такъ дѣйствуетъ въ сердцахъ добротъ Монаршихъ сила!

Я зрю здѣсь въ радости довольствїй общихъ видъ,
Гдѣ Рудица, вьючись сквозь каменья, журчитъ,
Гдѣ дѣйствуетъ вода, гдѣ дѣйствуетъ и пламень,
Чтобы составить мнѣ, или превысить камень,
Для сохраненїя Геройскихъ славныхъ дѣлъ,
Что долгъ къ Отечеству изобразить велѣлъ.
Гдѣ Дщерь Петрова мнѣ щедротною рукою
Награду воздала между трудовъ къ покою,
Трудовъ, что ободрилъ Екатерининъ гласъ,
И взоръ жизнь нову влилъ, и воскресилъ Парнассъ!

Онъ будетъ сихъ даровъ бессмертный проповѣдникъ.
А Ты, о храбрыхъ дѣлъ отеческихъ Наслѣдникъ,
Что знаешь съ мужествомъ прїятность сопрягать,
Блюсти Величество и подданныхъ спасать,
Великїя дѣла соединять къ отрадѣ,
И Марсу слѣдовать и угождать Палладѣ,
Блаженъ родитель*) Твой такихъ намъ давъ Сыновъ,

---

*) Григорей Ивановичь Орловъ, служилъ Генераломъ Маїоромъ и потомъ Новогородскимъ Губернаторомъ, съ общею отъ всѣхъ похвалою. Въ бывшую при Государѣ блаженныя памяти Императорѣ Петрѣ Великомъ Шведскую и Турецкую войну,

Не именемъ однѣмъ но свойствами Орловъ.
Онъ храбростью Петру усердствовалъ на брани;
Ты вѣрны Отчеству распростирая длани,
Екатерининъ рокъ и общей отвратилъ,
Покой и вѣкъ златой наукамъ обновилъ:
Ликуютъ Сѣверны страны въ премудрой волѣ,
Что правда съ кротостью сїяетъ на Престолѣ.
О коль прекрасны дни! о коль любезна Власть!
Герой, мы должны въ томъ Тебѣ велику часть!

находился на всѣхъ баталїяхъ, и за отличную его храбрость и претерпѣнныя раны почтенъ былъ отъ Государя золотою цѣпью и портретомъ Его Величества. Родъ Орловыхъ происходитъ отъ древнихъ дворянъ Германскихъ изъ Польской Пруссїи.

*

LVIII.

На Сарское Село.

Луга, кустарники, прїятны высоты,
Примѣръ и образецъ Едемской красоты,
Достойно похвалить я нынѣ васъ желаю,
Но выше почему почтить, еще не знаю.
Не тѣмъ ли что вездѣ прїятности въ садахъ
И нѣжны Зеѳиры роскопiствуютъ въ цвѣтахъ?
Или что ради васъ художествъ славныхъ сила
Возможность всю свою и хитрость истощила?
Или что мещетъ съ васъ златая блескъ гора,
Откуда видимъ градъ Великаго Петра?
Гора, или то домъ Богамъ земнымъ пристойной,
Къ отдохновенїю Величества спокойной?
Всѣхъ больше краситъ сей Екатерина край:
При Ней здѣсь вѣкъ златой и расцвѣтаетъ рай;
Она всѣ красоты присудствомъ оживляетъ,
Какъ свѣтъ добротами и славой восхищаетъ.

LIX.

АНАКРЕОНЪ.

Мнѣ пѣть было о Троѣ,
О Кадмѣ мнѣ бы пѣть,
Да гусли мнѣ въ покоѣ
Любовь велятъ звенѣть.
Я гусли со струнами
Вчера перемѣнилъ,
И славными дѣлами
Алкида возносилъ;
Да гусли поневолѣ
Любовь мнѣ пѣть велятъ,
О васъ, герои, болѣ,
Прощайте, не хотятъ.

ЛОМОНОСОВЪ.

Мнѣ пѣть было о нѣжной,
Анакреонъ, любви;
Я чувствовалъ жаръ прежней
Въ согрѣвшейся крови,
Я бѣгать сталъ перстами
По тоненькимъ струнамъ,
И сладкими словами
Послѣдовать стопамъ.

Мнѣ струны поневолѣ
Звучатъ геройскій шумъ.
Не возмущайте болѣ,
Любовны мысли, умъ.
Хоть нѣжности сердечной
Въ любви я не лишенъ,
Героевъ славой вѣчной
Я больше восхищенъ.

АНАКРЕОНЪ.

Когда бы намъ возможно
Жизнь было продолжить,
То сталъ бы я не ложно
Сокровища копить,
Чтобъ смерть въ мою годину,
Взявъ деньги, отошла,
И за откупъ кончину
Отсрочивъ, жить дала.
Когда же я то знаю,
Что жить положенъ срокъ,
Начто крушусь, вздыхаю,
Что мзды скопить не могъ!
Не лучшель безъ терзанья
Съ пріятельми гулять,
И нѣжны воздыханья
Къ любезной посылать!

ЛОМОНОСОВЪ.

Анакреонъ, ты вѣрно
Великій философъ:
Ты дѣломъ равномѣрно
Своихъ держался словъ,

Ты жилъ по тѣмъ законамъ,
Которые писалъ:
Смѣялся забобонамъ,
Ты пѣть любилъ, плясалъ.
Хоть въ вѣчность ты глубоку
Не чаялъ больше быть,
Но славой послѣ року
Ты могъ до насъ дожить.
Возьмите прочь Сенеку:
Онъ правила сложилъ
Не въ силу человѣку,
И кто по онымъ жилъ?

АНАКРЕОНЪ.

Мнѣ дѣвушки сказали:
„Ты дожилъ старыхъ лѣтъ“,
И зеркало мнѣ дали:
„Смотри, ты лысъ и сѣдъ“.
Я не тужу ни мало,
Ещель мой волосъ цѣлъ,
Иль темя гладко стало,
И весь я побѣлѣлъ.
Лишь въ томъ могу божиться,
Что долженъ старичокъ
Тѣмъ больше веселиться,
Чѣмъ ближе видитъ рокъ.

ЛОМОНОСОВЪ.

Отъ зеркала сюда взгляни, Анакреонъ,
И слушай, что ворчитъ нахмурившись Катонъ:
„Какую вижу я сѣдую обезьяну,
Не злость ли адская, такой оставя шумъ,

От ревности на смѣхъ склонить мой хочетъ умъ?
Однако я за Римъ, за вольность твердо стану,
Мечтаніями я такими не смущусь,
И симъ отъ Кесаря кинжаломъ свобожусь".
Анакреонъ, ты былъ роскошенъ, веселъ, сладокъ,
Катонъ старался ввесть въ республику порядокъ;
Ты вѣкъ въ забавахъ жилъ, и взялъ свое съ собой,
Его угрюмствомъ въ Римъ не возвращенъ покой;
Ты жизнь употреблялъ какъ временну утѣху,
Онъ жизнь пренебрегалъ къ республики успѣху;
Зерномъ твой отнялъ духъ пріятный виноградъ,
Ножемъ онъ самъ себѣ былъ смертный супостатъ;
Беззлобна роскошь въ томъ была тебѣ причина,
Упрямка славная была ему судьбина.
Несходства чудны вдругъ и сходства понялъ я:
Умнѣе кто изъ васъ, другой будь въ томъ судья.

АНАКРЕОНЪ.

1.

Мастеръ въ живопиствѣ первой,
Первой въ Родской сторонѣ,
Мастеръ, наученъ Минервой,
Напиши любезну мнѣ.
Напиши ей кудри чорны,
Безъ искусныхъ рукъ уборны,
Съ благовоніемъ духовъ,
Буде способъ есть таковъ.

2.

Дай изъ розъ въ лице ей крови,
И какъ снѣгъ представь бѣлу,
Проведи дугами брови
По высокому челу;

Не сведи одну съ другою,
Не разставь ихъ межъ собою,
Здѣлай хитростью своей,
Какъ у дѣвушки моей.

3.

Цвѣтъ въ очахъ ея небесный,
Какъ Минервинъ, покажи,
И Веверинъ взоръ прелестный
Съ тихимъ пламенемъ вложи;
Чтобъ уста безъ словъ вѣщали
И пріятствомъ привлекали,
И чтобъ ихъ безгласна рѣчь
Показалась медомъ течь.

4.

Всѣхъ пріятностей затѣи
Въ подбородокъ умѣсти,
И кругомъ прекрасной шеи
Дай лилеямъ разцвѣсти,
Въ коихъ нѣжности дыхаютъ,
Въ коихъ прелести играютъ,
И по множеству отрадъ
Водятъ усумнѣнный взглядъ.

5.

Надѣвай же платье ало,
И не тщись всю грудь закрыть,
Чтобъ ея увидѣвъ мало,
И о прочемъ разсудить.
Коль изображенье мочно,
Вижу здѣсь тебя заочно,
Вижу здѣсь тебя, мой свѣтъ:
Молви жъ, дорогой портретъ.

ЛОМОНОСОВЪ.

6.

Ты счастливъ сею красотою
И мастеромъ, Анакреонъ;
Но счастливѣй ты собою
Чрезъ прїятный лиры звонъ.
Тебѣ я нынѣ подражаю,
И живописца избираю,
Дабы потщился написать
Мою возлюбленную Мать.

7.

О мастеръ въ живописствѣ первой,
Ты первой въ нашей сторонѣ,
Достоинъ быть рожденъ Минервой,
Изобрази Россїю мнѣ.
Изобрази ей возрастъ зрѣлый
И видъ въ довольствїи веселый,
Отрады ясность по челу,
И вознесенную главу.

8.

Потщись представить члены здравы,
Какъ должны у Богини быть;
По плечамъ волосы кудрявы
Признакомъ бодрости завить;
Огонь вложи въ небесны очи
Горящихъ звѣздъ въ срединѣ ночи,
И брови выведи дугой,
Что кажетъ послѣ тучъ покой.

9.

Возвысь сосцы, млекомъ обильны,
И чтобъ созрѣвша красота
Являла мышцы, руки сильны;
И полны живости уста
Въ бесѣдѣ важность обѣщали,
И такъ бы слухъ нашъ ободряли,
Какъ чистый голосъ лебедей,
Коль можно хитростью твоей.

10.

Одѣнь, одѣнь ее въ порфиру,
Дай скипетръ, возложи вѣнецъ,
Какъ должно ей законы миру
И распрямъ предписать конецъ.
О коль изображенье сходно,
Красно, любезно, благородно!
Великая промолви Мать,
И повели войнамъ престать.

LX.

Оставь, смущенный духъ, презрѣнїе суетъ,
И представляй себѣ благополучнымъ свѣтъ.
Смотри, коль ясный день среди его сїяетъ,
И о́чи и сердца и мысли восхищаетъ.
Ты въ близости его межъ множествомъ отрадъ:
Тамъ волны, тамъ ключи, тамъ древъ листы шумятъ,
У храма, у цвѣтовъ, у счастливаго лѣса,
Ты видишь щедру Дщерь Россїйскаго Зевеса.
Минерва по всему: въ ней всѣхъ добротъ союзъ
Привѣтствуетъ Парнассъ и похваляетъ музъ.
О вселюбезный Гласъ, животворяще Слово!
Я чувствую къ стопамъ въ себѣ стремленье ново.
Коль сильно Ипокренъ въ Россїи потечетъ,
Когда напишется надъ нимъ Елисаветъ!

LXI.

Фортуну вижу я въ тебѣ или Венеру,
И древняго дивлюсь художества примѣру.
Богиня по всему, котора ты ни будь.
Ты руку щедрую потщилась протянуть —
Когда Венера ты, то признаю́ готову
Любителю наукъ и знанїй Воронцову
Златое яблоко отдать за доброту,
Что присудилъ тебѣ Парисъ за красоту.
Когдажъ Фортуна ты, то вѣрю несумнѣнно,
Что счастїе его пребудетъ непремѣнно;
Что такъ недвижно ты установила кругъ,
Коль истиненъ патронъ и коль онъ вѣренъ другъ.

LXII.

Бугристы берега, благопрїятны влаги,
О горы съ гроздами, гдѣ грѣетъ югъ ягнятъ.
О грады, гдѣ торги, гдѣ мозгокружны браги,
И деньги, и гостей, и годы ихъ губятъ.
Драгїе ангелы, пригожїя богини,
Бѣгущїя всегда отъ гадкїя гордыни,
Пугливы голуби изъ мягкаго гнѣзда,
Угодность съ нѣгою, огромные чертоги,
Недуги наглые и гнусные остроги,
Богатство, нагота, слуги и господа.
Угрюмы взглядами, игрени, пѣги, смуглы,
Багровые глаза, продолговаты, круглы,
И кто горраздъ гадать и лгать, да не мигать,
Играть, гулять, рыгать и ногти огрызать,
Ногаи, Болгары, Гуроны, Геты, Гунны,
Тугїя головы, о иготи чугунны,
Гнѣвливые враги и гладкословный другъ,
Толпыги, щеголи, когда вамъ есть досугъ.
Отъ васъ совѣта жду, я вамъ даю на волю:
Скажите, гдѣ быть *га*, и гдѣ стоять глаголю?

LXIII.

Я мужа бодраго изъ давныхъ лѣтъ имѣла,
Однакоже вдовой безъ онаго сидѣла.
Штивелїй увѣрялъ, что мужъ мой худъ и слабъ,
Безсиленъ, подлъ, и старъ, и дряхлый былъ арапъ;
Сказалъ, что у меня кривясь трясутся ноги,
И нѣтъ мнѣ никакой къ супружеству дороги.
Я думала сама, что вправду такова —
Негодна никуда, увѣчная вдова.
Однако нынѣ вся увѣрена Россїя,
Что я красавица — россїйска поэзїя,
Что мой законный мужъ — завидный молодецъ,
Кто здѣлалъ моему несчастїю конецъ.

LXIV.

Женился Блезъ (Стилъ), старикъ безъ мочи,
На Стеллѣ, что въ пятнадцать лѣтъ,
И, не дождавшись первой ночи,
Закашлявшись, оставилъ свѣтъ.
Тутъ Стелла бѣдная вздыхала,
Что на супружню смерть не тронута взирала.

LXV.

Пахомей говоритъ, что для святаго слова
Риторика ничто; лишь совѣсть будь готова.
Ты будешь казнодѣй, лишь только стань попомъ,
И стыдъ весь отложи. Однако врешь, Пахомъ.
На что риторику совсѣмъ пренебрегаешь?
Ее лишь ты одну, и то худенько знаешь.
Василїй, Златоустъ — церковные столпы —
Учились долѣе, какъ нынѣшни попы;
Гомера, Пиндара, Демосѳена читали,
И проповѣдь свою ихъ штилемъ предлагали;
Натуру, общую всей протчей твари мать,
Небесъ, земли, морей, старались испытать,
Дабы Творца чрезъ то по мѣрѣ силъ постигнуть
И важностью вещей сердца людски подвигнуть;
Не ставили за стыдъ изъ басенъ выбирать,
Чѣмъ къ праведнымъ дѣламъ возможно преклонять.
Ты словомъ Божїимъ незнанье закрываешь,
И больше тѣхъ мужей у насъ быть уповаешь;
Ты думаешь, Пахомъ, что ты ужъ Златоустъ!
Но мы увѣрены о томъ, что мозгъ твой пустъ.
Намъ слово Божїе чувствительно, любезно,
И лишь во ртѣ твоемъ безсильно, безполезно.
Нравоученїемъ преславной Телемакъ
Стократъ полезнѣе твоихъ нескладныхъ вракъ.

LXVI.

Спасибо за грибы, челомъ за ананасъ,
За вина сладкія; я радъ, что не былъ квасъ:
Россійско кушанье сразилось съ Перуанскимъ,
А еслибы и квасъ влился въ кишки съ Шампанскимъ,
То сдѣлался бы въ нихъ такой же разговоръ,
Какой межъ стряпчими въ судѣ бываетъ споръ.
Я думалъ ужъ и такъ, что въ брюхо *** забился,
И выпустить хотя, я чуть не надсадился.

LXVII.

Смѣется и поетъ, о звѣздахъ онъ толкуетъ,
То нюхаетъ табакъ, то картъ игру тасуетъ,
То слушаетъ у всѣхъ, со всѣми говоритъ,
И дѣлаетъ стихи нашъ другъ архипіитъ.
Увѣнчанъ лаврами Маронъ за стихотворство,
Намъ чѣмъ его (свово) почтить за таково проворство?
Ужъ подлы для него лавровые вѣнки,
Такъ чѣмъ же увѣнчать толь мудрые виски?
О чемъ я такъ тужу? Онъ будетъ увѣнчанъ:
За грошъ одинъ купить капусты лишь кочанъ.

LXVIII.

Мышь нѣкогда любя святыню
Оставила прелестной миръ,
Ушла въ глубокую пустыню
Засѣвшись вся въ Голланской сыръ.

LXIX.

Между сенатскихъ цуковъ
Что вижу я? и Жуковъ.
Дивятся всѣ, дивишься ты и самъ:
Какъ не гремѣть во гнѣвѣ небесамъ!

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ,

ВАРІАНТЫ

и

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

ТЕКСТЪ.

В.— Санктпетербургскія Вѣдомости. 1752. № 36. стр. 285.

ВАРІАНТЫ.

Ар.—Архивъ Академической Канцеляріи. Рукопись № 162. л. 389 — 389 об. Писано чужою рукою.

С. II.— Собраніе сочиненій Ломоносова. 1757. Книга первая. стр. 167. Похвальныя надписи. «Надпись 21. На иллуминацію представленную въ день Коронованія Ея Величества Апрѣля 25 дня 1752 года, на которой изображенъ былъ зодіякъ съ вешними зодіями, и съ текущимъ посредѣ его солнцемъ, внизу межъ обелисковъ и олтарь съ пламенемъ».

Ст. 2—3. Гремящей славой Ты наполнила весь свѣтъ.
Геройской былъ восходъ, и слѣдствіе побѣды:
(С. II.)

*

Ст. 6—9. Тобою дышетъ въ ней спокойствїя Зефиръ.
Во упокоенномъ Ты свѣтѣ нынь сїяешь,
И славу дѣлъ своихъ съ числомъ лѣтъ
умножаешь.
Державства Твоего свѣтящїй зодїякъ (с. п.)
Ст. 18. Усердно всѣ въ Тебѣ усердно сердце чтимъ. (с. п.)

---

25 апрѣля 1752 года «при наступленїи ночи весь городъ былъ иллюминованъ и на обыкновенномъ театрѣ фейэрверковъ зажжена слѣдующая иллуминацїя:

Представлена была четвертая часть зодїака съ весенними небесными знаками. По оному текло, свѣтлыя лучи повсюду разливающее, солнце, въ знакѣ тельца вѣнчанное вокругъ радужною короною.

Внизу на возвышенномъ и мраморомъ разныхъ цвѣтовъ устланномъ мѣстѣ по сторонамъ стояли десять порфировыхъ обелисковъ въ перспективномъ расположенїи, а по срединѣ олтарь съ возженнымъ пламенемъ.

Сего символическаго изображенїя знаменованїе содержится въ слѣдующихъ стихахъ:

Монархиня, нося порфиру десять лѣтъ,“ и т. д.
(Санктпетербургскїя Вѣдомости. 1752. № 36. стр. 284—285.)

Составленїе проекта иллюминацїи съ соотвѣтствующею надписью поручено было академикамъ: Ломоносову и Штелину. Помѣщенное въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ описанїе иллюминацїи заимствовано изъ проекта, составленнаго Ломоносовымъ.

Въ рукописи, за стихами Ломоносова, слѣдуетъ замѣтка:

1) «Ежели заблагорассудится на олтарѣ приписать лемму: *вѣнчанному россїйскому солнцу,* то могу я дать мнѣнїе, какъ бы литеры изобразить явственно».

2) «Ежели не довольно широко быть покажется, то можно по сторонамъ, позади пирамидъ, поставить зеленыя шпалеры или ворота изъ зелени».

Проектъ Штелина заключался въ слѣдующемъ:

«Посрединѣ амфитеатральнаго по обѣ стороны, а назади отверстаго увеселительнаго мѣста (Lustplatz) сдѣланъ амвонъ о десяти ступеняхъ, на которомъ стоитъ витой столбъ, на подобіе Траянова, съ императорскою короною, на вершинѣ онаго лежащею на красной бархатной подушкѣ.

Горизонтъ отверстаго средняго проспекта кончится съ обѣихъ сторонъ перспективно простирающеюся стѣною изъ лавровыхъ деревъ, а переднее амфитеатральное мѣсто съ каждой стороны окружено великолѣпнымъ портикомъ, имѣющемъ напереди и назади куполу, а въ срединѣ залу съ фронтономъ. На передней горизонтальной линіи фасадъ при каждомъ флигелѣ амфитеатра представляетъ подъ куполою въ перспективномъ видѣ отверстые переходы со сводами, которыхъ архитравъ утверждается на двойныхъ столбахъ, причемъ цокель или главной гзымзъ въ срединѣ украшенъ Россійскимъ гербомъ, и какъ подлѣ онаго по обѣимъ сторонамъ, такъ и вверху на куполѣ видны четыре статуи, представляющія: 1) благополучіе, 2) славу, 3) побѣду и 4) великолѣпіе или изобиліе.

Знаменованіе сего представленія содержится въ слѣдующемъ, нѣмецкими стихами сочиненномъ, привѣтствіи Ея Императорскому Величеству.

Seit dem Du Kronen trägst, ist Glück, und Wohl, und Ruhm,
Die Zierde Deines Reichs, und Ruszlands Eigenthum;
Zehn Jahres-Stuffen sind von Dir schon aufgeführt
Und die erhöhte Kron' durch Deinen Werth geziert.
Die Allmacht hielt für Dich und Deine Würdigkeit
Des Vaters Kron und Thron bisz auf die Zeit bereit,
Die Deines Volckes Wunsch dem Himmel abgedrungen.

Die Hindernisze flohn als Du Dich aufgeschwungen,
Glück, Wohl, und Ruhm, und Sieg, und Ueberflusz, und Pracht
Hat Deine milde Hand dem Reiche wiederbracht.
Da solche Pracht und Glantz von Deiner Krone blitzen,
So lasz der Himmel Dich den Thron so lang besitzen,
Bisz Dein Verdienst und Ruhm sich selbst belohnet schaut
Und Deine Würdigkeit noch neuntzig Stuffen baut.

(Рукопись Академическаго Архива. № 162. л. 384—396.)

II.

ТЕКСТЪ.

Ар.— Архивъ Академической Канцеляріи. Рукопись № 167. л. 22 об. Писано Ломоносовымъ собственноручно; подъ стихами подпись: «М. Ломоносовъ».

ВАРІАНТЫ.

В.— Санктпетербургскія Вѣдомости. 1752. № 76. стр. 605.

С. II.— Собраніе сочиненій Ломносова. 1757. Книга первая. стр. 168. Похвальныя надписи. «Надпись 22. На иллуминацію представленную въ тезоименитство Ея Величества Сентября 5 дня 1752 года, гдѣ изображена была пристань съ Колоссомъ на подобіе Родскаго».

Ст. 2—4. Пловущихъ по морю спасать отъ непогодъ,
Себѣ хвалу снискать, другимъ давать отраду,
Поставилъ на брегу пречудную громаду; (С. II.)
Ст. 12. И именемъ востокъ и западъ наполняетъ. (С. II.)

Ко дню тезоименитства императрицы Елисаветы Петровны, 5 сентября 1752 года, Канцелярія Академіи наукъ поручила Ломоносову «сочинить проектъ иллуминаціи со описаніемъ и принадлежащими къ тому украшеніями». Ломоносовъ исполнилъ возложенное на него порученіе и представилъ въ Академію наукъ слѣдующій

«Проектъ Иллуминаціи на торжественный день тезоименитства Ея Императорскаго Величества Сентября 5го дня 1752 года.

Представить въ перспективномъ видѣ пристань, двумя плотинами въ море простирающимися укрѣпленную; на концѣ пристани, что къ морю, изобразить великій Колоссъ, стоящій обѣими ногами на обѣихъ концахъ плотинъ, который правою рукою возвышаетъ вензловое Имя Ея Императорскаго Величества, а лѣвою свѣтлымъ пламенемъ горящій факелъ. Внутрь пристани поставить по правую сторону храмъ Мира, по лѣвую храмъ Изобилія, съ принадлежащими къ тому признаками и украшеніями.

Колоссъ можетъ быть способнѣе изображенъ на полотнѣ, а протчее все фонарями.

Знаменованіе сего символическаго изображенія въ слѣдующихъ стихахъ кратко содержится.

Желая нѣкогда преславный островъ родъ“ и т. д.

И проектъ и стихи писаны рукою Ломоносова.

Штелинъ также приготовилъ свой проектъ иллюминаціи. Представляя его въ академію, Штелинъ говоритъ: «Ежели потребуется къ тому, какъ обыкновенно водится, краткое пiитическое изъясненіе, то и оное подамъ въ свое время».

Проектъ Ломоносова былъ принятъ и одобренъ, какъ видно изъ описанія иллюминаціи, помѣщеннаго въ Вѣдомостяхъ и дословно сходнаго съ рукописнымъ проектомъ Ломоносова.

(Рукопись Академическаго Архива. № 167 л. 18—26.)

III.

ТЕКСТЪ.

Демофо́нтъ Трагедїя, Михайла Ломоносова. 1752. Въ 8°; семьдесятъ шесть нумерованныхъ страницъ; на первой страницѣ — заглавіе, на третьей — «Краткое изъясненїе», на четвертой — «Дѣйствующїя ли́ца»; на слѣдующихъ страницахъ, отъ пятой до семьдесятъ шестой — трагедія.

На первой страницѣ, между заглавіемъ и мѣстомъ печати, — типографскій кончикъ, составленный изъ завитковъ и акантовыхъ листьевъ, образующихъ связную симметричную по вертикальной оси фигуру, которая можетъ быть ограничена сверху прямою, а съ остальныхъ сторонъ дугообразною линіями. Въ началѣ каждаго дѣйствія заставка. Первое дѣйствіе — типографская заставка въ видѣ прямоугольной полоски, составленной изъ трехъ рядовъ несвязанныхъ криволинейныхъ украшеній, симметричныхъ по горизонтальной оси; фигуры верхняго и нижняго рядовъ изображаютъ пальметки. Второе дѣйствіе — заставка въ видѣ полоски изъ тройнаго ряда украшеній, изъ которыхъ верхній и нижній такіе же какъ и при первомъ дѣйствіи, а средній составленъ изъ мелкихъ криволинейныхъ восьмиконечныхъ розетокъ. Третіе дѣйствіе — такая же заставка, съ такимъ же среднимъ рядомъ изъ розетокъ, но съ измѣненными криволинейными украшеніями въ верхнемъ и нижнемъ рядахъ, симметрично расположенными

около горизонтальной оси. Четвертое дѣйствіе — заставка въ видѣ полоски изъ трехъ рядовъ, съ такимъ же среднимъ рядомъ, а верхній и нижній ряды составлены изъ фигуръ на подобіе цвѣтковъ. Пятое дѣйствіе — типографская заставка въ видѣ полоски, составленной изъ трехъ рядовъ криволинейныхъ несвязанныхъ украшеній, симметричныхъ по горизонтальной оси. Въ концѣ каждаго дѣйствія—типографскій кончикъ. Первое дѣйствіе — типографскій кончикъ изъ тройнаго ряда криволинейныхъ, несвязанныхъ украшеній, образующихъ симметричную по вертикальной оси фигуру, общее очертаніе которой можетъ быть ограничено равнобедреннымъ треугольникомъ, обращеннымъ вершиною внизъ. Второе дѣйствіе — такой же типографскій кончикъ съ измѣненіемъ лишь верхняго ряда украшеній. Четвертое дѣйствіе — совершенно такой же кончикъ, какъ и при второмъ дѣйствіи, съ тѣмъ только отличіемъ, что первый рядъ украшеній обращенъ вверхъ, а не внизъ. Пятое дѣйствіе — кончикъ, составленный изъ четырехъ рядовъ украшеній, отчасти сходныхъ съ прежними; общее очертаніе его можетъ быть ограничено равнобедреннымъ треугольникомъ, высота котораго болѣе основанія. Въ концѣ третьяго дѣйствія нѣтъ типографскаго кончика за неимѣніемъ для него мѣста.

---

10 сентября 1751 года Ломоносовъ писалъ Ив. Ив. Шувалову: «При семъ доношу, что я нынѣ *Демофонта* докончать стараюсь и при томъ дѣлаю планъ Россійской Исторіи» и т. д.

(Полное собраніе сочиненій М. В. Ломоносова. 1784. Ч. I. Письма къ Шувалову, которыя «никогда не были еще напечатаны». стр. 321.)

Въ ноябрѣ 1751 года была переплетена для Ломоносова «рукописная *Демофонъ* трагедія въ зеленой тафтѣ, по обрѣзу съ золотомъ, подклеена золотою бумагою».

(Архивъ Академической Канцеляріи. Рукопись № 289. л. 63. Рапортъ Розенберга въ Академическую Канцелярію, 18 апрѣля 1765 года, о книгахъ, которыя «для покойнаго господина статскаго совѣтника Ломоносова переплетены и ему отданы.»)

10 сентября 1752 года Шумахеръ получилъ отъ Ив. Ив. Шувалова слѣдующее письмо:

Гдрь мой.

Еѧ Імператорское Величество Ізволила Указать чтобъ трагедию Демофонта гдна Советника Ломоносова напечатать. о чемъ мне. повелено вашему высокоблагородию дать знать; впротчемъ ѩ с моимъ Почтеніемъ Імею честь быть

Покорный вашъ гдрь мой
слѹга Іванъ Шѹваловъ.

Письмо адресовано такъ:

Monsieur Monsieur de Schumacher Conseiller de l'Academie Imperiale des Sciences.

a Son Logis

На письмѣ помѣтка: «Получено 10 сентября 1752 году».

(Архивъ Конференціи Академіи наукъ. Рукопись № 963. л. 66.)

Вслѣдствіе письма Шувалова Академическая Канцелярія опредѣлила: «Объявленной трагедіи напечатать въ восмую долю листа, какъ скоро возможно, на заморской коментарной шесть сотъ, да на руской коментарной шесть сотъ, да на александриской, называемой медіанъ, пятдесятъ, да на любской или александриской тонкой пятдесятъ; всего тысяча триста экземпляровъ. А потребныя во оную фигуры вырѣзать на мѣди мастеру Соколову по даннымъ рисункамъ отъ мастера Гриммеля, и напечатать въ фигурной палатѣ. А какъ оная трагедія напечатана будетъ, учинить резолюцію, сколко въ поднось употребить слѣдуетъ ко Двору Ея Императорскаго Величества и протчимъ знатнымъ особамъ, и въ какихъ переплетахъ. А чтобъ онъ, господинъ совѣтникъ, ту своего сочиненія трагедію подалъ въ Канцелярію при репортѣ, о томъ къ нему послать ордеръ».

15 сентября 1752 года Ломоносовъ представилъ свою трагедію при слѣдующемъ собственноручномъ донесеніи:

«Въ Канцелярію Академіи Наукъ

Рапортъ.

По ордеру помянутой Канцеляріи Трагедія моего сочиненія называемая Демофонтъ сообщается при семъ для напечатанія. И Канцелярія Академіи Наукъ да соблаговолитъ приказать печатаніемъ оныя не умедлить.

Коллежской Совѣтникъ и Профессоръ Михайло Ломоносовъ».

Печатаніемъ трагедіи дѣйствительно не умедлили, какъ видно изъ слѣдующаго рапорта корректора Барсова:

«По приказу Канцеляріи Академіи наукъ велѣно печатать въ типографіи трагедію сочиненія господина Совѣтника Ломоносова, называемую *Демофонтъ,* день и ночь: того ради симъ Канцеляріи Академіи наукъ покорнѣйше репортую, дабы повелѣно было выдать въ типографію свѣчъ маканыхъ одинъ пудъ».

28 октября 1752 года тотъ же корректоръ Барсовъ донесъ, что всѣ экземпляры трагедіи отпечатаны. Изъ нихъ семьдесятъ восемь распредѣлены такимъ образомъ:

На александриской средней бумагѣ.

Ея Императорскому Величеству, въ красномъ сафьянѣ, по обрѣзу золотомъ 1

Ихъ Императорскимъ Высочествамъ, Государю Великому Князю и Государынѣ Великой Княгинѣ, въ такомъ же переплетѣ, по обрѣзу золотомъ 2

Для знатныхъ персонъ.

Въ галанскомъ переплетѣ, по обрѣзу золотомъ 22

На александриской тонкой бумагѣ.

Въ галанскомъ переплетѣ, по обрѣзу съ напрыскомъ . . 22
Въ французскомъ переплетѣ. 25
Да для Библïотеки на заморской коментарной 6
Въ томъ числѣ въ библіотечномъ переплетѣ два».

(Архивъ Академической Канцеляріи. Рукопись № 169. л. 78—101.)

Трагедія: *Демофонтъ* помѣщена въ «Россійскомъ Ѳеатрѣ» (1786. Ч. I.) вслѣдъ за трагедіею: *Тамира и Селимъ.*

Въ «Драматическомъ Словарѣ» (1787. стр. 44—45) находимъ такой отзывъ:

«*Демофонтъ.* Трагедія Михайла Ломоносова, взята матерія изъ Троянской Исторіи, писанная громкими стихами, наполненными важностью. Роль Мемнона есть свидѣтелемъ дарованія его въ стихотвореніи; естьли и не представляема сія трагедія на театрахъ, то сіе не иначе, какъ за трудностію для актеровъ; напечатана въ Санктпетербургской Академіи въ 1752 году».

Позднѣйшіе критики также отдаютъ предпочтеніе роли Мемнона на томъ основаніи, что въ монологахъ Мемнона встрѣчается наиболѣе чертъ, обнаруживающихъ поэтическое дарованіе автора трагедіи. К. С. Аксаковъ говоритъ: «Трагедія *Демофонтъ* не имѣетъ такого достоинства какъ трагедія *Тамира и Селимъ;* но и здѣсь есть прекрасныя мѣста и прекрасные стихи. Удержимся отъ многихъ выписокъ, и выпишемъ одно мѣсто изъ разсказа Мемнона Полимнестору:

Ст. 263–284. Внезапно солнца видъ на всходѣ сталъ багровъ
И тусклые лучи казалъ изъ облаковъ.
Отъ бéрегу въ дали пучина почернѣла
И буря къ намъ съ дождемъ и съ градомъ налетѣла.
Напала мгла какъ ночь, ударилъ громный трескъ,
И мрачность пресѣкалъ лишь частыхъ молній блескъ.
Поднявъ сѣды верьхи, стремились вóлны яры,
И берегъ заревѣлъ, почувствовавъ удары.
Тогда сквозь мракъ едва увидѣть мы могли,
Что съ мóря бурный вихрь несетъ къ намъ корабли,

Которы лютость водъ то въ пропастяхъ скрываетъ,
То вздернувъ на бугры, порывисто бросаетъ;
Раздранны парусы пловцы отдавъ вѣтрамъ,
Ужъ руки подняли къ закрытымъ небесамъ.
Мы чаяли тогда Енеева прихода
Съ остатками Троянъ, нещастнаго народа.
Объята жалостью, подвигнута бѣдой,
Царевна на берегъ безъ страху шла за мной.
Тутъ алчный Понтъ пожралъ три корабля предъ нами,
И въ части раздробивъ, извергъ на брегъ волнами.
Увидѣвъ, что съ водой тамъ бьется человѣкъ,
Съ рабами я спѣшилъ и на песокъ извлекъ.

(Ломоносовъ въ исторіи русской литературы и русскаго языка. Разсужденіе К. Аксакова. 1846. стр. 516—517.)

Гораздо строже отнесся къ произведенію Ломоносова критикъ двадцатыхъ годовъ: «Трагедія *Демофонтъ* не имѣетъ единства дѣйствія. Въ поступкахъ дѣйствующихъ не токмо нѣтъ почти никакой связи, но и соотвѣтственности ихъ положеніямъ. Главные характеры изображены неестественно. Полимнесторъ, набожный, попечительный опекунъ, полководецъ великій, измѣняетъ прежней любви, клятвамъ, прежнему великодушію своему безъ всякой причины; говоритъ, что повинуется приказанію оракула, и между тѣмъ показываетъ низкую, слабую душу, не предпринимаетъ ничего для воспрепятствованія побѣгу Филлиды; наконецъ, не сдѣлавъ никакого важнаго преступленія, терзается какъ извергъ. Иліона мститъ подобно фуріи, безъ всякой для себя пользы, и тогда, когда соперница ея удаляется. Демофонтъ клянется въ вѣчной любви Иліонѣ, и немедленно потомъ обращается къ Филлидѣ. Онъ и Филлида хотятъ лишить власти Полимнестора, которой съ обоими поступилъ великодушно и добросердечно. Мемнонъ хвастается, что всему былъ причиною, и почти не дѣйствуетъ. При всѣхъ сихъ недостаткахъ трагедія имѣетъ единство мѣста и времени; дѣйствующія лица: Демофонтъ, Филлида, Иліона говорятъ съ большею живостію и чувствомъ,

нежели въ Тамирѣ и Селимѣ; многія описанія превосходны, на примѣръ: изображеніе горести Тезеевой (дѣйств. I, явл. 1), кораблекрушенія Демофонтова (дѣйств. I, явл. 5), смерти Демофонта и Филлиды (дѣйств. V, явл. 6)».

Тотъ же критикъ видитъ много недостатковъ и въ трагедіи: *Тамира и Селимъ*. Она не имѣетъ единства дѣйствія. Сочинитель хотѣлъ представить смерть Мамаеву; но любовь Тамиры и Селима наиболѣе привлекаетъ вниманіе зрителей. Побѣгъ Тамиры совершенно излишенъ. Одинъ токмо характеръ Мамая изображенъ съ нѣкоторою силой. Тамира и Селимъ холодны. Единство мѣста соблюдено; находятся нѣкоторыя занимательныя положенія, напримѣръ первая встрѣча Тамиры съ Селимомъ. Четвертое дѣйствіе вовсе безполезно для трагедіи. Встрѣчаются однакожъ нѣкоторыя, хотя совершенно неумѣстныя, истины, важныя и прекрасныя (дѣйств. 4, явл. 3, разсужденія Надировы); описаніе битвы на полѣ Куликовомъ и смерть Мамая, повѣствуемыя Нарсимомъ (дѣйств. 5, явл. послѣднее) превосходны» и т. д.

(Вѣстникъ Европы. № 18. Сентябрь. 1822. стр. 104—106.

Ст. 359. Меня ихъ власть къ другой *любови* понуждаетъ
Ст. 885. Богъ мо́ря, Богъ войны, Богъ вѣтра, Богъ *любови*,
Ст. 977. *Любови* обновивъ союзъ неоцѣненный,
Ст. 998. Когдабы я къ тебѣ *любови* не имѣлъ,
Ст. 1413. Ахъ! какъ плачевныя погасъ *любови* жаръ?

Ср. у Жуковскаго:

Не Твой ли къ намъ летитъ *любови* полный гласъ?
(Гимнъ. 1807 г. ст. 12.)

Ахъ! съ чѣмъ же предстанемъ ко трону *Любови?*
(Къ Нинѣ. 1807 г. ст. 18.)

Ст. 451—455. Въ какой вы пагубѣ насъ, Боги, погрузили!
Мы равну съ Греками имѣемъ плоть и кровь:
И ваша быть должна ко всѣмъ равна любовь.

Но Грекамъ вы отцы, Троянамъ вы
Тиранны:
Они вознесены, а мы лежимъ попранны!

Стихи эти В. И. Ламанскій приводитъ въ подтвержденіе того, что Ломоносова постоянно занимала мысль о несправедливомъ предпочтеніи иностранцевъ своимъ природнымъ.

(Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. Біографическій очеркъ. Соч. В. И. Ламанскаго. 1864. стр. 74.)

Ст. 1150–1153. Какъ въ свѣтѣ всѣ дѣла̀ преобращаетъ
рокъ!
Сего дня сверженъ внизъ, кто былъ
вчера высокъ.
Сей часъ намъ радостенъ, но слѣдующей
слезенъ;
Тотъ вечеромъ постылъ, кто утромъ
былъ любезенъ.

Стихи эти, вложенные авторомъ въ уста Мемнона, производили впечатлѣніе, какъ можно видѣть изъ того, что они встрѣчаются въ рукописныхъ сборникахъ различныхъ стихотвореній, XVIII и начала XIX вѣка.

IV.

ТЕКСТЪ.

Ар. — Архивъ Академической Канцеляріи. № 168. л. 233 об. Писано собственноручно Ломоносовымъ.

ВАРІАНТЫ.

В. — Санктпетербургскія Вѣдомости. 1752. № 98. стр. 781—782.

С. II. — Собраніе сочиненій Ломоносова. 1757. Книга первая. Похвальныя надписи. стр. 168—169. «Надпись 23. На иллуминацію представленную на день восшествія Ея Величества на всероссійскій престолъ Ноября 25 дня 1752 года, гдѣ изображено было восходящее солнце и вазы съ чувствительными травами».

Ст. 7—8. Богатство красоты предъ онымъ отверзаетъ,
И свой пріятной духъ, какъ жертву, проливаетъ. (С. II.)

Ст. 10. Которой освѣтилъ во тьмѣ Россійской родъ; (В.)
Которой освѣтилъ во тьмѣ Россійскій родъ. (С. II.)

Ст. 11. Усердны предъ Тобой сердцà мы отверзаемъ, (В.)
Усердны предъ Тобой сердцà мы отверзаемъ (С. II.)

Ст. 12. И жертву вѣрности нелестно изливаемъ. (В.)
И жертву вѣрности Тебѣ всѣ изливаемъ. (С. II.)

Составленіе проекта иллюминаціи на 25 ноября 1752 года поручено было Ломоносову и Штелину.

Ломоносовъ представилъ слѣдующій, собственноручный, проектъ и стихи:

«Проектъ на Иллуминацію къ торжественному дню восшествія на всероссійскій престолъ Ея Императорскаго Величества. Ноября 25 дня 1752 года.

Представить садъ партерами и фонтанами украшенной. На каждой сторонѣ по пяти ва́зовъ (парадныхъ сосудовъ) на пристойныхъ скамьяхъ фестонами убранныхъ; все въ перспективномъ расположеніи. Въ сосудахъ изобразить пріятно цвѣтущія сенситивныя то есть чувствительныя травы, которыя ночью сжимаются; а при восхожденіи солнца отворяются, и такъ цвѣтутъ во весь день. Позади онаго саду въ срединѣ представить восходящее великое солнце съ ясными и далече простирающимися лучами.

Знаменованіе сего символическаго изображенія содержится въ слѣдующихъ стихахъ.

Когда ночная тьма скрываетъ Горизонтъ,
Скрываются поля, лѣса, брега и понтъ;" и т. д.

Подписано: «М. Ломоносовъ».

Проектъ Штелина заключался въ слѣдующемъ:

«Представляется твердый и надежный морской портъ, къ защищенію котораго въ срединѣ сооруженъ великолѣпный за́мокъ, на верьху котораго видѣнъ выставленный штандартъ съ вензловымъ имянемъ Ея Императорскаго Величества Елисаветы Первыя подъ короною. Мраморный берегъ сего порта, состоящій изъ нѣсколькихъ ступень, уставленъ лавровыми деревами въ золотыхъ сосудахъ, позади которыхъ здѣланъ пріятный ходъ кругомъ. Заключеніе сего крѣпкаго увеселительнаго мѣста со-

ставляетъ уставленная лавровыми деревами стѣна, на которой въ равныхъ разстояніяхъ и въ перспективномъ видѣ возведены десять твердыхъ башенъ. На каждой изъ нихъ выставленъ на маштѣ распущенный штандартъ съ двоеглавнымъ орломъ Россійскія имперіи.

Знаменованіе сего аллегорическаго представленія содержится въ слѣдующемъ:

So läst Ruthenia zehn Freuden-Fahnen wehen
Nachdem sie zehnmal schon die Freuden-Nacht erblickt,
In der Elisabeth, mit Recht und Muth versehen,
Die vorenthaltne Burg erstieg und sie beglückt,
Mit Lorber ihren Port, den festen Port, geziert,
Und was der Vater liesz vollkommen auszgeführt.
Erlebe, Kayserin, den Wunsch der Unterthanen:
Noch zehnmal zehen Jahr die heutgen Ehren-Fahnen».

Нѣмецкимъ стихамъ Штелина соотвѣтствуютъ слѣдующіе русскіе:

Что десять здѣсь знаменъ Россія представляетъ,
Всеобщую она тѣмъ радость изявляетъ,
Пресвѣтлымъ торжествомъ почтивъ ужь десять разъ
Ту радостную ночь и тотъ блаженный часъ,
Когда на замокъ сей взошла Елисавета,
Въвела въ него съ собой златыя купно лѣта,
И лаврами кругомъ портъ увѣнчала свой,
Безбѣдной въ немъ пловцамъ являя тѣмъ покой,
Отечески въ себѣ совѣты воскресила,
Что онъ не докончалъ, самà то совершила.
Сравнись, Монархиня, числомъ своихъ годовъ
Съ желаніемъ твоихъ усерднѣйшихъ рабовъ,
Да подъ державою твоей еще столѣтно
Въ любезномъ поживемъ покоѣ безнавѣтно.

(Рукопись Академическаго Архива. № 168. л. 229—239.)

Судя по нѣкоторымъ признакамъ можно было бы стихи эти считать произведеніемъ Ломоносова. И въ цѣломъ — по легкости и плавности, и въ отдѣльныхъ чертахъ, они напоминаютъ стихи Ломоносова. Въ нихъ встрѣчаются слова: *купно; безбѣдный* въ смыслѣ *безопасный,* и т. п. То обстоятельство, что Ломоносовъ представилъ свои собственные стихи, не исключаетъ возможности представленія имъ другихъ, и притомъ такихъ, которыя нельзя назвать переводомъ, а только подражаніемъ. Мы имѣли уже случай видѣть, что отъ Ломоносова требовали не только его собственныхъ стиховъ, но и перевода нѣмецкихъ стиховъ Штелина, написанныхъ по тому же самому поводу. Но, по всей вѣроятности, стихи эти принадлежатъ даровитому ученику Ломоносова Поповскому, о которомъ мы скажемъ подробнѣе въ одномъ изъ слѣдующихъ примѣчаній. Стихи писаны рукою Поповскаго.

На оборотѣ листа, гдѣ находятся приведенные стихи, написано рукою Тредьяковскаго: «Прошу извинить меня, что сегодня быть не имѣю съ вами въ засѣданіи: имѣю нѣкоторую нужду пойти на адміралтейскую сторону.

Вашъ покорный слуга:
В. Тредіаковскій.»

19 áвгуста 1752.

Проектъ Ломоносова былъ принятъ, какъ видно изъ описанія иллюминаціи, въ которомъ измѣнены два, три слова, сравнительно съ рукописью; вмѣсто: «на пристойныхъ скамьяхъ», напечатано: «на пристойныхъ педесталахъ» и т. п.

(Санктпетербургскія Вѣдомости. 1752. № 98. стр. 780—783.)

V.

ТЕКСТЪ.

Первое изданіе (editio princeps). Въ листъ, восемь страницъ; на первой заглавіе, текстъ оды на шести страницахъ — съ третьей по восьмую. Передъ началомъ текста оды типографская заставка съ криволинейнымъ узоромъ, обрамляющимъ рядъ двуглавыхъ орловъ съ коронами надъ ними. Въ концѣ заставка (cul-de-lampe) изъ криволинейныхъ несвязанныхъ украшеній — пальметокъ и звѣздочекъ, расположенныхъ симметрично по вертикальной оси. Строфы не обозначены цыфрами, а отдѣлены одна отъ другой звѣздочками съ двумя маленькими завитками по сторонамъ. Подстрочное примѣчаніе находится въ первомъ изданіи.

ВАРІАНТЫ.

С. II. — Собраніе сочиненій Ломоносова, 1757. Книга первая. Оды похвальныя. стр. 102—111. «Ода 7. На торжественный день восшествія на Всероссійскій престолъ Ея Величества Великія Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, Ноября 25 дня 1752 года». Строфы обозначены цыфрами.

Ст. 3. Прогнало въ ревностномъ народѣ (С. II.)
Ст. 123. Отводитъ всѣхъ стихій навѣты, (С. II.)

---

19 ноября 1752 года Ломоносовъ представилъ въ Канцелярію Академіи наукъ слѣдующій собственноручный «репортъ»:

«Къ наступающему торжественному дню восшествія на всероссійскій престолъ Ея Императорскаго Величества сочиняю я поздравительную оду, которыя 15 куплетовъ прилагаю для набору, чтобы успѣть печатаніемъ; а достальные сообщу завтре предъ полуднемъ; а на чьемъ коштѣ и сколько екземпларовъ печатать то все полагается на волѣ помянутой Канцеляріи.

Коллежской Совѣтникъ и Профессоръ Михайло Ломоносовъ».

Академическая Канцелярія, находя, что осталось очень мало времени и что нельзя печатать безъ воли и одобренія президента, опредѣлила: послать Ломоносову «ордеръ, въ которомъ написать, ежели онъ ту своего сочиненія оду отъ своего имени и на своемъ коштѣ печатать намѣреніе возымѣетъ, то Канцелярія какъ скоро возможно печатаніемъ поспѣшать будетъ».

(Архивъ Академической Канцеляріи. Рукопись № 171. л. 185—186.)

Ст. 1—7, 47. Державинъ (VII, 526—527, 554—555) приводитъ первые семь стиховъ въ образецъ «тихаго вдохновенія», а послѣдній стихъ — въ образецъ «перескока».

Ст. 51—59. Иной отъ старости нагбенный
Простерть старается хребетъ,
Главу и очи утомленны
Возводитъ, гдѣ твой блещетъ свѣтъ.
Тамъ видя возрастъ бессловесный,
Монархиня, Твой зракъ небесный,
Любезну оставляетъ грудь:
Чего языкъ не изъясняетъ,
Усмѣшкой то изображаетъ.

Ср. Гюнтеръ: Ода на миръ Портою. ст. 187—190.

Der Greisz läszt Stock und Schwachheit fallen;
Die Jugend spielt, die Kindheit singt,
Und das was noch aus Brüsten trinckt,
Erklärt sich durch ein holdes Lallen.

Ст. 68—70. Державинъ (VII, 549) приводитъ въ примѣръ «оживленія».

Ст. 71—72, 75—77. Государыня собиралась въ то время въ Москву.

Ст. 78—82. Державинъ (VII, 566—567): «*Усугубленія*, или *усилія*, могутъ быть употреблены съ успѣхомъ, когда поэтъ, желая съ одной стороны распространиться, а съ другой, опасаясь быть растянутымъ, единообразнымъ, или такъ сказать одноцвѣтнымъ, а по тому самому и скучнымъ, напрягаетъ, или усиливаетъ предыдущія свои мысли и чувства повтореніемъ какого либо одного слова, усугубляя тѣмъ быстроту своего паренія и дая себѣ тѣмъ способъ къ перемѣнѣ и къ накопленію другими картинами и чувствами своего содержанія, главный предметъ его обогащающими. Вотъ примѣры:

Здѣсь Нимфы Невской Ипокрены
Видѣнїя Ея лишенны,
Сердцами пойдутъ въ слѣдъ за Ней,
Сердцами пойдутъ, и устами
Въ восторгѣ сладкомъ возгласятъ".

Ст. 94—100, 103—105.

Великая Елисаветъ
Дѣлà Петровы совершаетъ
И глубинѣ повелѣваетъ
Въ средину нѣдръ земныхъ вступить!
Отъ гласа Росскїя Паллáды
Подвиглись сильныя громады

Врата пучинѣ отворить!
Текутъ изъ мо́ря въ землю рѣки,
Натуры нарушивъ предѣлъ!
Ужѐ въ нихъ корабли вступаютъ.

Относятся къ открытію канала и доковъ въ Кронштадтѣ, въ 1752 году:

27 іюля «пополудни, послѣ обѣденнаго кушанья Ея Императорское Величество всѣмъ своимъ высочайшимъ дворомъ изъ Петергофа изволила пойти въ Кронштадтъ. Того жъ дня, прибывъ, изволила назначить своему присутствію быть во дворцѣ, который у Военной гавани, а Ихъ Императорскимъ Высочествамъ во дворцѣ, который въ Скобѣ».

30 іюля «поутру въ одиннадцатомъ часу отправлялась въ церкви, которая въ Скобѣ, Божія служба; въ первомъ часу, по окончаніи литургіи, изъ церкви, чрезъ каналъ, къ морю по каналу пошли всѣ духовныя персоны для освященія воды, со крестами, куда слѣдовали весь генералитетъ. А Ея Императорское Величество и Ихъ Высочества, за имѣющимся тогда дождемъ, изволили прибыть къ водоосвященію въ каретахъ, и близь пирамидъ въ покрытыхъ, на концѣ канала, нарочныхъ мѣстахъ, изволили стоять; на другой сторонѣ, насупротивъ, стояли иностранные министры. Ея Величество изволила сама отворить и пустить въ каналъ изъ моря воду; потомъ съ боковъ окны отворены. И какъ пущена вода, Ея Величеству всѣ приносили поздравленіе окончанія знатнаго канала и благополучнаго впуска воды; тогда происходила пальба со всѣхъ крѣпостей и кораблей» и т. д.

(Журналы Камеръ-Фурьерскіе, 1752 года. стр. 46—49.)

Ст. 115—120. Напрасно строгая природа
Отъ насъ скрываетъ мѣсто входа
Съ бреговъ вечернихъ на востокъ.
Я вижу умными очами:
Колумбъ Россійскій между льдами
Спѣшитъ, и презираетъ рокъ.

Ср. XXI. Ода на 25 ноября 1747 года. ст. 188—189:

Колумбъ Россійскій через воды
Спѣшитъ въ невѣдомы народы

Мысль объ открытіи пути въ Америку черезъ Ледовитый океанъ постоянно занимала Ломоносова. То, что онъ говорилъ въ одѣ 1747 года, повторено имъ и въ поэмѣ 1760 года:

Колумбы Росскїе презрѣвъ угрюмый рокъ,
Межъ льдами новый путь отворятъ на востокъ,
И наша досягнетъ въ Америку держава.

(Петръ Великій. Героическая поема. I. ст. 171—173.)

Не ограничиваясь поэтическимъ представленіемъ, Ломоносовъ, со свойственною ему энергіею, проводилъ свою мысль и въ дѣйствительности. Составленный имъ проектъ полярной экспедиціи, обнаруживаетъ въ авторѣ «глубокое знаніе Ледовитаго океана» и вѣрность указаннаго Ломоносовымъ пути подтверждается «англійскими и нѣмецкими авторитетами».

(Исторія Академіи наукъ, Пекарскаго. II, стр. 801—810.)

Ст. 131—180, 201—210. Ломоносовъ прославляетъ здѣсь «россійскихъ героинь»—царственныхъ предшественницъ Елисаветы Петровны. Онъ говоритъ объ историческихъ заслугахъ четырехъ женщинъ: Св. княгини Ольги, принявшей христіанство; великой княгини Елены Васильевны, матери Іоанна Грознаго; царицы Натальи Кирилловны, матери Петра Великаго; и императрицы Екатерины I.

Ст. 141—144. Державинъ (VII, 557—558) приводитъ въ примѣръ «историческаго рода околичностей, или вводовъ».

Ст. 191–195. О ты, котораго Россія
Давно отъ чреслъ Петровыхъ ждетъ,
Для коего мольбы святыя
Елисавета къ Богу льетъ,
Гряди, гряди, гряди поспѣшно:

По словамъ самой Екатерины, было нѣкоторое основаніе предполагать, что исполнится желаніе тѣхъ, которые съ такимъ нетерпѣньемъ ожидали рожденія наслѣдника престола. Екатерина II говоритъ въ своихъ Запискахъ:

Nous partîmes le 14 décembre 1752 de Pétersbourg. Je partis avec quelques légers indices de grossesse; nous allions fort vite, nuit et jour. A la dernière station avant Moscou, les indices s'évanouirent avec de violentes tranchées. Arrivée a Moscou, et voyant le tour que prenaient les choses, je me doutais que je pouvais bien avoir fait une fausse couche. Dans le courant du mois de mai (1753) j'eus de nouveau des indices de grossesse. Vers la St. Pierre nous revînmes à Moscou; la St. Pierre fut célebrée comme de coutume. Dès le lendemain je sentis des douleurs aux reins; M-me Tchoglokoff fit venir une sage-femme qui prédit la fausse couche que je fis réellement la nuit suivante. Je pouvais être grosse de deux à trois mois, etc.

Ст. 217—219. Надежда, радость, страхъ, любовь,
Живитъ, крѣпитъ, печалитъ, клонитъ,
Противна страсть противну гонитъ,

Ср. ода X, на 20 декабря 1742 года:

Ст. 327—330. То сердце сильна власть страшитъ,
То кротость оное живитъ;
То бодрость страхъ, то страхъ ту клонитъ,
Противна страсть противну гонитъ!

VI.

ТЕКСТЪ.

С. II. — Собраніе сочиненій Ломоносова. 1757. Книга первая. Похвальныя надписи. Надпись 42. стр. 183—184.

Императрица Елисавета Петровна уѣхала изъ Петербурга въ Москву. Въ тогдашнихъ газетахъ появилось такое извѣстіе: «Въ прошедшій вторникъ, то есть 15-го числа сего мѣсяца (декабря) пополудни Ихъ Императорскія Высочества, Государь Великій Князь и Государыня Великая Княгиня, а на другой день Ея Императорское Величество, всемилостивѣйшая наша Государыня, въ половинѣ 4 часа при пушечной пальбѣ съ крѣпости и адмиралитейства въ Москву путь воспріять соизволили, пожаловавши прежде къ рукѣ собравшихся ко двору всѣхъ знатныхъ обоего пола персонъ, которые Ея Императорскому Величеству всеподданнѣйше желали благополучнаго отъѣзда».

(Санктпетербургскія Вѣдомости. 1752. № 101. стр. 804.)

Въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ 1752 года записано: «16-го числа декабря, пополудни въ 4-мъ часу, Ея Императорское Величество изволила изъ Санктпетербурга воспріять путь въ Москву, и того вечера изволила кушать вечернее кушанье въ деревнѣ Любанѣ, и въ Любанѣ изволила быть часа съ 3 и воспріять путь».

*

Ст. 1—2. Что воздухъ тихъ стоитъ по толь бурливыхъ дняхъ?
Простерся мягкій снѣгъ въ спокойствѣ на поляхъ

Самыя полныя и точныя свѣдѣнія о состояніи погоды въ Петербургѣ въ декабрѣ 1752 года находятся въ метеорологическомъ дневникѣ, веденномъ военнымъ врачемъ, докторомъ медицины Лерхе. Дневникъ Лерхе, въ рукописи, хранится въ архивѣ Главной Физической Обсерваторіи. Другіе наблюдатели обозначали бури числами 3 или 4; Лерхе же, въ тѣхъ случаяхъ, когда вѣтеръ достигалъ необычайной силы, ставилъ иногда числа: 5, 6 и даже 8. Такимъ образомъ у Лерхе 8 означаетъ ураганъ, 0 — штиль. Къ числу «бурливыхъ» дней могутъ быть отнесены: 1, 8, 9, 10 и 14 декабря; въ эти дни сила вѣтра достигала 3, а однажды, именно перваго декабря, 4. Въ день отъѣзда императрицы, въ среду 16 декабря, сила вѣтра была такова: въ восемь часовъ утра 3, въ часъ дня 2, въ десять часовъ вечера 1.

Въ первой половинѣ декабря небо было покрыто почти ежедневно густыми облаками; 11 числа — сильная оттепель; 12 — снѣгъ большею частью стаялъ. 16 декабря — облачно весь день; вечеромъ слабое сіяніе звѣздъ; снѣгъ; опять установился санный путь.

(Observationes meteorologicae, quibus ostenduntur coeli et aeris mutationes, item ventorum nubiumque directio, nives, pluviae, fulgura, tonitrua, etc. ab anno 1740 ad 1752)

VII.

ТЕКСТЪ.

Ар. — Архивъ Академической Канцеляріи. Рукопись № 170. л. 278 об. Писано собственноручно Ломоносовымъ.

ВАРІАНТЫ.

С. II. — Собраніе сочиненій Ломоносова. 1757. Книга первая. Похвальныя надписи. стр. 169. «Надпись 24. На иллуминацію, представленную въ Москвѣ на новой 1753 годъ, гдѣ изображенъ былъ орелъ прилѣтающій отъ Санктпетербурга къ Москвѣ, и на востокъ и на западъ взирающій».

Ст. 3—4. Сугубой радостью сей городъ оживляетъ,
Сугубо щастіе Россіи обѣщаетъ. (С. II.)
Ст. 8. Повсюду отъ среды Свой быстрый взоръ возводишь, (С. II.)

Вслѣдствіе промеморіи, присланной изъ Канцеляріи Главной артиллеріи и фортификаціи, въ Канцеляріи Академіи наукъ «опредѣлено: будущаго 753 году генваря на 1-е число иллюминаціи учинить проектъ со описаніемъ господамъ совѣтнику и профессору Ломоносову да надворному совѣтнику и профессору Штелину, и по сочиненіи подать имъ въ Канцелярію при репортахъ».

Ломоносовъ представилъ слѣдующій, собственноручный

«Проектъ на Иллуминацію въ новой 1753 годъ.

Представить храмъ Янусовъ съ затворенными воротами, обведенный круглою оградою изъ зеленѣющихъ оливныхъ деревъ состоящею. На верьху онаго двуличной Янусовъ бустъ. На фронтисписѣ подъ вензловымъ именемъ Ея Императорскаго Величества, между пальмовыми вѣтьвми и рогомъ изобилія число новаго 1753 года. На правой сторонѣ поставить знатнѣйшую часть кремля, на лѣвой часть Санктпетербургской крѣпости (что должно быть такъ расположено, дабы лѣвая сторона въ большемъ отдаленіи казалась нежели правая не потерявъ симметріи на планѣ). По срединѣ надъ Янусовымъ храмомъ изобразить великаго двоеглавнаго Орла, ускоряющаго свой полѣтъ къ правой сторонѣ; а на лѣвую сторону другую главу обратившаго.

Знаменованіе сего символическаго изображенія содержится въ слѣдующихъ стихахъ.

Въ любезной тишинѣ наставшій новый годъ“ и. т. д.

Штелинъ представилъ такой проектъ иллюминаціи, въ Москвѣ, на новый 1753 годъ:

«На великомъ кругломъ веселомъ мѣстѣ (Anmuthsplatz) представляется сооруженный по старинному греческому манеру великолѣпный молитвенный храмъ, па крылѣ котораго подъ золотымъ крестомъ поставленъ штандартъ съ числомъ новаго 1753 года, а на верхнемъ фронтонѣ купола, въ обвитомъ пальмовыми и масличными вѣтьвми щитѣ вензловое имя Ея Императорскаго Величества, и наконецъ надъ фронтономъ входа подпи-

сано: *благополучно* (feliciter); а надъ тѣмъ, какъ въ срединѣ, такъ и по обѣимъ сторонамъ концевъ цокельной галереи поставлены горящія кадильницы.

Какъ пространство помянутаго круглаго мѣста, такъ и простирающіяся по обѣ стороны перспективы состоятъ изъ перилъ, зелеными лонферками (in grünen Laubwercks-Geländern) украшенныхъ, у которыхъ въ равныхъ разстояніяхъ поставлены все педесталы въ видѣ сердца, которые уставить должно горящими кадильницами.

Изъясненіе состоитъ въ рѣчи (Anrede) къ Ея Императорскому Величеству:

Начавши подъ твоей державой новый годъ
Щастливо вѣрный твой, Монархиня, народъ
Тебѣ здѣсь новой храмъ съ крестомъ сооружаетъ,
И знамя, въ знакъ своихъ желанїй, поставляетъ.
Не толко въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ матернїй твой взглядъ
Божественны на насъ лїетъ лучи отрадъ,
Въ сердечныхъ олтаряхъ приносятъ огнь вожженный
Рабы твои, къ тебѣ усердїемъ въперенны;
Но гдѣ и самому пресѣкши солнцу бѣгъ,
Горящїй кончитъ свѣтъ пространнымъ моремъ брегъ,
Священныя въ церквахъ курятся ѳимїамы,
Которы восходя въ небесны къ небу храмы,
Внушаютъ въ слухъ Царя царей земныхъ молбы,
Что возсылаемъ мы къ нему твои рабы:
Да за твои Ему любезныя доброты
Ниспослетъ на тебя съ небесъ свои щедроты.

Нѣмецкїй подлинникъ приведенныхъ стиховъ:

So setzt mit jedem neuen Jahr
Die Pflicht der treuen Unterthanen
Dir einen neuen Tempel dar
Mit Seegens-Kreutz und Glückwunsch-Fahnen

Nicht in der Nähe nur brennt dir zum Glück, und Wohl und Ehren
Der Weihrauch treuer Pflicht auf Millionen Hertz-Altärn;
Auch in dem fernsten Land, wo sich der Welttheil trennt,
Steht so manch Rauchfasz dar, worinn der Weihrauch brennt,
Und sich zum hohen Himmel schwingt

von Gott dir brünstig zu erbitten
Er woll Dich dieses neue Jahr
mit neuem Seegen überschütten.

(Рукопись Архива Академической Канцеляріи. № 170. л. 274—281 об.)

VIII.

ТЕКСТЪ.

Письмо о пользѣ стекла. Печатано при Академіи наукъ, 1752 года. Брошюра въ восьмую долю листа; шестнадцать нумерованныхъ страницъ; на первой страницѣ заглавіе; на четырнадцати, отъ третьей до шестнадцатой, — «Письмо о пользѣ стекла».

ВАРІАНТЫ.

С. II. — Собраніе сочиненій Ломоносова. 1757. Книга первая. стр. 387 — 398. «Письмо о пользѣ стекла къ Высокопревосходительному господину Генералу Порутчику, дѣйствительному Ея Императорскаго Величества Каммергеру, Московскаго Университета Куратору, и орденовъ бѣлаго Орла, святаго Александра и святыя Анны Кавалеру, Ивану Ивановичу Шувалову, писанное 1752 году».

Ст. 134. Или снѣгами вкругъ глубокими бѣлеютъ, (С. II.)
Ст. 215. Продерскаго къ горѣ великой приковалъ, (С. II.)
Ст. 236. И пагубу себѣ отъ Ва́рваровъ нанесъ, (С. II.)
Ст. 270. Презритель зависти, и ва́рварству соперникъ. (С. II.)
Ст. 328. Прогнавъ глубокую невѣденія тьму! (С. II.)

Ст. 426. А Ты, о Меценатъ предстательствомъ предъ Нею (с. п.)
Ст. 434. Есть новымъ въ бытїи животвориться духомъ! (с. п.)
Ст. 437. Кто склонность въ щастїи и доброту являетъ, (с. п.)

«Письмо о пользѣ стекла» принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ произведеній Ломоносова. Поэтъ-натуралистъ выражаетъ здѣсь свою задушевную мысль, свое глубокое убѣжденіе въ необходимости изслѣдованія законовъ природы и въ неразрывной связи науки съ вѣрою. Исчисляя различныя блага, великія и малыя, доступныя человѣку вслѣдствіе изобрѣтенія стекла, Ломоносовъ съ особенною силою и одушевленіемъ говоритъ о важномъ значеніи стекла для научныхъ опытовъ, наблюденій и открытій.

Выбравъ для изложенія своихъ доводовъ стихотворную форму, Ломоносовъ имѣлъ вѣроятно въ виду поэму Лукреція: De rerum natura, которая считалась тогда превосходнымъ образцомъ дидактической поэзіи. По опредѣленію Тредьяковскаго, дидактическая поэзія «описываетъ нѣкоторыя наставленія и пренадписываетъ правила, касающіяся до вещей естественныхъ, правоучительныхъ и художественныхъ: сею Эмпедоклъ описалъ Піоагоріческую Фізіку, Лукреції объ естествѣ вещей по Эпікурову мнѣнію, Віргілій четыре кнігі о земледѣланіи» и т. д. Ломоносовъ пользовался Лукреціемъ и въ своихъ научныхъ трудахъ; говоря о рудныхъ жилахъ и пріискѣ ихъ, онъ приводитъ мнѣніе Лукреція о происхожденіи металловъ:

«Не рѣдко бываетъ, что жилы какимъ нибудь слѣпымъ случаемъ безъ нарочнаго исканія находятся. Такимъ ненарочнымъ приключеніемъ сыскано богатое Раммельсбергское горное мѣсто въ Германіи. Такимъ ненарочнымъ случаемъ приписываетъ самое перьвое изобрѣтеніе металловъ древній Римскій Стихотворецъ и Философъ Лукреції слѣдующими стихами:

Желѣзо, злато, мѣдь, свинцова крѣпка сила,
И тягость серебра тогда себя открыла,
Какъ сильной огнь въ горахъ сжигалъ великой лѣсъ;
Или на тѣ мѣста ударилъ громъ съ небесъ" и т. д.

(Первыя основанія металлургіи, или рудныхъ дѣлъ. 1763. стр. 68—70. §§ 57 и 58.).

Есть извѣстіе, что Письмо о пользѣ стекла написано Ломоносовымъ по совершенно случайному поводу. П. Ѳ. Кузмищевъ сообщилъ слѣдующее «преданіе»:

«М. В. Ломоносовъ, обѣдая однажды у И. И. Шувалова, былъ въ кафтанѣ съ большими стеклянными пуговицами, какія тогда нашивали и какія мы видали только въ маскарадахъ. Кто-то изъ гостей — петиметръ того времени — неосторожно замѣтилъ, что стеклянныя пуговицы давно уже не въ модѣ. Ломоносовъ, со свойственной ему горячностію, отвѣчалъ, что, не слѣдуя модѣ, онъ предпочитаетъ ихъ металлическимъ и всякимъ другимъ, и всегда будетъ носить ихъ изъ уваженія къ стеклу. И началъ исчислять пользы, доставляемыя стекломъ въ домашнемъ быту, въ ремеслахъ, художествахъ, наукахъ, и проч. и проч. Исчисленныя Ломоносовымъ пользы стекла показались такъ важны хозяину, что онъ просилъ своего гостя описать все это въ стихахъ, и слѣдствіемъ того было извѣстное посланіе Ломоносова къ Шувалову «о пользѣ стекла».

Справедливо ли это происшествіе? Теперь между нами живыхъ свидѣтелей нѣтъ. Но такъ оно дошло до насъ по разсказамъ и *по преданію*. Судя однакожъ по характеру ученаго поэта — горячему, пылкому, настойчивому, можно не токмо допустить возможность событія, но нельзя даже много и сомнѣваться. Самое начало посланія:

Неправо о вещахъ тѣ думаютъ, Шуваловъ,
Которые Стекло чтутъ ниже Минераловъ, и проч.

служитъ подтвержденіемъ и доказательствомъ бывшаго спора о стеклѣ. Мнѣ кажется достойнымъ вниманія каждаго сохранять,

но не затаивать отъ свѣта, всякое происшествіе о великомъ человѣкѣ, дошедшее до насъ даже и по преданію. Считаю не излишнимъ сообщить эту историческую замѣтку и характерную черту Ломоносова и потому еще, что ея нѣтъ ни въ одномъ жизнеописаніи его».

Замѣтка Кузмищева прислана изъ Архангельска 24 Февраля 1843 года, и подписана начальными буквами: П. К.

(Москвитянинъ. 1845. № 1. Матеріалы для русской исторіи и для исторіи русской словесности. стр. 17—18.

Указатель статей и матеріаловъ по исторіи, словесности, статистики и этнографіи Россіи, помѣщенныхъ въ Москвитянинѣ, за 1841 — 1853 годы. стр. 59 и 98).

Павелъ Ѳедоровичъ Кузмищевъ (1798—1850) въ молодости служилъ въ Камчаткѣ, потомъ былъ «Капитаномъ надъ Астраханскимъ портомъ» и наконецъ «Капитаномъ надъ Архангельскимъ портомъ», нѣсколько разъ исправляя должность Командира порта. И на югѣ и на сѣверѣ Россіи Кузмищевъ оставилъ слѣды своей просвѣщенной дѣятельности, и трудами своими много содѣйствовалъ изученію тѣхъ мѣстностей, гдѣ онъ находился по своимъ служебнымъ обязанностямъ.

(Архангельскія Губернскія Вѣдомости. 1850. №№ 42, 43, 44).

По всей вѣроятности «Письмо о пользѣ стекла» вызвано болѣе серьезными соображеніями. Появленіе его находится въ связи съ предпріятіемъ Ломоносова открыть фабрику для дѣланія разноцвѣтныхъ стеколъ, бисера, стекляруса, и т. п. На это есть указаніе и въ самомъ «Письмѣ о пользѣ стекла», какъ напримѣръ:

Ст. 367—370. Далече до конца Стеклу достойныхъ хвалъ.
На кои цѣлой годъ едва бы мнѣ досталъ.
За тѣмъ ужѐ слова̀ похвальны оставляю,
И что объ немъ писалъ, то дѣломъ начинаю.

Ст. 4—5. Не меньше польза въ немъ, не меньше въ немъ краса.
Не рѣдко я для той съ Парнасскихъ горъ спускаюсь.

Представляя въ Академію наукъ отчетъ о своихъ занятіяхъ за первую треть 1752 года, Ломоносовъ говоритъ: «Упражнялся въ химической практикѣ для исправленія *стеклянаго дѣла*» и т. д.

(Архивъ Академической Канцеляріи. Рукопись № 166. л. 422).

Въ концѣ декабря 1752 года Ломоносовъ представилъ въ Академію наукъ «Письмо о пользѣ стекла» для напечатанія, а 14 декабря того же года состоялось слѣдующее постановленіе, давшее Ломоносову возможность на дѣлѣ доказать пользу стекла:

«Въ Собраніи Правительствующій Сенатъ, по челобитью Коллежскаго Совѣтника и Академіи Наукъ Профессора Михайла Ломоносова, коею представляетъ, что по Регламенту Мануфактуръ-Коллегіи позволены всякаго чина людямъ въ Россіи, гдѣ кто за благо разсудитъ, фабрики и мануфактуры заводить и распространять, какія въ чужестранныхъ Государствахъ находятся, а особливо такія, для которыхъ матеріалы въ Россійскомъ Государствѣ найтиться могутъ, обѣщая тѣмъ заводчикамъ денежное и всякое другое вспоможеніе; и въ упованіи де на такое Высочайшее обнадеживаніе желаетъ онъ, Ломоносовъ, къ пользѣ и славѣ Россійской Имперіи завесть фабрику дѣланія изобрѣтенныхъ имъ разноцвѣтныхъ стеколъ, и изъ нихъ бисеру, пронизокъ и стеклярусу и всякихъ другихъ галантерейныхъ вещей и уборовъ, чего еще понынѣ въ Россіи не дѣлаютъ, но привозятъ изъ за моря великое количество, цѣною на многія тысячи; а онъ, Ломоносовъ, съ помощію Божіею, можетъ на своей фабрикѣ, когда она учредится, дѣлать помянутыхъ товаровъ, не токмо требуемое здѣсь количество, но и со временемъ такъ размножить, что и за море отпускать оные можно будетъ, которые и покупать будутъ охотно, ибо вышеписанные товары станутъ здѣсь заморскаго дешевле, и по размноженіи заводовъ будутъ продаваться за меньшую цѣну, нежели какъ нынѣ, для того, что принадлежащіе къ сему дѣлу главные матеріалы здѣсь дешевле заморскаго, и въ такомъ довольствѣ, что оныхъ знатное количество отпускаютъ въ другія Государства, какъ-то напримѣръ: поташъ, котораго на его заводахъ немалое число исходить имѣетъ,

и въ передѣлѣ продаваться будетъ много большею цѣною, отъ чего и пошлинъ въ казну Ея Императорскаго Величества больше собираться имѣетъ; а каковы изобрѣтенные имъ стеклянные составы, тому приложилъ пробы, также и нѣкоторыхъ изъ нихъ дѣланныхъ вещей; и когда де Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества указомъ повелѣно будетъ здѣсь производить мозаичное художество, то обѣщается онъ показать, кому повелѣно будетъ, удобные способы къ набиранію всякихъ мозаичныхъ вещей, и сверхъ того ставить для сего дѣла съ его заводовъ требуемое количество составовъ, цѣною тридцатью процентами ниже, нежели какъ оные въ Римѣ продаются, то есть, отпускать оные около 3 рублей пудъ; и проситъ, чтобъ указомъ Ея Императорскаго Величества повелѣно было ему, Ломоносову, завесть и содержать означенную фабрику дѣланія изобрѣтенныхъ имъ разныхъ цвѣтовъ стеколъ и изъ нихъ бисера, пронизокъ и стекляруса и всякихъ другихъ галантерейныхъ вещей и уборовъ: а къ сему бъ учинить вспоможеніе подъ заведеніе той фабрики, на которой по размноженіи должно быть мастеровыхъ и работныхъ людей около 100 человѣкъ, и больше, также потребны дрова, глина и песокъ, отвесть въ Копорскомъ уѣздѣ село Ополье, или въ другихъ уѣздахъ, отъ С. Петербурга не далѣе полуторы-сотъ верстъ, гдѣ бы мужеска пола около 200 душъ имѣлось, съ принадлежащими къ нему деревнями, лѣсами и другими угодьями, и къ тому де лѣсу и крестьянамъ быть при той фабрикѣ вѣчно, и никуда ихъ не отлучать, ибо наемными людьми за новостію той фабрики въ совершенство привести не можно, и въ обученіи того, какъ новаго дѣла, произойти можетъ не малая трудность и напрасный убытокъ, для того, что наемные работники, хотя тому мастерству и обучатся, но потомъ ихъ власти или помѣщики, для какихъ нибудь причинъ, при той фабрикѣ быть имъ больше не позволятъ, то понадобится вновь другихъ обучать, а послѣ и съ тѣми тожъ учинится, отъ чего въ распространеніи фабрики можетъ воспослѣдовать крайняя остановка; и хотя въ дачѣ деревень подъ заводы фабрикъ въ вышепомянутомъ Регламентѣ не

изображено именно, однако, понеже казенные заводы, которые уже приведены въ состояніе съ немалымъ казны иждивеніемъ, повелѣно отдавать въ содержаніе приватнымъ людямъ: того ради нѣтъ сумнѣнія, что начинающимъ новыя фабрики давать для оныхъ деревни и крестьянъ заключается въ вышепомянутомъ Регламентѣ подъ именемъ всякаго вспоможенія: ибо тѣ деревни, на которыя для заводовъ казенной суммы не положено, отдавать фабрикантамъ много безубыточнѣе; для новости же той фабрики, уволить оную отъ постоя и отъ платежа пошлинъ съ покупныхъ на оную матеріаловъ и съ продажи сдѣланнаго товара, на сколько лѣтъ Всемилостивѣйше благоволено будетъ; на строеніе на оной фабрикѣ сараевъ, на печи, на инструменты и на матеріалы сперва выдать изъ казны денегъ 4.000 рублей безъ процентовъ, которые онъ обѣщается выплатить въ пять лѣтъ. А понеже де дѣланіе вышепомянутыхъ вещей не можетъ такъ происходить, чтобъ онаго другіе не увидѣли, и способа, какъ дѣлать, не переняли, и такихъ въ своихъ собственныхъ деревняхъ съ его примѣра не начали, отъ чего ему остановка и убытокъ послѣдовать можетъ: того ради пожаловать ему на сію фабрику привиллегію одному, подъ запрещеніемъ другимъ на 30 лѣтъ, и ежели для способнѣйшаго и скорѣйшаго дѣланія бисера и пронизокъ потребны будутъ мастера изъ-за моря, которые бы обучали Россійскихъ людей, таковыхъ позволить выписывать, и какъ онъ на своей фабрикѣ помянутыхъ товаровъ столько дѣлать будетъ, сколько изъ другихъ Государствъ вывозятъ, и станетъ просить о запрещеніи вывоза оныхъ, тогда оной вывозъ запретить, и о томъ о всемъ пожаловать ему указъ, и куда надлежитъ, сообщить. И справкою изъ С. Петербургской Губернской Канцеляріи показано, что вышеписанное село Ополье состоитъ въ Ямбургскомъ, а не Копорскомъ уѣздѣ, Дворцоваго вѣдомства, Ямсковицкой мызы, въ которомъ имѣется по нынѣшней ревизіи мужеска пола 151 душа. А по справкѣ въ Сенатѣ: въ Именномъ Ея Императорскаго Величества указѣ, за подписаніемъ собственныя Ея Императорскаго Величества руки, состоявшемся въ 1741-мъ Декабря 6

написано: Понеже по состоявшемуся въ 1726 году Іюня 20 дня Ея Императорскаго Величества Всевлюбезнѣйшей Матери, блаженныя и вѣчнодостойныя памяти, Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны, за подписаніемъ собственныя Ея Величества руки, указу повелѣно, чтобъ о Дворцовыхъ, монастырскихъ, и о Лифляндскихъ, и о Эстляндскихъ деревняхъ никому себѣ въ дачу не били челомъ, для того, что оныя положены въ окладъ на Дворцовые и прочіе Государственные расходы: того ради тотъ прежній указъ Ея Императорское Величество указать соизволила подтвердить, дабы, какъ о вышеписанныхъ, такъ и о тѣхъ, кои къ госпиталю приписаны, никто не дерзалъ Ея Императорскому Величеству бить челомъ, а кому за извѣстныя службы надлежитъ, тѣ бъ били челомъ о конфискованныхъ и выморочныхъ, изъ которыхъ Ея Императорское Величество, по усмотрѣнію службы, Всемилостивѣйше жаловать имѣетъ, Приказали: 1. Вышеписанную фабрику, для дѣланія изобрѣтенныхъ онымъ Совѣтникомъ Ломоносовымъ разноцвѣтныхъ стеколъ и изъ нихъ бисера, пронизокъ и стекляруса, и всякихъ другихъ галантерейныхъ вещей и уборовъ, ему, Ломоносову, завесть позволить, ибо оная фабрика и дѣланіе на оной вышеобъявленныхъ вещей, по разсужденію Правительствующаго Сената, за нужную Государству и полезную признавается: понеже тѣхъ вещей, какія на оной фабрикѣ, по изобрѣтенію и показанію онымъ Совѣтникомъ Ломоносовымъ секрета, дѣйствительно дѣлаться будутъ, какъ то Правительствующему Сенату извѣстно, и отъ Коммерцъ-Коллегіи вѣдомостью показано, и одному здѣшнему порту изъ-за моря въ вывозѣ бываетъ на не малую сумму, коихъ уже впредь, по дѣйствительномъ вышеупоминаемой фабрики заведеніи, и вывозить никакой нужды не будетъ, ибо онъ, Ломоносовъ, обнадеживаетъ, дѣланными на той своей фабрики вещами не токмо всю Россійскую Имперію удовольствовать, но со временемъ и за море оныя отпускать, и тако та сумма, которая нынѣ за такія жъ вывозныя вещи у Россійскихъ подданныхъ въ расходѣ бываетъ, и изъ Государства вонъ

выходитъ, впредь имѣетъ оставаться здѣсь въ Россіи, и для всѣхъ такихъ обстоятельствъ о требоваемомъ имъ, Ломоносовымъ, подъ заведеніе той Фабрики селѣ Ополье, поднесть Ея Императорскому Величеству докладъ, съ такимъ всеподданнѣйшимъ отъ Сената представленіемъ, что не соизволитъ ли Ея Императорское Величество то село Ополье, для заведенія вышеобъявленной нужной Государству полезной Фабрики, со всѣми къ тому селу принадлежащими угодьи ему, Ломоносову, пожаловать и быть тому селу при оной Фабрикѣ, по силѣ Именнаго указа, состоявшагося въ 1721 году Генваря 18, и даннаго Мануфактуръ-Коллегіи Регламента 17 пункта, вѣчно неотъемлему, дабы онъ, Ломоносовъ, имѣя въ томъ твердую надежду и проча ее себѣ и потомкамъ своимъ, могъ тому своему художеству, употребя изъ находящихся въ ономъ селѣ молодыхъ людей, совершенно обучить, и о томъ просить Ея Императорскаго Величества Всемилостивѣйшаго указа. 2. Къ начинательному той Фабрики произвожденію выдать ему, Ломоносову, здѣсь изъ Мануфактуръ-Конторы, изъ собираемыхъ за продажную гербовую бумагу денегъ заимообразно на 5 лѣтъ безъ процента 4.000 рублей, съ такимъ обязательствомъ, чтобы онъ ту данную ему сумму, по прошествіи 5 лѣтъ, по обнадеживанію своему возвратилъ въ казну безъ всякихъ отговорокъ, и ту Фабрику распространялъ и въ наилучшее состояніе приводилъ, какъ Мануфактуръ-Коллегіи Регламентъ повелѣваетъ. 3. А чтобы та заведенная имъ, Ломоносовымъ, Фабрика, время отъ времени могла приходить въ наилучшее цвѣтущее состояніе, или отъ кого никакого помѣшательства и подрыву имѣть не могла, и онъ бы, Ломоносовъ, яко первый въ Россіи тѣхъ вещей секрета сыскатель, за понесенной имъ трудъ удовольствіе имѣть могъ: того ради впредь отъ нынѣшняго времени 30 лѣтъ никому другимъ въ заведеніи такихъ Фабрикъ дозволенія не давать. 4. Для новости той Фабрики, въ покупку на оную потребныхъ матеріаловъ и сдѣланныхъ вещей, внутреннихъ пошлинъ 10 лѣтъ не брать, и быть оной Фабрикѣ въ вѣдомствѣ Мануфактуръ-Коллегіи и оной Коллегіи Конторы, и ту его, Ломоносова, Фабрику,

такъ, какъ и прочія, отъ постою уволить; и ежели на оную потребны будутъ для способнѣйшаго и скорѣйшаго дѣланія бисеру и пронизокъ мастеры, изъ-за моря оныхъ ему, Ломоносову, выписывать самому и на своемъ коштѣ, и о томъ о всемъ дать ему указъ съ прочетомъ, и въ Мануфактуръ-Коллегію и изъ оной Коллегіи въ Контору и куда надлежитъ послать указы. 5. Что же онъ Ломоносовъ въ прошеніи своемъ пишетъ, какъ онъ на той своей Фабрикѣ помянутыхъ товаровъ столько дѣлать будетъ, сколько изъ другихъ Государствъ вывозятъ, тогда оной вывозъ запретить, о томъ надлежащее опредѣленіе учинено будетъ въ то время, какъ его Фабрика въ размноженіе придетъ и вышеозначенныхъ вещей съ довольствомъ дѣлано будетъ».

(Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи. 1830. Т. XIII. № 10057. 1752 года, декабря 14. стр. 750 — 753).

Время написанія «Письма о пользѣ стекла» опредѣляется собственноручнымъ представленіемъ Ломоносова:

«Въ Канцелярію Академіи наукъ
Репортъ.

Намѣренъ я напечатать на своемъ коштѣ Письмо о пользѣ стекла, писанное къ дѣйствительному Ея Императорскаго Величества Каммергеру и Кавалеру Ивану Ивановичу Шувалову, въ четверть дести четыре ста книжекъ, дватцеть на алеѯандрійской да три ста восмьдесять на заморской комментарной бумагѣ, тѣми литерами, которыми печатаны мои трагедіи.

Того ради Канцелярія Академіи наукъ да соблаговолитъ оное приказать печатать. Декабря 29 дня 1752 года.

Коллежской Совѣтникъ и Профессоръ Михайло Ломоносовъ».

(Архивъ Академической Канцеляріи. Рукопись № 172. л. 254.)

30 декабря 1752 года Академическая Канцелярія постановила: «напечатать немедленно».

(Архивъ Академической Канцеляріи. Рукопись № 521. Журнала № 795.)

Ст. 11—29, 35—40.

Не должно тлѣнности примѣромъ тое быть,
Чего и сильный огнь не можетъ разрушить,
Другихъ вещей земныхъ конечный раздѣлитель:
Стекло имъ рождено; огонь его родитель.
Съ натурой нѣкогда онъ произвесть хотя
Достойное себя и оныя дитя,
Во мрачной глубинѣ, подъ тягостью земною,
Гдѣ вѣчно онъ живетъ и борется съ водою,
Всѣ силы собралъ вдругъ, и хляби затворилъ,
Въ которы Океанъ на брань къ нему входилъ.
Напрягся мышцами и рамена подвинулъ,
И тяготу землѝ превыше облакъ вскинулъ.
Внезапно черный дымъ навелъ густую тѣнь,
И въ ночь ужасную перемѣнился день.
Не баснотворнаго здѣсь ради Геркулеса
Двѣ ночи сложены въ едину отъ Зевеса;
Но Етна правдѣ сей свидѣтель вѣчный намъ,
Которая дала путь чуднымъ симъ родамъ.
Изъ ней разжженная рѣка текла въ пучину. . . . . .
Но чтожъ отъ нѣдръ земныхъ родясь произошло?
Любезное дитя, прекрасное Стекло.
Увидѣвъ смертные, о какъ ему дивились!
Подобное тому сыскать искусствомъ тщились.
И было въ дѣлѣ семъ удачно мастерство:
Превысило своимъ раченьемъ естество.

Ср. Лукрецій: De rerum natura. Кн. II. ст. 589—593; кн. VI. ст. 680—693; кн. V. ст. 380—396.

Principio tellus habet in se corpora prima,
unde mare inmensum volventes frigora fontes
adsidue renovent, habet ignes unde oriantur:
nam multis succensa locis ardent sola terrae,
eximiis vero furit ignibus impetus Aetnae. . . .

*

nunc tamen illa modis quibus inritata repente
flamma foras vastis Aetnae fornacibus efflet,
expediam. primum totius subcava montis
est natura, fere silicum suffulta cavernis.
omnibus est porro in speluncis ventus et aër.
ventus enim fit, ubi est agitando percitus aër:
hic ubi percaluit cale fecitque omnia circum
saxa furens, qua contingit, terramque, et ab ollis
excussit calidum flammis velocibus ignem,
tollit se ac rectis ita faucibus eicit alte.
fert itaque ardorem longe, longeque favillam
differt, et crassa volvit caligine fumum,
extruditque simul mirando pondere saxa;
ne dubites quin haec animai turbida sit vis. . . . .
Denique tantopere inter se cum maxima mundi
pugnent membra, pio nequaquam concita bello,
nonne vides aliquam longi certaminis ollis
posse dari finem, vel cum sol et vapor omnis
omnibus epotis umoribus exsuperarint?
quod facere intendunt, neque adhuc conata patrantur:
tantum suppeditant amnes ultraque minantur
omnia diluviare ex alto gurgite ponti,
ne quiquam, quoniam verrentes aequora venti
deminuunt radiisque retexens aetherius sol,
et siccare prius confidunt omnia posse
quam liquor incepti possit contingere finem.
tantum spirantes aequo certamine bellum
magnis inter se de rebus cernere certant,
cum semel interea fuerit superantior ignis
et semel, ut fama est, umor regnarit in arvis.
ignis enim superat et lambens multa perussit. . . .

Происхожденіе стекла Плиній (кн. XXXVI, гл. LXV) объясняетъ такимъ образомъ:

Pars est Syriae, quae Phoenice vocatur, finitima Judaeae, intra montis Carmeli radices Paludem habens, quae vocatur Cendevia. Ex ea creditur nasci Belus amnis, quinque m pass. spatio in mare perfluens, juxta Ptolemaiden coloniam. Lentus hic currit, insaluber potu, sed caerimoniis sacer, limosus, vado profundus. Non nisi refuso mari arenas fatetur: fluctibus enim volutatae nitescunt, detritis sordibus. Tunc et marino creduntur adstringi morsu, non prius utiles. Quingentorum est passuum non amplius littoris spatium, idque tantum multa per saecula gignendo fuit vitro. Fama est, appulsa nave mercatorum nitri, quum sparsi per littus epulas pararent, nec esset cortinis attolendis lapidum occasio, glebas nitri e nave subdidisse. Quibus accensis permixta arena litoris, translucentes novi liquoris fluxisse rivos, et hanc fuisse originem vitri.

Ст. 153—178. Ломоносовъ яркими красками изображаетъ жестокихъ поработителей Америки:

О коль ужасно зло! на то ли человѣкъ
Въ незнаемыхъ моряхъ имѣлъ опасный бѣгъ,
За тѣмъ ли онъ сошелъ на красны берегà,
Чтобъ тамъ себя явить свирѣпаго врага?
Ужè горятъ Царей тамъ древнїя жилища;
Вѣнцы врагамъ корысть, и плоть ихъ вранамъ пища!
И кости предковъ ихъ изъ золотыхъ гробовъ
Чрезъ стѣны падаютъ къ смердящимъ трупамъ въ ровъ!
Съ перстнями рýки прочь и головы́ съ убранствомъ
Сѣкутъ несытые и златомъ и тиранствомъ.
Иныхъ свирѣпствуя въ средину гонятъ горъ,
Драгой металлъ изрыть изъ преглубокихъ норъ.
Обрушилась гора: лежатъ въ ней погребенны
Бесчастные! или по истиннѣ блаженны,
Что вдругъ избѣгли всѣ бесчеловѣчныхъ рукъ,
Работы тяжкїя, ругательства и мукъ!

Стихи Ломоносова, по выраженной въ нихъ мысли и по силѣ негодованія, напоминаютъ отчасти Радищева: «Европейцы, опустошивъ Америку, утучнивъ нивы ея кровію природныхъ ея жителей, положили конецъ убійствамъ своимъ новою корыстію. Заклавъ Индійцовъ, злобствующіе Европейцы, учители кротости и человѣколюбія, къ корени яростнаго убійства завоевателей прививаютъ хладнокровное убійство порабощенія— пріобрѣтеніемъ невольниковъ куплею. И мы страну опустошенія назовемъ блаженною для того, что поля ея не поросли терніемъ и нивы ихъ изобилуютъ произращеніями разновидными. Назовемъ блаженною страною, гдѣ сто гордыхъ гражданъ утопаетъ въ роскоши, а тысящи не имѣютъ надежднаго пропитанія, ни собственнаго отъ зноя и мраза укрова. О дабы опустѣти паки обильнымъ симъ странамъ» и т. д.

(Путешествіе изъ Петербурга въ Москву. 1790. стр. 249—251.)

Ст. 205—237. Ломоносовъ передаетъ миѳъ о Прометеѣ, обладавшемъ изумительными для смертныхъ знаніями, похитившемъ небесный огонь: раздраженный Зевесъ приковалъ Прометея къ скалѣ и отдалъ его коварное сердце на растерзаніе орлу. Желая отыскать настоящій смыслъ поэтическаго преданія, Ломоносовъ спрашиваетъ:

Не свергла ль въ пагубу *наука* Прометея?
Не злясь ли на него невѣждъ свирѣпыхъ полкъ,
На знатны вымыслы сложилъ неправой толкъ?
Не наблюдалъ ли звѣздъ тогда сквозь Телескопы;
Что нынѣ воскресилъ трудъ щастливой Европы?
Не огнь ли онъ Стекломъ умѣлъ сводить съ небесъ,
И пагубу себѣ отъ Варваровъ нанесъ,
Что предали на казнь, обнесши чародѣемъ?

Подобное объясненіе миѳа о Прометеѣ, вполнѣ соотвѣтствующее взгляду Ломоносова на борьбу науки съ невѣжествомъ, встрѣчается въ греческой и римской литературѣ.

Аполлоній Родосскій (270—186 до Р. Х.), въ своей поэмѣ, описывающей походъ Аргонавтовъ (Argonautica), неоднократно упоминаетъ о Прометеѣ; казнь, постигшая Прометея, изображается въ слѣдующихъ стихахъ:

κεῖθεν δ' αὖ Μάκρωνας ἀπειρεσίην τε Βεχείρων
γαῖαν ὑπερφιάλους τε παρεξενέοντο Σάπειρας,
Βύζηράς τ' ἐπι τοῖσιν· ἐπιπρὸ γὰρ αἰὲν ἔτεμνον
ἐσσυμένως, λιαροῖο φορεύμενοι ἐξ ἀνέμοιο.
καὶ δὴ νισσομένοισι μυχὸς διεφαίνετο πόντου·
καὶ δὴ Καυκασίων ὀρέων ἀνέτελλον ἐρίπναι
ἠλίβατοι, τόθι γυῖα περι στυφελοῖσι πάγοισιν
ἰλλόμενος χαλκέῃσιν ἀλυκτοπέδῃσι Προμηθεὺς
αἰετὸν ἥπατι φέρβε παλιμπετὲς ἀίσσοντα.
τὸν μὲν ἐπ' ἀκροτάτης ἴδον ἕσπερον ὀξέι ῥοίζῳ
νηὸς ὑπερπτάμενον νεφέων σχεδόν· ἀλλὰ καὶ ἔμπης
λαίφεα πάντ' ἐτίναξε, παραιθύξας πτερύγεσσιν.
οὐ γὰρ ὅγ' αἰθερίοιο φυὴν ἔχεν οἰωνοῖο,
ἶσα δ' ἐυξέστοις ὠκύπτερα πάλλεν ἐρετμοῖς.
δηρὸν δ' οὐ μετέπειτα πολύστονον ἄιον αὐδὴν
ἧπαρ ἀνελκομένοιο Προμηθέος· ἔκτυπε δ' αἰθὴρ
οἰμωγῇ, μέσφ' αυτις ἀπ' οὔρεος ἀίσσοντα
αἰετὸν ὠμηστὴν αὐτὴν ὁδὸν εἰσενόησαν.
ἐννύχιοι δ' Ἄργοιο δαημοσύνῃσιν ἵκοντο
Φᾶσίν τ' εὐρὺ ῥέοντα, καὶ ἔσχατα πείρατα πόντου.

Въ схоліяхъ на поэму Аполлонія Родосскаго говорится по поводу этихъ стиховъ:

τόθι γυῖα περι στυφ.: ὁ Προμηθεὺς ἐδέδετο ἐν τῷ Καυκάσῳ, καὶ ὁ ἀετὸς τὸ ἧπαρ αὐτοῦ κατήσθιεν. Ἀγροίτας δὲ ἐν τῇ ιγ̅ τῶν Λιβυκῶν δαπανᾶσθαί φησι τὸ ἧπαρ Προμηθέως δόξαι ὑπὸ τοῦ ἀετοῦ διὰ τὸ τὴν κρατίστην τοῦ Προμηθέως χώραν τὸν ποταμὸν τὸν καλούμενον Ἀετὸν φθείρειν, ἧπαρ δὲ παρὰ πολλοῖς τὴν εὔκαρπον λέγεσθαι γῆν. Ἡρακλέους δὲ ἐξοχετεύσαντος διώρυξι τὸν ποταμὸν τόν τε ἀετὸν δόξαι ὑπ' αὐτοῦ κεχωρίσθαι καὶ τὸν Προμηθέα λελύσθαι τῶν

δεσμῶν. Θεόφραστος δὲ τὸν Προμηθέα φησὶ σοφὸν γενόμενον μεταδοῦναι πρῶτον τοῖς ἀνθρώποις φιλοσοφίας, ὅθεν καὶ διαδοθῆναι τὸν μῦθον, ὡς ἄρα πυρὸς μεταδοίη. καὶ Ἡρόδωρος ξένως περὶ τῶν δεσμῶν τοῦ Προμηθέως ταῦτα. εἶναι γὰρ αὐτὸν Σκυθῶν βασιλέα φησί, καὶ μὴ δυνάμενον παρέχειν τοῖς ὑπηκόοις τὰ ἐπιτήδεια διὰ τὸ τὸν καλούμενον Ἀετὸν ποταμὸν ἐπικλύζειν τά πεδία δεθῆναι ὑπὸ τῶν Σκυθῶν, ἐπιφανέντα δὲ Ἡρακλέα τὸν μὲν ποταμὸν ἀποστρέψαι εἰς τὴν θάλασσαν, καὶ διὰ τοῦτο μεμυθεῦσθαι ἀνῃρηκέναι τὸν ἀετὸν Ἡρακλέα, τὸν δὲ Προμηθέα λῦσαι τῶν δεσμῶν. Φερεκύδης δὲ ἐν δευτέρῳ Τυφῶνος καὶ Ἐχίδνης τῆς Φόρκυνός φησι τὸν ἀετὸν τὸν ἐπιπεμφθέντα Προμηθεῖ. ὅτε δὲ ὁ ἀετὸς ἤσθιεν τῆς ἡμέρας τοῦ ἥπατος, τὸ λειπόμενον ηὔξετο τῆς νυκτὸς καὶ ἐγίνετο ἴσον.

(Apollonii Argonautica emendavit apparatum criticum et prolegomena adiecit R. Merkel. 1854. стр. 133—134. Пѣснь II. ст. 1242—1261. и стр. 446—447.)

У Виргилія (Ecloga VI, v. 41—42):

hinc lapides Pyrrhae iactos, Saturnia regna,
Caucaseasque refert volucres furtumque Promethei.

Въ «Комментаріяхъ» Сервія на эклоги Виргилія:

Prometheus, Japeti et Clymenes filius, post factos a se homines dicitur auxilio Minervae caelum ascendisse et adhibita facula ad rotam Solis ignem furatus, quem hominibus indicavit. ob quam causam irati dii duo mala inmiserunt terris, mulieres et morbos, sicut et Sappho et Hesiodus memorant. quod tangit etiam Horatius dicens post ignem aetheria domo subductum macies et nova febrium terris incubuit cohors. ipsum etiam Prometheum per Mercurium in monte Caucaso religaverunt ad saxum, et adhibita est aquila, quae eius cor exederet. haec autem omnia non sine ratione finguntur: nam Prometheus vir prudentissimus fuit, unde etiam Prometheus dictus est ἀπὸ τῆς προμηθείας, id est a providentia. hic primus astrologiam Assyriis indicavit, quam residens in monte altissimo Caucaso, nimia cura et sollicitudine deprehenderat. hic autem mons positus est circa Assyrios, vicinus, paene sideribus, unde etiam maiora astra demonstrat et diligenter eorum

ortus occasusque significat. dicitur autem aquila cor eius exedere, quod θυμοβόρος est sollicitudo, qua ille adfectus siderum omnes deprehenderat motus. et noc quia per prudentiam fecit, duce Mercurio, qui prudentiae et rationis deus est, ad saxum dicitur esse religatus. deprehendit praeterea rationem fulminum *eliciendorum* et hominibus indicavit, unde caelestem ignem dicitur esse furatus. nam quadam arte ab eodem monstrata supernus ignis eliciebatur, qui mortalibus profuit, donec eo bene usi sunt: nam postea malo hominum usu in perniciem eorum versus est, sicut in Livio (I 31, 7) lectum est de Tullo Hostilio, qui eo igni exustus est cum omnibus suis; Numa vero Pompilius impune eo usus est tantum in sacris deorum. hinc est, quod igne rapto ab iratis numinibus morbi hominibus dicuntur inmissi.

(Servii Grammatici qui feruntur in Vergilii Bucolica et Georgica Commentarii recensuit Georgius Thilo. 1887. стр. 72—73.)

Въ книгѣ аббата Банье, члена Академіи надписей, находимъ какъ бы отвѣтъ на вопросъ Ломоносова: «не наблюдалъ ли Прометей звѣздъ?» Банье сообщаетъ такого рода сказаніе о Прометеѣ:

Promethée, fils de Japet et de Chimene, homme fin et rusé, ayant entrepris de tromper Jupiter dans un sacrifice, fit tuer deux boeufs, et remplit une des deux peaux de la chair, et l'autre des os de ces victimes. Jupiter fut la dupe de Promethée, et choisit la derniere. Resolu de s'en venger sur tous les hommes, il leur ôta l'usage du feu. Promethée avec l'aide de Minerve, dont les conseils lui avoient déjà servi lorsqu'il forma le corps de l'homme avec de la boue détrempée, monta jusqu'au Ciel, et s'étant approché du chariot du Soleil, y prit le feu sacré qu'il porta sur la terre dans la tige d'une ferule. Jupiter outré de ce nouvel attentat, ordonna à Vulcain de former une femme qui fût douée de toutes sortes de perfections, ce qui la fit appeller *Pandore.* Les Dieux la comblerent de presens, et l'envoyerent à Promethée avec une boete remplie de tous les maux. Ce Prince s'en étant défié, ne voulut point la recevoir pour sa compagne; mais Epimethée à qui elle se presenta, en fut si charmé qu'il l'épousa,

et en eut Pirrha femme de Deucalion: il voulut aussi voir ce qui étoit dans la boete fatale, et sur le champ il en sortit ce déluge de maux, qui ont depuis ce temps-là inondé toute la terre. Il la referma promptement, mais il n'y eut que l'esperance qui n'eut pas le tems de s'évaporer, et c' est le seul bien qui reste aux hommes malheureux. Jupiter enfin outré de ce que Promethée n'avoit pas donné dans ce dernier piege, ordonna à Mercure de le conduire sur le Mont Caucase et de l'attacher à un rocher, où une Aigle, fille de Tiphon et d'Echidne, devoit lui dévorer les entrailles pendant l'espace de 30000 ans. Hercule le delivra cependant quelques années aprés, ou, selon d'autres, Jupiter lui-même, en recompense de ce qu'il lui avoit revelé l'Oracle des Parques, qui avoient prédit que l'enfant de Thetis seroit plus puissant que son pere; telle est la Fable de Promethée. Il paroît, dit Alcidon, qu'elle renferme une ancienne Histoire, mais extrémement défigurée; on y entrevoit une infinité d'allegories, le nom même de Promethée en fournit un grand nombre; il veut dire celui qui prévoit l'avenir; et celui d'Epimethée signifie celui qui connoît ce qui est arrivé. Je croirois même, reprit Eliante, entrevoir dans cette Fable quelques vestiges de la tradition de la chute de nos premiers Peres, et de la séduction d'Adam par Eve sa femme. Il y a un peu de tout cela, dit l'Abbé, mais si nous remontons à la source, nous pourrons y découvrir l'Histoire qui y est renfermée. Promethée cousin germain de Jupiter, ne fut pas exempt de la persecution qu'il fit souffrir aux Titans, et il n'en faut pas chercher d'autre cause que l'ambition du Prince Candiot, ni dire que c'est parce qu'il étoit fils d'Eurimedon et de Junon sa femme, comme le prétendent quelques Auteurs. Comme Promethée se retira dans la Scythie, d' où il n'osa sortir du vivant de Jupiter, on dit que ce Dieu l'avoit fait attacher au Mont Caucase, et l' on n'emploie le ministere de Mercure, que parce que Jupiter se servit peut être de l'habileté de ce jeune Prince pour donner de l'inquietude à Promethée, et l'empêcher de remuer. Ce Prince uniquement adonné à l'Astrologie, se retiroit souvent sur le Mont Caucase,

comme sur une espece d'Observatoire, d'où il contemploit les Astres, et étoit comme dévoré par ses continuelles méditations, ou plutôt par le chagrin de mener une vie si triste, et d'être obligé de vivre dans un séjour si odieux; et c'est, pour le dire en passant, ce qui a donné lieu à la Fable de l'Aigle ou du Vautour qui dévoroit son foye, et on a dit qu'il ne renaissoit à mesure, que parce qu'il avoit tous les jours de nouveaux sujets de chagrin. Il ne faut pas pourtant oublier, dit Alcidon, d'avertir, qu' Herodote explique autrement cette Fable: Il dit que ce Prince n'ayant pû arrêter les débordemens d'un fleuve, qui à cause de sa rapidité étoit appellé l'Aigle, il fut mis en prison, ou du moins fut obligé de se retirer avec une partie de ses Sujets sur les Montagnes pour éviter l'inondation, jusques à ce qu'un Voyageur marqué par Hercule, entreprit d'y mettre des digues, et de tuer pour ainsi dire l'Aigle, en rendant son cours uniforme et reglé; et ainsi il délivra Promethée ou de sa prison, ou de sa retraite. Quoi qu'il en soit, reprit l'Abbé, les habitans de la Scithie étoient alors extrémement sauvages, et vivoient sans Loix et sans coutumes. Promethée Prince poli et sçavant leur apprit à mener une vie plus humaine, leur enseigna l'Agriculture, la Medecine, etc. et c'est ce qui a donné lieu à l'hyperbole, qui dit qu'il avoit formé l'homme, et que Minerve, qui est la Déesse des Sciences, l'avoit animé. Cependant si nous en croyons Lactance, sans avoir recours à cette explication allegorique, nous dirons simplement que ce qui a donné lieu à cette Fable, c'est que Promethée fut le premier qui enseigna l'Art de faire des statues avec de l'argille; ce qui fit dire par une hyperbole assez ordinaire, qu'il avoit formé l'homme, comme on dit dans la suite de Dedale, qu'il faisoit marcher les statues, parce qu'il leur separa les jambes, comme nous le dirons dans son Histoire. Pour expliquer maintenant la Fable du feu volé par Promethée, quelques Auteurs ont dit que ce qui y avoit donné lieu, c'est qu'il en avoit appris l'usage à l'homme; mais y a-t-il apparence qu'il eût été ignoré si longtemps, parmi même les Nations les plus barbares? L'usage du feu est appa-

remment aussi ancien que le monde, soit que la foudre l'ait porté sur la terre, soit que le vent ait embrasé quelques forêts en agitant les branches des arbres, soit qu'on ait fait du feu en frappant par hazard deux cailloux. Ainsi je croi que ce qui a donné lieu à cette Fable, c'est que Jupiter ayant fait fermer les boutiques où l'on forgeoit le fer, de peur que les Titans ne s'en servissent contre lui; Promethée qui se retira dans la Scythie, y établit de bonnes forges: de là nous sont venus les Calibes, ces excellens Forgerons; peutêtre même que croyant ne pas trouver du feu dans ce Pays, il y en apporta dans la tige d'une ferule, qui est fort propre à le conserver pendant plusieurs jours. M. de Tournefort a découvert dans son voyage du Levant, cette plante que les Grecs nommoient *Nartex*, et les Latins *Ferula;* sa tige est haute de cinq ou six pieds, l'écorce en est tres-dure, et le dedans est rempli d'une espece de moele que le feu ne consume que tres-lentement. Les Matelots s'en servent pour transporter du feu d'une Isle dans une autre. Mais, dit Eliante, vous n'expliquez pas la Fable de ces deux Boeufs dont vous avez parlé: Je croi, répondit l'Abbé, qu'elle n'a d'autre fondement, sinon que Promethée fut peutêtre le premier qui ouvrit des victimes pour tirer des augures de l'inspection de leurs entrailles; ou plutôt, reprit Alcidon, elle n'est fondée que sur ce que Promethée, qui étoit peutêtre Prêtre des Titans, voulut se mocquer de son cousin Jupiter que l'on honoroit comme un Dieu de son vivant. Expliquez-moi, je vous prie maintenant, pourquoi on a changé Epimethée en singe; c'est répondit l'Abbé, comme dit Lucien, que ce Prince étoit un habile Statuaire, et imitoit en perfection la nature. N'oublions pas de dire toutefois que le fameux Bochart, et aprés lui M. le Clere, croyent que Promethée est le même que Magog; et il fout avouer que le premier en fait un parallele bien ressemblant. Promethée est fils de Japet, et Magog fils de Japhet et petit-fils de Noé. Magog ainsi que Promethée alla s'établir dans la Scithie: le premier inventa ou perfectionna l'art de fondre les métaux et de forger le fer, ce que les Poetes attribuoient aussi à notre Pro-

methée; et même Diodore dit qu'il inventa plusieurs instrumens propres à faire du feu. La Fable même qui dit que Promethée étoit dévoré par un Aigle, vient de ce que le nom de Magog signifie un homme dévoré de chagrin. M. le Clerc ajoute qu'Epimethée est le même que Gog, dont le nom veut dire brûlant; ce qui convient, selon lui, à ce Prince, dont on a voulu marquer la passion pour les femmes par l'Histoire de Pandore. Il ajoute d'autres conjectures qui prouvent tout au plus que l'Histoire de ces deux Princes fut embellie de celles de Gog et de Magog, qui avoient avant eux exercé dans la Scithie l'art de forger le fer. Enfin, selon d'autres Auteurs, Promethée est le même que Noé, et le parallele qu'ils en font ne manque pas de vrai-semblance; tant il est aisé de trouver des rapports entre des personnes qui ont vécu dans des temps si reculez.

(Explication historique des fables. Par M. l'Abbé Banier. 1715. T. I. стр. 257—265.)

Ст. 245—254. Когдабы Аристархъ завистливымъ Клеантомъ
Не названъ былъ въ судѣ неистовымъ Гигантомъ,
Дерзнувшимъ землю всю отъ тверди потрясти,
Кругъ центра своего, кругъ солнца обнести;
Дерзнувшимъ научать, что всѣ домашни Боги
Терпятъ великой трудъ всегдашнїя доро́ги;
Вертится въ кругъ Нептунъ, Дїана и Плутонъ:
И страждутъ туже казнь какъ дерской Иксїонъ;
И неподвижная землѝ Богиня Веста
Къ упокоенїю сыскать не можетъ мѣста.

«Въ брошюрѣ своей: «Явленіе Венеры на Солнцѣ», Ломоносовъ говоритъ: «Древніе Астрономы, Никита Сиракузянецъ призналъ дневное земли́ около своей оси обращеніе; Филолай годовое около солнца. Сто лѣтъ по́слѣ того Аристархъ Самійскій показалъ Солнечную систему яснѣе. Однако Еллинскіе жрецы и суевѣры тому противились, и правду на много вѣковъ погасили. Первой Клеантъ нѣкто доносилъ на Аристарха, что онъ по своей системѣ о движеніи земли́ дерзнулъ подвигнуть съ мѣ́ста великую Богиню Весту, всея земли́ содержательницу; дерзнулъ безпрестанно вертѣть Нептуна, Плутона, Цересу, всѣхъ Нимфъ, Боговъ лѣсныхъ и домашнихъ по всей земли́».

(Явленіе Венеры на Солнцѣ наблюденное въ Санктпетербургской Императорской Академіи Наукъ маія 26 дня 1761 года. стр. 10—11.)

Ст. 268—269, 275—280.

Астрономъ весь свой вѣкъ въ бесплодномъ былъ трудѣ,
Запутанъ циклами; пока возсталъ Коперникъ.
Онъ циклы истинной Системой разтерзалъ,
И правду точностью явленій доказалъ.
Пото́мъ Гугеніи, Кеплеры и Невтоны
Преломленныхъ лучей въ Стеклѣ познавъ законы,
Разумной подлинно увѣрили весь свѣтъ,
Коперникъ что училъ, сомнѣнія въ томъ нѣтъ.

Въ той же брошюрѣ: «Явленіе Венеры на Солнцѣ» Ломоносовъ говоритъ (стр. 11—12): «Идолопоклонническое суевѣріе держало Астрономическую землю въ своихъ челюстяхъ, не давая ей двигаться; хотя она сама свое дѣло и Божіе повелѣніе всегда исполняла. Между тѣмъ Астрономы принуждены были выдумывать для изъясненія небесныхъ явленій глупыя и съ Механикою и Геометріею прекословящія пути планетамъ, Циклы и Епициклы (круги и побочныя круги). Коперникъ возобновилъ наконецъ Солнечную систему; показалъ преславное употребленіе ея въ

Астрономіи, которое послѣ Кеплеръ, Невтонъ и другіе великіе Математики и Астрономы довели до такой точности, какую нынѣ видимъ въ предсказаніи небесныхъ явленій, чего по земпостоятельной системѣ отнюдь достигнуть не возможно».

Кеплеръ (1571—1630) разрушилъ циклы, доказавъ, что планеты движутся около солнца по эллипсисамъ.

Гугеній (лат. Hugenius) — голландскій ученый Huyghens (1629—1695), прославившійся своими изслѣдованіями и открытіями въ области математики, физики и астрономіи.

Ст. 292–298. Какъ Божій нѣкогда описывая градъ
Вечерній Августинъ душею веселился.
О коль великимъ онъ восторгомъ бы плѣнился,
Когдабъ разумну тварь толь тѣсно не включалъ,
Подъ намибъ жителей какъ здѣсь не отрицалъ,
Безъ Математики вселенной бы не мѣрилъ!
Что есть Америка, напрасно онъ не вѣрилъ.

Блаженный Августинъ (354—430) въ своемъ знаменитомъ произведеніи: De civitate Dei (кн. XVI, гл. IX) отрицаетъ существованіе антиподовъ:

An inferiorem partem terrae, quae nostrae habitationi contraria est, antipodas habere credendum sit.

Quod vero et antipodas esse fabulantur, id est, homines a contraria parte terrae, ubi sol oritur, quando occidit nobis, adversa pedibus nostris calcare vestigia: nulla ratione credendum est. Neque hoc ulla historica cognitione didicisse se adfirmant, sed quasi ratiocinando coniectant, eo quod intra convexa caeli terra suspensa sit, eundemque locum mundus habeat et infimum et medium; et ex hoc opinantur alteram terrae partem, quae infra est, habitatione hominum carere non posse. Nec adtendunt, etiamsi

figura conglobata et rotunda mundus esse credatur sive aliqua ratione monstretur, non tamen esse consequens, ut etiam ex illa parte ab aquarum congerie nuda sit terra; deinde etiamsi nuda sit, neque hoc statim necesse esse, ut homines habeat. Quoniam nullo modo scriptura ista mentitur, quae narratis praeteritis facit fidem eo, quod eius praedicta conplentur; nimisque absurdum est, ut dicatur aliquos homines ex hac in illam partem, Oceani inmensitate traiecta, navigare ac pervenire potuisse, ut etiam illic ex uno illo primo homine genus institueretur humanum.

Ломоносовъ называетъ Августина *вечернимъ*, т. е. *западнымъ*, очевидно въ томъ смыслѣ, въ какомъ блаженный Августинъ называется «отцемъ *западной* догматики».

Слово: *вечерній* употребляется Ломоносовымъ въ значеніи западный.

«Древность Славянъ, также и размноженїе ихъ, принуждаютъ думать, что и прежде Троянской войны, и послѣ оной предки Славенскихъ народовъ на *вечернїя* и полунощныя страны преселялись и размножались».

(Краткой Россійской Лѣтописецъ. § 3)

Ст. 41—42. Но что за вѣтръ съ *вечернихъ* странъ
Пронырства васъ закрылъ въ туманъ?

(Ода на побѣду 23 августа 1741 года.)

Ст. 81—82. Но что страны *вечерни* тмятся,
И дождь кровавыхъ каплей льютъ?

Ст. 91—94. Претящимъ окомъ Вседержитель
Воззрѣвъ на полкъ *вечерній*, рекъ:
О дерсскїй мира нарушитель,
Ты мечь противъ Меня извлекъ;

(Ода на прибытїе Императрицы Елисаветы Петровны въ Петербургъ въ 1742 году послѣ коронаціи.)

Ст. 115–117. Напрасно строгая природа
Отъ насъ скрываетъ мѣсто входа
Съ бреговъ *вечернихъ* на востокъ.

(Ода на 25 ноября 1752 года.)

Ст. 379—386. Дабы истолковать что молнія и громъ,
Такія мысли всѣ считаетъ онъ грѣхомъ.
На бичь, онъ говоритъ, я посмотрѣть не смѣю,
Когда грозитъ Отецъ намъ яростью своею.
Но какъ Онъ насъ казнитъ, поднявъ въ пучинѣ валъ,
То грѣхъ ли то сказать, что вѣтромъ Онъ нагналъ?
Когда въ Египтѣ хлѣбъ довольный не родился,
То грѣхъ ли то сказать, что Нилъ тамъ не розлился?

Въ сочиненіяхъ философа Вольфа, лекціи котораго Ломоносовъ слушалъ въ Марбургскомъ университетѣ, довольно пространно говорится объ отношеніи воли Божіей къ законамъ природы:

Weil die Vollkommenheit der Welt Gott bewogen eine für der andern zu erwehlen, und diejenigen allein, die er erwehlet hat, zur Würcklichkeit gelanget; so ist der Wille Gottes die Quelle der Würcklichkeit der Dinge.

Da nun der göttliche Verschtand die Quelle des Wesens, oder des möglichen: hingegen der göttliche Wille die Quelle der Würcklichkeit ist; so kan man sich niemals auf den Willen Gottes beruffen, wenn man fraget, wie etwas möglich ist, sondern nur, wenn man zu wissen begehret, warum etwas würcklich ist, wiewohl man sich auch hier nicht schlechterdinges auf den Willen Gottes beruffen kan, indem er einen Bewegungs-Grund hat, nehmlich die grössere Vollkommenheit der Dinge. Über dieses da ein Zustand in der Welt aus dem andern kommet, und daher in besondern Fällen auch ein zureichender Grund von der Würcklichkeit in der Welt selber vorhanden; so kan man sich auf den Willen Gottes niemals beruffen, als wenn von der gantzen Welt überhaupt die Rede ist. Ich rede hier blosz von denen Dingen, die natürlicher Weise geschehen, wie in dem gantzen Buche.

Weil demnach nichts durch den Willen Gottes möglich wird; so lässet sich auch die Möglichkeit der Dinge ohne den Willen Gottes beweisen. In der Mathematick, sonderlich der Geometrie, sind viele gründliche Beweise: allein nirgends wird der Wille Gottes zum Grunde des Beweises gesetzet.

Wenn ich sage, man könne sich niemals auf den Willen Gottes beruffen, wenn man fraget, wie etwas möglich ist, sondern nur wenn man zu wissen begehret, warum etwas würcklich ist; so siehet ein jeder, dasz da von der *possibilitate intrinseca* die Rede ist, wenn man eine Sache *antecedenter ad decretum* ansiehet, ohne darauf Acht zu haben, ob sie Gott beschlossen zur Würcklichkeit zu bringen, oder nicht. Wer essentias necessarias oder das Wesen der Dinge als etwas nothwendiges erkennet, wie es auch unsere Theologi gethan, derselbe findet hier nichts bedenckliches: aber freylich wer in diesem Stücke von ihnen abgehet, dessen Begriffen ist es nicht gemäsz. Wenn man aber auch von denen Dingen redet, die Gott beschlossen hat zur Würcklichkeit zu bringen; so bringet er auch die besondere Dinge natürlicher Weise hervor, nemlich vermittelst natürlicher Ursachen. Und demnach fraget man hier nach der natürlichen Ursache, wenn man wissen will, warum etwas würcklich werden kan. Die Exempel weisen es auch aus, nicht allein in der Geometrie, wo wir blosz auf die *possibilitatem intrinsecam*, das ist, darauf sehen, ob etwas widersprechendes in sich enthält, oder nicht; sondern auch in der Physick, wo man sich um die *possibilitatem extrinsecam* bekümmert, nemlich wie etwas durch seine natürliche Ursachen in dieser Ordnung der Dinge zur Würcklichkeit kommen kan. Z. E. Wenn man in der Geometrie fraget, warum drey Winckel in einem Triangel zwey rechten gleich sind; so verlanget man zu wissen, ob zwischen der Erklärung eines geradelinichten Triangels und der Gleichheit der drey Winckel mit zwey rechten ein Widerspruch anzutreffen sey oder nicht. Dieses zu erweisen braucht man nicht mit als einen Grund den Willen Gottes: denn unter die Wahrheits-Gründe, wodurch diese Wahrheit determiniret wird,

in einem geradelinichten Dreyecke sind die drey Winckel zweyen rechten gleich, kommet nicht mit der Wille Gottes. Eben so, wenn man in der Physick fraget, wie ein Donner-Wetter natürlicher Weise entstehen kan? so fraget man, welches die Ursachen sind, daraus es entstehet? Da es nun durch dieselben hinlänglich determiniret wird, so gehöret abermahls nicht unter die nächste Wahrheits-Gründe, die man in der Physick zu wissen begehret, der Wille Gottes. Unterdessen weil die zufällige Dinge wieder zufällige Ursachen haben, und man endlich zuletzt auf die Ursache, nemlich auf Gott kommen musz, dieser aber nicht nothwendig, sondern freywillig den Lauff der Natur geordnet; so ist die erste Ursache von der Würcklichkeit auch des Donner-Wetters der Wille Gottes, und wer sich nicht um die nächste Ursachen bekümmert, der kan sagen, es donnere, weil es Gott haben wolle.

(Vernünfftige Gedancken von Gott, der Welt und der Seele des Menschen auch allen Dingen überhaupt, den Liebhabern der Wahrheit mitgetheilet von Christian Wolffen. 1736. стр. 610—611. § 988—990.

Der Vernünfftigen Gedancken... Anderer Theil. 1740. стр. 594—596. § 367)

Ст. 422. Народу Своему прощаетъ милїоны;

15 декабря 1752 года послѣдовалъ манифестъ о прощенiи недоимокъ: «По вступленiи Нашемъ на прародителей и родителей Нашихъ престолъ, какое попеченiе о приведенiи имперiи и подданныхъ въ силу и лучшее состоянiе Мы простираемъ, довольно извѣстно, по которому имперiя такъ силою возрасла, что лучшаго времени своего состоянiя, какое донынѣ ни было, несравненно превосходитъ во умножившемся доходѣ государственномъ и народѣ, изъ котораго состоитъ и комплектуется высокославная Наша армiя, ибо какъ въ доходахъ, такъ и въ упомянутомъ народѣ едва не пятая часть прежнее состоянiе превосходитъ, Богу, спомоществующему Намъ, благодаренiе. Въ разсужденiи сего, а паче обыклое матернее милосердiе Наше къ вѣрноподданнымъ рабамъ вновь оказать всемилостивѣйше соизволяемъ, не сумнѣваясь, что всякъ въ своемъ званiи наи-

*

вящше все то, что къ пользѣ Нашей и имперіи, и въ чемъ чья должность есть, стараться будетъ такъ, какъ вѣрному рабу и сыну отечества надлежитъ, производить: всемилостивѣйше повелѣваемъ, имѣющуюся на вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ по прежней ревизіи подушнаго сбора съ 1724 по 1747 годъ доимку, которой состоитъ 2.534.008 рублей, со всѣхъ сложить всю, и ни на комъ оной не взыскивать; и буде у кого за ту прежнюю подушную доимку отписаны на Насъ движимыя и недвижимыя имѣніи, какого бъ оныя званія ни были, которыя понынѣ никому отъ Насъ не пожалованы, и изъ Нашей Канцеляріи Конфискаціи не проданы, тѣ всѣ по прежнему возвратить тѣмъ, у кого оныя отписаны».

(Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи. 1830. Томъ XIII. стр. 756. № 10061.)

Ст. 423–425. И пользу общую отечества прозря,
Ученію велитъ расшириться въ моря̀,
Умноживъ бодрость въ немъ щедротою Своею!

Императрицею Елисаветою Петровною данъ Академіи наукъ «Регламентъ». При Академіи учрежденъ былъ университетъ, который, по Регламенту, долженъ былъ не только готовить будущихъ академиковъ, но и содѣйствовать тому, чтобы «во всѣхъ состояніяхъ, какъ военномъ, такъ и гражданскомъ, внутрь и внѣ государства были россійскіе люди ученые».

На «Письмо о пользѣ стекла» появилась пародія, напечатанная подъ заглавіемъ: «Письмо похвальное Пуншу къ господину Н. . . . писанное отъ пріятеля его въ стихахъ. Въ С.-Петербургѣ, 1789 года». Эпиграфъ:

Когда поезія всѣмъ льстила безъ разбору,
То Пуншу можемъ льстить безъ тяжкаго позору.

Пародія начинается такъ:

Не право о вещахъ тѣ другъ мой разсуждаютъ
Которы пуншъ вещей всѣхъ ниже поставляютъ;
Въ разумныхъ тваряхъ мнѣ несносенъ сей порокъ:
Какъ ни былъ бы ихъ умъ въ познаніяхъ широкъ,
Но ахъ! безъ пуншу онъ есть птица не крылата,
Безъ пуншу не всегда учена мысль богата. . . .

Несмотря на плохіе стихи, пародія вновь издана въ 1828 году, въ Москвѣ, подъ заглавіемъ: «Письмо похвальное пуншу, писанное къ пріятелю, въ стихахъ».

IX.

ТЕКСТЪ.

Ар.—Архивъ Академической Канцеляріи. Рукопись № 173. л. 541—541 об. Писано чужою рукою. Собственноручная подпись: «Михайло Ломоносовъ».

ВАРІАНТЫ.

С. II.— Собраніе сочиненій Ломоносова. 1757. Книга первая. стр. 170. «Надпись 25. На иллуминацію, представленную въ Москвѣ на день Коронованія Ея Величества Апрѣля 25 дня 1753 года, гдѣ изображено было вѣнчанное вензловое имя Ея Величества на торжественной колесницѣ въ Тріумфальныя ворота въѣжжающей». Первые четыре стиха нѣсколько отдѣлены отъ послѣдующихъ.

Ст. 1. Побѣдѣ слѣдуетъ весело торжество, (С. II.)

Ст. 3—4. Звучатъ въ полкахъ трубы, на плѣнникахъ оковы,
Въ противничей крови несутъ щиты багровы. (С. II.)

Ст. 7—12. Не городъ Ты одинъ, ниже едино войско

Въ Свою прїяла власть чрезъ мужество
Геройско;
Но царство многихъ царствъ, порфиру и вѣнецъ
И многи тьмы къ Тебѣ пылающихъ сердецъ.
Не кровїю земля кипящей обагрилась;
Но въ радости струяхъ Россїя насладилась.
(С. II.)

Въ ст. 9 было написано: «пороиру»; но Ломоносовъ замѣнилъ букву ѳ буквою *ф*.

Ст. 15—16. Не тяжкїя на насъ въ плѣну звучали узы;
Но съ плескомъ ставили мы вѣрности союзы.
(С. II.)
Ст. 18. Коль громка похвала побѣду получить! (С. II.)

Ко дню коронованія императрицы Елисаветы Петровны, 25 апрѣля 1753 года, готовилась въ Москвѣ иллюминація, проектъ которой поручено было составить Ломоносову. 8аго февраля 1753 Ломоносовъ представилъ слѣдующій проектъ:

«По срединѣ возвышеннаго нѣсколько мѣста представить торжественныя врата, которыхъ украшенїя по приличнымъ мѣстамъ состоятъ изъ сердецъ, связанныхъ между собой лавровыми фестонами. Во вратахъ изобразить въѣжжающую торжественную колесницу по римскому обыкновенїю, на которой стоитъ вензловое имя Ея Величества подъ императорскою короною; на фронтисписѣ вратъ Россїйскїй гербъ со скиптромъ и оливными вѣтьвми. По обѣимъ сторонамъ вратъ поставить два столпа, украшенныя щитами, подобїе сердецъ имѣющими, висящими на фестонахъ, около столповъ обвитыхъ; на щитахъ изобразить гербы Россїйскихъ знатнѣйшихъ владѣнїй. На правомъ столпѣ на верху императорскую корону, а на лѣвомъ державу представить. Столпы со вратами соединить между ими стоящими палмовыми деревами и дымящимися олтарями по перемѣнамъ, въ перспективномъ расположенїи. Знаменованїе сего символическаго изображенїя содержится въ слѣдующихъ стихахъ:

Побѣдѣ слѣдуетъ пресвѣтло торжество,
Герой пріемлетъ честь и жертву Божество" и т. д.

Другой проектъ иллюминаціи, по тому же поводу, составленъ былъ Штелиномъ, также по порученію Академической Канцеляріи. Приводимъ проектъ Штелина въ современномъ подлиннику переводѣ:

«Представляется корона и скипетръ на украшенномъ постаментѣ подъ великолѣпными тріумфальными воротами съ ходомъ на столбахъ коринтическаго ордена, на фронтонѣ которыхъ изображенъ щитъ имени Ея Императорскаго Величества, покрытый императорскою короною и обвитый лавровыми и пальмовыми вѣтвьми.

Надъ обоими передними столбами на особливыхъ цокеляхъ и постаментахъ лежатъ двѣ королевскія короны.

Сіи тріумфальныя или торжественныя ворота заключаетъ великое фигурное мѣсто, котораго какъ позади простирающееся полукружіе, такъ и передніе флигели изъ зеленыхъ шпалеръ на ниши (мѣста для статуй) симметрическимъ порядкомъ уставлены въ особливыхъ нишахъ шестью статуями подъ коронами, гдѣ на обоихъ концахъ отверстыя врата съ фонтаномъ и каскадомъ подъ короною, а надъ оными вратами представлена галерія и круглой залъ.

Шесть статуй представляютъ Ея Императорскаго Величества:

1) Щедроту, 2) Мудрость, 3) Великодушіе, 4) Милосердіе, 5) Правосудіе и 6) Силу или Крѣпость.

Изъясненіе сего представленія содержится въ слѣдующихъ стихахъ:

Welch frohen Anblick macht Dein Hoher Krönungs-Tag,
Gekrönte Kayserin! nicht nur mit Erbe-Kronen,
Nein, mehr mit Tugenden die Deinen Geist bewohnen
Und Dich dein Reich erwünscht, der Kronen wehrt gemacht.
Beglückter Unterthan, sieh hier in Kronen-Pracht

Huld, Weisheit, Groszmuth, Gnad, Gerechtigkeit und Stärcke!
So krönt Gott in Elisabeth des groszen Vaters Ruhm und Wercke!

Какой прїятной видъ мы въ день сей ощущаемъ?
Въ которой радостный тотъ часъ воспоминаемъ,
Когда Всевышнїй Богъ Россїйской родъ любя,
Наслѣдною вѣнчалъ короною Тебя;
Тебя, которая сїяешь не вѣнцами,
Но добродѣтелей свѣтлѣйшими лучами.
Сей день въ насъ должный жаръ къ Тебѣ усугубилъ
И всѣхъ въ Тебѣ одной желанья совершилъ.
Россїя, торжествуй въ сей часъ благословенный,
Въ Монархинѣ зри храмъ добротъ всѣхъ освященный,
Щедроту съ мудростью, великїй купно духъ,
Геройство, правый судъ, къ прощенью склонной слухъ.
Такъ Вышнїй поручивъ вѣнецъ Елисаветѣ,
Умножилъ громкую Петрову славу въ свѣтѣ.

(Архивъ Академической Канцелярїи. Рукопись № 173. л. 537—546.)

X.

ТЕКСТЪ.

С. II. — Собраніе сочиненій Ломоносова. 1757. Книга первая. стр. 184. «Надпись 13. На оказаніе высочайшей милости Ея Величества въ Москвѣ 1753 года».

Высочайшая милость, оказанная Ломоносову, заключалась въ дарованіи ему крестьянъ для работъ въ заводимой имъ «бисерной фабрикѣ», какъ видно изъ слѣдующаго акта:

УКАЗЪ НАШЕМУ СЕНАТУ.

По докладу, поданному Намъ минувшаго февраля въ 23 день сего 1753 года, оный сенатъ назначилъ для заведенія бисерной фабрики дать Профессору и Совѣтнику Михаилу Ломоносову, къ работамъ на той фабрикѣ, изъ дворцовыхъ нашихъ въ Ингерманландіи, въ Копорскомъ уѣздѣ, Ополскую мызу, въ которой сто пятьдесятъ одна душа; но понеже довольно есть отписныхъ на Насъ по размежеванью въ Ингерманландіи земель и крестьянъ, того для повелѣваемъ Нашему сенату дать ему, Ломоносову, для работъ къ той фабрикѣ, въ Копорскомъ же уѣздѣ изъ Коважской мызы отъ деревни Шишкиной сто тридцать шесть душъ, изъ деревни Калище двадцать девять душъ, изъ деревни Усть-Рудицъ двѣнадцать душъ, отъ мызы Горье Валдай изъ деревни

Перекусихи и Липовой тридцать четыре души, всего двѣсти одиннадцать душъ, со всѣми къ нимъ принадлежащими по описнымъ книгамъ землями, и повелѣваемъ Нашему сенату учинить по сему Нашему указу. И о томъ, куда надлежитъ, послать Наши указы.

Елисаветъ.

Въ 15 день марта
1753 года.
въ Москвѣ.

Въ сенатѣ полученъ марта 16го.

Слушанъ того-жъ числа.

(Петербургскій Архивъ Сената. Высочайшіе указы. Кн. 82, л. 45.)

Ломоносовъ въ своей Исторіи Академической Канцеляріи описываетъ это важное для него событіе, говоря о себѣ въ третьемъ лицѣ: «Изобрѣтенное Мозаичное художество, кое казеннымъ произвожденіемъ развести неохотно принимались, не хотя Ломоносовъ вотще кинуть просилъ въ Правительствующемъ Сенатѣ о заведеніи себѣ приватно фабрики со вспомогательными заимообразно деньгами, и съ пожалованьемъ крестьянъ. Что ему и опредѣлено, а для испрошенія по сенатскому представленію крестьянъ необходимо ему надобно было ѣхать въ Москву, куда передъ тѣмъ незадолго дворъ отбылъ. Для сего Ломоносовъ просилъ изъ Канцеляріи отпускного писма; но Шумахеръ отказалъ, что онъ безъ президентскаго позволенія дать не смѣетъ. Но какъ зимней путь уже сталъ худѣть, и Ломоносовъ думалъ, что можетъ ему такъ же отъ президента отказъ будетъ и дѣло его весма продлится; то испросилъ онъ позволенія изъ Сенатской Конторы отъ Адмирала Князя Голицына пашпортъ и въ Москву пріѣхалъ прямо къ президенту извиняясь своею законною нуждою. Его Сіятельство принялъ ласково и во всю бытность оказывалъ къ нему любленіе. Всемилостивая же Гдрня благоволила подать ему довольныя знаки своего высочайшаго благоволенія и пожаловала по желанію его деревни».

(Собственноручная рукопись Ломоносова, хранящаяся въ Академическомъ Архивѣ подъ заглавіемъ: «Краткая Исторія о поведеніи Академической Канцеляріи въ рассужденіи учоныхъ людей и дѣлъ съ начала сего корпуса до нынѣшняго времени.» Глава вторая. § 28.)

Въ письмѣ къ Эйлеру, 12 февраля 1754 года, Ломоносовъ говоритъ: Factum specimen, quo imaginem B. Virginis repraesentavi, obtuli Augustae, cum anno 1752 Nominis illius solemnia celebrarentur. Placuit; et mihi culcar est additum. Nam die 16 Dec. anni eiusdem, celsissimi senatus auctoritate concessum est mihi privilegium ejusmodi opera et alia ex vitris coloratis producendi per triginta annos, soli, omnibus aliis exclusis et quatvor millia rublorum data ad facilitandam constructionem officinae. Insuper liberalitas Augustae omnem meam spem, omnia merita longe superavit. Quippe Martii mensis die 16 anni 1753 clementissima imperatrix 226 rusticos mihi liberalissime donavit in Ingria, cum novem millibus jugerum (quodlibet 80 saschen longum 30 latum), ut agros, prata et piscationes satis, sylvas ex abundanti habeam. Quatuor sunt rura, quorum proximum 64 verstes a Petropoli, remotissimum 80 distat. Hoc mari adjacet, illud fluviolis alluitur, ubi praeter domum atque officinam vitrariam jam conditam, molem et molendinam frumentariam et serrariam exstruo, supra quam observatorium meteorologicum autographum elevatur, quod descriptum proxima aestate Deo favente publici faciam juris.

(Матеріалы для біографіи Ломоносова. Собр. Билярскимъ. 1865. стр. 779—781.)

Число крестьянъ, пожалованныхъ Ломоносову, значится въ указѣ сенату 211, а въ письмѣ Ломоносова къ Эйлеру 226. Такая разница объясняется тѣмъ, что Ломоносовъ, подводя итогъ, имѣлъ въ виду не деревню Шишкину, въ которой 136 крестьянъ, а Ополскую мызу, въ которой 151 крест. Если къ 151 прибавить число крестьянъ изъ деревень, названныхъ въ указѣ сенату, а именно: изъ одной 29, изъ другой 12, изъ третьей 34, то и выйдетъ общее число 226.

XI.

ТЕКСТЪ.

Ар.—Архивъ Академической Канцеляріи. Рукопись № 173. л. 555—555 об. Писано чужою рукою. Подпись собственноручная: «Михайло Ломоносовъ». Ст. 37 въ первоначальномъ видѣ: «Растетъ въ довольствѣ трудъ, довольствїе въ трудѣ». Ломоносовъ зачеркнулъ слово: «растетъ» и вписалъ слово: «спѣетъ», такъ что стихъ измѣненъ такимъ образомъ: «Въ довольствѣ спѣетъ трудъ, довольствїе въ трудѣ». Въ ст. 23: «Суда ведутъ въ моря» и т. д. Ломоносовъ измѣнилъ порядокъ словъ: «Ведутъ суда въ моря» и т. д.

ВАРІАНТЫ.

С. II.— Собраніе сочиненій Ломоносова. 1757. Книга первая. стр. 171—172. «Надпись 26. На день тезоименитства Ея Величества 1753 года, гдѣ Россійской покой уподобляется прекрасному селенїю съ великолѣпными зданїями».

Ст. 1. Хотя счастливыя военныя дѣла̀ (С. II.)

Ст. 5. Велико дѣло въ томъ, чтобъ часто побѣждать; (С. II.)

Ст. 7. Въ побѣдахъ надлежитъ полка́мъ большая доля, (С. II.)

Ст. 10. Не можетъ войску быть, ни счастїю въ томъ часть. (С. II.)

Ст. 12—13. И кроткїй миръ единъ даетъ богатство свѣту;
То правда надлежитъ и зиму тѣмъ хвалить; (С. II.)

Ст. 15—16. И вредны умертвить въ лѣсахъ и нивахъ гады:
Подобныя даетъ счастли́ва брань отрады. (С. II.)

Ст. 18—23. И намъ является прекрасная весна;
Отъ ней неистовы боре́и убѣгаютъ:
Отъ ней прїятные зефиры вылетаютъ,
Дыхая по землѣ, дыхая по водамъ,
Велятъ всходить цвѣтамъ, велятъ упасть волнамъ.
Ведутъ суда въ моря̀ и земледѣльца въ нивы, (С. II.)

Ст. 25—26. Льютъ радость въ понтъ, въ луга̀, и въ воздухъ, и въ ѳиръ:
Толь сча́стливы мѣста̀, гдѣ домъ имѣетъ миръ. (С. II.)

Ст. 29. Поставлена чужимъ Тобою тишина: (С. II.)

Ст. 31. Среди счастли́выхъ мѣстъ недви́жимо стои́тъ. (С. II.)

Ст. 38. Взаимно другъ другу способствуя вездѣ: (С. II.)

Ст. 40. Въ рукописи, какъ и въ печатномъ изданіи, *ихъ* вмѣсто *имъ*, какъ слѣдовало бы по смыслу:

Какъ вьется виноградъ на *илимѣ* высокомъ,
Держась *имъ*, и *его* питая сладкимъ сокомъ.

Ст. 42—43. Довольствуемся мы имѣя всѣмъ покровъ
Въ Тебѣ Монархинѣ отъ Бога просвѣщенной, (С. II.)

Ст. 44. Въ рукописи: «къ отечеству»; въ печатномъ: «къ отчеству», какъ и слѣдуетъ для стиха:

Къ нему и къ отчеству любовїю возженной.

Ст. 48. Съ кротостью Твоей и съ именемъ согласны.

(С. П.)

По требованію Канцеляріи Главной артиллеріи и фортификаціи, Канцелярія Академіи наукъ опредѣлила: требуемые ко дню тезоименитства Ея Императорскаго Величества «прожекты фейерверкамъ и иллуминаціямъ сочинить совѣтнику и профессору господину Ломоносову да надворному совѣтнику и профессору жъ господину Штелину». Ломоносовъ представилъ свой проектъ при рапортѣ; проектъ писанъ чужою рукою, и только два слова: «ежели будутъ» написаны самимъ Ломоносовымъ; рапортъ писанъ рукою Ломоносова.

«Въ Канцелярїю Академїи наукъ Репортъ.

По ордеру помянутой Канцелярїи сочинилъ я проектъ фейеръ-верка и иллуминацїи на торжественный день тезоименитства Ея Императорскаго Величества сентября къ 5^му^ дню сего 1753 года, котораго описанїе при семъ сообщаю;

Апрѣля 17 дня 1753 года». — Совѣтникъ Михайло Ломоносовъ.

«Представить прекрасное селенїе Россїйскаго покоя, состоящее изъ великолѣпнаго строенїя и цвѣтущихъ садовъ, слѣдующимъ образомъ:

1.

Напереди поставить перила на подобїе ограды, украшенной вазами и статуями и другими приличными украшенїями; на срединѣ отворенныя на обѣ стороны ворота изъ картинъ. На правой рукѣ изобразить дерево со зрѣлыми плодами, стоящее при зрѣлой пшеницѣ; при томъ четыре генїуса: первой жнетъ,

другой снопы носитъ, третей на деревѣ рветъ плоды, четвертой принимаетъ оныя въ корзину; наверху надпись: *Тебѣ плодоносна.* На лѣвой половинѣ воротъ написать по тихому морю ѣдущую Амфитриту, держащую флагъ съ начертанїемъ первыхъ писменъ высочайшаго имени Ея Императорскаго Величества, которой кроткїе зефиры распростираютъ; наверху надпись: *Тобою спокойно.* На фронтисписѣ воротъ въ приличныхъ мирному времени украшенїяхъ Россїйскїй гербъ, у котораго на груди вензловое имя Ея Императорскаго Величества.

2.

За сими перилами садъ, украшенной перспективными партерами, фонтанами и проч. по срединѣ онаго саду, на одномъ большомъ планѣ, фитилями изобразить великую, на подобїе египетскихъ, пирамиду, изъ крупныхъ квадратныхъ камней состоящую, вѣнчанную императорскою короною, подъ которою на фестонахъ и гирландахъ виситъ щитъ съ вензловымъ же именемъ Ея Императорскаго Величества, окруженнымъ сїяющею радугою. Внизу у фундамента пирамиды сидитъ объ нее опершаяся Россїя въ городской коронѣ, взирающая съ веселїемъ на щитъ съ именемъ Ея Императорскаго Величества, держащая рогъ изобилїя. При ней лежатъ разныхъ наукъ и художествъ инструменты. На той части фундамента пирамиды, которая сѣдящею Россїею не закрыта, подписать: *Твердость общаго покоя.*

3.

Позади плана, за всѣми увеселительными огнями, на иллюминацїонномъ театрѣ по обѣимъ сторонамъ представить далече простирающїйся проспектъ такъ, чтобы съ краевъ театра ближнїе концы проспекта съ передними и боковыми перилами въ соединенїи быть казались. Оной проспектъ состоять имѣетъ изъ растущихъ по обѣимъ сторонамъ высокихъ и на вершинѣ широкими вѣтьвьми распростершихся илимовыхъ деревъ въ прямой линѣи; около чистаго стебля каждаго дерева обвившїяся

виноградныя лозы съ полными и зрѣлыми гроздами. Посерединѣ въ самомъ большемъ отдаленіи видно великолѣпный храмъ мира на высокой горѣ. При семъ прилично съ обвившимся виноградомъ соотвѣтствовать будетъ, ежели будутъ пускать изъ пристойныхъ мѣстъ между сими деревами изобрѣтенные мною витыя ракеты.

4.

Планъ зажечь треугольнымъ сіяніемъ, окружающимъ Имя Божіе, зажегши оное прежде и опустивъ съ верху на пирамиду.

Знаменованіе сего явствуетъ изъ слѣдующихъ стиховъ:

Хотя счастливыя военныя дѣла
Монархамъ громкая на свѣтѣ похвала" и т. д.

(Архивъ Академической Канцеляріи. Рукопись № 173. л. 550—555 об.)

XII.

ТЕКСТЪ.

Ар. — Архивъ Академической Канцеляріи. Рукопись № 173. л. 572 об. — 573 об. Писано чужою рукою; собственноручная подпись: «Михайло Ломоносовъ».

ВАРІАНТЫ.

С. II. — Собраніе сочиненій Ломоносова. 1757. Книга первая. стр. 172 — 173. «Надпись 27. На день восшествїя на престолъ Ея Величества 1753 года, гдѣ Ея Величество уподобляется Минервѣ, молнїею поражающей дракона многоглавнаго».

Ст. 3. Чрезъ множество вѣко́въ въ концы земны гремитъ, (С. II.)

Ст. 10. Нижѐ кто облетѣлъ всѣхъ протчихъ въ колесницѣ; (С. II.)

Ст. 13. Седмь главъ зїяли на тѣлѣ вдругъ единомъ, (С. II.)

Ст. 18—19. Зѣвъ волчїя алчбы, тигръ ярый похищенье,
И львины челюсти рыкающей войны̀ (С. II.)

Ст. 21—23. Взирая на сего Елисаветъ дракона
Лежащаго кругомъ отеческаго трона,
Рекла, что сей мнѣ врагъ препятствуетъ восходъ, (С. II.)

Ст. 25—27. Не Мой ли сей вѣнецъ? не я ли Дщерь Петрова?
И Россы Моего всѣ требуютъ покрова:
Ни что не можетъ Мнѣ путь къ славѣ пересѣчь. (С. II.)

Ст. 29—32. Сїянїемъ въ округъ небеснымъ просвѣтилась,
И выше смертныя величествомъ явилась:
Минервы чудный въ Ней изображался видъ,
Петровъ духъ былъ Ей шлемъ, любовь Россїянъ щитъ. (С. II.)

Ст. 34—37. Въ драконовы главы и въ сердце ударяя,
Смутила горду кровь, пронзила грозный взоръ:
Сраженъ, прогнанъ, убѣгъ рифейскихъ далѣ горъ.
Угасла молнїя, однѣ лучи сїяли: (С. II.)

Ст. 39. Тогда красуясь Россъ главу свою вознесъ: (С. II.)

Ст. 41. Мы нынѣ празднуя той часъ благословенный, (С. II.)

Ст. 45. Монархиня, Тобой любовь есть въ насъ рожденна: (С. II.)

На Ломоносова возложено было составленiе проекта иллюминацiи. Исполнивъ данное ему порученiе, Ломоносовъ представилъ свой проектъ при слѣдующемъ собственноручномъ рапортѣ:

«Въ Канцелярїю Академїи Наукъ репортъ.

Требованной отъ меня ордеромъ помянутой Канцелярїи и сочиненной мною проектъ Иллуминацїи и фейерверка къ 25[му]

числу будущаго Ноября м҃ца сего 1753 года при семъ предлагаю. Майя 26 дня 1753 года.

Совѣтникъ Михайло Ломоносовъ».

«Проэктъ иллюминаціи и фейэръ верка къ торжественному дню возшествія на Всероссійскій престолъ Ея Императорскаго Величества, ноября 25 дня 1753 года.

Представить великолѣпный и пристойнымъ архитектурнымъ расположеніемъ украшенный амфитеатръ мужества великодушныя Елисаветы слѣдующимъ образомъ:

1.

На обыкновенномъ иллюминаціонномъ планѣ фонарями изобразить половинное окруженіе великаго театра по Римскому обыкновенію; на верхнихъ украшеніяхъ поставить многіе вазы съ цвѣтами или деревьями, выбранными изо всѣхъ четырехъ частей свѣта, напримѣръ: яблони, палмы, алóи и ананáсы, дабы изобразить, что сей амфитеатръ значитъ весь свѣтъ, изъ четырехъ частей состоящій.

2.

При концахъ полуокружнаго амфитеатра по обѣимъ сторонамъ на картинахъ, за которыми плошки горѣть будутъ, представить на разныхъ онаго ярусахъ смотрителей изъ разныхъ народовъ сего свѣта, различая ихъ лицами и платьемъ, показывающихъ свое удивленіе и радость плесканіями, восклицаніями и другими признаками удовольствія. Помянутыя двѣ картины такъ поставить, чтобы они казались быть въ соединеніи съ концами полуокружнаго амфитеатра, нагнувшимися къ главному пункту зрѣнія.

3.

Посредѣ сего зданія на одномъ фитильномъ великомъ планѣ изобразить на возвышенномъ тронѣ стоящую, сіяніемъ окруженную, Минерву въ порфирѣ, Россійскими гербами испещренной, лавровымъ вѣнцемъ вѣнчанную, правою рукою скипетръ прости-

рающую надъ столъ, на которомъ Императорская корона и царскія вѣнцы съ державою; въ лѣвой рукѣ щитъ съ первымъ письменемъ высочайшаго имени Ея Императорскаго Величества, изображеннымъ на горящемъ сердцѣ и съ Минервинымъ копіемъ. Внизу бѣгущій отъ трона Драконъ со львиною, тигровою, крокодиловою, веприною, змеиною, волчьею и лисьею головами, по которымъ исходящіе отъ сіянія лучи, съ молніею смѣшанные, ударяютъ. На нижней ступени подписать: *Природою и мужествомъ.*

NB. Дракона можно представить на особливомъ низкомъ планѣ, которой оттянуть передъ окончаніемъ фитильнаго огня за шпалеры, а изъ промежъ лучей пускать къ дракону швермеры.

Изъясненіе сего состоитъ въ слѣдующихъ стихахъ:

О древность славная пречудными дѣлами" и т. д.

(Рукопись Академическаго Архива. № 173. л. 571—573 об.)

Ст. 36. Сраженъ, прогнанъ, убѣгъ Рифейскихъ далѣ горъ.

«Нѣкоторые этимологисты почитаютъ имя Рифейскихъ горъ за греческое, однако напрасно. Мало увѣряетъ насъ Флавій Іосифъ, производя именованіе Рифейскихъ горъ отъ Рифата, Ноева правнука. По доказательству древнихъ, Алпы у Келтовъ называемы были Рифейскими горами, а слово Алпесъ на томъ же языкѣ значитъ вышину, почему уповательно, что слово Рифеи отъ того же самаго языка происходитъ и тоже самое значитъ.»

(Ежемѣсячныя сочиненія. 1755. Февраль. Разсужденіе І. Е. Фишера о Гиперборейцахъ. стр. 129—131.)

XIII.

ТЕКСТЪ.

С. П. — Собраніе сочиненій Ломоносова. 1757. Книга первая. стр. 174. Надпись 28.

ВАРІАНТЫ.

Ар. I. — Архивъ Академической Канцеляріи. Рукопись № 173. л. 595 об. — 596. Писано чужою рукою.

Ар. II. — Архивъ Академической Канцеляріи. Рукопись № 189. л. 383 — 383 об. Писано чужою рукою.

Ст. 22. Сокрытаго во тмѣ избавились вреда; (Ар. II.)

Въ Ар. I. слова слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ:

Избавились во тмѣ сокрытаго вреда:

Но Ломоносовъ измѣнилъ порядокъ словъ, поставивъ надъ ними цыфры: 1 — «сокрытаго», 2 — «во тмѣ», 3 — «избавились».

1753 годъ императрица Елисавета провела въ Москвѣ, гдѣ и праздновала день своего рожденія. Въ Камеръ-фурьерскомъ журналѣ записано: «18-го числа декабря торжествованъ высокій день рожденія Ея Императорскаго Величества въ Москвѣ, въ

новопостроенномъ Зимнемъ Головинскомъ Домѣ. Принявъ отъ всѣхъ знатныхъ особъ поздравленія, Ея Императорское Величество и Ихъ Императорскія Высочества изволили слушать Божественную литургію въ новоосвященной церкви Рождества Христова; предику говорилъ преосвященный архіерей суздальскій. Ввечеру онагожъ дня всѣ чужестранные министры и знатное шляхетство собрались ко Двору; въ седьмомъ часу начался балъ и продолжался до двѣнадцатаго часа. Передъ покоями Ея Императорскаго Величества представлена великолѣпная иллюминація», и т. д.

Въ Петербургѣ, 18 декабря «приносили поздравленіе имѣющему здѣсь главную команду, господину адміралу князю Михайлѣ Михайловичу Голицыну. Послѣ чего его сіятельство слѣдовалъ въ провожаніи знатныхъ персонъ въ соборъ святыхъ апостоловъ Петра и Павла, гдѣ отправлялась торжественная Божія служба, по окончаніи которой говорилъ изрядную проповѣдь преосвященный Силвестръ, здѣшній архіепископъ. О полудни трактовалъ его сіятельство знатныхъ персонъ, а при наступленіи ночи всѣ домы въ городѣ иллуминованы были».

(Санктпетербургскія Вѣдомости. 1753. № 102. стр. 821—822.)

Канцелярія Академіи наукъ поручила Ломоносову составить проектъ иллюминаціи и фейерверка. Вслѣдствіе этого Ломоносовъ представилъ слѣдующій

«Проэктъ иллуминаціи и фейерверка на торжественный праздникъ рожденія Ея Императорскаго Величества декабря 18 дня 1753 года.

1.

На одномъ фитильномъ планѣ, который долженъ быть нарочито отъ земли отдѣленъ и возвышенъ, изобразить выѣхавшую въ колесницѣ на бѣлыхъ огнедышущихъ коняхъ Аврору съ факаломъ въ рукѣ и съ утреннею звѣздою на челѣ. Въ другой рукѣ распростертое зефирами знамя съ первою буквою имени Ея Императорскаго Величества: Е. На другомъ, который на земли по одну сторону поставленъ быть имѣетъ, представить

тріумфальныя ворóта, подобныя тѣмъ, въ которыя 1709 года декабря 19 числа блаженныя памяти государь Петръ Великій отъ Полтавы съ плѣнными шествовалъ. На третьемъ щитѣ по другую сторону представить въѣжжающаго въ нихъ Петра Великаго съ торжествомъ.

2.

Позади сего на иллуминаціонномъ театрѣ представить лучи утренней зари, румяные, съ бѣлыми смѣшенные; у горизонта— проспектъ гóрода, знаменующаго Полтаву, и множество возвышенныхъ трофеевъ.

3.

Увеселительные огни расположить по приличности матеріи.

4.

Ежели фейерверку быть соблаговолено не будетъ, то все, что фитилями изобразить надлежало, можно представить на картинахъ.

Знаменованіе:

О вы, которы все по рассужденью злому
Обыкли случаю приписывать слѣпому“ и т. д.

Подъ стихами подпись рукою Ломоносова: *Михайло Ломоносовъ*.

(Рукопись Академическаго Архива. № 173. л. 594—596.)

Тѣ же стихи были представлены Ломоносовымъ въ слѣдующемъ проектѣ иллюминаціи 18 декабря 1754 года:

«На возвышенномъ театрѣ и трофеями окруженномъ представить пирамиду, состоящую изъ разнаго военнаго оружія, какъ изъ мортиръ, пушекъ, фузей, аллебардъ и протч., и покрытую шлемомъ. На срединѣ оной щитъ со знакомъ высочайшаго имени Ея Императорскаго Величества. При флигеляхъ онаго театра представить двои тріумфальныя ворóта, однѣ такого виду, каковы были при торжественномъ въѣздѣ въ Москву блаженныя памяти государя императора Петра Великаго отъ Пол-

тавы 1709 года, другія — каковы были при торжественномъ въѣздѣ въ Санктпетербургъ Ея Императорскаго Величества изъ Москвы 1742 года, и ради того оныхъ лѣтъ числа поставить на фронтисписахъ ворóтъ. Надъ являющимся позади театра между трїумфальными воротами горизонтомъ изобразить всходящую утреннюю ясную зарю, которыя въ румяныхъ лучахъ видна блистающая денница. Позади трїумфальныхъ ворóтъ показываются знатнѣйшїя части у первыхъ Москвы, у другихъ Санктпетербурга.

Знаменованїе:

О вы, которы все по рассужденью злому
Обыкли случаю приписывать слѣпому" и т. д.

(Рукопись Академическаго Архива № 189. л. 383—383 об.)

Иллюминація 18 декабря 1754 года устроена была по проекту Штелина. Составленное имъ описаніе и сочиненные имъ стихи помѣщены, въ русскомъ переводѣ, въ тогдашнихъ Вѣдомостяхъ. Рукописный подлинникъ сохранился въ Академическомъ Архивѣ:

Welch unvergleichnes Wunder-Jahr
Stellt sich an jenem Jahre dar,
Worinn die Vorsicht unsern Zeiten
Den Grund zu ihrem Glück bereiten
Und damahls schon die heutge Lust
Zum Vorausz für uns schaffen must.
So voll, so grosz an Ruhm und Glücke
Kam von Pultaw der Held zurücke
Den alle Nachwelt grosz erkannt,
Dasz er diesz Jahr selbst grosz genant.
Doch wie? etwan nur grosz an Siegen?
Nein! gröszer durch der Vorsicht fügen
Die deiner Grösze Zukunft wies,
Und Dich gebohren werden liesz.
Dich, Heldin, Mutter gröster Lande,

Mit deren zartem Wiegenbande
Die Vorsicht Peters Heldenthat
Zum Schlusz des Jahrs verbunden hat.
Dein Vater konte deine Wiegen
Mit Lorbern von den grösten Siegen,
Mit Palmen von gehemmtem Streit,
Mit Eichenlaub der güldnen Zeit,
Ja, mit des Öhlbaums gantzen Hecken,
Zum Denckmahl grösten Jahrs bestecken.

(Рукопись Академическаго Архива. № 189. л. 378—379 об.)

Коль чудны времена явилъ намъ оный годъ,
Въ кой къ счастью путь отверстъ увидѣлъ нашъ народъ!
Кой прежде увѣрялъ объ ономъ насъ блаженствѣ,
Въ какомъ находимся мы нынѣ благоденствѣ:
Столь счастїемъ великъ и славою своей,
Россїйской шелъ Герой съ Полтавскихъ къ намъ полей;
Великимъ коего всѣ признаютъ потомки;
Но только ли его одни побѣды громки?
Нѣтъ: бо́льшимъ онъ себя и славнѣйшимъ явилъ,
Что къ счастью нашему Тебя онъ въ свѣтъ родилъ.
Ты въ свѣтъ произошла среди побѣдъ Петровыхъ;
Плескъ въ войскѣ умножалъ веселїй вѣстникъ новыхъ.
Твои онъ пелены могъ бо́льшими побѣдъ
Украсить Лаврами, дивится коимъ свѣтъ;
И пальмами почтить о прекращенномъ спорѣ,
Кой прежде колебалъ лѣса̀, поля̀, и море;
И вѣтвью масличной спокойныхъ въ знакъ временъ,
Которыя цвѣли между Петровыхъ стѣнъ,
Въ сей годъ онъ объявилъ, что прежни всѣ побѣды,
Которы гордые вручили намъ сосѣды,
Ужѐ утверждены надеждой крѣпкой въ вѣкъ,
Что онъ нестройства всѣ военныя пресѣкъ,
Весь свѣтъ, Монархиня, не трудно признавастъ,

Что славою тотъ годъ сугубою сіяетъ,
Когда на свѣтъ Тебя судьба произвела,
На Тронъ родительскій наслѣдный призвала:
Чтобъ въ смутныхъ временахъ печальныхъ и суровыхъ,
Въ Россіи быть Тебѣ отрадъ зарею новыхъ,
И чтобъ Петрову кровь Тобою расширить,
И племенемъ Престолъ наслѣднымъ утвердить.

(Санктпетербургскія Вѣдомости. 1754. № 101. стр. 803—806.)

---

*

XIV.

ТЕКСТЪ.

С. II.— Собраніе сочиненій Ломоносова. 1757. Книга первая. стр. 174—175. Надпись 29.

Новый 1754 годъ императрица встрѣчала въ Москвѣ, гдѣ и происходили празднества, по поводу которыхъ дано было порученіе и Ломоносову. Канцелярія Главной артиллеріи и фортификаціи сообщила Академіи наукъ, что «по имяннымъ Ея Императорскаго Величества указамъ, объявленнымъ чрезъ генерала-аншефа Степана Ѳедоровича Апраксина и оберъ-шталмейстера Петра Спиридоновича Сумарокова повелѣно: фейэрверокъ болшой, со всѣми пристойными потребностьми приготовить будущаго 1754 году генваря къ первому числу по идеи коллежскаго совѣтника и профессора Ломоносова».

Рисунокъ, представленный Ломоносовымъ, изображаетъ обширное одноэтажное зданіе, расчлененное пиластрами іоническаго ордена. Главный фасадъ, нѣсколько выдвинутый впередъ, образуетъ входящій уголъ изъ двухъ отдѣльныхъ построекъ, соединенныхъ входною аркою. Надъ послѣднею высится лучезарный треугольникъ, а подъ нимъ начертана цыфра «1754», въ вѣнкѣ, составленномъ изъ вѣтвей: лавровой и пальмовой. Боковые фасады, симметрично расположенные, украшены по угламъ

одноэтажными павильонами съ куполообразнымъ верхомъ, и теряются въ перспективномъ отдаленіи. Въ четырехъ нишахъ передняго фасада размѣщены скульптурныя фигуры крылатыхъ амуровъ, долженствующія изображать четыре времени года: первая изъ фигуръ сѣетъ; вторая жнетъ; третья, стоя въ чану, мнетъ ногами виноградъ; четвертая занята молотьбою. Позади входной арки видна колонна іоническаго ордена на пьедесталѣ, помѣщенномъ на возвышеніи изъ трехъ круглыхъ ступеней. Къ верхней части стержня колонны прикрѣпленъ двуглавый орелъ, а антаблементъ увѣнчанъ императорскою короною, лежащею на подушкѣ съ кистями. Впереди всей декораціи—невысокая, расположенная симметрично по ломанной линіи ограда, украшенная по угламъ вазами, а спереди четырьмя статуями съ атрибутами Минервы, Нептуна, Марса и Юноны. Огненные цвѣтники и фонтаны въ оградѣ и на первомъ планѣ дополняютъ картину, надъ которою взвивается грандіозный фейерверкъ.

На оригинальномъ рисункѣ подпись на русскомъ языкѣ; на гравюрѣ, исполненной съ рисунка Ломоносова, та же подпись порусски и понѣмецки:

«Изображенїе Іллуминацїи и Фейэрверка которые представлены были предъ новопостроеннымъ Ея Императорскаго Величества Зимнимъ домомъ въ новой 1754 годъ въ Москвѣ».

Abriss des Feuerwercks und der Illumination, welche vor dem neuaufgeführten Kayserl. Winter Pallast in Moskau an dem Neujahrs-Tage 1754 vorgestellet worden.

На гравюрѣ помѣтка: «По изобрѣтенїю Г. Совѣтника и Професора Ломоносова»; на оригинальномъ рисункѣ: «По идее Советника и Проѳесора Ломоносова».

На гравюрѣ собственноручная подпись: «Михайло Ломоносовъ».

(Архивъ Академической Канцеляріи. Рукопись № 184. л. 194—224.)

XV.

ТЕКСТЪ.

Покойнаго статскаго совѣтника и профессора Михайлы Васильевича Ломоносова Собраніе разныхъ сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ. (изд. Дамаскина. 1778. Книга первая. Похвальныя надписи. стр. 304. «Надпись 48 (въ подлинникѣ опечатка: 47). На изобрѣтеніе роговой музыки».

ВАРІАНТЫ.

С. IV.— Полное Собраніе сочиненій Михайла Васильевича Ломоносова. 1784. Часть первая. стр. 305—306. «Надпись 48. На изобрѣтеніе роговой музыки».

С. V.— Собраніе сочиненій Михаила Васильевича Ломоносова. 1840. Часть I. «Надпись 48. На изобрѣтеніе роговой музыки».

Ст. 2. Одни ловятъ звѣрей, другіе смотрятъ стада. (С. IV и V.)

Ст. 5. Тамъ шумный песій ревъ; а здѣсь у тихой рѣчки (С. V.)

Ст. 8. Охотническій шумъ, какъ Марсовъ, движетъ кровь. (С. V.)

Ст. 11—12. Что было грубости въ охотничьихъ трубахъ,
Нарышкинъ умягчилъ при нашихъ берегахъ;

Относится къ Семену Кирилловичу Нарышкину (1710—1775), бывшему при Елисаветѣ Петровнѣ гофмаршаломъ и оберъ-егермейстеромъ, изобрѣтателю роговой музыки въ Россіи.

Шлецеръ разсказываетъ въ своей автобіографіи: «Въ душный лѣтній вечеръ сижу я за своимъ письменнымъ столомъ и слышу: вотъ ѣдетъ Григорій Орловъ на яхтѣ внизъ по Невѣ. За нимъ вереница придворныхъ шлюпокъ, а впереди лодка съ сорока приблизительно молодцами, производящими музыку, какой я въ жизни не слышалъ,—а я воображалъ, что знаю всѣ музыкальные инструменты образованной Европы. Казалось, какъ будто играли — выраженіе одного знатока этого искусства — «на нѣсколькихъ большихъ церковныхъ органахъ съ закрытыми трубами въ двухъ низшихъ октавахъ, и вслѣдствіе отдаленности звукъ казался переливающимся и заглушеннымъ». Это было такъ же ново для слуха, какъ изобрѣтенная впослѣдствіи гармоника. То была изобрѣтенная въ 1753 году чехомъ Марешомъ и оберъ-егермейстеромъ Нарышкинымъ русская полевая или охотничья музыка (Feld oder Jagd Musik). Хоръ состоитъ изъ сорока человѣкъ; у каждаго изъ нихъ свой рогъ, у каждаго рога свой особенный тонъ, и только этотъ единственный звукъ можетъ извлечь играющій, а потому каждый долженъ только считать, когда ему приходится сдѣлать паузу. И несмотря на то, слышны тріоли, трели въ цѣлыхъ симфоніяхъ съ аллегро, анданте и престо. Остальное художественно описалъ Штелинъ».

(August Ludwig Schlözer's öffentliches und privat Leben, von ihm selbst beschrieben. 1802. стр. 176—177.

Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи наукъ. 1875. Т. XIII. стр. 161—162.)

Приводимъ описаніе Штелина:

Zuförderst verdient eine umständlichere Erwähnung die zu Petersburg im j. 1751 ausgedachte, und 1753 völlig zu Stande gebrachte Ruszische Jagd-Musik, eine vorhero noch nirgends

bekannt gewesene, und ihrer Einrichtung und Vollständigkeit so wol, als ihrer Wirkung nach, ganz besondere und neue Musik, die an pompösem und anmutigem Schall aller andern groszen Musik-Art den Rang streitig macht. Davon habe ich schon längst eine umständliche Beschreibung ihres Ursprungs aufgesetzt, die in vieler Liebhaber Hände gerathen, und vor etlichen Jaren durch den Hrn. Professer Schlözer, dem ich solche handschriftlich mitgeteilet hatte, in einer Wochenschrift in Deutschland zum öffentlichen Druck befördert worden ist. Wie sie aber eigentlich für gegenwärtige Nachrichten bestimmet war, so rücke ich sie auch hier ein. Als im j. 1751 der bisher gewesene Hofmarschall, Hr. Semen Kirilowicz Naryschkin, seines Amtes entlassen, und zum Ober-Jägermeister erklärt worden, trachtete er das nach alter Art eingerichtete Jäger-Corps in allen Stücken in eine bessere Verfassung zu setzen. Die Jäger und sämmtliche Jagd-Bediente bekamen eine nette Uniform: ihre Mützen waren von vorne mit einem vergüldeten Adler von getriebener Arbeit besetzt; und so gar die meszingene vergoldeten Rockknöpfe stellten ein gefälltes Wild, einen Wolfs oder einen andern Thierkopf, nach der Bestimmung des Mannes vor. Zugleich nam sich Se. Excellenz vor, auch die rauhe und sehr unmusikalische Jagd-Musik am Kaiserl. Hofe zu verbessern: daraus entstand eine ganz neue vollständige Feld-oder Jagd-Musik, die nie gewesen, und bis auf den heutigen Tag noch nirgends ihres gleichen hat. Die Ruszischen Jäger wuszten von je her von keinem andern musikalischen Instrumente, als von einem uralten, unförmlichen, meszingenen Waldhorne, in gerad auslaufender oder auch etwas parabolisch eingebogener Kegelgestalt. So wenig man auf diesem eintonigen Horne zu lernen hatte, so wenig angenemes oder wollautendes gab es auch von sich. Sein rauher tiefer Ton war mer ein Gebrülle ohne alle Melodie, als eine Musik. Alle diese Jagdhörner, so viel man deren brauchte, pflegten, nach einem einzigen Leisten, gleich grosz gemacht zu werden. Folglich gaben sie alle einen Ton: und wenn denn bey einer Jagd 10 oder mer Jäger in ihre

Hörner stieszen, so war dieser vervielfältigte brüllende Schall freilich stark genug, einen Wald oder eine ganze Gegend zu erschüttern, und das Wild aufzubringen, oder es zu verscheuchen. Es gelang dem Hrn. Ober-Jägermeister, dieser unangenemen Wirkung abzuhelfen, durch den Beistand eines sehr geschickten Hof-Waldhornisten und Violoncellisten, Herrn Maräsch, eines gebornen Böhmen; und zwar teils mit Beibehaltung, teils mit Abänderung oder eigentlich mit bloszer Vergröszerung und Verkleinerung desselben Horns. Hr. Maräsch liesz nämlich eben dieses unförmliche Ruszische Jagdhorn 37 mal von unterschiedener Grösze und Weite, und also 3 volle abgestimmte Octaven, vom drei gestrichnen Basz-G. an, bis ins ungestrichne G. im Discant, verfertigen. Diese grosze, mittlere und kleine Hörner teilte er an eben so viel Jäger-Pursche und Knaben, nach dem Verhältnisz ihres Alters zum groszen oder kleinen Horn, und der zum Blasen erforderlichen Stärke oder Schwäche der Luft, aus. Wie jedes Horn seinen eignen Ton und nicht mer giebt; so hatte ein jeder von diesen Jungen auch nur einen einzigen besondern Ton zu blasen. So bald nun ein jeder seinen Ton zu blasen gelernt hatte, kam es nun darauf an, ein musikalisches Stück, mit der ungetrennten Anstimmung eines jeden, in dem Augenblick, da ihn die Reihe traf, herauszubringen. Die Beobachtung dieses Augenblicks, wenn einer in sein Horn zu stoszen hatte, muszte also die Haupt-Lection bei einem jeden ausmachen. Folglich hatte jeder, nach der Vorschrift seines Blattes, alle die andern Stösze zu zälen, bis der Einstosz an ihn kam. Wenn nun jeder accurat zält und à tempo seinen Ton giebt; so kommen die vorgeschriebenen und unter alle hin und wieder verteilte Töne des Stücks nach der Reihe, und also das Stück selbst mit seiner Melodie, heraus.— Der erste Unterricht in dieser ganz neuen Art, ein einziges Stück durch so viele Blaser herauszubringen, kostete freilich besondre Gedult: allein die vortreffliche ganz besondere, und von keiner andern Musik, in so verschiedenen Instrumenten sie auch bestehen mag, zu erwartende Wirkung,

bezalte auch diese Mühe. Die Bestimmung dieser Musik geht auf ein offenes Feld, auf eine ganze Gegend, die sie ausfüllen, und also einen sehr groszen Raum der freien Luft in ein sanftes den Ohren angenemes Zittern, mit abwechselnden starken, mitteln, und schwachen Vibrationen setzen soll. Eine solche Wirkung im weiten Raume können nimmermer verschiedene Instrumente, ja noch eins so viele, und am wenigsten Saiten-Instrumente, hervorbringen. Darzu gehören viele lauter einförmige Blas-Instrumente, und keine unter allen andern schicken sich besser dazu, als diese Hörner von einem schwankenden wallenden und weit austönenden Schalle. Wenn man 24 gewönliche Waldhörner zusammen eine in die Harmonie nach hohen, mitteln und niedern Stimmen, nämlich in Sopran, Alt, Tenor und Basz verteilte Melodie, spielen lassen wollte: so würde ungefehr etwas der neuen Ruszischen Jagd-Musik ähnliches herauskommen, das solcher aber an Anmut und reizender Wirkung nicht gleichte. Denn die gewönlichen Waldhörner sind zwar unter einander auch einförmig, können aber nicht so tief im Ton gemacht werden; folglich sind sie auch nicht so tremulant, und nicht von gleicher Wirkung, als die Ruszischen Jagdhörner, in dem Ohr des auch weit ja bis auf die Hälfte des Horizonts entfernten Zuhörers.— Wer diese neue Musik nicht gehört hat, kann sich einen Begriff von derselben machen, wenn er sich einbildet, er höre von weitem etliche grosze Kirchen-Orgeln, in gedacktem Tone zugleich, aber nie höher als in den untersten zwo Octaven, in einem von ferne her gedämpften und wallenden Schalle, spielen. Die Jägerpursche und Jungen, die diese Musik ausmachen, sind alle gleich nett grün gekleidet, und stehen wenn sie spielen in 3 oder 4 Reihen hinter einander. Jeder hält sein Büchlein oder Blat vor sich, zälet unvermerkt immer fort, und giebt in seinem Augenblicke seinen Ton mit einer wundernswürdigen Accuratesse an. Und so klingt das ganze Stück an einander fort, als wenn die Oberstimme von einem allein die Mittelstimme von zween andern, und die Bässe von etlichen zusammen, aus Einem Blatt gespielet würden.

Diese neuen Musikanten spielen nicht etwan blosz langsam einher gehende gemeine Stückgen, sondern die schönsten ganz neucomponirten Jagdstücke, Märsche, Arien, ganze Sinfonien mit Allegro, Andante und Presto, und andre Melodien von vortrefflicher Harmonie, ja verschiedene sehr figurirte Stücke mit Roulemens und sehr geschwinden Läufen und Passagen; welches um so mehr zu bewundern ist, da dergleichen Arbeciaturen und andre Passagen von 2 und 3 gestrichnen Noten, deren jede einen jeden der verschiedenen Blaser besonders trifft, so gebunden herauskommen, als sie je von einem geübten Tonkünstler auf einem Instrument, das alle Töne hat, allein, in der gehörigen Geschwindigkeit herausgebracht werden können. Zur Geschichte dieser wirklich ganz neuen Ruszischen Musik ist noch anzumerken, dasz sie sich zum erstenmale 1753, zum Erstaunen des Hofs und der ausländischen Minister, auf dem Felde vor dem Jagdschlosse Ismajlov unweit Moskau, habe öffentlich hören lassen, als der Hr. Ober-Jägermeister Naryschkin eine feierliche Jagd für die Kaiserin veranstaltet hatte. Nachmals ist sie öfters bei Hofe zu Petersburg, und vornämlich im Thiergarten zu Sarskoje Selo, mit Entzücken gehöret worden. In des Hrn. Oberjägermeisters Hause pflegt sie auch öfters aufgeführt zu werden: und wöchentlich ein parmal üben sie sich in Gegenwart des Meisters von Zeit zu Zeit in schweren Stücken. Bei dem allegorischen Mascaraden-Aufzug durch die Deutsche Slobode, und einen Teil der Stadt Moskau, in der Fastnachts-Woche 1763, spielte sie ihre Rolle unvergleichlich, da sie auf einem künstlich verfertigten Diana-Berg, zwischen erlegten wirklichen Hirschen, Rehen, wilden Schweinen, Füchsen und Hasen in einem Gebüsche den Berg hinauf verteilt, angebracht, und von 22 parweise vorgespannten Ukrainischen Ochsen durch die Strassen gezogen wurde. Ferner liesz sie sich auch einen ganzen Nachmittag am 1-sten Mai zu Moskau 1763 auf der Galerie über dem Thorweg des Kaiserl. Jägerhofes, vor der Kaiserin und dem Groszfürsten, wie auch vor einer unzäligen Menge anderer hören, die daselbst vorbei, nach Moskovischem

*

alten Gebrauche, denselben Tag Mariä-Roschtsch ins Grüne fuhren. Zu Petersburg aber, in den schwülen Sommer Abenden, läszt sich diese weitschallende Musik öfters im Gefolge einer Anzal Hof-Schaluppen, auf dem Newa-Strom, mit besondrer Wirkung und Annemlichkeit hören.

Im Anhang zu dieser Nachricht, oder wenigstens in der vollständigern Ausgabe dieser musikalischen Nachrichten, die zu seiner Zeit, mit den übrigen Nachrichten von den schönen Künsten in Ruszland, in einem oder zween Bänden zusammen im Druck erscheinen sollen, will ich eine umständliche Beschreibung der eigentlichen Einrichtung dieser neuen Musik, die Verteilung ihrer Töne an die Spieler, die Besetzung der Stimmen eines einzelnen Stücks, und die Partitur desselben, oder etlicher, in Kupfer gestochen beifügen, wornach diese, auch ohne Jagd, zu groszer zumal Kirchen-Musik brauchbare Musik, deutlicher begriffen, und leichter nachgemacht werden kann.

(M. Johann Joseph Haigold's Beylagen zum Neuveränderten Ruszland. Zweiter Theil. 1770. Jakob von Stählin, Nachrichten von der Musik in Ruszland. § 44. стр. 115—122.)

XVI.

ТЕКСТЪ.

Ар.— Архивъ Академической Канцеляріи. Рукопись № 185. л. 542—542 об. Писано чужою рукою. Подпись рукою Ломоносова: «Михайло Ломоносовъ».

ВАРІАНТЫ.

С. II.— Собраніе сочиненій Ломоносова. 1757. Книга первая. стр. 175 — 176. «Надпись 30. На день коронованія Ея Величества 1754 года, гдѣ добродѣтели Ея прекрасной и великой горѣ уподобляются».

Ст. 1. Кто знатныя дѣла̀ въ натурѣ рассуждаетъ, (С. II.)

Ст. 3. Посмотримъ въ понтъ, въ поля̀, во весь посмотримъ свѣтъ; (С. II.)

Ст. 6—7. Толь множество добротъ въ Ней видимъ несказанно;
Не льзя представить всѣхъ предъ мысленный нашъ взоръ: (С. II.)

Въ *С. II*, какъ и въ рукописи: «предмысленный» вмѣсто: «предъ мысленный».

Ст. 9—10. Онѣ за облака, онѣ къ звѣздамъ восходятъ:
Онѣ намъ щитъ, когда войнў враги наводятъ:
(С. II.)
Ст. 11—13. Пловущимъ въ глубинѣ онѣ являютъ ходъ.
Изъ нихъ шумятъ ключи и токи многихъ водъ:
Поятъ лице землѝ, плодомъ обогащаютъ: (С. II.)
Ст. 16—18. Она взошла къ звѣздамъ Величествомъ Своѝмъ:
Мы крѣпостью Ея отъ сопостатъ покрыты,
И въ бѣдствїя волнахъ бѣжимъ къ Ней для защиты: (С. II.)
Ст. 22—24. Елисаветъ вѣнцемъ и славой увязенна:
Среди Россїйскаго раѧ̀ недвижно стой;
Сїе гласитъ любовь и вѣрность предъ Тобой.
(С. II.)
Ст. 26—27. Подъ тѣнїю Твоей щедроты несравненной.
Покровъ Твой смѣжныя пребудутъ небеса:
Ст. 29—30. Коль чудныя дѣла̀ Елисаветъ являетъ:
Чрезъ прохлажденїе въ насъ пламень возбуждаетъ. (С. II.)

Въ подлинникѣ послѣднее слово выскоблено и вмѣсто него написано рукою Ломоносова: «умножаетъ».

31 января 1754 года Ломоносовъ представилъ въ Академїю наукъ слѣдующїй рапортъ: «По силѣ присланнаго ко мнѣ изъ оной Канцелярїи ордеру, прожектъ фейерверку и иллюминацїи со описанїемъ мною учиненъ, а имянно апрѣля на 25 число сего года, которой при семъ репортѣ и взношу.

Коллежской Совѣтникъ Михайло Ломоносовъ.

Проектъ фейерверка и иллуминацїи на пресвѣтлый праздникъ коронованїя Ея Императорскаго Величества апрѣля 25 дня 1754 года.

На иллуминаціонномъ театрѣ.

По срединѣ великолѣпнаго саду представить высокую гору, пріятными пригорками къ верьху возвышающуюся. Пригорки украсить бродерейными, гротесковыми и мозаичными партерами. По верху каждаго пригорка зеленыя прорѣзныя шпалеры поставить съ израстающими изъ нихъ зелеными деревами. На самомъ верху горы поставить также зеленыя прорѣзныя шпалеры, надъ которыми возвышается павильонъ изъ зеленѣющихъ деревъ, вырѣзанный на подобіе Императорской короны. Изъ шпалеръ и изъ самаго верху павильона произрастаютъ оранжевые дерева, плодами почти всѣ свои листы покрывающіе и сіяніе карбункуловъ представляющіе. По сторонамъ горы — террасы, вазами съ цвѣтами украшенныя и порталами, изъ трельяжевъ составленными, кончащіяся.

На фитильномъ щитѣ.

Противъ средины вышепоказанной горы изобразить гротъ, изъ разноцвѣтныхъ мраморовъ, мозаичнымъ подобіемъ украшенный. Въ срединѣ грота предъ вензловымъ именемъ Ея Императорскаго Величества, лавровымъ вѣнцемъ окруженнымъ и на задней стѣнѣ изображеннымъ, представить великой фонтанъ, изъ котораго падающая вода по каскаду расширяясь сливается въ великой бассенъ, о которомъ ниже сего. Фонтанъ изобразить дѣйствительными, огонь испущающими трубками, а не фитилемъ. Во флигеляхъ грота, по обѣимъ сторонамъ, изобразить четыре статуи:

1) Вѣрность въ видѣ женскомъ съ ключемъ и печатью и съ надписаніемъ между карнизами: *Единой.*

2) Любовь добродѣтели въ образѣ крылатаго юноши, лавровые вѣнцы рукою возвышающаго, съ надписаніемъ: *Вѣчно.*

3) Удовольствіе въ женскомъ видѣ, въ богатомъ убранствѣ, съ зеркаломъ; надпись: *Съ избыткомъ.*

4) Надежда на подобіе женщины, о крѣпкой столпъ опершейся, съ якоремъ; надпись: *Не подвигнусь.*

Низовые увеселительные огни.

Расположить слѣдующимъ образомъ. Передъ каскадомъ, изъ грота текущимъ, изобразить великой бассень перилами, между которыми должно вертѣться обыкновеннымъ огненнымъ колесамъ горизонтально, чтобы тѣмъ изображалась крутящаяся въ бассени вода, которая изъ фонтана и каскадовъ спустится. Изъ сего большаго бассеня перилами на обѣ стороны представить каналы, въ которые на подобіе каскаду изъ бассеня пустить огонь изъ лежачихъ горизонтально обыкновенныхъ фонтановъ; а гдѣ ихъ сила окончится, тутъ употребить горизонтальныя колеса, чтобы такимъ образомъ быстро текущая и вихрями крутящаяся вода представлялась. Каналы перилами раздѣлить на обѣихъ сторонахъ на регулярные островки съ перилами и кончать мостами, изъ перилъ здѣланными. При томъ на перилахъ и по островамъ употребить пристойныя украшенія, какъ статуи, вазы и протчая. Внѣ канала увеселительныхъ огней мало или ничего не употреблять, чтобы виду текущей воды не здѣлать помѣшательства. Въ островахъ пускать свѣтлыя обыкновенныя звѣздки.

Верьховые увеселительные огни.

Расположить какъ за благо рассудится, только весьма бы пріумножилась ихъ красота, когда бы мною изобрѣтенныя и на пробѣ показанныя витыя ракеты произвести въ дѣйствіе.

Риторическое сего всего сложеніе воспослѣдуетъ, ежели всемилостивѣйше сіе апробовано будетъ. Нынѣ присовокупляются слѣдующіе стихи:

Кто знатныя дѣла въ натурѣ рассуждаетъ" и т. д.

Слова: «Фонтанъ изобразить дѣйствительными огонь испущающими трубками, а не фитилемъ» приписаны рукою Ломоносова.

(Архивъ Академической Канцеляріи. Рукопись № 185. л. 537—542 об.)

XVII.

ТЕКСТЪ.

Ар. — Архивъ Академической Канцеляріи. Рукопись № 189. л. 336. Писано чужою рукою. Авторомъ написано только: «Михайло Ломоносовъ. Іюля 11 числа 1754 года».

ВАРІАНТЫ.

С. II. — Собраніе сочиненій Ломоносова. 1757. Книга первая. стр. 176—177. «Надпись 31. На иллуминацію, представленную въ день тезоименитства Ея Величества 1754 года, гдѣ изображенъ былъ храмъ Россійскаго благополучія, передъ которымъ на вратахъ обелискъ съ вензловымъ именемъ Ея Величества, притомъ сѣдящая въ радости Россія».

Ст. 2. Взираетъ на своихъ предѣловъ красоту: (С. II.)
Ст. 5. Считая многія довольства, говоритъ: (С. II.)
Ст. 8. И алчны мытари внутрь торгу не смущаютъ, (С. II.)
Ст. 11. Пристанищь, крѣпостей и храмовъ всходятъ стѣ́ны (С. II.)

Ст. 16—18. Мнѣ тѣсны храмы всѣ и низки пирамиды.
Ахъ, естьлибъ ревности сравнилась крѣпость
силъ!
Тобъ Кавказъ на хребтѣ Рифейскомъ нынѣ
былъ: (С. II.)

Ломоносову и Штелину было поручено «сочинить прожектъ къ репрезентованію иллюминаціи» въ день тезоименитства Ея Величества, 5 сентября 1754 года. 11 іюля Ломоносовъ представилъ слѣдующій проектъ:

1.

«На иллюминаціонномъ планѣ фонарями изобразить храмъ Россійскаго благополучія, съ великими флигелями, на обѣ стороны простирающимися. Главное среднее строеніе вдали, соединяющее оба флигели.

2.

Въ серединѣ на свободной площади, передъ отдаленнымъ среднимъ строеніемъ, поставить великой обелискъ на картинѣ и освѣтить сзади наставленными фонарями, котораго шпицъ изъ зеленаго аспида съ красными жилами и крапинами. На самомъ верху первая литера высочайшаго имени Ея Императорскаго Величества въ сіяніи. На срединѣ шпица связанныя въ картушѣ роги изобилія съ инструментами наукъ и художествъ. На верхней части піедестала гербъ Россійской; на нижней части надпись:

Елисаветѣ
премудрой, мужественной,
кроткой, щедрой
Императрицѣ.

Символическаго изображенія знаменованіе:

Россія вознося главу на высоту,
Взираетъ на своихъ предѣловъ красоту;“ и т. д.

Проектъ не былъ одобренъ императрицею, но стихи Ломоносова ей очень понравились. Академіи наукъ прислано извѣщеніе, что проекты, составленные Ломоносовымъ и Штелиномъ, были поднесены Ея Величеству въ Петергофѣ, и государыня «изволила апробовать тако: господина Ломоносова вирши очень хороши, а иллюминацію перемѣнить, понеже таковыя фигурою многожды бывали, а здѣлать, какова нынѣ отъ Штелина представляется, или онъ, Ломоносовъ, свою съ прибавочнымъ украшеніемъ какъ наплутчѣе выдумавъ, можетъ представить».

Вслѣдствіе этого Ломоносовъ представилъ новый, собственноручный, проектъ при рапортѣ, также собственноручномъ:

«Въ Канцелярію Академіи Наукъ репортъ.

По присланному ко мнѣ отъ перваго числа Августа ордеру велѣно моего изобрѣтенія иллуминацію на пятое число Сентября перемѣнить и здѣлать какова нынѣ отъ Гдна Штелина представляется, или прибавочнымъ украшеніемъ какъ наплутчіе свою представить. На сіе репортую, что по рисунку Гдна Штелина идеи безъ описанія угадать не могу, и не уповаю чтобы мои стихи къ ней были приличны. Того ради прилагаю свою нѣсколько отмѣнную идею къ моимъ стихамъ приличную. А украшенія и расположенія надлежатъ до Академіи Художествъ, которая вѣдать должна, какія фигурою прежде иллуминаціи бывали, и довольно людей имѣетъ, которые по ея указанію нарисовать могутъ.

Коллежской Совѣтникъ Михайло Ломоносовъ.

Августа 4 дня
1754 года».

«Проектъ Иллуминаціи къ 5^му^ числу Сентября на торжественный праздникъ Тезоименитства Ея Императорскаго Величества.

Представить великолѣпное зданіе Россійскаго удовольствія, въ которое со всѣхъ сторонъ ворота отворены и украшены рогами изобилія. Въ срединѣ обелискъ, на которомъ поставлено высочайшее Имя Ея Императорскаго Величества, свѣтлыми лучами окруженное.

Ежели краткость времени не допуститъ, подпись и другія мѣлкія украшенія, прежде показанныя, можно оставить. Стихи сочинены прежде».

Императрица Елисавета отдала предпочтеніе стихамъ Ломоносова передъ стихами Штелина, написанными по тому же самому поводу. Приводимъ ихъ въ подлинникѣ и въ современномъ ему переложеніи.

Ja! Zwar entfernt wirckt auch Elisabethens Ruhm,
Und setzt, der Sonne gleich, in Licht Ihr Kayserthum:
Doch Ihre Gegenwart pflegt Krafft, und Lust, und Leben,
Der Frühlings-Sonne gleich, der nahen Treu zu geben.
Hoff Stadt, und Land, und See, und was Sie nur erblickt
Lebt gleichsam wieder auf erquickt, erfreut, beglückt,
Und wünschet Ihr zum Danck, und uns zum Wolergehen:
Der Himmel lasz disz Fest Sie hundertmal noch stehen!

Елисаветъ своей гремящей въ свѣтѣ славой
И въ самомъ дѣйствуетъ отсутствіи своемъ,
И надъ пространною Россійскою державой
Какъ солнце свѣтитъ всѣмъ величества лучемъ.
Но болѣе Ея приходъ увеселяетъ,
Какъ солнце, къ намъ пришедъ съ полденныхъ странъ весной,
Присутствіемъ народъ крѣпитъ и утѣшаетъ,
Усугубляя ихъ надежду и покой.
На что ни обратитъ свои кротчайши взоры,
Все радость чувствуетъ, земля, моря и лѣсъ,
И оживляются безчувственныя горы,
Отрада отъ Ея ліется всѣмъ очесъ.
Въ знакъ благодарности подданство Бога молитъ,
Да счастіемъ Ея Россію увѣнчать,
И свѣтлый праздникъ сей Монархинѣ позволитъ
Въ веселіи еще стократъ торжествовать.

(Архивъ Академической Канцеляріи. Рукопись № 189. л. 325—358.

Ст. 8. И алчны мытари внутрь то́ргу не смущаютъ

Относится къ одному изъ замѣчательнѣйшихъ событій царствованія Елисаветы — къ уничтоженію внутреннихъ таможенъ. Алчность «мытарей», т. е. сборщиковъ таможенныхъ пошлинъ, достигла крайнихъ предѣловъ, и правительство рѣшило положить конецъ вопіющему злу, признавая, что «отъ сборщиковъ внутрь государства таможенныхъ пошлинъ происходятъ отягощенія подверженнымъ платежу оныхъ; всегдашнія примѣтки, грабительство и воровство умножаются; купечеству помѣшательство въ торгахъ, перебойка товаровъ и прочіе убытки слѣдуютъ» и т. д. Число таможенныхъ и мелочныхъ сборовъ простиралось до семнадцати. Сюда входили сборы: съ товаровъ, съ хлѣба и со всякихъ съѣстныхъ припасовъ; съ мостовъ и перевозовъ; съ вѣсовъ; съ ледокола и съ водопоя; съ подпалыхъ и палыхъ лошадиныхъ кожъ и т. д. 18 декабря 1753 года утвержденъ докладъ сената объ уничтоженіи внутреннихъ таможенъ и сборовъ. Въ указѣ, при которомъ обнародованъ этотъ докладъ, говорится: «Сколько по онымъ сборамъ доносовъ, а по нихъ продолжительныхъ слѣдствіевъ въ государствѣ было и есть, по которымъ безчисленное истязаніе, гибель людей и разореніе домовъ происходило, что̀ въ пресѣченіи таможенъ конецъ свой возьметъ, ибо тотъ случай, по которому оно происходило, искореняется. Чего ради всемилостивѣйше повелѣваемъ: всѣ таможни, имѣющіяся внутри государства, уничтожить, и какъ имъ не быть, такъ и вышеписаннаго сбора не сбирать» и т. д.

(Полное собраніе законовъ. 1830. Т. XIII. стр. 947—953. № 10164.)

По свидѣтельству современниковъ, уничтоженіе таможенъ произвело всеобщую радость. Изъ Москвы, гдѣ совершилось знаменитое событіе, писали: «Ея Императорское Величество изволила всякіе внутреннихъ пошлинъ зборы отставить и всѣ внутреннія таможни уничтожить, такъ что внутренно вся толь обширная сія имперія вольнымъ портомъ здѣлана. Возбужденная чрезъ то въ народѣ радость такъ велика и примѣтна была, что

сенатъ обойтиться не могъ всенижайшее свое и должное за толикія благодѣянія благодареніе Ея Императорскому Величеству засвидѣтельствовать. Почему въ навечеріи праздника Рождества Спасителя нашего, то есть 24 сего мѣсяца, по окончаніи въ придворной церьквѣ Божіей службы, канцлеръ, какъ старшей сенаторъ, обще со всѣми другими, имянемъ сената и всего обрадованнаго и одолженнаго народа оное Ея Императорскому Величеству всеподданнѣйше и приносили. На которое Ея Императорское Величество всемилостивѣйше соизволила сама во отвѣтъ сказать, что Ея Величеству всегда ко особливой радости и удовольствію служитъ возможность пользу своихъ подданныхъ, хотябъ то и съ собственнымъ Ея убыткомъ было, поспѣшествовать».

(Санктпетербургскія Вѣдомости. 1754. № 1. стр. 4—5.)

Уничтоженіе таможенъ историки признаютъ «однимъ изъ важнѣйшихъ явленій въ русской жизни. Русская земля была давно собрана, но внутреннія таможни разрывали ее на множество отдѣльныхъ странъ; уничтоженіемъ внутреннихъ таможенъ Елисаветою заканчивалось дѣло, начатое Иваномъ Калитою».

(Исторія Россіи Соловьева. 1873. Т. XXIII. стр. 221.)

Ст. 9. Сталъ тѣсенъ къ злобѣ путь коварникамъ въ судахъ.

Ломоносовъ имѣетъ въ виду стремленіе правительства оградить судопроизводство отъ «коварственныхъ ябедническихъ» продѣлокъ. Императрица Елисавета Петровна, во время пребыванія своего въ Москвѣ, присутствовала, 11 марта 1754 года, въ засѣданіи сената; главнымъ предметомъ совѣщаній было улучшеніе нашего судопроизводства при помощи ясныхъ и точныхъ законовъ:

«Когда по суднымъ дѣламъ челобитчику или отвѣтчику дойдетъ до объявленія крѣпостей, то изъ нихъ нѣкоторые, а особливо ябедники, дабы дѣла къ рѣшенію не допустить, показываютъ, якобы крѣпостей при нихъ нѣтъ затѣмъ, будто съ тѣми ихъ крѣпостьми люди посланы для сыску бѣглыхъ крестьянъ въ Астрахань и въ дальніе города, а иные объявляютъ, будто

крѣпости у нихъ и вовсе пропали, или люди ихъ, бѣжавъ, покрали; другіе же сказываютъ, что во время пожаровъ крѣпости ихъ погорѣли». Такимъ образомъ «чрезъ разные коварственные и ябедные вымыслы скораго въ дѣлахъ своихъ рѣшенія получить не могутъ». Приказали: хранить крѣпости какъ самонужнѣйшую вещь, и въ случаѣ пропажи брать выписи изъ присутственныхъ мѣстъ. «Къ искорененію всѣхъ ябедническихъ по разнымъ дѣламъ вымысловъ сочинить ясные и понятные законы, по которымъ бы всякъ, прежде начатія дѣла, правость или винность свою чрезъ ясность законовъ усмотрѣть могъ».

(С.-Петербургскій Сенатскій Архивъ. Рукопись № 85. л. 37—43.)

XVIII.

ТЕКСТЪ.

Первое изданіе (editio princeps). Въ листъ, восемь страницъ; на первой—заглавіе; текстъ оды на шести страницахъ — съ третьей по восьмую. Передъ началомъ текста оды—типографская заставка съ криволинейнымъ узоромъ, обрамляющимъ рядъ двуглавыхъ орловъ съ коронами надъ ними. Въ концѣ оды — заставка (cul-de-lampe) изъ криволинейныхъ несвязанныхъ украшеній—пальметокъ и звѣздочекъ, расположенныхъ симметрично по вертикальной оси, съ двуглавымъ орломъ между двумя верхними звѣздочками. Строфы не обозначены цыфрами, а отдѣлены одна отъ другой тремя звѣздочками.

ВАРІАНТЫ.

С. II.— Собраніе сочиненій Ломоносова. 1757. Книга первая. Оды похвальныя. стр. 112—121. «Ода 8. На рожденіе Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Павла Петровича, Сентября 20. 1754 года». Строфы обозначены цыфрами.

Ст. 22. Сѣдя, въ округъ объемлетъ óкомъ (с. II.)
Ст. 24. Сады, долúны, рощи злачны, (с. II.)
Ст. 31. Такъ нынѣ градъ Петровъ священный, (с. II.)
Ст. 43. Великъ Господь мой! говоритъ: (с. II.)
Ст. 147. Когда взираемъ мы къ востоку, (с. II.)
Ст. 165. Онъ гордымъ óкомъ къ намъ взираетъ: (с. II.)
Ст. 209. Продли сему по мѣрѣ время, (с. II.)
Ст. 212. Воззри, коль широкà Россїя, (с. II.)
Ст. 223. Хранитъ во вѣкъ престолъ и плодъ. (с. II.)

Ст. I, 9—10, 31—35:

Надежда наша совершилась,
Петрова Первенца лобзаетъ
Елисавета на рукахъ.
Такъ нынѣ градъ Петровъ священный
Толикимъ счастьемъ восхищенный
Возшедъ отрадъ на высоту,
Вокругъ веселїя считаетъ,
И крáя имъ не обрѣтаетъ;

Въ Запискахъ Екатерины II: Je me couchai le mardi au soir et me réveillai la nuit avec des douleurs. On alla éveiller le grand-duc qui couchait dans sa chambre, et le comte Alexandre Schouvaloff. Celui-ci envoya chez l'Impératrice, qui ne tarda pas à venir, à peu près vers les deux heures du matin. Je fus fort mal. Enfin vers midi, le lendemain, 20 septembre, j'accouchai d'un fils.

Въ Прибавленіи къ Санктпетербургскимъ Вѣдомостямъ:

«Сего сентября 20 дня предъ полуднемъ въ 10 часу всемогущая Божїя благодать обрадовала Ея Императорское Величество, нашу всемилостивѣйшую Государыню, и всю здѣшнюю

имперїю младымъ Великимъ Княземъ, которымъ Всевышшїй супружество Ихъ Императорскихъ Высочествъ благословилъ, и которому наречено имя Павелъ. Сїя всеобщая радость объявлена была тогожъ дня двѣсти однимъ пушечнымъ выстрѣломъ съ обоихъ здѣшнихъ крѣпостей, и въ вечеру приносимы были Ея Императорскому Величеству, отъ собравшихся ко двору обоего пола знатныхъ персонъ, всеподданнѣйшїя поздравленїя о толь благополучномъ и желанномъ произшествїи.

На другой день по утру отправляемо было всѣмъ духовенствомъ торжественное благодарное молебствїе, а въ вечеру паки приносимы были отъ всѣхъ Его Императорскому Высочеству Великому Князю нижайшїя поздравленїя; и тогожъ дня обрѣтающемуся здѣсь Римско-Императорскому послу графу Эстергазїю здѣлано о семъ формальное увѣдомленїе чрезъ оберъ-церемонїймейстера графа Сантїя, съ такимъ присовокупленїемъ, что Ея Императорское Величество, наша Августѣйшая Самодержица, всевысочайше намѣрена обоихъ Ихъ Римско-Императорскихъ Величествъ пригласить быть обще съ Ея Величествомъ воспрїемниками новорожденному Великому Князю.

Слѣдующаго потóмъ 22 дня учинено равномѣрноежъ о семъ благополучномъ произшествїи увѣдомленїе, чрезъ церемонїймейстера Олсуфьева, и протчимъ обрѣтающимся здѣсь иностраннымъ министрамъ.

А третьяго дня предъ полуднемъ, то есть 25 числà сего мѣсяца, и дѣйствительно совершилось крещенїе высокоупомянутаго новорожденнаго Великаго Князя. Тогожъ дня всемилостивѣйше соизволила Ея Императорское Величество пожаловать Ихъ Императорскимъ Высочествамъ Великому Князю сто тысячь рублевъ, а Великой Княгинѣ стожъ тысячь рублевъ, да брилїантовый богатой уборъ на шею и серьги; а притомъ еще повелѣть изволила, чтобъ всѣмъ лейбгвардїи полковъ солдатамъ по два, а протчимъ всѣмъ армѣйскимъ и другихъ полковъ солдатамъ, матросамъ и другимъ имъ подобнымъ по рублю на человѣка роздано было».

Рожденіе великаго князя Павла Петровича праздновалось представителями Россіи въ различныхъ мѣстахъ Европы и Азіи. Русскимъ консуломъ въ Персіи «роздано обрѣтающимся въ свитѣ его военнымъ людямъ по рублю, да бѣднымъ и неимущимъ персіянамъ и армянамъ по нѣсколку, что къ наивящшему служило прославленію о толь всерадостномъ Россійской имперіи произшествіи».

(Санктпетербургскія Вѣдомости. 1754. № 77. Прибавленіе. стр. 1—4.—1755. № 48. Описаніе Фестейна, который по случаю рожденія Вел. Кн. Павла Петровича пребывающимъ въ Персіи при Энзелинскомъ портѣ отправленъ.)

По случаю рожденія вел. кн. Павла Петровича Ломоносовъ написалъ длинную оду и нѣсколько надписей. 24 сентября 1754 года Ломоносовымъ подано слѣдующее «доношеніе» въ Академическую Канцелярію: «Намѣренъ я напечатать оду на всерадостное рожденіе Гдря Великаго Князя Павла Петровича, того ради Академическая Канцелярія да соблаговолитъ приказать напечатать оной оды триста ексем(п)ларовъ. Дватцать пять на алеѯандрійской да 275 на комментарной заморской». Опредѣлено: печатать триста экземпляровъ, немедленно, на счетъ Ломоносова.

(Архивъ Академической Канцеляріи. Рукопись № 192. л. 284.)

Ст. 75—78. Теперь мнѣ небо утверждаетъ,
Что домъ Петровъ не будетъ пустъ!
Онъ въ немъ во вѣки водворится;
Премудрость, мужество, покой
И судъ и правда воцарится;
Онъ рогъ до звѣздъ возвыситъ мой.

Псал. LXVIII, 26: Да будетъ дворъ ихъ пустъ, и въ жилищахъ ихъ да не будетъ живый.

Псал. XXIV, 13: Душа его во благихъ водворится.

Притч. XXI, 30: Нѣсть премудрости, нѣсть мужества, нѣсть совѣта у нечестиваго.

Iезек. XVIII, 21, 27; XXXIII, 19: И сохранитъ вся заповѣди моя, и сотворитъ судъ и правду и милость. И егда обратится беззаконникъ отъ беззаконія своего, и сотворитъ судъ и правду. И егда грѣшникъ возвратится отъ беззаконія своего, и сотворитъ судъ и правду: той живъ будетъ въ нихъ, и т. д.

Въ молитвѣ на литіи во время всенощнаго бдѣнія: «Спаси, Боже, люди Твоя и благослови достояніе Твое; посѣти міръ Твой милостію и щедротами, возвыси рогъ христіанъ православныхъ и ниспосли на ны милости Твоя богатыя».

Рогъ—«въ разныхъ св. писанія мѣстахъ значитъ: крѣпость, силу воинства, царство или славу, по образцу реченія еврейскаго».

(Церковный словарь Алексѣева. 1819. Ч. IV. стр. 30—31.)

I Цар. II, 1: Утвердися сердце мое, Господи, вознесеся рогъ мой въ Бозѣ моемъ.

Псал. CXI, 9: Правда его пребываетъ во вѣкъ вѣка: рогъ его вознесется въ славѣ.

Ст. 91—96. Ты, слава, далѣ простираясь,
На западъ солнца устремляясь,
Гдѣ Висла, Ренъ, Секвана, Тагъ,
Гдѣ славны войскъ Россійскихъ слѣды,
Гдѣ ихъ еще гремятъ побѣды,
Гдѣ вѣрный другъ, гдѣ скрытый врагъ,

Въ мнѣніи представленномъ императрицѣ Елисаветѣ канцлеромъ Бестужевымъ, говорится:

«Король Прусскій, сей самый союзникъ, сдѣлался для Россіи такимъ сосѣдомъ, который всѣхъ опаснѣе, и его всегдашнимъ и натуральнымъ Россіи непріятелемъ почитать должно. Швеція къ Россіи по временамъ то явнымъ, то внутреннимъ, а всегда постояннымъ и злобнымъ непріятелемъ есть» и т. д.

(Исторія Россіи Соловьева. 1873. Т. XXIII. Стр. 237—242.)

Именами рѣкъ Ломоносовъ называетъ страны: Висла — Польша, Ренъ (Рейнъ) — Пруссія, Секвана (Сена) — Франція, Тагъ (Таго) — Испанія. Съ первыми тремя странами Россія

находилась въ постоянныхъ сношеніяхъ вслѣдствіе политическихъ обстоятельствъ того времени. Что касается рѣки Таго, то въ ней стояли русскія суда въ ноябрѣ 1725 года. Суда эти отправлены по волѣ Петра Великаго съ цѣлью завязать торговыя сношенія съ Испаніей. Петромъ Великимъ написано собственноручно: «О гишпанскомъ дѣлѣ — послать три корабля, на нихъ товаровъ казенныхъ и купеческихъ; съ товарами нѣсколько хозяевъ отправить для обученія сего торгу; единымъ словомъ, чтобъ зачать и продолжать всякимъ образомъ, и притомъ по малу компанію сбирать». Въ декабрѣ 1724 года Петръ Великій сдѣлалъ это распоряженіе. Въ маѣ 1725 года вышли въ море изъ Ревеля одинъ корабль и два фрегата; въ августѣ они пришли въ Кадиксъ, а въ ноябрѣ вошли въ рѣку Таго.

Ст. 141 — 200. Историкъ Соловьевъ (XXIII, 321 — 322) замѣчаетъ:

«Въ одѣ Ломоносова на рожденіе великаго князя Павла Петровича насъ останавливаетъ указаніе на внѣшнюю дѣятельность, какая можетъ занять достойно будущаго русскаго государя: только варварскія страны Востока должны подчиняться цивилизующему вліянію Россіи; противъ западной Европы у Россіи можетъ быть одна война оборонительная. Но отъ гаданій о будущемъ, поэтъ по прежнему любитъ обращаться къ прошедшему Россіи, не внося вражды между ними, а указывая тѣсную историческую связь. Можно сказать, что Ломоносовъ былъ историкъ въ своихъ одахъ, и поэтъ или риторъ въ исторіи. Вотъ обращеніе поэта къ новорожденному:

Расти, расти, расти, крѣпися,
Съ Великимъ Прадѣдомъ сравнися, и т. д.

Ст. 151–160. Тамъ вкругъ облегъ Драконъ ужасный,
Мѣста̀ святы, мѣста̀ прекрасны,
И къ облакамъ сто главъ вознесъ!
Весь свѣтъ чудовища страшится,
Единъ лишь смѣло устремиться

Россійскій можетъ Геркулесъ.
Единъ сто острыхъ жалъ притупитъ
И множествомъ низвержетъ ранъ,
Единъ на сто головъ наступитъ
Восставитъ вольность многихъ странъ.

Подъ возстановленіемъ вольности святыхъ мѣстъ, которыя облегъ ужасный драконъ, Ломоносовъ понимаетъ освобожденіе христіанъ отъ турецкаго ига. Такой же взглядъ на историческое призваніе Россіи высказывали представители предшествующей эпохи, и во главѣ ихъ самъ Петръ Великій. Стефанъ Яворскій съ большимъ сочувствіемъ приводитъ слова Петра Великаго, обращенныя къ войску и указывающія настоящую цѣль войны Россіи съ Турціею.

Графъ П. В. Заводовскій писалъ графу Александру Романовичу Воронцову, 13 марта 1787 года: «Объ Астрахани и о другихъ мѣстахъ, которыя справедливо считаешь отъ природы въ пользу удобными, отвѣчаю тебѣ словомъ Ломоносова: Мѣста священныя. . . . облегъ драконъ ужасный».

(Архивъ князя Воронцова. 1877. Кн. XII. стр. 39—40.)

Ст. 151—156. Державинъ (VII, 563) приводитъ въ примѣръ «важной аллегоріи».

Ст. 171—176. Державинъ (VII, 557—558) приводитъ въ примѣръ «историческихъ вводовъ, или околичностей».

Ст. 181—182. Сарматъ съ свирѣпостью своею
Трофеи отдалъ Алексѣю.

Ломоносовъ имѣетъ въ виду побѣду русскихъ надъ поляками при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Ломоносовъ, какъ и послѣдующіе поэты, называетъ поляковъ *Сарматами;* онъ такимъ образомъ объясняетъ это названіе: «Венды и Анты, соединяясь со сродными себѣ Славянами, умножали ихъ силу. Единоплеменство сихъ народовъ засвидѣтельствовалъ Іорнандъ, оставивъ извѣстіе, что отъ начала рѣки Вислы къ сѣверу по безмѣрному

пространству обитаютъ многолюдные Вендскіе народы. Птоломей оставилъ въ память, что Сармацію одержали превеликіе Вендскіе народы. Плиній также свидѣтельствуетъ, что въ его время около Вислы обитали Венды и Сарматы. Итакъ народъ *Славено-Польской* по справедливости называетъ себя *Сарматскимъ*».

(Древняя Россійская исторія, сочиненная Михайломъ Ломоносовымъ. 1766. стр. 9—10.)

Державинъ (I, 644—645) въ одѣ «На взятіе Варшавы» 1794 г.:

Строптиву Польшу покорила,
Которая твой врагъ была. . . .
И се—днесь надъ Сарматомъ плѣннымъ
Всесильный Россъ занесъ свой мечъ.

Въ стихотвореніи Жуковскаго: «Вождю побѣдителей», 1812 г., о Наполеонѣ:

Вселенную въ неволю оковалъ;
Ужъ онъ царей-рабовъ своихъ созвалъ.
Неаполь, Римъ сбираютъ легіоны;
Богемецъ, Венгръ, Саксонъ ополчены;
И стали въ строй измѣнники Сарматы.

Ст. 183–185. Онъ судъ и правду положилъ,
Онъ войско правильное вскорѣ,
Онъ новой флотъ готовилъ въ море;

Относится къ царю Алексѣю Михайловичу, о которомъ Ломоносовъ говоритъ: «Какъ въ Москвѣ чернь взволновалась на бояръ и судей, ради неправды и взятковъ; присудствіемъ и словами Государевыми укротилась. Послѣ сочинено уложеніе. Самъ Государь ходилъ съ войскомъ подъ Смоленскъ, и взявъ его воевалъ во всей Польшѣ, къ чему заведенные имъ новые регулярные полки много вспомогали. Одержана совершенная надъ Крымцами побѣда. Въ тѣ времена Донской Козакъ Стенька Разинъ разбойничалъ по Волгѣ и по Каспійскому морю, учинилъ

много убійства и раззоренія. Сей злодѣй много препятствовалъ Государю въ строеніи флота на Каспійскомъ морѣ, сожегъ первопостроенной въ Астрахани корабль, называемой Орелъ».

(Краткой Россійской Лѣтописецъ съ родословіемъ. Сочиненіе Михайла Ломоносова. 1760. Стр. 43—45.)

Ст. 216. Къ Тебѣ взывали девять лѣтъ.

Девять лѣтъ ожидали наслѣдника престола: 20 августа 1745 года происходило бракосочетаніе великаго князя Петра Ѳедоровича и Екатерины Алексѣевны; 20 сентября 1754 года родился у нихъ сынъ — вел. кн. Павелъ Петровичъ.

Ст. 221—223. Предъ мужемъ нѣкогда избраннымъ
Ты свѣтомъ клялся несозданнымъ
Хранить во вѣкъ престолъ и родъ.

Псал. LXXXVIII, 4—5: Завѣщахъ завѣтъ избраннымъ моимъ, кляхся Давиду рабу моему: До вѣка уготовлю сѣмя твое, и созижду въ родъ и родъ престолъ твой.

XIX.

ТЕКСТЪ.

В.— Санктпетербургскія Вѣдомости. 1754. № 86. стр. 685.

ВАРІАНТЫ.

С. II.—Собраніе сочиненій Ломоносова. 1757. Книга первая. стр. 179. «Надпись 35. На рожденіе Его Высочества».

М.— Московскій Архивъ Министерства иностранныхъ дѣлъ. Портфель Миллера № 414; тетради № 11. — Надъ стихами написано красными чернилами: Bey dem Feuerwercke Sr. Excellz, des Hrn. Cammer-Herrn Iwan Iwanowitsch Schuwalow.

Ст. 4. Мы наслаждались всѣ, щедротъ, покоя, славы. (С. II.)
Ст. 6. Что бодрствуетъ для насъ, какъ Павла намъ послалъ; (С. II.)
Ст. 8. Довольство удвойтъ во дняхъ благословенныхъ. (С. II.)

Въ Запискахъ Екатерины II, о рожденіи Павла Петровича: Dans la ville et dans l'empire la joie fut grande de cet événement. Après le baptême de mon fils il y eut des fêtes, bals, illuminations, feux d'artifice, à la cour.

Рядъ придворныхъ торжествъ начался 9 октября большимъ баломъ, и окончился 18 октября публичнымъ маскарадомъ.

Немедленно «по окончаніи при дворѣ 18 числа октября торжествъ для вожделѣннѣйшаго рожденія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Павла Петровича, разныя знатныя особы вознамѣрились продолженіемъ равномѣрныхъ тому увеселеній и маскерадовъ изъявить свою радость». Начало имъ положено барономъ Сергѣемъ Львовичемъ Строгановымъ, давшимъ 19 октября балъ для тѣхъ, которые не участвовали въ придворныхъ торжествахъ, и особенно для иностраннаго купечества.

24 октября 1754 года происходило празднество у Ивана Ивановича Шувалова, и по этому-то поводу Ломоносовъ написалъ стихотвореніе, которое онъ помѣстилъ въ собраніи своихъ сочиненій подъ заглавіемъ: «Надпись на рожденіе Его Высочества».

24 октября «для вожделѣннаго рожденія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Павла Петровича, былъ публичной маскерадъ въ домѣ его превосходительства, дѣйствительнаго каммергера и разныхъ орденовъ кавалера Ивана Ивановича Шувалова, для котораго роздано было какъ знатнымъ обоего пола персонамъ, иностраннымъ министрамъ и дворянству, такъ и россійскому и иностранному купечеству до шести сотъ билетовъ. Во все время онаго продолжался въ особливыхъ двухъ галлереяхъ балъ, а въ прочихъ комнатахъ картошныя игры. Въ двухъ же особливыхъ залахъ и въ третей комнатѣ поставленъ былъ великолѣпной столъ на 150 кувертовъ, которой три раза перемѣненъ былъ кушаніемъ.

Предъ ужиномъ въ двенатцатомъ часу о полуночи внутри двора его превосходительства зажженъ былъ фейерверкъ, состоящей изъ разныхъ огненныхъ фонтановъ, колесъ, лустъ-

кугелей и другихъ различныхъ огней, при чемъ зажжены были и три щита. Содержанїе изображенныхъ на нихъ литеръ и аллегорическихъ фигуръ при семъ прилагается:

Изображенїе на среднемъ большомъ щитѣ представляло отверстый Храмъ Славы, въ срединѣ котораго видимо было на постаментѣ вензловое имя Ея Императорскаго Величества подъ короною, осїяваемое свыше исходящими изъ треугольника лучами, для изъявленїя Божїя Милосердїя къ Ея Величеству. Внизу подписано было:

БЛАГОСЛОВИ, УМНОЖИ И УТВЕРДИ.

На другомъ щитѣ по правую сторону изображенъ былъ на оризонтѣ знакъ небесный Вѣсы, то есть мѣсяцъ Сентябрь, въ которомъ Всевышнїй къ обрадованїю всея Россїи даровалъ Великаго Князя Павла Петровича. Въ сторонѣ видно было на щиту имя Его Императорскаго Высочества, предъ которымъ Россїя стоя на колѣняхъ воссылала къ Богу молитвы о сохраненїи неоцѣненнаго здравїя дражайшаго своего новорожденнаго Великаго Князя.

На щитѣ по лѣвую сторону представлена была Благодарность, которая получая съ высоты Рогъ изобилїя, держала въ рукѣ горящее Сердце, для показанїя искренней благодарности Россїянъ за неописанныя къ нимъ щедроты и благодѣянїя милосердыя Монархини.

Толкованїе сихъ аллегорическихъ изображенїй содержится въ слѣдующихъ стихахъ:

Мы радость отъ небесъ, щедроты, благодать
Прїемлемъ чрезъ Тебя, Россїянъ вѣрныхъ Мать". и т. д.

(Санктпетербургскія Вѣдомости. 1754. № 85. стр. 677—678.—№ 86. стр. 684—685.)

XX.

ТЕКСТЪ.

С. П.—Собраніе сочиненій Ломоносова. 1757. Книга первая. стр. 179. Надпись 34.

Надпись эта относится также къ маскараду, данному Ив. Ив. Шуваловымъ по случаю рожденія великаго князя Павла Петровича. Описаніе маскарада, бывшаго 24 октября 1754 года у Ивана Ивановича Шувалова, составленное современникомъ, помѣщено нами въ Примѣчаніяхъ къ XIX.

XXI.

ТЕКСТЪ.

Первое изданіе (editio princeps). Въ листъ; всего четыре ненумерованныя страницы: на первой — заглавіе, на третьей — виньетка и описаніе иллюминаціи, на послѣдней — стихотвореніе. Заглавіе весьма длинное:

ОПИСАНІЕ
ИЛЛУМИНАЦІИ,
КОТОРАЯ
ПРИ ВСЕВЫСОЧАЙШЕМЪ И ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕМЪ
ПРИСУТСТВІИ
ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
КЪ ОКАЗАНІЮ ВСЕОБЩЕЙ РАДОСТИ
О ВОЖДЕЛѢННѢЙШЕМЪ
РОЖДЕНІИ
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА
ГОСУДАРЯ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ
ПАВЛА ПЕТРОВИЧА
БЫЛА ПРЕДСТАВЛЕНА
ПРЕДЪ ДОМОМЪ
ЕГО СІЯТЕЛЬСТВА
ГОСПОДИНА ГЕНЕРАЛА АНШЕФА,
СЕНАТОРА,
ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО КАММЕРГЕРА,
ГЕНЕРАЛА АДЪЮТАНТА,
ЛЕЙБКОМПАНІИ ПОДПОРУТЧИКА
И РАЗНЫХЪ ОРДЕНОВЪ КАВАЛЕРА
ГРАФА ПЕТРА ИВАНОВИЧА ШУВАЛОВА.
ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
ОКТЯБРЯ 26 ДНЯ 1754 ГОДА.

Виньетка въ прямоугольной рамкѣ. Средину занимаетъ сидящая женская фигура въ пернатомъ шлемѣ и чешуйчатомъ панцырѣ, правою рукою указывающая на песочные часы, на которыхъ изображенъ змій, а лѣвою придерживающая щитъ съ изображеніемъ лучезарнаго солнца. По сторонамъ—сидящія фигуры въ драпировкахъ; правая фигура держитъ пальмовую вѣтвь, а лѣвая — сломанную колонну; подлѣ первой фигуры — пастушескій посохъ, подлѣ второй — опущенный мечъ. Надъ всѣми тремя фигурами размѣщены орнаментальныя короны, а надъ средней сверхъ того по сторонамъ изображены ягненокъ и левъ. Остальное поле прямоугольника заполнено акантовыми листьями и завитками, а въ нижней части средину занимаетъ одноглавый орелъ.

Въ концѣ стихотворенія — составленная изъ завитковъ и акантовыхъ листьевъ связная фигура, общее очертаніе которой можетъ быть ограничено вверху — прямою, а съ остальныхъ сторонъ — дугообразною кривою.

Приносимъ искреннюю благодарность Г. В. Юдину, предоставившему въ наше распоряженіе первое изданіе стихотворенія, составляющее большую библіографическую рѣдкость.

ВАРІАНТЫ.

В.— Санктпетербургскія Вѣдомости. 1754. № 87. Прибавленіе къ Вѣдомостямъ. Вторникъ, 1 ноября 1754. «Описаніе Иллуминаціи» и т. д. стр. 3—4.

С. II.— Собраніе сочиненій Ломоносова. 1757. Книга первая. стр. 180. «Надпись 36. На иллуминацію и маскарадъ Его Сіятельства Графа Петра Ивановича Шувалова, Октября 26 дня 1754 года».

Ст. 4. Что Ольга, Святославъ, Владимеръ Россамъ далъ. (С. II.)

Ст. 7. Потóмъ, что Александръ отъ бѣдъ Геройствомъ спасъ; (С. II.)

Ст. 9. И чемъ насъ вознесли два строги Іоанны, (С. П.)

Ст. 12. И въ прадѣдѣ Твоемъ помощника нашла. (С. П.)

Ст. 15. Твой дѣдъ на вышшую степень Россїю взвелъ, (С. П.)

Ст. 19. Но не дошедъ верьха, по общей всѣхъ судьбѣ, (С. П.)

Ст. 22—23. На верхнїй насъ степень Тобою поставляетъ,
Что вѣчно въ насъ его пребудетъ благодать (С. П.)

Ст. 25—29. О предковъ красота, Петрова Дщерь и слава!
Прїята мужествомъ Твоимъ его держава,
Чрезъ снисхожденїе Твое къ намъ востаетъ;
И жертва искреннихъ желанїй вопїетъ:
Да милости свои всевидящее око (С. П.)

Ст. 30. Поставитъ надъ Тобой, какъ верьхъ небесъ, высоко. (В.)

ОПИСАНІЕ ИЛЛУМИНАЦЇИ.

«Вдали на площади, которая окружена крѣпчайшими и великолѣпными колонадами, представляется на высокой и кругомъ уступами обведенной горѣ обновленный храмъ Россїйскїя имперїи. Онаго высокое и знатное украшенїе есть коронованное вензловое имя Ея Императорскаго Величества, надъ которымъ сїяетъ Око Божїя Провидѣнїя.

Предъ входомъ сего отъ Ея Императорскаго Величества новоутвержденнаго и новымъ великолѣпїемъ украшеннаго храма чести, поставленъ гербъ Россїйскїя имперїи, украшенный лаврами и пальмами, какъ обыкновенными знаками прїобрѣтенной въ войнѣ и тишинѣ величайшей чести; а по сторонамъ трубами, какъ знакомъ распространившеюся во весь свѣтъ славою подкрѣпленъ. По обѣимъ сторонамъ храма, на контрафорсахъ

изображаются вензловыя имена Ихъ Императорскихъ Высочествъ, Государя Великаго Князя и Государыни Великой Княгини. Въ срединѣ въ выдающейся на передъ галлереи вензловое имя Его Императорскаго Высочества новорожденнаго Государя Великаго Князя Павла Петровича. Шесть статуй на главномъ гзымзѣ храма, по обѣимъ сторонамъ Россійскаго герба представляютъ высокія достоинства и великія дѣла̀, которыми Ея Императорское Величество Храмъ Россійскія имперіи, обновить, укрѣпить, и великолѣпно украсить благоволила, то есть: Премудрость, Храбрость, Установленіе новыхъ законовъ, славное и полезное Распространеніе наукъ и художествъ и купечества; ужасное Приращеніе государственной силы.

Между арками вышепомянутыхъ колонадъ стоятъ лавровыя деревья и грудныя статуи вѣчнодостопамятныхъ Россійскихъ Монарховъ, которые своими заслугами къ построенію высокаго Храма Россійскія имперіи, великую площадь изготовили, на высоту взошли, матеріалы къ сему зданію собрали, заложили зданія, производили, и оныя довели на высокую степень; во перьвыхъ Петръ Великій и щедрая Императрица Екатерина, потóмъ Алексѣй Михайловичь и Михайло Ѳеодоровичь, далѣе Іоаннъ Васильевичь и его дѣдъ Іоаннъ Васильевичь, далѣе Александръ Невскій, Димитрій Ивановичъ, Владиміръ Мономахъ, Ярославъ, Владиміръ первый, Святославъ, Ольга, Рурикъ.

Въ протчемъ садъ убранъ великолѣпно десятью тысячами лампъ, на концѣ въ срединѣ между каскадами представленъ обелискъ съ вензловымъ имянемъ Ея Императорскаго Величества подъ короною.

* * *

Россія нѣкогда чрезъ грозную судьбину
Поверженна своѝ близъ видѣла кончину!„ и т. д.

XXII.

ТЕКСТЪ.

С. II.—Собраніе сочиненій Ломоносова. 1757. Книга первая. стр. 178. Надпись 33.

Въ Запискахъ Екатерины II: C'est ainsi que commença l'année 1755. Depuis noël jusqu'au carême il n'y eut que fêtes à la cour et en ville. C'était toujours encore la naissance de mon fils qui y donnait lieu; tout le monde tour-à-tour s'empressait, à l'envi l'un de l'autre, de donner les repas, les bals, les mascarades, les illuminations et feux d'artifice les plus beaux possibles.

Въ 1755 году происходили «публичныя увеселенія» у оберъ-гофмаршала Шепелева, у графа Петра Борисовича Шереметева, у Ивана Ивановича Шувалова и др.

4 марта 1755 года «въ субботу ввечеру Ея Императорское Величество съ Его Императорскимъ Высочествомъ и съ знатнѣйшими дамами и кавалерами изволили быть въ домѣ его сіятельства господина вице-канцлера и кавалера *графа Михайла Ларіоновича Воронцова*, и по окончаніи картошной игры̀ кушать вечернее кушанье, при чемъ на построенномъ предъ дворомъ его сіятельства особливомъ театрѣ зажжена была великолѣпная иллуминація, италіанскимъ манеромъ здѣланная, и аллегорическимъ своимъ расположеніемъ представляющая

благополучіе Россіи при мудромъ и милостивѣйшемъ государствованіи Ея Императорскаго Величества».

(Санктпетербургскія Вѣдомости. 1755. № 20. «Въ Санктпетербургѣ, марта 10 дня».)

Графъ М. Л. Воронцовъ, задумавъ устроить у себя это празднество, обратился къ Ломоносову съ просьбою сочинить надпись для иллюминаціи, и прислалъ ему слѣдующую замѣтку: «Нотация на память.

Материя для сочинения надписи, къ люменации моей,

Чего подъ славнымъ скипетромъ Всемилостивеишия нашея Гдрни, къ благополучию Росииской Империи казалось не доставало; и о чемъ ревностные желании и молитвы къ Всевышнему отъ всѣхъ вѣрноподданыхъ возсылаемы были, дабы потомство Петра Великаго, безсмертия достоинеишее не угасло; сие нынѣ народу Росискому Провидѣниемъ и неизреченною благостию Божию, рождениемъ Его И. Высочества Великаго Князя Павла Петровича, исполнилось,

Всемогущии Бгъ да возраститъ сию дражаишую отрасль подъ руководствомъ премудрые Монархини и щедреишеи матери отечества, къ собственному Ея, и высокихъ дражаиших Его родителеи удоволству, и да наслаждатся сыны отечества сладкимъ царствованиемъ своеи самодержицы до самыхъ позднеишихъ лѣтъ; и какъ мы нынѣ многие радости и неописанные милости въ правлении Ея чувствуемъ такъ бы и потомки наши въ безконечные вѣки отъ крови Петра Великаго такоеже наслаждение получали.

По дружбе моеи къ вамъ сообщаю сии мои мысли, и прошу потрудится стихами, или прозою надпись сочинить. я не имѣя случая с вами видѣтся, и на словахъ о семъ изьяснится чрезъ сию бумагу (которую прошу мнѣ возвратить) вамъ знать даю».

На обратной сторонѣ листа, сложеннаго въ четверку, рукою Воронцова адресъ: «Гдрю моему Михаиле Васильевичу Ломаносову».

Ломоносовъ отвѣчалъ графу Воронцову, 19 ноября 1754 года:

«Сіятельнѣйшій Рейхсграфъ Млтивый Гдрь Михайло Ларіоновичь. Идею отъ Вашего Сіятельства милостиво сообщенную, по моей возможности сочинилъ стихами, которые отдаю на рассмотренїе ваше, и при томъ оригиналъ возвращаю по повелѣнїю Вашего Сіятельства. На щитѣ, къ тому вмѣсто фронтисписа поставленномъ умѣститься имъ невозможно, такъ чтобы въ требуемомъ отстоянїи прочитать можно было. Но ежели онъ въ вышину и въ ширину будетъ близь трехъ аршинъ, то можно поставить приложенные стихи литерами длиною съ четвертью, а шириною безъ четверти вершокъ, которыя съ низу свободно читать можно будетъ. При семъ обложенныя рамами флорентинской работы картины имѣя честь представить, съ глубокимъ высокопочитанїемъ пребываю

Вашего Сіятельства всепокорнѣйшїй и нижайшїй слуга

Михайло Ломоносовъ».

(Принадлежащее наслѣдникамъ гр. Воронцова собраніе писемъ Ломоносова, озаглавленное: «Переписка Ломоносова съ графомъ Михаиломъ Ларіоновичемъ Воронцовымъ.» л. 6—7.)

Стихотвореніе, сочиненное по «идеѣ» графа Воронцова, есть несомнѣнно то самое, которое помѣщено въ Собраніи сочиненій Ломоносова подъ заглавіемъ: «Надпись на рожденїе Государя Великаго Князя Павла Петровича». Доказательствомъ служитъ одинаковость содержанія и близкое сходство, иногда даже тожество, отдѣльныхъ выраженій, какъ напримѣръ:

Подъ славнымъ Скипетромъ Твоимъ, Елисавета,
Къ блаженству Росскаго недоставало свѣта,
Сего всѣ подданны въ усерднѣйшемъ жару,
Сего единаго чрезъ девять лѣтъ желали,
И гласы къ вышнему и очи возвышали.

«Чего подъ славнымъ скипетромъ нашея Государыни къ благополучїю россійской имперіи не доставало, и о чемъ ревностныя желанія и молитвы къ Всевышнему отъ всѣхъ вѣрноподданныхъ возсылаемы были» и т. д.

XXIII.

ТЕКСТЪ.

Ар. — Архивъ Академической Канцеляріи. Рукопись № 189. л. 375 об.—376. Писано чужою рукою. Рукою Ломоносова — подпись: «Михаіло Ломоносовъ» и слова: «знаменованіе содержится въ слѣдующихъ стихахъ».

ВАРІАНТЫ.

С. II — Собраніе сочиненій Ломоносова. 1757. Книга первая. стр. 177—178. «Надпись 32. На день восшествія на престолъ Ея Величества 1754 года, гдѣ оное уподобляется великому свѣтильнику, возжженному огнемъ небеснымъ и лучи свои простирающему на театръ, наполненный изображеніями дѣлъ Петра Великаго».

Ст. 3—4. Ужасные враговъ полкѝ вооруженны
И флотами моря̀ велики покровенны: (С. II.)
Ст. 7. Отъ сѣмени его отъяты колебались, (С. II.)
Ст. 10. Не попустивъ стоя́ть свѣтильнику подъ спудомъ. (С. II.)

Ст. 12. Открылъ; и день блеснулъ пресвѣтлый намъ
въ нощи. (С. II.)

Ст. 15. И вышнїй утвердилъ чрезъ Павла намъ
завѣтъ, (С. II.)

По требованію Академической Канцеляріи, Ломоносовъ представилъ слѣдующій

«Проектъ на иллуминацію къ торжественному празднеству восшествія на всероссійскій престолъ Ея Императорскаго Величества, въ 25 день ноября 1754 году.

Представить пространный и великолѣпный театръ трудовъ Государя Императора Петра Великаго блаженныя памяти, блистающими добродѣтельми августѣйшія дщери е́го осіянный, слѣдующимъ образомъ:

На ровной и пространной плоскости возвышеннаго нѣсколькими ступеньми театра поставить по обѣимъ сторонамъ пирамиды или столбы, украшенныя

1) На подобіе трофеевъ разнымъ военнымъ оружїемъ,

2) Морскими орудіями, якорями, веслами, рулями, морскими квадрантами,

3) Знаками правосудія, то есть вѣсами и мечемъ, оливными вѣтвьми обвитымъ,

4) Математическими и физическими разными инструментами: циркулами, отвѣсами, зрительными трубами; на верху небесная сфера.

Число пирамидъ или столповъ должно быть умножено до десяти или и больше для лутчаго проспекту. На четырехъ первыхъ, что на обѣихъ сторонахъ, поставить показанныя украшенія, чтобъ могли быть явственны, ибо протчія для малости не могутъ такъ ясно изобразиться. Столпы или пирамиды соединить по сторонамъ зелеными шпалерами или порталами по пристойности.

По срединѣ театра на высокомъ педесталѣ, что съ гербомъ Россійскимъ, представить великой свѣтилникъ со многими возженными свѣщами. Глобусъ, отъ котораго простираются ручки съ подсвѣщниками, покрыть императорскою короною и на немъ изобразить первую литеру высочайшаго имени Ея Императорскаго Величества.

Надъ свѣтилникомъ отъ треугольнаго сіянія Божества простираются на оной лучи, въ которыхъ литеру *Р* или *П* зеленымъ цвѣтомъ, какъ знакомъ надежды, представить.

Знаменованіе содержится въ слѣдующихъ стихахъ:

„Отца отечества Великаго Петра
Положенны труды для общаго добра" и т. д.

(Архивъ Академической Канцеляріи. Рукопись № 189. л. 364—366, 375—376.)

XXIV.

ТЕКСТЪ.

Ар.—Архивъ Академической Канцеляріи. Рукопись № 189. л. 381 об. Писано чужою рукою. Собственноручная подпись: «Михайло Ломоносовъ».

ВАРІАНТЫ.

С. II.—Собраніе сочиненій Ломоносова. 1757. Книга первая. стр. 181. «Надпись 37. На новой 1755 годъ, гдѣ владѣніе Ея Величества уподобляется пристани съ храмомъ упокоенія и съ ходящими и исходящими кораблями».

Текстъ изданія 1757 года вполнѣ соотвѣтствуетъ рукописному тексту 1754 года. Все различіе между ними заключается въ нѣсколькихъ знакахъ препинанія и надстрочныхъ знакахъ, какъ напримѣръ:

Ст. 2. Что вихрямъ завсегда на колебанье данъ. (С. II.)
Ст. 20. Препровождаемъ вѣкъ спокойной, несравненной. (С. II.)
Ст. 14. Мы видимъ веселясь со счастливой землѝ. (С. II.)
Ст. 28. Не вѣдая, что вихрь, не вѣдая, что во́лны. (С. II.)

---

18 ноября 1754 года въ Академическую Канцелярію поданъ Ломоносовымъ сочиненный имъ

«Проектъ иллуминаціи и фейэрверка на новый 1755 годъ.

Представить прекрасный островъ благополучнаго государствованія Ея Императорскаго Величества съ безопасною и великолѣпною пристанью, слѣдующимъ образомъ:

1.

На иллуминаціонномъ театрѣ изобразить по срединѣ простирающуюся въ даль перспективную пристань, украшенную по обѣимъ сторонамъ пріятными всходами и строеніями, состоящими внизу изъ галлерей, которыхъ арки украшены фестонами изъ разныхъ цвѣтовъ, смѣшанныхъ съ инструментами, рогами изобилія и другими вещами, довольство и увеселеніе показующими. На верху оной же галлереи перила съ вазами. Въ дальномъ концѣ пристани поставить отверстое зданіе успокоенія, внутрь котораго между колоннадами видѣнъ Гербъ Россійскій. На купелѣ и на фонарѣ выставить великой штандартъ съ изображенною на немъ первою литерою высочайшаго имени Ея Императорскаго Величества. Отъ флигелей пристани въ обѣ стороны берегъ óстрова украсить зеленѣющими прорѣзными шпалерами, гдѣ выше оныхъ между арками равной верхъ украсить могутъ обрѣзанные на подобіе пирамидъ таксисы. При концахъ театра можно для прибавленія óстрова и для украшенія поставить елипкъ, на рѣку склоняя, чтобы освѣщаясь отъ разныхъ огней могъ быть видѣнъ. Изъ за елипка оказать, выше шпалеръ даже до средняго зданія съ обѣихъ сторонъ, часть дальнаго горизонта тонкою и слабою зеленью, по приличности.

2.

На рѣкѣ, въ пропорціональномъ разстояніи отъ пункта зрѣнія и отъ пристани, представить на особливомъ къ тому здѣланномъ возвышеніи каменной островокъ, пристань съ моря закрывающій, изъ трехъ бугровъ состоящій; на среднемъ

бугрѣ возвысить крѣпкую башню съ бойницами и пушками. На верху горящая лампада для показанія ходу въ пристань. Бугры могутъ быть здѣланы изъ досокъ по подобію расписанныхъ, и нѣсколько освѣщенныхъ закрытыми отъ зрителей плошками. Башню представить изъ прозрачной и плошками освѣщенной картины.

3.

На двухъ фитильныхъ планахъ изобразить два корабля, для знаменованія прошедшаго и наступившаго года; и ради того у перваго на флагѣ поставить число 1754; у втораго 1755. Каюты и другія пристойныя мѣста украсить рѣзбою и протчая. За кораблемъ, новой годъ представляющимъ, можно изобразить дующихъ въ парусы зефировъ на томъ же или особливомъ маломъ планѣ. Потомъ на низкомъ небольшомъ продолговатомъ планѣ изобразить нѣсколько трубящихъ тритоновъ. Всѣ щиты укрѣпить на саняхъ, чтобы съ одного мѣста на другое передвинуть можно было. Корабль съ 1754 поставить за среднимъ бугромъ, что съ башнею; корабль новаго году поставить за нижнимъ бугромъ съ зади перваго, такъ чтобъ ихъ закрыть отъ пункта зрѣнія.

4.

Дѣйствію происходить должно слѣдующимъ образомъ. 1) По совершенномъ иллуминованіи пристани на театрѣ и всего о́строва на льду, зажечь когда повелѣно будетъ корабль 1754, и какъ онъ ясно станетъ изображаться, вывесть изъ за башни при пушечной пальбѣ и нѣкоторыхъ увеселительныхъ огняхъ, и тянуть тихо пока изтлѣвать зачнетъ, и тогда затянуть за бугоръ передъ нимъ стоящей. 2) Зажечь за другимъ бугромъ малой планъ съ трубящими тритонами, и какъ ясно окажутся, вытянуть на яво при играніи на трумпетахъ, а огненному звуку не быть, кромѣ тихихъ звѣздокъ и протчего. 3) При томъ зажечь корабль 1755 и по прочищеніи вывесть за тритонами при пушечной пальбѣ и при звучныхъ огняхъ верхнихъ и нижнихъ.

При томъ смотрѣть, чтобы распаденіе плановъ не было видно, что послѣ веселаго представленія скучной видъ обыкновенно кажетъ. 4) Послѣ сихъ трехъ явленій слѣдуетъ протчее дѣйствіе фейэрверка.

Описаніе пристойнымъ штилемъ можетъ во время пріуготовленія совершиться. При семъ изъясняютъ все слѣдующіе стихи:

По правдѣ вѣчность есть пространный Океанъ,
Что вихрямъ завсегда на колебанье данъ;„ и т. д.

(Архивъ Академической Канцеляріи. № 189. л. 365—366, 377, 380—381 об.)

Составить проектъ иллюминаціи на 1 января 1755 года поручено было, вмѣстѣ съ Ломоносовымъ, академику Штелину. Оба проекта были отосланы изъ Академіи наукъ въ Канцелярію Главной артиллеріи и фортификаціи, откуда и представлены были на усмотрѣніе государыни. Выбранъ былъ проектъ Штелина, какъ можно видѣть по описанію иллюминаціи, тогда же появившемуся въ печати. Описаніе заключается стихами:

Гдѣ въ свѣтѣ есть народъ, земля, страна и царство,
Подобная странѣ Монархиня Твоей? и т. д.

Въ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ помѣщено: «Описаніе и изъясненіе великаго фейерверка которой въ честь Ея Императорскому Величеству Елисаветѣ Первой самодержицѣ всероссійской и проч. и проч. и проч. и во изъявленіе всеподданнѣйшаго и всеусерднѣйшаго при вступленіи въ новой годъ поздравленія отъ всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ Россійскія имперіи въ Санктпетербургѣ предъ Императорскимъ зимнимъ домомъ на Невѣ рѣкѣ въ первой вечеръ 1755 года зажженъ». Описаніе оканчивается такъ: «Вмѣсто обыкновеннаго изъясненія представленныхъ на фейерверкѣ и иллюминаціи фигуръ приносятся слѣдующіе

СТИХИ
Ея Императорскому Величеству,
Великой и Всемилостивѣйшей Нашей
Монархинѣ

Гдѣ въ свѣтѣ есть народъ, земля, страна и царство
Подобная странѣ Монархиня Твоей?» и т. д.

(Ежемѣсячныя Сочиненія. 1755. Январь. стр. 17—25.)

Какъ описаніе, такъ и стихи помѣщены также въ Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ — описаніе не вполнѣ, а только въ извлеченіи; стихи совершенно въ томъ же видѣ, безъ всякихъ варіантовъ.

(Санктпетербургскія Вѣдомости. 1755. № 1.)

Ни въ томъ, ни въ другомъ изданіи имени автора стиховъ не обозначено, хотя въ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ при описаніи фейерверка сказано: «По изобрѣтенію надворнаго сов. и проф. Штелина».

Издатель сочиненій Ломоносова, архимандритъ Дамаскинъ полагалъ, что стихи эти принадлежатъ Ломоносову и помѣстилъ ихъ подъ такимъ заглавіемъ: «Стихи Ея Императорскому Величеству Блаженныя памяти Государынѣ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, на фейерверкъ, изображающій благоденствующую Россію, представленный въ Санктпетербургѣ 1 генваря 1755 года, *сочиненные г. Ломоносовымъ*».

(Покойнаго Михайлы Васильевича Ломоносова Собраніе разныхъ сочиненій. 1778. Книга первая. стр. 306—307.)

Въ послѣдующихъ изданіяхъ стихи эти также помѣщались въ числѣ произведеній Ломоносова; но есть положительныя доказательства, что авторомъ стиховъ былъ не Ломоносовъ, а Штелинъ. Въ архивѣ Академіи наукъ сохранились какъ нѣмецкіе подлинники стиховъ и описанія фейерверка, такъ и современные имъ русскіе переводы. Рукою Штелина писаны сочиненные имъ стихи, которые онъ назвалъ поэтическимъ объясненіемъ фейерверка:

*

«Poetische Erklärung

der Feuerwercks-Vorstellung

am Neu-Jahrs-Fest 1755.

Wo ist ein Volck, ein Land, ein Kayserthum, ein Reich,
O gröste Kayserin! wol deinem Reiche gleich?
Das sich vom West soweit nach Süd-und Nord-Ost strecket,
Und die Bewunderung des Rests der Welt erwecket!
Welch mächtiger Monarch auf unsrer Erd' erscheint
Der so viel Völckerschafft in einer Macht vereint?
Die sich an Sprach, Gesicht und Sitten kaum erkennen,
Und alle dich allein doch ihre Mutter nennen.
Wenn hier bey deinem Thron die Morgenröth' erwacht,
Erscheint dem andern Theil von deinem Reich die Nacht:
Und wenn dem Kamtschadal der Morgenstern verbliechen,
Ist kaum der Abendstern von Petersburg entwichen.
Wenn in der Sommer-Nacht dein Süd-Reich finster ruht
Empfindt dein Nordenreich des hellen Tages Gluth
Und wenn in Astracan die Sternen aufgegangen
Sieht man in Kola noch die Sonn' in vollem Prangen.
So weit, der Sonnen gleich, blinckt deines Zepters Gold
Dasz Ost und West und Süd und Nord dir Wünsche zollt.
Vom Düna bisz Amur an der Chineser Gräntzen
Läst heut so manches Volck den Wunsch im Feuer gläntzen,
Und stellt mit Danck und Treu sich bey dem Neuen Jahr
Zum Wunsch verneuten Glücks bey deinen Palmen dar,
Für Dich, rufft jeder ausz, für Dich und für die Deinen
Soll neues Glück und Wol mit neuem Jahr erscheinen!
Für Dich, Groszmächtigste, und Dein erhabnes Haus
Geuszt die beglückte Zeit ihr Seegens Füllhorn ausz.
Für Dich, ELISABETH, (schallt vom Gestirn zurücke:)
Erscheint die neue Zeit vereint mit neuem Glücke
Das Deines Schicksals Raat nicht anders drehen soll

Als nach der Deinen Wunsch, das ist, nach deinem Wol:
Damit dein Adler sich je mehr und mehr erhebe,
Und so manch Volck beglückt bey deinen Palmen lebe!

Stählin.

Гдѣ въ свѣтѣ есть народъ, земля, страна и царство
Подобное странѣ Монархиня твоей?
Отъ запада твое простерлось Государство,
Отъ юга, сѣвера и утреннихъ полей.
Какой Монархъ возмогъ, чтобъ подъ одну державу
Народовъ множество толикое собрать?
Чуть знаютъ по рѣчамъ себя лицу и праву,
Но всѣ едину чтутъ тебя россійска мать.
Какъ утреннимъ лучемъ престолъ твой здѣсь сїяетъ,
Другую часть страны твоей покоитъ ночь;
Какъ утрення заря Камчадку озаряетъ,
Вечерняя отсель тогда отходитъ прочь;
Когда имѣетъ ночь народъ твой южной лѣтомъ,
То сѣверной народъ въ трудахъ полдневныхъ бдитъ;
Какъ звѣзднымъ Астрахань въ ночи блистаетъ свѣтомъ,
То Кола въ полнѣйшемъ блистаньи солнце зритъ.
Все то, что скипетръ твой богиня освѣщаетъ,
Встокъ, западъ, сѣверъ, югъ усердїемъ горитъ,
Начавши отъ Двины огнь праздничный пылаетъ
По дальнѣйшей Амуръ, что Хинъ отъ насъ дѣлитъ;
И съ восклицанїемъ во всѣхъ странахъ шумящимъ
Языки разными вѣщаетъ твой народъ:
Да новое тебѣ и всѣмъ тебѣ служащимъ
Явится счастїе въ начавшїйся сей годъ.
Тебѣ и всей твоей фамилїи богиня
Благополучны дни обилный сыплетъ рогъ;
Тебѣ раждается днесь Новая Година,
И съ новымъ счастїемъ вступаетъ въ твой чертогъ:
Да коломъ такъ твоей судбины обращаетъ,

Какъ подданны тебѣ счастливыхъ просятъ дней,
Да выше твой орелъ съ дня на день возлѣтаетъ,
И счастіе цвѣтетъ во всей странѣ твоей.

(Архивъ Академической Канцеляріи. Рукопись № 189. л. 387—416.)

Стихи эти писаны рукою Поповскаго: въ этомъ удостовѣряетъ тщательное сличеніе почерка и его особенностей съ автографами Поповскаго, уцѣлѣвшими въ архивѣ Академіи наукъ. Едва ли можно сомнѣваться и въ томъ, что самый переводъ, въ стихахъ, принадлежитъ Поповскому — одному изъ даровитѣйшихъ учениковъ Ломоносова, бывшему впослѣдствіи профессоромъ краснорѣчія въ московскомъ университетѣ. Въ началѣ 1753 года Ломоносовъ представилъ Академіи наукъ слѣдующее собственноручное донесеніе: «Порученной прошлаго 1752 года мнѣ студентъ Николай Поповскій, чтобы онъ отъ меня получалъ въ стихотворствѣ наставленія; показываетъ въ ономъ весьма изрядные опыты своей особливой способности. И уже прошлаго 1752 года на торжественный праздникъ Коронованія Ея Императорскаго Величества сочинилъ Оду, которую писменною приватно показывалъ я при Дворѣ моимъ благодѣтелямъ, и не малую похвалу отъ нихъ слышалъ. А въ послѣднихъ мѣсяцахъ минувшаго 1752 года подалъ мнѣ онъ свой переводъ Гораціевыхъ стиховъ о Стихотворствѣ (ars poetica) и нѣкоторыхъ одъ, которой такъ хорошо здѣланъ что на печатанія весьма достоинъ; и при отъѣздѣ Двора знающіе въ краснорѣчіи силу желали ихъ видѣть въ печати.

Того ради Канцелярія Акáдеміи наукъ да соблаговолитъ оныя напечатать; а помянутому студенту Поповскому здѣлать отличное ободреніе отъ протчихъ награжденіемъ ранга и жалованья: ибо онъ уже нынѣ въ состояніи искусствомъ своимъ въ чистотѣ Россійскаго штиля и стихотворства приносить Академіи наукъ честь и пользу».

(Архивъ Академической. Канцеляріи. Рукопись № 173. л. 190—190 об. Рапортъ Ломоносова 12 января 1753 года.)

23 ноября 1754 года Тепловъ писалъ Шумахеру: Son Excellence a agrée l'impression de l'ode que S^{r}. Popowsky a composé pour le jour de l'avenement au tron dont nous avons la fête apres demain. S^{r}. Popowsky la presentera lui meme à la Cour.

(Архивъ Академической Канцеляріи. Рукопись № 194. л. 129—137.)

Въ статьѣ Н. С. Тихонравова, имѣвшаго въ рукахъ бумаги Штелина, принадлежавшія Погодину, русскій переводъ стиховъ Штелина приписывается также Поповскому.

(Москвитянинъ. 1853. № 3. отд. IV. «Для біографіи Ломоносова».)

XXV.

ТЕКСТЪ.

Собственноручныя бумаги Ломоносова, принесенныя П. Мухановымъ въ даръ Академіи наукъ и хранящіяся въ академической Библіотекѣ. На листѣ написано Ломоносовымъ три стихотворенія: 1) «Отмщать завистнику меня вооружаютъ», 2) «Златой младыхъ людей и беспечальной вѣкъ» и 3) «Искусные пѣвцы всегда въ напѣвахъ тщатся». Вслѣдъ за этимъ приписка: «Прошу извинить, что для краткости времени набѣло переписать не успѣлъ. Корректуры Руской и Латинской рѣчи и грыдировалныхъ досокъ, не позволяютъ».

Стихотвореніе написано по поводу спора Ломоносова съ Тредьяковскимъ объ окончаніи именъ прилагательныхъ во множественномъ числѣ. Вопреки мнѣнію Ломоносова и общепринятому съ давнихъ поръ правописанію, Тредьяковскій утверждалъ, что имена прилагательныя мужескаго рода во множественномъ числѣ должны оканчиваться на *и*, женскаго рода—на *е*, средняго рода—на *я*. Споръ этотъ, возникшій въ 1746 году, обострился въ 1755 году съ появленіемъ на страницахъ академическаго изданія статей Тредьяковскаго, въ которыхъ принято для именъ прилагательныхъ мужескаго рода во множественномъ числѣ окончаніе *и*. Въ издаваемыхъ Академіею наукъ «Ежемѣсячныхъ

Сочиненіяхъ» помѣщены статьи Тредьяковскаго: «Объ истинѣ сраженія Горацїевъ съ Курїацїями» и «О древнемъ, среднемъ, и новомъ стїхотвореніи россійскомъ». Противники сражались и стихами и прозою. Сатирическое произведеніе Ломоносова послужило однимъ изъ поводовъ къ переработкѣ статьи Тредьяковскаго объ окончаніи прилагательныхъ именъ. Мы приведемъ изъ нея тѣ мѣста, которыя имѣютъ прямое отношеніе къ стихотворенію Ломоносова, вызванному полемикою съ Тредьяковскимъ.

(Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова, академика П. Пекарскаго. 1865. стр. 98—119. «Объ окончаніи прилагательныхъ именъ цѣлыхъ, мужескаго рода, множественнаго числá, и о двухъ нѣкоторыхъ разностяхъ, до правописанія принадлежащихъ. В. Т.»)

Ст. 1. Искусные пѣвцы всегда въ напѣвахъ тщатся,

Тредьяковскій: «Да порочитъ же отселѣ кому-угóдно способъ моего правописанія. Да гласитъ и еще́ нестройнѣе безъимянная пѣ́са, начинающаяся *Искусными пьвцами*, объ окончаніяхъ множественныхъ мужескихъ, въ цѣлыхъ прилагательныхъ именахъ на *и*. Я, не заслужившій язвительныхъ и пакосныхъ именъ, дивлюсь токмо стра́сти».

Ст. 13—15, 17—18, 23—24:

Довольно кажутъ намъ толь ясныя доводы,
Что ищетъ нашъ языкъ вездѣ отъ *И* свободы.
Или ужъ стало *иль; коли* ужъ стало *коль;*
За *спиши спишь,* и *спать* мы говоримъ за *спати.*
На что же, Трисотинъ, къ намъ тянешь *И* не к'стати?
Языка нашего небесна красота
Не будетъ никогда попранна отъ скота.

Тредьяковскій: «Да видятъ теперь эпіграмками играющіи, коль праведно и основательно они оглашаютъ *небесною красоту* нашего языка, что бутто онъ ищетъ для нея всегда себѣ увольненія отъ *и*, и приводятъ въ примѣръ нѣкоторые народные и

стіхотворческіе вольности, каковы суть сіи: *иль* вмѣсто *или*, *спать* вмѣсто *спати*. Да знаютъ, наконецъ, что знакъ сей *ь* есть не что̀ иное, какъ то жъ самое *и*, но токмо осла́бленное звономъ».

Триссотиномъ Ломоносовъ называетъ Тредьяковскаго, заимствуя это названіе у Мольера. Осмѣивая, въ комедіи Femmes savantes, бездарнаго стихотворца, Мольеръ имѣлъ въ виду *Котэна*—L'abbé Cotin, котораго и вывелъ подъ именемъ *Tricotin;* но потомъ измѣнилъ это прозвище въ *Trissotin*, что равносильно *Trois fois sot.*

На эпиграмму Ломоносова Тредьяковскій отвѣчалъ слѣдующими стихами:

Не знаю, кто пѣвцовъ въ стихъ вкинулъ сумазбродный,
Но видно, что дуракъ и вертопрахъ негодный.
Онъ красотой зоветъ, что̀ есть языку вредъ:
Или ямщичей вздоръ, или мужицкой бредъ.
Пусть вникнетъ онъ въ языкъ славенской нашъ степенный,
Престанетъ злобно врать и глупствомъ быть надменный;
Увидитъ, что тамъ *коль* не за *коли,* но только
Кладется — какъ и долгъ — въ количествѣ за *сколько.*
Не *голосъ* чтется тамъ, но сладостнѣйшій *гласъ;*
Читаютъ *око* всѣ, хоть говорятъ всѣ *глазъ;*
Не *лобъ* тамъ, но *чело;* не *щеки*, но *ланиты;*
Не *губы* и не *ротъ, уста* тамъ багряниты;
Не *нынь* тамъ и не *валъ,* но *нынѣ* и *волна.*
Священна книга вся сихъ нѣжностей полна.
Но гдѣ ему то знать? онъ только что зѣваетъ,
Святыхъ онъ книгъ отнюдь, какъ видно, не читаетъ.
За образецъ ему въ письмѣ пирожной рядъ,
На площади беретъ прегнусной свой нарядъ,
Не зная, что писать у насъ слыветъ — *иное,*
А просто говорить по-дружески — *другое.*
Славенскій нашъ языкъ есть правило неложно,
Какъ книги чище намъ писать, коль и возможно.

Въ гражданскомъ и доднесь, однакъ не въ площадномъ,
Славенскомъ по всему составу въ насъ одномъ,
Кто ближе подойдетъ къ сему въ словахъ избранныхъ,
Тотъ и любѣе всѣмъ писецъ есть, и не въ странныхъ.
У нѣмцевъ то не такъ, ни у французовъ тожъ:
Имъ нравенъ тотъ языкъ, кой съ общимъ самымъ схожъ.
Но нашей чистотѣ вся мѣра есть славенскій,
Не щегольковъ, ниже и грубый деревенскій.
Ты-жъ, ядовитый змій, или — какъ любишь — змѣй,
Когда меня язвить престанешь ты, злодѣй!
Престань, прошу, престань! къ тебѣ я не касаюсь;
Злонравіемъ твоимъ, какъ демонскимъ, гнушаюсь.
Тебѣ-ль, Парнасска грязь, морали не творецъ,
Учить людей писать? ты, истинно, глупецъ.
Повѣрь мнѣ, крокодилъ, повѣрь,—клянусь я Богомъ!—
Что знаніе твое все въ родѣ есть убогомъ.
Не штука стихъ слагать, да и того ты пустъ;
Безплоденъ ты во всемъ, хоть и шумишь, какъ кустъ;
Чтожъ ядомъ ты блюешь и всѣмъ въ меня стрѣляешь, —
То только злымъ себя тѣмъ свѣту объявляешь.
Уймись, пора уже, пора давно, злыдарь!
Смерть помни, что есть Богъ и правда, мой сударь!
Хоть тресни ты, въ трудахъ я только пребываю,
Въ трудахъ — не въ пустотѣ; твое-жъ зло презираю.
Но тщетно правотой къ добру тебя склонить;
Мнѣ рыжу тварь никакъ въ добро не премѣнить.
Въ *небесной красотѣ* (не твоего лишь зыка,
Нелѣпостей гдѣ тьма) россійскаго языка
Когда по твоему *сова* и *скотъ* ужь я,
То самъ ты нетопырь и подлинно свинья!

(Библіографическія Записки. 1859. № 17. стр. 518—520.)

XXVI.

ТЕКСТЪ.

Собственноручныя бумаги Ломоносова, принесенныя П. Мухановымъ въ даръ Академіи наукъ и хранящіяся въ академической Библіотекѣ.

Въ стихотвореніи: «Отмщать завистнику» много поправокъ рукою автора.

Въ ст. 6, вмѣсто: «*ужъ* махну» написано: «*я* махну»!

Въ ст. 7, вторая половина стиха зачеркнута и замѣнена словами: «напраснаго труда».

Ст. 8—10 зачеркнуты всѣ и замѣнены однимъ стихомъ: «Бѣдняшка, ты лѣтай, ты пой: мнѣ нѣтъ вреда», въ которомъ средина тоже зачеркнута, и подъ зачеркнутымъ мѣстомъ написано: «ты лѣтай, ты пой:». Эти-то поправки и послужили поводомъ къ приведенной нами припискѣ рукою Ломоносова: «Прошу извинить, что для краткости времени набѣло переписать не успѣлъ» и т. д.

Стихотвореніе это относится къ Тредьяковскому, какъ видно изъ одинаковости содержанія его съ стихотвореніемъ: «Зубницкому», несомнѣнно обращеннымъ къ Тредьяковскому.

Ст. 1—4. Отмщать завистнику меня вооружають,
Хотя мнѣ отъ него вреда отнюдь не чають.
Когда Зоилова хула мнѣ не вредитъ;
Могу ли на него за то я быть сердитъ?

Въ стихотвореніи «Зубницкому», ст. 4, 12—14:

А смѣхъ, что ты тѣмъ зломъ затмить достойныхъ чаешь.
Пробинъ на злость твою взирая улыбался.
Ученїя его и чести и труда
Не можешь повредить ни ты, ни борода.

На собственноручной рукописи Ломоносова не выставлено ни числа, ни года, но такъ какъ стихотвореніе: «Отмщать завистнику» написано на одномъ листѣ съ стихотвореніемъ: «Искусные пѣвцы» и притомъ со многими помарками, то можно предполагать, что произведенія эти появились въ одномъ и томъ же году. Вызваны они однимъ и тѣмъ же поводомъ и направлены противъ того же самаго лица, бывшаго съ давнихъ поръ литературнымъ врагомъ Ломоносова.

XXVII.

ТЕКСТЪ.

Собственноручныя бумаги Ломоносова, принесенныя П. Мухановымъ въ даръ Академіи наукъ и хранящіяся въ академической Библіотекѣ. Помѣщено подъ № 2, на томъ же листѣ, гдѣ и стихотворенія: «Отмщать завистнику» и «Искусные пѣвцы».

Стихотвореніе Ломоносова: «Златой младыхъ и беспечальной вѣкъ» вызвано сатирою Елагина: «На петиметра и кокетокъ», въ которой авторъ подсмѣивается надъ неудачною риѳмою: *Индія* и *Россія* въ одѣ Ломоносова. Нельзя опредѣлить съ точностью, когда оно написано. Въ стихотворной перепалкѣ, возникшей по поводу сатиры Елагина, раздраженные авторы, чтобы сильнѣе уязвить своихъ противниковъ, охотно вспоминали ихъ старые грѣхи, выставляя ихъ на показъ. Въ сатирѣ Елагина есть намекъ на оду Ломоносова 1747 года; Ломоносовъ отвѣчалъ на эту выходку эпиграммой, которая въ свою очередь вызвала эпиграмму со стороны его противника, и въ ней дѣлается рѣзкій намекъ на оду Ломоносова 1739 года. Издатель «Образцовъ литературной полемики прошлаго столѣтія» замѣчаетъ: «Сатира Елагина появленіемъ своимъ возбудила въ тогдашнемъ литературномъ кружкѣ самую жаркую полемику. Похвала Сумарокову, выраженная въ начальныхъ и конечныхъ ея стихахъ, задѣла за

живое всѣ авторскія самолюбія, которыя въ тотъ вѣкъ были слишкомъ щекотливы и требовательны до смѣшнаго. Споръ о томъ, кого слѣдуетъ признать первымъ изъ современныхъ русскихъ писателей, сильно занималъ этихъ послѣднихъ; занималъ ихъ несравненно болѣе, чѣмъ самую публику, неотличавшуюся особеннымъ пристрастіемъ къ литературѣ. Прошедшее столѣтіе оставило намъ довольно анекдотическихъ разсказовъ о распряхъ между Сумароковымъ, Ломоносовымъ, Тредьяковскимъ и Барковымъ, въ которыхъ ихъ легко-оскорбляющаяся авторская гордость играла едвали не самую видную роль. Очень естественно, что при такихъ непріязненныхъ отношеніяхъ писателей между собою, при этой постоянно-возбужденной и тревожной чуткости ихъ самолюбій, — всякая, даже самая скромная и незатѣйливая похвала одному изъ соперниковъ раздражала всѣхъ другихъ; громкое-же прославленіе одного изъ литераторовъ считалось всѣми остальными едвали не личнымъ оскорбленіемъ. И вотъ почему на Елагина, за его похвалы Сумарокову, со всѣхъ сторонъ посыпались самыя ожесточенныя эпиграммы и разнаго рода бранчивыя посланія. Въ казанскомъ сборникѣ сохранена вся эта любопытная перебранка. — Ломоносовъ отозвался на сатиру Елагина извѣстнымъ остроумнымъ письмомъ, въ которомъ подъ видомъ защиты Сумарокова отъ мнимыхъ нареканій Елагина, онъ зло насмѣхается надъ ними обоими. Кромѣ того одна изъ эпиграммъ, вызванныхъ сатирою Елагина, означена въ рукописи сочиненною «чрезъ Л». Подъ этою буквою разумѣется Ломоносовъ».

(Библіографическія Записки. 1859. № 15. стр. 451—460.)

Ст. 1—2. Златой младыхъ людей и беспечальной вѣкъ,
Кто хочетъ огорчить, тотъ самъ не человѣкъ.

Въ эпиграммѣ на Ломоносова («Телелюя»):

Развратныхъ молодцовъ испорченный здѣсь вѣкъ
Кто хочетъ защищать, тотъ скотъ, не человѣкъ:

Такого въ наши дни мы видимъ Телелюя,
Огромнаго враля и глупаго халуя,
Который Гинтера и многихъ обокралъ. . . .

Ст. 7—8. Но вы, красавицы, того не опасайтесь:
Вы вѣкомъ пользуйтесь, и грубостью ругайтесь.

Въ эпиграммѣ на Телелюя:

Но ты самъ знаешь то, того не опасайся:
Ты вѣкомъ пользуйся, и глупостью ругайся.

Ст. 15—16. Мы помнимъ какъ ты самъ хоть вѣдалъ передъ бракомъ,
Что будешь подлинно на перву ночь своякомъ;

Въ сатирѣ Елагина «На петиметра и кокетокъ»:

Подобно какъ женихъ въ послѣдній часъ предъ бракомъ
Боится, чтобъ въ ту ночь не быть кому своякомъ. . . .

XXVIII.

ТЕКСТЪ.

K.— Казанскій Сборникъ: «Разныя стиходѣйствія». № 25. стр. 60—61.

F.— Рукописный Сборникъ А. Ѳ. Бычкова. стр. 135.

Ст. 10. Возобновить поля (Вспахать твои поля) — (K, F.)
Ст. 14. Коварство отъ живыхъ правдивости святой (K, F.)

Въ подлинникѣ:

Ст. 14—15. La Chicane à tes pieds avait mordu l'arène,
Et ce monstre, chassé du palais de Thémis,

Ст. 17. Десницы Марсовой ты лютость укротилъ (F.)

Въ подлинникѣ:

Ст. 17. Ton bras avait dompté le démon de la guerre;

Ст. 35. Священный топчешь путь народовъ и царей (F.)

Въ подлинникѣ:

Ст. 37. Foule les droits sacrés des peuples et des rois,

Въ Казанскомъ Сборникѣ стихотвореніе озаглавлено такъ: «На Фридрика IV короля прускаго. Сочиненіе господина Волтера, переведенное господиномъ Лом.» Въ Реестрѣ: «На

Фридриха IV короля Прусскаго. Сочиненіе го. Волтера переведенное г. Ломоносовымъ».

Въ Сборникѣ А. Ѳ. Бычкова: «Короля пру. Ф. II. соч. г. Волтера перев. г. Ломонс.».

Прусскаго короля *Фридриха* одни называли *Третьимъ*, другіе — *Вторымъ:* Третьимъ, потому что и дѣдъ и отецъ его также носили имя *Фридриха;* Вторымъ, потому что отецъ его былъ болѣе извѣстенъ подъ именемъ *Вильгельма.*

Графъ Михаилъ Ларіоновичъ Воронцовъ писалъ, изъ Петербурга, Ѳ. Д. Бехтѣеву 21 декабря 1756 года: «При семъ же для любопытства вашего посылаю недавно полученныя здѣсь вирши, якобы отъ господина Вольтера сдѣланныя и чрезъ господина Ломоносова на русскіе переложенные; а правда ли что оныя отъ Вольтера сочинены, о томъ вы лучше свѣдать можете».

(Архивъ князя Воронцова. 1887. Кн. 33. стр. 211—212.)

Содержаніе стихотворенія вполнѣ соотвѣтствуетъ взгляду на Фридриха II, господствовавшему тогда въ нашемъ обществѣ и въ правительственныхъ сферахъ. Судя по стиху, русскій переводъ можно также признать принадлежащимъ Ломоносову.

Чтобы судить о достоинствѣ перевода, прилагаемъ французскій подлинникъ, по лучшему его изданію.

AU ROI DE PRUSSE
(1756)

O Salomon du Nord, ô philosophe roi,
Dont l'univers entier contemplait la sagesse!
Les sages, empressés de vivre sous ta loi,
Retrouvaient dans ta cour l'oracle de la Grèce:
La terre en t'admirant se baissait devant toi;
Et Berlin, à ta voix sortant de la poussière,
A l'égal de Paris levait sa tête altière,
A l'ombre des lauriers moissonnés à Molwitz.

Appelés sur tes bords des rives de la Seine,
Les arts encouragés défrichaient ton pays;
Transplantés par leurs soins, cultivés et nourris,
Le palmier du Parnasse et l'olive d'Athène
S'élevaient sous tes yeux enchantés et surpris;
La Chicane à tes pieds avait mordu l'arène,
Et ce monstre, chassé du palais de Thémis,
Du timide orphelin n'excitait plus les cris.
Ton bras avait dompté le démon de la guerre;
Son temple était fermé, tes États agrandis,
Et tu mettais Bourbon au rang de tes amis.
Mais parjure à la France, ami de l'Angleterre,
Que deviendront les fruits de tes nobles travaux?
L'Europe retentit du bruit de ton tonnerre;
Ta main de la Discorde allume les flambeaux;
Les champs sont hérissés de tes fières cohortes,
Et déjà de Leipsick tu vas briser les portes.
Malheureux! sous tes pas tu creuses des tombeaux.
Tu viens de provoquer deux terribles rivaux.
Le fer est aiguisé, la flamme est toute prête,
Et la foudre en éclats va tomber sur ta tête.
Tu vécus trop d'un jour, monarque infortuné!
Tu perds en un instant ta fortune et ta gloire;
Tu n'es plus ce héros, ce sage couronné,
Entouré des beaux-arts, suivi de la victoire!
Je ne vois plus en toi qu'un guerrier effréné,
Qui, la flamme à la main, se frayant un passage,
Désole les cités, les pille, les ravage,
Foule les droits sacrés des peuples et des rois,
Offense la nature et fait taire les lois.

Ct. 8. La bataille de Molwitz, livrée le 10 avril 1741, fut la première que gagna le roi de Prusse, ou que l'on gagna pour lui pendant qu'il avait pris la fuite.

Ct. 25. Le 29 août 1756, un corps de troupes prussiennes s'empara inopinément de Leipsick; ce fut le début de la guerre de Sept ans.

Графъ М. Л. Воронцовъ имѣлъ основаніе сомнѣваться въ томъ, что стихи на Фридриха II написаны Вольтеромъ. Самъ Вольтеръ не признавалъ себя ихъ авторомъ, какъ видно изъ слѣдующихъ его писемъ:

A Madame la Comtesse de Lutzelbourg.

Aux Délices, 9 novembre. 1756.

. . . . Il me paraît que *Salomon*-Mandrin (1) est le maître en Saxe comme à Berlin. L'Angleterre fera des efforts pour lui. Le nord de l'Allemagne lui fournira des soldats. Il y aura deux cent mille hommes de part et d'autre. Cette belle affaire n'est pas prête à finir. Que dites-vous de *Salomon*, qui, étant à Dresde, dans le palais du roi de Pologne, se montrait à la fenêtre, ayant à ses côtés deux gros ministres luthériens? Le peuple criait: *Vivat!* Ah! le saint roi! On m'a promis une singulière pièce (2); mais oserais-je vous l'envoyer? On craint son ombre en pareil cas. . . . .

---

(1) Allusion aux chansons qui coururent les rues de Versailles et Paris à cette époque, et dans lesquelles Frédéric était appelé Mandrin.

(2) C'est la pièce de vers qui commence ainsi:

O Salomon du Nord, etc.

A. M. Thieriot.

Aux Délices, 28 novembre. 1756.

. . . . On me parle encore de je ne sais quels vers (3) qui courent contre le roi de Prusse. Ceux qui me soupçonnent me connaissent bien mal. C'est le comble de la lâcheté d'écrire contre un prince à qui on a appartenu. . . . .

---

(3) La pièce: *O Salomon du Nord.*

A. M. d'Alembert.

29 novembre. 1756.

. . . . . La calomnie vient de Paris par la poste me persécuter au pied des Alpes. J'apprends qu'on a fait des vers sanglants

contre le roi de Prusse, qu'on a la charité de m'imputer. Je n'ai pas sujet de me louer du roi de Prusse; mais, indépendamment du respect que j'ai pour lui, je me respecte assez moi même pour ne pas écrire contre un prince, a qui j'ai appartenu. . . . . .

Тѣмъ не менѣе стихотвореніе: Au roi de Prusse помѣщается въ числѣ сочиненій Вольтера. Въ новѣйшемъ, критическомъ изданіи оно помѣщено въ отдѣлѣ: Poésies mêlées, о которомъ сказано: Dans le recueil des *Poésies mêlées*, on a évité d'en multiplier trop le nombre, et d'en insérer qui fussent d'une autre main. Souvent ce choix a été assez difficile. Dans le cours d'un long ouvrage en vers, il eût été presque impossible d'imiter la grâce piquante, le coloris brillant, la philosophie douce et libre qui caractérisent toutes les poésies de Voltaire: son cachet ne pouvait être aussi reconnaissable dans quinze ou vingt vers presque toujours impromptus. Il était plus aisé, en s'appropriant quelques-unes de ses idées et de ses tournures, d'atteindre à une imitation presque parfaite. D'ailleurs il n'a jamais voulu ni recueillir ces pièces, ni en avouer aucune collection. Celles qu'on en a publiées de son vivant, sous ses yeux, contenaient des pièces qu'il n'avait pu faire et dont il connaissait les auteurs. C'était un moyen, qu'il se réservait pour se défendre contre la persécution que chaque édition nouvelle de ses ouvrages réveillait. . . . . . J'ai dû porter mon attention à faire disparaître des *Poésies mêlées* les pièces qui ne sont point de Voltaire.

(Oeuvres complètes de Voltaire. Nouvelle édition, conforme pour le texte à l'édition de Beuchot, enrichie des découvertes les plus récentes. . . . Paris. 1877. T. X. стр. 557—558, 461.—1880. Correspondance. T. VII. стр. 127, 133, 136.)

Дѣйствія Фридриха II вызывали слово осужденія у писателей разныхъ народовъ. Обращаясь къ «скоропостижному королю», Ломоносовъ говоритъ въ одной изъ своихъ одъ:

Гдѣ пыщный духъ твой, Фридерикъ?
Ещели мнишь, что ты великъ?
Ещель смотря на рокъ Саксоновъ,
Всеобщимъ дателемъ законовъ
Слывешь въ желанїи своемъ!

Вторженіе прусскихъ войскъ въ Саксонію послужило поводомъ къ слѣдующей пародіи, приписываемой Ломоносову:

Солдатъ какъ скоро въ домъ вступаетъ,
Хозяина онъ призываетъ: . . . . Отче
Имѣнїе и весь твой домъ
Теперь ужъ сталъ не твой онъ . . . . нашъ,
Молчитъ крестьянинъ, размышляетъ
И внутренно его ругаетъ . . . . иже еси
Счастливый вѣкъ нашъ перервался,
Помощникъ намъ одинъ остался . . . на небеси,
У насъ злодѣевъ есть безмѣрно,
И нѣтъ достойнаго въ нихъ вѣрно. . да святится
Что̀ всѣ народы почитаютъ,
Они, о Боже, раздражаютъ . . . . . . имя твое,
Лишеннымъ счастїя, покою
Спасенїе твоей рукою. . . . . да прїидетъ
Когда тобой не защитится,
Разграбится и раззорится . . . . царствїе твое,
Когда злодѣевъ смерть постигнетъ,

Избавленный народъ воскликнетъ: . .	да будетъ воля
Напастей, бѣдъ совсѣмъ лишася,	твоя,
Все будемъ жить мы веселяся	яко на небеси
Отколь животные взялися?	
Не съ неба ль сшедши, развелися . .	и на земли,
Своимъ все наше почитаютъ,	
И съ жадностью изъ рукъ хватаютъ.	хлѣбъ нашъ на-
Крестьянинъ, — всякъ изъ нихъ кричитъ —	сущный
Чтобъ было намъ что̀ ѣсть, что̀ пить!	даждь намъ
Коль подати тебѣ, царю несчастный,	днесь,
Не заплатимъ въ сей годъ ужасный.	остави намъ
Теперь намъ всѣмъ не до тебя;	
Платить нѣтъ силъ и за себя	долги наша,
Противники владѣютъ нами	
И съ нашими живутъ женами. . . .	яко же и мы
Хоть въ сердцѣ злобу къ нимъ имѣемъ,	
Но въ томъ имъ запретить не смѣемъ	оставляемъ
Гостей несносныхъ мы имѣемъ,	
Пусть чортъ ихъ въ адъ сведетъ къ злодѣямъ . . .	должникомъ на-
Пусть будетъ скотъ нашъ въ ихъ угодность;	шимъ
Самихъ, о Боже, въ ту же должность	не введи насъ
Женъ нашихъ, дочерей отняли,	
Чрезъ нихъ онѣ введены стали . . .	во искушеніе
Всесильный, не оставь насъ бѣдныхъ	
Между людей жестокихъ, вредныхъ . .	но избави насъ
Спаси насъ, часть нашу исправи,	
Помилуй, свободи, избави	отъ лукаваго
Чтобъ всѣ солдаты провалились	
Или на Турковъ устремились	аминь.

ТЕКСТЪ.

К.— Казанскій Сборникъ. стр. 138—140. Заглавіе: «Нынѣ употребляемое саксонскихъ крестьянъ Отче нашъ». Въ оглавленіи, или Реестрѣ: «М. Лом. Нынѣ употребляемое саксонскихъ крестьянъ Отче нашъ».

О.— Сборникъ Императорской Публичной Библіотеки. О. XVII. № 17. л. 133 об.—136. Заглавіе: «Нынѣ употребляемый саксонскихъ крестьянъ Отче нашъ».

F.— Сборникъ А. Ѳ. Бычкова. стр. 126—127. Заглавіе: «Употребляемое у саксонскихъ крестьянъ Отче нашъ».

Ст. 2. Хозяина тутъ призываетъ (К.)
Ст. 4. Теперь сталъ не твой ужъ онъ (К, О, F.)
Ст. 9. Число злодѣевъ есть безмѣрно (О, F.)
Ст. 25. Крестьяни (нъ) всякъ отъ нихъ кричитъ (О.)
Ст. 27. Коль подать тебѣ, принцъ несчастный (F.)
Ст. 33—34. Хоть въ сердцѣ къ нимъ злобу имѣя,
Но въ томъ имъ запретить не смѣя (О.)
Но въ томъ запретить имъ не смѣемъ (К.)
Ст. 36. Пусть чортъ всѣхъ ихъ сведетъ къ лиходѣямъ (О.)
Пусть чортъ во адъ ихъ введетъ къ злодѣямъ (F.)
Ст. 38. Самихъ къ нимъ, Боже, въ ту же должность (О.)
Опредѣли ихъ, Боже, самихъ къ намъ въ ту же должность (F.)
Ст. 42. Между людей жестоковредныхъ (К.)
Между злодѣй жестокосердыхъ (F.)
Ст. 46. Иль къ варварамъ устремились (F.)

Въ Казанскомъ Сборникѣ пародія эта приписывается Ломоносову. На него же, какъ на автора пародіи, весьма ясно указывается въ «Диоирамбѣ Бакхусу, обитающему въ ученомъ піитѣ»— сатирическомъ произведеніи, направленномъ очевидно противъ Ломоносова:

Нѣтъ ему грѣха въ кощунствѣ,
Онъ въ своемъ уже безумствѣ
Не страшится Божества. . . .
Мужи въ томъ ему досадны,
Кои учатъ отложить
Догмы, съ вѣрою не складны,
Вѣрѣ жъ духъ свой покорить.
Онъ *ругаться бородою*
Началъ, и явилъ собою,
Что дурняе его нѣтъ,
Что такихъ не видѣлъ свѣтъ. . .
Думы не было *Саксонамъ*
«Отче нашъ» на оборотъ
Честь въ прикладъ своимъ уронамъ;
Но такой сыскался мотъ,
Выродокъ отъ странъ россійскихъ!
Кто слыхалъ о семъ въ персидскихъ
Иль въ другихъ, гдѣ идолъ—богъ,
Бога кто бъ ругать такъ могъ?

(Московскій Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Портфели Миллера. № 414; тетради № 12.

Сборникъ Императорской Публичной Библіотеки. O. XVII. № 17. л. 148—153.)

Бѣдственное положеніе саксонскихъ крестьянъ вслѣдствіе прусскаго нашествія возбудило всеобщее сочувствіе. И въ дипломатическихъ актахъ европейскихъ державъ и въ письмахъ частныхъ лицъ говорилось, что по всей Саксоніи раздаются вопли несчастныхъ крестьянъ, угнетаемыхъ и разоряемыхъ «жестокосердыми злодѣями»—войсками прусскаго короля. Изъ саксонской

главной квартиры писали: «Король прусскій по вступленіи своемъ въ Саксонію имѣлъ у себя войска по крайней мѣрѣ шестьдесятъ тысячъ человѣкъ — слѣдовательно, гораздо превосходнѣйшую силу, нежели какую наша земля прокормить въ состояніи; чего ради у жителей отнимали не токмо скотину и лошадей, но и слугъ. Грабительства день отъ дня такъ умножились, что ничего болѣе въ Саксоніи взять уже не остается, и бѣдные подданные, оставя свои жилища, съ плачемъ и горестію милостыни просить принуждены. По всей Саксоніи солдаты грабятъ все имѣніе и пожитки, и грозятъ еще погубить жителей огнемъ и мечемъ. Не упоминаю о безчисленно многихъ наглостяхъ, изъ которыхъ одна другую безчеловѣчностію превосходитъ». При постройкѣ одной непріятельской крѣпости работало болѣе трехъ тысячъ саксонскихъ крестьянъ, и имъ не давали не только заработанныхъ денегъ, но даже и пищи и т. д.

(Санктпетербургскія Вѣдомости. 1756. № 76, 88 и др.)

Въ редакцію Ежемѣсячныхъ Сочиненій прислано было стихотвореніе, въ которомъ говорится:

Король прусскій въ гордыхъ мысляхъ пребываетъ,
И славу, подобную Великому Александру, получить себѣ желаетъ,
И безвинно бѣдную Саксонію разоряетъ.
Бѣдные крестьяне дневной пищи почти не имѣютъ,
А немилосерднымъ пруссакамъ отказать ни въ чемъ не смѣютъ;
Безпрестанно руки на небо воздѣваютъ
И со слезами «Отче нашъ» взываютъ, и т. д.

(Портфели Миллера въ Московскомъ архивѣ. № 414. Письмо изъ Москвы, 6 мая 1757 года, за подписью «Матвѣй К.»)

Противники Ломоносова обвиняли его въ томъ, что онъ написалъ пародію, небывалую и невозможную ни въ какой другой литературѣ. Въ дѣйствительности же стихотвореніе, приписываемое Ломоносову, есть довольно близкое подражаніе пародіи, издавна существовавшей въ нѣмецкой литературѣ и извѣстной въ нѣсколькихъ редакціяхъ. Каждая война давала новыя черты, и

въ различныхъ редакціяхъ можно замѣтить болѣе или менѣе яркіе слѣды: тридцатилѣтней войны, семилѣтней войны, Наполеоновскихъ войнъ и т. д. Приводимъ нѣмецкій текстъ ближе другихъ, изъ извѣстныхъ намъ, подходящій къ русскому.

DER SOLDATEN VATTER UNSERR.

Wen der Soldat zum bauren keret ein
Gruset er ihn mit freundtlichen schein . . . Vatter
Danket ihm daneben zu aller frist
Baur was du hast alles ist. . . . . unser
Dagegen danket ihm der baur
Der Teuffel furet dich her du laur . . . . . der du bist
Sey gewiss das dich noch straffen wirt
Der Herr der oben auff Regieret. . . . . . jhnn dem himel
Ich glaube das man kaum einen findt
Der auss diesem verfluchten gesindt . . . . geheiliget werde
Ach Godt kein volk lebet auff dieser erden
Durch wellichen mehr gelestert werde . . . dein name
Ihr meisten wort ist jedes mahl
Was der baur hatt dasselbe alle . . . . . . zu uns kumpt
Ia lieber herr wen sie nur kunten
Zu Plundern sie sich understunden . . . . dein reiche
So du sie wurdest erslagen
So wurde die gantze burgerschafft sagen. . dein wille ge-
Wen wir queit weren dieser pein schehe
So weren wir armen bauren fein. . . . . . wie im himmel
Ich weiss nicht wo das gesindt hinfert
Ihm himmel sein sie nicht viel werdt . . . also auch auff
Sie nemen unser gudt und haab erden
Und sneiden(s) uns vor dem maul ab. . . . unser teglich
Das wier sie all ihn dieser nacht brodt
Mugen erslagen mit grosser macht. . . . . Gib uns heute

Wier haben diess gleichwol alle verschult
Nim uns herr wieder auff zu hult . . . . . undt vergib uns
Wo diese leute lange bei uns bleiben
So werden sie uns ihn elent vertreiben
Wollen slaffen bey unsern tochtern und
weibern . . . als auch wier
Was nur ansehen die augen ihr
Mussen wier alles umbsunst schier. . . . . vergeben
Niemandt bleibt darumb auch wier
Mussen bezalen die schulde ihr . . . . . . unseren schuldi-
Niemandt kan brauchen die roslein fein geren
Ohn unterlass heist es Paur span ein . . . undt fhure uns
Ihn dem hause ist alle Tage viel Prassen
Gar offt sie uns ihn der stuben lassen . . . nicht
Weliches den smertzlich eindringett
Und mannigen erlichen Man off (oft) bringt. Ihn versuchung
Auch alle die solliches boses Treiben
Die lass herr nicht lange bey uns bleiben . sondern erlose
Die frommen aber spar gesundt uns
Und behute sie zu aller stundt. . . . . . . vor allem ubell.
Amen.

Dies Gedicht musz sich bis in neuere Zeit im Volke erhalten haben; gegen den Schlusz des vor. Jh. ward in fl. Bll. das sogen. Hannöversche V. U. gedruckt, das, ohne Zweifel ursprünglich eins mit jenem, so anhebt:

Der Soldat tritt ins Haus hinein
Und spricht zum Bauern aus falschem
Schein: . . . Vater
Alles was vormals war dein
Das soll nunmehro jetzo sein . . . . Unser, etc.

(Ein Hundert Deutsche Historische Volkslieder. Gesammelt und in urkundlichen Texten chronologisch geordnet, herausgegeben von Fr. Leonard von Soltau. Zweite Ausgabe. Leipzig. 1845. стр. LXXVI—LXXVII.)

Нѣкоторые стихи представляютъ болѣе сходства съ соотвѣтствующими стихами второй и третьей редакціи. Второю мы называемъ ту, которая относится ко временамъ тридцатилѣтней войны, и озаглавлена такъ: Algemeiner Bauren Vatter Unser Wieder die Unbarmhertzige Sollthaten. Третья относится къ 1805 году; заглавіе: Vater unser der Bauern in Bayern.

Ст. 20.	Все будемъ жить мы веселяся. .	яко на небеси
Во второй редакціи:	. . . . . So fro sein . .	wie ihm himmel
Ст. 35—36,	Гостей несносныхъ мы имѣемъ:	
39—40.	Пусть чортъ ихъ въ адъ сведетъ къ злодѣямъ . . .	должникомъ нашимъ
	Женъ нашихъ, дочерей отняли,	
	Чрезъ нихъ онѣ введены стали.	во искушеніе
Въ третьей редакціи:	Sie machen uns viel Angst und Müh	
	Ich wollt der Teuffel hätte sie. . .	samt unsern Schuldigern
	Noch müssen wir mit Schmerzen spüren	
	Dasz sie uns unsere Mägde führen.	in Versuchung

Въ Королевской Публичной Библіотекѣ въ Дрезденѣ есть нѣсколько редакцій этой пародіи.

Приносимъ глубокую благодарность директору Государственнаго архива въ Дрезденѣ, г. Гасселю (Dr. Paul Hassel, Director des Hauptstaatsarchivs), давшему намъ полную возможность пользоваться рукописями саксонскаго государственнаго архива и сверхъ того оказавшему содѣйствіе своими личными разысканіями въ мѣстныхъ архивахъ и библіотекахъ.

XXIX.

ТЕКСТЪ.

М.— Московскій Главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Рукопись подъ заглавіемъ: «Изъ Портфелей исторіографа Миллера, 150—I. № 19. Lomonossow auf den Bart mit Parodien. Ломоносова стихи на Бороду. На 7 листахъ». Стихотвореніе: «Гимнъ Бородѣ» писано рукою Миллера. Строфы отдѣляются одна отъ другой тремя звѣздочками. Порядокъ строфъ означенъ цыфрами, стоящими сбоку въ началѣ каждой строфы. Въ спискѣ Миллера за второю строфою непосредственно слѣдуетъ пятая, затѣмъ третья, четвертая, шестая, седьмая и такъ далѣе до конца.

С.— Рукопись Архива св. Синода. На корешкѣ: «Копіи всеподданнѣйшихъ докладовъ 1756—1758». Докладъ 6 марта 1757 года, № 11. Въ Реэстрѣ: «Докладъ о явившихся писменныхъ пашквиляхъ, хулившихъ человѣческія брады, стишками сочиненныхъ». Къ докладу приложено стихотвореніе подъ заглавіемъ: «Гимнъ Бородѣ». Сбоку надпись: «Стихи или песни». Строфы обозначены цыфрами, поставленными сбоку, какъ и въ Миллеровскомъ спискѣ, и слѣдуютъ одна за другой, въ надлежащемъ порядкѣ, безъ всякой перестановки.

К.— Рукопись Казанскаго Университета. № 19953. «Разныя стиходѣйствія». № 15. стр. 40—42. «Гимнъ Бородѣ». Въ Реэстрѣ:

№ 13. «*Ломон.*: Пронесся слухъ» и т. д.; № 14. «*Ево-жъ:* «О страхъ, о ужасъ» и т. д.; № 15. «Гимнъ Бородѣ, *єво-жъ сочиненія*».

(Ср. Описаніе рукописей, хранящихся въ библіотекѣ Императорскаго Казанскаго Университета, составленное А. И. Артемьевымъ. 1882. стр. 180—181.)

Порядокъ строфъ въ Казанскомъ сборникѣ нѣсколько отличается отъ Миллеровскаго, а именно: третья строфа въ Казанскомъ спискѣ соотвѣтствуетъ пятой въ спискѣ Миллера, четвертая — шестой, пятая — третьей, и шестая — четвертой.

Съ рукописи Казанскаго Университета есть списокъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ: Q. XIV. № 123.

«Гимнъ Бородѣ» по списку Казанскаго сборника напечатанъ А. Н. Аѳанасьевымъ въ статьѣ его: «Образцы литературной полемики прошлаго столѣтія», помѣщенной въ Библіографическихъ Запискахъ. 1859. № 15. стр. 461—463. А. Н. Аѳанасьевъ говоритъ: «Казанскій сборникъ сохранилъ для насъ интересный литературный споръ, возбужденный сатирическимъ стихотвореніемъ Ломоносова: *Гимнъ бородѣ*. Піеса эта доселѣ не была напечатана; она осмѣиваетъ раскольничьи бредни и весьма любопытна. Смыслъ этого произведенія не давалъ ни малѣйшаго основанія заподозрить его автора въ неблагонамѣренности; но завистливый Тредьяковскій не упустилъ случая и постарался приписать *Гимну* мнимое безнравственное значеніе, обвиняя Ломоносова въ совершенномъ безбожіи» и т. д.

О.— Рукопись Императорской Публичной Библіотеки. О. XVII. № 17. Сборникъ скорописью XVIII вѣка. л. 126—129 об. «Гимнъ Бородѣ». На оборотѣ перваго листа: «Сия книга города Якуцка Ѳедора Васильева Макарова. Подписалъ своеручно марта 2 дня 1768 году». Въ томъ же Сборникѣ помѣщены: Челобитная бывшихъ крестьянъ Ростовскаго озера: Леща, да Головля, да Плотицы; О Шемякиномъ судѣ; Птичій совѣтъ, како они межъ собою говорили, и т. д.

Порядокъ строфъ нѣсколько измѣненъ сравнительно съ рукописью Миллера: третья строфа по списку *О* соотвѣтствуетъ

пятой по списку Миллера, четвертая — третьей, и пятая — четвертой.

Q. — Рукопись Императорской Публичной Библіотеки. Q. XVII. № 168. л. 27—29. «Гимнъ Бородѣ». Въ Сборникѣ помѣщены и другія произведенія Ломоносова: Злобное примиреніе; Зубницкому; О сомнительномъ произношеніи буквы *Г* и т. д.

Порядокъ строфъ совершенно тотъ же, что въ спискѣ *K*.

F. — Рукописный сборникъ, въ листъ, конца XVIII и начала XIX вѣка, принадлежащій академику А. Ѳ. Бычкову, стр. 157—160 «Гимнъ бородѣ». При каждой строфѣ повторяется припѣвъ: «Борода предорогая» и т. д., и притомъ всякій разъ всѣ четыре стиха. Послѣдній стихъ припѣва постоянно приводится въ такомъ видѣ: «*Предъ тобой* предпочтена», и только одинъ разъ, въ концѣ десятой строфы, измѣненъ слѣдующимъ образомъ: «*Тѣмъ тебѣ* предпочтена».

Порядокъ строфъ тотъ же, что въ *K* и *Q*.

Кн. — Списокъ А. М. Княжевича. Въ этомъ спискѣ всего замѣчательнѣе заглавіе: «Стихи на архіепископа Кулябку, соч. г. Ломоносова». Въ засѣданіи Отдѣленія русскаго языка и словесности «академикъ Гротъ, представивъ полученные имъ отъ почетнаго члена Академіи наукъ А. М. Княжевича списки *Гимна бородѣ*, Ломоносова, и другихъ относящихся къ этому сочиненію документовъ, доложилъ, что онъ сличалъ списки эти съ напечатаннымъ текстомъ ихъ и что новые списки представляютъ въ заключеніи Гимна четыре дополнительные куплета, которые повидимому не были извѣстны напечатавшему это сочиненіе въ Библіографическихъ Запискахъ. По прочтеніи ихъ было заявлено, что въ этомъ спискѣ важны, сверхъ того, стоящія въ заглавіи слова: «стихи архіепископу Кулябкѣ», такъ какъ только этою припискою, вмѣстѣ съ заключительными куплетами, объясняется то преслѣдованіе, какому Ломоносовъ подвергся за свою

сатиру. Всѣ найденные въ спискѣ варіанты выписаны, также какъ и прибавочные куплеты, которые переданы П. П. Пекарскому для сравненія съ имѣющимися у него еще двумя списками того же произведенія».

(Сборникъ статей, читанныхъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской Академіи наукъ. 1867. Т. I. стр. II—III.)

По свидѣтельству Пекарскаго, «четыре дополнительныя строфы въ спискѣ Княжевича взяты изъ другого стихотворенія, напечатаннаго вполнѣ въ Библіографическихъ Запискахъ 1859 г., № 15, стр. 471—473, и начинающагося:

Не Парнасовъ судъ съ богами» и т. д.

II. — Два старинныхъ рукописныхъ сборника, принадлежавшіе Пекарскому, который указалъ въ нихъ нѣкоторыя отмѣны и прибавки сравнительно съ текстомъ Гимна бородѣ, напечатаннымъ въ Библіографическихъ Запискахъ.

(Пекарскаго: Исторія Академіи наукъ. 1873. Т. II. стр. 605.)

Ст. 3. Въ гимнахъ жертву воздаю (К., О, Q., F.)
Ст. 8. Уваживаютъ нашъ совѣтъ. (С.)
Уважаетъ нашъ совѣтъ (Кн., П.)
Ст. 16. Не отверсты ворота. (Кн.)
Ст. 17. Борода въ казну доходы (К., О., Q., F.)
Ст. 18. Умножаетъ во вся годы (Q.)
Ст. 21—22. Въ зборъ за оную приносятъ
И съ поклономъ нискимъ просятъ (С., О., Q., П.)
Ст. 24. Безголовыхъ съ бородой (К.)
Ст. 26. Вѣрной свой прибытокъ знаетъ (О.)
Вѣчной свой прибытокъ знаетъ (К.)
Ст. 30—31. Сколько послѣ изъ Печеры
Послѣ тѣхъ богатствъ домой (К.)
Ст. 37. Дураки зрели проказы (К.)

Въ печатномъ текстѣ Аѳанасьевъ измѣняетъ этотъ стихъ такимъ образомъ:

Дураки, врали, пролазы
Ст. 38. Были бъ безъ нея безглазы (Кн., П.)
Ст. 42. Нашему подобны свѣту (F.)
Ст. 43. Конче всѣхъ ихъ мудрецы (К.)
Ст. 45—46. Увѣряютъ сатаною,
Что насъ нѣтъ здѣсь съ бородою. (П.)
Ст. 47. Скажетъ кто: мы вправды тутъ (М, С, Q, F.)
Скажетъ, что мы вправду тутъ (О.)
Скажетъ кто, что впрямь мы тутъ (Кн.)
Если жъ скажутъ, что есть тутъ (П.)
Ст. 49. Ежели кто невзраченъ тѣломъ (О.)
Ст. 53. Будетъ взраченъ и разуменъ (F.)
Ст. 57. О прекрасна золотая (Кн.)
Ст. 58. О прикраса дорогая (К., О., Q., F.)
О прикраса даровая, (М.)
Ст. 60. Мать достатка и чиновъ (К., Q., F.)
Мать дородствамъ и умамъ (Кн.)
Мать достоинствъ и чиновъ (О.)
Ст. 64. Чѣмъ заслуги бъ заплатить (F.)
Ст. 66. Заплету я тебѣ въ косы (О.)
Ст. 67. Я всю хитрость покажу (Q.)
Ст. 71. Дайте ленты съ кошелки (О.)
Дайте ленты да шелки (Q.)
Ст. 77. Я крестьяномъ подражаю (С., К., О., Q.)
Ст. 78. И какъ пашну удобряю (М.)
Я какъ пашню удобряю (Q.)

Ст. 9—11. Попечительна природа
О блаженствѣ смертныхъ рода
Несравненной красотой

Въ одѣ Ломоносова на восшествіе на престолъ императрицы Елисаветы Петровны, 25 ноября 1748 года (ст. 105—107):

Твоя кротчайшая природа,
Чемъ для блаженства смертныхъ рода
Всевышнїй нашъ украсилъ вѣкъ,

Ст. 17—21. Борода въ казнѣ доходы
Умножаетъ по вся годы:
Кержинцамъ любезный братъ
Съ радостью двойной окладъ
Въ зборъ за оную приноситъ,

Керженцы—раскольники, жившіе въ Керженскихъ лѣсахъ.

Керженецъ — рѣка, впадающая въ Волгу и протекающая по губерніямъ: Костромской и Нижегородской. *Керженецъ*—единовѣрческій мужской монастырь, Нижегородской губерніи, Семеновскаго уѣзда, при рѣкѣ Керженцѣ.

Раскольники были обложены двойнымъ окладомъ, по указу Петра Великаго: «Гдѣ есть раскольники, тѣхъ какъ мужеска, такъ и женска пола описать, кромѣ тѣхъ, которые живутъ близъ рубежей, и описавъ положить ихъ въ окладъ противъ настоящаго нынѣшняго платежа, по чему купечество въ посады, а крестьяне съ тяглыхъ своихъ жеребьевъ платятъ вдвое» и т. д.

Ст. 29. Скачутъ въ пламень суевѣры;

Раскольники обрекали себя на самосожженіе. Въ одномъ скиту они сожгли себя, предварительно засыпавъ колодезь, чтобы нечѣмъ было потушить огонь. Въ другомъ мѣстѣ раскольники заперлись въ своихъ избахъ, окруженныхъ палисадниками, зажгли ихъ и сгорѣли: всѣхъ сгорѣвшихъ, мужчинъ и женщинъ, было сто семьдесятъ два, и т. д.

Ст. 57—61. О прикраса золотая,
О прикраса дорогая,
Мать дородства и умовъ,
Мать достатковъ и чиновъ,
Корень дѣйствїй невозможныхъ,

*

Насмѣшки надъ суевѣрнымъ поклоненіемъ бородѣ находимъ у писателей нашихъ XVIII столѣтія. Ироническіе отзывы о фанатикахъ встрѣчаются у самыхъ серьезныхъ обличителей раскола.

О суевѣрахъ, которые называютъ себя христіанами и чтутъ бороду какъ святыню, св. Димитрій Ростовскій говоритъ, что ихъ настоящее имя — не «христіане», а «бородіане».

«*Борода.* Раскольники, имеяующіе себя старовѣрами, сію кучу волосовъ почитаютъ выше всѣхъ своихъ членовъ и дороже самой ихъ головы, мня, что они съ бородою составляютъ образъ и подобіе Божіе. . . . А для сей неправосоставленной ими системы лучше хотятъ быть лишены головы, нежели бороды; чемъ и многихъ простаковъ заразили».

(Абевега рускихъ суевѣрій. . . сочиненная М. Ч. (Чулковымъ). 1786. стр. 8.)

Ст. 62. О завѣса мнѣній ложныхъ!

Стихъ этотъ вызвалъ сильное негодованіе въ духовенствѣ, какъ видно изъ слѣдующаго мѣста въ докладѣ св. синода: «Чрезъ названіе бороды *ложныхъ мнѣній завѣсою* всѣхъ святыхъ отецъ ученія и преданія еретически похулилъ».

Тоже мнѣніе высказываетъ и Тредьяковскій, утверждая, что въ Гимнѣ бородѣ Ломоносовъ имѣлъ «безбожное намѣреніе смѣшнымъ представить весь законъ нашъ. Чтó онъ разумѣетъ чрезъ *завѣсу ложныхъ мнѣній?* Не ученіе ли, предлагаемое въ св. писаніи и догматахъ церкви нашея, преданное намъ чрезъ великихъ оныя учителей и проповѣданное отъ ихъ пріемниковъ. Возможно ли таковыя мнѣнія назвать ложными»? и т. д.

Главнымъ основаніемъ для признанія Ломоносова авторомъ «Гимна бородѣ» служатъ: свидѣтельство членовъ синода, имѣвшихъ личныя объясненія съ Ломоносовымъ, и письмо Тредьяковскаго, которому хорошо была извѣстна самая суть дѣла.

Въ докладѣ св. синода говорится, что Ломоносовъ «самъ себя тому пашквилному сочиненію авторомъ оказалъ, ибо въ глаза предъ синодалными членами таковыя ругателства и укоризны

на всѣхъ духовныхъ за бороды ихъ произносилъ, каковыхъ отъ добраго и сущаго христіанина надѣяться отнюдь не можно».

Тредьяковскій весьма прозрачно указываетъ на Ломоносова, какъ на автора стихотворенія, говоря, что онъ приноситъ вредъ казнѣ своими открытіями (ясный намекъ на занятія мозаикою) и вмѣсто ожидаемой похвалы своимъ ученымъ трудамъ, слышитъ имъ «хулу и поруганіе, чему свидѣтелемъ быть могутъ Лейпцигскія Комментаріи». Тредьяковскій имѣетъ въ виду неблагопріятную для Ломоносова рецензію, помѣщенную въ лейпцигскомъ критическомъ журналѣ: Commentarii de rebus in scientia naturali et medicina gestis.

(Voluminis I Pars I. Lipsiae. 1752. стр. 222—227.)

Въ одномъ изъ списковъ *(Кн.)* Гимнъ бородѣ названъ «стихами архіепископа Кулябки». Пушкинъ говоритъ: (изд. Анненк. VI, 87 — 88): «Немногимъ извѣстна стихотворная перепалка Ломоносова съ Дмитріемъ Сѣченовымъ по случаю Гимна бородѣ, не напечатаннаго ни въ одномъ собраніи его сочиненій. Она можетъ дать понятіе въ заносчивости поэта, какъ и о нетерпимости проповѣдника» и т. д. За неимѣніемъ положительныхъ доказательствъ точности этихъ извѣстій, возможно предположеніе, что источникомъ для нихъ послужилъ докладъ, подписанный членами св. синода и въ числѣ ихъ Сильвестромъ Кулябкою, архіепископомъ с.-петербургскимъ, и Димитріемъ Сѣченовымъ, епископомъ рязанскимъ. Приводимъ этотъ любопытный докладъ:

«Всепресвѣтлѣйшей, Державнѣйшей, Великой Государынѣ Императрицѣ и Самодержицѣ всероссійской

Всеподданнѣйшій докладъ
Синода.

Въ недавномъ времяни проявились въ народѣ пашквилные стихи, надписанные: *Гимнъ бородѣ,* въ которыхъ не доволно того, что тотъ пашквилянтъ подъ видомъ якобы на расколниковъ крайне скверныя и совѣсти и честности христіанской противныя ругателства генерално на всѣхъ персонъ, какъ

прежде имѣвшихъ, такъ и нынѣ имѣющихъ бороды, написалъ; но и тайну святаго крещенія, къ зазрителнымъ частямъ тѣла человѣческаго наводя, богопротивно обругалъ, и чрезъ названіе бороду *ложныхъ мнѣній завѣсою* всѣхъ святыхъ отецъ ученія и преданія еретически похулилъ. И когда, по случаю бывшаго съ профессоромъ академіи наукъ Михайломъ Ломоносовымъ свиданія и разговора о таковомъ во вся непотребномъ сочиненіи, отъ синодалныхъ членовъ разсуждаемо было, что оной пашквиль, какъ изъ слогу признавателно, не отъ простаго, а отъ какого-нибудь школнаго человѣка, а чють и не отъ него ль самого произошелъ, и что таковому сочинителю, ежели въ чювство не придетъ и не раскается, надлежитъ какъ казни Божіей, такъ и церковной клятвы ожидать. То слыша, означенной Ломоносовъ исперва началъ оной пашквиль шпински защищать, а потомъ, сверхъ всякаго чаянія, самъ себя тому пашквилному сочиненію авторомъ оказалъ, ибо въ глаза предъ синодалными членами таковыя ругателства и укоризны на всѣхъ духовныхъ за бороды ихъ произносилъ, каковыхъ отъ добраго и сущаго христіанина надѣяться отнюдь не можно. И не удоволствуяся тѣмъ, еще опослѣ того вскорѣ таковой же другой пашквиль въ народъ издалъ, въ коемъ, между многими явными уже духовному чину ругателствы, безразумныхъ козлятъ далеко почтеннѣйшими, нежели поповъ, ставитъ. А при концѣ точно ихъ назвавши козлами, упомяненную ему при разсужденіи церковную клятву за единую тщету вмѣняетъ. Изъ каковыхъ нехристіанскихъ, да еще отъ профессора академическаго, пашквилевъ не иное что, какъ толко противникамъ православныя вѣры и таковымъ продерзателемъ къ безстрашнему кощунству святыхъ таинъ и къ ругателству духовнаго чина явный поводъ происходитъ и впредь, ежели не пресѣчется, происходить можетъ. А понеже, между прочими вседражайшаго Вашего Императорскаго Величества Родителя блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти Государя Императора Петра Великаго правами, жестокія казни хулителямъ закона и вѣры чинить повелѣвающими, Военнаго

артикула, главы 18, 149-мъ пунктомъ пасквилей сочинителей наказывать, а пасквилныя писма чрезъ палача подъ висѣлицею жечь узаконено: того ради со оныхъ пасквилевъ всеподданнѣйше Вашему Императорскому Величеству подноситъ Синодъ копіи, и всенижайше проситъ, чтобъ Ваше Императорское Величество, яко Богомъ данная и истинная церкви и вѣры святой и духовному чину защитница, высочайшимъ своимъ указомъ таковыя соблазнителныя и ругателныя пасквили истребить и публично сжечь, и впредь то чинить запретить, и означеннаго Ломоносова, для надлежащаго въ томъ увѣщанія и исправленія, въ Синодъ отослать — всемилостивѣйше указать соизволили.

Вашего Императорскаго Величества всенижайшіи раби и богомолцы:

Смиренный Силвестръ, архіепископъ Санктъ-Петербургскій.
Смиренный Димитрій, епископъ Рязанскій.
Смиренный Амвросій, епископъ Переславскій.
Варлаамъ, архимандритъ Донской.

Подлинной врученъ самимъ синодалнымъ членамъ тогожъ числа».

(Рукопись Архива св. Синода. На корешкѣ: «Копіи съ всеподдан. докладовъ 1756—1758». Докладъ 6 марта 1757 года, № 11. Въ «Реэстрѣ»: «Докладъ о явившихся писменныхъ пасквиляхъ, хуливших человѣческія брады, стишками сочиненныхъ».

Протоколы св. Синода. 1757. Мартъ. № 42.

«Книга записная протоколамъ святѣйшаго правительствующаго синода 1757 года». Помѣтка: «Докладъ поднесенъ тогожъ марта 6 дня».

Докладъ не былъ утвержденъ императрицею, а потому и не былъ возвращенъ въ св. синодъ. Подлинникъ хранится въ Государственномъ архивѣ (XVIII. № 178), но безъ приложенныхъ къ докладу стихотвореній.

Гимнъ бородѣ вызвалъ цѣлую литературу, въ которую вносили свои вклады: Ломоносовъ, Тредьяковскій, Сумароковъ, Барковъ и др.

Давняя ненависть Тредьяковскаго къ Ломоносову нашла обильную пищу въ обвиненіи, взводимомъ со стороны духовенства, и Тредьяковскій, подъ псевдонимомъ *Зубницкаго,* излилъ свою желчь въ пространномъ письмѣ къ Ломоносову, присланномъ будто бы изъ Холмогоръ.

ПИСЬМА ХРИСТОФОРА ЗУБНИЦКАГО.

I.

Государь мой!

Какъ я никогда не надѣюсь, чтобъ вы какое нибудь участіе принять хотѣли во всемъ томъ, что только касается къ предосужденію благочестиваго нашего закона, такъ не сумнѣваюсь, что и приложенный при семъ Имнъ вамъ пріятенъ не былъ. Уповаю, довольно извѣстно вамъ, какимъ удаленнымъ отъ всякія чести и совѣсти образомъ авторъ непотребнаго *Гимна бородѣ* явилъ безбожное свое намѣреніе и желаніе, чтобъ обругать христіанское ученіе и таинства вѣры нашея, къ немалому однихъ соблазну и развращенію, а другихъ сожалѣнію и ревности. Хотя, правда, къ отвращенію таковыхъ продерзостей наилучшее бъ средство быть могло, чтобъ въ примѣръ другихъ удостоить сего ругателя публичнымъ наказаніемъ; однако, пока то сдѣлается, нехудо безбожныя его мнѣнія и разглашенія отражать другими способами. Въ семъ-то намѣреніи одинъ изъ моихъ знакомцевъ передѣлалъ помянутый его Имнъ на свой строй, и просилъ меня какъ къ прочимъ въ стихотворствѣ искуснымъ людямъ, такъ и къ вамъ, государю моему, въ Санктпетербургъ послать, въ такомъ упованіи, что ежели въ *Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ* онаго не напечатаютъ, о чемъ я къ господамъ издателямъ оныхъ съ просьбою писалъ, то вы довольный сыщете случай сообщить тотъ вашимъ пріятелямъ и прочимъ, лучшее къ вѣрѣ своей, нежели описатель *Бороды*, почтеніе имѣющимъ. Я о сей же матеріи писалъ къ господину совѣтнику Ломоносову, и для куріозности

сообщаю вамъ копію моего письма. Думаю, что и онъ съ своей стороны приложитъ стараніе о напечатаніи или о разглашеніи онаго. Впрочемъ есмь съ должнымъ почтеніемъ

вашъ покорный слуга
Христофоръ Зубницкой.

Изъ Колмогоръ
Іюля 15 дня
1757 года.

II.

Государь мой!

Не довольно ли того къ чести и награжденію ума человѣческаго, что произведеніи онаго не можетъ остановить никакая дальность странъ, и никакое время не можетъ ихъ подвергнуть неизвѣстности, хотя бы кто нарочно скрывать оныя старался? Какъ ни за дальную сторону въ Россіи почитается отечество ваше, однако и тутъ сочиненіе, происшедшее отъ нѣкоего стихотворца и названное: *Имнъ бородѣ* обще отъ всѣхъ читается. Но та бѣда, что такіе плоды парящихъ умовъ тогда только отъ всѣхъ съ похвалою приняты бываютъ, когда клонятся къ утвержденію общаго блага и къ прочимъ полезнымъ и пріятнымъ намѣреніямъ, которыя въ разсужденіи общества могутъ быть безчисленны. Противнымъ же образомъ, ежели для того только въ свѣтъ выпущаемы бываютъ, чтобъ заводить раздоры и поспѣшествовать несогласіямъ, а особливо, чтобъ изъявить хульныя свои мысли и богопротивное непочтеніе къ святости закона; то не только не могутъ получить общей апробаціи, но еще болѣе заслуживаютъ отвращеніе и хулу, авторамъ же своимъ привлекаютъ ненависть, а часто бѣдственны и строгихъ казней причиною бываютъ. Ежели терпѣливо послушаете, государь мой, то я вамъ разскажу, какой успѣхъ получилъ и вышепомянутый Имнъ въ здѣшней сторонѣ. Не могу вамъ донесть, какимъ образомъ и отъ кого изъ Санктпетербурга сюда онъ присланъ; но то правда, что всѣ оный почли за чудную нѣкоторую рѣдкость, и съ великою поспѣшностію начали списывать,

другъ передъ другомъ читали, и другъ у друга спрашивали объ немъ мнѣнія. Мнѣ не случилось слышать, чтобъ кто хотя мало въ пользу сочинителя сказалъ, а всѣ обще говорили, что такое безпутное сочиненіе отъ добраго человѣка, кольми паче отъ христіанина, произойти не можетъ. Вы знаете, какъ земляки ваши къ закону почтительны. Между прочими попался тотъ Имнъ въ руки одному изъ моихъ знакомцевъ — человѣку такому, который крайне ненавидитъ всякое нестроеніе во обществѣ, и слѣдовательно вводящимъ оное невеликій пріятель; что жъ до закона касается, то, почитая оный безъ суевѣрія, отвращается онъ отъ всѣхъ тѣхъ, которые тотъ презираютъ и стараются находить въ немъ что нибудь смѣшное, къ великому другихъ соблазну и развращенію. Это было въ компаніи, что онъ помянутый Имнъ получилъ, и по прочтеніи онаго, узнавши автора, какъ будто по ступени Геркулеса, съ видомъ нѣкоторой ревности началъ говорить: «Лучшаго де ничего нельзя ожидать отъ безбожнаго сумасброда и пьяницы! Не довольно того, что сей негодный ярыга, ходя по разнымъ домамъ и компаніямъ, въ разговорахъ употребляетъ всякія насмѣшки и ругательства благочестивому закону нашему; что презираетъ уставы онаго, и все то ни во что̀ вмѣняетъ, что добрые люди, родившіеся въ христіанствѣ, за святое и спасительное почитаютъ. Недовольно и того, что онъ безъ разбору на весь духовный чинъ вездѣ какъ песъ лаетъ: онъ уже и письменныя противу таинствъ вѣры нашея и святости закона глумленія и ругательства употребить отважился. Не думайте, господа, — продолжалъ онъ рѣчь — чтобъ одной только *бородѣ* поруганіе сдѣлать онъ намѣрился. Нѣтъ! Его безбожное намѣреніе было, чтобъ намъ смѣшнымъ представить и весь законъ нашъ. Возьмите только въ разсужденіе одно то, къ какимъ непотребнымъ изображеніямъ примѣняетъ онъ здѣсь тайну святаго крещенія — тайну, посредствомъ которыя мы ожидаемъ будущаго блаженства, или что̀ онъ разумѣетъ чрезъ *завѣсу ложныхъ мнѣній!* Не ученіе ли, предлагаемое намъ въ Священномъ Писаніи и догма-

тахъ церкви нашея, преданное намъ чрезъ великихъ оныя учителей, и проповѣдуемое отъ ихъ преемниковъ, которые намъ другихъ мнѣнiй сообщать не могутъ и не должны, кромѣ тѣхъ, которымъ они оттуда научились? Возможно ли таковыя мнѣнiи назвать ложными человѣку, не отрекшемуся совѣсти, честности и вѣры? Что жъ просто и собственно до бороды касается, то не думайте, господа, чтобъ я толь ревностный оныя защитникъ былъ: я и самъ держусь старой латинской пословицы, что *борода не дѣлаетъ философа*. Однако между бородою и бородою надлежитъ имѣть различенiе. Раскольщики наши, которыхъ бородѣ, для прикрытiя только злаго своего намѣренiя, нѣсколько коснулся пьяный сочинитель Имна, носятъ оную по упрямству, по предвѣрiю и нѣкоторому ложному надѣянiю въ полученiи спасенiя. А напротивъ того, духовный нашъ чинъ носитъ оную по древнему церковному узаконенiю и обыкновенiю, послѣдуя въ томъ и нѣкоторымъ, хотя внѣшнимъ, видомъ подобясь Первоначальнику вѣры нашея и святымъ его послѣдователямъ, которыхъ видъ носить и самыя высочайшiя власти за честь себѣ вмѣняли, не имѣя притомъ объ ней никакого мнѣнiя, которое другимъ могло бъ служить къ предосужденiю. Изъ чего слѣдуетъ, что борода въ однихъ только раскольщикахъ презрѣнiя и смѣха достойна, а напротивъ того въ духовномъ чинѣ никакимъ образомъ того не заслужила, тѣмъ меньше въ разумныхъ и незазорнаго житiя духовныхъ людяхъ. Но сего, какъ видите, сумасбродный стихотворецъ не разбирая, ругаетъ генерально бороду, и слѣдовательно всѣхъ тѣхъ, которые оную имѣютъ и имѣли. Впрочемъ нельзя лутче заплатить сему продерзскому безбожнику, какъ сей же самый Имнъ переворотить, и вмѣсто *бороды*, описать *пьяную* его *голову* со всѣми ея природными свойствами, кои бы намъ его живо представляли. Жаль только, что всѣхъ его добродѣтелей въ такъ короткомъ сочиненiи описать не можно. Однако по чести васъ, господа, увѣряю, что онъ точно таковъ, каковъ будетъ описанъ, придавъ только то, что несравненно хуже и несноснѣе въ самомъ дѣлѣ, нежели въ описанiи. Повѣрьте,

 *

что онъ столько подлъ духомъ, столько высокомѣренъ мыслями, столько хвастливъ на рѣчахъ, что нѣтъ такой низкости, которой бы не предпріялъ ради своего малѣйшаго интереса, напримѣръ, для чарки вина; однако я ошибся: это — его наибольшій интересъ! Нѣтъ въ свѣтѣ и не бывало такого человѣка, котораго бъ онъ хотя въ малую цѣну противъ себя поставилъ. Не великъ предъ нимъ Картезій, Невтонъ и Лейбницъ, со всѣми новыми и толь въ свѣтѣ прославленными ихъ изысканіями. Онъ всегда за лучшія и важнѣйшія свои почитаетъ являемыя въ міръ откровенія, которыми не только никакой пользы отечеству не приноситъ, но еще, напротивъ того, вредъ и убытокъ, употребляя на оныя немалые казенные расходы, а напослѣдокъ, вмѣсто чаемой хвалы и удивленія отъ ученыхъ людей, заслуживая хулу и поруганіе, чему свидѣтелемъ быть могутъ *Лейпцигскіе Коментаріи*. Во всѣхъ наукахъ и во многихъ языкахъ почитаетъ онъ себя совершеннымъ, хотя о нѣкоторыхъ весьма средственное, а о другихъ никакого понятія не имѣетъ. Со всѣмъ тѣмъ ежели кто незнающій ученыхъ шарлетановъ его послушаетъ, легко повѣритъ можетъ, что онъ въ свѣтѣ первый полигисторъ. Правда, что стихотворствомъ своимъ, и то на одномъ русскомъ языкѣ, могъ бы онъ получить нѣкоторую похвалу, ежелибъ не помрачалъ оной пьянствомъ и негоднымъ поведеніемъ. Таковыя суть свойства славнаго сего бороды описателя, которыя завтра я вамъ, господа, на стихахъ представить потщусь. Оные хотя не красны будутъ слогомъ, и не таковыхъ бы заслужилъ авторъ, — ибо Горацій, и Персій, и Ювеналъ, добродѣтелей его по достоинству описать не могутъ — однако въ изображеніяхъ своихъ справедливо».

На завтрешній день онъ и подлинно то сдѣлалъ, и пришедши въ компанію, прочиталъ свой *Имнъ* вслухъ предъ всѣми. Смѣялись больше, нежели какъ надобно, и всѣ обще разсуждали, что не худо бъ оный сообщить сочинителю *Имна бородѣ*; но авторъ имъ отвѣчалъ, что онъ къ нему самому посылать не хочетъ, а другихъ знакомцевъ въ Петербургѣ не имѣетъ, кои бъ ему сообщили.

Всѣ напали на меня, чтобъ я взялъ на себя сію коммиссію, будучи извѣстны, что я нѣсколько знакомъ вамъ, государю моему, какъ главѣ россійскихъ стихотворцевъ, и притомъ и прочимъ ученымъ людямъ. Не могъ я имъ въ томъ отказать, не показавши по себѣ, что и я пріятствую толь непотребному сочиненію, коково есть *Имнъ бородѣ.* И такъ сообщаю вамъ при семъ *Передѣтую бороду или Имнъ пьяной головѣ* съ такою просьбою, чтобъ ежели вамъ знакомъ авторъ часто-помянутаго Имна, оный ему сообщили, не придетъ ли онъ хотя такимъ образомъ въ раскаяніе, и не отстанетъ ли отъ такихъ вредныхъ обществу сочиненій и худыхъ своихъ поступокъ. Однако прежде сообщенія ему проситъ авторъ, чтобы вы сей Имнъ высмотрѣли, и по извѣстной вашей къ стихотворству способности что нибудь въ похвалу пьяной головѣ прибавили, которыя и неописанныя здѣсь добродѣтели вамъ можетъ быть извѣстны. Ежели же онъ имени своего въ свѣтъ не объявилъ и вамъ не извѣстенъ, то, имѣя власть и силу въ Канцеляріи академіи наукъ, велите напечатать сей Имнъ въ «Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ»: тутъ онъ самъ себя какъ въ зеркалѣ увидитъ. Я же пребываю и пребуду съ подобающимъ почтеніемъ.

(Сборникъ Императорской Публичной Библіотеки. О. XVII. № 17. л. 136 об.—148.
Казанскій Сборникъ. №№ 16 и 17. стр. 42—48.
Библіографическія Записки. 1859. № 15. стр. 463—468.)

ПЕРЕДѢТАЯ БОРОДА
или
ИМНЪ ПЬЯНОЙ ГОЛОВѢ.

1.

Бороды я не ругаю,
И ей имновъ не слагаю,
Почитая праотцовъ:
Я пою изъ тѣхъ творцовъ
Одного — главу избранну,

Славно гедерой вѣнчанну,
Съ молодыхъ который лѣтъ
Сыномъ Бахуса слыветъ.

Голова предорогая!
Жаль, что ты и крещена,
И что тѣла часть срамная
Предъ тобой не почтена.

2.

Попечительна природа
О блаженствѣ смертныхъ рода
Въ свѣтъ тебя производя,
Вить не тѣмъ путемъ вела,
Что украшенъ бородою;
Бочки ты тоя дирою
Въ человѣческій лѣзъ родъ,
Гдѣ сидитъ оной уродъ.

Голова etc.

3.

Голова въ казнѣ доходы
Уменшаетъ по вся годы.
Пьяницамъ любезный братъ,
Взявши годовой окладъ,
Безполезно пропиваетъ,
И безпутства всѣ вчиняетъ;
Не дадутъ когда вина,
Сходитъ онъ тогда съ ума.

Голова etc.

4.

Не напрасно онъ дерзаетъ:
Пользу въ томъ свою считаетъ,
Чтобъ обманствомъ вѣкъ прожить,

Общество чтобъ обольстить —
Либо мозаикомъ ложнымъ,
Или бисеромъ подложнымъ,
Иль сребро сыскавъ въ дермѣ,
Хоть къ ущербу все казнѣ.

Голова etc.

5.

О коль въ свѣтѣ ты блаженна,
Голова, брадѣ замѣна!
Люди, правда, хоть велятъ
Въ бороду глупцамъ плевать;
Но твоя хмѣльная рожа
Болѣе къ тому есть гожа,
И на твой раздутый зракъ
Правѣй можетъ харкать всякъ.

Голова etc.

6.

Естли правда, что планеты —
Нашему подобны свѣты,
Конче пьяницъ тамъ такихъ
Нѣтъ, и сумасбродовъ злыхъ,
Вѣру чтобъ свою ругали,
Тайны оной осмѣвали;
Естлижъ проявятся тутъ,
Дѣльно (конче) въ срубѣ ихъ сожгутъ.

Голова etc.

7.

Съ хмѣлю безобразенъ тѣломъ,
И всегда въ умѣ незрѣломъ,
Ты преподло бывъ рожденъ,
Хоть чинами и почтенъ,

Но безмѣрное піянство,
Бѣшенство, обманъ и чванство
Всѣхъ когда лишатъ чиновъ,
Будешь пьяный рыболовъ.

Голова etc.

8.

Голова о прехмѣльная!
Голова ты препустая!
Дурости, безчинства мать,
Нечестивыхъ мнѣній кладъ,
Корень изысканій ложныхъ,
О забрало дѣлъ безбожныхъ!
Чѣмъ могу тебя почтить,
Чѣмъ заслуги заплатить?

Голова etc.

9.

Я тебѣ тріумфы новы,
Чести я тебѣ отцовы,
Сколько можно, покажу,
Въ тѣжъ уборы наряжу,
Украшу тебя рогами,
И индейскими слонами
Прямо весть велю въ кабакъ
Съ хоромъ пьяницъ и бурлакъ.

Голова etc.

10.

Ужъ и чарки, ужъ и канны,
Стклянки, кружки и стаканы
Тамъ готовы для тебя.

Ужъ и стойка тамъ чиста;
Колмогорскіе ярыги
Собрались встрѣчать тя съ лики,
Дайте дудку и сопѣль,
И волынку, и свирѣль.

Голова etc.

11.

Ахъ, куда съ добромъ дѣваться!
Всѣ приборы не годятся
Для Денисова сынка.
Онъ, сбѣжавъ до кабака,
На пути въ калъ повалился
И тамъ торжества лишился.
Голова! теперь прощай,
Въ вѣкъ съ свиньями почивай.

Голова etc.

(Московскій Главный Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Портфели Миллера. № 150—I.)

Угрозою «сжечь въ срубѣ», высказанной въ концѣ шестой строфы «Передѣтой бороды», вызвано слѣдующее стихотвореніе:

Пронесся слухъ, хотятъ кого-то сжечь;
Но время то прошло, чтобъ наше мясо печь.
Безбожника сего всемѣстно проклинаютъ,
И беззаконїе его всѣ люди знаютъ.
Неизреченный вредъ закона и бѣда —
Обругана совсѣмъ честная борода!
О лютый еретикъ, противъ чего дерзаешь?
Противу бороды, и честь ея терзаешь!
Какой ты вкусишь ядъ!
Покайся, на тебя уже разверзся адъ;

Оплакивай свой грѣхъ, пролей слезъ горькихъ рѣки,
Когда не хочешь быть ты въ тартарѣ во вѣки.

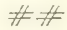
О вы, которыхъ онъ
Прогнѣвалъ паче мѣры,
Возставъ противу вѣры
И повредивъ законъ,

Не думайте, что мы вамъ созданы на шутки;
Хоть нѣтъ у насъ бородъ, однако есть разсудки.

Не боги вить и вы,

А яростью своей — не человѣки, львы,
Которая страшнѣй разверзста адска зѣва.
Спаси, о Боже, насъ отъ звѣрскаго ихъ гнѣва!
Забыли то они, какъ ближняго любить;
Лишь мыслятъ, какъ его удобнѣй погубить,
И именемъ твоимъ стремятся только твердо
По прихотямъ людей разить немилосердо. . .

(Московск. Архив. Портфели Миллера. № 150—I.
Казанскій Сборникъ. № 13. стр. 38—39.
Сборникъ Императорской Публичной Библіотеки. Q. XVII. № 168.
Сборникъ академика А. Ѳ. Бычкова. стр. 169.
Библіографическія Записки. 1859. № 15. стр. 470—471.)



Стихотвореніе это приписывается то Ломоносову, то Сумарокову, то Баркову. Въ Казанскомъ Сборникѣ, въ текстѣ оно приписано *Сумарокову*, а въ оглавленіи—*Ломоносову*. Авторъ Описанія рукописей, хранящихся въ библіотекѣ Казанскаго университета, А. И. Артемьевъ говоритъ: «Стихи эти, какъ видно по содержанію, писаны въ защиту Гимна бородѣ, послужившаго поводомъ къ новой войнѣ, очень любопытной. Судя по этому, они дѣйствительно произведеніе *Ломоносова*, а не Сумарокова, какъ показано въ заглавіи». (стр. 180). По мнѣнію академика Пекарскаго,

авторомъ ихъ скорѣе можно считать Баркова (II, 205—206): «Въ стихахъ, приписанныхъ въ извѣстномъ Казанскомъ Сборникѣ Сумарокову, а въ принадлежащемъ мнѣ — *Баркову,* что̀ кажется вѣроятнѣе, выведены на посмѣяніе защитники бороды».

Участіе Тредьяковскаго въ нападкахъ на Ломоносова за его Гимнъ бородѣ, дало поводъ къ стихотворенію, въ которомъ Тредьяковскій называется Триссотиномъ, игравшимъ нѣкогда роль придворнаго шута въ родѣ Педриллы или Балакирева. Въ Казанскомъ Сборникѣ (стр. 55—58) стихотвореніе это озаглавлено: «Сатира Ломоносова на Тредьяковскаго», а въ Сборникѣ А. Ѳ. Бычкова (стр. 172—173): «Ода Тресотину».

1.

Что за дымъ
По глухимъ
Деревнямъ курится.
Тамъ расколъ —
Дно крамолъ
Въ грубости крутится.
Середи того гнѣзда
Поднятая борода.
Глупыхъ капитановъ флагъ
Далъ къ соборищамъ ихъ знакъ.

2.

Всѣ спѣшатъ,
Всѣ кричатъ:
Борода святая,
Мы съ тобой,
Съ дорогой,
Въ рай идемъ пылая!
Ты намъ вѣра и законъ,
Ты обѣдня и трезвонъ.
О, апостольская сѣть!
Рады мы съ тобой сгорѣть.

*

3.

Кто зажегъ?
Лжепророкъ.
Изъ какого лѣсу?
Онъ одинъ —
Тресотинъ,
Сердцемъ сроденъ бѣсу.
Онъ — безбожный лицемѣръ,
Побродяга, изувѣръ.
Онъ продерзостью своей
Ободрилъ бородачей.

4.

Онымъ въ лесть
Добрыхъ честь
Поносія терзаетъ,
И святошъ
Глупу ложь
Правдой объявляетъ.
Только жъ, угождая имъ,
Мерзокъ бредомъ сталъ своимъ.
И хотя чтить праотцовъ
Онъ почтилъ отца бѣсовъ.

5.

Оглянись,
Веселись,
Адская утроба!
Твой комплотъ
Скверный родъ
Возстаетъ изъ гроба.
Образъ твой — Геростратъ
Храмъ зажечь Парнасскій радъ,
Адъ готовъ тебѣ помочь —
День (наукъ) затмить какъ ночь.

6.

Братецъ твой
Керженской
Адскимъ углемъ пышетъ (пишетъ);
Какъ песъ золъ,
За расколъ
На святыню дышетъ.
На россійскаго Христа
Отперъ срамныя уста.
Къ защищенію бородъ
Злой къ тебѣ валится сбродъ.

7.

Ахъ какъ радъ
Пустосвятъ
Для того распопа,
Что въ тебѣ,
Какъ въ себѣ,
Видитъ злу (злость) холопа.
Аввакумъ протопопъ
Поднялъ лысину и лобъ,
Улыбаясь, на тебя
Смотритъ, злость твою любя.

8.

Что за гамъ?
Валаамъ,
Іуда, Каіафа!
Чу, кричатъ:
Эй, нашъ братъ,
Ты не бойся штрафа!
И отъ тартарскаго дна
Самъ поднялся сатана.
Онъ поджегъ тебя на зло —
За свое мститъ помело.

9.

Ну жъ хватай, поскоряй,
Не теряй минуты.
Тѣшься такъ,
Какъ и сякъ —
Въ пляску, въ валку, въ жгуты.
Какъ Педрилъ тебя каталъ
И Балакиревъ гонялъ,
Всѣ ревутъ тебѣ: куражъ,
Тресотинъ, угодникъ нашъ!

10.

Лжесвятой,
Керженской,
Какъ тебя прославить?
Какъ почтить,
Чѣмъ кадить,
Что тебѣ поставить
Вмѣсто ладону и свѣчь?
Въ бородахъ тебя сожечь,
Чтобы ихъ поганый смрадъ
Былъ горчае, какъ самъ адъ.

«Гимнъ бородѣ» и «Передѣтая борода» повлекли за собою цѣлый рядъ подражаній и пародій, какъ напримѣръ: «Судъ бородамъ», «Гимнъ подъячему» и т. д.

Вмѣстѣ съ «Гимномъ бородѣ» нѣсколько относящихся къ нему произведеній помѣщены, съ нѣкоторыми пропусками, въ Библіографическихъ Запискахъ. 1859. № 15. стр. 463—476.

XXX.

ТЕКСТЪ.

М.—Портфели Миллера въ Московскомъ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. № 414; тетради № 17.

С.—Рукопись Архива св. синода. Стихотвореніе, приложенное вмѣстѣ съ «Гимномъ бородѣ» къ докладу св. синода 6 марта 1757 года.

К.—Казанскій Сборникъ. № 14. стр. 39—40.

О.—Сборникъ Императорской Публичной Библіотеки. О. XVII. 17. л. 153 об.—154 об.

F.—Рукописный Сборникъ А. Ѳ. Бычкова. стр. 168—169.

П.—Списокъ, принадлежавшій Пекарскому; стихотвореніе, напечатанное Пекарскимъ (II, 605—606) подъ заглавіемъ: «Возраженіе на Переодѣтую бороду».

Ст. 1—2. О страхъ! о ужасъ! громъ! ты держишь за штаны,
Которые висятъ подъ ртомъ у сатаны! (п.)
Ст. 3. Ты видишь, онъ свирѣпствуетъ и злится, (м.)
Онъ за то свирѣпствуетъ и злится (о.)

Ст. 4. Дирявый красный носъ, какъ халдейска пещь дымится (К. F.)
Дырявый красный носъ, какъ пещь халдейска, дмится; (П.)
Ст. 5. Огнемъ и жупеломъ исполнены усы (С.)
Ст. 6. А какъ бы хорошо коптить въ нихъ колбасы (К.)
Ст. 9. О пользѣ я одну изъ всѣхъ пустыхъ бородъ (М.)
О польза! я одну изъ сихъ пустыхъ бородъ (С.)
О польза! я одну изъ всѣхъ пустыхъ бородъ (К, О, F.)
Ст. 10. Не давно одобрялъ безплодный огородъ. (М.)
Не давно удобрялъ какъ безплодный огородъ. (О.)
Ст. 13. Чего не можно ждать отъ толь мохнатыхъ лицъ (М.)
Сего не можно ждать отъ толь мохнатыхъ лицъ (О.)
Чего не можно ждать отъ сихъ мохнатыхъ лицъ (П.)
Ст. 15. Сидятъ и межъ себя какъ люди разсуждаютъ, (М.)
Сидятъ и межъ собою какъ люди разсуждаютъ, (О. F.)
Сидя и межъ собой какъ люди разсуждаютъ, (П.)
Ст. 16. Другихъ безъ площицъ бородъ не признаваютъ (О.)
Ст. 17—18. И проклинаютъ тѣхъ, кто молвитъ про козловъ:
Возможно ли быть толь много волосовъ! (О.)
А признаютъ лишь тѣхъ кто молвитъ про козловъ:
Возможно ль быть у нихъ столь много волосовъ! (П.)

Авторомъ этого стихотворенія положительно названъ *Ломоносовъ* въ докладѣ св. синода 6 марта 1757 года, помѣщенномъ нами въ Примѣчаніяхъ къ «Гимну бородѣ». Въ докладѣ прямо говорится, что вскорѣ послѣ Гимна бородѣ Ломоносовъ издалъ другой такой же пасквиль, и приложенная къ докладу копія этого пасквиля удостовѣряетъ, что рѣчь идетъ о стихотвореніи: «О страхъ, о ужасъ!»

Ломоносову же приписывается стихотвореніе и въ Казанскомъ Сборникѣ. Въ текстѣ Казанскаго Сборника оно помѣщено безъ заглавія и безъ имени автора, а въ Реестрѣ обозначено: «Его жъ», т. е. *Ломоносова,* потому что непосредственно передъ этимъ въ Реестрѣ названъ *Ломоносовъ:* «Ломон. Пронесся слухъ» и т. д.

Авторомъ стихотворенія: «О страхъ! о ужасъ!» считали и Баркова. Академикъ Пекарскій говоритъ: «Стихотвореніе, на которое указывается въ докладѣ св. синода, извѣстно по спискамъ въ старинныхъ рукописныхъ сборникахъ. Въ одномъ изъ принадлежащихъ мнѣ, оно приписано *Баркову,* а не Ломоносову».

(Пекарскаго: Исторія Академіи наукъ. II. стр. 605.)

Ст. 1—2. О страхъ! о ужасъ! громъ! ты дернулъ за штаны,
Которы подо ртомъ висятъ у сатаны.

Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ стихотвореніе это помѣщается вслѣдъ за «Диѳирамбомъ Бакхусу, обитающему въ ученомъ піитѣ»; заключительные стихи «Диѳирамба»:

Приметъ мзду отъ сатаны,
Даровавъ ему штаны.

Ст. 7—8. Козлята малые родятся съ бородами —
Коль много почтены они передъ попами!

Ст. 17—18. И проклинаютъ всѣхъ, кто молвитъ про козловъ:
Возможно ль быть у нихъ толь много волосовъ!

Въ докладѣ св. синода: «Между многими явными духовному чину ругателствы, безразумныхъ козлятъ далеко почтеннѣйшими, нежели поповъ ставитъ. А при концѣ точно ихъ назвавши козлами, упомяненную ему при разсужденіи церковную клятву за единую тщету вмѣняетъ».

XXXI.

ТЕКСТЪ.

М.— Портфели Миллера въ Московскомъ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. № 414; тетради № 16.

ВАРІАНТЫ.

К.— Сборникъ Казанскаго университета. стр. 54. «Ломоносова Зубницкому». Въ Реестрѣ: «Ломон. Зубницкому».

Q.— Сборникъ Императорской Публичной Библіотеки. Q. XVII. № 168. Въ числѣ стихотвореній, помѣщенныхъ на л. 23 об.—26. «Зубницкому».

F.— Рукописный Сборникъ А. Ѳ. Бычкова. стр. 155. «С. Г. Зубницкому отъ Г. Л.» Въ Регистрѣ: «Стихи г. Зубницкаго».

Напечатано въ Москвитянинѣ. 1854. №№ 1, 2. Отд. IV. Историческіе матеріалы. Любопытные документы изъ Портфелей Миллера. стр. 3.

Ст. 4. А смѣхъ, что ты тѣмъ зломъ затмить достойныхъ ищешь (Q.)

Ст. 5. Наплюемъ мы на срамъ твоихъ поганыхъ вракъ. (K, F.)

Ст. 6. Уже за 20 лѣтъ ты записной дуракъ (K.)

Ст. 11. Хоть ложно святостью ты бородой скрывался (Q.)
Хоть ложной святостью ты бороды скрывался (F.)

Ст. 1, 11—14. Безбожникъ и ханжа, подметныхъ писемъ враль!
Хоть ложной святостью ты бородой скрывался,
Пробинъ на злость твою взирая улыбался.
Ученія его и чести и труда
Не можешь повредить ни ты, ни борода.

Относятся къ Тредьяковскому, который въ «подметномъ письмѣ», подъ псевдонимомъ Зубницкаго, выступилъ обвинителемъ Ломоносова и защитникомъ ложной святыни — бороды.

Пробинъ (отъ probus) — очевидно самъ Ломоносовъ, «чести» котораго не можетъ повредить озлобленный его противникъ — Тредьяковскій.

Ст. 2, 7—8. Твой мерзскій складъ давно и смѣхъ намъ и печаль:
Давно изгага всѣмъ читать твои синички,
Дорогу некошну, вонючія лисички;

Насмѣшка надъ стихами Тредьяковскаго:

Поютъ птички
Со синички,
Хвостомъ машутъ и лисички. . . . .

Лишъ посѣянъ только ленъ; то другимъ всѣмъ птичкамъ,
Какъ то малымъ воробьямъ, малымъ и синичкамъ
Ласточка разумно начала́ напоминать,
Чтобъ тѣ съ ней потщались сѣмена съ грядъ растаскать, и т. п.

XXXII.

ТЕКСТЪ.

Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ; собралъ Николай Новиковъ. 1772. «Димитрій Туптало, святый митрополитъ и чудотворецъ ростовскій и ярославскій». стр. 60—61.

Покойнаго Михайлы Васильевича Ломоносова Собраніе разныхъ сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ. 1778. Книга первая. Надпись 45. стр. 301—302.

Въ словарѣ Новикова, въ концѣ статьи о св. Димитріи Ростовскомъ, приводятся «Надпись и стихи, вырѣзанные на серебряной ракѣ сего святителя». Имени автора надписи и стиховъ не обозначено. Въ изданіи Дамаскина они помѣщены въ числѣ произведеній Ломоносова:

«Надпись 45. *Къ ракѣ святаго Димитрія митрополита ростовскаго.* Всемогущій и непостижимый Богъ, чудными изкони дѣлами, явилъ святую свою великолѣпную славу и во дни наши—въ благословенное государствованіе благочестивѣйшія, самодержавнѣйшія великія государыни императрицы Елисаветъ Петровны, самодержицы всероссійскія, новыми чудотвореніями въ Россіи просіявшаго, здѣсь почивающаго святаго мужа, преосвященнаго митрополита Димитрія ростовскаго и ярославскаго, *отдавшаго*

Божія Богови: вѣрою, кротостію, воздержаніемъ, ученіемъ, трудолюбіемъ; *Кесарево Кесареви:* ревностію и терпѣніемъ, поборствуя Петру Великому противъ суемудраго раскола. Въ богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ родился сей житель небеснаго Іерусалима декабря 1651 года. Ангельскій образъ приналъ 18 ти лѣтъ. На святительскій престолъ возведенъ марта 23 дня 1701 года. Пасъ церковь Божію 7 лѣтъ, 9 мѣсяцовъ, 26 дней. Живъ 58 лѣтъ, въ вѣчной покой преселился 1709 года. Написавъ Житія святыхъ, самъ въ ликѣ оныхъ вписанъ быть удостоился въ лѣто 1754, апрѣля 9 дня.

О вы, что Божество въ предѣлахъ чтите тѣсныхъ,
Подобїе его мня быть въ частяхъ тѣлесныхъ!" и т. д.

При этомъ сдѣлано примѣчаніе: «Сія надпись взята изъ Опыта историческаго словаря, стр. 60, и въ лѣтахъ поправлена съ Дневной Записки, собственноручно святымъ Димитріемъ писанной, которая напечатана въ Древней Россійской Вивліоѳикѣ, въ VI части, отъ стр. 315 до 408».

Въ словарѣ Новикова сказано, что св. Димитрій родился около 1671 года; жилъ 38 лѣтъ, и т. д.

(Матеріалы для исторіи русской литературы. Изданіе П. А. Ефремова. 1867. стр. 32—34.)

Въ надписи значится, что причисленіе Димитрія Ростовскаго къ лику святыхъ послѣдовало 9 апрѣля 1754 года. Въ рукописяхъ архива Академіи наукъ есть извѣстіе, что въ 1754 году сдѣлана была, по проектамъ академика Штелина, серебряная рака для мощей святаго Димитрія Ростовскаго.

(Исторія Академіи наукъ, Пекарскаго. т. I. стр. 562—565.)

Наиболѣе точныя и подробныя свѣдѣнія объ открытіи мощей св. Димитрія Ростовскаго находятся въ архивѣ св. синода. Они заключаются въ слѣдующемъ:

21 сентября 1752 года осмотрѣны мощи святаго Димитрія по причинѣ осадки чугунныхъ плитъ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ былъ погребенъ святитель.

Въ іюнѣ 1753 года пріѣзжалъ въ Ростовъ архіепископъ московскій Платонъ и говорилъ ростовскому митрополиту Арсенію, что «слышалъ многихъ, получающихъ исцѣленіе отъ лихорадокъ». Митр. Арсеній велѣлъ записывать совершающіяся чудеса, но не увѣдомлялъ о нихъ «за суетами и болѣзнями» и считая необходимымъ выжидать.

25 сентября 1756 года духовникъ императрицы Елисаветы Петровны Ѳедоръ Дубянскій просилъ прислать поскорѣе извѣстіе о чудесахъ для донесенія Ея Величеству.

20 ноября 1756 года присланъ указъ св. синоду, въ которомъ съ особенною силою указывалось на то, что извѣстіе о чудесахъ, совершаемыхъ у гроба св. Димитрія, распространилось въ разныхъ мѣстахъ Россіи.

19 марта 1757 года представленъ докладъ св. синода о признаніи мощей святаго Димитрія.

1 апрѣля 1757 года императрица Елисавета «въ зимнемъ своемъ Императорскаго Величества домѣ, по отправленіи божественныя литургіи и по учиненіи отъ синодальныхъ членовъ всеподданнѣйшаго съ праздникомъ Св. Пасхи поздравленія, высочайше указать соизволила за совершенныя святыя мощи огласить и праздновать обрѣтеніе мощей святаго Димитрія 21 сентября».

Ст. 1—2. О вы, что Божество въ предѣлахъ чтите тѣсныхъ,
Подобіе его мня быть въ частяхъ тѣлесныхъ!

Относится къ раскольникамъ, представлявшимъ себѣ Божество въ человѣческомъ видѣ и вѣрившимъ, что образъ и подобіе Божіе заключается преимущественно въ бородѣ, вслѣдствіе чего св. Димитрій и называлъ ихъ «бородіанами». Ихъ же осмѣивалъ Ломоносовъ въ своемъ «Гимнѣ бородѣ».

XXXIII.

ТЕКСТЪ.

С. II.—Собраніе сочиненій Ломоносова. 1757. Книга первая. стр. 184. Надпись 44.

Надпись: «На новое строеніе Сарскаго села» въ первый разъ появилась въ печати въ Собраніи сочиненій Ломоносова, изданномъ въ Москвѣ въ 1757 году. По содержанію надписи нельзя съ точностью опредѣлить, когда она написана.

Императрица Елисавета Петровна наслѣдовала отъ своей матери любовь къ Царскому Селу, и постоянно заботилась объ его украшеніи. Ежегодно производились новыя постройки, и, для приданія имъ бóльшаго великолѣпія и блеска, въ нихъ собираемы были художественныя произведенія и предметы роскоши. Изъ «зимняго дома» перенесенъ былъ янтарный кабинетъ; изъ петергофскаго дворца—множество картинъ, и т. д. Особенно блестящій видъ Царское Село имѣло въ 1757 году, вслѣдствіе внутренней и наружной отдѣлки всего дворца и принадлежащихъ къ нему зданій. Въ теченіе девяти лѣтъ, съ 1749 по 1757 годъ, употреблено: на строенія — около 700,000, и на зеркальныя стекла и листовое золото — болѣе 100,000 рублей, и т. д.

(**Исторія Села Царскаго, составленная Ильею Яковкинымъ. 1829.** Часть II. стр. 184—229.)

Ст. 6—7. Не разрушая царствъ въ Россіи строишь Римъ.
Примѣръ въ томъ Сарской домъ; кто видитъ,
всякъ чудится,

Царскосельскій дворецъ современники Ломоносова называли «Петербургскою Версаліею». Иностранные министры и прочія «персоны», посѣтившія дворецъ въ 1754 году, «во всякомъ апартаментѣ съ особливымъ прилежаніемъ смотрѣли какъ рѣзную и позолоченную работу, такъ и особливо плафоны; весьма выхваляли великолѣпность и вкусъ оныхъ украшеній. Посолъ и чужестранные министры весьма адмировали не токмо одно великолѣпіе и богатства, употребленныя какъ въ наружныхъ, такъ и внутреннихъ убранствахъ всего огромнаго зданія, но изрядный и особливый вымыселъ и порядокъ, который при всемъ усматривался» и т. д.

(Архивъ князя Воронцова. 1871. Кн. 3. стр. 649, 655—656.)

XXXIV.

ТЕКСТЪ.

Первое изданіе (editio princeps). Въ листъ, восемь страницъ; на первой — заглавіе, на остальныхъ семи — ода. На второй страницѣ, передъ началомъ текста оды — заставка въ видѣ горизонтально-продолговатаго прямоугольника, окаймленнаго ритмическимъ криволинейнымъ орнаментомъ, не связаннымъ по угламъ. Средину заполняетъ рядъ двуглавыхъ орловъ, а надъ ними — рядъ коронъ. Два горизонтальные ряда пальметокъ заполняютъ промежутки бордюра. Въ концѣ оды — гравированная виньетка, изображающая фигуру Славы, летящей на облакахъ, съ двумя трубами, изъ которыхъ въ одну трубитъ, а другую держитъ въ правой рукѣ. Строфы не обозначены цыфрами, а отдѣлены одна отъ другой тремя звѣздочками.

Великая княжна Анна Петровна, дочь вел. кн. Петра Θедоровича и вел. кн. Екатерины Алексѣевны, родилась 9 декабря 1757 года, и названа *Анной* въ честь своей бабки — дочери Петра Великаго. Екатерина II говоритъ въ своихъ Запискахъ: J'accouchai, le 9 décembre, entre dix et onze heures du soir, d'une fille à laquelle je priai l'Impératrice de permettre qu'on donnât son nom. Mais elle décida qu'elle aurait le nom de la soeur aînée de Sa Majesté Impériale, la duchesse de Holstein,

Anne Petrovna, mère du grand-duc. Celui-ci parut fort aise de la naissance de cet enfant, et en fit dans son appartement de grandes réjouissances, et en fit faire en Holstein, et reçut tous les compliments qu'on lui en fit, avec des démonstrations de contentement. Le sixième jour l'Impératrice tint sur les fonds de baptême cet enfant, et elle m'apporta un ordre au cabinet pour m'apporter 60,000 roubles. Elle en envoya autant au grand-duc, ce qui n'augmenta pas peu sa satisfaction. Après le baptême les fêtes commencèrent. On en donna, à ce qu'on dit, de très belles, и т. д.

Дочь Екатерины II прожила всего годъ и три мѣсяца; она скончалась 8 марта 1759 года.

Кромѣ оды Ломоносова, пророчившей блестящую будущность новорожденной, имя великой княжны Анны Петровны упоминается только въ камеръ-фурьерскихъ журналахъ и въ газетныхъ извѣстіяхъ о ея рожденіи, крещеніи и кончинѣ, да — совершенно неожиданно — въ дѣлахъ тайной канцеляріи.

Въ январѣ 1758 года нѣсколько крестьянъ толковали о томъ, отчего до сихъ поръ «у нихъ въ селѣ не былъ отправляемъ молебенъ о рожденіи благовѣрныя государыни и великія княжны Анны Петровны». Слушая ихъ рѣчи, одинъ изъ крестьянъ сказалъ: «есть о чемъ вамъ говорить, что Богъ пожаловалъ великому князю дщерь Анну Петровну; у меня своя жена Анна Петровна лутче ея». Тайная канцелярія признала его виновнымъ, и порѣшила: чтобы онъ впередъ подобныхъ словъ не говорилъ и «имѣлъ крѣпкую предосторожность и воздержаніе, — бить кнутомъ нещадно»; крестьянъ, которые слышали эти слова, но не донесли о нихъ, — «бить батоги»; доносчика же обязать подпискою, чтобы онъ «впредь о таковыхъ важныхъ дѣлахъ доносилъ въ самой скорости безъ упущенія».

Три драгуна стояли на улицѣ и спроста говорили: «вотъ де какъ великій князь Павелъ Петровичъ родился, то де пожаловано намъ по рублю, а какъ де великая княжна Анна Петровна родилась, то намъ ничего не пожаловали»; на это драгунъ Шипиловъ сказалъ: «она де за то, Богъ дастъ, издохнетъ». Тайная

канцелярія опредѣлила: хотя виновнаго слѣдовало жестоко наказать кнутомъ и ссылкою въ Оренбургъ въ нерегулярную службу; но такъ какъ онъ сказалъ эти слова «заподлинно съ сущей своей простоты, и уже по смерти вел. кн. Анны Петровны, то для предостереженія — бить плетьми нещадно».

(Рукописи Государственнаго Архива. VII. №№ 1854 и 1885.)

Ст. 67—77. Но нынѣ Я скорблю душей,
Зря бури царствамъ толь опасны;
И вижу, что тѣ несогласны
Съ святой правдивостью Твоей.
Присяжны преступивъ союзы
Поправши нагло святость правъ,
Царямъ навергнуть тщится узы
Желанїе чужихъ державъ.
Творецъ, воззри въ концы вселенны,
Воззри на зе́мли утѣсненны,
На помощь страждущимъ восстань,

Относится къ прусскому королю Фридриху II и преимущественно къ его дѣйствіямъ въ Саксоніи. Вторженіе «скоропостижнаго» короля въ Саксонію было для нея истиннымъ несчастіемъ.

Королевскій - польскій уполномоченный министръ графъ Понятовскій говорилъ, въ рѣчи своей при первомъ представленіи, императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ: «Я не хочу представить очамъ вашимъ ужаснаго изображенія земель, противъ святости трактата и въ самое мирное время неправедно похищенныхъ. Но я увѣренъ, что сожалѣніе Вашего Императорскаго Величества сильно возбудится, когда помыслить изволите, что всякій день умножаетъ злополучія и страданія невинной Саксоніи» и т. д.

Русское правительство, объявившее — по выраженію Понятовскаго — праведный гнѣвъ свой противъ государя, поправшаго всѣ законы справедливости, признало нужнымъ ознакомить общество съ бѣдственнымъ состояніемъ Саксоніи, угнетаемой и разо-

ряемой войсками прусскаго короля. Изъ Государственной Коллегіи иностранныхъ дѣлъ прислано въ Академію наукъ слѣдующее распоряженіе: «Письмо о нынѣшнемъ курфирста саксонскаго разореніи отъ насильнаго нападенія прусскихъ войскъ, писанное изъ Дрездена въ Лондонъ, надлежитъ напечатать въ здѣшнихъ Вѣдомостяхъ не токмо на россійскомъ, но на нѣмецкомъ и французскомъ языкѣ. Сего ради требуется, чтобъ приложенное при семъ начало онаго письма конечно въ завтрашнія, а по переводѣ при Академіи и на нѣмецкомъ и французскомъ языкѣ, въ послѣдующія затѣмъ Вѣдомости внесено было. Продолженіе же и конецъ сего письма впредь по частямъ присылаться будетъ».

(Архивъ Академической Канцеляріи. Рукопись № 214. л. 322.)

Требованіе Коллегіи иностранныхъ дѣлъ было исполнено съ точностью: 30 сентября оно получено въ Академіи, а 1 октября появилось въ Вѣдомостяхъ «Письмо изъ Дрездена къ пріятелю въ Лондонъ»; въ послѣдующихъ №№ Вѣдомостей печаталось «Продолженіе письма изъ Дрездена къ пріятелю въ Лондонъ». Въ этомъ пространномъ, основанномъ на достовѣрныхъ данныхъ, письмѣ сообщались всѣ подробности, относящіяся къ «неслыханному и во времена лютѣйшаго невѣжества» образу дѣйствій прусскаго короля. Фридрихъ II «самовластно вступилъ съ войскомъ своимъ въ Саксонію», которая лишена была возможности «противиться такому наглому насильству». Прусскія войска обращались жестоко съ мѣстными жителями, не только съ мужчинами, но и съ женщинами; не пощадили самой королевы. Въ замокъ, гдѣ жила королева, введена была рота прусскихъ солдатъ съ тою единственно цѣлью — какъ объявили оффиціально — чтобы охранять особу Ея Величества, и при этомъ расточаемы были «наисильнѣйшія увѣренія о почтеніи и дружбѣ» со стороны прусскаго короля. Повѣривъ льстивымъ рѣчамъ, она обратилась къ Фридриху II съ просьбою повелѣть вывести прусскихъ солдатъ изъ замка, и оставить попрежнему на всѣхъ постахъ здѣшнюю роту швейцарской гвардіи. Въ отвѣтъ на это Фридрихъ II приказалъ увеличить на всѣхъ постахъ число прус-

скихъ часовыхъ. «Не довольствуясь тѣмъ, что беззаконно завладѣлъ всѣми саксонскими землями, насильно забралъ всѣ здѣшнія денежныя казны, и т. д., онъ прислалъ военныхъ людей, чтобъ насильно отпереть двери здѣшняго Кабинета и забрать всѣ находящіяся въ немъ письма. Ея Величество, ставъ собственною своею особою предъ дверми, тому сопротивилась, и объявила прусскимъ офицерамъ, что войти ихъ не допуститъ, развѣ жива не будетъ», и что такое насиліе «весьма противно толь часто повтореннымъ отъ ихъ государя обнадеживаніямъ объ ея безопасности». Этимъ дѣло не кончилось. Когда королева отправилась въ придворную церковь для слушанія литургіи, прусскіе офицеры «не токмо двери Кабинета насильно отперли, но по выходѣ Ея Величества изъ церкви, отъ нея самой требовали къ одному шкафу ключа, и получа отвѣтъ, что Ея Величество не знаетъ, куда тотъ ключъ дѣвался, призвали слесаря и замокъ разломать велѣли, а напередъ объявили Ея Величеству, что естьли еще болѣе сопротивляться будетъ, то солдаты, несмотря на всѣ о безопасности ея особы данныя обнадеживанія, могутъ сдѣлать какую нибудь обра́зу» и т. д.

На просьбу польскаго короля объ очищеніи Саксоніи Фридрихъ II отвѣчалъ отказомъ, прибавивъ, что у него на это сто причинъ, но исчисленіемъ ихъ онъ не желаетъ утруждать Его Величество; что онъ самъ не можетъ творить чудесъ, а войско его не умѣетъ летать; но впрочемъ онъ питаетъ большое почтеніе и дружбу къ польскому королю, и т. д.

(Санктпетербургскія Вѣдомости. 1756. №№ 79, 80, 83, 84 и др.;—1757. № 3 и др.)

Ст. 91—100. Противныя страны трепещутъ,
Вопль, шумъ вездѣ и кровь и звукъ.
Ужасные Перуны мещутъ
Розмахи сильныхъ Росскихъ рукъ.
О Ты союзна Героиня
И сродна съ нашею Богиня!
По Васъ поборникъ Вышній Богъ.
Онъ правду Вашу защищаетъ,

Обиды наглыя отмщаетъ;
Надъ злобою возвысилъ рогъ.

Относится къ семилѣтней войнѣ и къ союзу Россіи съ Австріей: подъ именемъ «нашей Богини» разумѣется императрица Елисавета Петровна; подъ именемъ «союзной Героини»—Марія Терезія. 22 января 1757 года заключенъ былъ въ Петербургѣ договоръ между Россіею и Австріею, по которому, во время войны съ Пруссіею, Россія должна была выставить восемьдесятъ тысячъ регулярнаго войска, отъ пятнадцати до двадцати линейныхъ кораблей и не менѣе сорока галеръ; Австрія — не менѣе восьмидесяти тысячъ регулярнаго войска; все, что касается военныхъ дѣйствій, плана войны, заключенія мира, и т. п., должно было рѣшаться не иначе, какъ по взаимному согласію союзныхъ державъ — Россіи и Австріи.

Современники Ломоносова считали семилѣтнюю войну «пагубною человѣческому роду», и отвѣтственность за нее возлагали на Фридриха II. Болотовъ говоритъ: «Пролитію толь многой крови человѣческой былъ едва ли не первою и наиглавнѣйшею причиною король прусскій Фридрихъ II. Будучи совращенъ въ молодости своей съ пути истинныхъ добродѣтелей, не успѣлъ онъ вступить на престолъ, какъ восхотѣлъ отнять наглымъ почти и несправедливѣйшимъ образомъ отъ цесарской державы смежную къ себѣ провинцію Шлезію. Онъ напалъ наискоропостижнѣйшимъ образомъ на сію провинцію, утѣснилъ оставшую послѣ императора Карла VI дочь Марію Терезію, и сія утѣсненная и гонимая почти цѣлою Европою государыня принуждена была поневолѣ уступить ему помянутую провинцію. Но какъ лишеніе оной слишкомъ было чувствительно, то сія славная государыня начала помышлять о возвращеніи себѣ помянутой провинціи и нашла средство преклонить на свою сторону многихъ европейскихъ государей и пріобрѣсть въ нихъ себѣ сильныхъ союзниковъ. Употреблены были всѣ способы къ заключенію союза съ Россіею и къ преклоненію ея къ тому, чтобъ и *она вплелась въ сіе*

замышляемое и до нея ни мало не касающееся дѣло. Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, которая, какъ носилась тогда молва, имѣла и безъ того уже нѣкоторую личную на короля прусскаго досаду и ненавидѣла онаго, внушено было столько худого о королѣ семъ, и насказано столько опасностей, предстоящихъ якобы Россіи отъ сего государя, что и не удивительно, что происками цесарскихъ, французскихъ и саксонскихъ министровъ доведена была наконецъ и она до того, что рѣшилась заключить союзъ и помогать цесаревнѣ (Маріи-Терезіи) всѣми силами своего государства».

(Жизнь и приключенія Андрея Болотова. Т. I. стр. 411—414.)

При подобномъ взглядѣ на участіе Россіи въ семилѣтней войнѣ, многіе могли съ полнымъ сочувствіемъ повторять стихъ Ломоносова (ст. 41):

Умолкни нынѣ брань кровава. . .

Ст. 111—129. Правители, судьи внушите,
Услыши вся словесна плоть,
Народы съ трепетомъ внемлите:
Сїе глаголетъ вамъ Господь
Святымъ Своимъ въ Пророкахъ духомъ;
Впери всякъ умъ и вникни слухомъ:
Божественный пѣвецъ Давидъ
Священными шумитъ струнами,
И Бога полными устами
Исайя восхищенъ гремитъ.
Храните праведны заслуги,
И милуйте сиротъ и вдовъ;
Сердцамъ нелживымъ будьте други
И бѣднымъ истинный покровъ;
Присягу сохраняйте вѣрно
Прїязнь къ другамъ нелицемѣрно;
Отверзите просящимъ дверь;
Давайте страждущимъ отраду
Трудамъ законную награду,

Рядъ заимствованій изъ св. писанія, причемъ Ломоносовъ, какъ и всегда, ограничивается самыми общими чертами, удерживая главную мысль своего библейскаго источника, но выражая ее въ свободной поэтической формѣ.

Исаіи. III, 16; XXXI, 9; XXXVII, 6 и мн. др.: Сія глаголетъ Господь.

Псал. IX, 28: Егоже клятвы уста его полна суть, и горести и льсти.

Ис. I, 17: Научитеся добро творити, избавите обидимаго, судите сиру и оправдите вдовицу.

Псал. CXLV, 8—9: Господь любитъ праведники; сира и вдову пріиметъ.

Псал. XIV, 2—4: Глаголяй истину въ сердцѣ своемъ, иже не ульсти языкомъ своимъ и не сотвори искреннему своему зла; кленыйся искреннему своему, и не отметаяся.

Ис. LVIII, 7: Раздробляй алчущимъ хлѣбъ твой, и нищія безкровныя введи въ домъ твой; аще видиши нага, одѣй.

Ис. XL, 10: Господь съ крѣпостію идетъ, и мышца его со властію; се мзда его съ нимъ, и дѣло его предъ нимъ, и т. д.

Ст. 135. Содѣлалъ знаменїе ново

Псал. LXXXV, 17: Сотвори со мною знаменіе во благо.

Ст. 148. Женихъ какъ идетъ изъ чертога,

Псал. XVIII, 6: Яко женихъ исходяй отъ чертога своего,

Ст. 150. Враговъ совѣты раззорю.

Псал. XXXII, 10: Господь разоряетъ совѣты языковъ,

Ст. 157–158. И на размноженной народъ:
Подобно какъ въ Ливанѣ кедры,

Псал. XCI, 13: Яко кедръ, иже въ Ливанѣ, умножится.

По собственному свидѣтельству Ломоносова, имъ написано было и въ 1756 году стихотвореніе на день рожденія императрицы Елисаветы Петровны. Въ запискѣ о своихъ учено-литературныхъ трудахъ въ 1756 году, представленной въ Академію наукъ, Ломоносовъ говоритъ: «Сдѣлалъ проэктъ со Стихами для фейэрверка къ 18 Декабря сего года».

(Матеріалы для біографіи Ломоносова, собр. Билярскимъ. стр. 314.

Въ рукописяхъ академическаго Архива не сохранилось стиховъ Ломоносова; они не появлялись, съ именемъ автора, и въ печати. Самое составленіе проекта было поручено не Ломоносову, а Штелину.

Въ Академію наукъ прислано было требованіе о сочиненіи къ 25 ноября и къ 18 декабря 1756 года, т. е. ко дню восшествія на престолъ и ко дню рожденія императрицы, «приличныхъ прожектовъ фейерверка и иллюминаціи со описаніями на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ». Проекты составлены были Штелиномъ, къ которому непосредственно обратилось артиллерійское вѣдомство. Штелинъ доносилъ академической Канцеляріи: «Оберъ-фейерверкеръ Мартыновъ именемъ генерала-фельдцейгмейстера требовалъ отъ меня инвенціи и рисунка большому фейерверку, который представленъ быть имѣетъ въ высочайшій день рожденія Ея Императорскаго Величества, и я по сему требованію сочинилъ инвенцію фейерверку» и т. д. Вскорѣ послѣдовало распоряженіе, чтобы фейерверкъ, приготовленный на 18 декабря 1756 года, представленъ былъ 1 января 1757 года съ тѣмъ, чтобы «ко учиненному на осьмое-на-десять число декабря прожекту по приличеству того перваго числа генваря приполнить, чтобъ съ тѣмъ временемъ сходно быть могло». Академикъ Штелинъ исполнилъ въ точности возложенное на него порученіе.

(Архивъ Академической Канцеляріи. Рукопись № 214. л. 261—305.)

О празднованіи 18 декабря появилось въ печати такое извѣстіе: «Сего декабря 17 числа Ея Императорское Величество, въ провожаніи знатнѣйшихъ персонъ придворнаго своего штата,

изволила отъѣхать въ Сарское село, и праздновать тамъ высочайшій день своего рожденія, а Ихъ Императорскія Высочества поѣхали въ Ораніенбаумъ, и тамъ равномѣрно праздновали высочайшій день рожденія Ея Императорскаго Величества; а здѣсь (въ Санктпетербургѣ) для сего всерадостнаго дня по окончаніи Божіей службы производилась пушечная пальба съ крѣпости и съ адмиралтейства, и ввечеру всѣ дома въ городѣ иллюминованы были».

(Санктпетербургскія Вѣдомости. 1756. № 103.)

*

XXXV.

ТЕКСТЪ.

С. П.—Собраніе сочиненій Ломоносова. 1757. Книга первая. стр. 183. Надпись 40 и Надпись 41.

Надписи эти впервые появились въ печати въ 1757 году. Ихъ относятъ и къ 1753 году на томъ основаніи, что въ этомъ году Ломоносову и другимъ академикамъ поручено было сдѣлать надписи къ статуѣ императрицы Елисаветы Петровны.

Академикъ Пекарскій говоритъ: «Обычныя порученія Ломоносову по составленію надписей и описаній иллюминацій случались и въ 1753 году. 22 января того года академическому собранію вмѣнено было въ обязанность сочинить надписи къ статуѣ императрицы на конѣ, что и было исполнено Ломоносовымъ 5 марта. Двѣ надписи его «на конное литое изъ мѣди изображеніе ея императорскаго величества государыни императрицы Елисаветы Петровны въ амазонскомъ уборѣ» въ первый разъ напечатаны въ Собраніи разныхъ сочиненій Ломоносова, Москва, 1757 г. Въ іюнѣ мѣсяцѣ того же года нашъ писатель вмѣстѣ съ своими товарищами по академіи Штелиномъ и Поповымъ сочинилъ надпись къ плану Петербурга».

(Исторія Академіи наукъ. 1873. Т. II. стр. 539—540.
Ломоносовъ какъ писатель; сост. А. Будиловичъ. 1871. стр. 33.)

Но Ломоносову было поручено составить надпись не къ конной статуѣ, литой изъ мѣди, а къ изображенію императрицы на планѣ С.-Петербурга.

Въ журналѣ Канцеляріи Академіи наукъ, 19 января 1753 года, № 42:

«На Санктпетербургскомъ большомъ планѣ представлена въ картушѣ Ея Императорскаго Величества статуя на педесталѣ, на которомъ должно здѣлать пристойную къ сему плану надпись, чего ради господамъ профессорамъ и членамъ Академическаго и Историческаго Собранія здѣлать нѣсколько прожектовъ къ такой надписи на русскомъ и на латинскомъ языкѣ».

Въ протоколѣ академическаго собранія, 22 января 1753 года:

Cum in Academia Ichnographia paratur urbis Petropolis in qua Augustissimae nostrae Imperatricis statua in stereobata representanda est, id circo mandato Imperatoriae Majestatis ex Cancellaria Academica Cll. Academicis committitur Inscriptiones quasdam et Latinas et Russicas huic scopo inservientes condere, quae Cancellariae cum relatione tradendae sunt.

Въ протоколѣ академическаго собранія, 5 марта 1753 года:

Ampl. Lomonosowius antequam Moscuam iter suscepit ad Archivum dedit factam vi protocolli die 22 Jan. a se Russico idiomate Inscriptionem in statuae Imperatoriae Majestatis stereobatam inscribendam, quae Inscriptione simul cum ea quam Cl. Popowius exhibuerat Cancellariae cum relatione traditam fuisse, Conventui Archivarius Stavenhagen nuntiavit.

4 марта 1753 года въ Академическую Канцелярію подано слѣдующее донесеніе: «По указу изъ Канцеляріи Академіи наукъ велѣно было Академическому и Историческому Собраніямъ на Санктпетербургской большой планъ, на представленной въ картушѣ Ея Императорскаго Величества статуѣ здѣлать на пидесталѣ по нѣскольку латинскихъ и россійскихъ надписей. Въ Академическомъ Собраніи подали такія надписи: господинъ совѣтникъ и

профессоръ Ломоносовъ да господинъ профессоръ Поповъ; прочіе же господа академики отъ сего дѣла отказались, потому что они въ той наукѣ не упражнялись. А въ Историческомъ Собраніи ни единой надписи не подано было».

Для изображенія императрицы Елисаветы Петровны на планѣ С.-Петербурга, издаваемомъ Академіею наукъ, надо было выбрать портретъ, который бы представлялъ наиболѣе сходства съ оригиналомъ. Выборъ сопряженъ былъ съ немалыми затрудненіями. Сама государыня жаловалась членамъ св. синода, что всѣ портреты ея неудачны. Находчивый Сильвестръ Кулябка, архіепископъ с.-петербургскій, замѣтилъ на это, что ни одинъ художникъ не въ состояніи изобразить ее, потому что «красота ея неописуема». Изъ трехъ портретовъ, препровожденныхъ президенту Академіи наукъ, который находился на ту пору въ Москвѣ, графъ Разумовскій выбралъ портретъ мастера Каравака, приведенный въ малую мѣру Соколовымъ, и снятый съ портрета, которымъ Елисавета была болѣе довольна, нежели другими.

Президенту отправлены были въ Москву и проекты надписей: Ломоносова, Попова, Штелина, и др.

Надпись Ломоносова (собственноручная):

Августѣйшей Императрицѣ
ЕЛИСАВЕТѢ
щедрой
Отеческаго Града
Расширителницѣ
великодушной
Наукъ и Художествъ
Покровител'ницѣ
любовь, вѣрность,
усердїе и благодарность
въ честь и славу
посвящаетъ.

Надпись, составленная Поповымъ:

«Едино отъ чюдесъ Петровыхъ, на болотахъ и топяхъ воздвигнутый великій Градъ миродательница высокославная Его Дщерь преукрашенный Собою симъ изображеніемъ свѣту показуетъ».

Проектъ Штелина:

«Елисаветѣ, всероссійской императрицѣ, августѣйшей, благочестивѣйшей, благополучнѣйшей и милостивѣйшей, матери отечества, наукъ и художествъ — по примѣру въ Бозѣ почившихъ родителей — возставительницѣ щедротнѣйшей» и т. д.

Президентъ одобрилъ самую короткую изъ надписей, именно: «Елисаветѣ I всероссійской императрицѣ, Петра Великаго Дщери, посвящено». Въ ордерѣ президента сказано: «На планѣ и при прочихъ рѣзныхъ на мѣди фигурахъ употреблять впредь ту же самую орѳографію, которая употреблялась прежде — до введенія польской орѳографіи».

(Архивъ Академической Канцеляріи. Рукописи: № 522 и № 178. л. 45—221.
Архивъ Конференціи Академіи наукъ. Картонъ № 7.)

Планъ, о которомъ идетъ рѣчь, вышелъ въ свѣтъ въ 1753 году подъ такимъ заглавіемъ:

— Планъ столичнаго города Санктпетербурга съ изображеніемъ знатнѣйшихъ онаго проспектовъ, изданный трудами Императорской Академіи наукъ и художествъ.—

На планѣ изображена императрица Елисавета Петровна, въ ростъ, въ видѣ статуи, стоящей на пьедесталѣ. Слава вѣнчаетъ ее лавровымъ вѣнкомъ; аллегорическая фигура Россіи взираетъ на нее съ удивленіемъ; внизу у пьедестала — Аполлонъ съ лирой; муза Исторіи высѣкаетъ на пьедесталѣ надпись.

Въ принадлежащемъ перу Штелина «Описаніи картушей, изображенныхъ на великомъ планѣ столичнаго города Санктпетербурга» поясняется: «Представленъ римскій обелискъ съ изображеннымъ въ срединѣ груднымъ портретомъ Ея Императорскаго Величества, на который Слава — какъ въ знакъ своего

благоволенія и своего почитанія, такъ и для изъявленія высочайшаго достоинства дражайшей нашей монархини — лавровый вѣнецъ полагаетъ. На пьедесталѣ монумента изображена *Академія* въ образѣ вновь просіявающаго и прямо стоящаго Аполлина, который подаетъ новый планъ города Санктпетербурга или, для чести Ея Величества, полученную свою, при высочайшей Ея Величества мудрой, благополучной и милостивой державѣ форму и подтвержденіе (Form und Bestätigung) къ обелиску прибиваетъ, и т. д.

На планѣ двѣ надписи, русская и латинская:

Елисаветѣ I Всероссійской Императрицѣ Петра Великаго Дщери посвящено.

Elisabethae I Russorum Imperatrici Petri Magni Filiae sacrum.

— — —

XXXVI.

ТЕКСТЪ.

Первое изданіе (editio princeps). Въ четвертую долю листа, шесть страницъ; на первой—заглавіе; отъ третьей до шестой—ода. Передъ началомъ текста оды — типографская заставка въ видѣ прямоугольной полоски, составленной изъ горизонтальнаго ряда двуглавыхъ орловъ, надъ которыми помѣщенъ такой же рядъ императорскихъ коронъ. Вверху и внизу протянуты одинаковые криволинейные бордюры, а все вмѣстѣ окаймлено симметрически расположеннымъ бордюромъ, въ видѣ рамки, не связанной по угламъ. На послѣдней страницѣ — орнаментальный кончикъ на подобіе рамки изъ завитковъ и листьевъ. Средина занята изображеніями лучезарнаго солнца, луны и звѣздъ; подъ ними облака. Верхнюю часть рамки образуетъ сидящій двуглавый орелъ. Строфы не обозначены цыфрами, а отдѣлены одна отъ другой звѣздочкою съ двумя фигурками по бокамъ — такой же величины и формы, какъ и тѣ, изъ которыхъ составленъ бордюръ.

ВАРІАНТЫ.

Ак.— День во вѣки преславный коронованія всепресвѣтлѣйшія державнѣйшія великія Государыни Императрицы Елисаветы Петровны самодержицы Всероссійскія, именемъ Кенигсбергской Академіи съ глубочайшимъ благоговѣніемъ торжественно

почтенный отъ Іоганна Георга Бока, Профессора Кенигсбергскаго Университа и Академіи Наукъ члена. Переводъ съ Нѣмецкаго языка. Печатано въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ 1758 года.

Въ листъ, четыре страницы; на первой — заглавіе, на остальныхъ трехъ — ода. Передъ началомъ текста оды—типографская заставка совершенно такой же формы, какъ и въ московскомъ изданіи. Въ концѣ текста — небольшой двуглавый орелъ съ коронкою наверху и съ двумя пальметками по бокамъ; подъ коронкою—двѣ звѣздочки, а между ними—нисходящій орнаментъ изъ завитковъ, точекъ и подобія стрѣлки. Строфы не обозначены цыфрами, а отдѣлены одна отъ другой тремя звѣздочками.

Ст. 12. Души́ величество за ону признаваю. (Ак.)
Ст. 44. Какъ скипетръ сопряженъ съ монаршескимъ владѣньемъ. (Ак.)
Ст. 46. Оружїемъ твоимъ подверженнымъ рабамъ (Ак.)
Ст. 60. Усердїе въ сердцахъ ярчае воспалится? (Ак.)
Ст. 62. Являютъ каждыя веселїе души́. (Ак.)
Ст. 65. Богиня, Коей блескъ вседневно восстаетъ (Ак.)

Авторъ оды, переведенной Ломоносовымъ, Бокъ — Johann George Bock (род. 12 мая 1698 г., ум. 7 іюля 1762 г.) былъ профессоромъ «стихотворства» въ кенигсбергскомъ университетѣ. Произведенія Бока пользовались большимъ успѣхомъ въ читающемъ обществѣ и весьма высоко цѣнились тогдашнею литературною критикою. Приводимъ отзывъ одного изъ современниковъ Бока: Seine Gedichte, die er so wohl im Namen der ganzen Akademie bey ihren Feyerlichkeiten verfasset, als auch bey andern Veranlassungen herausgegeben, haben ihm eine Stelle unter den vornehmsten deutschen Dichtern unserer Zeit erworben. Verschiedene davon sind in auswärtige Sammlungen

und Journäle eingerücket und mit vielen Lobeserhebungen bekannt gemacht worden. Ihro jetzt regierende Königl. Preusz. Majestät bezeigeten in einem den 8 Febr. 1753 allergnädigst an ihn abgelassenen Cabinetsschreiben Dero Zufriedenheit über das auf Dero damaliges Geburtsfest abgefassete Gedicht in den huldreichsten Ausdrücken, und versicherten ihn Dero Gnade. Ihro Kaiserliche Majestät Elisabeth Selbstherrscherin aller Reuszen, glorwürdigsten Andenkens, geruheten ein gleiches Wohlgefallen über die auf Dero 1758 gefeyretes Krönungsfest verfertigte Poesie zu bezeigen, и т. д.

(Das Leben des Herrn Johann George Bock, der Königsbergischen Universität Rectoris Magnifici, ordentlichen Professors der Dichtkunst, der Käiserlichen Academie der Wissenschafften in Petersburg Professoris Honorarii und der Königlichen Academie der Wissenschafften in Berlin Mitgliedes. Königsberg. 1762.

D. Daniel Heinrich Arnoldts ausführliche, und mit Urkunden versehene Historii der Königsbergischen Universität. 1746. Zweiter Theil. стр. 404—405, 424 и др.)

Ода Бока была прислана въ Петербургъ въ рукописи, которая и дана была Ломоносову для перевода. Что же касается нѣмецкаго подлинника, то, по всей вѣроятности, онъ никогда не появлялся въ печати. Въ кенигсбергскихъ библіотекахъ (Университетской, Городской, Нѣмецкаго общества, и др.) нѣтъ оды Бока ни въ отдѣльномъ изданіи, ни въ тогдашнихъ журналахъ и газетахъ (Hartungsche Zeitung, Wochentliche Frag-und Anzeigungs-Nachrichten), ни въ Sammlung von Universitäts-Schriften, хотя тамъ находится ода 1759 года, написанная Бокомъ по тому же поводу, т. е. на день коронованія императрицы Елисаветы Петровны. Оды же 1758 года не значится и подъ рубрикою: Hoc semestri aestivo (1758) censurae Decani sequentia scripta sunt subjecta. Въ біографіи Бока говорится: Es hatte auch dieses Gedicht die Ehre in die russische Sprache übersetzet und durch den Druck bekannt gemacht zu werden. Выраженіе: hatte die Ehre относится очевидно къ переводу на русскій языкъ и къ появленію въ печати въ Россіи. Нельзя же считать особенною

*

честью для кенигсбергскаго профессора, что ода его напечатана въ Кенигсбергѣ, и такимъ образомъ сдѣлалась извѣстною нѣмецкимъ читателямъ.

Ода Бока, переведенная Ломоносовымъ, очень понравилась императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, какъ видно изъ слѣдующаго указа, даннаго кенигсбергскому губернатору Корфу, 30 апрѣля 1758 года: «Кенигсбергскаго Университета профессоръ и тамошней же Академіи наукъ сочленъ Іоаннъ Георгій *Бокъ* присланною намъ чрезъ генерала Фермора одою на день нашего коронованія, имъ сочиненною, удостояся нашего благоволенія, мы за его въ томъ къ намъ оказанное усердіе безъ монаршаго взысканія оставить не хотѣли. Вслѣдствіе чего симъ вамъ повелѣваемъ: по пріѣздѣ вашемъ въ Кенигсбергъ, обнадежа его высочайшею нашею милостію, выдать ему въ награжденіе за помянутую оду изъ тамошнихъ доходовъ пятьсотъ ефимковъ, и притомъ ему объявить, что въ бо́льшее показаніе нашего удовольствія мы нашей Академіи наукъ повелѣли почтить его принятіемъ себѣ въ сочлены, на что ему отъ оной и обыкновенный дипломъ пришлется».

«Ефимочной суммы» въ каморѣ не оказалось, и потому Боку выдано «пятьсотъ россійскою рублевою монетою».

30 апрѣля 1758 года данъ былъ указъ о принятіи Бока въ число почетныхъ членовъ академіи наукъ.

На слѣдующій годъ Бокъ обратился къ президенту академіи наукъ, графу Разумовскому, съ просьбою ходатайствовать объ освобожденіи его отъ контрибуціи. Служители музъ — писалъ Бокъ — «упражняются болѣе въ книгахъ и наукахъ, нежели о снисканіи богатства стараются, и я не токмо оставшееся отъ императорскаго награжденія, но и нѣкоторую часть моихъ книгъ, яко единственное мое имѣніе, долженствовалъ бы употребить на заплату подати».

Просьба Бока была уважена, и 8 ноября 1859 года послѣдовалъ указъ губернатору королевства прусскаго Корфу: «Наша Академія наукъ намъ представила, что живущій въ Кенигсбергѣ

тамошняго университета профессоръ и нашей Академіи наукъ членъ Іоганъ Бокъ прислалъ прошеніе, дабы, вразсужденіи недостатковъ его, отъ наложенной на него вмѣстѣ съ протчими прусскихъ городовъ жителями контрибуціи изъ нашего милосердія его выключить. И какъ подлинно сей Бокъ за оказанное къ намъ усердіе удостоился нашей монаршей милости и благоволенія, и мы потому его приняли въ члены нашей Императорской Академіи наукъ, то и въ семъ его прошеніи отказать не хотимъ; но, вразсужденіи его недостатковъ, вамъ чрезъ сіе повелѣваемъ: отъ наложенной на него контрибуціи не токмо его исключить, но естьли уже взысканы съ него какія деньги, оныя ему возвратить, и о томъ ему отъ себя объявить, дабы онъ, чувствуя сію новую нашу къ нему милость, старался новымъ усердіемъ оную заслужить».

(Рукописи Государственнаго Архива. XXV. № 48.
Архивъ Академической Канцеляріи. Рукописи: № 232 и № 247).

Со времени избранія Бока почетнымъ членомъ нашей академіи наукъ между нимъ и академикомъ Миллеромъ завязалась весьма любопытная переписка. Бокъ восхищался русскимъ переводомъ своей оды и спрашивалъ объ имени переводчика; просилъ сообщить ему о свойствахъ и особенностяхъ императрицы, чтобы въ одахъ своихъ, не прибѣгая къ общимъ мѣстамъ, онъ могъ изображать то, что существуетъ въ дѣйствительности, и т. д. Бокъ писалъ Миллеру:

Hochedelgebohrner Herr Professor
Hochzuehrender und Höchstgeneigter Herr.

Ew. Hochedelgebohren haben mich ohnlängst der Ehre Ihrer Bekanntschafft gewürdiget, und ich schätze solche dermaszen hoch, dasz ich mir nichts eifriger alsz die Fortsetzung derselben wünsche. Der Begriff von dero edlen Charackter giebt mir die Hofnung, Sie werden es sich nicht miszfallen laszen, wenn sich die Universitaet zu Königsberg in ergebenster Zuversicht eine Nachricht erbittet, wie es dorten die Akademie zu St. Petersburg

mit den jährlichen Staats Festen halte, welche man darunter allda feierlich begehe, ob das Namens-und Geburts Fest der Kaiserlichen Majestät allein, oder auch des Grosz Fürsten von der Akademie celebriert werde, auf was Art und mit welche ceremonie solches geschehe, ob man dabeÿ eine öffentliche Rede halte, selbige auch mit einer Poesie begleite, und in welcher Sprache beÿdes verrichtet werde. Unsre Universitaet wird sich für diese gegebne Noticen um so viel mehr verbunden achten, da sie bey Abstattung ihrer devotion ihre Maaszregeln hiernach zu nehmen gedenket. Mir würde es überausz viel daran gelegen seyn, wenn Ew. Hochedelgebohren mir ausz unverdienter Güte von der Höchsten Person der Allerdurchlauchtigsten Monarchin eine moralische Abschilderung ertheilen, und die besondern und fürtrefflichsten Eigenschafften anzeigen mögten, wodurch Sich dieselbe von viel andern gekrönten Häuptern unterscheiden. Anbeÿ würde mir auch eine etwas genauere Könntnisz von des Groszfürsten Kaiserlicher Hoheit wünschen. Es mangelt uns hierin an zuverläszigen Nachrichten. Wie kann aber wohl ein Redner oder Dichter den Abrisz eines Originals lebhafft entwerfen, welches ihm nicht bekannt genug ist. Wie leicht kann es geschehen, dasz, wenn er sich nur mit idealischen Vorstellungen behilft, er alszdann das Beste vorüberläst oder auch die Copeÿ dem Urbilde nicht ähnlich macht. Vor einigen Tagen ist mir eine Uebersetzung meiner auf den Krönungstag der Kaiserin verfasten Poesie in russischer Sprache zu Händen gekommen; ich habe mich höchstens gewundert, zu welcher Höhe bereits diese Sprache gestiegen, und mögte gern den Namen des überausz geschickten Uebersetzers wiszen. Ob des seeligen Prof. Junckers Gedichte in Petersburg zusammen herauszgekommen, oder ob sie dort noch einzeln zu haben wären, solches mögte sehr gern erfahren. Jedoch ich musz billig besorgen die Geduld und Gewogenheit Ew. Hochedelgebohren zu miszbrauchen, wenn ich so wiel Bitten auf einander häufe, und flehe vielmehr beÿ diesem Zeitwechsel die Göttliche Huld an, dasz sie über Dero höchstwehrteste Person

Väterlich wachen, Ihnen Krafft und Jahre mehren und den Zuflusz alles himmlischen Seegens schencken wolle, unter welchen Anwunsch ich von gantzem Herzen unaufhörlich beharren werde, Ew. Hochedelgebohrnen.

Meines Höchstzuehrenden und Höchstgeneigten

Herrn Professors

Treuergebenster Diener

Königsberg in Preuszen.
den 21 December
1758.

I. G. Bock.

Миллеръ отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ, которое приводимъ по черновому подлиннику:

H. Prof. Bock.

Auf Ew. Hochedelgeb. geehrtestes vom 21 Decbr. diene in Antwort, dasz bey unserer Academie zwar in den Institut. festgesetzet ist, 3 Mahl im Jahr, als mit Januarii, mit Maii und mit Septembr. öffentliche Zusammenkünffte zu halten, solche aber bisher noch niemahls alle gehalten werden; sondern dasz man sich meistentheils begnüget nur eine, und höchstens zwey, zu halten, dabey die Einrichtung diese ist, dasz der President und die Glieder der Academie in einem halben Monde an einem Tische sitzen, und die Zuhörer vor demselben auf Stühlen. Da einer oder zwey von den Mitgliedern ohne ihre Stelle zu verlaszen gelehrte Abhandlungen vorlesen, deren Vorrede und Schlusz zum Lobe des allerdurchlauchtigsten Stiffters und dero jetzt glückseelichst regierende Kayserin abzielen. Dieses aber geschiehet nicht so sehr um die Staatsfeste zu feyern, als vielmehr der bey andern Academien der Wissenschafften hergebrachten Gewohnheit zu folgen. Indesz da den 5. Septbr. das hohe Namensfest Ihro Kayserl. Mayest. einfällt, so pfleget die auf den September angesetzte öffentl. Versammlung gemeiniglich Tages darauf gehalten zu werden. Doch sind auch zuweilen auf das Krönungsfest und auf Petri-Pauli öffentl. Versammlungen gehalten worden, wenn die Umstände es veranlaszet haben. Eine Schrifft unter dem

Titul: Portrait naturel de l'Imperatrice de Russie glorieusement regnante, welche zu Hamburg 1742 in 4to gedruckt ist, und einen hiesigen vornehmen Herrn zum Verfaszer hat, wird Ew. Hochedelgeb. für das übrige ein Genüge thun. Ich werde aber bey nächster Gelegenheit auch einige hiergedruckte piecen übersenden, woraus man sich weiter Raths erholen kann. Darunter wird auch ein Gedicht des seel. Hr. Hoffkammerraths Junkers seyn, welches er den 29 April 1742 in einer öffentl. Versammlung der Academie abgelesen. Es ist zwar eine Sammlung von allen desselben Gedichten zu drucken beschloszen gewesen, aber nicht zum Stande gekommen. Die russische Uebersetzung der von Ew. Hochedelgeb. verfertigten Poesie hat DH. Rath Lomonossow zum Verfaszer. Eben also habe ich auch des Hr. Prof. Werners Rede russisch übersetzen laszen und unsern monathl. Abhandlungen, die in russ. Sprache herauskommen, einverleibet.

(Архивъ Конференціи Академіи наукъ. Изъ бумагъ Миллера; портфель № 4).

11 января 1758 года Кенигсбергъ былъ взятъ русскими войсками. Генералъ Ферморъ доносилъ: «Всѣ здѣшніе начальные и чиновные люди встрѣтили меня въ зáмкѣ и отдались съ глубочайшей покорностью въ протекцію Вашего Императорскаго Величества. При вступленіи полковъ въ городъ съ распущенными знаменами производился во всемъ городѣ колокольный звонъ, играли на трубахъ и литаврахъ по башнямъ, а мѣщане, поставленные въ парадъ, отдавали честь ружьемъ съ барабаннымъ боемъ и музыкою. Въ тожъ самое время принесены ко мнѣ отъ здѣшняго правительства ключи здѣшней цитадели Фридрихсбурга и Пилавской крѣпости» и т. д.

Императрица Елисавета торжественно объявила, что, хотя «свѣтъ можетъ быть ожидалъ бы, что взирая на чинимыя королемъ прусскимъ, особливо въ Саксонскихъ земляхъ, ужасныя раззоренія, учинимъ достойное за то возмездіе въ Пруссіи; но мы повелѣли никому ни малѣйшихъ обидъ, утѣсненій и озлобленій не дѣлать».

Въ рескриптѣ кенигсбергскому губернатору Корфу сказано, что, несмотря на то, что страна нами завоевана, мы желаемъ «навсегда оставить въ ней память нашего великодушія и милосердія» и т. д.

(Санктпетербургскія Вѣдомости. 1758. №№ 6, 20, 21 и др. Сенатскій Архивъ въ Петербургѣ. Высочайшіе указы. Кн. 91. л. 66).

Любопытныя подробности о пребываніи русскихъ войскъ въ Кенигсбергѣ мы находимъ въ запискахъ Болотова. Изъ нихъ узнаемъ, что «Кенигсбергъ мы себѣ прочили на должайшее время и можетъ быть на вѣкъ». На монетномъ дворѣ въ Кенигсбергѣ дѣлались деньги, на которыхъ съ одной стороны былъ изображаемъ грудной портретъ императрицы Елисаветы Петровны, а на другой—прусскій гербъ, одноглавый орелъ: «деньги наши стали несравненно лучше ходить, нежели тѣ обманныя и дурныя, какими прусскій король отягощалъ всѣ свои земли». Въ кенигсбергскихъ церквахъ, вмѣсто прусскаго королевскаго дома, молились о русской государынѣ и объ ея наслѣдникѣ, и т. д.

Въ именномъ указѣ генералъ-губернатору всей Пруссіи говорится:

«Городъ Кенигсбергъ при его привилегіяхъ, вольностяхъ, правахъ и преимуществахъ защищаемъ будетъ.

Академія при своихъ доходахъ, и какъ учители, такъ и учащіеся, при своихъ вольностяхъ и преимуществахъ ненарушимо оставляются» и т. д.

(Жизнь и приключенія Андрея Болотова. стр. 661 и слѣд. Прибавленіе къ Санктпетербургскимъ Вѣдомостямъ, 10 марта 1758 года, и др.).

Признательный университетъ устраивалъ въ своихъ стѣнахъ празднества въ честь русской императрицы. Въ дни рожденія, тезоименитства и коронованія Елисаветы Петровны происходили въ кенигсбергскомъ университетѣ торжественныя собранія, въ которыхъ академическіе ораторы восхваляли мудрость, кротость и вѣротерпимость дочери Петра Великаго. По тому же поводу

написано профессоромъ Бокомъ нѣсколько похвальныхъ одъ. Одинаковыя по духу, онѣ большею частью сходны между собою и по внѣшней формѣ: строфы состоятъ изъ восьми стиховъ; первый стихъ риѳмуетъ со вторымъ, третій съ четвертымъ, и т. д. Такія же строфы и такой же порядокъ риѳмъ и въ русскомъ переводѣ Ломоносова. Въ общихъ похвалахъ Елисаветѣ встрѣчаются черты, указывающія на ея личную судьбу:

Durchforscht den langen Kreisz der uns bekannten Zonen,
Wo über Land und Volk nur immer Häupter thronen;
Wenn ihr das Gute nun an allen überzählt,
So zeigt die Kaiserin was doch den meisten fehlt. . . . .
Wie wäre sonsten doch des Petrus Gruft entehrt?
Wenn man dem Blut geraubt was ihm doch zugehört,
Wenn man der Fürstin sich aus Boszheit wiedersetzet,
Die selbst durch keinen Blick die Menschenpflicht verletzet?. . . .
Musz die verhängte Last, soll der Verfolgungstein,
Zum Thron Elisabeths die erste Stuffe seyn?
Musz Sie erst durch Geduld, so wie das Mark der Erden,
Wie Ihrer Krone Gold, zuvor geprüfet werden? . . . . . .

Оды Бока считались въ свое время образцовыми, а такъ какъ при оцѣнкѣ лирическихъ произведеній Ломоносова надо имѣть въ виду современное ему состояніе европейской и преимущественно нѣмецкой лирики, то мы приводимъ ту изъ его одъ, которая имѣетъ наибольшую связь съ одою, переведенною Ломоносовымъ, и составляетъ притомъ библіографическую рѣдкость.

AN

DEM KRONENFESTE

DER

ALLERDURCHLAUCHTIGSTEN GROSZMÄCHTIGSTEN

FÜRSTIN UND GROSSEN FRAUEN

ELISABETH DER ERSTEN

KAISERIN UND SELBSTBEHERRSCHERIN

ALLER REUSSEN

BEZEIGETE

IM NAMEN DER KÖNIGSBERGISCHEN AKADEMIE

DIE ALLERUNTERTHÄNIGSTE PFLICHT

JOHANN GEORGE BOCK

DER KAISERLICHEN AKADEMIE ZU ST. PETERSBURG MITGLIED

UND DER

UNIVERSITÄT ZU KÖNIGSBERG PROFESSOR ORDIN.

1759 DEN $\frac{25 \text{ APRIL}}{6 \text{ MAY}}$

KÖNIGSBERG,

GEDRUCKT MIT HARTUNGISCHEN SCHRIFTEN.

Wer nennt Elisabeth, und preiset nicht zugleich
Das durch die Kaiserin erwünscht gekrönte Reich?
Dem selbst des Himmels Hand in der Monarchin Leben
Von seiner zarten Huld ein Ebenbild gegeben;
In welcher sich ein Geist mit milder Kraft bewegt,
Der Sie zur Ewigkeit auf sanften Flügeln trägt,
Den nichts so süsz bemüht, als sein erhabnes Denken
Auf das regierte Land und auf sein Volk zu lenken.

Für Kronen dieser Art gehöret eine Zeit
Die nicht was wiedriges in ihre Würkung streut;
Ihr eignes Licht wird zwar nicht an sich selbst vermindert,
Wenn ein Gewölke schon den vollen Ausstral hindert;
Doch bleibet der Verlust für uns beklagenswehrt,
Wenn sonst ein Zufall sie mit einer Last beschwehrt,
Wenn sie darüber auch Minuten nur verliehren,
Der Erden wahres Wohl viel weiter auszuführen.

Was hätte Petrus nicht an Wundern mehr vollstreckt?
Vielleicht wär eine Fahrt im Eiszmeer schon entdeckt,
Manch Rätzel der Natur dem duncklen Flohr entrissen,
Wenn er nicht sein Bemühn der Unruh opfern müssen;
Er hätte, statt dasz er an Sturm und Schwerdt gedacht,
Ein neu Athen vielmehr beglückt hervorgebracht;
O dasz die Fügung nicht bey unzertrenntem Frieden
Den ganzen Lebenslauf für diesen Held beschieden.

Die Weiszheit liebet Ruh; ein blutgedüngtes Feld
Ist nicht der Grund für sie der ihre Saat erhält;
Fliest von des Cäsars Stahl zugleich der Völker Seegen?
Trägt denn die Sanftmuth nicht auch eine Kron entgegen?
Schmückt diese nicht noch mehr als wie ein würgend Schwerdt?
Ist nur die Tapferkeit allein der Palmen wehrt?
Und musz die Tugend nur um sich recht grosz zu zeigen,
Zuvor auf einen Berg zerfleischter Körper steigen?

Die Waffen öfnen nicht die Ehrenbahn allein;
Man kann in Thaten grosz auch sonder Harnisch seyn;
Auch ausser einer Reih zur Schlacht entbrennter Schaaren,
Läst sich ein Heldensinn verherrlicht offenbahren:
Wer Länder glücklich macht, wer die Begierden dämpft,
Verewigt sich so starck als der im Felde kämpft;
Der wahre Ruhm darf nicht erst einen Altar brauchen,
Wo die Verwüstung glüht und Menschenopfer rauchen.

Huldreichste Kaiserin, Dein himmlisch holder Muth
Stimmt der Gesinnung nach mit keiner Kriegesgluth;
Für Dich gehöret nur ein lichter Siegeswagen,
Den weiche Schwanen ziehn, die Blumenkränze tragen;
Ja stelle Dich erzürnt, sey ernsthaft wie Du willt,
Auch in dem Pulverdampf bleibstu der Liebe Bild;
Ein Amozonenkleid mag Dich zu Pferde schmücken,
Die Gnade läst sich doch aus blauen Augen blicken.

Der Krieg, der andern oft die Menschlichkeit erstickt,
Hat keinen Zug von ihr noch Deiner Brust entrückt;
Auch Waffen müssen Dir nicht Deinen Vorsatz stöhren,
Ein Uebel für die Welt nicht härter zu vermehren;
Und mischte sich auch schon ein strenger Vorfall ein,
So kann er Dir dennoch nicht beygemessen seyn;
Den Lorber übersteigt Dein göttliches Gemüthe,
Bey Feldtrompeten selbst erschallt mehr Deine Güte.

Mit Recht hat Lucian den Aberwitz verlacht,
Der aus dem wüsten Mars sich einen Gott gemacht;
Das gröste Wesen ist das gröste selbst an Liebe;
Du folgest seiner Bahn mit unverlasznem Triebe;
Dadurch vermählest Du Dich mit dem höchsten Gut;
Zu Edens Herrlichkeit führt nicht ein Strom von Blut;
Nach späten Zeiten soll Dein Denkmal dieses werden:
Die beste Kaiserin, die wahre Lust der Erden.

Брошюра, изданная подъ заглавіемъ: Portrait naturel de l'impératrice de Russie, по своему содержанію и тону, составляетъ какъ бы программу для сочиненія торжественныхъ одъ и похвальныхъ рѣчей въ честь императрицы Елисаветы Петровны. Именно въ такомъ смыслѣ Миллеръ и предлагалъ ее въ руководство стихотворцу, пожелавшему выйти изъ колеи общихъ мѣстъ и держаться исторической истины, насколько это было возможно при тогдашнихъ литературныхъ требованіяхъ. По прямому отношенію этой брошюры къ нѣкоторымъ изъ одъ Ломоносова, по сходству многихъ чертъ и по значенію, которое придавали ей современники, считаемъ нелишнимъ помѣстить, въ видѣ приложенія, эту библіографическую рѣдкость, невстрѣчающуюся въ самыхъ богатыхъ собраніяхъ произведеній, относящихся къ Россіи и писанныхъ на иностранныхъ языкахъ.

PORTRAIT
NATUREL
DE
L'IMPERATRICE
DE RUSSIE
GLORIEUSEMENT RÉGNANTE.

A HAMBOURG
CHEZ PETIT ET DUMOUTIER.

PORTRAIT
DE L'IMPERATRICE DE TOUTES LES
RUSSIES.

C'est une princesse digne du trône qu'elle occupe, s'il en fut jamais: tant par sa naissance, que par ses eminentes qualités et grandes vertus. Quelque grande et respectable qu'elle soit par le

premier titre, elle l'est encore bien plus par le second: l'homme n'etant jamais grand, qu'autant, qu'il a de la vertu et du merite: la naissance, quelqu'estimable, qu'elle soit, etant toujours un effet du hazard. Pour éclaircir cela, il faut faire une peinture des qualités du corps et de l'ame de cette grande et digne princesse. Elle a la taille haute, par dessus de la moyenne; bien proportionnée a son embonpoint, qui en releve la richesse.

Elle a le port noble et majestueux, avec un air qui persuade d'abord, qu'elle est née pour le trône.

Elle a le tour du visage rond: le regard riant et gracieux: le teint beau et blanc; a qui le vermeil des joues donne un eclat et une vivacité merveilleuse. Elle a les yeux bleux, beaux et perçans: la bouche petite: les levres vermeilles: la gorge des mieux formées: le bras bien fait: la main belle; qu'elle donne a baiser avec tant de grace et de bonté, que personne de ceux, qui ont l'honneur d'y etre admis, ne sçauroit s'acquiter de ce devoir, qu'avec un respect et une attention toute particuliere, a moins que d'avoir le coeur de glace.

Quand elle est habillée en homme, ce qui arrive quelques fois, et regulierement le jour anniversaire de l'etablissement de ses gardes, faisant alors l'honneur aux officiers de les faire diner avec elle, on lui voit la jambe tres bien tournée: aussi danse-t-elle avec tant de legereté et de grace, que l'on ne peut pas le voir, sans l'admirer.

Elle se tient aussi tres bien a cheval, qu'elle sçait manier avec beaucoup d'adresse. Officiers et soldats que ne feriés vous pas, si vous eussiés le bonheur, de voir un jour cette heroïne a votre tête, et d'etre menés par elle vers l'ennemi!

Je suis garant, que vous surpasseriés vos forces, et que le sang et la vie ne vous couteroient rien a repandre pour cette divine fille de Mars et de Pallas.

Passons des qualités du corps a celles de l'ame et de l'esprit; toujours preferables aux premieres.

Elle a l'esprit vif et penetrant, avec un jugement net; ce qui

la fait raisonner solidement sur toutes sortes de matieres; aimant a parler et parlant bien.

Elle est d'une humeur agreable et enjouée; ce qui joint a sa grande affabilité et bonté lui attire les coeurs de tout le monde.

Outre sa langue naturelle, elle en parle plusieurs etrangeres; s'expliquant, qu'on ne peut pas mieux, en alemand et en françois.

Elle entend l'italien; je ne sçaurois dire, si elle le parle, aussi entretient elle un opera italien, des plus beaux, qui soient en Europe, et une excellente troupe de comediens françois.

Toute la terre a admiré sa conduite sage et circonspecte, lorsqu'aprés la mort de l'empereur Pierre Second, elle se vit exclue du trône de ses augustes parens. Tems d'adversité et de soufrance, qui dura pres d'onze ans, pendant lequel elle eut besoin de toute la prudence humaine pour conserver sa liberté et son droit. Sa prudence est soutenue par une fermeté mâle et un courage heroïque; qualités, qu'elle fit briller a travers de l'obscurité de la nuit, memorable a jamais, dans laquelle la courageuse resolution de revendiquer le trône fut executée avec une hardiesse et un bonheur, dont on ne trouve pas d'exemple dans les histoires.

Que dirai-je de sa douceur et de sa clemence? en voici un fait parlant:

Un de ses ministres, homme d'un grand sçavoir et merite, craignant d'etre envelopé dans la disgrace d'un de ses plus proches parens, envoié en Siberie (selon l'ancienne methode de ce pais la) en fut quite, pour etre congedié par le senat. Il alla se jetter aux pieds de Sa Majesté, pour l'en remercier dans des termes les plus humbles et les plus respectueux. Elle, aprés lui avoir ordonné de se relever, lui dit: ce n'est pas comme cela, que je l'entends: tu seras conservé, pour vu que tu ne te mêle de rien dans l'affaire de tes parens: en même tems elle lui confera une des plus considerables charges auprés de sa personne, et l'honora du cordon de l'ordre de St. André.

Preuve, qu'elle haït le crime, sans haïr le criminel; et qu'elle

sçait punir selon les regles de la justice, le coupable et pardonner selon celles de la prudence, en sauvant l'innocent. Grande science et qualité en celui, qui tient le gouvernail d'un etat!

Autre exemple des sentimens de benignité, et de son naturel doux et débonnaire: Un jour etant allée voir son cabinet d'armes, on lui montra le glaive d'un bourreau, par lequel il s'etoit affranchi, selon la coutume des gens de cette profession; a quoi elle repondit: cela n'arrivera pas, j'espere, sous mon regne.

Dignes paroles d'une princesse, amie de son peuple; et image de la Divinité, qui voudroit qu'aucun mortel fut perdu! Aussi, dit-on, n'y a-t-il pas encore d'exemple, qu'elle ait signé une sentence de mort: semblable en cela a cet empereur romain, qui, quand il etoit obligé d'y souscrire, avoit coutume de dire: Plût a Dieu que je ne sçeusse point ecrire!

Avec quelle grandeur d'ame, relevée par des marques d'humanité et de compassion, en reflechissant sur l'inconstance des choses de ce monde, ne l'avons nous pas veue assister, et verser des pleurs, aux funerailles, qu'elle fit a la princesse Anne, ci-devant regente, au couvent de St. Alexandre Nevski,—suivant l'exemple d'Alexandre le Grand, qui pleura amerement la mort de Darius, son plus grand ennemi.

Elle a un grand fond de religion etant devôte, sans etre bigôte ni superstitieuse; d'ailleurs tres adonnée au culte de son eglise; en observant exactement les jours de fêtes et de jeune, avec les autres ordonnances, et assistant aux exercices de pieté fort regulierement.

Elle a le gout exquis: ce qui paroit, non seulement dans ses ajustemens et parures, mais encore dans ses festins, et dans tous les ouvrages qu'elle ordonne; ou le bon gout et la magnificence se trouvent egalement etalés; et l'on ne voit pas en Europe une cour plus leste et plus brillante que la sienne.

Elle aime les sciences et les arts; entre autres, la musique, la peinture, et les beaux tableaux, qu'elle fait recueillir de tout coté.

On ne sçauroit assez prôner son coeur genereux et reconnoissant a l'egard de ses fideles serviteurs.

Tous ceux, qui ont donné des preuves de leur attachement et zéle pour la personne de la princesse Elisabeth, se trouvent comblés de bienfaits par l'imperatrice première de ce nom: a l'exemple de cette incomparable Elisabeth d'Angleterre, le plus beau modéle de reines, qui fut au monde: laquelle, selon ceux, qui ont eternisé sa memoire et ses vertus, n'oublia jamais les services lui rendus dans le tems, qu'elle vecut en personne privée; ne bornant pas ses recompenses aux personnes de ceux qui l'avoient servie, mais gratifiant leurs femmes, leurs enfants, et même leurs parens de ce qu'ils auroient pû esperer eux mêmes, s'ils avoient eté en vie: aussi alluma-t-elle par là dans les coeurs de ses sujets un zéle et un amour des plus ardens et des plus tendres.

De tant de belles qualités de corps et d'ame est douée cette grande et adorable imperatrice!

Je n'aurois jamais fait, si je voulois les détailler toutes exactement.

Mais il faut une plume mieux taillée que la mienne pour en etre un digne herault.

Je finis dont par l'apostrophe de la reine d'Arabie au roi Salomon: heureux ceux, grande et digne imperatrice, qui ont le bonheur de t'approcher sans cesse, et d'etre temoins de ta sagesse et de tes vertus!

XXXVII.

ТЕКСТЪ.

Рит. IV.— Собраніе разныхъ сочиненій Михайла Ломоносова. Книга вторая, въ которой содержится Краткаго руководства къ краснорѣчію раздѣленіе первое, состоящее изъ Риторики. 1759 года. § 270. стр. 180—181.

Приводится какъ примѣръ въ главѣ о расположеніи по силлогизму:

«Вмѣсто причины можно положить распространеніе какой нибудь изъ ней знатной Идеи, которая имѣетъ принадлежность къ терминамъ, составляющимъ посылку, какъ въ сей Ентимемѣ: *Тварей изслѣдовать не можемъ, слѣдовательно и Творецъ есть непостижимъ*, распространить можно Идеи о нóчи, о мирѣ и о сѣверномъ сіяніи. Сюда принадлежатъ и слѣдующіе стихи, сочиненные въ Петергофѣ на Петровъ день 1759 года.

Взойди веселый духъ на ону высоту,
Гдѣ видѣть можно лѣтъ Петровыхъ красоту;
Парящія простри на нынѣшней день мысли,
Желанія къ нему и плески всѣ исчисли. и т. д.

Въ первомъ изданіи Риторики въ примѣръ подобнаго распространенія Ломоносовъ приводитъ оду, которой впослѣдствіи далъ такое заглавіе: «Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ, при случаѣ великаго сѣвернаго сіянія».

XXXVIII.

ТЕКСТЪ.

К.—Сборникъ Казанскаго университета. № 23. стр. 59—60. Заглавіе: «Ломон. Злобное примиреніе г. Сум. съ г. Тред.». Въ Реестрѣ: «Лом. соч. Лом. Злобное примиреніе г. Сум. съ г. Тред.».

М.— Портфели Миллера въ Московскомъ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. № 414; тетради № 16. Заглавіе: «Злобное примиреніе».

Напечатано въ Москвитянинѣ. 1854. Отд. IV. Историческіе матеріалы. Любопытные документы изъ портфелей Миллера.— Документы эти доставлены въ редакцію Москвитянина С. П. Шевыревымъ.

Q.— Сборникъ Императорской Публичной Библіотеки. Q. XVII. № 168. Въ числѣ стихотвореній, помѣщенныхъ на л. 23 об.—26. Заглавіе: «Злобное примиреніе».

F.— Рукописный Сборникъ А. Ѳ. Бычкова. стр. 154. Заглавіе: «Стихи на миръ Сум. съ Тред.».

Ст. 3. Чтобы три фуріи, вмѣстившись на Парнасъ (F)

Ст. 4. Затмили крикомъ музъ россійскихъ чистый гласъ (Q.)

Ст. 8. Картавилъ, шепелялъ, качался и мигалъ (К.)
Картавилъ и сопѣлъ, качался и мигалъ (F.)

Ст. 13—16. Чего не можешь ты начать, о зависть злая!
Но истина стоитъ недвижима святая.
Коль золъ, коль лживъ, коль подлъ Аколастъ и Сотинъ,
Того не знаетъ лишь ихъ гордый нравъ одинъ.

Стиховъ этихъ нѣтъ ни въ *M*, ни въ *Q*, ни въ *F*.

Ст. 18. А нынѣ доказалъ, что самъ ему подобенъ.

Стиха этого нѣтъ ни въ *M*., ни въ *Q*.

Ст. 19. Кто быть желаетъ нѣмъ и слышать наглыхъ вракъ, (M.)

Ст. 20—21. Межъ самохвальными съ умомъ прослыть durакъ,
Сдружись съ породой сей: кто хочетъ съ ними знаться, (F.)

Эпиграмма: «Злобное примиреніе» приписывается въ Казанскомъ Сборникѣ Ломоносову; въ другихъ спискахъ нѣтъ имени автора. Помѣщая въ Москвитянинѣ стихотвореніе по списку Миллера, С. П. Шевыревъ говоритъ: «Хотя имя Ломоносова не обозначено, но фактура стиха, языкъ и извѣстныя современныя отношенія ясно обнаруживаютъ автора. *Злобное примиреніе* относится вѣроятно къ тому времени, когда Сумароковъ вступилъ въ союзъ съ Тредьяковскимъ противъ Ломоносова, и сталъ въ Трудолюбивой Пчелѣ нападать на его оды».

Примиреніе Сумарокова съ Тредьяковскимъ могло быть названо «злобнымъ» по отношенію къ Ломоносову. Общая ненависть весьма сильно связываетъ людей, и для новыхъ союзниковъ связующимъ звеномъ явился Ломоносовъ. Было время, когда Сумароковъ ставилъ его неизмѣримо выше Тредьяковскаго, и величая Ломоносова русскимъ Малербомъ и Пиндаромъ, подсмѣивался надъ

нескладными виршами Тредьяковскаго, и называлъ его жалкимъ педантомъ Штивеліусомъ. Но времена перемѣнились; старая вражда забыта, и литературные противники рѣшились дѣйствовать за одно.

Въ 1759 году Сумароковъ предпринялъ повременное изданіе подъ названіемъ: *Трудолюбивая Пчела.* Однимъ изъ сотрудниковъ новаго журнала былъ Тредьяковскій. Помѣщая статьи его въ своемъ изданіи, Сумароковъ показывалъ свое единомысліе съ давнимъ врагомъ Ломоносова, да и самъ редакторъ былъ не прочь уязвить писателя, съ которымъ были у него старые счеты. Въ іюньской книжкѣ Трудолюбивой Пчелы появилась статья Тредьяковскаго: «О мозаикѣ». Статья эта задѣла за живое Ломоносова и послужила однимъ изъ поводовъ къ эпиграммѣ его на Тредьяковскаго. Объясняя, какъ филологъ, происхожденіе общепринятаго названія, Тредьяковскій говоритъ: «Мозаикъ (Mosaique) есть имя Французское, которое происходитъ отъ Латинскаго Музаикумъ (Musaicum), или правѣе и чище Музивумъ (Musiuum), а при обоихъ сихъ Латинскихъ названіяхъ, надлежитъ приразумѣвать Латинскую жъ рѣчь Опусъ (Opus), значащую по нашему, дѣло: и такъ, Музаикумъ или Музивумъ опусъ, есть музаическое или музивное дѣло, и музаическая, и музивная работа. Прежнее и у насъ имя Мозаику было Мусія безъ сомнѣнія съ Латинскаго; а Латинское оное достовѣрно жъ отъ Греческаго слова или евмусіи (ἐυμεσιας), или отъ мусонъ (μουσῶν), по нашему отъ Музъ то есть отъ согласія, да не въ пѣніи, но въ сочетанномъ приборѣ маленькихъ жеребейковъ, складно и ладно между собою сопряженныхъ». Затѣмъ излагаются краткія свѣдѣнія о различныхъ родахъ мозаики, и статья, или—точнѣе—статейка, Тредьяковскаго оканчивается слѣдующею замѣткою: «О времени Мозаика, въ кое онъ начался, и о мѣстѣ, гдѣ прежде всѣхъ начатъ, нѣтъ ничего точнаго въ Писателяхъ. Можно токмо заключить, по многимъ имовѣрнымъ обстоятельствамъ, что полы стали выстилать Мозаикомъ прежде въ древнѣйшемъ Египтѣ; по томъ въ Греціи; а у Греціи переняла послѣ Италія. Но Мозаикъ, подра-

жающіи живописи, можетъ быть вымышленъ и приведенъ въ совершенство особливо въ Римѣ: ибо въ немъ, по самой большой части, видимы остатки древняго Мозаика, служащіе нынѣшнимъ художникамъ образцами. Напослѣдокъ, живопись, производимая малеваніемъ, весьма превосходнѣе Мозаичныя живописи, по разсужденію славнаго въ ученомъ свѣтѣ Автора: ибо не возможно, говоритъ онъ, подражать совершенно камешками и стеклышками всѣмъ красотамъ и приятностямъ, изображаемымъ отъ искусныя кисточки на картинѣ изъ масла, или на стѣнѣ, такъ называемою Фрескою, изъ воды по сырой извести».

(Трудолюбивая Пчела. Іюнь 1759 года. стр. 353—360.)

Чтобы понять, отчего подобная статья вызвала такое сильное раздраженіе, надо имѣть въ виду, что судьба мозаики въ Россіи была жгучею злобою дня, не дававшею покоя Ломоносову. Въ ту пору дѣло о мозаикѣ — объ устройствѣ стекляной фабрики — было въ самомъ разгарѣ. Мнѣнія лицъ, отъ которыхъ зависѣло рѣшеніе дѣла, раздѣлились, и одинъ лишній доводъ противъ задуманнаго предпріятія могъ наклонить вѣсы въ другую сторону и создать новыя затрудненія. И Сумарокову и Тредьяковскому было хорошо извѣстно, какихъ усилій и какой борьбы стоило Ломоносову заведеніе фабрики для производства мозаичныхъ работъ. Если и современный намъ изслѣдователь допускаетъ возможность, что статья о мозаикѣ написана «дѣйствительно въ видахъ противодѣйствія громкимъ похваламъ этому художеству со стороны Ломоносова», то могъ ли писатель, противъ котораго направлена статья, объяснять ея появленіе одною простою случайностью? Самый выборъ предмета, при тогдашнихъ литературныхъ отношеніяхъ, возбуждалъ уже подозрѣніе, а заключительныя строки, въ которыхъ живописи отдается предпочтеніе передъ мозаикой, послужили доказательствомъ «злобнаго» умысла.

Ломоносовъ почувствовалъ уколъ, сдѣланный хотя осторожною, но недоброжелательною рукою, и въ приливѣ негодованія писалъ Ив. Ив. Шувалову:

«Не могу преминуть, чтобы не показать явнаго безсовѣстія моихъ недоброхотовъ. Въ Трудолюбивой, такъ называемой, Пчелѣ напечатано о Мозаикѣ весьма презрительно. Сочинитель того Тредіаковскій совокупилъ свое грубое незнаніе съ подлою злостію, чтобы моему раченію сдѣлать помѣшательство. Здѣсь видѣть можно цѣлой комплотъ: Тредіаковскій сочинилъ, Сумароковъ принялъ въ Пчелу, Таубертъ далъ напечатать безъ моего увѣдомленія въ той командѣ, гдѣ я присудствую. По симъ обстоятельствамъ ясно видѣть можете, сколько сіи люди даютъ мнѣ покою, не престая повреждать мою честь и благополучіе при всякомъ случаѣ» и т. д.

(Полное собраніе сочиненій М. В. Ломоносова. 1784. Часть I. стр. 340—341. Имена Тредьяковскаго, Сумарокова и Тауберта обозначены начальными буквами.)

По тому же поводу Ломоносовъ писалъ и графу Михаилу Ларіоновичу Воронцову. 8 іюля 1759 года написалъ Ломоносовъ приведенное письмо Шувалову, а 10 іюля того же года получилъ отъ графа Воронцова слѣдующій отвѣтъ: «Содержаніе сообщенной мнѣ отъ васъ печатной піесы о мусіи не имѣетъ другого основанія, какъ только отъ одной жалузіи. Я весьма согласенъ съ учиненными примѣчаніями на помянутую піесу, и не думаю, чтобъ кто ни есть тому спорить сталъ; и такъ остается только презирать то, что ничего кромѣ презрѣнія не заслуживаетъ» и т. д.

(«Переписка Ломоносова съ графомъ М. Л. Воронцовымъ». л. 31—31 об.)

Въ письмѣ къ Шувалову Ломоносовъ говоритъ: «никакого не желаю мщенія». Не желая дѣйствовать противъ своихъ литературныхъ враговъ иначе, какъ ихъ же орудіемъ, онъ написалъ эпиграмму на редактора Трудолюбивой Пчелы и на его неожиданнаго сотрудника.

Ст. 1. Съ Сотиномъ—что за вздоръ?—Аколастъ примирился!

Сотинъ—сокращенное *Трисотинъ* (Cotin-Tricotin)—прозвище, которое давалось Тредьяковскому его литературными противниками.

Аколастомъ Ломоносовъ называетъ Сумарокова, что̀ видно, какъ изъ содержанія пьесы, такъ и изъ того, что приведя стихъ Сумарокова, Ломоносовъ говоритъ: «*Аколастъ* написалъ»; внѣшнія черты Аколаста также напоминаютъ отчасти Сумарокова.

Слово 'Ακόλαστος встрѣчается у древнихъ писателей въ значеніи: необузданный, дикій, наглый, дерзкій, нахальный, и т. п.

'Ακόλαστος — κολάσεως ἄξιος — castigatione dignus (Suid. Lexic.).

Аристотель въ своей Этикѣ подробно объясняетъ, въ какомъ смыслѣ употребляется слово 'Ακόλαστος и указываетъ различныя его значенія. (Ethica ad. Eudem. кн. III, гл. II).

Подъ именемъ *Аколаста* извѣстенъ въ зоологіи жукъ изъ семейства листоѣдовъ (chrysomelinae): Acolastus—ἀκόλαστος, non castigatus. Caput latum, crassum. Oculi permagni, intus leviter tantum emarginati. Antennae breviusculae, thoracis marginem posticum parum superantes. Thorax amplus, transversus, apicem versus vix angustior. Scutellum magnum, fere planum, triangulare, apice acuto. Elytra basi apiceque calloso-elevata.

(Bericht über die zur Bekanntmachung geeigneten Verhandlungen der Königl. Preuss. Akademie der Wissenschaften zu Berlin. 1855. стр. 636.— Nomenclator Zoologicus a comite Augusto de Marschall. 1873. стр. 165.)

Нарицательное 'Ακόλαστος обратилось въ собственное имя главнаго дѣйствующаго лица въ драматическомъ произведеніи шестнадцатаго столѣтія. Голландскій писатель Willem de Volder (1493—1568), извѣстный подъ переводнымъ именемъ Gnapheus или Fullonius (голландск. Volder—сукновалъ, греч. γναφεύς, лат. fullo), написалъ пьесу подъ заглавіемъ: Acolastus, de filio prodigo comoedia. Въ числѣ дѣйствующихъ лицъ: Pelargus, pater; *Acolastus*, filius prodigus; Pamphagus, parasitus; Pantolabus, scurra, и т. д.

Pamphagus.

Nomen tuum.

Quod est?

Acolastus.

Nomen? Acolastus.

Pamphagus.

Acolastus? Vah, nomen convenit!

Pantolabus.

Hem, noster es.

Acolastus.

Certe, quod vester sim repertus, gaudeo. . . .

Сюжетъ «Аколаста» заимствованъ изъ евангельской притчи о блудномъ сынѣ; имена дѣйствующихъ лицъ — изъ Теренція, Плавта, Горація, Платона, Аристотеля. Литературное значеніе «Аколаста» издатель этого замѣчательнаго произведенія опредѣляетъ такимъ образомъ: Die weitreichende Wirkung des Acolastus, der ersten biblischen Schulkomödie in lateinischer Sprache, kennzeichnet der jüngere Guicciardini kurzweg mit den Worten, die er bei der Aufzählung der aus dem Haag gebürtigen Gelehrten dem Namen des Gnapheus beifügt: «Fu il primo poeta comico, che havesse la Germania inferiore». Welchen ungeheuren Einfluss der «Acolastus» auf die litterarische Produktion ausübte, ersieht man aus der grossen Zahl der Ausgaben, unter denen auch mehrere für die Schullektüre bestimmt und mit Kommentaren versehen sind, und aus den Übersetzungen ins Deutsche, Englische und Französische.

(Lateinische Litteraturdenkmäler des XV und XVI Jahrhunderts. Herausgegeben von Max Herrmann und Siegfried Szamatólski. Gulielmus Gnapheus Acolastus. Herausgegeben von Iohannes Bolte. Berlin. 1891.)

При популярности сюжета «Аколаста, блуднаго сына», и при многочисленныхъ передѣлкахъ этой школьной драмы, весьма возможно знакомство съ нею русскихъ читателей и особенно писателей начала восемнадцатаго столѣтія.

Эпиграмма Ломоносова не была единственнымъ произведеніемъ съ именемъ Аколаста. Въ рукописныхъ сборникахъ старинныхъ стихотвореній встрѣчаются и другія эпиграммы подобнаго рода, какъ напримѣръ:

Хотя ученіемъ Аколастъ голоперъ,
Но думаетъ взлетѣть стихами какъ Гомеръ.
Постой! Онъ впрямь ему изрядно подражаетъ:
Гомеръ былъ слѣпъ, онъ до того же домигаетъ. . . . . . .

Аколастъ, посмотря на свой портретъ, вскружился,
И (злючій)* обошелъ въ одинъ мигъ городъ весь,
И мастера угрызть искалъ и тамъ и здѣсь.
Тутъ у воротъ Жучко продерзости дивился,
И цѣпью позвучавъ, подружески сказалъ:
«Я вижу ты, кобель, назойливый нахалъ;
Эй, полно наглиться! ты, красношерстый лыско,
Ты счастливъ, что хозяинъ мой не близко:
Онъ также бъ и тебя велѣлъ къ воротамъ приковать,
Или бы палкою въ мясной рядъ отогнать».

Прозвище *Аколастъ* не такъ подходитъ къ Сумарокову, какъ *Триссотинъ* къ Тредьяковскому, но и въ типѣ Аколаста есть черты, не чуждыя писателю, неумѣвшему сдерживать себя не только въ литературной полемикѣ, но даже въ сношеніяхъ съ императрицею, вынужденною замѣтить ему, что разгаръ страстей болѣе умѣстенъ въ его трагедіяхъ, нежели въ его письмахъ.

(Казанскій Сборникъ. № 68. стр. 98. Заглавіе: «На Сум. чрезъ Н.».— Тамъ же. № 69. стр. 99. Безъ заглавія.)

Ст. 7—8. Аколастъ, злобствуя, всѣмъ уши раскричалъ,
Картавилъ и сипѣлъ, качался и мигалъ,

Миганье Сумарокова не разъ давало поводъ къ насмѣшкамъ его противниковъ. Въ только-что приведенной эпиграммѣ предсказывалось, что онъ домигается до слѣпоты. Разбирая сочиненія Сумарокова, Тредьяковскій говоритъ: «Еще больше трепетало мое сердце съ стыда, потомъ съ негодованія, напослѣдокъ

---

*) Злючій—слово областное, знач. злой: оно подходитъ къ тону и смыслу стихотворенія; въ рукописи искажено: «и ключи».

 *

съ сожалѣнія по общемъ нашемъ другѣ, нежели Авторовы моргали очи съ радости и съ внутренняго самолюбнаго удовольствія; только жъ смѣшить безъ разума даръ подлыя души, какъ то самъ намъ говоритъ въ «Епистолѣ о стихотворствѣ».

(Сборникъ матеріаловъ для Императорской Академіи наукъ въ XVIII вѣкѣ. Издалъ А. Куникъ. 1865. Часть II. стр. 439.)

Ст. 7, 9—11. Аколастъ, злобствуя, всѣмъ уши раскричалъ,
Сотиновыхъ стиховъ разсказывая скверность,
А нынѣ объявилъ любовь ему и вѣрность,
Дабы Пробиновыхъ хвалу унизить одъ,

Въ этихъ стихахъ самъ авторъ объясняетъ смыслъ своей эпиграммы и причину ея появленія.

Ст. 17. Аколастъ написалъ: „Сотинъ лишь врать способенъ“,

Сумароковъ въ своей «Епистолѣ о стихотворствѣ» говоритъ:

Оставь идиллію, елегію, сатиру
И драмы для другихъ: возьми гремящу лиру
И съ пышнымъ Пиндаромъ взлетай до небеси,
Иль съ Ломоносовымъ гласъ громкій вознеси:
Онъ нашихъ странъ Мальгербъ, онъ Пиндару подобенъ,
А ты, Штивеліусъ, лишь только врать способенъ.

(Полное собраніе сочиненій Сумарокова. 1781. Ч. I. стр. 345.)

XXXIX.

ТЕКСТЪ.

Первое изданіе (editio princeps). Въ листъ, восемь нумерованныхъ страницъ; на первой—заглавіе, на шести, отъ третьей до восьмой,—ода. Передъ началомъ текста оды—типографская заставка въ видѣ полоски изъ тройнаго ряда криволинейныхъ украшеній; изъ нихъ верхній рядъ симметриченъ нижнему; надъ полоскою — рядъ коронокъ. Въ концѣ оды — заставка изъ арматуръ съ сидящими среди нихъ двумя крылатыми геніями; одинъ изъ нихъ держитъ мечъ, обвитый масличною вѣтвію, другой — жезлъ, заканчивающійся фигурою крылатой Побѣды. Средину заставки занимаетъ гербъ съ двуглавымъ орломъ, а нижняя часть ея занята орнаментальными украшеніями.

Ода Ломоносова написана «на преславныя побѣды, одержанныя надъ королемъ прусскимъ нынѣшняго 1759 года». Въ 1759 году одержаны русскими войсками двѣ особенно важныя, по свидѣтельству современниковъ, побѣды: одна при деревнѣ Пальцигѣ, другая при деревнѣ Куннерсдорфѣ, близъ Франкфурта на Одерѣ. Главнокомандующій, графъ Салтыковъ, прислалъ въ Петербургъ «обстоятельную реляцію о совершенномъ выгнаніи прусской арміи изъ Польши и одержанной потомъ надъ нею 12 іюля 1759 года при деревнѣ Палцигъ, недалеко отъ Циллихау,

побѣдѣ и о слѣдствіяхъ сего важнаго произшествія». 1 августа 1759 года одержана другая побѣда — при Куннерсдорфѣ. Въ реляціи говорится: «Съ великою для непріятеля о побѣдѣ надеждою начатая жестокая и кровопролитная баталія, благословеніемъ Божіимъ и счастіемъ Вашего Величества, окончилась совершеннымъ разбитіемъ непріятеля къ существительной пользѣ общаго добраго дѣла».

(Санктпетербургскія Вѣдомости. 1759. №№ 61 и 68 и Прибавленія къ нимъ.)

Ст. 1—10. Державинъ (VII, 572—573) говоритъ: «*Вкусъ* есть судія и указатель приличія, любитель изящности, провозглашатель красоты и истины. Безъ его печати никакія искусственныя произведенія безсмертія не достигаютъ. Онъ знаетъ всему мѣру; на вѣсахъ его лежитъ соображеніе всѣхъ обстоятельствъ, до человѣка касающихся; онъ умѣетъ распредѣлять тѣни красокъ, звуковъ, понятій, и изъ разногласія творить согласія. Онъ, какъ говорятъ нѣкоторые эстетики, есть сосредоточенный свѣтъ и жаръ, т. е. умъ и чувство; какъ въ области прочихъ искусствъ, такъ и въ лирическомъ стихотворствѣ, по приличію предметовъ и свойствъ ихъ, когда они естественно, ясно и сладкозвучно выражены, вкусъ познаваемъ быть можетъ. Приведемъ въ примѣры на нашемъ языкѣ нѣчто въ великолѣпномъ и нѣчто въ простомъ слогѣ написанное; въ великолѣпномъ:

Щедротъ источникъ, Ангелъ мира,
Богиня радостныхъ сердецъ,
На Коей какъ заря порфира,
Какъ солнце тихихъ дней вѣнецъ;
О мыслей нашихъ Рай прекрасный,
Небесъ безмрачныхъ образъ ясный,
Гдѣ видимъ кроткую весну,
Въ лицѣ, въ устахъ, въ очахъ и нравѣ!
Возможноль при Твоей державѣ
Въ Европѣ страшну зрѣть войну“?

Особенно много примѣровъ изъ этой оды приводится Державинымъ въ его Разсужденіи о лирической поэзіи, что служитъ доказательствомъ, какъ высоко цѣнили оду Ломоносова современники автора и писатели ближайшихъ къ нему поколѣній.

Ст. 11 — 44. Державинъ (VII, 552 — 553) приводитъ въ примѣръ «*отступленія*, или *уклоненія* отъ главнаго предмета съ умысломъ увеличить чье-либо мужество, добродѣтель, премудрость, невинность и пр., а тѣмъ привесть въ восторгъ и удивленіе слушателей».

Ст. 33—40. Я вижу отрока Господня
Пріемлюща небесный судъ.
Всесильной властію своею
Вѣщаетъ свыше къ Моисею:
„Я въ ярости ожесточу
„Египту сердце вознесенно;
„Израиля неодолѣнно
„Пресвѣтлой силой ополчу.

Псал. LXXXV, 15 — 16. Господи Боже мой, даждь державу Твою отроку Твоему — Даруй крѣпость Твою рабу Твоему.

Іерем. XXVI, 5. Въ послушаніи словесъ отрокъ Моихъ, пророковъ, ихъже азъ посылаю къ вамъ — Чтобы внимать словамъ рабовъ Моихъ, пророковъ, которыхъ Я посылаю къ вамъ, и т. д.

Исход. VII, 1 — 4. Ожесточу сердце Фараоново, и умножу знаменія Моя и чудеса въ земли Египетстѣй; и наложу руку Мою на Египетъ, и изведу съ силою люди Моя сыны Израилевы отъ земли Египетскія, и т. д.

Ст. 52—54, 58—60, 151—154:

Гдѣ пыщный духъ твой, Фридерикъ?
Прогнанный за свои границы,
Ещели мнишь, что ты великъ?

Лишенный собственныя власти,
Ещель стремишься въ буйной страсти
Вселенной наложить яремъ?
Бѣгущихъ горды Пруссовъ плечи
И обращенные хребты
Подвержены кровавой сѣчи.
Главы валятся какъ листы. . . . .

$\frac{28 \text{ Іюля}}{8 \text{ Августа}}$ 1759 года, за нѣсколько дней до сраженія при Куннерсдорфѣ, Фридрихъ II писалъ графу Финкенштейну: Je trouve de grandes difficultés à surmonter, et il faut sauver la patrie, non pas la perdre.

$^{1}/_{12}$ августа 1759 года, т. е. въ самый день Куннерсдорфской битвы, Фридрихъ II писалъ тому же лицу: J'ai attaqué ce matin à onze heures l'ennemi. J'ai été obligé de céder le champ de bataille. Mon malheur est de vivre encore. D'une armée de quarante-huit mille hommes, je n'en ai pas trois mille dans le moment que je parle. Tout fuit, et je ne suis plus maître de mes gens. C'est un cruel revers; je crois tout perdu; je ne survivrai point à la perte de ma patrie. Adieu pour jamais.

(Oeuvres de Frédéric le Grand. Berlin. 1854. стр. 305—306.)

Ст. 61—62. Взирая на пожаръ Кистрина,
На протчи грады оглянись:

Бомбардированіе крѣпости Кюстрина происходило 4 августа 1758 года. Наши батареи дѣйствовали такъ успѣшно, что отъ четвертой бомбы, пущенной изъ единорога, городъ загорѣлся и огонь отъ дальнѣйшаго бомбардированія такъ усилился, что въ короткое время весь городъ обращенъ былъ въ пепелъ. Одинъ изъ мѣстныхъ жителей такъ описываетъ печальную судьбу своего родного города: «Непріятели кинули къ намъ такое множество бомбъ и зажигательныхъ ядеръ, что казалось будто бы все небо разверзлось и ниспустило на насъ дождь огненный, и оттого повсюду, куда ни обращались взоры, видимы были

обрушивающіеся дома. О погашеніи сего пожара не можно было никому и мыслить, а всѣ обратились въ бѣгство. Самые младенцы у грудей своихъ отчаянныхъ матерей, самые больные, лежавшіе въ своихъ постеляхъ, едва имѣли время, бросивъ все и полуобнаженными уйтить изъ погибающаго города. Единый стонъ и жалостные вопли и рыданія слышны были отовсюду. Премногое множество погибло тогда людей въ самомъ огнѣ и пламени. Множество другихъ подавлено обрушившимися домами и задохлось въ погребахъ, гдѣ они отъ бомбъ себѣ спасенія искали. Однимъ словомъ зрѣлище было напужаснѣйшее, что я сумнѣваюсь былъ ли подобный тому примѣръ со временъ разоренія Трои и Іерусалима», и т. д.

(Жизнь и приключенія Андрея Болотова. 1758 годъ. стр. 775—780.)

Ст. 72—78. Восходитъ выше тишиной;
Чтобъ жить союзникамъ свободнымъ,
Жалѣя, двигнулась войной;
Узрѣвъ растерзанны союзы,
Наверженныя скиптрамъ узы,
Рекла: какъ злыхъ не укрочу;
Алчбѣ ихъ свѣта не достанетъ:

Въ манифестѣ 16 августа 1757 года сказано: «Непремѣнное наше желаніе пребывать со всѣми державами, а особливо съ сосѣдними, въ дружбѣ и добромъ согласіи, показали мы съ самаго начала нашего на прародительской престолъ вступленія скорымъ пресѣченіемъ тогдашней съ Швеціею войны. Всевышній благословилъ толь праведное желаніе, и государство наше донынѣ пользуется глубокимъ миромъ. Но король прусскій двоекратное сдѣлалъ на области римской императрицы, нашей союзницы, нападеніе, и Саксонію, наслѣдіе нашего союзника, невзапно раззорилъ: мы, какъ для собственнаго государства нашего, такъ и союзниковъ нашихъ безопасности и для воздержанія сего предпріимчиваго государя принуждены были содержать часть нашихъ силъ на границахъ. Тишину нашей имперіи мы предпочли бы

завоеванію цѣлыхъ королевствъ; по мнѣніи короля прусскаго отъ нашихъ весьма разнствовали. Къ начатію войны и похищенію чужихъ земель довольно ему единаго хотѣнія; отъ него вышла на свѣтъ декларація, на томъ только основанная, что онъ мнимыхъ своихъ непріятелей предупреждать долженъ — правило, которое, ежелибъ повсюду было принято, привело бы весь свѣтъ въ совершенную погибель», и т. д.

Ст. 83. Стремится чрезъ бугристы бре́ги,

Въ стихотвореніи Ломоносова «о сомнительномъ произношеніи буквы Г въ россійскомъ языкѣ»:

Бугристы берега, благопріятны влаги. . . .

Ст. 98—100. Ужѐ окровавленна Пре́гла
Крутясь въ твоей земли́ пробѣгла
Россі́йску силу возвѣстить.

«*Прегель*, издревле называемая *Пригора* и *Преголла*, начало свое имѣетъ при Георгенбургѣ» и т. д.

(Королевство Прусское. Изъ Новой географіи Бюшинга. 1774. стр. 7.)

Рѣки: *Прегель, Висла, Варта* упоминаются довольно часто въ одахъ Ломоносова, писанныхъ во время семилѣтней войны. Именами этихъ рѣкъ обозначаются тѣ мѣста, на которыхъ происходили сраженія. Въ реляціи фельдмаршала Апраксина, 20 августа 1757 года: «Какъ для непреодолимыхъ препятствій невозможно было къ непріятелю, по правую сторону рѣки Прегеля находившемуся, прямою дорогою дойти, то я предпріялъ чрезъ рѣку Прегель переправиться, дабы тѣмъ скорае принудить его къ баталіи», и т. д.

Ст. 101—104. Державинъ (VII, 559) приводитъ въ примѣръ «басенныхъ вводовъ, или околичностей»; околичностями онъ называетъ «переходы къ какой либо другой матеріи, сходственной качествомъ своимъ воспѣваемому предмету».

Ст. 105—110. За Вислой и за Вартой грады
Паденія или отрады
Отъ воли Росской власти ждутъ;
И сердце гордаго Берлина,
Неистоваго исполина,
Перуны, близъ гремя, трясутъ.

Фридриха II тревожила мысль объ опасности, которая угрожала столицѣ, какъ видно изъ письма его графу Финкенштейну 12 августа 1759 года: On fera bien à Berlin de penser à sa sûreté.

Болотовъ говоритъ: «Путь для насъ въ Берлинъ былъ совершенно отверстъ и свободенъ: не должно ли было ожидать, что наши не преминутъ такою славною побѣдою воспользоваться, и ни мало не медля пойдутъ прямо къ Берлину и постараются овладѣть онымъ прежде, нежели король соберется опять съ силами. Мы, живучи въ Кенигсбергѣ, всякій день ожидали новыхъ радостныхъ извѣстій и готовились уже заблаговременно поздравлять другъ друга со взятьемъ Берлина», и т. д.

(Жизнь и приключенія Болотова. 1759 годъ. стр. 925—926.)

Ст. 115—118. Цорндорфскіе пески глубоки,
Его и нашей крови токи
Соединясь, кипѣли въ васъ!
Намъ правда отдаетъ побѣду;

Екатерина II говоритъ въ своихъ Запискахъ: Au mois d'août nous apprîmes, à Oranienbaum, que le 14 août (1758) c'était donné la bataille de Zorndorff, une des plus sanglantes du siècle, puisque de chaque côté on compte au delà de 20,000 hommes de tués et perdus. On nous annonça cette bataille comme gagnée; mais à l'oreille on se disait que des deux côtés les pertes étaient égales; que pendant trois jours aucune des deux armées n'avait osé s'attribuer le gain de cette bataille; qu'enfin le troisième jour le roi de Prusse, dans son camp, et le comte Fermor, sur le champ de bataille, avaient fait chanter le *Te Deum.*

Ст. 123—124. 161—164. Стремится сердце Салтыкова,
Дабы коварну мочь сломить.
О честь Россїйскаго народа
Въ дни наши воиновъ примѣръ,
Что силой перваго похода
Двукратно сопостатовъ стеръ!

Графъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ (1700—1772) принялъ отъ графа Фермора «главную команду» надъ арміею 19 іюня 1759 года, а 12 іюля и 1 августа того же года одержалъ надъ непріятельскими войсками двѣ блестящія побѣды—при Пальцигѣ и при Кунерсдорфѣ.

Отзывъ Ломоносова о графѣ Салтыковѣ вполнѣ подтверждается тою оцѣнкою дѣятельности этого полководца, которую находимъ у современныхъ намъ историковъ семилѣтней войны: «Графъ Салтыковъ считался даже въ Вѣнѣ наиболѣе способнымъ генераломъ для командованія корпусомъ, предназначеннымъ для соединенія съ Австрійцами. Широкій, прямой и вѣрный взглядъ на военное дѣло, съ которымъ онъ знакомился за границею впродолженіе двадцати лѣтъ, какъ одинъ изъ птенцовъ Петра I, прекрасно сохранившіяся умственныя способности, тонкость ума, преданность Россіи и любовь къ солдату были качества, присущія новому главнокомандующему. Онъ лично управлялъ главнѣйшими нитями боевыхъ операцій; мы почти ежедневно видимъ его на передовыхъ постахъ, внимательно изучающимъ мѣстность и положеніе противника», и т. д.

(Русская Армія въ Семилѣтнюю войну. Генеральнаго штаба полковника Масловскаго. 1891. Выпускъ III. стр. 12—14.)

Ст. 129—130. Россїйски стóпы досягаютъ
Чрезъ трупы къ Франкфуртскимъ стѣнамъ.

Главнокомандующій графъ Салтыковъ намѣренъ былъ выступить съ арміею 20 іюля (1759), но получилъ донесеніе, что

«Франкфуртъ благополучно занятъ, и что бывшій въ ономъ гарнизонъ сперва обороняться хотѣлъ, но послѣ брошенныхъ двухъ бомбъ, тотчасъ городъ оставилъ», и т. д.

(Реляціи изъ Кроссена отъ 18 іюля 1759 года и изъ Франкфурта на Одерѣ отъ 25 іюля того же года.)

Ст. 231—240. Державинъ (VII, 530) приводитъ въ примѣръ «умилительнаго вдохновенія».

XL.

ТЕКСТЪ.

Полезное Увеселенїе на мѣсяцъ Генварь. 1760 года. Печатано при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. «Ода господина Руссо, Fortune, de qui la main couronne, переведенная г. Сумароковымъ и г. Ломоносовымъ. Любители и знающїе словесныя науки могутъ сами, по разному сихъ обѣихъ Пїитовъ свойству, каждаго переводъ узнать». стр. 17—22.

Переводъ оды Руссо — одинъ изъ образцовъ литературнаго состязанія между стихотворцами, подобно переводу сто сорокъ третьяго псалма, причемъ также предоставлялось читателямъ угадать имя переводчика.

Въ изданіи Дамаскина помѣщена «Ода о щастїи господина Жан. Бабтиста Руссо» въ переводѣ Ломоносова, съ французскимъ подлинникомъ texte en regard, и вслѣдъ затѣмъ — переводъ Сумарокова подъ такимъ заглавіемъ: «Тажъ Ода другова перевода».

(Покойнаго М. В. Ломоносова Собраніе разныхъ сочиненій. 1778. Книга вторая. стр. 307—330.)

Въ академическомъ изданіи переводъ Ломоносова оды Руссо напечатанъ также съ французскимъ подлинникомъ, и непосредственно затѣмъ помѣщенъ «Переводъ г. Сумарокова».

(Полное собраніе сочиненій М. В. Ломоносова. 1784. Часть I. стр. 249—268.)

Въ изданіи сочиненій Сумарокова помѣщенъ и «Переводъ Руссовой Оды на Фортуну»:

Ты, Фортуна, украшаешь
Злодѣянія людей, и т. д.

(Полное собраніе сочиненій Сумарокова. Изданіе второе. 1787. Часть II. стр. 159—164.)

Считаемъ нужнымъ помѣстить какъ французскій подлинникъ оды Руссо, такъ и переводъ Сумарокова, появившійся въ печати въ одно время съ переводомъ Ломоносова.

ODE

à la Fortune.

1.

Fortune, dont la main couronne
Les forfaits les plus inouis;
Du faux éclat qui t'environne,
Serons-nous toujours éblouis?
Jusques à quand, trompeuse Idole,
D'un culte honteux et frivole
Honorerons-nous tes Autels?
Verra-t-on toujours tes caprices
Consacrés par les sacrifices
Et par l'hommage des Mortels?

2.

Le Peuple, dans ton moindre ouvrage
Adorant la prospérité,
Te nomme Grandeur de courage,
Valeur, Prudence, Fermeté:
Du titre de Vertu suprême
Il dépouille la Vertu même,
Pour le Vice que tu chéris;

Et toujours ses fausses maximes
Erigent en Héros sublimes
Tes plus coupables Favoris.

3.

Mais de quelque superbe titre
Dont ces Héros soient revêtus,
Prenons la Raison pour arbitre,
Et cherchons en eux leurs Vertus:
Je n'y trouve qu'extravagance,
Foiblesse, injustice, arrogance,
Trahisons, fureurs, cruautés:
Etrange Vertu, qui se forme
Souvent de l'assemblage énorme
Des Vices les plus détestés.

4.

Apprends que la seule Sagesse
Peut faire les Héros parfaits:
Qu'elle voit toute la bassesse
De ceux que ta faveur a faits:
Qu'elle n'adopte point la gloire
Qui naît d'une injuste victoire
Que le Sort remporte pour eux;
Et que devant ses yeux Stoïques,
Leurs Vertus les plus héroïques
Ne sont que des Crimes heureux.

5.

Quoi! Rome et l'Italie en cendre
Me feront honorer Sylla?
J'admirerai dans Alexandre
Ce que j'abhorre en Attila?
J'appellerai Vertu guerrière
Une Vaillance meurtrière

Qui dans mon sang trempe ses mains?
Et je pourrai forcer ma bouche
A louer un Héros farouche,
Né pour le malheur des Humains?

6.

Quels traits me présentent vos Fastes,
Impitoyables Conquérans?
Des voeux outrés, des projets vastes;
Des Rois vaincus par des Tyrans;
Des murs que la flamme ravage;
Des Vainqueurs fumans de carnage;
Un Peuple au fer abandonné;
Des Meres pâles et sanglantes,
Arrachant leurs Filles tremblantes
Des bras d'un soldat effréné.

7.

Juges insensés que nous sommes,
Nous admirons de tels exploits!
Est-ce donc le malheur des Hommes
Qui fait la Vertu des grands Rois?
Leur gloire féconde en ruines,
Sans le meurtre et sans les rapines
Ne sçauroit-elle subsister?
Images des Dieux sur la Terre,
Est-ce par des coups de Tonnerre
Que leur Grandeur doit éclater?

8.

Mais je veux que dans les alarmes
Réside le solide Honneur:
Quel Vainqueur ne doit qu'à ses armes
Ses triomphes et son bonheur?
Tel qu'on nous vante dans l'Histoire,

Doit peut-être toute sa gloire
A la honte de son Rival:
L'inexpérience indocile
Du Compagnon de Paul-Emile
Fit tout le succès d'Annibal.

9.

Quel est donc le Héros solide,
Dont la gloire ne soit qu'à lui?
C'est un Roi que l'Equité guide,
Et dont les Vertus sont l'appui:
Qui prenant Titus pour modèle,
Du bonheur d'un Peuple fidèle
Fait le plus cher de ses souhaits:
Qui fuit la basse Flaterie;
Et qui, Pere de sa Patrie,
Compte ses jours par ses bienfaits.

10.

Vous chez qui la guerrière Audace
Tient lieu de toutes les Vertus,
Concevez Socrate à la place
Du fier meurtrier de Clitus:
Vous verrez un Roi respectable,
Humain, généreux, équitable,
Un Roi digne de vos Autels;
Mais à la place de Socrate,
Le fameux Vainqueur de l'Euphrate
Sera le dernier des Mortels.

11.

Héros cruels et sanguinaires,
Cessez de vous enorgueillir
De ces lauriers imaginaires
Que Bellone vous fit cueillir.

En vain le Destructeur rapide
De Marc-Antoine et de Lépide
Remplissoit l'Univers d'horreurs;
Il n'eût point eu le nom d'Auguste,
Sans cet Empire heureux et juste
Qui fit oublier ses fureurs.

12.

Montrez-nous, Guerriers magnanimes,
Votre Vertu dans tout son jour:
Voyons comment vos coeurs sublimes
Du sort soûtiendront le retour.
Tant que sa faveur vous seconde,
Vous êtes les Maîtres du Monde,
Votre gloire nous éblouit;
Mais au moindre revers funeste,
Le masque tombe, l'Homme reste;
Et le Héros s'évanouit.

13.

L'effort d'une Vertu commune
Suffit pour faire un Conquérant:
Celui qui dompte la Fortune,
Mérite seul le nom de Grand:
Il perd sa volage assistance,
Sans rien perdre de la constance
Dont il vit ses honneurs accrûs;
Et sa grande ame ne s'altère
Ni des triomphes de Tibère,
Ni des disgraces de Varus.

14.

La joye imprudente et légère
Chez lui ne trouve point d'accès;
Et sa crainte active modère

L'ivresse des heureux succès:
Si la Fortune le traverse,
Sa constante Vertu s'exerce
Dans ses obstacles passagers.
Le Bonheur peut avoir son terme;
Mais la Sagesse est toujours ferme
Et les Destins toujours légers.

15.

En vain une fière Déesse
D'Enée a résolu la mort;
Ton secours, puissante Sagesse,
Triomphe des Dieux et du Sort:
Par Toi Rome après son naufrage,
Jusque dans les murs de Carthage
Vengea le sang de ses Guerriers;
Et suivant tes divines traces,
Vit au plus fort de ses disgraces
Changer ses Cyprès en Lauriers.

(Oeuvres de Jean-Baptiste Rousseau. Paris. 1753. T. I. стр. 94—101).

ОДА.

1.

Ты Фортуна украшаешъ
Злодѣянїя людей,
И мечтанїе мѣшаешъ
Разсмотрѣти жизни сей.
Долголь намъ повиноваться,
И доколѣ покланяться
Намъ обману твоему?
Всѣ тобою побѣжденны;
Всѣ ли смертные рожденны
Супротивиться уму?

2.

Малости съ твоимъ покровомъ
Кажутся не малы быть;
Пышнымъ именемъ и словомъ
Должны превелики слыть.
Весь народъ тому свидѣтель,
Что пороки добродѣтель,
Коимъ помогаешъ ты,
И во смрадности природы
Беззаконнику доводы
Шлютъ безсмертїя цвѣты.

3.

Имя сихъ Героевъ пышно:
Но разсмотримъ ихъ дѣла̀,
Будетъ намъ иное слышно,
Коль судьба намъ умъ дала:
Какъ мы ихъ ни почитаемъ,
Жадность, гордость обрѣтаемъ,
И свирѣпство только въ нихъ:
Все, что ихъ ни прославляетъ,
Добродѣтель составляетъ
Изъ пороковъ лишь однихъ.

4.

Ты не можешъ быть причиной
Славы отмѣненныхъ душъ,
Но премудростью единой
Славится великой мужъ;
Отъ твоей одной державы
Нѣтъ безсмертїя, ни славы;
Смертныхъ то незапна часть;
Не геройски то утѣхи,
Но тиранскїе успѣхи
Ближнимъ приключать напасть.

5.

Какъ почтить могу я Силлу,
Пепломъ зря прикрытой Римъ?
Хулимъ одного Аттиллу,
Помня Александра съ нимъ.
Человѣковъ убиваютъ,
А другїе называютъ
Добродѣтелью кровь лить.
Праведноль искать витїйства
Къ прославленїю убїйства,
И разбойника хвалить?

6.

Побѣдители злосерды!
Всѣ зрю ваши я плоды:
Вы въ желаньяхъ вашихъ тверды
Миру извлекать бѣды.
Тамо слышу бѣдныхъ сто́ны,
Тамъ валятся ваши тро́ны,
Грады превращенны въ прахъ,
Возлагаются желѣзы,
Вдовъ, сиротъ лїются слезы,
Тамъ смятенїе и страхъ.

7.

На сїе, что тако хвалятъ,
Разсуждая кто воззри,
Иль безъ бѣдъ людскихъ умалятъ
Дарованный санъ Цари?
Вѣнценосцы! для отлики
То ли способы велики,
Чѣмъ вы можете блистать?
Въ васъ боговъ изображенье:
Тольколь онымъ подраженье
Громъ и молнїю метать?

8.

Въ приключенїяхъ противныхъ
Обрѣтаю важну честь;
А въ побѣдахъ и предивныхъ
Лавръ оружью должно плесть.
Побѣдитель часто славенъ,
Что противнику не равенъ
И ево соперникъ малъ;
За побѣду малоспорну
Долженъ вождю непроворну
Всѣмъ успѣхомъ Аннибалъ.

9.

Коему хвала Герою
Въ точномъ имени ево?
Щедрой кроющу рукою
Чадъ народа своево;
Образцомъ которой Тита
Подданнымъ отъ бѣдъ защита,
Жалостно смотря на нихъ;
Лести кто и внять не мыслитъ,
И владѣнїя дни числитъ
По числу щедротъ своихъ.

10.

Вмѣсто яростїю взята,
Звѣрски Клита кто убилъ,
Вобразимъ себѣ Сократа,
Естьлибъ онъ на тронѣ былъ;
Въ немъ Царя негорделива
Зрѣлибъ мы и справедлива,
И достойна олтарей.
А Эвфрата побѣдитель
Вмѣсто былъ ево бы зритель
Только подлости своей.

11.

Крови жаждущи герои,
Возмущенія творцы!
Васъ мечтою славятъ бои
И лавровые вѣнцы.
Раззоренія безсмѣтны
Всѣ Октавїевы тщетны
Вознестися до небесъ;
Правосудія блаженствомъ
И спокойства благоденствомъ
Тако онъ себя вознесъ.

12.

Мужи храбрые! являйте
Въ полномъ свѣтѣ вы себя,
Равномѣрно прославляйте
Имя, щастье погубя.
Души ваши въ немъ велики,
Мира вы сего владыки,
Слышанъ лишь огромный вѣкъ.
Щастье только упадаетъ:
Все геройство увядаетъ,
Остается человѣкъ.

13.

Для побѣды изобильно
Духъ посредственный имѣть,
И потребно сердце сильно,
Коль Фортуну одолѣть.
Мужъ великій презираетъ,
Что Фортуна имъ играетъ,
И въ бѣдахъ не колебимъ;
И въ благой и въ лютой части
Сердце держитъ онъ во власти,
Въ твердомъ постоянствѣ зримъ.

14.

Вся ево успѣха сладость
Не въ излишествѣ своемъ,
Неумѣренная радость
Не обрящетъ мѣста въ немъ;
Всѣ ему препятства втунѣ,
Онъ ругается Фортунѣ,
И спокойно видитъ ихъ.
Щастье въ жизни скоротечно;
Но достоинство есть вѣчно,
Сколько рокъ ему ни лихъ.

15.

Тщетно гордостью Юноны
Осужденъ на смерть Эней:
Добродѣтель въ обороны,
Ты противилася ей.
Римъ тобою Карфагены
За нево рассыпалъ стѣны,
Славу ихъ пославъ на низъ;
И въ ево лютѣйшей части,
Превратилъ тѣ зря напасти,
Въ вѣчны лавры кипарисъ.

(Полезное Увеселеніе. 1760. Январь. стр. 23—28.)

Державинъ въ своемъ «Разсужденіи о лирической поэзіи» говоритъ: «Ода или Гимнъ изображаютъ только чувства сердца вразсужденіи какого либо предмета, а не дѣйствія его. Слогъ имѣютъ твердый, громкій, возвышенный, благородный, однако сходственный всегда съ предметомъ; въ противномъ случаѣ теряетъ свою изящность. Доказывается сіе одою *На счастіе* Жанъ-Баптиста Руссо, переведенною г. Ломоносовымъ и Сумароковымъ. Послѣдняго слогъ не соотвѣтствуетъ высокому содержанію подлинника».

(Сочиненія Державина, съ примѣч. Я. К. Грота. 1872. Т. VII. стр. 522.

Особенности писателя обнаруживаются не только въ его оригинальныхъ произведеніяхъ, но до нѣкоторой степени и въ переводныхъ. Въ этомъ отношеніи «особенно любопытенъ и самый выборъ, и переводъ Ломоносова съ французскаго оды Руссо: *На счастье*, доказывающіе, что придворная, офиціальная поэзія была ему не по душѣ. Въ этомъ переводѣ есть строфы очень замѣчательныя» (ст. 31—50, 61—70):

Ты знай: герои совершенны
Премудростїю въ свѣтъ даны;
Она лишь видитъ коль презрѣнны
Что чрезъ тебя возведены;
Она ту славу презираетъ,
Что рокъ неправедной раждаетъ
Въ побѣдахъ слѣпотой своей;
Предъ строгими ея очами,
Герой съ суровыми дѣлами
Ни что какъ щастливой злодѣй.

Почтить ли токи тѣ кровавы,
Что въ Римѣ Сулла проливалъ?
Достойноль въ Александрѣ славы,
Что въ Аттилѣ всякъ зломъ призналъ?
За добродѣтель и геройство
Хвалить ли звѣрско неспокойство
И власть окровавленныхъ рукъ?
И принужденными устами
Могу ли возносить хвалами
Начальника толикихъ мукъ?

Слѣпые мы судьи, слѣпые,
Чудимся таковымъ дѣламъ.
Однѣ ли приключенья злые
Даютъ достоинство Царямъ!
Ихъ славѣ бѣдствами обильной,
Безъ брани хищной и насильной
Не можно развѣ устоять?
Не можно божеству земному
Безъ ударяющаго грому
Своимъ величествомъ блистать?

(Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. Біографическій очеркъ. Соч. В. Ламанскаго. 1864. стр. 99—100.)

XLI.

ТЕКСТЪ.

К. — Казанскій Сборникъ. № 55. стр. 89—90. Заглавіе: «Притча Свинья въ лисьей кожѣ на Г. С. сочинена Г. Мамоновымъ». Въ Реестрѣ: «Мамонова Свинья въ лисьей кожѣ на Г. С. сочин. Мамо.».

М. — Портфели Миллера въ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. № 414. № 5. Заглавіе: «Возраженіе на притчу: Оселъ во львиной кожѣ. Притча: Свинья въ лисей кожѣ».

F. — Рукопись А. Ѳ. Бычкова. стр. 51—52. Заглавіе: «Баснь: Свинья въ лисей кожѣ на С. соч. Мамон.». Въ «Регистрѣ» то же, но безъ автора.

Б. — Библіографическія Записки. 1858. № 16. стр. 485—488. Заглавіе: «Притча — Свинья въ лисьей кожѣ на г. С., сочинена г. *Ломоносовымъ*». Напечатано по рукописи, принадлежавшей академику Пекарскому.

Ст. 4. Кривляя рожу (м.)
Ст. 6. Таскала длинный хвостъ и какъ лиса ступала (м.)
Ст. 7. И такъ во всемъ съ лисицей сходна стала (к.)
Ст. 10. Но гдѣ жъ могла свинья лисицы кожу взять (м.)
Ст. 13—14. Когда она себѣ найти, гдѣ ѣсть, не знаетъ.
И люди съ голоду на свѣтѣ много мрутъ (м.)

Ст. 15. А наче тѣ, которы врутъ (М.)
Ст. 17. Онъ хлѣбъ ѣсть отнимаетъ (F.)
Ст. 19. Въ нарядѣ семъ пошла вездѣ свинья бродить (Б.)
Ст. 23. А вы ужъ всѣ ноги не стоите моей (Б, F.)
Ст. 30. Неужто онъ меня такъ приметъ, какъ простягу (F.)
Ст. 31. Дорогою свинья вела немалу рѣчь (Б.)
Ст. 32. Чтобъ левъ позволилъ мнѣ тамъ лечь (Б.)
Ст. 33. Гдѣ всѣ предъ нимъ стоятъ знатнѣйши звѣри (F.)
Ст. 34. Однако жъ въ тѣ же двери (Б.)
Ст. 35. И я къ нему пойду (F.)
Ст. 37. Пришла предъ льва и милости просила (F.)
Ст. 38. Хоть подлая и тварь, но много говорила (М.)
Ст. 42. Въ гнѣвъ (К.)
Ст. 43. Съ презрѣньемъ на нее онъ разсмѣялся (К, F, Б.)
Ст. 46. Когда бъ съ тобой, свинья, вовѣки не видался (М.)

Когдабъ, свинья, вовѣкъ съ тобою не видался (F.)

Ст. 47. Тотчасъ зналъ я (М.)
Ст. 49. Такъ тщетно чтилась ты лисою подбѣгать (К.)
Ст. 50. Что врать (F.)
Ст. 51. Родился я на свѣтѣ не для свиныхъ поклоновъ (К.)

Родился въ свѣтѣ я не для свиныхъ поклоновъ (F, Б.)

Ст. 52. Я не страшусь и громовъ (Б.)
Ст. 57. И такъ наша свинья предъ львомъ не полежала (К, М.)
Ст. 64. И сказала (К, F.)
Ст. 66. Когда мнѣ рокъ велѣлъ всегда въ грязи валяться (М.)

Въ рукописи, принадлежавшей современнику Ломоносова, притча, или басня «Свинья въ лисьей кожѣ» названа «возраженіемъ на притчу Сумарокова: Оселъ во львиной кожѣ». Въ журналѣ: «Праздное Время», въ февральскихъ листкахъ 1760 года, помѣщена слѣдующая притча:

ОСЕЛЪ ВО ЛЬВОВОЙ КОЖѢ.

Оселъ одѣтый въ кожу львову,
Надѣвъ обнову,
Гордиться сталъ,
И будто Геркулесъ подъ оною блисталъ.
Да какъ сокровищи такїя собираютъ?
Мнѣ сказано и львы какъ кошки умираютъ,
И кожи съ нихъ здираютъ.
Когда преставится свирѣпый левъ;
Не страшенъ левїй зѣвъ
И гнѣвъ;
А противъ смерти нѣтъ на свѣтѣ обороны.
Лишь только не такой по смерти львамъ обрядъ:
Насъ черви какъ умремъ ядятъ,
А львовъ ядятъ вороны.
Каковъ сталъ гордъ оселъ, на что о томъ болтать?
Легохонько то можно испытать,
Когда мы взглянемъ
На мужика,
И почитати станемъ
Мы въ немъ откупщика,
Который продавалъ подовыя на рынкѣ,
Или у кабака,
И послѣ въ скрынкѣ
Богатства у нево великая рѣка,
Или, ясняй сказать, и Волга и Ока,

Который всѣмъ тѣснитъ бока,
И плаваетъ, какъ муха въ крынкѣ,
Въ пространномъ морѣ молока;
Или когда въ чести увидишь дурака,
Или въ чину урода
Изъ сама подла рода,
Котораго пахать произвела природа.
Ворчалъ,
Мычалъ,
Рычалъ,
Кричалъ,
На всѣхъ сердился:
Великїй Александръ толико не гордился.
Таковъ сталъ нашъ Оселъ:
Казалося ему, что онъ судьею сѣлъ.
Пошли поклоны лести,
И объ ослѣ вездѣ похвальны вѣсти,
Разнесся страхъ,
И все передъ осломъ земной лишь только прахъ.
Недѣли въ двѣ, поклоны
Передъ осломъ
Не стали тысячи, да стали милїоны
Числомъ.
А все изъ далека поклоны тѣ творятся,
Прогнѣвавшїе льва не скоро помирятся;
Такъ долгъ твердитъ уму:
Не подходи къ нему.
Лисица говоритъ: хоть левъ и дюжъ дѣтина,
Однако вить и онъ такая же скотина,
Такъ можно подойти и милости искать,
А я то вѣдаю какъ надобно ласкать.
Пришла и милости просила,
До самыхъ до небесъ тварь подлу возносила;
Но вдругъ увидѣла, всѣ лести тѣ пропѣвъ,

Что то оселъ, не левъ:
Лисица зароптала,
Что, вмѣсто льва, осла всемъ сердцемъ почитала.

(Праздное время въ пользу употребленное. 1760 годъ. Съ генваря по їюль мѣсяцъ. стр. 146—148.

Притчи Александра Сумарокова. Книга вторая. 1762. стр. 7—9.

Полное собраніе сочиненій А. П. Сумарокова. 1787. Часть VII. стр. 68—70.)

Въ нѣкоторыхъ сборникахъ басня: «Свинья въ лисьей кожѣ» приписывается Мамонову, или Дмитріеву-Мамонову. Ѳедоръ Ивановичъ Дмитріевъ-Мамоновъ родился 10 февраля 1727; умеръ 27 марта 1805 года. Въ словарѣ Новикова находимъ слѣдующее извѣстіе о литературной дѣятельности этого писателя: «Мамоновъ, Ѳедоръ. Бригадиръ въ отставкѣ; много писалъ изрядныхъ стихотвореній, а недавно издалъ въ свѣтъ епистолу отъ генерала къ его подчиненнымъ, или *Генералъ въ полѣ;* поему *Любовь*—обѣ стихами; *Дворянинъ Философъ* и *Правилы офицеру,* прозою. Также перевелъ съ французскаго языка: *Овидіевы Превращенія,* прозою; *Любовь Псиши* и *Купидона*, прозою и стихами. Онъ всѣ свои сочиненія издалъ подъ именемъ *Дворянина Философа*».

(Ср. Русская Старина. 1870. Т. I. стр. 465—470 перв. изд.; стр. 544—549 втор. изд. Статья Лонгинова: «Ѳедоръ Ивановичъ Дмитріевъ-Мамоновъ».

Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ. Составилъ Григорій Геннади. Берлинъ. 1876. Т. I. стр. 311).

Въ старинныхъ рукописныхъ сборникахъ имена авторовъ не всегда означаются вѣрно; такъ напримѣръ въ Казанскомъ сборникѣ приписываются Ломоносову стихи, заключающіе въ себѣ пародію на его оды. Что касается басни «Свинья въ лисьей кожѣ», то и содержаніе, и тонъ ея противорѣчатъ тѣмъ литературнымъ требованіямъ, которыя высказаны самимъ Мамоновымъ. Онъ говоритъ: «Знаю, что всему свѣту писателямъ нравится въ басняхъ низкой слогъ г. де ла Фонтена, и многіе оному подражаютъ; но мнѣ не нравится, потому что благородной штиль

всегда привлечетъ меня къ чтенію, а низкими словами наполненной слогъ я такъ оставляю, какъ оставляю и не слушаю тѣхъ людей, которые говорятъ степною рѣчью и произношеніемъ. Весьма приличенъ баснямъ штиль забавной, но мнѣ и шутливость пріятнѣе благородная, нежели самая низкая, напримѣръ: де ла Фонтенъ называетъ волка maître Loup — неприличное волку названіе, потому что оное пристойно токмо мастеру какого ни есть художества; лисицу называетъ *кумомъ*, а цаплю *кумою*, и ту же лисицу называетъ *капитаномъ*», и т. д.

(Любовь Псиши и Купидона, сочиненная Г. де ла Фонтеномъ. 1769. Часть I. стр. 16—17.)

Въ сборникѣ, принадлежавшемъ Пекарскому, басня эта приписывается Ломоносову. Помѣщая ее въ Библіографическихъ Запискахъ, академикъ Пекарскій высказываетъ соображенія, по которымъ авторомъ басни слѣдуетъ считать Ломоносова. На эту мысль наводятъ и отдѣльныя выраженія, какъ напримѣръ: «изъ сама *подла* рода» — въ притчѣ Сумарокова, и «я не страшуся *громовъ*» — въ отвѣтной притчѣ, приписываемой Ломоносову. Пекарскій говоритъ: «Въ Казанскомъ Сборникѣ басня эта приписана Мамонову, но по нашему мнѣнію справедливѣе ее считать произведеніемъ Ломоносова», который «принялъ на свой счетъ намеки на незнатное происхожденіе. Отплата за намеки произведена была тою же монетою: свинья въ лисьей кожѣ представлена вралемъ и чрезвычайно увѣрена въ своемъ превосходствѣ надъ собратами, которыхъ упрекаетъ въ *подломъ* происхожденіи. Въ отвѣтѣ льва: «я не страшусь и *громовъ*» Ломоносовъ, кажется, намекаетъ на свои опыты надъ извлеченіемъ электричества изъ тучъ».

(Библіографическія Записки. 1858. № 16. стр. 485—488.)

По поводу того же стихотворенія Пекарскій замѣчаетъ: «Въ тѣ времена число писателей было весьма незначительно, а потому не удивительно, что тотъ изъ нихъ, который, будучи рожденъ въ крестьянствѣ, достигъ чина коллежскаго совѣтника, и притомъ не столько отличался миролюбивымъ нравомъ, сколько

высокимъ о себѣ мнѣніемъ, тотъ долженъ былъ принять на свой счетъ изображеніе осла въ львиной кожѣ. Подъ лисою быть можетъ Сумароковъ разумѣлъ самого себя: онъ дѣйствительно прежде, чѣмъ разсорился съ Ломоносовымъ, былъ съ нимъ въ дружескихъ сношеніяхъ, о чемъ не разъ упоминаетъ въ своихъ писаніяхъ».

(Исторія Академіи наукъ. 1873. Т. II. стр. 714—716.)

XLII.

ТЕКСТЪ.

С. III. — Покойнаго статскаго совѣтника и профессора Михайлы Васильевича Ломоносова Собраніе разныхъ сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ. 1778. Книга вторая. стр. 219—220. «На всерадостное объявленіе о превосходствѣ новоизобрѣтенной артиллеріи предъ старою генераломъ фелдцейгместеромъ и кавалеромъ графомъ Петромъ Ивановичемъ Шуваловымъ».

Въ Собраніи сочиненій Ломоносова, 1803 года, печат. въ типографіи Шнора (Часть II. стр. 35—37), помѣщено это стихотвореніе подъ такимъ же точно заглавіемъ, какъ и въ изданіи 1778 года, и съ единственнымъ варіантомъ:

Ст. 48. Чтобъ слышать громъ и стукъ изшедшій отъ Невы.

Академикъ Пекарскій полагалъ, что оно явилось впервые именно въ этомъ изданіи. Онъ говоритъ: «Это хвалебное стихотвореніе не являлось въ печати ни при Елисаветѣ, ни при Екатеринѣ II: въ первый разъ оно напечатано въ Собраніи разныхъ сочиненій Ломоносова, С.-Петербургъ, въ типографіи Шнора (въ 8°), II, 35—37».

(Исторія Академіи наукъ. II. 618—621.)

Въ сочиненіяхъ Ломоносова, изданныхъ въ 1847 году Смирдинымъ въ Полномъ собраніи сочиненій русскихъ авторовъ (Т. I. стр. 288—290), стихотвореніе напечатано въ томъ же

видѣ, какъ и въ изданіи 1803 года (только вмѣсто: *Ренъ* напеч.: *Рейнъ);* но съ такимъ заглавіемъ: «Стихи на всенародное объявленіе о превосходствѣ новоизобрѣтенной артиллеріи предъ старою генераломъ фельдцейхмейстеромъ и кавалеромъ графомъ Петромъ Ивановичемъ Шуваловымъ». Заслуживаетъ вниманія замѣна слова: *всерадостное* словомъ: *всенародное.*

Находящееся въ заглавіи слово: *артиллерія* употреблено въ томъ смыслѣ, какъ и въ Словарѣ Россійской академіи (1789. Т. I. стр. 49): «*Артиллерія* — снарядъ огнестрѣльныхъ орудій, каковы суть: пушки, мортиры, гаубицы». Гаубица — артиллерійское орудіе, занимающее середину между мортирою и пушкою.

Графъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ пріобрѣлъ громкую извѣстность изобрѣтеніемъ такъ называемыхъ *секретныхъ Шуваловскихъ гаубицъ.* «Существенное отличіе ихъ отъ обыкновенныхъ гаубицъ состояло, по свидѣтельству спеціалистовъ, въ томъ, что онѣ имѣли большую длину (до 10 калибровъ) и дуло овальное, шириною вдвое болѣе вышины. Это было сдѣлано въ томъ предположеніи, что картечь, для стрѣльбы которою онѣ преимущественно были назначены, будетъ лучше разлетаться. Опыты, у насъ произведенные, дѣйствительно показали ихъ пользу въ этомъ отношеніи, и потому онѣ были введены въ нашу артиллерію. Ихъ назвали *секретными;* дуло закрывали мѣдною закрышкою и запирали замкомъ», и т. д.

Болотовъ говоритъ, что выстрѣлы изъ секретныхъ Шуваловскихъ гаубицъ можно было узнать по особливому ихъ звуку и по густому черному дыму.

Во время сраженія при Грос-Эгерсдорфѣ «наша артиллерія, а особливо новоизобрѣтенныя графомъ Шуваловымъ гоубицы такое имѣли дѣйствіе, что, заслуживая ему справедливую похвалу, не токмо не допустили стремящагося непріятеля ворваться въ наши линіи, но паче кавалерію его привели въ крайнее замѣшаніе».

Въ сраженіи при Пальцигѣ «Шуваловскія гоубицы ужасное имѣли дѣйство, такъ что ежелибъ непріятель не имѣлъ свѣжихъ

и перемѣнныхъ людей въ готовности, то конечноб тотчасъ ему въ бѣгство обратиться надлежало».

Въ началѣ 1760 года произведено въ Маріенвердерѣ испытаніе новой артиллеріи съ цѣлью доказать дѣйствительное превосходство ея передъ старою. Описаніе произведеннаго сравненія обнародовано въ указѣ, и сверхъ того въ тогдашнихъ вѣдомостяхъ напечатано краткое описаніе новой артиллеріи, представленное графомъ Петромъ Ивановичемъ Шуваловымъ въ учрежденную при Дворѣ Ея Императорскаго Величества конференцію. Обнародованіе результатовъ испытанія и сравненія новоизобрѣтенныхъ орудій съ прежними и послужило, по всей вѣроятности, поводомъ къ стихотворенію Ломоносова. Этимъ и объясняется заглавіе: «Стихи на всенародное объявленіе о превосходствѣ новоизобрѣтенной артиллеріи предъ старою», и т. д.

(Жизнь и приключенія Болотова. стр. 420, 526, 849 и др.
Реляціи: 20 августа 1757 года и 18 іюля 1759 года.
Военный Энциклопедическій лексиконъ. Статья: Шуваловскія гаубицы, и др.
С.-Петербургскій Архивъ сената. Рукопись № 99. л. 20—30 об.
Санктпетербургскія Вѣдомости. 1760. № 16. Прибавленіе.)

Ст. 3—4. Ты въ исправленіи гранадъ, доходовъ, правъ,
Самъ дѣломъ испыталъ, трудолюбивый Графъ!

Говоря, что Шуваловъ потрудился въ усовершенствованіи артиллеріи и въ увеличеніи государственныхъ доходовъ, Ломоносовъ остается вѣренъ исторической истинѣ.

Заслуги Шувалова въ преобразованіи нашей артиллеріи признаются и современными знатоками военнаго дѣла. «Наши артиллеристы, по почину и при самомъ живомъ участіи графа Петра Шувалова, были усиленно заняты изысканіями по усовершенствованію артиллерійскихъ орудій, съ цѣлью достигнуть большей дѣйствительности выстрѣловъ и удобоподвижности полковой и полевой артиллеріи. Послѣ ряда опытовъ въ первый годъ семилѣтней войны, графъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ достигъ вполнѣ желаемыхъ результатовъ. . . . . Изъ всѣхъ нашихъ

фельдцейгмейстеровъ, въ промежутокъ времени отъ Петра до Павла, графъ Шуваловъ былъ неоспоримо самый дѣятельный, можно прибавить и самый дѣльный. Его единороги, получивъ право гражданственности наравнѣ съ пушками, стали главнымъ орудіемъ полевой артиллеріи. Когда снова стали добиваться мѣткости выстрѣловъ, то снова обратились къ оставленному прицѣлу Шуваловскихъ единороговъ. Графъ Шуваловъ остановилъ безотчетное стремленіе русской артиллеріи къ подражанію иноземцамъ, и поставилъ ее въ необходимость самостоятельной дѣятельности. Онъ уничтожилъ постановленіе Миниха и сравнялъ въ жалованьи русскихъ офицеровъ съ иноземцами. Безъ всякаго предпочтенія къ иностранной фамиліи, Шуваловъ назначалъ лучшихъ офицеровъ въ роты къ своимъ секретнымъ гаубицамъ — честь, которой сильно добивались всѣ артиллеристы; таинственность же, которою окружали секретныя орудія, разумѣется, еще болѣе раздражала непосвященныхъ», и т. д.

(Русская армія въ семилѣтнюю войну. Генеральнаго штаба полковника Масловскаго. 1886. Выпускъ I. стр. 55.

Артиллерійскій Журналъ. 1860. № 4. Апрѣль. Лекціи, читанныя полковникомъ Ратчемъ. стр. 215—236.)

Историки отдаютъ справедливость дѣятельности графа Петра Ивановича Шувалова по улучшенію нашихъ финансовъ и по развитію всего того, что способствуетъ народному благосостоянію. Благодаря Шувалову, уничтожены, лежавшія тяжелымъ бременемъ на народѣ, внутреннія таможни; учреждены банковыя конторы въ Петербургѣ и Москвѣ; указанъ выходъ изъ бѣдственнаго положенія вслѣдствіе повсемѣстнаго недостатка соли — предложеніемъ добывать соль изъ Элтонскаго озера. Шуваловымъ же предложено: мѣдь, опредѣленную для копеечной монеты по восьми рублей изъ пуда, передѣлать въ грошевую, копеечную, денежную и полушечную монету, по шестнадцати рублей изъ пуда, вслѣдствіе чего количество обращающихся въ народѣ денегъ увеличится болѣе, чѣмъ на пять милліоновъ рублей, и т. д.

(Исторія Россіи. соч. Соловьева. 1873. Т. XXIII. стр. 220, 246, 255 и др.; — 1874. Т. XXIV. стр. 172, 238, 357 и др.)

Ст. 7—10. Стараться о добрѣ, коль дозволяетъ мочь.
День въ пользѣ провождать и безъ покоя ночь,
И слышать о себѣ недоброхотны рѣчи —
Не легче, какъ стоять противъ кровавой сѣчи.

«Недоброхотны рѣчи» о графѣ Петрѣ Ивановичѣ Шуваловѣ можно было слышать отъ лицъ различныхъ слоевъ общества, отъ высшаго до низшаго. По словамъ артиллеріи маіора Данилова, «графскій домъ наполненъ былъ весь писцами, которые списывали разные отъ графа прожекты. Нѣкоторые изъ нихъ были къ пріумноженію казны государственной, которой на бумагѣ милліоны поставлено были цыфромъ; а другіе прожекты были для собственнаго его графскаго верхняго доходу, какъ то: сало ворванье, мачтовый лѣсъ и проч., которые были на откупу во всей Архангелогородской губерніи, всего умножало его доходъ до 400,000 рублей (кромѣ жалованья) въ годъ. Къ чести графа недоставало только чина командовать своею дивизіею, ибо его дивизія была въ командѣ у главнаго командира надъ арміею въ походѣ противъ Пруссіи. Графъ выпросилъ себѣ позволеніе набрать изо всѣхъ полковъ корпусъ, состоящій изъ 30,000 человѣкъ; назвалъ оный корпусъ *обсерваціоннымъ*, укомплектовалъ его новою артиллеріею и поставилъ себя главнымъ шефомъ» и т. д.

(Записки артиллеріи маіора Михаила Васильевича Данилова. 1842. стр. 105—106.— Даниловъ род. окол. 1722 г., скonч. послѣ 1790 г.; записки свои писалъ въ 1771 году.)

Екатерина II разсказываетъ въ своихъ Запискахъ: On représenta à l'impératrice que sa gloire souffrait du crédit du comte Bestoujeff en Europe. On l'arrêta en pleine conférence et on le renvoya prisonnier dans son hôtel. Comme ceci était préparé, on avait fait venir une compagnie de grenadiers de la garde. Ceux-ci en longeant la Moïka, où les comtes Alexandre et Pierre Schouvaloff avaient leurs maisons, disaient: «Dieu merci, nous allons arrêter ces maudits Schouvaloff qui ne font qu'inventer monopoles». Mais quand les soldats virent qu'il s'agissait du

comte Bestoujeff, ils en montrèrent du déplaisir, disant: «Ce n'est pas celui-là, ce sont les autres, qui foulent le peuple».

Нареканія на Шувалова до того усилились, что ими вызвано было надѣлавшее много шуму испытаніе орудій въ Маріенвердерѣ, въ присутствіи множества военныхъ, отъ фельдмаршала и генераловъ до подпоручика и прапорщика. Въ протоколѣ конференціи, учрежденной при Дворѣ Ея Императорскаго Величества, 15 февраля 1760 года, говорится: «Понеже произносились еще нѣкоторые неосновательные слухи, клонящіеся ко уменьшенію той пользы, какую дѣйствительно приноситъ новоизобрѣтенная нашимъ генераломъ-фельдцейгмейстеромъ графомъ Шуваловымъ артиллерія, то хотя послѣ доказаннаго и утвержденнаго превосходства оной предъ старою не заслуживали бы помянутые слухи уваженія, однакожъ, дабы и оные единажды пресѣчь» — повелѣвалось «произвести на практикѣ всѣ тѣ свидѣтельства, кои къ тому потребны быть могутъ, чтобъ дѣйствительное превосходство новой предъ старою доказать, и всякое о томъ сумнѣніе навсегда опровергнуть».

(С.-Петербургскій Архивъ сената. Рукопись № 99. л. 20—30 об.)

Ст. 36. Отъ Росской армїи не разродясь погасъ.
(С. III и др.)

Ст. 43, 47—51. Тамъ Варта съ Одрою струи свои крутитъ,
Секвана и Дунай подъемлютъ въ верьхъ главы,
Чтобъ слышать громъ и стукъ изшедшій отъ Невы.
Тамъ Одра, Темза, Ренъ кровавы движутъ волны;
Мутятся во брегахъ съ надеждой страха полны.
Всѣ ждутъ, въ который край надежда полетитъ.

Имена названныхъ здѣсь рѣкъ указываютъ отчасти на мѣста военныхъ дѣйствій, отчасти же на тѣ страны, которыя или принимали участіе въ войнѣ, или оказывали, если не прямое, то косвенное вліяніе на ходъ войны и на отношенія воюющихъ сторонъ.

XLIII.

ТЕКСТЪ.

Краткой Россійской Лѣтописецъ съ родословіемъ. Сочиненіе Михайла Ломоносова. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи наукъ 1760 года.

Первыя двѣнадцать страницъ не нумерованы; на первой изъ нихъ — заглавіе; на второй — посвященіе: «Его Императорскому Высочеству пресвѣтлѣйшему государю великому князю Павлу Петровичу герцогу Голштейншлезвигскому, Стормарнскому и Дитмарсенскому, графу Олденбургскому и Делменгорстскому и протчая, милостивѣйшему государю». На четвертой и пятой страницахъ — стихотвореніе:

Россію предпріявъ ущедрить небеса,
Являютъ Твоея породы чудеса.
Младый Великій Князь, Ты восходя сіяешь,
И вѣку Своего свѣтъ полный обѣщаешь. и т. д.

На остальныхъ ненумерованныхъ страницахъ помѣщено введеніе къ «Лѣтописцу», которое названо авторомъ: «Показаніе россійской древности, сокращенное изъ сочиняющейся пространной исторіи».

Краткій Россійскій Лѣтописецъ былъ одною изъ первыхъ книгъ, предназначавшихся для шестилѣтняго тогда внука императрицы Елисаветы Петровны. Въ томъ же 1760 году составленъ первый учебникъ собственно «для употребленія Е. И. В. великаго князя Павла Петровича: Краткое понятіе о физикѣ».

3 января 1760 года вмѣнено въ обязанность Академіи наукъ «въ комнату Е. И. В. вел. кн. Павла Петровича взносить изъ книжной лавки съ начала сего года россійскія Вѣдомости съ Прибавленіями, Ежемѣсячныя Сочиненія, также издаваемые въ печать листочки, на хорошей бумагѣ, по одному экземпляру». Какъ на особенный педагогическій пріемъ можно указать на то, что для малолѣтняго Павла Петровича печатались Вѣдомости, въ которыхъ подъ рубрикою: «изъ Петербурга» помѣщались извѣстія о поведеніи великаго князя, котораго увѣряли, что эти листки разсылаются по всей Европѣ.

Въ 1760 году Павелъ Петровичъ въ первый разъ въ жизни присутствовалъ въ «оперномъ домѣ» и на парадномъ обѣдѣ во дворцѣ, и съ тѣхъ поръ началъ принимать иностранныхъ пословъ въ особыхъ аудіенціяхъ.

(Архивъ Академической Канцеляріи. Рукопись № 530. — Цесаревичъ Павелъ Петровичъ. Историческое изслѣдованіе Дмитрія Кобеко. 1883. стр. 6—8.)

Ст. 21. Хотя соперники, но Прадѣды Твои;

Отецъ Павла Петровича, императоръ Петръ III, былъ внукомъ по матери — Петра Великаго, а по отцу — Карла XII.

XLIV.

ТЕКСТЪ.

Петръ Великій, героическая поема, Михайла Ломоносова. Въ четвертую долю листа; сорокъ четыре нумерованныя страницы. Въ началѣ — посвященіе поэмы Ивану Ивановичу Шувалову. Вверху страницы, на которой начинается посвященіе — прямоугольная продолговатая заставка изъ пяти рядовъ несвязанныхъ украшеній. Крайніе ряды составлены изъ симметрично расположенныхъ восьмиконечныхъ звѣздочекъ, а средній — изъ мелкихъ фигуръ на подобіе трилистника, чередующихся съ мелкими звѣздочками. Въ концѣ посвященія — заставка (cul-de-lampe), составленная изъ завитковъ, цвѣтковъ и подобія раковинъ, связанныхъ вмѣстѣ.

Передъ началомъ первой пѣсни поэмы — виньетка, составленная изъ военныхъ аттрибутовъ (знамена, пушка, литавры, труба и проч.), средину которой занимаетъ двуглавый орелъ, обрамленный лавровыми вѣтвями и пальмовыми листьями.

Въ концѣ первой пѣсни — виньетка, верхняя часть которой составлена изъ трофеевъ, средина занята овальнымъ щитомъ съ изображеніемъ двуглаваго орла; по сторонамъ — сидящія крылатыя фигуры въ драпировкахъ, изъ которыхъ лѣвая держитъ жезлъ съ изображеніемъ Побѣды, а другая — мечъ, обвитый масличною вѣтвію. Нижнюю часть виньетки образуютъ орнаментальные завитки и гирлянды.

Передъ началомъ второй пѣсни поэмы — прямоугольная заставка, средину которой занимаетъ фантастическая корона въ овалѣ, а остальное пространство прямоугольника заполнено акантовыми завитками, симметричными по вертикальной оси. Прямоугольникъ окруженъ криволинейнымъ ритмическимъ бордюромъ, несвязаннымъ по угламъ.

Въ концѣ второй пѣсни поэмы — типографская заставка, составленная изъ крестообразно сложенныхъ трубы и копья. Образуемые ими углы заняты: верхній шлемомъ, а прочіе масличными и пальмовыми вѣтками.

Поэма: «Петръ Великій» начата Ломоносовымъ въ 1756 году и окончена въ 1761 году. Въ отчетѣ о трудахъ своихъ въ 1756 году Ломоносовъ говоритъ: «Сочиняю героическую поему, именуемую *Петръ Великій*». Въ протоколѣ конференціи 10 января 1757 года: Consil. Lomonossow declaravit, se in lucem editurum Historiam Rossicam et Poema epicum in honorem Petri Magni. Въ ноябрѣ 1757 года Ломоносовъ писалъ И. И. Шувалову: «Окончаніе начатаго героическаго описанія трудовъ Петровыхъ выше всѣхъ благополучій въ жизни моей почитаю». Въ ноябрѣ 1760 года напечатано въ академической типографіи «сочиненныхъ профессоромъ Ломоносовымъ стиховъ, называемыхъ поэма, шестьсотъ двадцать пять экземпляровъ, а каждый экземпляръ на трехъ листахъ съ половиной». Въ іюлѣ 1761 года «напечатано сочиненной господиномъ Ломоносовымъ героической поэмы пѣснь вторая шестьсотъ экземпляровъ; наборомъ оное состоитъ изъ двухъ съ половиною листовъ».

Въ концѣ посвященія Шувалову напечатано: «Ноября 1 дня 1760 года». Иванъ Ивановичъ Шуваловъ родился 1 ноября 1727 года; ум. 14 ноября 1797 года. Ломоносовъ говоритъ въ посвященіи (ст. 56—57):

Лишь былибъ завсегда защитники такія,
Каковъ Ты промысломъ въ сей день произведенъ,

Ст. 1—8. Пою премудраго Россїйскаго Героя,
Что грады новые, полки и флоты строя,
Отъ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ со злобой велъ войну,
Сквозь страхи проходя, вознесъ своѝ страну;
Смирилъ злодѣевъ внутрь, и внѣ попралъ противныхъ,
Рукой и разумомъ савергъ дерзостныхъ и льстивныхъ;
Среди военныхъ бурь науки намъ открылъ,
И миръ дѣлами весь и зависть удивилъ.

Ст. 9—16. Къ тебѣ я вопїю, Премудрость бесконечна,
Пролей свой лучь ко мнѣ, гдѣ искренность сердечна,
И полонъ ревности спѣшитъ въ восторгѣ духъ
Петра Великаго гласить вселенной въ слухъ,
И показать, какъ Онъ превыше человѣка
Понесъ труды для насъ неслыханны отъ вѣка;
Съ какимъ усердїемъ Отечество любя,
Ужаснымъ подвергалъ опасностямъ себя.

Ст. 35—38. Ужѐ освобожденъ отъ ва́рваръ былъ Азовъ;
До Меотискихъ Донъ свободно текъ валовъ,
Нося ужасной флотъ въ струяхъ къ пучинѣ Черной,
Что созданъ въ скорости Петромъ неимовѣрной.

Слово: «пою», которымъ начинается поэма Ломоносова, составляетъ своего рода литературное преданіе. Подобное начало считалось обязательнымъ изъ подражанія великимъ образцамъ Иліадѣ и Одиссеѣ:

Μῆνιν ἄειδε, θεά, Πηληϊάδεω Ἀχιλῆος. . . .
Ἄνδρα μοι ἔννεπε, μοῦσα, πολύτροπον. . . .

Подобнымъ образомъ начинали свои поэмы стихотворцы различныхъ эпохъ и народовъ.

Тилемахида Тредьяковскаго:

Древня размѣра Стїхомъ пою Отцелюбнаго Сына,
Кой, отъ прирóдныхъ брéговъ поплывъ, и странствуя долго,
Былъ провождаемъ вездѣ Паллáдою Ментора въ видѣ. . . . .

Тредьяковскій говоритъ о своемъ переводѣ Art poétique: «первую Пѣснь *воспѣвъ* Іамбїческимъ Стїхомъ, вторую *пою* Хореїческимъ».

Россіада Хераскова:

Пою отъ варваровъ Россію свобожденну,
Попранну власть татаръ и гордость низложенну. . . .

Мессіада Клопштока:

Sing', unsterbliche Seele, der sündigen Menschen Erlösung,
Die der Messias auf Erden in seiner Menschheit vollendet. . . . .

Назвавши главнаго героя своей поэмы, стихотворцы обыкновенно обращались къ Музѣ или къ замѣнявшему ее какому либо отвлеченному понятію, и затѣмъ приступали къ изложенію событій, составляющихъ содержаніе поэмы. Такъ поступилъ Ломоносовъ; то же видимъ у его образцовъ: Виргилія, Тассо, Вольтера.

Arma virumque cano, Troiae qui primus ab oris
Italiam fato profugus Laviniaque venit
litora, multum ille et terris iactatus et alto
vi superum saevae memorem Iunonis ob iram,
multa quoque et bello passus, dum conderet urbem
inferretque deos Latio, genus unde Latinum
Albanique patres atque altae moenia Romae.
Musa, mihi causas memora, quo numine laeso
quidve dolens regina deum tot volvere casus

insignem pietate virum, tot adire labores
inpulerit. tantaene animis caelestibus irae?
Urbs antiqua fuit (Tyrii tenuere coloni)
Karthago, Italiam contra Tiberinaque longe
ostia, dives opum studiisque asperrima belli. . . . .
(Aeneid. lib. I. v. 1—14.)

Canto l'armi pietose, e'l Capitano
Che 'l gran sepolcro liberò di Cristo:
Molto egli oprò col senno e con la mano,
Molto soffrì nel glorïoso acquisto:
E invan l'inferno a lui s'oppose, e invano
S'armò d'Asia e di Libia il popol misto:
Che 'l ciel gli diè favore, e sotto ai santi
Segni ridusse i suoi compagni erranti.
O Musa, tu che di caduchi allori
Non circondi la fronte in Elicona,
Ma su nel cielo infra i beati cori
Hai di stelle immortali aurea corona;
Tu spira al petto mio celesti ardori,
Tu rischiara il mio canto. . . . . .
Già 'l sesto anno volgea, che 'n Orïente
Passò il campo cristiano all'alta impresa;
E Nicea per assalto, e la potente
Antïochia con arte avea già presa. . . . .
(La Gerusalemme liberata. Canto primo. v. 1—14, 41—44.)

Je chante ce héros qui régna sur la France
Et par droit de conquête et par droit de naissance;
Qui par de longs malheurs apprit à gouverner,
Calma les factions, sut vaincre et pardonner,
Confondit et Mayenne, et la ligue, et l'Ibère,
Et fut des ses sujets le vainqueur et le père.
Descends du haut des cieux, auguste Vérité!
Répands sur mes écrits ta force et ta clarté. . . . . .

Valois régnait encore, et ses mains incertaines
De l'État ébranlé laissaient flotter les rênes;
Les lois étaient sans force, et les droits confondus;
Ou plutôt en effet Valois ne régnait plus. . . . . . .
(La Henriade. Chant premier. v. 1—8, 21—24.)

Ст. 12—14. Петра Великаго гласить вселенной въ слухъ,
И показать, какъ Онъ превыше человѣка
Понесъ труды для насъ неслыханны отъ вѣка;

Ср. Въ посвященіи Шувалову поэмы «Петръ Великій» (ст. 31—32):

Что первый пѣлъ дѣлá такого Человѣка,
Каковъ во всѣхъ странахъ не слыханъ былъ отъ вѣка.

Въ одѣ Ломоносова на 25 ноября 1747 года (ст. 65—66):

Послалъ въ Россїю Человѣка,
Каковъ не слыханъ былъ отъ вѣка.

Въ примѣчаніи къ этимъ стихамъ (Т. I. стр. 293—294) приведены слова Сумарокова: «Ето взято изъ моихъ стиховъ, которые за три года прежде сей оды здѣланы», и т. д.

Ст. 47—68. «Нельзя кажется сомнѣваться, что въ слѣдующихъ стихахъ своей поэмы: *Петръ Великій* Ломоносовъ выразилъ тѣ чувства и представленія, которыя не разъ смутно овладѣвали его душою, когда еще онъ былъ крестьяниномъ:

Монархъ нашъ отъ Москвы простеръ свой быстрый ходъ,
Къ любезнымъ берегамъ полночныхъ бѣлыхъ водъ,
Гдѣ прежде межъ валовъ душа въ немъ веселилась,
И больше къ плаванью въ немъ жажда воспалилась.
О коль ты счастлива, великая Двина,
Что славнымъ шествїемъ его освящена:
Ты тѣмъ всѣхъ выше рѣкъ, что устьями своими
Сливаясь въ сонмъ единъ со безднами морскими,

Открыла посредѣ играющихъ валовъ
Другихъ всѣхъ прежде струй пучинѣ зракъ Петровъ.
О холмы красные и островы зелены,
Какъ радовались вы симъ счастьемъ восхищенны!
Что поздно я на васъ, что поздно я рожденъ,
И тѣмъ толикаго веселія лишенъ?
Не зрѣхъ, какъ онъ сіялъ Величествомъ надъ вами
И шествовалъ по вамъ предъ новыми полка́ми;
Какъ новы крѣпости, и новы корабли,
Ужасные врагамъ въ волнахъ и на земли́,
Смотрѣлъ и утверждалъ, противу ихъ набѣгу,
Грозящему бѣдой Архангельскому брегу:
Дабы Россійскую тѣмъ силу раздѣлить,
Отъ Ингерскихъ градовъ осады отвратить.

Въ самомъ дѣлѣ, и не такой геніальный, какъ Ломоносовъ, но всякій смышленый, воспріимчивый крестьянскій мальчикъ и юноша Поморья, любой его сверстникъ, заслушавшись чудныхъ разсказовъ стариковъ о бывшемъ у нихъ царѣ, могъ иногда сожалѣть, зачѣмъ онъ такъ поздно родился и самъ лично не видалъ Петра на своей родной Двинѣ. Вы слышите въ этихъ стихахъ искреннее чувство мѣстнаго областнаго духа, какую-то гордость своимъ краемъ, какое-то предпочтеніе его другимъ областямъ Россіи», и т. д.

(Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. Біографическій очеркъ. соч. В. И. Ламанскаго. 1864. стр. 35.)

Ст. 61. *Зрѣхъ* вм. *зрѣлъ* не употреблено ли для того, чтобы рѣзче отдѣлить первое лицо отъ третьяго: *сіялъ, шествовалъ?*

Ст. 75—84. Закрылись крайніе пучиною лѣса̀;
Лишь съ моремъ видны вкругъ сліянны небеса.
Тутъ вѣтры сильные имѣя флотъ во власти,
Со всѣхъ сторонъ сложась къ погибельной напасти,
На Западъ и на Югъ, на Сѣверъ и Востокъ

Стремятся, и вертятъ мглу, влагу и песокъ:
Перуны мракъ густой сверкая раздѣляютъ,
И громы съ шумомъ водъ свой трескъ соединяютъ:
Межъ моремъ рушился и воздухомъ предѣлъ;
Дождю на встрѣчу дождь съ кипящихъ волнъ летѣлъ;

Ср. Энеида. кн. I, ст. 82—91; кн. III, ст: 192—200:

. . . . ac venti velut agmine facto,
qua data porta, ruunt et terras turbine perflant.
incubuere mari, totumque a sedibus imis
una Eurusque Notusque ruunt creberque procellis
Africus, et vastos volvont ad litora fluctus.
insequitur clamorque virum stridorque rudentum.
eripiunt subito nubes caelumque diemque
Teucrorum ex oculis; ponto nox incubat atra.
intonuere poli et crebris micat ignibus aether,
praesentemque viris intentant omnia mortem. . . . . .
Postquam altum tenuere rates nec iam amplius ullae
apparent terrae, caelum undique et undique pontus,
tum mihi caeruleus supra caput astitit imber
noctem hiememque ferens, et inhorruit unda tenebris.
continuo venti volvont mare magnaque surgunt
aequora, dispersi iactamur gurgite vasto,
involvere diem nimbi et nox umida caelum
abstulit, ingeminant abruptis nubibus ignes.
excutimur cursu, et caecis erramus in undis. . . . . . .

Ст. 75—76, 129—134, 177—182. Батюшковъ въ статьѣ своей о поэтѣ и поэзіи говоритъ: «Климатъ, видъ неба, воды и земли, все дѣйствуетъ на душу поэта, отверзтую для впечатлѣній. Напрасно уроженецъ Сициліи или Неаполя желалъ бы описывать мрачную природу сѣвера; напрасно сѣверный поэтъ желалъ бы изображать роскошныя долины, рощи и небо Сициліи, высокое, прозрачное и вѣчно ясное. Одинъ Тассъ, рожденный подъ раска-

леннымъ солнцемъ Неаполя, могъ описать столь вѣрными и свѣжими красками ужасную засуху, гибельную для крестовыхъ воиновъ. У насъ Ломоносовъ, рожденный на берегу шумнаго моря, воспитанный въ трудахъ промысла, сопряженнаго съ опасностію, сей удивительный человѣкъ, въ первыхъ лѣтахъ юношества былъ сильно пораженъ явленіями природы: солнцемъ, которое въ должайшіе дни лѣта, дошедъ до края горизонта, снова возстаетъ и снова течетъ по тверди небесной; сѣвернымъ сіяніемъ, которое въ полуночномъ краю замѣняетъ солнце и проливаетъ холодный и дрожащій свѣтъ на природу, спящую подъ глубокими снѣгами; Ломоносовъ съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ описываетъ сіи явленія природы, величественныя и прекрасныя, и повторяетъ ихъ въ великолѣпныхъ стихахъ своихъ:

Закрылись крайніе пучиною лѣса̀;
Лишь съ моремъ видны вкругъ слїянны небеса. . . .
. . . . сквозь воздухъ въ югѣ чистый,
Открылись два холма и береги лѣсисты.
Межъ ними кораблямъ въ заливъ отверзся входъ,
Убѣжище пловцамъ о̀тъ беспокойныхъ водъ;
Гдѣ въ мокрыхъ берегахъ крутясь печальна Уна,
Медлительно течетъ въ объятїя Нептуна. . . .
Достигло дневное до полночи свѣтило,
Но въ глубинѣ лица́ горящаго не скрыло,
Какъ пламенна гора́ казалось межъ валовъ,
И простирало блескъ багровой изъ за льдовъ.
Среди пречудныя при ясномъ солнцѣ ночи
Верьхи златыхъ зыбей пловцамъ сверкаютъ въ очи.

Мы не остановимся на красотѣ стиховъ. Здѣсь всѣ выраженія великолѣпны: горящее лицо солнца, противуположенное хладнымъ водамъ океана, солнце, остановившееся на горизонтѣ и, подобно пламенной горѣ, простирающее блескъ изъ за льдовъ, суть первоклассныя красоты описательной поэзіи. Два послѣдніе стиха, заключающіе картину, восхитительны:

Среди пречудныя при ясномъ солнцѣ ночи
Верьхи златыхъ зыбей пловцамъ сверкаютъ въ очи.

Но мы замѣтимъ, что поэтъ не могъ бы написать ихъ, если бы онъ не былъ свидѣтелемъ сего чудеснаго явленія, которое поразило огненное воображеніе вдохновеннаго отрока и оставило въ немъ глубокое, неизгладимое впечатлѣніе».

(Сочиненія К. Н. Батюшкова. Изданы П. Н. Батюшковымъ. 1885. Т. II. «Нѣчто о поэтѣ и поэзіи». стр. 124—126.)

Ст. 86—92. Герой нашъ посредѣ великія напасти
Сквозь грозный стонъ стихій къ блѣднѣющимъ гласитъ:
„Мужайтесь: Промыслъ насъ небесный искушаетъ;
„Къ трýдамъ и къ крѣпости на предки ободряетъ;
„Всякъ дѣлу своему со тщаніемъ внимай:
„Опасности сея Богъ скоро пошлетъ край.

Такъ Петръ Великій ободрялъ во время морской бури своихъ, объятыхъ ужасомъ, спутниковъ. Слова, вложенныя авторомъ поэмы въ уста Петра Великаго, напоминаютъ воззваніе Энея, ободряющаго упавшихъ духомъ троянцевъ.

Энеида. кн. I. ст. 197—199, 202—203:

. . . . et dictis maerentia pectora mulcet:
'o socii (neque enim ignari sumus ante malorum)
o passi graviora, dabit deus his quoque finem.
. . . . revocate animos, maestumque timorem
mittite; forsam et haec olim meminisse iuvabit. . . .

Ст. 153—175. „Полденный свѣта край обшелъ отважный Гáма,
„И солнцева достигъ, что мнила древность, храма.

„Герои на моряхъ Колумбъ и Магелланъ
„Коль много обрѣли безвѣстныхъ прежде странъ;
„Подвигнуты хвалой, исполненны надежды,
„Которой лишены пугливые невѣжды,
„Презрѣли робость ихъ, роптанье и упоръ,
„Что въ нихъ произвели болѣзни, голодъ, моръ.
„Иное небо тамъ и новыя свѣтила,
„Тамъ полдень въ сѣверѣ, ина въ магнитѣ сила.
„Бездонный Океанъ травой какъ лугъ покрытъ;
„Погибель въ ночь и въ день со всѣхъ сторонъ грозитъ.
„Опасенъ вихрей бѣгъ, но тишина страшнѣе,
„Что портитъ въ жилахъ кровь свирѣпыхъ ядовъ злѣе.
„Лишаетъ долгой зной здоровья и ума;
„А стужа въ сѣверѣ ничтожитъ вредъ сама.
„Самъ ледъ, что кажется толь грозенъ и ужасенъ,
„Отъ оныхъ лютыхъ бѣдъ дастъ ходъ намъ безопасенъ.
„Колумбы Россiе презрѣвъ угрюмый рокъ,
„Межъ льдами новый путь отворятъ на востокъ,
„И наша досягнетъ въ Америку держава;

Мысль, выраженная въ этихъ стихахъ, подробно развивается Ломоносовымъ въ его въ высшей степени замѣчательномъ трудѣ о сѣверномъ морскомъ пути въ Восточную Индію. «Россія — говоритъ Ломоносовъ — простерла свою власть до береговъ Восточнаго Океана, и въ пространствѣ онаго открыла невѣдомыя земли. Но за безмѣрною дальностію, для долговременныхъ и трудныхъ путей, сила ея на востокѣ едва чувствительно умно-

жается, и въ изысканіи и овладѣніи оныхъ земель, и въ предпріятіи купеческаго сообщенія съ восточными народами, нѣтъ почти никакихъ успѣховъ. Всѣ сіи трудности прекращены быть могутъ морскимъ сѣвернымъ ходомъ, о котораго возможности найдутся въ семъ моемъ разсужденіи довольныя доказательства. Правда, что представленіе многихъ трудностей, которымъ сіе предпріятіе можетъ быть подвержено, въ состояніи возбудить сомнѣнія; но оныя, уповаю, изчезнутъ, когда положимъ къ нимъ въ сравненіе въ подобныхъ случаяхъ труды, препятствія и успѣхи западныхъ народовъ, а особливо Португальцовъ и Ишпанцовъ. Правда, что здѣсь затрудненіемъ грозятъ льды и стужи; однако, положивъ оныя въ сравненіе съ путешествіемъ въ восточную Индію около Африки, много легче усмотримъ, и противъ одной стужи многія и большія неудобства найдемъ. На толь долгомъ пути, подъ разными климатами, на разныхъ моряхъ, какихъ не представляли себѣ опасностей Португальцы? Одинъ сей страхъ отъ невѣдомыхъ приключеній могъ бы, кажется, уничтожить ихъ надежду. Преходя екваторъ, въ первые походы, коль страшныя ощутили неудобности. Долговременная тишина съ нестерпимымъ зноемъ не токмо члены человѣческіе приводила въ слабость и къ понесенію трудовъ чинила неудобными, но согнитіемъ воды и съѣстныхъ припасовъ, и рожденіемъ въ нихъ червей, голодъ и жажду, сверьхъ того моровыя язвы и бѣшенство, въ людяхъ производили. Внезапно на ослабленныхъ устремлялись неслыханные въ нашихъ моряхъ свирѣпые вихри и тучъ густыхъ удары, отъ которыхъ корабли нечаянно въ великой пучинѣ погружались. . . . . . Россія, имѣя Сѣверной Океанъ, лежащій при берегахъ себѣ подданныхъ, и по большой части изслѣдованныхъ и описанныхъ, за однимъ только льдомъ и стужею не продолжаетъ своихъ важныхъ и преславныхъ предпріятій, дабы достигнуть къ тѣмъ берегамъ восточнымъ, гдѣ не токмо отъ непріятелей безопасна, но и свои поселенія, и свой флотъ найдетъ. Не на великомъ пространствѣ въ разныхъ климатахъ, которые разнятся семьюдесятью градусами, предпріять долговременной

морской путь Россіянамъ нужно; но между 80-мъ и 65-мъ сѣверной широты обращаться. Нѣтъ страху ни отъ крутыхъ, море похищающихъ вихрей, ни отъ ударовъ тучъ, корабли отъ воды отрывающихъ, которые въ сѣверныхъ моряхъ нигдѣ не примѣчены. Не опасна долговременная тишина съ великими жарами, отъ чего бы члены человѣческіе пришли въ неудобную къ понесенію трудовъ слабость; ни согнитіе воды и съѣстныхъ припасовъ и рожденіе въ нихъ червей; ниже моровая язва и бѣшенство въ людяхъ: все сіе стужею, которой такъ опасаемся, отвращено будетъ. Самое сіе, больше страшное, нежели вредное препятствіе, которое нашимъ сѣвернымъ Россіянамъ не такъ пагубно, превратится въ помощь. Сіи преимущества довольны быть кажутся, чтобы побудить къ новымъ предпріятіямъ въ сысканіи сѣвернаго ходу Сибирскимъ Океаномъ».

(Проектъ Ломоносова и экспедиція Чичагова. Изданіе Гидрографическаго департамента. 1854. «Краткое описаніе разныхъ путешествій по сѣвернымъ морямъ, и показаніе возможнаго проходу Сибирскимъ Океаномъ въ Восточную Индію». стр. 11—16.)

Ст. 221—276. Ужѐ на западѣ восточными лучами
Открылся освѣщенъ съ высокими верьхами
Пречудныхъ стѣнъ округъ, изъ дикихъ камней градъ,
Гдѣ вольны плѣнники спасаяся сидятъ.
Отъ мира отдѣлясь и моремъ и святыней,
Примѣръ отеческихъ отъ древнихъ лѣтъ пустыней. . . . . .
Къ симъ строгимъ берегамъ великій Петръ приходитъ,
На встрѣчу съ ликомъ Фирсъ усердствуя спѣшитъ,
И Гостя осѣнивъ, въ восторгѣ говоритъ:
„Благословенъ Твой путь Всевышняго рукою„. . . . .

Описывается Соловецкій монастырь и посѣщеніе его Петромъ Великимъ. Петръ Великій два раза былъ въ Соловецкомъ монастырѣ: въ іюнѣ 1694 года и въ августѣ 1702 года. Настоятелемъ монастыря былъ тогда архимандритъ Ѳирсъ, управлявшій Соловецкою обителью въ теченіе двадцати восьми лѣтъ, съ 1689 года по 1718 годъ.

(Историческое описаніе ставропигіальнаго первокласснаго Соловецкаго монастыря. Составлено тщаніемъ настоятеля Соловецкаго монастыря, архимандрита Мелетія. 1881. стр. 143—147, 237—238.

Списки іерарховъ и настоятелей Россійскія церкви. Составилъ Павелъ Строевъ. 1877. стр. 817.)

Ст. 242--244. Могущество Его предходитъ предъ Тобою.
Онъ къ сей съ высотъ своихъ обителей смотря,
О имени своемъ возвеселитъ Царя.

Псал. LXXXIV, 14. Правда предъ нимъ предъидетъ.
Псал. LXXXVIII, 17. И о имени Твоемъ возрадуются.

Ст. 281—286, 297—308.

Ахъ, Музы, какъ мнѣ пѣть? Я тѣхъ лишу покою.
Которыхъ сродники развращены мечтою
Не тщились за Петромъ въ благословенной путь,
Но тщетно мыслили противъ Его дерзнуть.
Представивъ злобу ихъ гнушаюсь и жалѣю,
Что родъ ихъ огорчу невинностью своею!
Когда похвальныхъ дѣлъ вы ходите по слѣду,
Не подражая въ злѣ ни сроднику ни дѣду,
Когда противна вамъ неправда, злоба, лесть,
И въ сердцѣ царствуетъ правдивость, совѣсть, честь;
Премѣна зла въ добро явится дѣло чудно,
И за попрекъ хвалу вамъ заслужить не трудно.
А вы, что хвалитесь заслугами отцевъ,
Отнюдь отеческихъ достоинствъ не имѣвъ,
Не мните о себѣ, когда ихъ похваляю:
Не васъ, заслуги ихъ по правдѣ прославляю,

Ни злости не страшусь, ни требую добра:
Не ради васъ пою, для правды, для Петра.

Ломоносовъ пишетъ В. Н. Татищеву, 27 января 1749 года: «Сообщенное мнѣ предъизвѣщенiе о россiйской исторiи и прочiя ваши примѣчанiя прочиталъ съ великою охотою и радостiю. Что до предъизвѣщенiя надлежитъ, то оное во всемъ достаточно и поправленiя никакого не требуетъ, развѣ только о слѣдующемъ подумать можно: ваше превосходительство изволили показать въ причинѣ для чего не соблаговолили къ сочиненной вами исторiи присовокупить жизни государя императора Петра Великаго, что упоминая худыя дѣла знатныхъ нѣкоторыхъ людей, не досадить бы ихъ фамилiи. То сiе правило надлежитъ по моему мнѣнiю наблюдать и въ самомъ предъизвѣщенiи».

(Дополнительныя извѣстiя для бiографiи Ломоносова. Академика П. Пекарскаго. 1865. стр. 34—38.)

Ср. La Henriade. Chant VIII:
Père, époux malheureux, famille déplorable,
Des fureurs de ces temps exemple lamentable,
Puisse de ce combat le souvenir affreux
Exciter la pitié de nos derniers neveux,
Arracher à leurs yeux des larmes salutaires;
Et qu'ils n'imitent point les crimes de leurs pères!

Въ статьѣ: Idée de La Henriade, поясняющей предметъ, основную мысль и цѣль поэмы, Вольтеръ говоритъ: On n'a voulu ni flatter ni médire. Ceux qui trouveront ici les mauvaises actions de leurs ancêtres n'ont qu'à les réparer par leur vertu. Ceux dont les aïeux y sont nommés avec éloge ne doivent aucune reconnaissance à l'auteur, qui n'a eu en vue que la vérité; et le seul usage qu'ils doivent faire de ces louanges, c'est d'en mériter de pareilles.

Генрiада впервые была напечатана въ 1723 году подъ заглавiемъ: La Ligue, ou Henri le Grand, poëme épique, par M. de Voltaire. Въ 1728 году поэма издана подъ названiемъ «Генрiады»: La Henriade, de M. de Voltaire. Въ 1730 году вышло новое

изданіе Генріады, одобренное авторомъ. Въ этомъ изданіи, какъ и во всѣхъ послѣдующихъ, помѣщена статья: Idée de La Henriade, составляющая какъ бы введеніе къ поэмѣ.

Ст. 309—632. Въ этихъ стихахъ заключается тотъ, весьма пространный, разсказъ Петра Великаго, на который указываетъ Ломоносовъ, говоря въ «сокращеніи» первой пѣсни своей поэмы: «Приставъ къ Соловецкому монастырю для молитвы, при случаѣ разговора о расколѣ, сказываетъ Государь настоятелю тамошнія обители о стрѣлецкихъ бунтахъ, изъ которыхъ второй былъ раскольничей». Введеніе подобнаго разсказа въ поэму было со стороны Ломоносова неизбѣжною данью тѣмъ литературнымъ образцамъ, которымъ онъ такъ ревностно слѣдовалъ въ своемъ эпическомъ произведеніи. Поэма Ломоносова «Петръ Великій» и по своему плану и по многимъ отдѣльнымъ чертамъ напоминаетъ Энеиду Виргилія и Генріаду Вольтера, которая, въ свою очередь, представляетъ заимствованія изъ Энеиды. У Виргилія, герой поэмы — Эней — претерпѣваетъ бурю, и, спасшись отъ нея, разсказываетъ Дидонѣ о своихъ бѣдствіяхъ, о разореніи Трои, и т. д. У Вольтера, герой поэмы — Henri le Grand — также испытываетъ бурю, пристаетъ къ острову, на которомъ отъ таинственнаго старца узнаетъ свою будущую судьбу, и, прибывши въ Англію, разсказываетъ королевѣ Елисаветѣ о бѣдствіяхъ, постигавшихъ Францію, и объ ужасахъ Варѳоломеевской ночи. У Ломоносова, герой поэмы — Петръ Великій, — выдержавъ страшную бурю на морѣ, достигаетъ Соловецкаго монастыря и повѣствуетъ о бѣдствіяхъ, испытанныхъ во время стрѣлецкихъ бунтовъ.

Литературная критика начала девятнадцатаго столѣтія придавала большое значеніе этому, мастерскому по ея мнѣнію, эпизоду въ поэмѣ Ломоносова. Первый критикъ своего времени Мерзляковъ говоритъ: «Разсказъ Энея предъ Дидоною всегда представляемъ былъ какъ образецъ искусства не только самъ по себѣ, но потому особенно, что онъ *приведенъ* легко, естественно и совершенно въ свое время и въ своемъ мѣстѣ. Какъ будто безъ намѣренія, разсказаны пѣснопѣвцемъ всѣ предварительныя,

необходимыя для свѣдѣнія читателя обстоятельства главнаго дѣйствія. Точно также у Ломоносова великій *Петръ* первосвященнику Соловецкаго монастыря повѣствуетъ о своемъ младенчествѣ и бунтахъ стрѣлецкихъ. Во всѣхъ сихъ разсказахъ, такъ сказать постороннихъ, дѣйствіе не останавливается; напротивъ того получаетъ новыя силы и озаряется особеннымъ какимъ-то блескомъ въ глазахъ читателя. Я вижу два важнѣйшія лица, бесѣдующія между собою: я вижу ихъ характеры, и по сему токмо мечтаю уже отгадывать, какъ онѣ впредь будутъ дѣйствовать; однимъ словомъ: это драма»!

(Амфіонъ. 1815. Февраль. Разборъ Россіады Хераскова. стр. 51—52.)

Ст. 309—322. Пять кратъ противъ меня, Онъ сказывалъ, восстала,
И царствовать сестра чрезъ кровь мою искала.
Измѣна съ злобою на жизнь мою сложась,
Въ завѣсу святости притворной обвилась,
Противниковъ добру крѣпила злы совѣты,
На сродниковъ моихъ и на меня навѣты.
Передъ кончиною мой старшій братъ признавъ,
Что средній въ силахъ слабъ и внутренне не здравъ,
Способность предпочелъ естественному праву,
И мнѣ препоручилъ Россійскую державу.
Сестра подъ образомъ, чтобъ братъ былъ защищенъ,
И купно на престолъ со мною посажденъ,
Въ немъ слабость, а во мнѣ дни дѣтски презирала,
И руку хищную къ державѣ простирала.

Сестра Петра Великаго, Софья Алексѣевна, обладала, по словамъ современниковъ, умомъ болѣе мужскимъ, нежели женскимъ, необыкновеннымъ честолюбіемъ и настойчивостью въ преслѣдованіи своихъ коварныхъ цѣлей. Зная совершенную неспособность брата своего царевича Ивана Алексѣевича къ управленію обширнымъ государствомъ, Софья Алексѣевна стремилась возвести его на престолъ, чтобы, прикрываясь именемъ брата, самой «государствовать и скипетромъ всероссійскія имперіи самодержавно править, многихъ же тогда бывшихъ одноматерныхъ сестръ своихъ во всѣхъ произволахъ ихъ и во всякомъ избыткѣ нерушимо всегда соблюдать». Одною изъ главныхъ причинъ враждебныхъ дѣйствій царевны Софьи по отношенію къ брату ея Петру Алексѣевичу было опасеніе мести со стороны Нарышкиныхъ, родственниковъ Петра Великаго. «При царствованіи Ѳеодора Алексѣевича, брата ея, царевнина, коварными сплетнями, наносными лжами и невинными клеветами отъ злодѣйственныхъ и ненавистныхъ къ дому ихъ царскому тогда бывшихъ временщиковъ, во всякомъ гоненіи и унижеціи были Нарышкины — царицы Наталіи Кирилловны отецъ, родные братья и прочіи, також и ближнихъ бояръ и иныхъ знатныхъ особъ, какъ вѣрными своими службами, такъ и причиною свойства къ дому ихъ царскому причастные, до конца озлоблены и невинно всего своего движимаго и недвижимаго многотысячнаго имѣнія лишены безъ милости, разорены и въ дальнія заточенія разосланы были», и т. д.

(Записки графа Андрея Артамоновича Матвѣева (род. 1666; ум. 1728). стр. 7—8 и др.)

Ст. 337—340, 350—352.

Познавъ такую злость, отвѣтствовалъ Святитель:
„Отъ жизни отходя и Братъ твой и Родитель,
„Избранїе Петра препоручили намъ:
„Мы слѣдовали ихъ Монаршескимъ словамъ.
„Мы избрали Петра и сердцемъ и языкомъ.

„Ему здѣсь вручена державы вышней часть:
„Съ престола низвести ужѐ не наша власть.

По кончинѣ царя Θедора Алексѣевича, патріархъ Іоакимъ совѣщался съ боярами объ избраніи преемника почившему государю, и «положили: тому избранію быти общимъ согласіемъ всѣхъ чиновъ московскаго государства людей». На вопросъ патріарха, кому быть государемъ на престолѣ Россійскаго царства, «всѣ единомысленно, согласіемъ общимъ, единогласно отвѣщали: «да будетъ по избранію всего московскаго государства великимъ государемъ царевичъ великій князь Петръ Алексѣевичъ!» И ему, великому государю, его царскаго величества подданные: бояре, окольничіе, думные и ближніе люди, стольники, дворяне, дьяки и жильцы, и начальные люди, и дѣти боярскіе, приказные и ратные люди, гости и гостиныя сотни, стрѣльцы и пушкари, торговые и тяглые, и всякихъ чиновъ люди, при всепресвѣтлѣйшемъ Іоакимѣ, патріархѣ всея Россіи, предъ святымъ евангеліемъ учинили вѣру на томъ, что ему, великому государю прямити и всякаго добра хотѣти, безъ всякія хитрости, и быти имъ въ его государскомъ повелѣніи и во всякомъ послушаніи, яко же были при отцѣ его царѣ Алексѣ Михайловичѣ и при братѣ его царѣ Θеодорѣ Алексѣевичѣ.»

(Записки Сильвестра Медвѣдева. стр. 2—6.)

Ст. 373—380. Наружъ выходитъ, что умыслила Софїя,
И что Совѣтники ея велѣли злыя.
Ужѐ измѣнники стрѣльцы збѣжались въ строй;
И Милославскаго орудїе Толстой;
Толстой въ бунтующихъ шеренгахъ разъѣжжаетъ,
И дерсскихъ ложными словами поощряетъ.
Кричитъ: что Іоаннъ младый Царь удушенъ,
Нарышкиными, ахъ! толь горько умерщвленъ.

«Царевна великаго своего секрета ключь поручила всенадежному свойственнику Ивану Михайловичу Милославскому, мужу прехитраго и зѣло коварнаго въ обольщеніяхъ характера, на всякія человѣкамъ пакости злообычному, по площадному прозвищу названному: «подорванный», который и дѣломъ самымъ тогда многихъ въ смерть изъ живота подорвалъ. Скорпіонъ оный свой ядъ сталъ изливать, прибравъ въ совѣтъ сродника своего, Александра Ивановича Милославскаго, злодѣйственнаго и самаго грубіана, и двухъ братьевъ родныхъ Ивана и Петра Андреевыхъ дѣтей Толстыхъ. По ихъ общему единомыслію, по частымъ съ стрѣльцами пересылкамъ, для лучшаго предуготовленія и дѣйствія, назначили стрѣльцы изъ всякаго полку по нѣскольку персонъ быть выборнымъ людямъ. Выборные стрѣльцы начали въ общее свое согласіе стрѣлецкіе полки призывать и ихъ возмущать, сказывая имъ, что «бояре неправедно учинили, выбравъ меньшаго брата на царство, обошедши старшаго». И такимъ вымысломъ тѣ стрѣлецкіе полки скоро къ тому бунту заодно склонилися. . . . . Въ тѣ поры Александръ Милославскій и Петръ Толстой, по полкамъ на прыткихъ лошадяхъ скачучи, кричали громко, что «Нарышкины царевича Іоанна Алексѣевича задушили, и чтобъ съ великимъ поспѣшеніемъ они, стрѣльцы, шли въ городъ Кремль на ту свою службу». И за ту службу Петръ Толстой въ комнату государю царю Іоанну Алексѣевичу былъ пожалованъ», и. т. д.

(Записки Матвѣева. стр. 12—19.)

Ст. 408, 413—416. Царица, Мать моя, прошеніемъ Бояръ
И Брата и Меня злодѣямъ показала,
И чтобъ спокоились, со властью увѣщала.
Толпами наглые на верьхъ взбѣгали къ Намъ,
И мы ль то? кликали обѣйхъ по именамъ.

Бояре Нарышкины и Матвѣевъ «у государыни царицы слезно просили, чтобы тотчасъ объявить царевича Іоанна Алексѣевича, который нерушимо былъ въ прежнемъ состояніи своемъ. Что было тогожъ часа и учинено въ самой скорости. Злочестивые измѣнники дерзали говорить съ особами царскими съ великою невѣжливостію своею смѣлою, и нагло спрашивали царевича самого: онъ ли есть прямой царевичъ Іоаннъ Алексѣевичъ?» и т. д.

(Записки Матвѣева. стр. 20 и др.)

Ст. 495—496, 499—500.

Въ то время съ Федоромъ и Мартемьяномъ Левъ
По селамъ странствуя скрывались межъ деревъ,
Тогда почтенный мужъ при старости Кирилъ
Послѣдни Дѣдъ Мой дни въ затворахъ тѣсныхъ крылъ,

«Въ тѣ же мятежные дни, при неукротимомъ стрѣлецкомъ бунтѣ, отецъ царицы бояринъ Кирила Полуехтовичъ Нарышкинъ невольнымъ принужденіемъ постриженъ и отосланъ на Бѣло-озеро въ монастырь подъ крѣпкое начало. Дѣти же его: Левъ, Мартемьянъ и Ѳеодоръ, въ тотъ же бунтъ, одѣвся простыхъ людей своихъ въ сермяжное платье, спасли себя тайно, укрываяся по деревнямъ дальнихъ свойственниковъ своихъ».

(Записки Матвѣева. стр. 35.)

Ст. 518. Еще на день тоску оставила судьбина.

Въ первомъ изданіи первой пѣсни поэмы:

Еще на день на тоску оставила судьбина.

Въ изданіи Дамаскина:

Еще на день его тоску оставила судьбина.

Въ изданіи Смирдина, 1847 года:

Еще на день тоску оставила судьбина.

Ст. 545. „Для собственной Твоей и для Дѣтей избавы

Ср. Т. I. Ода L. На восшествіе на престолъ императора Петра Өедоровича. ст. 169:

Избавы ради раззоренныхъ

Ст. 614–618. Пристали ко стрѣльцамъ ханжи и лицемѣры:
Хованской съ сыновми и Мой и церкви врагъ
Не устыдился быть въ совѣтѣ побродягъ.
Здѣсь камни сношены къ стѣнамъ на Капитоновъ;
Тамъ камни бросаны противъ святыхъ законовъ.

Капитоны — послѣдователи Капитона, пустынника Ветлужскихъ лѣсовъ, одного изъ первыхъ расколоучителей безпоновщинской секты. «7190 (1682) года, видяще стрѣлецкую дерзость во всемъ и смущеніе въ государствѣ, раскольники, нарицаемые *капитоны,* начаша на святую церковь ратовати, народъ простый возмущати; присовокупиша къ тому своему начинанію многихъ грамотѣ не умѣющихъ. Помогаше же тѣмъ раскольникамъ бывый въ стрѣлецкомъ приказѣ бояринъ князь Иванъ Хованскій», и т. д.

(Записки Медвѣдева. стр. 17—18.)

Ст. 804–808. Отъ Ладоги въ Неву флотъ слѣдуетъ по суху.
Могущихъ Росскихъ рукъ не воспящаетъ лѣсъ;
Примѣръ изображенъ тутъ Ольговыхъ чудесъ.
Предъ Цареградскими высокими стѣнами
Онъ по́ полю въ ладьяхъ стремился парусами.

Въ дневникѣ Петра Великаго: «Въ 29 и 30 день (сентябр. 1702 г.) двѣ батареи да два кетеля на пушки и мортиры сдѣланы, при которой работѣ одинъ рядовый солдатъ только убитъ. Того же числа съ пятьдесятъ судовъ съ Ладожскаго озера съ полмили сухимъ путемъ чрезъ лѣсъ волочены въ Неву рѣку».

(Журналъ, или поденная записка императора Петра Великаго. 1770. Часть первая. стр. 56.)

Въ лѣтописи подъ 907 годомъ: «Поиде Олегъ на конехъ и на кораблехъ, и пріиде къ Царюграду. И Греци замкоша Судъ, а градъ затворпша. И повелѣ Олегъ воемъ своимъ колеса издѣлати и воставити на колеса корабля; и бывшю покосну вѣтру, въспяша парусы съ поля, и идяше къ граду. И видѣвше Греци и убояшася, и рѣша выславше ко Олгови: не погубляй града, имемъ ся по дань, якоже хощеши».

(Лѣтопись по Лаврентіевскому списку. Изданіе Археографической коммиссіи. 1872. стр. 29.)

Ст. 816—826, 831—832.

Даются Шведы въ бѣгъ отъ Россовъ устрашенны.
И Шереметевъ ставъ на ономъ берегу,
Отвсюду заперъ путь къ спасенїю врагу.
Ужѐ къ начальнику подъ крѣпость посылаетъ,
Свободной выходъ всѣмъ безъ бою обѣщаетъ:
Что имъ противъ Петра не можно будетъ стать,
Напрасно кровь хотятъ отвсюду проливать,
И здача го́рода не будетъ имъ зазорна.
Но Готы помощи надѣяся отъ Горна,
Сказали, отъ него приказу къ здачѣ ждутъ.
На лживой ихъ отвѣтъ громады вдругъ ревутъ,
Гортани мѣдныя рыгаютъ жаръ свирѣпый;
Пылая зелїе желѣзны рветъ заклепы.

27 сентября 1702 года войско наше пришло подъ Нотенбургъ, или Орѣшекъ. 1 октября того же года «послано письмо отъ нашего фелдмаршала (Шереметева) коменданту тоя крѣпости

съ трубачемъ, хочетъ ли онъ тое крѣпость на способный договоръ сдать, потому что у него со всѣхъ странъ путь сикурсу отнятъ. На сіе письмо послѣдовало изустное учтивое соотвѣтствованіе къ фелдмаршалу отъ коменданта, въ томъ состоящее, что онъ благодаритъ за милостивое объявленіе сея жестокія осады; потомъ же желаетъ четыре дни срока, дабы ему въ Нарву къ вышнему своему командиру генералу Горну послать о семъ съ вѣдомостью, и увѣдать о томъ его намѣреніе. На что ему отвѣтствовано пушечною стрѣльбою и бомбами со всѣхъ нашихъ батарей», и т. д.

(Журналъ, или поденная записка императора Петра Великаго. 1770. Часть I. стр. 55—57.)

Сочиненіе, изданное княземъ Щербатовымъ подъ именемъ Журнала, или поденной записки Петра Великаго, въ сущности есть трудъ самого Петра Великаго. Поручивъ кабинетъ-секретарю Макарову собираніе матеріаловъ для исторіи Шведской войны, Петръ не былъ доволенъ ни одною изъ четырехъ редакцій, представленныхъ ему Макаровымъ. По свидѣтельству Н. Г. Устрялова, «немногія мѣста работы Макарова уцѣлѣли; все важное, главное принадлежитъ самому Петру, тѣмъ болѣе, что и статьи, оставленныя имъ безъ измѣненія, выписаны редакторомъ изъ его же черновыхъ бумагъ или изъ журналовъ, правленныхъ его собственною рукою. Слѣдовательно на это сочиненіе мы имѣемъ право смотрѣть какъ на трудъ самого Петра. Едва ли есть памятникъ литературный, который болѣе заслуживалъ бы вниманія въ историческомъ смыслѣ: здѣсь самъ Петръ говоритъ съ потомствомъ о дѣлахъ своего царствованія, разсказываетъ свои побѣды и неудачи, оцѣниваетъ заслуги своихъ сподвижниковъ, говоритъ о самомъ себѣ, о своихъ планахъ и намѣреніяхъ», и т. д.

(Объ историческихъ трудахъ Петра Великаго. Н. Г. Устрялова. Годичный актъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ, бывшій 8 февраля 1845 года. стр. 42—60.

Исторія царствованія Петра Великаго. Н. Г. Устрялова. 1858. Томъ I. стр. XXX—XXXVIII.)

Ст. 841, 843—844, 848—858.

Стойтъ отчаявшись противу Росса Шведъ,
Однако въ пагубѣ, въ смятенїи великомъ,
Подвигнутъ женскимъ былъ рыданїемъ и крикомъ:
Ужѐ изъ крѣпости съ мольбою присылаютъ:
„Избавьте отъ страстей отъ бѣдства слабыхъ женъ,
„И духъ вашъ на мужщинъ пусть будетъ изощренъ.
„Изъ нужной тѣсноты дозвольте имъ свободу;
„Являйте мужество крѣпчайшему ихъ роду.
Отъ предводителя осады данъ отвѣтъ,
Что толь свирѣпаго у Россовъ нраву нѣтъ:
Между супругами не учинятъ разлуки;
Вы вмѣстѣ выступивъ изъ стѣнъ, избавьтесь му́ки.
Съ отказомъ зашумѣлъ изъ жаркихъ тучей градъ,
Перуны Росскїе и блещутъ и разятъ.

Въ Журналѣ Петра Великаго: 3 октября 1702 года «ничего знатнаго не учинено, кромѣ того, что барабанщикъ изъ крѣпости съ письмомъ отъ комендантши именемъ всѣхъ офицерскихъ женъ въ той крѣпости обрѣтающихся, къ фелдмаршалу присланъ, моля его о позволеніи, дабы могли изъ крѣпости выпущены быть ради великаго безпокойства отъ огня и дыма и бѣдственнаго состоянія, въ которомъ они обрѣтаются. И на то имъ учиненъ отвѣтъ отъ капитана (капитаномъ былъ самъ Петръ) бомбардирской компаніи преображенскаго полка, который тогда на батареяхъ былъ и не хотѣлъ времени пропустить, дабы вотще съ симъ прошеніемъ для отвѣта къ фелдмаршалу въ обозъ послать, послѣдующимъ образомъ отвѣтствовалъ имъ письменно, что онъ съ тѣмъ къ фелдмаршалу не ѣдетъ, понеже вѣдаетъ онъ подлинно, что его фелдмаршалъ тѣмъ разлученіемъ ихъ опечалити не изволитъ; а если изволятъ выѣхать, то изволили бъ и любезныхъ супружниковъ своихъ вывесть купно съ собою. И съ тѣмъ того барабанщика подчивавъ, отпустилъ въ городъ. Но сей комплиментъ, знатно, осаднымъ людямъ показался досаденъ, потому

что по возвращеніи барабанщика тотчасъ великою стрѣльбою весь день на тое батарею изъ пушекъ докучали паче иныхъ дней, однакожъ урона въ людяхъ не учинили».

(Журналъ, или поденная записка императора Петра Великаго. Ч. I. стр. 58.)

Ст. 893—895, 897—899, 908—910, 917—918, 921—924, 930—932.

Къ приступу Карповъ вождь Преображенскихъ силъ
Всѣхъ прежде началъ бой, всѣхъ прежде смерть вкусилъ,
Свинцомъ лежитъ пронзенъ сквозь чрево и сквозь руку,
Сквозь дымъ, сквозь кровавыхъ сверканїе мечей
Вперяетъ бодрыхъ Петръ вниманїе очей,
И лѣствицъ краткость зритъ поставленныхъ къ восходу,
Къ стоящимъ близъ Себя возвелъ зѣницы слезны:
„Что всуе добрыхъ Мнѣ, сказалъ, сыновъ губить?
„Голицыну спѣша, велите отступить.
Голицынъ пламенемъ отвсюду окруженъ,
Сказалъ, мы скоро трудъ увидимъ совершенъ;
„И естьли Государь желаетъ городъ взять;
„Позволилъ бы намъ бой начатый окончать.
Съ отвѣтомъ на стѣну предъ всѣми поспѣшаетъ,
Солдатамъ слѣдовать себѣ повелѣваетъ:
На очевидну смерть Россїяне лѣтятъ.
Противники огнемъ разятъ и влажнымъ варомъ,
Желѣзомъ, камнями, всѣхъ тягостей ударомъ.

11 октября 1702 года «наши охотники, которые съ своими судами на озерѣ стояли, начало приступа къ крѣпости учинили, который тѣмъ охотникамъ не гораздо удался. Того ради посланы подполковникъ семеновскаго полка князь Голицынъ, а потомъ преображенскаго полка маіоръ Карповъ, который вскорѣ жестоко

картечемъ раненъ сквозь ребра и руку. Сей приступъ продолженъ былъ въ непрестанномъ огнѣ тринадцать часовъ, однакожъ на брешъ за краткостію нашихъ приступныхъ лѣстницъ, которыя въ иныхъ мѣстахъ больше полуторы сажени коротки были, взойти и овладѣть не могли. Чего для уже указъ посланъ былъ для отступленія, но посланный ради тѣсноты пройти до командира не могъ, а командующій, князь Голицынъ, суда велѣлъ порожжія отпустить, понеже стали люди нѣкоторые отъ той непріятельской жестокой пальбы бѣжать. Тогда непріятель, видя такое десператное дѣйство нашихъ, также въ тринадцать часовъ толь утомленъ, ударилъ шамадъ, и той же ночи наши во всѣ три бреша для занятія поста впущены» . . . .

(Журналъ Петра Великаго. стр. 60—62.)

Ст. 972—973. Ужѐ не Нарвская, о Готы, вамъ удача:
Не мѣстничество здѣсь и не оплошной Крой,

Крой — Карлъ-Евгеній герцогъ фонъ-Круи, Carolus Eugenius Herzog von Cröy (1651—1702), изъ древняго нидерландскаго дома, служилъ въ иностранныхъ государствахъ: въ Даніи, въ Австріи, въ Саксоніи и наконецъ въ Россіи. Петръ Великій узналъ его въ Амстердамѣ, и въ 1700 году принялъ его на русскую службу и поручилъ ему команду надъ войсками, осаждавшими Нарву. Въ битвѣ подъ Нарвою произошло волненіе между солдатами, бросившимися на своихъ офицеровъ съ крикомъ: «нѣмцы намъ измѣнили!» Испуганный «фонъ Крой» въ свою очередь закричалъ: Es möchte der Teuffel mit solchen Soldaten fechten! и бросился черезъ болото вдоль Наровы; взятъ въ плѣнъ и сосланъ Карломъ XII въ Ревель, гдѣ и оставался до самой смерти своей.

(Исторія царствованія Петра Великаго. Н. Устрялова. 1863. Т. IV. Ч. I. стр. 1—68.)

Ст. 983—984, 1179.

Вандалы выпуску съ военной честью просятъ,
И городскихъ воро́тъ ключи Петру приносятъ,
Преславный въ путь вступилъ Вандаловъ Побѣдитель

Вандалами названы Шведы. Ср. Ода на рожденіе императрицы Елисаветы Петровны, 1746 года, вторая редакція, ст. 111—112, 115—116:

Тогда отъ радостной Полтавы
Побѣды Росской звукъ гремѣлъ;
Тогда Вандалы побѣжденны
Главы имѣли преклоненны. . . .

Ст. 997—999, 1061—1086.

Побѣдоносецъ нашъ жаръ се́рдца отложилъ
И первый кротостью успѣхъ свой посвятилъ:
Снабдилъ противниковъ къ отшествію судами. . . . .
Онъ окомъ облетѣлъ преодолѣнный градъ;
Рассматриваетъ Самъ все множество громадъ.
Между различными едина изваянна
Великимъ именемъ являетъ Іоанна.
Сей бодрый Государь въ Россію первый ввелъ
На браняхъ новый страхъ земныхъ громовыхъ стрѣлъ. . . . .
Сіе старинное орудіе военно
Въ смущенны времена осталося плѣненно.
На выгоды свои́, на знаки нашихъ бѣдъ
Смотря съ веселіемъ тогда гордился Шведъ.
Теперь противъ него обратно пусть пылаютъ
И вмѣсто радости во брани устрашаютъ. . . . .
Лежатъ по улицамъ и бомбъ и ядеръ кучи, ...
Тамъ потрясенный домъ на домъ другой склонился.
Иной на улицу поверженъ разрушился.
По всходамъ, по стѣнамъ, по кровлямъ, угли, прахъ. . . . . .

Относится къ побѣдѣ Петра Великаго надъ Шведами и ко взятію крѣпости и города, названнаго *Шлиссельбургомъ*. Заложенная въ началѣ четырнадцатаго столѣтія новгородцами, на

острову *Орѣховомъ*, у того мѣста, гдѣ Нева вытекаетъ изъ Ладожскаго озера, крѣпость эта переходила изъ рукъ въ руки, отъ одной воюющей стороны къ другой, и мѣняла свои имена. Русское названіе: *Орѣховецъ*, или *Орѣшекъ* шведы перевели на свой языкъ, и назвали ее *Нетеборгомъ*, болѣе употребительно: *Нотебургъ*; наконецъ русскіе переименовали ее въ *Шлиссельбургъ*. Въ 1702 году Нотебургъ, или Орѣшекъ снова и навсегда возвращенъ Россіи, о чемъ самъ Петръ Великій разсказываетъ такимъ образомъ: «Въ 14 день (октября 1702) гварнизонъ, по договору, съ распущенными знаменами, барабаннымъ боемъ и съ пулями во рту, съ четырьмя желѣзными пушками сквозь учиненный брешъ вышелъ, и на данныхъ судахъ отпущенъ со всѣми своими вещьми къ шанцамъ. Того же дня генералъ-фелдмаршалъ съ генералитетомъ въ городъ пошли, и по воздаяніи Богу благодаренія, тогда переименована сія крѣпость *Шлюсенбургомъ*, что сіе имя потомъ съ помощію Божіею дѣйствительно сталось, ибо симъ *ключемъ* отворились ворота въ непріятельскую землю,» и. т. д.

Петръ Великій придавалъ особенное значеніе взятію этой важной крѣпости. Русскимъ людямъ дорого было то, что Россіи возвращено ея древнее достояніе. Такой взглядъ на тогдашнюю войну и побѣды находимъ у Ломоносова и у современниковъ Петра Великаго. Въ этомъ отношеніи любопытно витіеватое, но представляющее нѣсколько живыхъ чертъ, произведеніе Стефана Яворскаго, написанное по случаю взятія Орѣховца: «Колесница торжественная, четырьми животными движима, отъ Іезекіиля пророка видѣнная, на преславный же и всерадостный входъ въ царствующій градъ Москву, непреодолѣнному враговъ поборнику, страшному, брани сокрушающему грому, рыкающаго Шведскаго льва уста заграждающему, новому Даніилу, *отеческаго достоянія* своего, неправедно восхищеннаго, *возвратителю*, всеавгустѣйшему монарху и повелителю, великодержавнѣйшему государю нашему царю и великому князю Петру Алексѣевичу, — по многихъ преславныхъ побѣдахъ и по плѣненіи удивительной крѣпости

Слюшенбурга или Орѣшка нарицаемой, торжественнѣ возвращающемуся, на новый годъ отъ Рождества Христова 1703 художествомъ проповѣдническимъ уготованная . . . . О, Орѣшекъ претвердый! Твердый былъ сей Орѣхъ, фортеца прекрѣпка, не токмо стѣнами, воинами, пушками, и всякою стрѣльбою и бронями вооружена, но наипаче самымъ естествомъ, самымъ естественнымъ положеніемъ, самымъ неприступнымъ островомъ, самыми быстрыми водами отвсюду окружаема . . . . Нынѣ же Слейтембургъ нарицается *Слисенбургъ*, то есть *Ключъ-городъ*, а кому же сей ключъ достался? *Петрови* Христосъ обѣщалъ *ключи* дать. Зрите убо нынѣ, коль преславно исполняется обѣщаніе Христово» . . . .

(Проповѣди Стефана Яворскаго, митрополита рязанскаго и муромскаго. Москва. 1805. Ч. III. стр. 140—184.)

Къ ст. 1064 — 1070. Іоаннъ III выписывалъ изъ Италіи пушечныхъ мастеровъ; при немъ вылита въ Москвѣ царь-пушка фрязиномъ Павломъ Дебосисомъ.

Ст. 1133—1134, 1137—1138.

Открой мнѣ бывшія, о древность, времена;
Ты разности вещей и чудныхъ дѣлъ полна.
Съ натурой сродна ты, а мнѣ натура мать:
Въ тебѣ я знанія и въ оной тщусь искать.

Въ названіи природы *матерью* слышится голосъ поэта-натуралиста; сопоставленіе двухъ предметовъ изслѣдованія: природы и древности указываетъ на тотъ періодъ въ дѣятельности Ломоносова, когда, продолжая работать въ области естествознанія, онъ занимался и отечественною исторіею.

Ст. 1179–1182. Преславный въ путь вступилъ Вандаловъ Побѣдитель
Во градъ, гдѣ Праотцы, и храбрый гдѣ Родитель

Оставили своихъ заслугъ великихъ знакъ.
Коль радостенъ тамъ былъ Москвы священный зракъ!

По взятіи Шлиссельбургской крѣпости, Петръ Великій направилъ свой путь въ Москву, и прибывши туда «имѣлъ торжественный входъ съ полученными того года въ Лифляндіи и въ Шлюсенбургѣ плѣнники и съ воинскими знаки». Для встрѣчи государя устроено было трое тріумфальныхъ воротъ, у которыхъ привѣтствовали его «какъ первые духовные, такъ и прочихъ чиновъ люди и школьники». Петръ Великій пробылъ въ Москвѣ съ 6 декабря 1702 года по 15 февраля 1703 года, а «потомъ пошелъ на Воронежъ».

Ст. 1183—1185. Но муза помолчи, помедли до трофеевъ,
Что взяты отъ враговъ и внутреннихъ злодѣевъ:
Безмѣрно больше трудъ напредки настоитъ;

Предстоявшій трудъ не былъ однакоже исполненъ: авторъ ограничился двумя первыми пѣснями задуманной имъ поэмы. Причины, почему Ломоносовъ не продолжалъ ея, современники автора объясняютъ различно и не всегда безпристрастно. Въ нѣкоторыхъ отзывахъ слышится отголосокъ той вражды, о которой не разъ говорилъ Ломоносовъ въ своихъ письмахъ къ близкимъ къ нему людямъ.

На вопросъ Тимковскаго, отчего Ломоносовъ, принявшій за образецъ Энеиду, остановилъ свою поэму на двухъ пѣсняхъ, Ив. Ив. Шуваловъ отвѣчалъ: «Я заставилъ его сдѣлать этотъ опытъ для императрицы; онъ много видѣлъ матеріаловъ для себя въ дѣлахъ и мѣстахъ, но и самъ былъ много занятъ, и время для фантазіи было очень близко», т. е. эпоха Петра Великаго была еще

слишкомъ близка, и потому не могла дать полнаго простора для фантазіи поэта

(Москвитянинъ. 1852. № 20. Отд. IV. И. Ѳ. Тимковскаго: Мое опредѣленіе въ службу. стр. 59—61.)

Леклеркъ, авторъ Исторіи Россіи, на которую Болтинъ написалъ свои знаменитыя возраженія, говоритъ: Lomonosof avait commencé un poème épique dont le héros est Pierre le Grand. Les russes regrettent que l'auteur se soit arrêté aux deux premiers chants. La mort, dit-on, l'empêcha de terminer ce poème. La vérité est que Lomonosof était devenu paresseux. Le vice de sa première éducation avait prévalu sur la seconde; il buvait souvent et trop, et malheureusement sa boisson était spiritueuse; le chapiteau de l'alambic se ressentait des vapeurs du récipient: dans cet état, l'imagination s'exaltait; les idées devenaient gigantesques, et le poète peignait la Russie ayant la tête appuyée sur le Caucase, tandis que ses pieds baignaient dans la Mer Baltique.

(Histoire de la Russie moderne, par M. Le Clerc. Tome premier. p. 72—73.)

Тотъ же Леклеркъ, въ рѣчи своей, произнесенной при вступленіи своемъ въ нашу академію наукъ въ званіи ея почетнаго члена, такъ отзывается о поэмѣ Ломоносова: Quels regrets pour cette académie, et quelle perte pour cet empire que les travaux de Lomonozoff n'ayent pas été couronnés par le plus beau, le plus noble et le plus grand de tous les succès, et en même temps le plus digne de ce poète illustre! C'était à lui qu'il était réservé de donner à la Pétréiade cette empreinte d'immortalité qui lui est propre: c'était à lui à rendre la vie au héros, qui a né le sujet, et à nous retracer les grands desseins et les grands mouvements, qui l'agitaient, et à les exprimer avec majesté. Qui pourra suivre et perpétuer cet ouvrage si dignement ébauché? Par quelle fatalité le créateur de cet empire, l'élève de Mars, le père des muses, a-t-il échappé au pinceau mâle, au brillant coloris de cet Apelle? Il était fait pour Alexandre.

(Рукопись Государственнаго Архива. XVII. № 23)

Болѣе трети первой пѣсни поэмы Леклеркъ перевелъ прозою на французскій языкъ, и, помѣстивъ переведенный отрывокъ въ своей Исторіи Россіи, дѣлаетъ такую оцѣнку поэмѣ: Si monsieur Lomonosof ne trouvait point de modèles satisfaisants parmi les plus grands poètes de l'antiquité, la littérature romaine et française lui en offrait deux bien dignes d'être imités. L'un est ce génie ardent et fier qui, à vingt-sept ans, avait conçu et créé la Pharsale, et qui remplaça dans l'épopée les beautés pittoresques de Virgile par ces beautés hardies que l'éloquence et la philosophie inspirent: l'autre est ce peintre profond et ingénieux du coeur humain, qui composa la Henriade. Le plan du poëme de Lomonosof ne nous paraît pas régulier, et la marche en est désordonnée. Cette irrégularité et ce désordre ne sont point rachetés par la beauté des images et la grandeur des effets. L'art doit avoir son esprit, son caractère propre et son but: la manière de Lomonosof, au lieu d'être grande, est mesquine; peu de traits étonnent par leur caractère d'élévation; la plupart même sont déplacés, et ne présentent à l'oeil que de la confusion ou des ruines: les traits d'un héros, qui n'ont pas les expressions du grand, ne peuvent paraître que mutilés et imparfaits. Si le sujet est sans élévation, c'est que le caractère du poète est sans force pour les grandes choses, et que sa poésie est fière pour des pensées communes. Aussi ne fixe-t-il point le lecteur par des émotions durables et profondes. On échoue quand on exécute avec faiblesse ce que l'on avait projetté avec audace. Ce morceau atteste à la fois le génie et l'imperfection; il attire et repousse, et l'on éprouve presqu'en même temps le plaisir et le regret. Mais il a frayé la route à d'autres; c'est par-là que le vol téméraire d'Icare et la chûte de Phaéton deviennent utiles. Le poète annonce que la vérité seule est aimable, et qu'il se gardera bien de la défigurer par les ornements de la fable: cependant les morceaux saillants de son poëme sont de pures fictions. Il dit que Pierre I, instruit de l'arrivée des Suédois à Arkangel, pour former une diversion et empêcher le siège des villes de l'Ingrie, envoie des troupes contre

eux, et se rend lui-même à Arkangel avec une flotte; il ajoute qu'à peine son héros est-il arrivé aux bouches de la Dvina, que l'escadre suédoise se retire. Rien n'est moins vrai que cette assertion. Les lecteurs se rappelleront que ce ne fut qu'en 1698 que le tzar fit le voyage d'Arkangel, et navigea sur la Mer Blanche avec un convoi de vaisseaux anglais et hollandais, et qu'à cette époque il n'y avait pas un seul vaisseau en Russie, et que les Suédois vivaient en paix avec cet empire. Ce ne fut qu'en 1701 que les Russes prirent aux Suédois, sur la Mer Blanche, une frégate et un iacht. Mais alors Pierre I était occupé de la guerre qu'il faisait en personne dans la Livonie. Il nous paraît encore que M. Lomonosof a mal choisi le sujet des entretiens de son héros avec le supérieur du monastère. En puisant cette idée dans la Henriade, la manière dont Henri IV s'exprime avec le vieillard de l'île de Jersey, était bien propre à électriser le génie du poète russe. Les premières conquêtes de Pierre I, la prise de Notenbourg, la conquête de Nientchans qui remplissait le but de tous ses travaux, en lui donnant un port sur la Baltique; des forteresses élevées contre les Suédois, les fondements de Pétersbourg, etc., tous ces objets vraiment interessants pour tous les lecteurs, offraient au poète un choix plus heureux. Il faut en conclure que l'imagination a son intumescence et sa détumescence comme la mer, et que celle de M. Lomonosof était, s'il est possible de s'exprimer ainsi, à sa marée descendante, lorsque son héros arriva dans l'Ile des rossignols.

(Histoire de la Russie moderne. I. 130—143.)

Иного рода отзывы находимъ мы у другихъ современниковъ автора, а также у писателей ближайшаго къ нему поколѣнія.

По словамъ академика Штелина, поэма Ломоносова «заслужила одобреніе знатоковъ и удивленіе многихъ россіянъ, потому и желали видѣть ея продолженіе въ такой же силѣ. Шуваловъ даже обѣщалъ автору собрать для него коллекту въ нѣсколько тысячъ рублей, если онъ окончитъ эту поэму. Лишь только вышла

въ свѣтъ первая пѣснь, какъ одинъ непримиримый врагъ поэта— говорятъ, что это былъ Сумароковъ — написалъ на нее комедію, въ которой онъ, вмѣсто музы, умоляетъ о прощеніи безсмертный духъ Петра Великаго, что такой дикій поэтъ употребилъ всуе его великое имя».

Въ статьѣ русскаго путешественника, помѣщенной въ Neue Bibliothek der schönen Wissenschaften und der freien Künste, сказано о Ломоносовѣ: Der Tod raubte ihn uns immer noch zu früh, und zugleich mit ihm ein Heldengedicht, *Peter der Grosze* betitelt, wovon die Anlage sehr viel versprach.

Новиковъ, въ своемъ словарѣ русскихъ писателей, говоритъ о Ломоносовѣ: «Стихотворство и краснорѣчіе съ превосходными познаніями правилъ и красоты россійскаго языка столь великую принесли ему похвалу не только въ Россіи, но и въ иностранныхъ областяхъ, что онъ почитается въ числѣ лучшихъ лириковъ и ораторовъ. Его похвальныя оды, надписи, поэма *Петръ Великій* и похвальныя слова принесли ему безсмертную славу».

Любопытенъ отзывъ Петрова:

«Ломоносовъ въ двухъ пѣсняхъ своей поемы оставилъ намъ трудную загадку. Поема его начата съ великимъ напряженіемъ духа; кто отгадаетъ, съ какимъ бы успѣхомъ она была кончена? Ему предлежали превеликія трудности. Надобно было оказать плодовитость въ вымыслахъ, остроту разума въ заплетеніи узла и искусномъ разрѣшеніи онаго, жаръ стихотворства въ описаніи Полтавскаго сраженія, благоразумную осторожность въ порядочномъ расположеніи всѣхъ частей поемы и сцѣпленіи оныхъ, способность въ изобрѣтеніи многихъ красотъ, не заимствуемыхъ отъ науки, нижѐ отъ какого писателя, кромѣ великости собственныя своея души, въ чемъ каждаго сочиненія состоитъ главная доброта и совершенство, и проч. Правда, взирая на преклонность его вѣка и преждевременное прекращеніе труда, можно бы, въ удовольствіе его критиковъ, сказать, что сей мужъ, почувствовавъ самъ въ себѣ оскудѣніе силъ, толь великое предпріятіе умышленно оставилъ. Съ другой стороны, твердость природнаго въ немъ

разума, просвѣщеннаго науками, подкрѣпленнаго многими опытами вещей и сильнымъ чтеніемъ книгъ; пылкость воображенія, оказанная въ сочиненіяхъ его при старости лѣтъ; изобиліе высокихъ и благородныхъ мыслей; безпримѣрная долгота духа; искусство россійскаго языка, и особливый нѣкій даръ изображать тѣ же идеи съ нѣкоторымъ расширеніемъ, новыми и всегда громчайшими словами,— объ успѣхѣ дѣла не допускаютъ сомнѣваться. Какъ бы то ни было, трудъ сей никому неприступенъ, а хотя бы кто теперь и сочинилъ съ подобною красотою, или издалъ подъ своимъ именемъ оставшуюся послѣ Ломоносова третію пѣснь, предразсужденіе возопіетъ изо всей мочи, что тутъ и тѣни нѣтъ Ломоносовыхъ мыслей. Великимъ людямъ часто мы, не понимая ихъ великости, удивляемся».

(Еней. Героическая поема Публія Виргилія Марона. Переведено съ латинскаго Васильемъ Петровымъ. Предувѣдомленіе. Посвященіе Павлу Петровичу, 1 генваря 1770.)

Сумароковъ, литературный противникъ Ломоносова, писавшій пародіи на оды Ломоносова, написалъ въ такомъ же духѣ эпитафію автору поэмы *Петръ Великій*, сказавшему, что онъ идетъ «во слѣдъ Виргилію, Гомеру»:

Подъ камнемъ симъ лежитъ Ѳирсъ Ѳирсовичъ Гомеръ,
Который пѣлъ, не знавъ галиматіи мѣръ.
Великаго воспѣть онъ мужа устремился:
Отважился, дерзнулъ, запѣлъ и осрамился,
Оставивъ по себѣ потомству вѣчный смѣхъ:
Онъ море обѣщалъ, а вылилася лужа.
Прохожій, возгласи къ душѣ имъ пѣта мужа:
Великая душа, прости вралю сей грѣхъ!

На эпитафію, или «надгробіе» Сумарокова Державинъ написалъ приводимую ниже пародію подъ названіемъ: «Вывѣска». По собственному свидѣтельству Державина, «надгробіе сочинено, сколько извѣстно, отъ зависти къ славѣ г. Ломоносова, а Вывѣска тогдажъ въ защищеніе онаго»:

Терентій здѣсь живетъ Облаевичъ Церберъ,
Который обругалъ подъячихъ выше мѣръ,
Кощунствовать своимъ Опекуномъ стремился,
Отважился, дерзнулъ, зѣвнулъ и подавился;
Хулилъ онъ наконецъ дѣла почтенна мужа,
Чтобъ сей изъ моря сталъ ему подобна лужа.

(Сочиненія Державина. 1866. Т. III. стр. 247—248. Стихотворенія 1768 года.)

Мих. Никит. Муравьевъ перевелъ поэму Ломоносова на латинскій языкъ.

По свидѣтельству митрополита Евгенія, «въ числѣ неизданныхъ твореній Муравьева находится нѣсколько пѣсней поемы подъ названіемъ: *Полтавская побѣда* и переводъ на латинскіе стихи поемы Ломоносова, извѣстной подъ именемъ: *Петръ Великій*».

(Рукописный словарь писателей, митрополита Евгенія. Т. II.—То же извѣстіе и въ печатномъ изданіи.)

Ник. Ѳед. Кошанскій говоритъ о Муравьевѣ: «Онъ зналъ языки древніе такъ хорошо, что латинскими стихами перевелъ *Ломоносова Петріаду*. Она въ рукописи, и я имѣлъ счастіе читать ее».

(Вѣстникъ Европы. 1807. Октябрь. № 19. На кончину Михаила Никитича Муравьева. стр. 192.)

XLV.

ТЕКСТЪ.

Стихи, приложенные Ломоносовымъ въ рукописи къ собственноручному письму его къ графу Михаилу Ларіоновичу Воронцову, 15 февраля 1761 года. Стихи писаны чужою рукою. Рукопись принадлежитъ Ивану Петровичу Хрущову.

ВАРІАНТЫ.

С. IV. — Полное собраніе сочиненій Михайла Васильевича Ломоносова, съ пріобщеніемъ жизни сочинителя и съ прибавленіемъ многихъ его нигдѣ еще не напечатанныхъ твореній. 1784. Часть первая. Разныя стихотворенія, которыя никогда еще не были напечатаны. стр. 313—315. — Стихи, помѣщенные подъ названіемъ: «Отрывокъ».

Ст. 2. И оныя растить Тебѣ въ наслѣдство давшихъ, (С. IV.)

Ст. 29. Петрова ревность къ намъ, любовь Екатерины, (С. IV.)

Ст. 39. Мы соружимъ похвалъ Тебѣ Минервы храмъ, (С. IV.)

Ст. 41. Въ Россіи древности, въ натуры тайны вникнемъ, (С. IV.)

Ст. 49—52 — не находятся въ изданіи 1784 года.

Порядокъ стиховъ не одинаковъ въ рукописи и въ печатномъ изданіи: ст. 31—38 въ рукописи соотвѣтствуютъ ст. 41—48 въ изданіи 1784 года; ст. 39—48 въ рукописи — ст. 31—40 въ изданіи 1784 года.

Стихотвореніе это самъ авторъ назвалъ просительными стихами. Въ письмѣ своемъ къ графу М. Л. Воронцову, Ломоносовъ сдѣлалъ такую приписку: «При семъ приложить смѣлость принялъ просительные стихи къ всемилостивѣйшей Государынѣ, которые вчерашняго числа вручилъ я Ивану Ивановичу» (Шувалову).

Въ стихотвореніи Ломоносова говорится въ сущности тоже, что и въ слѣдующемъ прошеніи на имя Государыни, поданномъ въ Придворную Конференцію за подписью графа Разумовскаго и Ломоносова:

«Въ данномъ отъ Вашего Императорскаго Величества Академіи наукъ Регламентѣ въ 38 пунктѣ повелѣно учредить при оной Университетъ по примѣру другихъ, въ Европѣ процвѣтающихъ Университетовъ, котораго учрежденіе здѣсь дѣйствительно производится. Однако искусствомъ извѣдано, что безъ привилегій, каковыми Университеты въ другихъ государствахъ пользуются, природные Россіяне и чужестранные самопроизвольно и безъ Вашего Императорскаго Величества жалованья обучаться въ Санктпетербургскомъ Университетѣ не охотятся, и для такой притчины не можетъ оный притти въ цвѣтущее состояніе, и нельзя чаять такой нашему отечеству пользы, каковую своимъ приносятъ иностранные. И такъ, дабы россійскіе дворяне и разночинцы, также и иностранные наукъ любители, кромѣ содержащихся на жалованьѣ Вашего Императорскаго Величества, въ Санктпетербургскомъ Университетѣ съ такою жъ, какъ въ другихъ государствахъ, охотою на своемъ содержаніи самопроизвольно обучались, и учащіе имѣли бы большее къ наставленію прилежаніе, и чрезъ то бы отечеству польза и слава происходила, Академическая Канцелярія признаетъ за необходимое дѣло имѣть

привилегію за собственноручнымъ Вашего Императорскаго Величества подписаніемъ.

И дабы высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелѣно было Санктпетербургскій Университетъ для предъявленныхъ неминуемыхъ притчинъ снабдить привилегіею; а какого содержанія быть оная отъ Канцеляріи Академической за довольную признается, всеподданнѣйше взносятся пункты и формуляръ, которые, по апробаціи и по перепискѣ, имѣютъ быть предложены къ подписанію. А таковую Вашего Императорскаго Величества къ наукамъ высочайшую милость Академія наукъ и Университетъ будетъ стараться объявить всему свѣту пристойнымъ публичнымъ актомъ Академическимъ и Университетскія инавгураціи.

Графъ К. Разумовскій.
Михайло Ломоносовъ.

Февраль 17 дня
1760 года.

Къ этому представленію приложена копія съ слѣдующаго предписанія президента академіи наукъ, графа К. Г. Разумовскаго, январ. 1760 года: «Понеже чрезъ разные опыты я усмотрѣлъ, что учрежденію и распорядку, а особливо сочиненію Регламентовъ Гимназіи и Университета, отъ несогласія разныхъ мнѣній чинится остановка, и уже многіе годы минули не съ такимъ успѣхомъ и пользою, каковыхъ бы по справедливости ожидать должно было, и сверхъ того сумма, опредѣленная на Университетъ, исходила по сіе время по большой части на другіе расходы: того ради прошедшаго 1758 году данъ былъ отъ меня ордеръ господину коллежскому совѣтнику Ломоносову, чтобы онъ сочинилъ Регламенты для Университета и Гимназіи, которые имъ сочинены, и, по ордеру моему, отданы въ Канцелярію для общаго рассмотрѣнія и для поданія мнѣ на апробацію. Но какъ я еще вижу, что дѣло сіе по прежнему отъ несогласныхъ мнѣній претерпѣваетъ остановку, а господинъ Ломоносовъ между тѣмъ, по сочиненному отъ него Регламенту Гимназіи поступая съ моего позволенія, привелъ своимъ стараніемъ Гимназію во много лутчее состояніе

передъ прежнимъ: того ради, по данной мнѣ отъ Ея Императорскаго Величества власти, поручаю учрежденіе и весь распорядокъ Университета и Гимназіи единственно оному господину совѣтнику Ломоносову по сочиненнымъ отъ него Регламентамъ, полагаясь на его знаніе и усердіе, и уповая, что онъ въ произведеніи до цвѣтущаго состоянія оныхъ двухъ департаментовъ по должности сына отечества со всякимъ прилежаніемъ и усердіемъ поступать будетъ» и. т. д.

(Государственный Архивъ. XVI. № 139.)

По проекту Ломоносова, с.-петербургскій университетъ долженъ былъ состоять изъ трехъ факультетовъ: юридическаго, медицинскаго и философскаго; въ юридическомъ факультетѣ — три профессора: правъ общихъ, правъ россійскихъ, исторіи и политики; въ медицинскомъ — три: анатоміи и физіологіи, ботаники, химіи; въ философскомъ — четыре: философіи и физики, математики, краснорѣчія и греческой и римской словесности, древностей и восточныхъ языковъ. Академіи и университету предоставлялось право возводить въ ученыя степени.

Въ проектѣ привилегіи, объ утвержденіи которой такъ ревностно заботился Ломоносовъ, предлагались такого рода преимущества для лицъ, учащихъ и учащихся въ университетѣ.

Академиковъ «по ихъ достоинству и знанію опредѣлять въ коллегіи, канцеляріи и комиссіи членами, ибо академики не суть художники, но государственные люди, и въ политическихъ народахъ имѣютъ засѣданіе по коллегіямъ и другимъ мѣстамъ присутственнымъ, отъ чего въ дѣлахъ вящее послѣдуетъ просвѣщеніе . . . . Во всѣхъ правленіяхъ и судебныхъ мѣстахъ, дѣла на дому производить запрещается. Напротивъ того члены академіи наукъ, хотя въ опредѣленные дни и часы для разсужденій, до наукъ надлежащихъ, должны собираться въ академическомъ домѣ, однако глубочайшія ихъ изысканія и уединенные труды происходятъ въ домѣ, гдѣ они жительство имѣютъ, въ которомъ должны имѣть возможную спокойность». На этомъ основаніи тѣ дома, въ

которыхъ живутъ академики, слѣдуетъ освободить отъ постоевъ и отъ всякихъ другихъ повинностей, и т. д.

Относительно студентовъ: «Дворянству, обучившемуся въ университетѣ, по выпущеніи изъ онаго съ добрыми аттестатами, давать въ воинской службѣ преимущества старшинства при производженіи въ первый рангъ, зачитая его лѣта ученія за дѣйствительную службу. Разночинцамъ, окончившимъ университетскія науки и выпущеннымъ съ добрыми же аттестатами, съ неучившимися въ академіи дворянами считаться наравнѣ, яко равнымъ съ ними дворянамъ», и т. д.

(Матеріалы для біографіи Ломоносова, собр. Билярскимъ. 1865. стр. 402—428.)

Ст. 1—4. Богиня, дщерь божествъ, науки основавшихъ,
И приращенье ихъ Тебѣ въ наслѣдство давшихъ,
Ты шествуешь по ихъ божественнымъ стопамъ,
Распростираючи щедроты свѣтлость намъ.

Относится къ Петру Великому, Екатеринѣ I и Елисаветѣ Петровнѣ: академія наукъ учреждена по мысли Петра Великаго и открыта при Екатеринѣ I; Елисавета Петровна выразила свою заботливость объ академіи дарованіемъ ей устава, котораго такъ долго ожидали представители науки.

Ст. 7—8, 22—24, 27—28, 31—33:

Но только къ славѣ сей того недостаетъ,
Чтобъ милость къ намъ Твою увидѣлъ ясно свѣтъ,
Возслѣдуютъ и намъ въ ученїяхъ успѣхи,
И славной слухъ, когда Твой Университетъ
О имени Твоемъ подъ солнцемъ процвѣтетъ,
И юношество къ намъ отвсюду притекутъ
Къ наукамъ прилагать въ Петровѣ градѣ трудъ.
Прїемлемые въ нихъ учены пришлецы
Разширятъ о Тебѣ въ подсолнечной концы,
Коль милосерда Ты, коль счастлива Россїя,

Въ составленномъ Ломоносовымъ проектѣ «привилегіи» говорится: «Академіи и соединенному съ нею университету не учинена понынѣ инавгурація, коею должно утвердить сіе зданіе торжественнымъ образомъ, дабы всему свѣту извѣстно и свѣдомо было монаршее попеченіе о благополучіи отечества, происходящемъ отъ просвѣщенія чрезъ науки, и чтобъ каждый и всѣ обще вѣдали, чѣмъ и какъ могутъ пользоваться въ семъ ученомъ корпусѣ наши подданные и изъ другихъ народовъ пріѣзжающіе для пріобрѣтенія знанія въ наукахъ», и т. д.

Ст. 11—14. Дабы украшенный Твоей рукой Парнасъ
Любителей наукъ призвать возвысилъ гласъ,
И славнымъ именемъ гремя Елисаветы,
При ликѣ ихъ расторгъ завистниковъ навѣты.

Ломоносовъ писалъ графу М. Л. Воронцову, 15 февраля 1761 года: «Коль великую надежду россійскимъ наукамъ подали контрасигнованіемъ вашимъ академической привилегіи, толь чувствительное уныніе приноситъ имъ замедленіе желаемаго совершенія. Мои недоброхоты вездѣ мое доброе предпріятіе осмѣхаютъ и худыми пореканіями отнимаютъ охоту у тѣхъ кои таковою монаршею милостію давно себя ласкали, и оною пользуясь, большую пользу отечеству произвести уповали».

Ст. 43—46. Коль счастливъ оной день, коль счастливъ буду я,
Когда я середи Россійскихъ музъ стоя,
Благодѣяніе Твое представлю ново,
Великостью его о какъ возвышу слово!

Ломоносовъ готовился произнести благодарственную рѣчь при торжественной инавгураціи университета; въ уцѣлѣвшемъ наброскѣ этой рѣчи говорится, что императрица Елисавета Петровна принимаетъ университетъ въ свое особенное покровительство, чтобы онъ «безопасенъ былъ отъ насильства и коварства; осво-

бождаетъ отъ общенародныхъ тягостей; печется увеличить благородство въ благородныхъ; снабдить обѣщеваетъ благородствомъ неблагородныхъ и тѣмъ отворить входъ къ благополучїю дарованїямъ природнымъ», и т. д.

Ст. 53—54. Сїе исполнится немногими чертами,
Когда рука Твоя ущедрится надъ нами:

Ожидалась только подпись государыни, чтобы получила законную силу «привилегія», уже контрасигнированная канцлеромъ графомъ М. Л. Воронцовымъ. Но ожиданіямъ этимъ не суждено было осуществиться. По свидѣтельству князя Щербатова, Елисавета Петровна была «сострадательна и щедра, отъ природы одарена довольнымъ разумомъ, но лѣнива и не докучлива ко всякому требующему нѣкоего прилежанія дѣлу, такъ что не токмо внутреннія дѣла государственныя многія иногда лѣты безъ подписанія ея лежали, но даже и внѣшнія государственныя дѣла, яко трактаты, по нѣскольку мѣсяцевъ, за лѣностью ея подписать имя, у нее лежали».

(Князя Щербатова: «О поврежденіи нравовъ въ Россіи».)

XLVI.

ТЕКСТЪ.

Собесѣдникъ любителей россійскаго слова, содержащій разныя сочиненія въ стихахъ и въ прозѣ нѣкоторыхъ россійскихъ писателей. 1784. Часть XI. стр. 149—150.

Полное собраніе сочиненій Михайла Васильевича Ломоносова, съ пріобщеніемъ жизни сочинителя и съ прибавленіемъ многихъ его нигдѣ еще не напечатанныхъ твореній. 1784. Часть первая. Разныя стихотворенія, которыя никогда еще не были напечатаны. стр. 315.

Въ Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова стихотвореніе Ломоносова напечатано съ собственноручной рукописи автора и при слѣдующемъ письмѣ:

«Изъ Москвы отъ 1-го февраля 1784 года.

Господа Издатели Собесѣдника любителей россійскаго слова.

Разбирая на сихъ дняхъ старинныя мои бумаги, нашелъ я въ нихъ стихи, никогда еще не напечатанные, покойнаго Михайла Васильевича Ломоносова, которые онъ мнѣ незадолго предъ смертію своею отдалъ, списавъ ихъ своеручно. Зная, милостивые государи, что присылка сихъ стиховъ вамъ сдѣлаетъ не малое удовольствіе, оные къ вамъ посылаю, не сумнѣваяся, что вы

ихъ въ угодность публикѣ напечатаете въ вашемъ изданіи. Въ доказательство, что сіе сочиненіе не подложное, препровождаю къ вамъ подлинникъ своеручный сочинителя, оставивъ себѣ копію. Рука великаго Ломоносова въ Академіи наукъ извѣстна, и такъ вы въ ней усумниться не можете. Ежели мнѣ удастся еще какое либо сочиненіе его отыскать, то я конечно за удовольствіе сочту оное къ вамъ препроводить, пребывая съ совершеннымъ почтеніемъ, и проч.

Стихи, сочиненные на дорогѣ въ Петергофъ, когда я въ 1761 году ѣхалъ просить о подписаніи привилегіи для Академіи, бывъ много разъ прежде за тѣмъ же.

Кузнечикъ дорогой, коль много ты блаженъ,
Коль больше предъ людьми ты щастьемъ одаренъ! и т. д.

Сіе точно напечатано съ подлиннаго рукописанія господина Ломоносова».

Въ Полномъ собраніи сочиненій Ломоносова, 1784 года, стихотвореніе это помѣщено подъ заглавіемъ: «Стихи, сочиненные на дорогѣ въ Петергофъ, когда сочинитель въ 1761 году ѣхалъ просить о подписаніи привилегіи для Академіи, бывъ много разъ прежде за тѣмъ же».

О судьбѣ составленной Ломоносовымъ «привилегіи» самъ авторъ сообщаетъ слѣдующее:

«Для твердаго основанія санктпетербургскаго университета и для его уваженія старался совѣтникъ Ломоносовъ, чтобы исходатайствовать оному надлежащія привилегіи, и учинить торжественную инавгурацію, по примѣру другихъ университетовъ. Для того съ позволенія его сіятельства Академіи президента сочинилъ по примѣру другихъ университетовъ привилегію, и съ его апробаціею и профессорскаго собранія, отдалъ переписать на пергаментѣ съ надлежащими украшеніями и со всѣми принадлежностьми подалъ въ бывшую тогда конференцію, гдѣ оная апробована, канцлеромъ его сіятельствомъ графомъ Михайломъ Ларіоновичемъ Воронцовымъ контрасигнована къ подписанію

Ея Величества блаженныя памяти Гдрни И. Е. П. и между протчими дѣлами предложена. Но приключившіяся тогда болѣзни и скорая Ея кончина сіе пресѣкла».

(Собственноручная рукопись Ломоносова подъ названіемъ: «Краткая исторія о поведеніи Академической Канцеляріи». § 49.)

Стихотвореніе Ломоносова навѣяно отчасти одою Анакреона — «На кузнечика» (Ода XLIII):

Εἰς τέττιγα.

Μακαρίζομέν σε, τέττιξ,
ὅτε δενδρέων ἐπ᾽ ἄκρων,
ὀλίγην δρόσον πεπωκὼς
βασιλεὺς ὅπως ἀείδεις·
σὰ γάρ ἐστι κεῖνα πάντα,
ὁπόσα βλέπεις ἐν ἀγροῖς,
χὠπόσα φέρουσιν ὧραι.
σὺ δὲ φίλιος εἶ γεωργῶν,
ἀπὸ μηδενός τι βλάπτων·
σὺ δὲ τίμιος βροτοῖσιν,
θέρεος γλυκὺς προφήτης·
φιλέουσι μέν σε Μοῦσαι,
φιλέει δὲ Φοῖβος αὐτὸς,
λιγυρὴν δ᾽ ἔδωκεν οἴμην·
τὸ δὲ γῆρας οὔ σε τείρει.
σοφὲ, γηγενὴς, φίλυμνε,
ἀπαθὴς, ἀναιμόσαρκε,
σχεδὸν εἶ θεοῖς ὅμοιος.

Ст. 1. Кузнечикъ дорогой, коль много ты блаженъ,
Μακαρίζομέν σε, τέττιξ,

Μακαρίζομέν — «въ церковныхъ книгахъ переводится: *ублажаемъ*».

σοφὲ, γηγενὴς, ... ἀναιμόσαρκε,

Дословно значитъ: «мудрый, земнородный, пѣснелюбивый, безстрастный, безкровотѣлый, т. е. не имѣющій ни крови, ни мяса, или тѣла».

(Греческіе Классики, переведенные съ греческаго языка Иваномъ Мартыновымъ. 1829. Часть XXIII. Книга 26. Стихотворенія Анакреона Теосскаго. стр. 68—69, 198—200.)

По понятіямъ древнихъ, кузнечики принадлежали къ числу самыхъ счастливыхъ созданій, незнающихъ ни горя, ни заботъ, ни волненій, и живущихъ одною жизнію съ богами. Съ легкой руки Анакреона, поэты разныхъ народовъ воспѣвали блаженство кузнечиковъ, составляющее разительную противоположность съ тѣмъ, что приходится испытывать человѣку. Гете, подобно Ломоносову, въ минуту недовольства тѣми условіями, въ которыя былъ поставленъ, написалъ стихотвореніе An die Cicade (nach dem Anakreon):

Selig bist du, liebe Kleine, ...
Leidenlose Erdentochter,
Fast den Göttern zu vergleichen!

Въ нашей литературѣ есть нѣсколько подражаній одѣ Анакреона Εἰς τέττιγα. Къ нимъ принадлежитъ «Кузнечикъ» ближайшаго преемника и отчасти послѣдователя Ломоносова — Державина:

Счастливъ, золотой кузнечикъ,
Что въ лѣсу куешь одинъ!
На цвѣточный сѣвъ лужочекъ,
Пьешь съ нихъ медъ, какъ господинъ . . . .

Перелагая на русскій языкъ отрывки изъ Гомера и Анакреона, Ломоносовъ проложилъ путь послѣдующимъ писателямъ, изъ которыхъ особенное значеніе имѣетъ, въ отношеніи къ Ломоносову, переводчикъ Иліады Гнѣдичъ. Въ числѣ его стихотвореній есть также «Кузнечикъ (изъ Анакреона)»:

О счастливецъ, о кузнечикъ,
На деревьяхъ на высокихъ
Каплею росы напьешься
И какъ царь ты распѣваешь.
Все твое, на что ни взглянешь,
Что въ поляхъ цвѣтетъ широкихъ,
Что въ лѣсахъ растетъ зеленыхъ.
Другъ смиренный земледѣльцевъ,
Ты ничѣмъ ихъ не обидишь;
Ты пріятенъ человѣкамъ,
Лѣта радостный предвѣстникъ;
Музамъ чистымъ ты любезенъ,
Ты любезенъ Аполлону:
Даръ его — твой звонкій голосъ.
Ты и старости не знаешь,
О мудрецъ, всегда поющій,
Сынъ, жилецъ земли невинный,
Безболѣзненный, безкровный,
Ты почти богамъ подобенъ!

XLVII.

ТЕКСТЪ.

Явленіе Венеры на Солнцѣ наблюденное въ Санктпетербургской Императорской Академіи наукъ маія 26 дня 1761 года. стр. 16.

Доказывая живую связь науки съ религіей, Ломоносовъ говоритъ: Проповѣдники священнаго Писанія и астрономы «обще удостовѣряютъ насъ не токмо о бытіи Божіемъ, но и о несказанныхъ къ намъ Его благодѣяніяхъ. Сколько разсужденіе и вниманіе натуральныхъ вещей утверждаетъ въ вѣрѣ, слѣдуютъ тому примѣры не токмо изъ еллинскихъ стихотворцевъ, но и изъ великихъ христіанскихъ первыхъ учителей. Клавдіянъ о паденіи Руфиновѣ объявляетъ, коль много служитъ вниманіе къ натурѣ для познанія Божества:

Я долго размышлялъ и долго былъ въ сомнѣньѣ,
Что есть ли на землю отъ высоты смотрѣнье;“ и т. д.
(Явленіе Венеры на Солнцѣ. стр. 15—16.)

Клавдіанъ (Claudius Claudianus) — римскій писатель конца IV и начала V столѣтія по Р. Х. Императоръ Ѳеодосій высоко цѣнилъ Клавдіана, какъ храбраго полководца. По опредѣленію сената, Клавдіану поставлена въ Римѣ бронзовая статуя на Трояновой площади. По смерти Ѳеодосія остались два его сына: восемнадцатилѣтній Аркадій и одиннадцатилѣтній Гонорій; Аркадій

порученъ былъ Руфину, а Гонорій Стиликону. Между Руфиномъ и Стиликономъ возгорѣлась непримиримая вражда, и Клавдіанъ, горячій приверженецъ Стиликона, написалъ сатиру на Руфина— In Rufinum, заключающую въ себѣ рѣзкія выходки противъ ненавистнаго ему врага его мецената. Въ началѣ этой сатиры находятся стихи, переложенные на русскій языкъ Ломоносовымъ:

Saepe mihi dubiam traxit sententia mentem,
Curarent superi terras, an nullus inesset
Rector et incerto fluerent mortalia casu.
Nam cum dispositi quaesissem foedera mundi
Praescriptosque maris fines annique meatus
Et lucis noctisque vices: tunc omnia rebar
Consilio firmata dei, qui lege moveri
Sidera, qui fruges diverso tempore nasci,
Qui variam Phoeben alieno iusserit igni
Compleri Solemque suo, porrexerit undis
Litora, tellurem medio libraverit axe . . . . . .

(Claudiani in Rufinum. Liber I. v. I—II)

Въ переводѣ, появившемся спустя около двадцати лѣтъ послѣ статьи Ломоносова, стихи эти переданы такимъ образомъ:

Я часто размышлялъ и часто былъ въ сомнѣньѣ,
Хранятъ ли вышніе и правятъ ли сей свѣтъ,
Иль нѣтъ правителя; оставлено ль смотрѣнье,
И случаемъ слѣпымъ все смертное течетъ?
Когда я зрѣлъ вещей союзъ расположенный,
Предписанны морямъ предѣловъ ихъ черты,
Порядочно годамъ пути опредѣленны,
И дни и ночи тѣ премѣнныя чреды:
Тогда я мнилъ, что все Богъ учредилъ совѣтомъ......

(Кл. Клавдіана Творенія, съ латинскаго подлинника на россійскій переведенныя троицкой семинаріи префектомъ Михайломъ Ильинскимъ. 1782. Ч. I. стр. 83.)

XLVIII.

ТЕКСТЪ.

Явленіе Венеры на Солнцѣ наблюденное въ Санктпетербургской Императорской Академіи наукъ маія 26 дня 1761 года. стр. 11.

Въ книгѣ Іисуса Навина (X, 12—13) говорится: Іисусъ (Навинъ) «сказалъ предъ Израильтянами: стой, солнце, надъ Гаваономъ, и луна надъ долиною Аіалонскою! И остановилось солнце, и луна стояла, доколѣ народъ мстилъ врагамъ. Не это ли написано въ книгѣ Праведнаго: стояло солнце среди неба, и не спѣшило къ западу почти цѣлый день». По замѣчанію Ломоносова, богословы западной церкви «принимаютъ слова Іисуса Навина въ точномъ грамматическомъ разумѣ, и потому хотятъ доказать, что земля стои́тъ. Но сей споръ имѣетъ нача́ло свое отъ идолопоклонническихъ, а не отъ христіанскихъ учителей. Идолопоклонническое суевѣріе держало Астрономическую землю въ своихъ челюстяхъ, не давая ей двигаться. Жаль, что тогда не было такихъ остроумныхъ поваровъ, какъ слѣдующей:

Случились вмѣстѣ два Астронома въ пиру
И спорили весьма между собой въ жару.

Одинъ твердилъ: земля вертясь кругъ Солнца ходитъ;
Другой, что Солнце всѣ съ собой планеты водитъ", и т. д.

Коперникъ возобновилъ наконецъ Солнечную систему, коя имя его нынѣ носитъ; показалъ преславное употребленіе ея въ астрономіи», и т. д.

(Явленіе Венеры на Солнцѣ. стр. 10—12.)

XLIX.

ТЕКСТЪ.

Первое изданіе (editio princeps). Въ листъ, восемь нумерованныхъ страницъ; на первой — заглавіе, отъ третьей до седьмой ода. Передъ началомъ текста оды — типографская заставка, представляющая сидящаго на облакахъ Аполлона, держащаго въ одной рукѣ лиру, а другою облокотившагося на глобусъ, на которомъ выростаютъ цвѣты. По другой сторонѣ глобуса крылатый геній трубитъ въ трубу. По бокамъ размѣщены атрибуты войны и торговли. Въ концѣ текста оды — заставка, изображающая сидящую фигуру крылатой Побѣды, трубящей въ одну трубу, а другую держащей на плечѣ. Вокругъ военные атрибуты: знамена, пушки, ядра, барабанъ и т. д. Строфы отдѣлены одна отъ другой звѣздочкою между двумя завитками.

Ст. 1—4. Приводятся Державинымъ (VII, 527) въ примѣръ «тихаго» вдохновенія.

Ст. 31—40. Приводятся Державинымъ (VII, 532) въ примѣръ «печальнаго» вдохновенія.

Ст. 36—39. Земля казалася пуста:
Взглянуть на небо, не сіяетъ;
Взглянуть на рѣки, не текутъ,
И горъ высокость осѣдаетъ;

Стихи эти замѣчательны по своему поэтическому достоинству: въ нихъ выражается подавляющее впечатлѣніе, произведенное смертью великаго человѣка, державшаго въ рукахъ судьбы народа.

Ст. 62. И не подвигнется во вѣки.

Псал. XXIX, 7; CXI, 5: Азъ же рѣхъ во обиліи моемъ: не подвижуся (не поколеблюсь) вовѣкъ. — Устроитъ словеса своя на судѣ, яко въ вѣкъ не подвижется. (Онъ дастъ твердость словамъ своимъ на судѣ. Онъ вовѣкъ не поколеблется).

Ст. 78. Надежда ваша васъ не льститъ,

Ср. Первые Трофеи Іоанна III, ода 1741 года, ст. 53.

Надежда нынѣ вамъ не лжива!

Вторая редакція оды на 18 декабря 1746 года, ст. 47—48:

Я избрала щастливой знакъ
Надежду показать нелесну

Ст. 88—90. „Мои́ всѣ мысли и залогъ
„И воля данная Мнѣ свыше
„Въ устахъ прощенье, въ сердцѣ Богъ.

Эти прекрасные стихи вложены поэтомъ въ уста государыни, восхваляемой имъ за уничтоженіе смертной казни.

Ст. 94–100. Едина токмо брань кровава
Принудила правдивой мечь
Противу гордости извлечь,
Какъ стѣну Росску грудь поставить
Въ защиту дружескихъ державъ,
И отъ насильныхъ рукъ избавить
Въ союзѣ вѣрность показавъ.

Относится къ семилѣтней войнѣ, въ которой Россія приняла участіе въ защиту Австріи и Саксоніи.

Ст. 111—130. Приводятся въ драматическомъ произведенiи Екатерины II: «Начальное управленiе Олега (Дѣйств. V, явл. 2 и 3):

Олегъ, дядя и дядька Игоря.

Слыхалъ я что нынѣ сохраняется здѣсь древнiй греческiй обычай представлять военныя позорищи предъ народомъ.

Леонъ, императоръ греческiй.

Сiи позорищи бываютъ на иподромѣ; тамо они для зрѣнiя изготовлены и нынѣ. Когда все къ представленiю готово, тогда о семъ напередъ повѣствуютъ.

Хоръ.

Необходимая судьба
Во всѣхъ народахъ положила,
Дабы военная труба
Унылыхъ къ бодрости будила,
Чтобъ въ нѣдрахъ мягкой тишины
Не зацвѣли водамъ равны,
Что вкругъ защищены горами,
Дубравой, неподвижны спятъ,
И подъ лѣнивыми листами
Презрѣнной производятъ гадъ.

Леонъ, Зоя, императрица греческая и Олегъ встаютъ изъ за стола и уходятъ; пока идутъ, хоръ, замыкая, поетъ:

Война плоды свои́ раститъ,
Героевъ въ миръ раждаетъ славныхъ,
Обширныхъ областей есть щитъ
Могущество крѣпитъ Державныхъ.
Воззримъ на древни времена;
Россiйска повѣсть тѣмъ полна,
Ужé изъ тьмы на свѣтъ выходитъ
За ней великихъ полкъ Мужей,

Что на театръ всесвѣтный взводитъ
Одѣтыхъ солнечной зарей.

Ст. 211—216. Приводятся Державинымъ (VII, 561) въ примѣръ «*противоположности*, весьма усиливающей и украшающей предметы».

Ст. 217, 219. Се милость истинну срѣтаетъ,
И правда тишину лобзаетъ,

Псал. LXXXIV, 11. Милость и истина срѣтостася, правда и миръ облобызастося.

L.

ТЕКСТЪ.

Первое изданіе (editio princeps). Въ листъ, восемь нумерованныхъ страницъ; на первой — заглавіе, на шести: отъ третьей до восьмой — ода. Передъ началомъ текста оды — заставка въ видѣ горизонтально-продолговатаго прямоугольника, образуемаго двойнымъ рядомъ ритмическихъ криволинейныхъ бордюровъ. Средину заполняетъ горизонтальный рядъ коронъ съ изображеніемъ державы въ центрѣ; тройной рядъ простыхъ звѣздочекъ заполняетъ свободные промежутки. Въ концѣ текста оды — заставка съ изображеніемъ сидящей женской фигуры въ шлемѣ, латахъ и мантіи, съ копьемъ въ правой рукѣ, а лѣвою придерживающей овальный щитъ съ гербомъ с.-петербургской губерніи. У ногъ фигуры: книги, глобусъ, циркуль, транспортиръ, труба, обвитая масличною вѣтвью, лира и зеркало. Строфы отдѣлены одна отъ другой звѣздочкою между двумя пальметками.

Ст. 19—20. Враги въ унынїи трепещутъ,
Познавъ, кто носитъ скиптръ, мечь, щитъ.

Послѣдній стихъ послужилъ одною изъ причинъ разлада между Шлецеромъ и Ломоносовымъ. Шлецеръ разсказываетъ въ своей автобіографіи: «Я сталъ печатать *Русскую грамматику*.

Ломоносовъ, въ извѣстномъ смыслѣ первый учитель русскаго языка, хотѣлъ быть и единственнымъ: вездѣ монополистъ! И теперь иностранецъ осмѣлился написать русскую грамматику и въ безчисленныхъ случаяхъ отступалъ отъ монополиста, даже поправлялъ его, хотя безмолвно, и разбрасывалъ цитаты, идеи и разсужденія, которые и въ голову не приходили филологу-механику. Особенно должно было уколоть его то, что, въ доказательство жесткости русскаго языка, я привелъ стихъ изъ одной его оды, но опять не называя его:

Познавъ, кто носитъ скиптръ, мечь, щитъ.

точно такъ, какъ нѣкогда въ Alzeitung порицали переводчика пророка Аввакума за его грубое:

Schweigst, wenn verschlingt der Böswicht den Schuldlosen».

Шлецеръ въ своей русской грамматикѣ (гл. II. § 8) говоритъ: «Часто въ одномъ слогѣ сходятся двѣ и болѣе твердыхъ согласныхъ, что для иностранцевъ затрудняетъ произношеніе, напримѣръ: *Мценскъ*, *ржу*, *льда*, *льна*, *встрѣчать*, и проч. Однакожъ языкъ не дѣлается отъ этого такимъ жесткимъ, какъ можно было бы думать. Стихъ:

Познавъ, кто носитъ скиптръ, мечь, щитъ,

который звучитъ невыносимо, когда произноситъ его иностранецъ, теряетъ въ устахъ русскаго чрезвычайно много своей жесткости».

(Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи наукъ. 1875. Томъ XIII. стр. 202, 423—424.
August Ludwig Schlözer's öffentliches und privat-Leben, von ihm selbst beschrieben. 1802. стр. 221—222.)

Ст. 41—44. Когда Я съ Нею разлучалась
„И въ ложеснахъ Ея съ Тобой,
„Коль горестно тогда терзалась,
„Отчаянна въ судбинѣ злой.

Такъ говоритъ императрица Елисавета Петровна, обращаясь къ своему племяннику Петру III и упоминая о его матери. Сестра

Елисаветы Петровны, герцогиня голштинская Анна Петровна уѣзжала изъ Россіи беременною и черезъ полгода у нея родился сынъ — Карлъ Петръ Ульрихъ, впослѣдствіи императоръ Петръ Ѳедоровичъ.

Ст. 98—100 „Была, какъ Ты, натура щедра,
„Открыла горъ съ богатствомъ нѣдра;
„Ему сторично дастъ сребро.

Въ словѣ «о рожденіи металловъ», Ломоносовъ говоритъ, что во дни благословеннаго государствованія императрицы Елисаветы Петровны «не токмо славныя дѣла новыми изобрѣтеніями въ гражданствѣ и въ воинствѣ предуспѣваютъ; но и сама натура довольствуетъ насъ своими дарами. Кромѣ открытаго въ земныхъ нѣдрахъ богатства, хвалится и благодаритъ Всевышняго Россія за избыточествующее плодовъ земныхъ изобиліе, и единому Ея щастливому царствованію приписуетъ».

Въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны найдено было, въ 1745 году, золото на Уралѣ и на границѣ губерній: Архангельской и Олонецкой. При ней основано нѣсколько золотопромывальныхъ заводовъ, и учреждена, въ 1758 году, въ Екатеринбургѣ особая «Золотыхъ дѣлъ экспедиція».

Къ царствованію Елисаветы Петровны относится открытіе серебряныхъ рудъ на Алтаѣ, въ томъ смыслѣ, что тогда установлена добыча и проплавка серебра. Въ 1745 году отправленъ въ Петербургъ первый караванъ съ серебромъ, въ количествѣ около сорока пяти пудовъ.

Многочисленныя открытія мѣсторожденій желѣзныхъ рудъ послужили къ основанію въ царствованіе Елисаветы Петровны многихъ горныхъ заводовъ, построенныхъ какъ казною, такъ и частными лицами, по указамъ Бергъ-коллегіи. Такимъ образомъ основаны заводы: Верхне-Сергинскій (1742 г.), Нижне-Сергинскій (1743 г.), Баранчинскій (1747 г.), Кусье-Александровскій (1751 г.), Каслинскій (1752 г.), Киштымскій (1757 г.), и т. д.

Въ Сибири также сдѣланы были нѣкоторыя открытія въ царствованіе Елисаветы Петровны. Въ Нерчинскомъ округѣ были обнаружены новыя серебряныя мѣсторожденія: Воздвиженское и др.

Ст. 101—102. Ты награждала всѣмъ науки;
И Онъ щедротой оживитъ.

Относится къ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ и къ ея преемнику Петру Өедоровичу.

Въ объявленіи о лекціяхъ въ академическомъ университетѣ въ 1748 году говорится: «Августѣйшая Елисавета, родительскихъ добродѣтелей наслѣдница, толикое россійскимъ наукамъ благодѣяніе присовокупила, что академію утвердить и довольною онуюсуммою снабдить благоволила. И академія наукъ ничего не преминетъ, чѣмъ за толикое щедролюбіе ревностно служить и россійскому юношеству пользовать можетъ» и т. д.

Ст. 143. Дѣлъ пóслухи Петровыхъ звучныхъ

Суд. XI, 10. И рекоша старѣйшины: Господь да будетъ пóслухъ между нами, аще по слову твоему тако не сотворимъ — Старѣйшины сказали: Господь да будетъ свидѣтелемъ между нами, что мы сдѣлаемъ по слову твоему!

Въ Русской Правдѣ: «Искавше ли послуха, и не налѣзутъ».

Ст. 169. Избавы ради раззоренныхъ,

Ср. Въ поэмѣ: «Петръ Великій» (ст. 545):

Для собственной Твоей и для Дѣтей избавы.

Ст. 212—215 и 221. Россійскій радостный Сіонъ,
Главой до облакъ вознесися:
Сампсонъ, Давидъ и Соломонъ
Въ Петрѣ тобою обладаютъ.
Голстинія возвеселися,

Въ первыхъ четырехъ стихахъ — лесть; въ пятомъ — горькая правда. Прусскій король Фридрихъ II, въ надеждѣ на выгодныя условія мира, посылая Гольца въ Россію, далъ ему

инструкцію, въ которой находятся слѣдующія знаменательныя слова о Петрѣ III: «Все, что я знаю о видахъ русскаго императора, вращается около двухъ главныхъ пунктовъ, а именно: дѣла голштинскія по крайней мѣрѣ также близки къ его сердцу, какъ и дѣла русскія, и во вторыхъ, онъ принимаетъ большое участіе въ моихъ интересахъ».

(Исторія Россіи. С. М. Соловьева. 1875. Т. XXV. стр. 35.)

Ст. 223—224. Ты къ мо́рю въ празднествѣ стремися,
Цвѣтущій славою Цвейтинъ.

Цвейтинъ (Swentin, Swentine) — рѣка въ Голштиніи, вытекающая изъ Пленскаго озера (Plöner-See) и впадающая въ Кильскій заливъ.

LI.

ТЕКСТЪ.

Первое изданіе (editio princeps). Въ листъ, восемь нумерованныхъ страницъ; на первой — заглавіе, отъ третьей до восьмой — ода. Передъ началомъ текста оды — заставка въ видѣ горизонтально-продолговатой полоски, образуемой рядомъ коронъ и двумя рядами звѣздочекъ, окаймленныхъ вверху и внизу криволинейнымъ симметрическимъ узоромъ. Въ концѣ текста оды — заставка, симметричная по вертикальной оси. Средину занимаетъ лира съ крестообразно продѣтыми чрезъ нее мечемъ и ружьемъ. Двѣ книги, циркуль и орнаментальные завитки дополняютъ рисунокъ съ боковъ и снизу. Строфы отдѣлены одна отъ другой звѣздочкою между двумя пальметками.

Ст. 1—4. Приводятся Державинымъ (VII, 536) въ примѣръ «*смѣлаго приступа*, или громкаго вступленія, бывающаго отъ накопленія мыслей».

Ст. 7—14. Приводятся Державинымъ (VII, 567) въ примѣръ «*усугубленія*, когда поэтъ усиливаетъ предъидущія свои мысли и чувства повтореніемъ какого-либо одного слова».

Ст. 8—10. Златой наукамъ вѣкъ восставить,
И отъ презрѣнїя избавить
Возлюбленный Россїйскїй родъ.

Ломоносовъ писалъ, ровно черезъ мѣсяцъ по воцареніи Екатерины II, Григ. Григ. Орлову: «Всѣ истинные сыны отечества отъ унынія восставлены или, лучше сказать, воскрешены будутъ. Напротивъ того, злые недоброхоты Россійскіе, въ коварныхъ своихъ происках ослабясь, не такъ станутъ насягать на насъ дерзостно. Нынѣ время златой знатнымъ наукамъ вѣкъ восставить и отъ презрѣнія (въ которое я было самъ первой попалъ) избавить возлюбленной Россійской родъ! Не укосни сѣтующее, учащееся здѣсь юношество оживить отрадою», и т. д.

Ст. 14—17. Приводятся Державинымъ (VII, 561) въ примѣръ «*противуположности*, весьма усиливающей и украшающей предметы, когда поэтъ кратко и рѣзко умѣетъ ввести ихъ въ пристойномъ мѣстѣ».

Ст. 51—60. Слыхалъ ли кто изъ въ свѣтъ рожденныхъ,
Чтобъ торжествующій народъ
Предался въ ру́ки побѣжденныхъ?
О стыдъ, о странной оборотъ!
Чтобъ кровью купленны Трофеи
И побѣдителей злодѣи
Пріобрѣли въ напрасной даръ,
И данную залогомъ вѣру.
Въ тебѣ Россія нѣтъ примѣру;
И нынѣ отвращенъ ударъ.

Составленіе проекта мирнаго договора съ отъявленнымъ врагомъ Россіи, Фридрихомъ II, Петръ III поручилъ прусскому посланнику Гольцу, то есть въ сущности самому Фридриху II. Уступчивость въ ущербъ Россіи со стороны ея государя превзошли самыя смѣлыя ожиданія прусскаго короля. 24-го апрѣля 1762 года подписанъ оскорбительный для народнаго чувства договоръ, по которому Россія теряла всѣ плоды своихъ побѣдъ и возвращала врагу всѣ его земли, занятыя русскими войсками.

Въ манифестѣ Екатерины II, 28 іюня 1762 года, т. е. въ самый день восшествія ея на престолъ, объявлялось народу:

«Всѣмъ прямымъ сынамъ отечества Россійскаго явно оказалось, какая опасность всему Россійскому государству начиналась самымъ дѣломъ. А именно: Законъ нашъ православный греческій перво всего возчувствовалъ свое потрясеніе и истребленіе своихъ преданій церковныхъ, такъ что церковь наша греческая крайне уже подвержена оставалась послѣдней своей опасности перемѣною древняго въ Россіи православія и принятіемъ иновѣрнаго закона».

Въ манифестѣ 6 іюля 1762 года говорилось о Петрѣ III: «Не имѣвъ, какъ видно, въ сердцѣ своемъ слѣдовъ вѣры православной, хотя въ томъ довольно и наставляемъ былъ, коснулся онъ древнее православіе въ народѣ искоренять своимъ самовластіемъ, оставивъ своею персоною церковь Божію и моленіе, такъ что когда добросовѣстные изъ его подданныхъ, видя его иконамъ непоклоненіе и къ церковнымъ обрядамъ презрѣніе, или паче ругательство, приходя въ соблазнъ, дерзнули о томъ ему напомянуть въ осторожность, то едва могли избѣгнуть тѣхъ слѣдствій, которыя отъ необузданнаго властителя произойти бы могли».

Современники Петра III говорили и писали, что онъ порѣшилъ вынести изъ православныхъ храмовъ иконы, уничтожить посты, и т. п. Представитель русскаго духовенства, Димитрій Сѣченовъ, говоритъ: «Если бы всесильный Богъ не отклонилъ вóвремя того великаго удара, который готовилъ намъ Петръ, то мы лишились бы и праваго и лѣваго уха — не могли бы слышать рѣчей о нашей вѣрѣ» и т. д.

Весьма любопытно сужденіе о Петрѣ III иностранца, принадлежавшаго къ числу замѣчательныхъ ученыхъ своего времени. Приводимъ слова Шлецера о переворотѣ, котораго онъ былъ свидѣтелемъ: «Многіе нарушили свое прежнее глухое молчаніе, и громко благословляли переворотъ. Сказать правду, Петръ III выводилъ изъ терпѣнія. Уже одно презрѣніе, оказываемое русскому духовенству и богослуженію, въ сравненіи съ приличіемъ, съ какимъ онъ присутствовалъ при лютеранскомъ

богослуженіи въ Кронштадтѣ, должно было раздражить всю націю. А эта игра съ голштинцами, которая была болѣе, чѣмъ игра (кто въ обществѣ могъ слушать безъ озлобленія, какъ двадцатидвухлѣтнихъ нѣмецкихъ господчиковъ величали маіорами, а русскихъ сѣдыхъ офицеровъ поручиками!), лишила его преданности арміи. Онъ потерялъ уваженіе даже у простого народа, являясь часто съ трубкою въ зубахъ на балконахъ своихъ вельможъ, пьяный, шатаясь, послѣ обѣда у нихъ. Никогда я такъ искренно не убѣждался въ практическомъ значеніи знанія исторіи, какъ во время этого переворота. Всѣ тѣ невѣроятныя ошибки, какія сдѣлалъ сто пятьдесятъ семь лѣтъ тому назадъ извѣстный Лже-Димитрій, повторилъ Петръ III. Можно ли вообразить, что несчастный впалъ бы во второй разъ въ эти ошибки, если бы зналъ ихъ, т. е. если бы онъ не былъ полнымъ невѣждою въ своей исторіи».

(August Ludwig Schlözer's öffentliches und privat-Leben. 1802. s. 107. Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи наукъ. Т. XIII. 1875. стр. 97—98.)

Ст. 91—94. Приводятся Державинымъ (VII, 557) въ примѣръ мастерского «*оборота, или обращенія*», доступнаго только для сильнаго дарованія и составляющаго одну изъ блестящихъ особенностей Ломоносова, какъ лирика.

Ст. 124, 126—130. Поставь опасностямъ конецъ;
Всему доказывая свѣту,
Что полная Тріумфовъ брань
Постыждена поноснымъ миромъ,
И сопостатъ почтенъ Кумиромъ
Отъ насъ пріемлетъ въ жертву дань.

Извѣстно, что Фридрихъ II, котораго еще такъ недавно считали врагомъ Россіи, сдѣлался кумиромъ Петра III. Какъ велики были жертвы, приносимыя Петромъ III своему кумиру, видно изъ слѣдующихъ словъ манифеста 28 іюня 1762 года: «Слава Россійская, возведенная на высокую степень своимъ

побѣдоноснымъ оружіемъ чрезъ многое свое кровопролитіе, заключеніемъ новаго мира съ самымъ ея злодѣемъ отдана уже дѣйствительно въ совершенное порабощеніе».

Ст. 161—170. Услышьте Судїи земные
И всѣ державные главы:
Законы нарушать святые
Отъ буйности блюдитесь вы,
И подданныхъ не презирайте,
Но ихъ пороки исправляйте
Ученьемъ, милостью, трудомъ.
Вмѣстите съ правдою щедроту,
Народну наблюдайте льготу;
То Богъ благословитъ вашъ домъ.

Въ манифестахъ 28 іюня и 6 іюля говорится о Петрѣ III и его образѣ дѣйствій: «По вступленіи на престолъ сего императора, отечество наше вострепетало, видя надъ собою властителя, который всѣмъ своимъ страстямъ прежде повиновеніе рабское учинилъ, нежели о благѣ ввѣреннаго себѣ государства помышлять началъ. Внутреніе порядки, составляющіе цѣлость всего нашего отечества, совсѣмъ испровержены. Законы въ государствѣ всѣ пренебрегъ; судебныя мѣста и дѣла презрѣлъ, и вовсе объ нихъ слышать не хотѣлъ; доходы государственные расточать началъ вредными государству издержками; изъ войны кровопролитной началъ другую безвременную и государству Россійскому крайне безполезную. Ни единаго въ народѣ уже не оставалося, кто бы въ голосъ съ отвагою и безъ трепета не злословилъ его, и кто бы не готовъ былъ на пролитіе крови его» и т. д.

Академикъ Пекарскій замѣчаетъ, что эта «превосходная строфа очевидно навѣяна манифестомъ Екатерины II, 6 іюля 1762 года».

(Исторія Академіи наукъ. Т. II. стр. 769.)

Державинъ (VII, 570) приводитъ эту строфу въ примѣръ поэтическаго *«правоученія»*, составляющаго одно изъ существенныхъ украшеній «лирическихъ пѣсней».

Ст. 181—184, 188—194:

А вы, которымъ здѣсь Россія
Даетъ ужѐ отъ древнихъ лѣтъ
Довольство вольности златыя,
Какой въ другихъ державахъ нѣтъ,
На то ль склонились къ вамъ Монархи
И согласились Іерархи
Чтобъ древній нашъ законъ вредить?
И вмѣсто чтобъ вамъ быть межъ нами
Въ предѣлахъ должности своей;
Считать насъ вашими рабами
Въ противность истины вещей.

Противъ несправедливаго предпочтенія иноземцевъ природнымъ русскимъ возставали, подобно Ломоносову, Тредьяковскій, Сумароковъ и многіе другіе ученые и писатели. Со стороны русскихъ людей это была своего рода борьба за существованіе. Академикъ Пекарскій высказываетъ по этому поводу слѣдующее соображеніе: «У Ломоносова иногда рѣзко осуждаются льготы и преимущества иноземцамъ въ Россіи и ихъ весьма понятное равнодушіе къ ея пользамъ. Чтобы ни говорили объ этомъ предметѣ, какъ бы ни представлялся онъ той или другой сторонѣ, только замѣчаемая въ Россіи издавна рознь между нѣкоторыми народностями не есть позднѣйшая выдумка или модная прихоть, какъ стараются доказывать нынѣ нѣкоторые, но историческое явленіе, которое легко прослѣдить въ разныя эпохи русской исторіи. Его не возможно никакъ обойти правдивому историку, когда онъ дойдетъ до оцѣнки и объясненія многихъ событій изъ русской исторіи, въ особенности со временъ Петра Великаго, когда

наплывъ иноземцевъ въ Россію принялъ обширные размѣры, когда они стали пользоваться у насъ разными льготами и преимуществами въ ущербъ природнымъ русскимъ, и когда, наконецъ, они выказывали при всякомъ удобномъ случаѣ высокомѣрное презрѣніе къ русскимъ, и давали вездѣ и всюду чувствовать свое превосходство, иногда основанное лишь на томъ, что они не туземнаго происхожденія».

(Исторія Академіи наукъ. Т. II. 1873. стр. 570.)

Ст. 221—222, 225—230, 241—242, 245, 247.

Осмнатцать лѣтъ Ты украшала
Благословенный домъ Петровъ.
Освобождая утѣсненныхъ,
И ободряя оскорбленныхъ,
Склонила высоту небесъ
Отъ злой судьбы Тебя избавить,
Надъ нами царствовать поставить
И отереть намъ токи слезъ.
А Ты, о Отрасль вожделѣнна,
Спасенная отъ сильныхъ рукъ,
Дражайшій Павелъ нашъ, мужайся
И бывши скорби забывай.

Относятся къ императрицѣ Екатеринѣ II и къ великому князю Павлу Петровичу. Въ манифестѣ 6 іюля 1762 года говорится о Петрѣ III: «Имѣя онъ единаго сына, великаго князя Павла Петровича, при самомъ вступленіи на всероссійскій престолъ, не восхотѣлъ объявить его наслѣдникомъ престола, оставляя самовольству своему предметъ, который онъ въ погубленіе намъ и сыну нашему въ сердцѣ своемъ положилъ, а вознамѣрился или вовсе право, ему преданное отъ Тетки своей, испровергнуть, или отечество въ чужія руки отдать. И хотя мы съ оскорбленіемъ сердца то въ намѣреніи его примѣчали, но еще не чаяли, чтобъ такъ далеко гоненіе его къ намъ и сыну нашему въ мысляхъ

его простиралося. Поняли однакожь всѣ добросовѣстные наши подданные, что его устремленіе оказываться начало́ дѣломъ самымъ на погибель нашу собственную и наслѣдника нашего истребленіе, и тѣмъ возмутилося сердце всѣхъ тѣхъ, кто истинный рачитель общаго благополучія отечества своего, почему и напоминали намъ тайно и многократно съ ревностію о спасеніи нашей жизни. . . Онъ повелѣніе давалъ дѣйствительно насъ убить, о чемъ намъ тѣ самые за подлинно донесли, съ истиннымъ удостовѣреніемъ, кому сіе злодѣйство противу живота нашего препоручено было дѣломъ самымъ исполнить».

LII.

ТЕКСТЪ.

Учрежденіе Императорскаго Воспитательнаго Дома для приносныхъ дѣтей и гошпиталя для бѣдныхъ родильницъ въ столичномъ городѣ Москвѣ. Печатано въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи наукъ 1763 года. стр. 62.

Подъ приведеннымъ заглавіемъ помѣщены:

1) Именной указъ правительствующему сенату, 1 сентября 1763 года.

2) Манифестъ императрицы Екатерины II, 1 сентября 1763 года, объ учрежденіи Воспитательнаго Дома.

3) Утвержденный 26 августа 1763 года императрицею докладъ князя Якова Шаховскаго, Никиты Панина и графа Эрнста Миниха, разсматривавшихъ планъ, составленный Бецкимъ.

4) Представленіе, поданное въ Москвѣ іюня 10 дня 1763 года, подписанное Ив. Бецкимъ и утвержденное государынею.

5) Предувѣдомленіе къ читателямъ.

6) «Генеральной планъ Воспитательнаго Дому для приносныхъ дѣтей и Гошпиталя для бѣдныхъ родильницъ въ Москвѣ».

Въ концѣ «Генеральнаго плана», на оборотѣ послѣдней, 61-ой, страницы, помѣщены, безъ имени автора, стихи:

Блаженство Общества всядневно возрастаетъ;
Монархиня труды къ трудамъ соединяетъ“ и т. д.

Черезъ нѣсколько лѣтъ вышло новое изданіе подъ такимъ заглавіемъ: Учрежденіе Императорскаго Воспитательнаго для приносныхъ дѣтей дома и госпиталя для бѣдныхъ родильницъ въ столичномъ городѣ Москвѣ. Часть I. Изданіе II. При Императорской Академіи наукъ 1767 года.

Въ новомъ изданіи принятъ такой порядокъ:

1) Представленіе Бецкаго, 10 іюня 1763 года. Безъ заглавія и безъ подписи. Въ изданіи 1763 года: «всеподданнѣйшій рабъ Иванъ Бецкой»; въ изданіи 1767 года: «всеподданнѣйшій рабъ * *».

2) Докладъ Шаховскаго, Панина и Миниха.

3) Манифестъ.

4) Указъ сената.

5) Воззваніе св. синода, 31 августа 1763 года.

6) «Генеральный планъ». На оборотѣ листа, на которомъ заглавіе, напечатаны приведенные выше стихи съ подписью: *Ломоносовъ.*

Во второмъ изданіи стиховъ — два незначительные варіанта, а именно:

Ст. 1. Блаженство Общества вседневно возрастаетъ;
Ст. 5. Дабы, что въ Отчествѣ оставлено презрѣнно,

Ст. 4—8. О воспитанїи печется малыхъ чадъ;
Дабы, что въ отчествѣ оставлено презрѣнно,
Прїобрѣло ему сокровище безцѣнно;
И чтобъ изъ тяжкаго для Общества числа
Воздвигнуть съ нравами похвальны ремесла.

Бецкій, по его собственнымъ словамъ, является ходатаемъ за «великое множество несчастнѣйшихъ въ родѣ человѣческомъ,

 *

коихъ бѣдственное состояніе отъ всего свѣта скрыто бываетъ, и которые сами о своей бѣдности принесть жалобы не въ состояніи. Коликаго скипетръ ежегодно числà подданныхъ лишается, которые, по надлежащемъ воспитаніи и по разнымъ своимъ способностямъ, могли бъ быть годными и полезными членами общества».

Въ Генеральномъ планѣ, гл. II, §§ 7, 8, 11: «Отъ одиннадцати до четырнадцати лѣтъ, мальчики, по силѣ своей и по состоянію, пеньку, ленъ, шерсть и прочее чистятъ, чешутъ и приготовляютъ, а взрослыя дѣвочки изъ того дѣлаютъ пряжу и далѣе выработываютъ, такожъ ткутъ шелковыя и другія ленты, полотна и прочее; мальчики жъ отчасу больше привыкаютъ къ огородной и дворовой работѣ. По прошествіи четырнадцати или пятнадцати лѣтъ, должны дѣти приготовиться къ совершительному окончанію разныхъ мастерствъ; и такъ мальчиковъ отдавать учиться мастерствамъ, какія они по склонности выберутъ. Естьли изъ множества воспитываемыхъ дѣтей найдутся нѣкоторые такого понятія и остроты, что больше пользы принести могутъ изученіемъ наукъ и художествъ, нежели какимъ-нибудь мастерствомъ, то дарованіе таковаго не должно пренебрегать, но, по довольномъ испытаніи особливой къ тому способности, отсылать ихъ для наукъ въ Московскій Университетъ, а для художествъ — въ Академію художествъ».

Ст. 14—16. Внемлите важности Монаршаго примѣра:
Екатерина васъ предводитъ къ чести сей,
Спѣшите щедростью, какъ вѣрностью за Ней.

Въ докладѣ Шаховскаго, Панина и Миниха: «Основаніе и содержаніе Воспитательнаго Дома учреждается на единомъ самоизвольномъ подаяніи отъ публики, и потому не можетъ быть ни въ малѣйшее отягощеніе штату Вашего Величества, нижè подданнымъ Вашимъ».

Въ манифестѣ императрицы: «Надѣемся, что прямые дѣти отечества, наши подданные, послѣдуя евангельской любви къ ближнему, гражданскому обязательству, общей пользѣ и нашему собственному съ любезнымъ нашимъ сыномъ и наслѣдникомъ примѣру, каждый по возможности своей потщится снабдѣвать боголюбивымъ подаяніемъ какъ на строеніе сего дома, такъ и на содержаніе сего общаго добродѣтельнаго дѣла, дабы и самые уже ближніе наши потомки, къ славѣ нашего вѣка, могли пользоваться изъ того дѣйствительными плодами».

LIII.

ТЕКСТЪ.

Первыя основанія Металлургіи, или рудныхъ дѣлъ. Въ Санктпетербургѣ. Печатаны при Императорской Академіи наукъ 1763 года. § 58. стр. 70.

Лукреція: De rerum natura. Кн. V. ст. 1241—1267:

Quod super est, aes atque aurum ferrumque repertumst
et simul argenti pondus plumbique potestas,
ignis ubi ingentis silvas ardore cremarat
montibus in magnis, seu caelo fulmine misso,
sive quod inter se bellum silvestre gerentes
hostibus intulerant ignem formidinis ergo,
sive quod inducti terrae bonitate volebant
pandere agros pinguis et pascua reddere rura,
sive feras interficere et ditescere praeda:
nam fovea atque igni prius est venarier ortum
quam saepire plagis saltum canibusque ciere.
quidquid id est, qua cumque e causa flammeus ardor
horribili sonitu silvas exederat altis
ab radicibus et terram percoxerat igni,
manabat venis ferventibus in loca terrae

concava conveniens argenti rivus et auri,
aeris item et plumbi, quae cum concreta videbant
posterius claro in terra splendere colore,
tollebant nitido capti levique lepore,
et simili formata videbant esse figura
atque lacunarum fuerant vestigia cuique.
tum penetrabat eos posse haec liquefacta calore
quam libet in formam est faciem decurrere rerum. . . .

LIV.

ТЕКСТЪ.

Первое изданіе (editio princeps). Въ листъ, десять ненумерованныхъ страницъ; на первой — заглавіе, отъ третьей до девятой — ода. Передъ началомъ текста оды — заставка въ видѣ горизонтально-продолговатаго прямоугольника, образуемаго криволинейнымъ ритмическимъ узоромъ. Средина заполнена крестообразно расположенными криволинейными украшеніями, въ промежуткахъ между которыми помѣщены: вверху — короны, а внизу противъ коронъ звѣздочки. Строфы отдѣлены одна отъ другой звѣздочкою между двумя завитками.

Ст. 11—20. Державинъ (VII, 525) приводитъ въ примѣръ «радостнаго вдохновенія».

Ст. 31—32, 302—303:

Усыновленна Добродѣтель
Россійскій украшаетъ свѣтъ,
Дала натура красоту,
Елисавета *присвоенье* . . . . . .

Въ манифестѣ 6 іюля 1762 года: «Съ самыхъ дней кончины императрицы Елисаветы Петровны, всѣ прямо *усыновленные*

своему отечеству, а наши теперь вѣрноподданные, оскорблены бывши лишеніемъ своей Матери, утѣшенія себѣ ожидали», и т. д.

У Пушкина Шуйскій говоритъ Борису Годунову:

Конечно, Царь, сильна твоя держава!
Ты милостью, радѣньемъ и щедротой
Усыновилъ сердца своихъ рабовъ.

Ст. 41—44. Державинъ (VII, 547) приводитъ въ примѣръ *правдоподобія,* которое особенно нужно «въ одѣ, потому что лира издревле посвящена на сохраненіе дѣлъ народа или, лучше, на расширеніе славы его».

Ст. 68—70. Державинъ (VII, 550) приводитъ въ примѣръ «величественныхъ картинъ».

Ст. 86—87. Въ кустахъ кругомъ младой Цересы
Возбудишь сладкогласныхъ птицъ.

Цереса — Ceres, Церера. Въ одѣ Фенелона, переведенной Ломоносовымъ, ст. 55, 62:

Полнитъ чемъ Цереса гумна
Даръ Цересы золотой

Ст. 131—140. Державинъ (VII, 529) приводитъ въ примѣръ «пріятнаго вдохновенія».

Ст. 171—172. Приводятся Державинымъ (VII, 557) въ примѣръ «премудрыхъ изреченій».

Ст. 171–190. Цвѣтутъ во славѣ мною Царства,
И пишутъ правой судъ Цари;
Гнушаясь мерзостью коварства,
Рѣшу нелицемѣрно при.
Могу дѣла исчислить задни,
И что раждается повсядни;
О будущемъ предвозвѣщу;

Мои полезны всѣмъ совѣты;
Отъ чтителей моихъ навѣты
Предупреждая отвращу.
Господь творенїя начало
Премудростїю положилъ;
При мнѣ впервые воссїяло
На тверди множество свѣтилъ;
И въ нѣдрахъ неизмѣрной бездны
Назначилъ словомъ бѣги звѣздны.
Со мною солнце онъ возжегъ,
Въ стихїяхъ прекратилъ раздоры,
Унизилъ долъ, возвысилъ го́ры,
И предписалъ пучинѣ брегъ.

Притч. Соломон. VIII, 6—8, 13—15, 20—29. Премудрость говоритъ: «Послушайте мене, яко истинѣ поучится гортань мой, мерзки же предо мною устны лживыя; съ правдою вси глаголы устъ моихъ — Истину произнесетъ языкъ мой; всѣ слова устъ моихъ справедливы, нѣтъ въ нихъ коварства и лукавства. . . . . Мой совѣтъ и утвержденіе, мой разумъ, моя же крѣпость. Мною царіе царствуютъ и сильные пишутъ правду. . . . . Аще возвѣщу вамъ бывающая на всякъ день, помяну, яже отъ вѣка, исчести. Господь созда мя начало путей своихъ, прежде вѣкъ основа мя, въ началѣ, прежде неже землю сотворити, прежде неже горамъ водрузитися. Егда готовяше небо, съ нимъ бѣхъ; и егда отлучаше престолъ свой на вѣтрѣхъ, и егда крѣпки творяше вышнія облаки, и егда тверды полагаше источники поднебесныя, и егда полагаше морю предѣлъ его. — Когда Онъ проводилъ круговую черту по лицу бездны; когда утверждалъ вверху облака; когда укрѣплялъ источники бездны; когда давалъ морю уставъ, чтобы воды не переступали предѣловъ его».

Ст. 205–210. О Пиндаръ; естьлибъ въ оны вѣки
Подъ сею властью жили Греки,
То бъ пѣлъ ты о своихъ Богахъ,

Что могутъ завсегда въ забавѣ,
Не мысля о земной управѣ,
Свой Нектаръ пить на Небесахъ.

Шутливое обращеніе къ миѳическимъ богамъ и богинямъ— черта, любопытная въ томъ отношеніи, что, по тогдашнимъ литературнымъ требованіямъ, торжественный тонъ былъ обязателенъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь шла о блаженныхъ обитателяхъ Олимпа. Ихъ полнѣйшее безучастіе къ судьбѣ людей — къ «земной управѣ» приводитъ на мысль слова Люція въ лирической драмѣ Майкова «Три смерти»:

Какъ тамъ спокойно! Горы ясны. . . . .
Вотъ такъ и боги безучастно
Съ небесъ глядятъ на родъ людской.

Ст. 245. Язоны, Тифсы и Алкиды,

Въ такомъ видѣ стихъ этотъ находится въ Собраніи сочиненій Ломоносова, 1778 года, книга первая, стр. 263. Въ первомъ изданіи оды:

Язоны, Тифсы, Алкиды,

Ст. 291 — 320. Въ первомъ изданіи, въ томъ рѣдкомъ экземплярѣ, которымъ мы пользовались, недостаетъ послѣднихъ трехъ строфъ; мы помѣщаемъ ихъ по изданію 1778 года.

(Покойнаго Михайлы Васильевича Ломоносова Собраніе разныхъ сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ. 1778. Книга первая. Ода 18. стр. 266—267.)

LV.

ТЕКСТЪ.

Санктпетербургскія Вѣдомости. 1764. № 48. стр. 2.

Написано по случаю посѣщенія Ломоносова императрицею Екатериною II, 7 іюня 1764 года, какъ видно изъ слѣдующаго извѣстія:

«Монаршее благоволеніе къ наукамъ и художествамъ есть нѣкоторое божественное одушевленіе оныхъ. Снисхожденіе Величества подобно живительной силѣ, которую благорастворенный воздухъ вливаетъ въ животныя и произрастающія отъ нѣдръ земныхъ творенія. Таковымъ, несравненнымъ и въ самыхъ издавна благоустановленныхъ народахъ рѣдко слыханнымъ, примѣромъ предшествовалъ въ Россіи безсмертныя памяти государь Петръ Великій, посѣщая не токмо знатныя ученыя общества, но и приватные домы въ наукахъ и художествахъ людей искусныхъ и рачительныхъ. Таковымъ прехвальнымъ подражаніемъ ему послѣдуетъ достойная дѣлъ его преемница, всемилостивѣйшая самодержица наша, великая государыня императрица Екатерина Алексѣевна. Извѣстны отечеству и всему, науки почитающему, свѣту всемилостивѣйшія посѣщенія отъ Ея Императорскаго Величества академіямъ наукъ и художествъ, которыми не токмо онымъ учрежденіямъ высочайшую свою милость благоизволяетъ оказы-

вать, но и дѣйствительно простирасть свое проницательное вниманіе въ самыя тонкости и въ подробное разсмотрѣніе приращенія и успѣховъ. Сего іюня 7 дня по полудни въ четвертомъ часу благоизволила Ея Императорское Величество съ нѣкоторыми знатнѣйшими двора своего особами удостоить своимъ высокомонаршескимъ посѣщеніемъ статскаго совѣтника и профессора господина Ломоносова въ его домѣ, гдѣ изволила смотрѣть производимыя имъ работы мозаичнаго художества, для монумента вѣчнославныя памяти государя императора Петра Великаго, также и новоизобрѣтенные имъ физическіе инструменты и нѣкоторые физическіе и химическіе опыты, чѣмъ подать благоволила новое высочайшее увѣреніе о истинномъ любленіи и попеченіи своемъ о наукахъ и художествахъ въ отечествѣ. При окончаніи шестаго часа, оказавъ всемилостивѣйшее свое удовольствіе, изволила во дворецъ возвратиться. Помянутой господинъ статской совѣтникъ Ломоносовъ при отъѣздѣ подалъ Ея Императорскому Величеству всеподданнѣйше слѣдующіе стихи тогдашняго имъ сочиненія:

„Геройство съ кротостью, съ премудростью щедроты,
Соединенныя Монаршески доброты“, и т. д.

(Санктпетербургскія Вѣдомости. 1764. № 48. стр. 1—2).

Камеръ-фурьерскій журналъ 1764 года, іюнь: «7-го числа, въ понедѣльникъ, обѣденное кушанье Ея Императорское Величество изволила кушать съ кавалерами и фрейлинами въ столовой комнатѣ, въ четырнадцати персонахъ. По окончаніи стола, въ четвертомъ по полудни часу, изволила имѣть выходъ и удостоить посѣщеніемъ статскаго совѣтника и профессора господина *Ломоносова* въ его домѣ, гдѣ изволила смотрѣть производимыя имъ работы мозаическаго художества, для монумента вѣчнославныя памяти государя императора Петра Великаго (т. е. мозаическія картины: *Полтавская битва* и *Осада Азова*), также и новоизобрѣтенные имъ физическіе инструменты и нѣкоторые физическіе и химическіе опыты. При окончаніи шестаго часа, оказавъ все-

милостивѣйшее свое удовольствіе, изволила во дворецъ возвратиться. . . . 8-го числа, во вторникъ, обѣденное кушанье Ея Императорское Величество изволила кушать съ кавалерами и фрейлинами въ столовой комнатѣ, въ шестнадцати персонахъ». Былъ ли Ломоносовъ въ числѣ лицъ, приглашенныхъ во дворецъ къ обѣду, изъ камеръ-фурьерскаго журнала не видно, хотя объ этомъ и сохранилось извѣстіе, приписываемое княгинѣ Дашковой.

С. Н. Глинка въ своихъ Запискахъ разсказываетъ съ такими подробностями о посѣщеніи Ломоносова императрицею Екатериною II:

«Въ третій мой приходъ къ княгинѣ Дашковой, она снова подарила меня живою своею памятью о дняхъ минувшихъ. Я засталъ ее за чтеніемъ одъ Ломоносова, изданныхъ въ четвертую долю листа. Не закрывая книги, она сказала: «Я было собиралась вамъ писать о Ломоносовѣ, но вы здѣсь сами. Изъ первой вашей книжки вижу, что вамъ памяти не занимать. Слушайте, я разскажу вамъ о Екатеринѣ и о нашемъ холмогорскомъ поэтѣ. Незадолго до кончины его, пріѣзжаю во дворецъ, и государыня съ прискорбіемъ сказала мнѣ: «нашъ Михайло Васильевичъ что-то слишкомъ закручинился; поѣдемъ къ нему, онъ насъ любитъ, а изъ любви чего не дѣлаютъ»! Немедленно отправились мы къ поэту, и застали его въ глубокой задумчивости у большого стола, на которомъ были разложены химическіе аппараты. Въ камелькѣ огонь, какъ будто прощаясь съ хозяиномъ, то вспыхивалъ, то угасалъ. Мы вошли къ Ломоносову тихомолкомъ, безъ доклада; но услыша привѣтъ императрицы: «здравствуйте, Михайло Васильевичъ»! онъ вскочилъ какъ будто съ просонокъ.

«Я пріѣхала съ княгинею посѣтить васъ, услышавъ о вашемъ нездоровьи или, лучше сказать, о вашей грусти».

Нѣсколько минутъ уста Ломоносова окованы были молчаніемъ. Наконецъ онъ воскликнулъ: «нѣтъ, государыня, не я нездоровъ, не я грустенъ, больна и грустна душа моя»!

— Полѣчите ее, отвѣчала Екатерина, полѣчите ее живымъ перомъ своимъ. Привѣтствуя меня съ новымъ годомъ, вы ска-

зали, что такъ же усердствуете ко мнѣ, какъ и къ дочери Петра Великаго. Что же, неужели вы намѣрены мнѣ измѣнить?

— Измѣнить вамъ, матушка государыня! нѣтъ не перо, а сердце мое писало:

Твой трудъ для насъ обогащенье,
Мы чтимъ стѣною подвигъ Твой;
Твой разумъ — наше просвѣщенье,
И неусыпность — нашъ покой.

Слезы блеснули въ очахъ Екатерины, и она возразила: «Вѣрю, вѣрю, Михайло Васильевичъ. А чтобы еще болѣе удостовѣрить меня, то завтра пріѣзжайте ко мнѣ откушать хлѣба-соли; щи у меня будутъ такія же горячія, какими подчивала васъ ваша хозяйка».

Почему я тогда же не помѣстилъ въ Русскомъ Вѣстникѣ разсказа, объ этомъ будетъ далѣе. Но пока яблоко раздора еще не упало между нами, то приходы мои къ княгинѣ оставались у меня всегда въ памяти».

(Русское Слово. 1861. Апрѣль. Катерина Романовна Дашкова. Изъ Записокъ С. Н. Глинки. стр. 2—3.
Русскій Вѣстникъ. 1865. Іюль. Изъ Записокъ Сергѣя Николаевича Глинки, отъ 1802 до 1812 года. стр. 244—245.)

Приведя разсказъ Дашковой, П. С. Билярскій замѣчаетъ: «Это воспоминаніе, кажется, ограничивается лишь впечатлѣніями первой встрѣчи, и даетъ нѣкоторые намеки, по которымъ можно угадать смыслъ событія. Чтобы объяснить ближайшій поводъ къ посѣщенію, мнѣ кажется, надобно взять во вниманіе, что̀ могла императрица слышать о Ломоносовѣ, и о чемъ была грусть его. Можетъ быть, она хотѣла дать ему почувствовать, что въ ней продолжится къ нему благосклонность Елизаветы, хотя она и нѣмка».

(Матеріалы для біографіи Ломоносова. стр. 788—789.)

С. Н. Глинка писалъ свои Записки въ концѣ тридцатыхъ и въ началѣ сороковыхъ годовъ, слѣдовательно спустя около трид-

цати лѣтъ послѣ смерти княгини Екатерины Романовны Дашковой. Академикъ Пекарскій выражаетъ сомнѣніе въ достовѣрности разсказа Глинки: «Тому, кто занимался екатерининскимъ временемъ, не можетъ не показаться странною эта необычайная фамильярность государыни, которая при выходахъ и вообще въ обществѣ всегда вела себя чрезвычайно сдержанно и съ сохраненіемъ величія. Прибавимъ къ этому, что въ описываемую эпоху княгиня Дашкова была уже въ холодныхъ отношеніяхъ къ императрицѣ, и жила, какъ разсказываетъ сама въ своихъ Запискахъ, уединенно въ Гатчинѣ, вдали отъ двора».

(Исторія Академіи наукъ. Т. II. стр. 864.)

LVI.

ТЕКСТЪ.

Сборникъ черновыхъ бумагъ Ломоносова, хранящійся въ Библіотекѣ Академіи наукъ. № 112. л. 117. Писано собственноручно Ломоносовымъ.

Въ рукописи не указано, когда и по какому поводу появилось стихотвореніе, но, судя по его содержанію и формѣ, можно предполагать, что оно написано Ломоносовымъ или по случаю посѣщенія его императрицею Екатериною, или же послѣ бесѣды съ нею во дворцѣ. Ломоносовъ писалъ иногда нѣсколько небольшихъ стихотвореній по одному и тому же поводу.

Въ письмѣ къ графу Михаилу Ларіоновичу Воронцову, 19 января 1764 года, Ломоносовъ упоминаетъ о своихъ бесѣдахъ съ императрицею Екатериною II: «Чувствую ея государскую милость довольно: нѣсколько разъ изволила меня приглашать къ себѣ въ комнаты, и довольно со мною разговаривать о наукахъ съ оказаніемъ своего всемилостивѣйшаго удовольствія».

(Рукописный сборникъ писемъ, озаглавленный: «Переписка Ломоносова съ графомъ Михаиломъ Ларіоновичемъ Воронцовымъ». л. 24—25 об.)

LVII.

ТЕКСТЪ.

П. — Первое изданіе (editio princeps). Въ четвертую долю листа, восемь страницъ: на первой — заглавіе; отъ третьей до седьмой — «Поздравительное письмо»; страницы, отъ четвертой до седьмой, нумерованы. Передъ началомъ текста стихотвореній — горизонтально-продолговатая заставка, составленная изъ акантовыхъ завитковъ и украшеній на подобіе раковинъ, изъ которыхъ выходятъ двѣ лавровыя вѣтви, заполняющія средину виньетки. Въ концѣ стихотворенія — заставка съ изображеніемъ шлема и подъ нимъ копья и трубы, сложенныхъ крестообразно и окруженныхъ вѣтками растеній.

Е. — Ежемѣсячныя сочиненія и извѣстія о ученыхъ дѣлахъ. Сентябрь. 1764 года. стр. 235—238. Заглавіе то же, что и въ отдѣльномъ изданіи, за исключеніемъ двухъ словъ: «милостивому государю», пропущенныхъ въ самомъ началѣ заглавія: «Его Сіятельству графу Григорью Григорьевичу Орлову, отъ арміи Генералу-Порутчику» и т. д. Въ примѣчаніи говорится: «Сіе письмо, хотя напечатано прежде особливымъ листомъ; однакожъ разсудилось оное и сюды внести, для важности содержанія онаго».

Ст. 19. Тритоны съ Нимфами тамъ громко воскли-
цаютъ, (Е.)

Ст. 27. Противны нѣкогда, но нынѣ Россамъ святы, (П.)

Ст. 45 Во всемъ Отечествѣ поставить правый судъ, (Е.)

Ст. 49. Спасать несчастливыхъ, счастливыхъ умно-
жать, (Е.)

Ст. 52—53. Живитъ по всей земли и въ морѣ всяко
племя

Владычица красотъ, натуры щедра дщерь (П.)

Ст. 58. Збирая сладостны себѣ и намъ соты. (П.)

Ст. 62. Живетъ и движется въ трудѣ и въ торжествѣ. (П.)

Ст. 64. Что просвѣщенная Богиня покрываетъ; (П.)

Ст. 65. Въ числѣ Монаршескихъ считаетъ вящихъ
дѣлъ, (Е.)

Ст. 70. Отъ чистыхъ Невскихъ струй возводитъ
взоръ и духъ. (П, Е)

Ст. 73. Желанїя во всѣхъ, какъ тихихъ волнъ игра (П.)

Ст. 74. Прїемлющихъ лучи чистѣйшїя сребра, (П, Е.)

Ст. 78. Гдѣ Рудица вьючись сквозь каменья, журчитъ, (П.)

Ст. 84. Награду воздала между трудовъ къ покою. (П, Е.)

Ст. 88. А Ты о храбрыхъ дѣлъ отеческихъ Наслѣд-
никъ, (Е.)

Ст. 90. Блюсти Величество и подданныхъ спасать. (П, Е.)

Въ окончанiи глаголовъ и именъ прилагательныхъ, правопи-
санiе, принятое Ломоносовымъ въ его Грамматикѣ, удержано,
для избѣжанiя недоразумѣнiй, и въ настоящемъ изданiи
стихотворенiя. Во второмъ лицѣ единственнаго числа гла-

головъ Ломоносовъ принимаетъ окончаніе *ь*, а не *ъ*: *будешь*, *двигаешь*, *вертишь* и т. д. Объ окончаніяхъ именъ прилагательныхъ Ломоносовъ говоритъ въ своей Грамматикѣ: «*Е* и *Я* нерѣдко за едино употребляются, особливо во множественномъ числѣ прилагательныхъ пишутъ: *святые* и *святыя*. Сіе различїе буквъ *Е* и *Я* въ родахъ именъ прилагательныхъ никакого раздѣленія чувствительно не производитъ, слѣдовательно обоихъ буквъ *Е* и *Я* во всѣхъ родахъ употребленіе позволяется; хотя мнѣ и кажется, что *Е* приличнѣе въ мужескихъ, а *Я* въ женскихъ и среднихъ».

Путешествіе Екатерины II въ Эстляндію и Лифляндію продолжалось съ 20 іюня по 25 іюля 1764 года. Государыню сопровождалъ графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ, занимавшій самое видное мѣсто между ея спутниками, и говорившій отъ ея имени при торжественныхъ встрѣчахъ.

20 іюня 1764 года, въ воскресенье, въ шесть часовъ пополудни, императрица Екатерина II «съ немалою свитою придворныхъ дамъ и кавалеровъ, такожъ нѣкоторыхъ изъ знатнѣйшаго генералитета, при пушечной пальбѣ съ крѣпости и адмиралтейства, воспріять соизволила давно намѣренный свой путь въ Эстляндію и Лифляндію для осмотрѣнія тѣхъ провинцій и строенія новаго Балтійскаго порта». Слѣдующій день государыня провела въ Красномъ Селѣ, а 22 іюня утромъ прибыла въ Нарву.

Въ Нарвѣ «въ назначенное время допущенъ былъ сперва предъ Ея Императорское Величество преосвященный Иннокентій, епископъ псковской и нарвскій, который учинилъ поздравительное именемъ своей паствы привѣтствіе. Потомъ городскіе пасторы, изъ коихъ главный говорилъ привѣтственную рѣчь именемъ своея церкви и паствы. Эстляндское рыцарство, предводимое ландратомъ, который и рѣчь говорилъ именемъ рыцарства. Нарвскій магистратъ и купечество, именемъ котораго бургомистръ говорилъ рѣчь. А наконецъ дамы, случившіяся въ городѣ Нарвѣ. Всѣ оныя персоны допущены были къ цѣлованію Ея Величества руки; а

на рѣчи тамошняго духовенства, рыцарства и мѣщанства, говоренныя на нѣмецкомъ языкѣ, отвѣтствовалъ на россійскомъ, именемъ Ея Величества, генералъ-адъютантъ и лейбгвардіи подполковникъ, графъ Григорей Григорьевичъ Орловъ».

Продолжая свой путь, императрица посѣтила Ревель, и изъ Ревеля отправилась моремъ къ Балтійскому порту. Современники не находятъ словъ для описанія восторга русскихъ моряковъ, когда на кораблѣ взвился императорскій штандартъ, котораго Балтійское море не видѣло со времени Петра Великаго.

Пребываніе въ Ригѣ и вообще все путешествіе Екатерины II по Эстляндіи и Лифляндіи ознаменовано было цѣлымъ рядомъ торжествъ и представляло какъ бы одно сплошное празднество, заключившееся торжественнымъ въѣздомъ въ Петербургъ. 25-го іюля, въ воскресенье, въ восьмомъ часу вечера, Екатерина прибыла во дворецъ, гдѣ встрѣтилъ ее на крыльцѣ великій князь Павелъ Петровичъ, находившійся тогда на куртагѣ.

(Журналъ высочайшаго путешествія императрицы Екатерины Второй въ Нарву, Ревель, Ригу, Митаву и обратно въ Санктпетербургъ. Дополненіе къ камеръ-фурьерскому журналу 1764 года.

Повсядневная записка о путешествіи Ея Императорскаго Величества въ Эстляндію и Лифляндію. Прибавленія къ Санктпетербургскимъ Вѣдомостямъ. 1764. №№ 51—55, 57—60.)

Ст. 77—87. Я зрю здѣсь въ радости довольствїй общихъ видъ,
Гдѣ Рудица, вьючись сквозь каменья, журчитъ,
Гдѣ дѣйствуетъ вода, гдѣ дѣйствуетъ и пламень,
Чтобы составить мнѣ, или превысить камень,
Для сохраненїя Геройскихъ славныхъ дѣлъ,
Что долгъ къ Отечеству изобразить велѣлъ.
Гдѣ Дщерь Петрова мнѣ щедротною рукою
Награду воздала между трудовъ къ покою,
Трудовъ, что ободрилъ Екатерининъ гласъ,

И взоръ жизнь нову влилъ, и воскресилъ
Парнассъ!
Онъ будетъ сихъ даровъ бессмертный пропо-
вѣдникъ.

Въ этихъ стихахъ заключаются указанія на занятія Ломоносовымъ мозаикою и на посѣщеніе его императрицею Екатериною II.

Въ одѣ на новый 1764 годъ, ст. 11—12:

Геройскихъ подвиговъ хранитель
И проповѣдатель Парнассъ.

LVIII.

ТЕКСТЪ.

Ежемѣсячныя сочиненія и извѣстія о ученыхъ дѣлахъ. Сентябрь. 1764 года. стр. 239. Подъ стихотвореніемъ подпись: «Михайло Ломоносовъ».

Заглавіе стихотворенія указываетъ на время его написанія: «На Сарское Село. Августа 24 дня 1764 года».

По словамъ историка Царскаго Села, украшенія временъ Елисаветы Петровны «отличаются поражающею взоръ огромностію и блистательнымъ великолѣпіемъ наружныхъ и внутреннихъ уборовъ въ воздвигнутыхъ ею зданіяхъ. Напротивъ того, въ сооруженныхъ повелѣніемъ Екатерины II строеніяхъ обнаруживается изящный вкусъ и милая простота, соединенные съ пріятною величественностію». Впрочемъ въ первые года своего царствованія Екатерина II заботилась не столько объ украшеніи Царскаго Села, сколько о сокращеніи расходовъ по содержанію великолѣпныхъ зданій и вообще по устройству и управленію своего лѣтняго мѣстопребыванія. Ломоносовъ говоритъ, что лучшимъ украшеніемъ Царскаго Села служитъ присутствіе въ немъ Екатерины II (Ст. 13, 15):

Всѣхъ больше краситъ сей Екатерина край:
Она всѣ красоты присудствомъ оживляетъ,

При императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ почти всѣ распоряженія по устройству и управленію Царскаго Села исходили непосредственно отъ самой государыни; все дѣлалось по ея личному вкусу, выбору и повелѣнію. Екатерина II передала главное управленіе Царскимъ Селомъ Ивану Ивановичу Бецкому, назначивъ его директоромъ канцеляріи строенія дворцовыхъ домовъ и садовъ. 20 іюля 1762 года Бецкому данъ слѣдующій указъ: «Повелѣваемъ имѣть въ вѣдомствѣ вашемъ всѣ строенія, сады и дачи, которые до сего времени отъ единыхъ повелѣній нашихъ зависѣли. Вамъ же, кромѣ насъ самихъ, ни подъ какимъ вѣдомствомъ не быть».

(Исторія Села Царскаго, составленная Ильею Яковкинымъ. 1831. Часть III. стр. 5—57.)

LIX.

ТЕКСТЪ.

П. — Россійскій Парнассъ. Часть I. Въ Санктпетербургѣ. 1771 года. стр. 26—34.

Приведенное заглавіе находится на первой страницѣ книжки, въ двѣнадцатую долю листа. На слѣдующей страницѣ — новое заглавіе, обозначающее содержаніе книжки: «Селимъ и Селима— поема, Стихи къ будущей любовницѣ и Разговоръ Ломоносова съ Анакреонтомъ. Въ Санктпетербургѣ 1773 года». Въ началѣ стихотворенія такое заглавіе: «Славнаго Россійскаго стихотворца Разговоръ съ Анакреонтомъ».

Въ «Разговорѣ съ Анакреонтомъ» Ломоносовъ послѣдовательно «отвѣчаетъ» греческому поэту на четыре его оды: «Анакреонтъ. Ода I. — Ломоносовъ. Отвѣтъ; Анакреонтъ. Ода XXIII. — Ломоносовъ. Отвѣтъ», и т. д.

Въ Росписи Смирдина, стр. 526, № 6812: Россійскій Парнассъ. Часть I-я. С.-Петербургъ. 1771—1773. 12.

С. III. — Покойнаго статскаго совѣтника и профессора Михайлы Васильевича Ломоносова Собраніе разныхъ сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ. 1778. Книга вторая. Славнаго россійскаго стихотворца Разговоръ съ Анакреонтомъ. стр. 228 — 305.

С. IV. — Полное собраніе сочиненій Михайла Васильевича Ломоносова. 1784. Часть I. Разговоръ съ Анакреонтомъ. стр. 239—248.

Ст. 73. Отъ зеркала сюда взгляни, Анакреонтъ. (П.)
Ст. 107. Сдѣлай хитростью своей, (С. IV.)
Ст. 129. Коль изображенье точно! (С. III.)
Ст. 134. И мастерствомъ, Анакреонъ! (С. IV.)
Ст. 153. Огнь вложи въ небесны очи, (П.)

Издатели «Разговора съ Анакреономъ» не сдѣлали никакихъ указаній на время, когда написано это стихотвореніе. Извѣстно только то, что оно пользовалось большимъ успѣхомъ въ тогдашнемъ читающемъ обществѣ. Воспитатель великаго князя Павла Петровича, Порошинъ (1741—1769), записалъ въ своемъ дневникѣ: 31 октября 1764 года, въ воскресенье, «вставши изъ за стола, порѣзвился Его Высочество; потомъ изволилъ разговаривать, отчего бываютъ облака и туманы, и о горахъ, выше облаковъ простирающихся. Сѣлъ я читать ему Разговоръ Михайлы Васильевича Ломоносова съ Анакреонтомъ. Разговоръ сей весьма понравился Его Высочеству, и послѣ самъ изволилъ его перечитывать. Сочиненіе сіе самого господина Ломоносова».

(Семена Порошина Записки, служащія къ исторіи цесаревича и великаго князя Павла Петровича. 1844. стр. 109.)

Основываясь на заключительныхъ стихахъ произведенія:

Великая промолви Мать,
И повели войнамъ престать.

академикъ Пекарскій полагалъ, что есть «нѣкоторый поводъ думать, что Разговоръ съ Анакреонтомъ написанъ Ломоносовымъ, когда императрица Елисавета намѣревалась оказать вооруженное содѣйствіе своей союзницѣ Австріи, т. е. въ 1747 году».

(Исторія Академіи наукъ. Т. II. стр. 869—870.)

Одного обращенія къ императрицѣ съ просьбою прекратить войну недостаточно для того, чтобы пріурочить стихотвореніе къ опредѣленному какому-либо времени. Подобный призывъ встрѣчается въ одахъ Ломоносова, принадлежащихъ къ разнымъ годамъ.

Въ одѣ 1759 года, на побѣды надъ королемъ прусскимъ (ст. 223—226, 229—230):

Мы ждемъ желаемаго гласа:
„Еще побѣда и конецъ,
„Конецъ губителныя бра́ни.
О Боже! мира Богъ, возстани,
Военны запечатай двери,
Питай насъ тишиной Твоей.

Въ одѣ 1761 года, на восшествіе на престолъ императрицы Елисаветы Петровны (ст. 201—206):

Великая Елисаветъ
И силу кажетъ и державу;
Но въ сердцѣ держитъ сей совѣтъ:
Размножитъ миромъ нашу славу,
И выше какъ военной звукъ
Поставитъ красоту Наукъ.

«Разговоръ Ломоносова съ Анакреономъ» въ первый разъ напечатанъ въ «Россійскомъ Парнассѣ».

Въ «Предувѣдомленіи» къ этому изданію говорится:

«Нѣкоторое собраніе, имѣя во своемъ храненіи разныя стихотворныя и прозаическія сочиненія, вознамѣрилось издавать ихъ въ свѣтъ; оно не обязывается ни временемъ, ни количествомъ своихъ трудовъ, но смотря по обстоятельствамъ изданіи свои выпускать будетъ; для перваго опыта, выдаются здѣсь два сочиненія, подраженныя французскимъ. Собраніе увѣряетъ своихъ

читателей, что оно употребитъ возможное раченіе, чтобъ выборъ сочиненій забавенъ и пріятенъ былъ читателямъ, и что кромѣ переводовъ изъ стиховъ во стихи, другихъ не выдастъ развѣ оныя покажутся особливыхъ достоинствъ.

По разной величинѣ сочиненій, не можно утвердиться, по скольку листовъ вдругъ издаваться будетъ; но продолженія отъ одного до другого никогда не учинится, а всегда полное сочиненіе напечатается, и при каждомъ выходѣ объявлено будетъ, сколько листовъ напечатано въ продолженіе первой части, доколѣ по разсужденію собранія оная не окончится, и другая часть начнется».

Стихотвореніе Ломоносова напечатано весьма небрежно и даже безграмотно:

Мнѣ пѣть было о Трое,
О Кадме мнѣ бы пѣть,
Да гусли мнѣ въ покое,
Любовь велятъ звѣнеть......

Поэма «Селимъ и Селима» помѣщена въ Собраніи сочиненій Хераскова съ слѣдующею замѣткою: «Въ 1770 году небольшая сія поэмка была напечатана въ Санктпетербургѣ; она есть подражаніе французской сего имени поэмѣ, изъ которой одно расположеніе взято. Здѣсь стихи противу подлинника и противу перваго изданія совсѣмъ иные». Измѣненія въ такомъ родѣ:

Отъ шума градскаго, отъ гордыхъ удаленный,
Селимъ, младый Селимъ, для счастья сотворенный,
Въ любезной простотѣ дни сладки провождалъ,
На мягкую траву онъ стадо выгонялъ....

Въ новомъ изданіи:

Отъ градскихъ безпокойствъ, отъ шума удаленный,
Селимъ, младый Селимъ, слѣпымъ на свѣтъ рожденный,

Въ счастливой тишинѣ дни въ полѣ провождалъ;
Онъ стадо пасъ, игралъ въ свирѣль и — разсуждалъ. . . . . .

(Творенія М. Хераскова, вновь исправленныя и дополненныя. Часть III. стр. 325.)

Непосредственно за «Разговоромъ Ломоносова съ Анакреономъ» помѣщено въ «Россійскомъ Парнассѣ» слѣдующее стихотвореніе:

От искренняго почитателя сочинителевой славы.

Великій Ломоносовъ!
Ты долго прославлялъ
Гремящей лирой Россовъ,
И всѣхъ насъ удивлялъ.
Россійскую державу,
Ея монарховъ славу
Вознесши къ небесамъ,
Взлетѣлъ туда и самъ.
Когда Елисавету
Пѣвалъ ты передъ ней,
Всему вѣщалъ ты свѣту
Спокойство нашихъ дней.
Рокъ лютый разрушаетъ
Художествъ трудный даръ,
Но въ вѣкъ не потушаетъ
Піитовъ сильный жаръ.
Твоихъ героевъ вѣчно
Свѣтъ будетъ почитать,
И будетъ безконечно
Стихи твои читать.
Почто еще и нынѣ
На свѣтѣ не живешь,
Почто Екатеринѣ
Похвалъ ты не поешь?
Твоя гремяща лира

Достойною была
Для всѣхъ предѣловъ міра
Воспѣть ея дѣла.
Когда Анакреону
Отвѣты дѣлалъ ты,
Его имѣлъ корону,
Его въ рукахъ цвѣты;
Въ стихахъ его погудки
Пріятно повторялъ.
Къ любви прибавя шутки,
Въ свирѣли ты игралъ;
И лира и свирѣлки,
И важность и бездѣлки,
Чрезъ твой священный гласъ
Плѣнять умѣли насъ.

Стихотвореніе это помѣщалось вслѣдъ за «Разговоромъ» и въ послѣдующихъ изданіяхъ сочиненій Ломоносова: 1778 года, 1784 года, и т. д. Но въ первомъ изданіи оно безъ подписи, а въ послѣдующихъ подписано двумя буквами: М. Х.

Въ прежнихъ изданіяхъ стихотвореніе Ломоносова называется «Разговоромъ съ *Анакреонтомъ*»; но и самъ Ломоносовъ, какъ видно изъ соотвѣтствующихъ риомъ, и учитель его Тредьяковскій называли знаменитаго поэта *Анакреономъ*.

Называя наиславнѣйшихъ авторовъ, которымъ слѣдуетъ подражать во всѣхъ родахъ поэзіи, Тредьяковскій находитъ, что лучшіе образцы лирической поэзіи — «на Греческомъ: Піндаръ, и *Анакреонъ*; на Французскомъ: Малгербъ, и послѣдователь *Анакреону* господинъ дела Гранжъ».

(Новый и краткій способъ къ сложенію россійскихъ стіховъ. 1735. стр. 85.)

Въ «Разговорѣ Ломоносова съ Анакреономъ» (73 — 74, 133—136):

От зеркала сюда взгляни, Анакреонъ,
И слушай, что ворчитъ нахмурившись Катонъ:
Ты счастливъ сею красотою
И мастеромъ, Анакреонъ;
Но счастливѣй ты собою
Чрезъ прїятный лиры звонъ.

Ломоносовъ своими подражаніями Анакреону внесъ новую струю въ нашу литературу. Подобнымъ образомъ и во Франціи знакомство съ Анакреономъ оживило лирику, освободивъ ее отъ подавляющаго вліянія пиндаризма. Даже Ronsard поддается новому вѣянію:

Me loue qui voudra les replis recourbés
Des torrents de Pindare en profond embourbés,
Obscurs, rudes, fâcheux, et ses chansons connues,
Que je ne sais comment, par songes et par nues,
Anacréon me plait, le doux Anacréon.

(L'Hellénisme en France, par E. Egger. 1869. T. I. стр. 358—367 и др.)

По слѣдамъ Ломоносова пошелъ Державинъ не только въ способѣ подражанія, но и въ самомъ выборѣ одъ Анакреона. Размѣръ, впервые употребленный Ломоносовымъ, усвоенъ былъ, преимущественно для произведеній такъ называемой легкой поэзіи, многими писателями, а именно: Сумароковымъ, Херасковымъ, Княжнинымъ, Жуковскимъ, Батюшковымъ и Пушкинымъ.

(Сочиненія Державина. 1864. Т. I. стр. 424.)

Ст. 1—12. Анакреонъ. Ода I.

Εἰς κιθάραν.

Θέλω λέγειν Ἀτρείδας,
θέλω δὲ Κάδμον ᾄδειν·

ὁ βάρβιτος δὲ χορδαῖς
Ἔρωτα μοῦνον ἠχεῖ.
ἤμειψα νεῦρα πρώην,
καὶ τὴν λύρην ἅπασαν,
κἀγὼ μὲν ᾖδον ἄθλους
Ἡρακλέους· λύρη δὲ
Ἔρωτας ἀντεφώνει.
χαίροιτε λοιπὸν ἡμῖν
ἥρωες· ἡ λύρη γὰρ
μόνους Ἔρωτας ᾄδει.

У Державина (II, 135 — 137) есть передѣлка этой оды Анакреона:

Пѣть Румянцева сбирался,
Пѣть Суворова хотѣлъ;
Громъ отъ лиры раздавался
И со струнъ огонь летѣлъ. . . . . . .

Ст. 29—44. Анакреонъ. Ода XXIII.

Εἰς φιλάργυρον.

Ὁ πλοῦτος, εἴ γε χρυσοῦ
τὸ ζῆν παρεῖχε θνητοῖς,
ἐκαρτέρουν φυλάττων,
ἵν' ἂν θανεῖν ἐπέλθῃ,
λάβῃ τι καὶ παρέλθῃ.

Εἰ δ' οὔ τί που πρίασθαι
τὸ ζῆν ἔνεστι θνητοῖς,
τί χρυσὸς ὠφελεῖ με;
θανεῖν γὰρ εἰ πέπρωται,
τί καὶ μάτην στενάζω;
[τί καὶ γόους προπέμπω;]

Ἐμοὶ γένοιτο πίνειν,
πιόντι δ' οἶνον ἡδὺν,
ἐμοῖς φίλοις συνεῖναι,
* ἐν δ' ἁπαλαῖσι κοίταις
* τελεῖν τὰν Ἀφροδίταν.

Державинъ (II, 182—183) также перевелъ оду XXIII Анакреона:

Когда бы было намъ богатствомъ
Возможно кратку жизнь продлить,
Не ставя ничего препятствомъ,
Я сталъ бы золото копить. . . . . . .

Ст. 61—72. Анакреонъ. Ода XI.

Εἰς ἑαυτόν.

Λέγουσιν αἱ γυναῖκες,
Ἀνακρέων, γέρων εἶ·
λαβὼν ἔσοπτρον ἄθρει
κόμας μὲν οὐκέτ' οὔσας,
ψιλὸν δέ σευ μέτωπον.
ἐγὼ δὲ τὰς κόμας μέν,
εἴτ' εἰσὶν, εἴτ' ἀπῆλθον,
οὐκ οἶδα· τοῦτο δ' οἶδα,
ὡς τῷ γέροντι μᾶλλον
πρέπει τὸ τερπνὰ παίζειν,
ὅσῳ πέλας τὰ Μοίρης.

Державинъ подражалъ этой одѣ въ стихотвореніи: «Старикъ» (II, 435—436):

Мнѣ дѣвушки шептали:
«Ты старъ и сѣдъ и лысъ;
Вотъ зеркало», сказали,
«Возьми и посмотрись». —

«Что нужды мнѣ, не знаю:
Я старъ», сказалъ, «иль нѣтъ;
Я только увѣряю,
Что я душой не сѣдъ.

И старику нужнѣе
Въ веселіи пожить,
Приходитъ чѣмъ скорѣе
Меня похоронить».

По замѣчанію И. И. Мартынова, «благородная и изящная легкость, естественная, но прелестная простота, чувствуемая во всѣхъ Анакреоновыхъ сочиненіяхъ, господствуетъ наипаче въ этой пѣснѣ». Приведя стихи Ломоносова и Державина, заключающіе въ себѣ переводъ одиннадцатой пѣсни Анакреона, Мартыновъ продолжаетъ: «И безъ дальняго разбора въ такихъ стихахъ легко чувствовать можно ихъ достоинство. Мнѣ кажется, Ломоносову надобно отдать преимущество въ томъ, что онъ къ милой простотѣ Анакреона гораздо ближе подошелъ, чѣмъ Державинъ».

(Греческіе классики. Ч. XXIII. кн. 26. Стихотворенія Анакреона Теосскаго, переведенныя съ греческаго языка Иваномъ Мартыновымъ. 1829. стр. 21, 148—151.)

Ст. 93—132. Анакреонъ. Ода XXVIII.

Εἰς κόρην.

Ἄγε ζωγράφων ἄριστε,
γράφε ζωγράφων ἄριστε,
Ῥοδίης κάρανε τέχνης,
ἀπεοῦσαν, ὡς ἂν εἴπω,
γράφε τὴν ἐμὴν ἑταίρην.
γράφε μοι τρίχας τὸ πρῶτον
ἁπαλάς τε καὶ μελαίνας·
ὁ δὲ κηρὸς ἂν δύνηται,

γράφε καὶ μύρου πνεούσας.
γράφε δ' ἐξ ὅλης παρειῆς,
ὑπὸ πορφυραῖσι χαίταις,
ἐλεφάντινον μέτωπον.
τὸ μεσόφρυον δὲ μή μοι
διάκοπτε, μήτε μίσγε·
ἐχέτω δ', ὅπως ἐκείνη,
τὸ λεληθότως σύνοφρυν
βλεφάρων ἴτυν κελαινήν.
τὸ δὲ βλέμμα νῦν ἀληθῶς
ἀπὸ τοῦ πυρὸς ποίησον,
ἅμα γλαυκὸν, ὡς Ἀθήνης,
ἅμα δ' ὑγρὸν, ὡς Κυθήρης.
γράφε ῥῖνα καὶ παρειὰς,
ῥόδα τῷ γάλακτι μίξας.
γράφε χεῖλος, οἷα Πειθοῦς,
προκαλούμενον φίλημα.
τρυφεροῦ δ' ἔσω γενείου,
περὶ λυγδίνῳ τραχήλῳ,
Χάριτες πέτοιντο πᾶσαι.
στόλισον τὸ λοιπὸν αὐτὴν
ὑποπορφύροισι πέπλοις·
διαφαινέτω δὲ σαρκῶν
ὀλίγον, τὸ σῶμ' ἐλέγχον.
ἀπέχει· βλέπω γὰρ αὐτήν·
τάχα, κηρέ, καὶ λαλήσεις.

Въ числѣ книгъ, пріобрѣтенныхъ Ломоносовымъ за границею, вмѣстѣ съ стихотвореніями Гюнтера, находится: Les Poësies d'Anacreon et de Sapho. Amst. 1716. Изъ четырехъ одъ въ «Разговорѣ Анакреона» только въ послѣдней есть нѣсколько чертъ, представляющихъ нѣкоторое сходство съ французскимъ переводомъ.

ODE XXVIII.

LE PORTRAIT

DE

SA MAÎTRESSE.

O toi, le plus habile et le plus gracieux
Des Peintres que Rhodes nous vante,
Fais ici de ton art un effort glorieux,
Trace-moi les attraits de ma Maîtresse absente,
        Tâche de la peindre à mes yeux
        Telle qu'elle est à ma memoire.
Peins d'abord ses cheveux, fai, qu'à mes yeux charmez
Ils semblent, s'il se peut, d'essences parfumez.
        Que son front sous leur couleur noire
        Efface la blancheur des lis.
Fai qu'en arc ses sourcis se courbent avec grace,
        Ni separez, ni réunis;
        Laisse entr'eux un petit espace,
        Qu'on n'apperçoive presque pas:
Que ses yeux entourez d'une noire paupiere
        Jettent une douce lumiere.
Qu'ils soient vifs; qu'ils soient bleus, tels que ceux de Pallas
Humides et brillans, armez de mille appas,
Tels que ceux de Venus par l'amour enflammée.
        Qu'une blancheur vive, animée,
De son nez, de son teint releve les attraits.
Que le feu du corail sur ses levres charmantes

Du plus indifferent attire les souhaits.
Pein son cou, son menton en leur forme parfaits;
Pein sans cesse autour d'eux les Graces voltigeantes.
Habille-la de pourpre, et fai que de son corps
Une aimable partie, échappant de sa robe,
Nous fasse juger des tresors,
Qu'à nos regards elle dérobe.
C'en est assez, l'ouvrage est fait.
Tu vis, tu vas parler, adorable Portrait.

(Les Poesies d'Anacreon et de Sapho, traduites en françois, avec des remarques, par madame Dacier. Nouvelle Edition, augmentée des Notes Latines de Mr. le Fevre, et de la Traduction en vers françois de Mr. de la Fosse. A Amsterdam. 1716. стр. 54—56.)

Въ примѣчаніи къ стихотворному переводу этой оды, сдѣланному въ концѣ прошлаго столѣтія, находимъ слѣдующій отзывъ: «Сію прекрасную оду, служившую въ разныхъ языкахъ подлинникомъ для множества неудачныхъ подражаній, переводилъ и нашъ сѣверный Орфей Ломоносовъ съ отмѣнными и его только таланту свойственными красотами, дѣлающими и подражательныя его творенія дѣйствительнымъ подлинникомъ. Онъ во многихъ мѣстахъ отступилъ, индѣ прибавилъ, по причинѣ той, что писалъ стихи съ риѳмами», и т. д.

(Ἀνακρέοντος Τηΐου Μέλη. Анакреонъ. Книга вторая. стр. 171.)

Стихотворный переводъ принадлежитъ Н. А. Львову, но имя переводчика скрыто подъ звѣздочками. Русскій переводъ изданъ вмѣстѣ съ греческимъ подлинникомъ подъ заглавіемъ: «Ἀνακρέων. Анакреонъ». Годъ изданія, 1794, выставленъ на оборотѣ заглавнаго листа Книги первой. Львовъ говоритъ: «Анакреонъ переведенъ на руской языкъ съ греческаго, котораго я не знаю; но человѣкъ добровольной и греческой языкъ хорошо знающій взялъ на себя трудъ подписать мнѣ каждое слово въ подлинникѣ», и т. д. Трудъ этотъ исполненъ природнымъ грекомъ архіепископомъ Евгеніемъ Булгаромъ.

По замѣчанію И. И. Мартынова, переводъ Ломоносова двадцать восьмой оды Анакреона «весьма много выразилъ красотъ подлинника, однакожъ не всѣ».

(Греческіе классики. 1829. Часть XXIII. Книга 26. стр. 40—43, 174—180.)

Переводъ Ломоносова вдохновилъ Державина: «первую мысль оды: *Изображеніе Фелицы* — говоритъ Я. К. Гротъ — Державинъ почерпнулъ конечно изъ Ломоносовскаго подражанія двадцать восьмой одѣ Анакреона».

(Сочиненія Державина. Т. I. стр. 271.)

Какое значеніе для нашей литературы имѣлъ стихотворный переводъ Ломоносова произведеній Анакреона, видно изъ слѣдующихъ словъ Батюшкова: «Такъ называемый эротическій и вообще легкій родъ поэзіи воспріялъ у насъ начало со временъ Ломоносова и Сумарокова. Ломоносовъ, испытуя русскій языкъ въ важныхъ родахъ, желалъ обогатить его нѣжнѣйшими выраженіями Анакреоновой музы. Сей великій образователь нашей словесности зналъ и чувствовалъ, что языкъ просвѣщеннаго народа долженъ удовлетворять всѣмъ его требованіямъ и состоять не изъ однихъ высокопарныхъ словъ и выраженій. Преемникъ лиры Ломоносова, Державинъ и въ зиму дней своихъ любилъ отдыхать со старцемъ өеосскимъ. По слѣдамъ сихъ поэтовъ, множество писателей отличились въ этомъ родѣ, имѣющемъ великія трудности, особенно у насъ, ибо языкъ русскій сохранилъ еще нѣкоторую суровость и упрямство, не совершенно исчезающія даже подъ перомъ опытнаго таланта», и т. д.

(Сочиненія К. Н. Батюшкова. 1885. Т. II. О вліяніи легкой поэзіи на языкъ. стр. 238—241.)

LX.

ТЕКСТЪ.

Рукописный сборникъ писемъ, озаглавленный: «Переписка Ломоносова съ графомъ Михаиломъ Ларіоновичемъ Воронцовымъ».

Стихотвореніе переписано неизвѣстною рукою, а имя автора — Ломоносова подписано рукою графа Михаила Ларіоновича Воронцова.

Въ рукописи не указано ни времени появленія этихъ стиховъ, ни повода, по которому они написаны. Стихъ:

Минерва по всему: въ ней всѣхъ добротъ союзъ

относится, очевидно, къ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Ломоносовъ называетъ воспѣваемую имъ Минерву дочерью Россійскаго Зевеса, то есть Петра Великаго, и въ заключеніе говоритъ:

Коль сильно Ипокренъ въ Россіи потечетъ,
Когда напишется надъ нимъ Елисаветъ!

Судя по нѣкоторымъ чертамъ, можно бы предполагать, что стихотвореніе написано въ Петергофѣ или, по крайней мѣрѣ, относится къ петергофской природѣ, надъ которою такъ много потрудилось искусство:

Ст. 6—8. Тамъ волны, тамъ ключи, тамъ древъ листы шумятъ,
У храма, у цвѣтовъ, у счастливаго лѣса,
Ты видишь щедру Дщерь Россійскаго Зевеса.

Подобныя черты встрѣчаются и въ стихотвореніи Державина: «На Петергофъ», написанномъ въ 1771 году:

Прохладная страна! мѣста преузорочны!
Гдѣ съ шумомъ въ воздухъ бьютъ стремленья водоточны;
Гдѣ спорятъ межъ собой искусство и природа
Въ лѣсахъ, въ цвѣтахъ, въ водахъ, въ небесномъ блескѣ свода.
(Сочиненія Державина. 1866. Т. III. стр. 255.)

LXI.

ТЕКСТЪ.

Рукописный сборникъ писемъ, озаглавленный: «Переписка Ломоносова съ графомъ Михаиломъ Ларіоновичемъ Воронцовымъ».

Стихотвореніе писано чужою рукою; но подпись: «М. Ломоносовъ» сдѣлана, вѣроятно, рукою самого автора. Говорю: «вѣроятно», потому что она исполнена весьма тщательно каллиграфически, и въ ней нѣтъ тѣхъ особенностей Ломоносовскаго почерка, по которымъ можно опредѣлить его съ несомнѣнною точностью.

Это стихотвореніе, также какъ и предыдущее, изданы П. И. Бартеневымъ въ Архивѣ князя Воронцова подъ названіемъ: «Стихи Ломоносова въ честь императрицы Елисаветы Петровны».

Графъ М. Л. Воронцовъ неоднократно обращался къ Ломоносову съ просьбою написать стихи по поводу того или другого празднества. Въ нашемъ изданіи помѣщено уже стихотвореніе, написанное Ломоносовымъ по программѣ М. Л. Воронцова. 22 марта 1763 года Воронцовъ писалъ Ломоносову изъ Москвы: «Къ прибытію Ея Императорскаго Величества въ С.-Петербургъ я намѣренъ предъ домомъ моимъ, для общей радости, сдѣлать приличную люменацію. Того ради васъ, друга моего, прошу

сдѣлать проектъ оной аллегорически въ картинахъ, представляя великіе добродѣтели и таланты, коими Всевышній одарилъ Ея Величества неусыпные труды и попеченія о благѣ отечества нашего, и ежедневно оказуемыя благодѣянія и милости народу своему. . . . Произведеніемъ сего дѣла въ дѣйство вы крайне меня одолжить изволите, а паче ежели бъ потрудились, къ украшенію сего торжества и понеже я намѣренъ Ея Величество и государя Цесаревича къ себѣ въ домъ просить, приличные стихи сдѣлать и напечатать въ небольшомъ форматѣ, кои бы могъ я при семъ случаѣ поднести». Графъ Воронцовъ былъ очень доволенъ проектомъ Ломоносова: «Я нахожу оный столь хорошо вымышленнымъ и расположеннымъ, что отнюдь не усматриваю нужды дѣлать какія либо отмѣны. Но только прошу, въ пристойныхъ мѣстахъ, прибавить приличныя изъ Горація или собственнаго вашего творенія надписи, дабы тѣмъ живѣе еще изобразить представляемыя добродѣтели и великія качества Ея Императорскаго Величества нашей всемилостивѣйшей Государыни».

(Переписка Ломоносова съ графомъ Михаиломъ Ларіоновичемъ Воронцовымъ. л. 34—36. Письма 22 марта и 24 апрѣля 1763 года.)

Ст. 1. Фортуну вижу я въ тебѣ или Венеру,

Въ одѣ Ломоносова на восшествіе на престолъ императрицы Елисаветы Петровны 25 ноября 1761 года, нимфы обращаются къ дочери Петра Великаго съ вопросомъ (ст. 67, 69—70):

Кто Ты? Минерва иль Дїана?
Богиней въ свѣтѣ быть избранна,
Достойная носить вѣнецъ!

LXII.

ТЕКСТЪ.

М.—Московскій Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Портфель Миллера. № 414; тетрадь № 16. Заглавіе: «О сомнительномъ произношеніи буквы *Г* въ россійскомъ языкѣ».

К. — Сборникъ Казанскаго Университета: «Разныя стиходѣйствіи». № 93. стр. 111. Заглавіе: «О сумнительномъ произношеніи буквы *Г* въ россійскомъ языкѣ».

Q. — Сборникъ Императорской Публичной Библіотеки. Q. № 168. Заглавіе: «О сомнительномъ произношеніи буквы *Г* въ россійскомъ языкѣ».

F.— Рукописный Сборникъ старинныхъ стихотвореній, принадлежащій А. Ѳ. Бычкову. стр. 156. Заглавіе: «О сомнительномъ произношеніи буквы *Г* въ россійскомъ языкѣ».

Ст. 3. О грады, гдѣ торги, гдѣ многокружны браги, (К., F.)
Ст. 6. Бѣгущія всегда отъ гадскія гордыни (М.)
Ст. 14. Играть, гулять, рыгать и ногти отгрызать (К., F.)
Ст. 17. Гадливые враги и гладкословный другъ (К., F.)

Ст. 18. Толпеги, щеголи, когда вамъ есть досугъ (К., F.)
Ст. 20. Скажите, гдѣ былъ *гигъ* и гдѣ стоять глаголю (F.)

Стихотвореніе: «О сомнительномъ произношеніи буквы *Г* въ россійскомъ языкѣ» было напечатано съ рукописи Миллера С. П. Шевыревымъ въ Москвитянинѣ, 1854. № 1. 2. Отд. IV. стр. 4, съ слѣдующимъ замѣчаніемъ: Помѣщаемое стихотвореніе есть «одно изъ свидѣтельствъ того, какъ Ломоносовъ зналъ языкъ Русской, какъ владѣлъ имъ, какъ вникалъ во всѣ подробности его изученія, даже и въ самомъ произношеніи».

LXIII.

ТЕКСТЪ.

М.—Московскій Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Портфель Миллера № 414; тетрадь № 16. Заглавіе: «На сочетаніе стиховъ россійскихъ».

Съ рукописи Миллера стихотвореніе это напечатано Шевыревымъ въ Москвитянинѣ, 1854. № 1. 2. Отд. IV. стр. 4.

К. — Сборникъ Казанскаго Университета: «Разныя стиходѣйствіи». № 94. стр. 112. Заглавіе: «На сочиненіе россійскихъ стиховъ». Тоже и въ Реестрѣ.

F.—Рукописный Сборникъ старинныхъ стихотвореній, принадлежащій А. Ѳ. Бычкову. стр. 155. Заглавіе: «На соч. рос. стих.» Тоже и въ Регистрѣ.

Ст. 1. Я мужа добраго изъ давныхъ лѣтъ имѣла (К., F.)
Ст. 11. Что мой законный мужъ—завистной молодецъ (М.)

Ст. 1—4. Я мужа бодраго изъ давныхъ лѣтъ имѣла.
Однакоже вдовой безъ онаго сидѣла.

Штивелїй увѣрялъ, что мужъ мой худъ и слабъ,
Безсиленъ, подлъ, и старъ, и дряхлый былъ арапъ;

Эпиграмма эта была вызвана полемикою Ломоносова съ Тредьяковскимъ о сочетанiи въ стихахъ мужской риѳмы съ женскою, что находится въ непосредственной связи съ вопросомъ о предпочтенiи ямба хорею.

Тредьяковскiй, признавая подобное сочетанiе риѳмъ несоотвѣтствующимъ нашему стихосложенiю, утверждалъ слѣдующее: «Свόйство нашихъ Стїховъ всегда требуетъ ударенїя Рїѳмы, то есть, приводитъ ладъ съ ладомъ, на предкончаемомъ слогѣ, въ чемъ почти главная сладость нашихъ состоитъ Стїховъ, а крайняя Рїѳмъ; хотя въ мало важныхъ, или шуточныхъ Стїхахъ, иногда кладется та на кончаемомъ, но и то по нуждѣ, да и весьма долженствуетъ быть рѣтко. А ежели бы сочетавать намъ Стїхи; то бы женской Стїхъ у насъ падалъ Рїѳмою на предкончаемомъ не обходимо слогѣ, а мужеской не премѣнно бы на кончаемомъ. Таковое сочетанїе Стїховъ такъ бы у насъ мерское и гнусное было, какъ бы оное, когда бы кто наипокланяемую, наинѣжную, и самымъ цвѣтомъ младости своея сїяющую Эѵропскую Красавицу, выдалъ за дряхлаго, чорнаго, и девяносто лѣтъ имѣющаго Арапа».

(Новый и краткїй способъ къ сложенїю россїйскихъ стїховъ съ опредѣленїями до сего надлежащихъ званїй. Чрезъ Васїлья Тредїаковскаго. 1735. стр. 23—24.)

Ломоносовъ возражалъ Тредьяковскому: «Россїйскїе стихи красно и свойственно на *мужескїя*, *женскїя*, и *три литеры гласныя въ себѣ имѣющїя риѳмы*, подобные италїанскимъ, могутъ кончиться. Хотя до сего времени только однѣ женскїя риѳмы въ россїйскихъ стихахъ употребляемы были, а мужескїя и отъ третьяго слога начинающїяся, заказаны; однако сеї заказъ толь праведенъ, и нашеї версификацїи такъ свойственenъ и природенъ, какъ, ежелибы кто обѣими ногами здоровому человѣку всегда на одноі скакать велѣлъ. Причины тому ни какой

не вижу, для чего бы мужескія риѳмы толь смѣшны и подлы были, что бы ихъ только въ комическомъ и сатирическомъ стихѣ, да и то еще рѣдко, употреблять можно было? и чѣмъ бы святѣе сіи женскія риѳмы: *красовулях*ъ, *ходулях*ъ, слѣдующихъ мужескихъ, *востокъ*, *высокъ*, были? По моему мнѣнію, подлость риѳмовъ не въ томъ состоитъ, что они больше или меньше слоговъ имѣютъ; но что оныхъ слова подлое или простое что значатъ. Подлинно, что всякому, кто однѣ женскія риѳмы употребляетъ, сочетаніе и перемѣшка стиховъ странны кажутся; однако ежелибы онъ къ сему только примѣнился, то скоро бы увидѣлъ, что оное толь же пріятно и красно, коль въ другихъ Европейскихъ языкахъ. Никогдабы мужеская риѳма передъ женскою не показалася, какъ дряхлой, чорной и девяносто лѣтъ старой арапъ передъ наипоклоняемою, наинѣжною, и самымъ цвѣтомъ младости сіяющею европейскою красавицею».

(Собраніе сочиненій М. В. Ломоносова. 1778. Книга вторая. Письмо о правилахъ россійскаго стихотворства. стр. 13—14.)

Ст. 3. Штивелій увѣрялъ, что мужъ мой худъ и слабъ.

Штивелісмъ Ломоносовъ называетъ *Тредьяковскаго;* такое же названіе даетъ Тредьяковскому и Сумароковъ въ «Епистолѣ о стихотворствѣ»:

А ты, *Штивеліусъ,* лишь только врать способенъ.

Штивеліусъ или *Штифеліусъ* — латинская форма нѣмецкаго: *Штифель.* Stiefel, Stifelius (1486—1567) — замѣчательный математикъ своего времени, пріобрѣвшій большую извѣстность не только обширными научными свѣдѣніями, но и своими неудачными предсказаніями. Говорятъ, онъ первый сталъ употреблять + и — для выраженія понятій: *больe* и *меньe*. На основаніи самыхъ затѣйливыхъ сочетаній различныхъ чиселъ, взятыхъ изъ Библіи, онъ сталъ утверждать, что кончина міра наступитъ 3 октября 1533 года, въ десять часовъ утра. Роковой день прошелъ благополучно, и легковѣрные, видя себя обману-

тыми, заключили ложнаго пророка въ темницу, изъ которой онъ былъ освобожденъ только по настоянію Лютера.

Ученый шестнадцатаго столѣтія *Штифеліусъ* — единственное историческое лицо съ этимъ именемъ, и точно такъ же (*Штифеліусъ*, а не *Штивеліусъ*) названъ педантъ и въ нѣмецкомъ переводѣ комедіи Гольберга. Въ формѣ же *Stivelius* это имя встрѣчается у самого Гольберга въ его автобіографіи, въ отзывѣ о лицѣ, которое напоминаетъ нѣкоторыми чертами названнаго нами математика-предсказателя. Гольбергъ разсказываетъ, что, во время пребыванія своего въ Лейпцигѣ, онъ посѣщалъ лекціи нѣкоего магистра *Штивеліуса*, сообщавшаго своимъ слушателямъ разнаго рода забавныя и ни съ чѣмъ несообразныя вещи. Такъ однажды онъ усиливался доказать, что праведниковъ ожидаютъ въ раю хорошіе обѣды и ужины. Другой разъ онъ произнесъ, самою изысканною латынью, надгробное слово своимъ перчаткамъ, похищеннымъ наканунѣ его слушателями, и т. д. *)

(Ludvig Holbergs udvalgte Skrifter. Kjobenhavn. 1814. XXI. 248. — Ludwig Holberg, sein Leben und seine Schriften. Von Robert Prutz. 1857. стр. 190,60 и др.

Драматическія произведенія Гольберга оказали весьма сильное вліяніе на нѣмецкую сцену и литературу. Когда Готшедъ, въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія, предпринялъ изданіе художественныхъ образцовъ драмы, отечественныхъ и иностранныхъ, онъ счелъ необходимымъ украсить свое собраніе твореніями знаменитаго датскаго драматурга. По просьбѣ Готшеда, альтонскій профессоръ Detharding перевелъ на нѣмецкій языкъ нѣсколько пьесъ Гольберга. Комедіи пользовались блестящимъ успѣхомъ и весьма долго господствовали на нѣмецкой сценѣ,

---

*) Приводимъ подлинныя слова Гольберга: Af den Aarsag var der ingen vi hellere horte loese end Magister *Stivelius*, da hans Foreloesninger vare ubescrivelig latterlige og paradoxe, saa han blandt Andet af Sciften paatog sig at bevise, at de Salige i Paradis skulde spise til Middag og Aften. Jeg erindrer og, at samme Magister engang holdt en lang Tale over sine Handsker, som, han ikke tog i Betoenkning at sige paa ziirlig Latin, hans Tilhorere Dagen for havde stjaalet.

послужившіи превосходною школою для многихъ выдающихся актеровъ и драматическихъ писателей. Въ одной изъ этихъ комедій, или — точнѣе сказать — въ ея нѣмецкомъ переводѣ, выведенъ педантъ подъ именемъ *Штифеліуса* — имя, которымъ называли Тредьяковскаго его литературные враги: Сумароковъ и Ломоносовъ.

Укоряя Сумарокова въ отсутствіи изобрѣтательности, Тредьяковскій говоритъ о немъ: «Авторъ толь малъ въ вымыслѣ, что ни именъ для смѣха выдумать отъ себя не могъ: его и Штивеліусъ въ Епистолѣ о стихотворствѣ — также чужой, а именно изъ Голберга, и Тресотиніусъ — Моліеровъ Трисотень».

(Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи наукъ въ XVIII вѣкѣ. Издалъ А. Куникъ. 1865. Часть II. стр. 442.)

Датскій писатель Гольбергъ (1684 — 1754) пользовался особеннымъ сочувствіемъ и самою широкою популярностью у своихъ соотечественниковъ. Обладая сильнымъ талантомъ, онъ отличался вмѣстѣ съ тѣмъ необычайною плодовитостью; въ теченіе 1824 года и первыхъ мѣсяцевъ 1825 онъ написалъ девять драматическихъ произведеній. Въ числѣ ихъ была комедія подъ названіемъ: Jacob von Tyboe eller den stortalende Soldat. Хвастливый воинъ Jacob von Tyboe напоминаетъ многими чертами свои древніе образцы: Thraso miles — въ комедіи Теренція: Eunuchus, и Pyrgopolinices — въ комедіи Плавта: Miles gloriosus. Pyrgopolinices — qui urbium turres evicit; составлено изъ трехъ греческихъ словъ: πύργος, πόλις, νίκη. Въ числѣ дѣйствующихъ лицъ въ комедіи Гольберга выведенъ педантъ — Magister Stygotius. По собственнымъ словамъ Гольберга, ему и въ жизни приходилось вести борьбу съ безвкусіемъ и съ педантами.

Комедія Jacob von Tyboe переведена на нѣмецкій языкъ подъ названіемъ: Bramarbas oder der groszsprecherische Officier. Появленіе имени *Bramarbas* объясняется сатирическою одою Менке (Johann Burchard Mencke, 1675 — 1732), профессора лейпцигскаго университета, издателя Acta eruditorum. Стихотворенія Менке вышли въ свѣтъ не подъ его именемъ, а подъ

псевдонимомъ Philander von der Linde. Въ одномъ изъ нихъ осмѣивается хвастунъ Брамарбасъ:

Bramarbas, der mit leisen Worten
Der Zauberschlösser feste Pforten
Ohn alle Waffen niederschlägt,
Vor dem die grossen Monden-Berge
Nicht anders sehn als kleine Zwerge,
Wenn er sich auf die Erde legt;

Bramarbas, welcher zwantzig Greiffe,
Und alle die in einer Schleiffe
Von seinem eignem Strumpf-Band fängt,
Von dessen Handschuh gantze Häuser
Sich biegen wie die Weiden-Reiser,
Wenn er ihn an den Nagel hengt . . . . . .

(Philanders von der Linde Vermischte Gedichte. Leipzig. 1727. Unterredung von der deutschen Poesie. Cartell des Bramarbas an Don Quixote. s. 228—230.)

Педантъ, выведенный въ комедіи: Bramarbas, названъ: Magister *Stiefelius.*

Содержаніе комедіи Гольберга заключается въ слѣдующемъ. У молодой дѣвушки три поклонника; двое изъ нихъ крайне ограничены, дѣлаютъ цѣлый рядъ промаховъ, и тѣмъ помогаютъ своему противнику достигнуть намѣченной имъ цѣли. Имя дѣвушки: въ датскомъ подлинникѣ — Lucilia, въ нѣмецкомъ переводѣ — Leonora. Три ея поклонника: датск. Von Tyboe, нѣмецк. Bramarbas; датск. Magister Stygotius, нѣмецк. Magister Stiefelius; датск. Leonard, нѣмецк. Liebmann. Брамарбасъ считаетъ себя непобѣдимымъ героемъ, противъ котораго не можетъ устоять ни одна крѣпость и ни одно женское сердце. Штивеліусъ — типъ ученаго педанта, простирающаго свое уваженіе къ «языку ученыхъ» до того, что даже съ прислугою объясняется по латыни. Брамарбасъ и Штивеліусъ, ухаживая за молодою дѣвушкою, строятъ другъ другу козни. Чтобы вѣрнѣе открыть

путь къ ея сердцу, Брамарбасъ ищетъ поэта, который могъ бы написать въ честь ея французскіе стихи. При помощи ловкаго плута, составляющаго необходимое лицо старинныхъ комедій, Брамарбасу подсовываютъ, вмѣсто мадригала предмету его страсти, злостный пасквиль на латинскомъ языкѣ, сочиненный Штивеліусомъ, и осыпающій бранью и дѣвушку и ея мать. Продѣлка Штивеліуса не остается безнаказанною. Его одурачиваетъ тотъ же плутъ, подмѣнивъ кошелекъ, посланный имъ для подкупа служанки. Но обманъ открылся, и негодованіе Леоноры, узнавшей возмутительное содержаніе поднесеннаго ей пасквиля, достигло крайнихъ предѣловъ. Брамарбасъ и Штивеліусъ, не подозрѣвая, что оба они попались въ ловушку, подходятъ къ окну Леоноры, одинъ съ полною увѣренностью въ побѣдѣ, другой съ патетическимъ возгласомъ: veni, vidi, vici. Но оба, совершенно для нихъ неожиданно, окачиваются изъ окна ушатомъ воды. Соперники, узнавши, что они сдѣлались жертвою взаимнаго обмана, воспылали местью и выступили другъ противъ друга съ войскомъ: Брамарбасъ съ четырьмя солдатами, Штивеліусъ съ четырьмя студентами. Неизбѣжный плутъ снова появляется на сценѣ, и убѣждаетъ противниковъ заключить наступательный союзъ и направить свои силы противъ общаго врага. Внявъ лукавому совѣту, они окружаютъ домъ преслѣдуемой ими дѣвушки. Но защитникомъ Леоноры выступаетъ ея третій поклонникъ — Либманъ; выстрѣливъ холостымъ зарядомъ изъ пистолета, онъ обращаетъ въ бѣгство перепуганныхъ непріятелей. Въ награду онъ требуетъ руки Леоноры, и мать ея даетъ свое согласіе на этотъ бракъ. Этимъ и оканчивается комедія.

Чтобы дать понятіе о Штивеліусѣ, какимъ изобразилъ его авторъ комедіи, приводимъ нѣсколько отрывковъ въ переводѣ съ датскаго подлинника, съ тѣми измѣненіями, которымъ подверглись они въ нѣмецкомъ переводѣ восемнадцатаго столѣтія.

Stygotius (Stiefelius) говоритъ своему слугѣ: «Послушай, Иванъ, неужели у тебя только и дѣла, что, разинувъ ротъ,

торчать на улицѣ? Otium est pulvinar diaboli, праздность есть мать всѣхъ пороковъ. У меня это время такой сумбуръ въ головѣ, что я не въ состояніи обдумать даже самое необходимое. Это просто срамъ, что давно обѣщанное мною сочиненіе, publici juris facere, до сихъ поръ еще не напечатано. Но увы, разъ любовныя грезы забрались въ голову, тогда ужъ philosophia sub scamno лежи! Какъ только сынъ Veneris, т. е. Купидонъ, входитъ въ сердце philosophi, Минерва или, какъ ее apud poetas называютъ, Паллада, исчезаетъ. Такъ и я теперь, къ моему собственному несчастію, et etiam maximo reipublicae literariae detrimento, пораженъ стрѣлами Купидона».

Обращаясь къ матери той дѣвушки, которая плѣнила его сердце, Stygotius (Stiefelius) говоритъ: «Gaudio nec non laetitia salit cor meum, сердце мое трепещетъ въ груди отъ радости, видя въ добромъ salute васъ, достохвальнѣйшая добродѣтелью матрона, и вашу дщерь — дѣвицу, изукрашенную добродѣтелями. У грековъ есть proverbium, или пословица: Kaku korakos kakon oon, но здѣсь слѣдуетъ сказать: Kalu korakos kalon oon, ибо отъ такого великолѣпнаго stirpe, сирѣчь древа, какъ ваше матронство, могла pullulere, сирѣчь произрасти, только такая благородная вѣтвь, какъ вмѣстилище дѣвическихъ добродѣтелей, scilicet ваша достойная дщерь, въ добродѣтели и красотѣ которой заключена vis occulta et quidem plane magnetica, и которая притягиваетъ желѣзо моего сердца. . . . . Клянусь per Jovem, сударыня, въ эти послѣдніе десять лѣтъ произошли такія измѣненія въ re literaria, что я опасаюсь, какъ бы не настало новаго barbaries. Прежде появлялись только ученѣйшія dissertationes о рѣдкостныхъ матеріяхъ. Я знавалъ baccalaurei, которые по четыре и по пяти разъ вели диспуты объ одной и той же матеріи. А теперь ab ipsis magistris изрѣдка видишь коекакія theses, да и то на трехъ, много четырехъ листахъ. Могу указать вамъ, сударыни, на Justi Matthiadis quinque dissertationes de veritate complexa sive enunciativa, и однако онъ тогда не былъ еще и baccalaureus. Но . . . . o tempora! o mores!

Ignorantia до того распространяется повсюду, что встрѣчаются даже старые academici, которые не знаютъ, сколько въ logica praedicamenta или praedicabilia. Я приведу вамъ поразительный примѣръ. Иванъ, уйди отсюда: мнѣ надо сказать нѣчто такое, чего тебѣ не слѣдуетъ слышать», и т. д.

Сравнительно съ датскимъ подлинникомъ, въ нѣмецкомъ переводѣ довольно много добавокъ въ видѣ варіацій на ту же тему.

Stiefelius: *Gaudio nec non laetitia salit cor meum*: Das ist, mein Herze hüpft in mir voll lauter Freuden, da ich sehe, dasz Sie, o tugendliebe Matrone, und Ihre tugendvolle Jungfer Tochter, *o matre pulchra filia pulchrior!* bey guter Gesundheit und *salute* sind. Die Griechen haben ein *Noema* oder *Proverbium*, das ist, ein Sprichwort also lautend: *Kaku korakos, kakon oon!* hier aber heiszt es: *Kalu korakos, kalon oon!* Denn von einem so herrlichen *stirpe* oder Stamme, wie Ihro Matronschaft sind, kann nichts anders pulluliren oder aussprossen, als ein solcher nobler Zweig, wie meine schöne *Lalage, Lesbia, Cynthia, Delia, scilicet,* ihre geliebte *Tulliola*, oder Jungfer Tochter; in deren Schönheit und Tugend verborgen liegt eine *vis occulta, et quidem plane magnetica*, die das Eisen meines Herzens zu sich stöszt . . . . Ich kann *me hercule!* schwören, Madame, dasz seit zehn Jahren eine solche Veränderung in *re litteraria* geschehen, dasz ich nicht unbillig wiederum eine *barbariem* besorge. Ehedem sahe man nichts als die gelehrtesten Dissertationes von allerley raren Materien. Z. E. *De patria Homeri, de matre Aeneae, de patre Romuli, de Dea Egetia, de libris Sybillinis*. Ich weis mich zu besinnen, dasz die *Baccalaurei* allein, wohl vier bis fünfmal von einerley Materie disputiren konnten. Nun aber sieht man *ab ipsis Magistris* nichts als einige *Theses* auf drey oder vier Blättern. Ich kann Ihnen beyderseits, *Dissertationes de claris Andreis, de doctis Mercatoribus, Sartoribus, Sutoribus, Pistoribus* etc. und zwar von Leuten zeigen, die nicht einmal *Baccalaurei* gewesen sind. Aber nun, *o tempora! o mores!* nimmt die *ignorantia* in allen Dingen zu! so dasz man

wohl alte *Academicos* findet, die nicht wissen, wie viel *Editiones* man vom *Plauto, Terentio, Lucretio, Cicerone, Virgilio, Horatio, Ovidio, Tibullo, Catullo, Propertio, Livio, Sallustio, Seneca, Lucano, Suetonio, Tacito, Plinio maiori et minori, cum et sine notis variorum, Taubmanni, Graeuii, Gronovii, Perizonii, Boxhornii, Tanaquilli Fabri, Scaligeri, Scioppii, Clerici, Caperonerii, Burmanni, Dauisii, in folio, quarto, octauo, duodecimo, sedecimo, in usum Delphini, apud Manutios Stephanos, Plantinos, Wechelios, Gryphios, Elzeuirios, Frobenios, cum et sine indicibus necessariis, Praefationibus, Prologis galeatis et non galeatis,* hat. Ich kann Ihnen noch was erschrecklichers sagen, darüber sie erstaunen werden. Johannes! gehe ein wenig hinaus, ich will etwas vortragen, was du nicht hören sollst . . . .

(Ludvig Holbergs udvalgte Skrifter. Udgivne ved K. L. Rahbek, Professor. Anden Del. Kjobenhavn, 1804. s. 283—383. Jacob von Tyboe eller den stortalende Soldat. Comedie i fem Acter.—

Die Dänische Schaubühne geschrieben von dem Freyherrn Ludwig von Holberg und nun in die deutsche Sprache übersetzet. Vierter Band. Neue Auflage. Copenhagen und Leipzig. 1765. s. 629—732. Bramarbas oder der groszsprecherische Officier, ein Lustspiel in fünf Handlungen.—

Holbergs ausgewählte Komödien. Aus dem Dänischen von Robert Prutz. Zweiter Band. Leipzig. s. 5—83, 429—430. Jacob von Tyboe oder der groszsprecherische Soldat. Komödie in fünf Akten.)

Нѣмецкій переводъ комедіи Гольберга, изъ которой мы привели небольшіе отрывки, имѣетъ то отношеніе къ русской литературѣ, что имъ пользовались наши писатели восемнадцатаго столѣтія. Разбирая комедію Сумарокова: *Тресотиніусъ*, Тредьяковскій говоритъ: «Авторова комедія почитай вся взята изъ сочиненій комическихъ барона Гольберга, а особливо персона Капитана самохвала. Ежели по сему надлежитъ переводить, то найдутся, кои сïе жъ самое и въ половину тѣхъ часовъ могутъ здѣлать, да еще и весьма исправнѣе». Комедія Сумарокова, по свидѣтельству самого автора, начата 12 января 1750 года и окончена 13 января того же года.

Имя *Брамарбасъ* удержано и Сумароковымъ: одно изъ главныхъ лицъ его комедіи — «Брамарбасъ, офицеръ самохвалъ»;

у Гольберга — Hauptmann von Bramarbas, ein groszsprecherischer Officier. Магистру *Штифеліусу* соотвѣтствуетъ у Сумарокова: «*Трессотиніусъ*, педантъ». Брамарбасъ и Трессотиніусъ также соперники: оба одинаково неудачно ухаживаютъ за дѣвушкой, которая отвергаетъ и того и другого, и выходитъ замужъ за Доранта. Способъ выраженія Трессотиніуса напоминаетъ Штифеліуса. Обращаясь къ Кларисѣ, и вынувъ изъ кармана стихи, Трессотиніусъ говоритъ: «Ета бумажка ясняе вамъ скажетъ, какую язву въ сердцѣ моемъ пріятство ваше, то есть красота ваша, мнѣ учинило, то есть здѣлало», и т. д.

(Полное собраніе сочиненій Сумарокова. 1781. Часть V. стр. 333—361.—

Сборникъ матеріаловъ для исторіи Академіи наукъ въ XVIII вѣкѣ. 1865. Ч. II. стр. 441—442.)

LXIV.

ТЕКСТЪ.

К.—Рукописный Сборникъ Казанскаго Университета: «Разныя стиходѣйствiи». № 73. л. 99 об.—

Ш.— Собранiе сочиненiй и переводовъ адмирала Шишкова. 1824. Часть II. Разсужденiе о старомъ и новомъ слогѣ россiйскаго языка. стр. 123.—

Ст. 1. Женился Блезъ, старикъ безъ мочи, (к.)
Женился Стилъ, старикъ безъ мочи, (ш.)
Ст. 3. Не дождався перьвой ночи (к.)
Ст. 5. Тутъ Стелля бѣдная воздыхала, (к.)

Эпиграмма вызвана неудачнымъ выраженiемъ Сумарокова въ одной изъ его трагедiй. Еще въ 1748 году академiя наукъ поручила Тредьяковскому и Ломоносову разсмотрѣть трагедiю Сумарокова: *Гамлетъ,* представленную авторомъ для напечатанiя въ академической типографiи. Ломоносовъ отозвался, что въ трагедiи «нѣтъ ничего, что бы предосудительно кому было и могло бы напечатанiю оной препятствовать». Въ отзывѣ своемъ

Ломоносовъ остался вѣренъ требованію Академической канцеляріи, которая поручила «освидѣтельствовать трагедію, не окажется ли въ оной чего касающагося кому до предосужденія; чтожъ касается до штилю, оное имѣетъ такъ остаться, какъ оно написано». Тредьяковскій расширилъ предѣлы своей критики, но также ободрилъ трагедію, несмотря на замѣченныя имъ грамматическія неисправности и неровность слога. Между прочимъ Тредьяковскій указалъ на то, что «слово *поборать* въ протівномъ употреблено знаменованіі: ібо *поборать* значітъ *совокупно сражаться*, то есть стоять всѣмі сілами за кого нібудь ілі за что нібудь, а не *сопротівляться* кому нібудь, ілі чему нібудь. Но во всемъ томъ надлежітъ показать Автору нѣкоторое снісходітельство для многихъ благородныхъ і нравоучітельныхъ разумѣній», и т. д. Но суть дѣла не въ словѣ: *поборникъ*, а въ словѣ: *не тронута*, которое и послужило впослѣдствіи поводомъ къ насмѣшкамъ со стороны критиковъ Сумарокова.

Въ трагедіи Сумарокова: *Гамлетъ*, Клавдій (дѣйств. II, явл. 1) такъ выражаетъ свое раскаяніе:

Се, Боже, предъ Тобой сей мерзскій человѣкъ,
Который срамотой одной наполнилъ вѣкъ,
Поборникъ истины, безстыдныхъ дѣлъ рачитель,
Врагъ Твой, врагъ ближняго, убійца и мучитель!

Въ той же трагедіи, Гертруда говоритъ своему второму мужу (д. II, явл. 2):

Вы всѣ, свидѣтели моихъ безбожныхъ дѣлъ,
Того противна дня, какъ ты на тронъ возшелъ,
Тѣхъ пагубныхъ минутъ, какъ честь я потеряла
И на супружню смерть *не тронута* взирала,
Свидѣтельствуйте вы, что я слагаю грѣхъ. . . .

(Полное собраніе всѣхъ сочиненій А. П. Сумарокова. 1781. Ч. III. стр. 74, 76.)

Обвиняя Сумарокова въ неразборчивомъ употребленіи словъ, Тредьяковскій говоритъ: «*Тронуть,* вмѣсто *привесть въ жалость,* за Французское *toucher*, толь странно и смѣшно, что невозможно словомъ изобразить. Вы можете тотчасъ почувствовать неблагопристойность сего сло́ва на нашемъ языкѣ изъ околичности. Въ Трагедіи *Гамлетъ,* говоритъ у Автора женщина именемъ Гертруда, что она

И на супружню смерть не тронута взирала.

Кто изъ нашихъ не приметъ сего стиха въ слѣдующемъ разумѣ, именножъ, что у Гертруды супругъ скончался не познавъ ея никогда, врассужденіи брачнаго права, и супруговы должности»?

(Архивъ Академической Канцеляріи. Рукопись № 122. л. 66—70. Отзывы поданы 10 октября 1748 года.—

Сборникъ Матеріаловъ для исторіи Академіи наукъ въ XVIII вѣкѣ. 1865. Часть II. «Письмо, въ которомъ содержится рассужденіе о стихотвореніи, понынѣ на свѣтъ изданномъ отъ автора двухъ одъ, двухъ трагедій и друхъ эпистолъ, писанное отъ пріятеля къ пріятелю. 1750». стр. 476—477.)

Тѣ же указанія на неправильное употребленіе словъ: *поборать* и *не тронута* находимъ и у Шишкова, въ его Разсужденіи о старомъ и новомъ слогѣ: «Естьли бы Сумароковъ познаніемъ языка своего обогатилъ себя столько же, какъ и Ломоносовъ, онъ бы, можетъ быть, при остротѣ ума своего, въ сатирическихъ сочиненіяхъ не уступилъ Буалу, въ трагическихъ Расину, въ притчахъ ла Фонтеню. Въ трагедіи *Гамлетъ,* Сумароковъ употребилъ слово: *поборникъ,* принимая оное въ смыслѣ *противоборника.* Въ той же трагедіи его, уличенная сыномъ своимъ въ убійствѣ перваго мужа своего, и пришедшая въ раскаяніе Гертруда говоритъ второму супругу своему:

И на супружню смерть *не тронута* взирала.

Ломоносовъ, похуляя сей стихъ, и доказывая, что въ немъ совсѣмъ не тотъ смыслъ заключается, въ какомъ сочинитель его употребилъ, написалъ слѣдующіе стихи:

Женился Стилъ, старикъ безъ мочи,
На Стеллѣ, что въ пятнадцать лѣтъ" и т. д.

LXV.

ТЕКСТЪ.

Полное собраніе сочиненій Михайла Васильевича Ломоносова, съ пріобщеніемъ жизни сочинителя и съ прибавленіемъ многихъ его нигдѣ еще не напечатанныхъ твореній. 1784. Часть первая. Разныя стихотворенія, которыя никогда еще не были напечатаны. стр. 312—313. «Къ Пахомію».

Ст. 3—4, 17. Ты будешь казнодѣй, лишь только стань попомъ,
И стыдъ весь отложи. Однако врешь, Пахомъ.
Ты словомъ Божїимъ незнанье закрываешь,

Ломоносовъ осмѣиваетъ въ этой эпиграммѣ самонадѣянныхъ невѣждъ, воображающихъ себя великими проповѣдниками (казнодѣями), и толкующихъ вкривь и вкось о наукѣ и о мнимомъ вредѣ ея для религіи. Эпиграмма Ломоносова направлена на враговъ просвѣщенія, подобныхъ тѣмъ, противъ которыхъ возставали Ѳеофанъ Прокоповичъ въ духовномъ регламентѣ и Кантемиръ въ своихъ сатирахъ. Въ регламентѣ говорится: «Долженъ всякъ проповѣдникъ имѣти у себя книги святаго Златоустаго и прилежно чести оныя, ибо тако пріобучится складать чистѣйшее

и яснѣйшее слово, хотя и не будетъ Златоустому равное. А казнодѣишковъ легкомысленныхъ не челъ бы», и т. д.

Ст. 7—10, 15—16. Василій, Златоустъ — церковные столпы —
Учились долѣе, какъ нынѣшни попы;
Гомера, Пиндара, Демосѳена читали,
И проповѣдь свою ихъ штилемъ предлагали;
Не ставили за стыдъ изъ басенъ выбирать,
Чѣмъ къ праведнымъ дѣламъ возможно преклонять.

Разсуждая о пользѣ книгъ церковныхъ, Ломоносовъ говоритъ: «Отмѣнная красота, изобиліе, важность и сила Еллинскаго слова, коль высоко почитается; о томъ довольно свидѣтельствуютъ словесныхъ наукъ любители. На немъ, кромѣ древнихъ Гомеровъ, Пиндаровъ, Демосфеновъ и другихъ въ Еллинскомъ языкѣ Героевъ, витійствовали великіе Христіанскія церькви Учители и Творцы, возвышая древнее краснорѣчіе высокими Богословскими догматами и паренїемъ усерднаго пѣнія къ Богу».

(Собраніе разныхъ сочиненій Ломоносова. 1757. Книга первая. стр. 3.)

Въ другомъ сочиненіи Ломоносовъ приводитъ слова «глубокомысленнаго богослова и священнаго стихотворца» св. Дамаскина: «*Се три небеса, яже божественный рече Апостолъ. Аще же и седмь поясы седмь небеса пріяти восхощеши; ничтоже слову истины вреждаетъ.* То есть: хотя кто и древнія Еллинскія мнѣнія о седьми небесахъ приметъ, священному писанію и Павлову сказанію не вредно».

(Явленіе Венеры на Солнцѣ. стр. 13.)

Василій Великій совѣтуетъ христіанскимъ юношамъ пользоваться сочиненіями языческихъ писателей, но брать изъ нихъ

только то̀, что̀ истинно хорошо, то есть, что̀ приближается, болѣе или менѣе, къ ученію Христа. У языческихъ писателей есть и дурное и хорошее. Когда они говорятъ о дурномъ, надо затыкать уши, какъ Одиссей отъ пѣсенъ сиренъ; но слѣдуетъ быть внимательнымъ къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ восхваляется добродѣтель и осуждается порокъ. По древнему сказанію, Александръ, взявъ въ плѣнъ дочерей Дарія и узнавъ, что онѣ красавицы, не захотѣлъ и вглянуть на нихъ. Такое удаленіе отъ соблазна не противорѣчитъ тому, что говорится въ евангеліи (Матѳ. V, 28.)

Ст. 11—14. Натуру, общую всей протчей твари мать,
Небесъ, земли, морей, старались испытать,
Дабы Творца чрезъ то по мѣрѣ силъ постигнуть
И важностью вещей сердца людски подвигнуть;

Говоря, что отцы церкви Василій Великій и Іоаннъ Златоустъ старались испытывать природу для уразумѣнія ея Творца, Ломоносовъ выражаетъ одно изъ своихъ непоколебимыхъ убѣжденій. Ту же мысль высказываетъ онъ и въ другихъ сочиненіяхъ, какъ только рѣчь касается отношенія религіи къ наукѣ. «Несказанная премудрость дѣлъ Божїихъ изъ размышленїя о всѣхъ тваряхъ явствуетъ. Сїи великїе Свѣтильники (отцы церкви) познанїе натуры съ Вѣрою содружить старались. О естьли бы тогда были изобрѣтены нынѣшнїя Астрономическїя орудїя, и были бы учинены многочисленныя наблюденїя; естьли бы тогда открыты были тысящи новыхъ звѣздъ съ новыми явленїями; какимъ бы духовнымъ паренїемъ проповѣдали оные Святые Риторы величество, премудрость и могущество Божїе! Знанїе натуры, какое бы оно имя не имѣло, Христїанскому закону не противно», и т. д.

(Явленїе Венеры на Солнцѣ. стр. 12—16.)

Ст. 19. Ты думаешь, Пахомъ, что ты ужъ Златоустъ!

Подобное самомнѣніе вызвало насмѣшку и со стороны Сумарокова. Обращаясь «къ подьячему, писцу или писарю, то есть къ таковому человѣку, которой пишетъ, не зная того, что̀ онъ пишетъ». Сумароковъ говоритъ: «О себѣ ты бредишь такъ: «я бы перевелъ *Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоуста*». Но кто бы узналъ ихъ въ твоемъ переводѣ? Я тебѣ скажу на это прибаутку. Просила нѣкогда жена мужа, чтобы онъ укралъ ей пшеницы испечь пироги потчивать гостей. Мужъ говорилъ: у насъ отъ роду пшеничныхъ пироговъ не бывало, такъ узнаютъ то всѣ, что пшеница украдена. Не твое то дѣло, говорила она, я такъ испеку пироги, что они черняе оржаныхъ будутъ».

(Полное собраніе сочиненій Сумарокова. 1781. Ч. IX. стр. 307.)

LXVI.

ТЕКСТЪ.

Полное собраніе сочиненій Михайла Васильевича Ломоносова, съ пріобщеніемъ жизни сочинителя и съ прибавленіемъ многихъ его нигдѣ еще не напечатанныхъ твореній. 1784. Часть первая. Разныя стихотворенія, которыя никогда еще не были напечатаны. стр. 316. «Къ И . . . И . . . Ш . . .»

Весьма возможно, что стихотвореніе напечатано въ академическомъ изданіи съ рукописи, доставленной самимъ Иваномъ Ивановичемъ Шуваловымъ. Издателемъ той части сочиненій Ломоносова, въ которой помѣщено стихотвореніе, былъ сочленъ Шувалова по Россійской Академіи—Осипъ Петровичъ Козодавлевъ.

И. И. Шуваловъ весьма часто приглашалъ къ себѣ Ломоносова обѣдать, и радушіе хозяина приводило гостя въ хорошее расположеніе духа. Но бывали и исключенія. Послѣ одного изъ обѣдовъ Ломоносовъ написалъ Шувалову весьма любопытное письмо, въ которомъ между прочимъ говоритъ: «Не токмо у стола знатныхъ господъ или у какихъ земныхъ владѣтелей дуракомъ быть не хочу, но ниже у самого Господа Бога».

Имѣвшій возможность хорошо ознакомиться съ образомъ жизни Шувалова, Илья Ѳедоровичъ Тимковскій сообщаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ между прочимъ слѣдующія подробности: «Иванъ Ивановичъ Шуваловъ столь любилъ умѣренный и яствы мягкія, что и по лѣтамъ было. Я замѣтилъ, что ему нравился печеный картофель, при ананасахъ на столѣ. Любилъ очень, говорятъ, и грибы, что напоминаетъ письмо Ломоносова въ стихахъ: Спасибо за грибы, челомъ за ананасъ».

(Москвитянинъ. 1852. № 20. Историческіе матеріалы. И. Ѳ. Тимковскаго: Мое опредѣленіе въ службу. Часть III. стр. 64.)

Ст. 7. Я думалъ ужъ и такъ, что въ брюхо *** забился.

Въ изданіи 1784 года сдѣлано такое примѣчаніе къ этому стиху: «Здѣсь упомянулъ сочинитель имя славнаго ябедника, который жилъ въ его время». Ни въ извѣстіяхъ современниковъ, ни въ архивныхъ рукописяхъ намъ не удалось найти имени этого «ябедника»; судя по размѣру стиха, оно должно быть односложное. Въ указѣ императрицы Елисаветы Петровны, осуждающемъ «ябедниковъ, которые всякіе вымыслы противу правды стараются употреблять», названъ князь Никита Хованскій, и ему, какъ ябеднику, запрещалось, подъ страхомъ наказанія, давать кому бы то ни было и какіе бы то ни было «совѣты и наставленія по дѣламъ». На языкѣ прошлаго столѣтія, *ябедникъ* — «крючкотворецъ, сутяга, который ищетъ чужое отнять, присвоить наклоненіемъ, натяжкою, кривымъ толкомъ».

(Полное собраніе законовъ. 1830. Т. XIII. стр. 653. № 9989. Указъ 25 мая 1752 года.

Словарь Академіи Россійской. 1794. Ч. VI. стр. 1019.)

LXVII.

ТЕКСТЪ.

К.— Рукописный Сборникъ Казанскаго Университета: «Разныя стиходѣйствіи». № 24. стр. 60. Заглавіе: «На Шишкина». Въ Реестрѣ: «*Лом.* На Шишкин.: Смѣется и поетъ, о воздухѣ / звѣздахъ толкуетъ».

F.— Рукописный Сборникъ, принадлежащій А. Ѳ. Бычкову. стр. 469.

П.— Рукописный Сборникъ старинныхъ стихотвореній, принадлежавшій Пекарскому, которымъ и напечатано это стихотвореніе въ Библіографическихъ Запискахъ (1858. № 16. стр. 485) и въ Исторіи Академіи наукъ (Т. II. стр. 485.) Заглавіе: «*Ломоносовъ* на Шишкина».

Ст. 1. Смѣется и поетъ, о звѣздахъ, о воздухахъ толкуетъ, (К.)
Смѣется и поетъ, о воздухѣ толкуетъ, (F.)
Смѣется и поетъ, онъ о звѣздахъ толкуетъ, (П.)
Ст. 2—3. Нюхаетъ табакъ, картъ игру тасуетъ,
Слушаетъ у всѣхъ, со всѣми говоритъ, (К.)

Ст. 5. Лаврами былъ увѣнчанъ Маронъ за стихотворство (К.)
Маронъ былъ увѣнчанъ лавромъ за стихотворство (F.)
Увѣнчанъ лавромъ былъ Маронъ за стихотворство (П.)
Ст. 6. Намъ чѣмъ его почтить за таковое проворство. (К.)
Намъ чѣмъ его почтить за таково проворство. (F.)
Намъ чѣмъ почтить сводо за таково проворство. (П.)
Ст. 7. Ужъ подлы для него лавровые лис(т)ки (F.)
Ужъ плохи для него лавровые вѣнки: (П.)

Въ Сборникѣ F стихотвореніе это помѣщено непосредственно за эпиграммою: «На петиметра», въ видѣ продолженія ея:

Глафертъ природою и счастьемъ одаренъ,
Дворянства своего считаетъ сто колѣнъ.
Богатству нѣтъ числа; былъ десять лѣтъ въ Парижѣ;
Науки всѣ прошелъ, уклонностью всѣхъ ниже;
Пригожство жъ въ немъ равно высокому уму.
А добра совѣсть есть? вотъ на! что въ ней ему!
Смѣется и поетъ, о воздухѣ толкуетъ, и т. д.

Помѣщая стихотвореніе въ Библіографическихъ Запискахъ, Пекарскій сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о сборникѣ, откуда оно заимствовано: «Недавно пишущему эти строки попался старинный рукописный сборникъ различныхъ стихотвореній, по большей части неудобныхъ къ печати. Вѣроятно, онъ писанъ въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія; между прочими стихотвореніями встрѣчаемъ одно на взятіе Пугачева. Многія изъ піесъ не подписаны; но встрѣчаются также и съ именами Ломоносова, Сумарокова, Баркова, Ѳедора Мамонова. Сообщаемъ два стихотворенія, которыя приписаны Ломоносову. Одно озаглавлено: *Ломоносовъ на Шишкина*».

Шишкинъ, на котораго написана эпиграмма, жилъ во времена Елисаветы Петровны и былъ капитаномъ псковскаго пѣхотнаго полка. Онъ извѣстенъ и своими литературными трудами. У Новикова, въ словарѣ русскихъ писателей, находимъ такое извѣстіе: «*Шишкинъ Иванъ*, капитанъ полевыхъ полковъ, много написалъ хорошихъ пѣсенъ, елегій и другихъ мелкихъ стихотвореній. Пѣсни его напечатаны въ собраніи пѣсенъ, а стихи къ Коріолану въ ежемѣсячномъ сочиненіи: *Полезное увеселеніе*, изданномъ 1760 года въ Москвѣ. Къ его же сочиненію причисляется *Исторія* о *Княжнѣ Іеронимѣ;* также перевелъ онъ книжку: *Цицероновы мнѣнія*. Вообще сочиненіи его весьма много похваляются за чистоту слога и пріятность вкуса; но смерть, лиша его жизни, отняла и надежду видѣть въ немъ можетъ быть славнаго стихотворца».

Въ Историческомъ разысканіи о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ, А. Н. Неустроева (1874. стр. LXVII) Шишкинъ названъ: *Константинъ;* но вѣроятно, это—опечатка, вмѣсто: *Капитанъ*.

Книгу Шишкина подъ названіемъ: *Мнѣнія Цицероновы*, переводъ съ французскаго, разсматривали, по порученію Академіи, Тредьяковскій и Ломоносовъ. Тредьяковскій доносилъ академической канцеляріи: «Я оный переводъ пересмотрілъ снося съ орігіналомъ, і нашелъ, что переводъ есть такія ісправності, какія надлежітъ ожідать, а іменно, что онъ пошлой». Ломоносовъ заявилъ, что книга Шишкина «переведена съ французскаго языка такимъ образомъ, какъ обыкновенно французы съ латинскаго переводятъ, т. е. взявши токмо смыслъ изъ оригинала, а слова иныя отъ себя прибавляютъ, а иныя по произволенію своему убавляютъ и выкидываютъ, а потому де съ латинскимъ оригиналомъ не сходна».

(Матеріалы для біографіи Ломоносова. собр. Билярскимъ. 1865. стр. 035, 167.

Исторія Академіи наукъ. П. Пекарскаго. Т. II. стр. 156—157, 485—487.)

О прозѣ и стихахъ Шишкина можно судить по слѣдующимъ образцамъ:

«Когда мы видимъ красоту и ясность неба, солнце, луну, безчисленное множество звѣздъ; когда прилежно примѣчаемъ ту часть земли, на которой мы живемъ, то видимъ всегда въ назначенное время, что

Натуру украшая,
Сіяютъ небеса;
Растетъ трава густая,
Цвѣтутъ вездѣ лѣса;
Межъ чистыми ключами
Багрѣетъ виноградъ,
И нивы межъ браздами
Даютъ плоды сто кратъ. . . . . .

Кажется ли тебѣ память собраніемъ земныхъ частицъ или собраніемъ воздуха грубаго и мрачнаго? Душа ничего въ себѣ сложеннаго и смѣшеннаго не имѣетъ: нельзя примѣтить ни земли, ни воздуха, ни воды, ни огня; всѣ сіи стихіи ничего такого не имѣютъ, что̀ бы могло составить память, понятіе и разсужденіе, возвращать въ умѣ минувшее, предвидѣть будущее и объять настоящее. . . . Части тѣла нашего составлены изъ земли и воды, изъ воздуха и огня; жаръ и мокрота въ насъ распространяются, воздухъ насъ оживляетъ. Главное преимущество очей нашихъ состоитъ въ томъ, что они поставлены въ такомъ мѣстѣ, которое отовсюду возвышеніями прикрыто; съ верьху прикрываютъ ихъ брови, чтобъ не допустить поту, со лба текущаго; съ низу защищаютъ скулы. Носъ поставленъ между ими по срединѣ, какъ нѣкоторой простѣнокъ». . . .

(Мнѣнія Цицероновы, изъ разныхъ его сочиненій собранныя аббатомъ Оливетомъ, прежде съ французскаго языка на россійскій переведены капитаномъ Иваномъ Шишкинымъ, а нынѣ при Императорской Академіи наукъ исправлены противъ подлинника латинскаго. Печатаны при Императорской Академіи наукъ 1752 года. стр. 5—20.)

Представь Корїолан къ чему ты мысль стремишъ,
Кого губить пришелъ, кому бѣдой грозишъ?
Ужъ Римлянинъ на Римъ злодѣйскою рукою
Кровавый мечь взмахнулъ, граждан лишить покою!
Взгляни на гордый градъ, почти своихъ боговъ,
Почти лежащей прахъ въ стѣнахъ своихъ отцовъ;
Воспомни, что отъ нихъ ты Римлянинъ родился,
И что на кровь свою ты мщеньемъ устремился. . . . .

(Полезное Увеселенiе на мѣсяцъ генварь, 1760 года. стр. 30—32. «Сїи стихи найдены послѣ смерти г. капитана Шишкина, и будучи неисправно переписаны, съ нѣкоторой поправкой въ свѣтъ издаются».)

LXVIII.

ТЕКСТЪ.

Сборникъ черновыхъ бумагъ Ломоносова, хранящійся въ Библіотекѣ Академіи наукъ. № 112. л. 152. Писано Ломоносовымъ собственноручно.

Ст. 4. Засѣвшись вся въ Голланской сыръ.

Первоначально въ рукописи было: «Голландской», но Ломоносовъ зачеркнулъ, и написалъ: «Голланской».

Стихотвореніе написано на четверткѣ листа, въ срединѣ ея. Надъ стихотвореніемъ, на томъ же листѣ и также рукою Ломоносова, написаны слѣдующія четыре строки:

Я въ Грецїи родился
въ веселой Францїи
я былъ де ла Фонтеномъ
въ Грецїи Федромъ.

Непосредственно передъ листкомъ, на которомъ набросано стихотвореніе, находится въ Сборникѣ черновыхъ бумагъ Ломоносова листокъ съ собственноручною замѣткою Ломоносова слѣдующаго содержанія: «Таковому излишеству подобное но

много вреднѣе и приращенію наукъ помѣшательнѣе нѣкоторыхъ поведеніе, кои осмѣхаютъ науки, особливо новыя откровенія и изысканія, разглашая будьто бы онѣ были противны вѣрѣ. Коимъ мнимымъ защищеніемъ дѣйствительно ее поносятъ, представляя непріятельницею натурѣ, не меньше отъ Бога произшедшей, какъ вѣра» и т. д.

Строки эти, судя по значку на листкѣ въ началѣ ихъ, составляютъ вставку; и дѣйствительно онѣ вошли въ сочиненіе Ломоносова о металлургіи. Излишество, о которомъ здѣсь говорится, относится къ попыткѣ католическихъ ученыхъ объяснять по физикѣ непостижимыя чудеса Божіи, и пр.

(Первыя основанія металлургіи. Прибавленіе второе. 1763. § 166. стр. 394—395)

А. С. Будиловичъ предполагаетъ, что четверостишіе Ломоносова — эпиграмма на отшельниковъ и монаховъ.

(Ломоносовъ какъ писатель. А. Будиловича. 1871. стр. 101. — Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова. Академика П. Пекарскаго. 1865. стр. 91—92.)

LXIX.

ТЕКСТЪ.

Новыя ежемѣсячныя сочиненія. 1786. Декабрь. Часть VI. Эпиграмма. стр. 67.

Маякъ. 1842. Томъ вторый. Мартъ. Замѣчатель. стр. 81.

Сочиненія Ломоносова; изд. Смирдина. 1847. Т. I. стр. 291. Экспромтъ Жукову.

Въ Новыхъ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ:

Эпиграмма.

Между Сенатскихъ цуковъ
Что вижу я? и Ж. . . .
Дивятся всѣ, дивишся ты и самъ:
Какъ не гремѣть во гнѣвѣ небесамъ!

«Эпиграмму сію сочинилъ г. Ломоносовъ, будучи въ присутственномъ мѣстѣ во время грозы, по прозбѣ Ж . . . , которой самъ желалъ, чтобъ сочинитель представилъ ему громъ въ стихахъ».

Въ Маякѣ: «Нѣкто Жуковъ, одинъ изъ извѣстныхъ лицъ въ то время, родственникъ Сумарокова, при связяхъ и богатствѣ достигшій почестей, любилъ ѣздить съ пышностію, и по праву

своего чина — цукомъ; ему случилось увидѣть въ сенатѣ Ломоносова въ то самое время, какъ была сильная гроза. Ну, господинъ піитъ, — сказалъ онъ ему — напиши стихи на пріѣздъ мой въ сенатъ во время грозы. Ломоносовъ не приготовляясь отвѣчалъ:

Межъ многихъ цуковъ
Въ сенатъ пріѣхалъ цукомъ Жуковъ:
Дивятся всѣ тому, дивится онъ и самъ;
То какъ же не гремѣть во гнѣвѣ небесамъ?"

Въ изданіи Смирдина:

Экспромтъ Жукову.

Межъ многихъ цуковъ,
Въ Сенатъ пріѣхалъ цукомъ Жуковъ,
Дивятся всѣ тому, дивится онъ и самъ;
То какъ же не гремѣть во гнѣвѣ небесамъ?

Однимъ изъ наиболѣе извѣстныхъ *Жуковыхъ* былъ во времена Ломоносова пензенскій воевода Александръ Жуковъ, о которомъ въ сенатѣ производилось болѣе двухсотъ дѣлъ. Но нѣтъ положительныхъ указаній на то, что эпиграмма относится къ этому злополучному воеводѣ.

(Высочайшіе указы сенатскаго архива. 1752—1762. Кн. 80. л. 83; Кн. 97. л. 56.)

УКАЗАТЕЛЬ

стихотвореній Ломоносова, помѣщенныхъ въ первыхъ двухъ томахъ настоящаго изданія.

Анакреонъ, ты вѣрно. т. II. стр. 278.
Ахъ когдабъ погрязнулъ въ морѣ чужеложникъ. т. I. стр. 167.

Безбожникъ и ханжа, подметныхъ писемъ враль. т. II. стр. 142.
Благословенъ Господь мой Богъ. т. I. стр. 106.
Блаженство Общества всядневно возрастаетъ. т. II. стр. 255.
Блаженъ, кто къ злымъ въ совѣтъ не ходитъ. т. I. стр. 295.
Богиня, дщерь божествъ, науки основавшихъ. т. II. стр. 221.
Богиня красотой, породой Ты богиня. т. I. стр. 180.
Бугристы берега, благопрїятны влаги. т. II. стр. 286.

Великаго Отца и Матери прекрасной. т. II. стр. 152.
Веселїемъ сердцà годъ новый оживляетъ. т. I. стр. 320.
Весна тепло ведї̂отъ. т. I. стр. 23.
Взираетъ вѣрность на тебя. т. I. стр. 190.
Взирая вѣчности на зданїе обширно. т. II. стр. 112.
Взойди веселый духъ на ону высоту. т. II. стр. 157.
Владѣешь нами дватцать лѣтъ. т. II. стр. 226.

Внемлите всѣ предѣлы свѣта. т. II. стр. 245.
Во время Твоея, Монархиня, державы. т. I. стр. 292.
Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ. т. I. стр. 12.
Во храмѣ ревности на олтарѣ сердецъ. т. I. стр. 179.
Въ любезной тишинѣ наставшій новый годъ. т. II. стр. 89.
Въ одну погибнетъ ночь съ любовницей любовникъ. т. I. стр. 166.
Въ сей день, блаженная Россія. т. I. стр. 130 и 135.
Въ тебѣ надежду полагаю. т. I. стр. 305.
Въ тополовой тѣни гуляя муравей. т. I. стр. 169.
Вы небо безъ меня и землю возмутили. т. I. стр. 159.

Геройство съ кротостью, съ премудростью щедроты. т. II. стр. 269.
Гора, что Горизонтъ на сушѣ закрывала. т. I. стр. 195.
Горы толь что дерзновенно. т. I. стр. 3.
Господи кто обитаетъ. т. I. стр. 154.
Господь Спаситель мнѣ и свѣтъ. т. I. стр. 297.
Гремящія по всѣмъ концамъ земнымъ побѣды. т. I. стр. 207.

Да хвалитъ Духъ мой и языкъ. т. I. стр. 191.
Дивится нынѣ вся вселенна. т. I. стр. 51 и 56.
Дивишься, что не дамъ тебѣ стиховъ моихъ. т. I. стр. 169.
Для пользы общества коль радостно трудиться. т. II. стр. 177.
Доколѣ щастье ты вѣнцами. т. II. стр. 168.

Европа что родитъ, что протчи части свѣта. т. II. стр. 127.
Едва она свою молитву окончала. т. I. стр. 165.
Елисавета здѣсь воздвигла зракъ Петровъ. т. I. стр. 205.

Желая къ храму насъ Блаженства возвести. т. I. стр. 319.
Желая нѣкогда преславный островъ Родъ. т. II. стр. 2.
Желѣзо, злато, мѣдь, свинцова крѣпка сила. т. II. стр. 256.
Женился Блезъ (Стилъ), старикъ безъ мочи. т. II. стр. 287.
Жениться хорошо, да много и досады. т. I. стр. 177.

За здравіе твое. Мы какъ бы у Атрида. т. I. стр. 155.
Заря багряною рукою. т. I. стр. 181.
Зачемъ я на женѣ богатой не женюсь. т. I. стр. 169.
Зваяннымъ образа́мъ, что въ древни времена. т. I. стр. 206.
Зевесъ боговъ отецъ, егоже сильный громъ. т. I. стр. 174.
Златой младыхъ людей и беспечальной вѣкъ. т. II. стр. 134.
Зубами заскрыпѣлъ и съ стономъ въ море впоіль. т. I. стр. 160.

Избавившись отъ бурь, пришли мы къ островамъ. т. I. стр. 160.
Изъ рукъ мускихъ назадъ поверженные камни. т. I. стр. 165.
И какъ туда пришла военная Минерва. т. I. стр. 166.
Иные на горы катаютъ тяжки камни. т. I. стр. 162.
Искусные пѣвцы всегда въ напѣвахъ тщатся. т. II. стр. 132.

Какое бѣшенство, Трояна, васъ объемлетъ. т. I. стр. 159.
Какой пріятной Зефиръ вѣетъ. т. I. стр. 86.
Какой утѣхи общей лучь. т. I. стр. 43.
Какую радость ощущаю. т. I. стр. 212.
Какъ вѣчная гора стои́тъ блаженство наше. т. I. стр. 143.
Какъ ниву лютый огнь снѣдаетъ въ бурный вихрь. т. I. стр. 160.
Какъ Солнце съ высоты, Богиня, къ намъ сіяешь. т. I. стр. 209.
Когда бы намъ возможно. т. II. стр. 278.
Когда ночная тьма скрываетъ Горизонтъ. т. II. стр. 78.
Когда себя хранилъ отъ яду Митридатъ. т. I. стр. 169.
Коль много за Тебя сердецъ пылаетъ къ Богу. т. I. стр. 194.
Коль счастлива земля, коль счастливы вѣнцы. т. I. стр. 194.
Ко мнѣ дражайшій плодъ въ объятія бѣгите. т. I. стр. 173.
Красуйтесь многіе народы. т. II. стр. 145.
Кто знатныя дѣла въ натурѣ рассуждаетъ. т. II. стр. 115.
Кузнечикъ дорогой, коль много ты блаженъ. т. II. стр. 223.
Къ неслыханному злу рука моя готова. т. I. стр. 173.

Лице свое скрываетъ день. т. I. стр. 109.
Лишъ только дневной шумъ замолкъ. т. I. стр. 175.

Ловцовъ и пастуховъ межъ селами отрада. т. II. стр. 114.
Луга, кустарники, прїятны высоты. т. II. стр. 276.
Лучи отъ Твоего, Монархиня, вѣнца. т. I. стр. 315.
Любитель чистыхъ Музъ, Защитникъ ихъ трудовъ. т. II. стр. 271.

Мастеръ въ живопиствѣ первой. т. II. стр. 280.
Между прохладными Днѣпровыми струями. т. I. стр. 198.
Между сенатскихъ цуковъ. т. II. стр. 290.
Металлъ, что пламенемъ на брани устрашаетъ. т. I. стр. 206.
Мнѣ дѣвушки сказали. т. II. стр. 279.
Мнѣ пѣть было о нѣжной. т. II. стр. 277.
Мнѣ пѣть было о Троѣ. т. II. стр. 277.
Монархиня, нося порфиру десять лѣтъ. т. II. стр. 1.
Монархиня, Твоя прещедрая рука. т. II. стр. 105.
Монархъ и философъ, полночный Соломонъ. т. II. стр. 135.
Мы радость отъ небесъ, щедроты, благодать. т. II. стр. 126.
Мышь нѣкогда любя святыню. т. II. стр. 290.

На бѣлыхъ волосахъ у Аппїя зима. т. I. стр. 170.
На верьхъ Парнасскихъ горъ прекрасный. т. I. стр. 121.
На восходѣ солнце какъ зардится. т. I. стр. 22.
Нагрѣты нѣжнымъ во́ды югомъ. т. I. стр. 24.
Надежда наша совершилась. т. II. стр. 118.
Надѣла на себя. т. II. стр. 174.
Насталъ ужасной день, и солнце на восходѣ. т. I. стр. 222.
Натуры хитрыя возможныхъ опытъ силъ. т. II. стр. 153.
Нача́ло моего великаго труда. т. II. стр. 181.
Неправо о вещахъ тѣ думаютъ, Шуваловъ. т. II. стр. 90.
Не роскошной я Венерѣ. т. II. стр. 137.
Не садъ ли вижу я священный. т. I. стр. 114.
Не стыдно ли ужъ вамъ сидѣть въ осадѣ снова. т. I. стр. 163.
Нимфы околъ насъ кругами. т. I. стр. 22.
По васъ багряная одежда украшаетъ. т. I. стр. 163.

Но ненависть кипитъ болѣзнь воспламенилась. т. I. стр. 174.
Ночною темнотою. т. I. стр. 157.

О войско славное, потомки тѣхъ Героевъ. т. II. стр. 203.
О вы, которы все по рассужденью злому. т. II. стр. 110.
О вы, что Божество въ предѣлахъ чтите тѣсныхъ. т. II. стр. 143.
Одна съ Нарциссомъ мнѣ судьбина. т. I. стр. 22.
О древность славная пречудными дѣлами. т. II. стр. 108.
О имя купно съ розами рожденно. т. I. стр. 170.
О небо не лишай меня очей и слуха. т. II. стр. 270.
Онъ въ сихъ ужѐ стѣнахъ! о лютая напасть. т. II. стр. 4.
Онъ гнѣвомъ воспаленъ возвелъ свирѣпый взоръ. т. I. стр. 167.
Онъ чуть сказать успѣлъ, уже съ верьху горы̀. т. I. стр. 160.
Оставь, смущенный духъ, презрѣнïе суетъ. т. II. стр. 284.
О страхъ! о ужасъ! громъ! ты дернулъ за штаны. т. II. стр. 141.
Отверсты храмы всѣ и Олтари́ дымятся. т. I. стр. 294.
Отмщать завистнику меня вооружаютъ. т. II. стр. 133.
Отца отечества Великаго Петра. т. II. стр. 130.
Отъ зеркала сюда взгляни, Анакреонъ. т. II. стр. 279.
О ты, что въ горести напрасно. т. I. стр. 310.

Пахомей говоритъ, что для святаго слова. т. II. стр. 288.
Печальную любовь на лирѣ услаждая. т. I. стр. 163.
Побѣдѣ слѣдуетъ пресвѣтло торжество. т. II. стр. 104.
Повсюду нынѣ миръ возлюбленный цвѣтетъ. т. I. стр. 317.
Подите по горамъ Диндимскимъ за свирѣльми. т. I. стр. 163.
Поднявшись солнце въ верхъ, возводитъ взоръ по свѣту. т. I. стр. 196.
Подъ славнымъ Скипетромъ Твоимъ, Елисавета. т. II. стр. 129.
По правдѣ вѣчность есть пространный Океанъ. т. II. стр. 131.
Послушайте прошу, что старому случилось. т. I. стр. 178.
Поставленъ на столпахъ высокихъ солнцевъ домъ. т. I. стр. 166.

Пою наставшїй годъ: онъ славенъ. т. II. стр. 257.
Пою премудраго Россїйскаго Героя. т. II. стр. 184.
Прекрасны лѣтни дни сїяя на исходѣ. т. I. стр. 210.
Природа какъ Тебя на свѣтъ производила. т. I. стр. 316.
Противнѣе нигдѣ чудовищъ оныхъ нѣтъ. т. I. стр. 160.

Расторгни смертны узы, Гекторъ. т. I. стр. 173.
Россїю предпрїявъ ущедрить небеса. т. II. стр. 179.
Россїя вознося главу на высоту. т. II. стр. 116.
Россїя нѣкогда чрезъ грозную судьбину. т. II. стр. 128.
Россїя посмотри на ту щастливу ночь. т. I. стр. 195.
Россїя, что тебя за веселъ духъ живитъ. т. I. стр. 63.
Россїйскихъ войскъ хвала ростетъ. т. I. стр. 32.
Россїйско Солнце на восходѣ. т. II. стр. 79.
Рыдайте жалостно руками бейте въ груди. т. I. стр. 171.

Святый и храбрый Князь здѣсь тѣломъ почиваетъ. т. I. стр. 208.
Се образъ изваянъ премудраго Героя. т. I. стр. 205.
Сїяй, о новый годъ, прекрасно. т. II. стр. 236.
Случились вмѣстѣ два Астронома въ пиру. т. II. стр. 225.
Смѣется и поетъ, о звѣздахъ онъ толкуетъ. т. II. стр. 289.
Сойди къ намъ Златоустъ, оставивъ небеса. т. I. стр. 318.
Спасибо за грибы, челомъ за ананасъ. т. II. стр. 289.
Среди прекраснаго Россїйскаго Раѧ. т. I. стр. 320.
Старается во снѣ свой голодъ утолить. т. I. стр. 167.
Суди обидящихъ, Зиждитель. т. I. стр. 300.
Съ младыми пальмами спокойныхъ нашихъ дней. т. I. стр. 211.
Съ Сотиномъ — что за вздоръ? — Аколастъ примирился. т. II. стр. 158.

Такъ нынѣ новый годъ къ намъ щастїе приводитъ. т. I. стр. 190.
Твоей короны зданїе, Монархиня, пускай стоитъ. т. I. стр. 179.
Тѣ войско, ты совѣтъ. т. I. стр. 190.

Ты миромъ и войной въ подсолнечной сїяешь. т. I. стр. 142.
Ты счастливъ сею красотою. т. II. стр. 282.

Увидѣвъ Аполлонъ въ мѣди изображенный. т. II. стр. 152.
Увидѣвъ множество одеждъ и лицъ отмѣнныхъ. т. I. стр. 316.
Ужѐ врата отверзло лѣто. т. I. стр. 101.
Уже всходя заря на землю сыплетъ блескъ. т. I. стр. 161.
Ужѐ прекрасное свѣтило. т. I. стр. 111.
Ужѐ югъ влажными крилами вылѣтаетъ. т. I. стр. 165.
Ужь Илїонъ лежитъ, Гречанкамъ ненавистный. т. I. стр. 168.
Ужь слава по градамъ быстро течетъ Ливїйскимъ. т. I. стр. 160.
Умножь теперь свой гнѣвъ и будь бодра какъ прежде. т. I. стр. 173.
Устами движетъ Богъ; я съ нимъ начну вѣщать. т. I. стр. 167.

Фортуну вижу я въ тебѣ или Венеру. т. II. стр. 285.

Хвалите Господа всея земли языки. т. I. стр. 154.
Хвалу всевышнему владыкѣ. т. I. стр. 153.
Хотя по царствамъ Римъ поверженнымъ ступалъ. т. II. стр. 144.
Хотя счастливыя военныя дѣла. т. II. стр. 106.

Царей и царствъ земныхъ отрада. т. I. стр. 145.

Четыре родъ вѣнца Елисаветѣ далъ. т. I. стр. 292.
Чрезъ пространно море рукѝ простираю. т. I. стр. 168.
Что воздухъ тихъ стоитъ по толь бурливыхъ дняхъ. т. II. стр. 88.
Что дѣлать мнѣ теперь? презрѣнной отъ Троянъ. т. I. стр. 161.
Что? развѣ ты понесъ о Турнъ труды вотще. т. I. стр. 163.

Щастливая звѣзда на Горизонтъ блистала. т. I. стр. 293.
Щедротъ источникъ, Ангелъ мира. т. II. стр. 159.

Явивъ щастливую премѣну. т. I. стр. 180.
Я долго размышлялъ и долго былъ въ сомнѣньѣ. т. II. стр. 224.
Я знакъ бессмертія себѣ воздвигнулъ. т. I. стр. 164.
Я мужа бодраго изъ давныхъ лѣтъ имѣла. т. II. стр. 287.
Я мщеніемъ грозилъ, и огорчилъ словами. т. I. стр. 159.

Опечатки.

Страница.	*Стихъ.*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
1	8	твоихъ	Твоихъ
13	209	чрезъ	черезъ
64	1292	Волею	волею
87	218	клонитъ	клонитъ,
95	166	подаютъ	падаютъ
104	8	прїяло	прїяла
203	631	ерешиковъ	еретиковъ
233	215	заглушаютъ	заглушаетъ